3 1761 07977910 4

E656B
.R

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

Sobranie sochineny ..

Kn. 4-6
(Збр. in lv.)

НАШЕСТВІЕ

ИЛИ

ЮРОДИВЫЙ ІЕГОФЪ

37c

L'INVASION

OU

LE FOU YÉGOF (etc.)

c kn. 4.

491644

12. 5. 49

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

PQ
2238
I617

I.

Если вы желаете познакомиться съ исторіей великаго нашествія 1814 г., то я вамъ разскажу ее такъ, какъ я самъ слышалъ отъ стараго охотника Франца изъ Генгста. Прошу васъ перенестись въ деревню Шармъ въ Вогезы. Десятка три домиковъ, поросшихъ мхомъ, тянутся вереницею вдоль Сарры; передъ вами мелькаютъ крыши, покрытыя желтѣющими вѣтвями дикаго винограда и жимолости,—потому что подходитъ зима,—разбрасываются ульи, заткнутые пучками соломы, маленькіе палисадники, изгороди, заборы, отдѣляющіе ихъ другъ отъ друга. Налѣво, на высокой горѣ, возвышаются древнія развалины замка Фалькенштейнъ, разрушеннаго шведами за двѣсти лѣтъ до нашего времени. Онъ обратился теперь въ груду развалинъ, поросшихъ бурьяномъ. Пробираясь между рядами сосенъ, къ нему ведетъ лѣсная заброшенная дорога, съ полусгнившими ступеньками. Направо, на берегу, виднѣется ферма Дубоваго Лѣса: это просторное мѣсто, застроенное ригами, конюшнями, сараями съ плоскими черепичными крышами, которыя защищаютъ ферму отъ сѣвернаго вѣтра. Кое-гдѣ между кустами бродятъ коровы, а по скаламъ виднѣются козы.

Все это мирно, молчаливо.

У опушки лѣса толпятся ребятишки въ сѣрыхъ, холщевыхъ панталонахъ, босые и съ непокрытыми головами; они грѣются у маленькихъ костровъ; въ воздухѣ вьются кольца голубого дыма, а сплошныя, бѣлыя и сѣрыя тучи стоятъ неподвижно надъ долиною; за этими тучами возвышаются безплодныя вершины Гросмана и Донона.

Надо сказать, что послѣдній домъ въ деревнѣ, съ прямоугольной крышей и двумя слуховыми окнами, съ воротами, выходя-

щими на грязную улицу, принадлежалъ въ 1813 г. Жану Клоду Юллену, старому волонтеру 92-го полка, который въ то время былъ сапожникомъ въ Шармѣ и пользовался большимъ почетомъ въ деревнѣ. Юлленъ былъ коренастый, мясистый мужчина, съ сѣрыми глазами, толстыми губами, короткимъ приплюснутымъ носомъ и густыми посѣдѣлыми бровями. Нрава онъ былъ веселаго и кроткаго и ни въ чемъ не отказывалъ своей дочери Луизѣ, дѣвочкѣ, которую онъ когда-то давно взялъ у этихъ несчастныхъ Heimatlos'овъ *) лудильщиковъ и кузнецовъ—людей, не имѣющихъ ни кола, ни двора и бродящихъ изъ одной деревни въ другую, чтобы лудить кастрюли, передѣлывать ложки и чинить худую посуду. Онъ считалъ ее родною дочерью и даже будто забылъ, что она была чужого племени. Кромѣ этой натуральной привязанности, у честнаго малаго были еще и другія: онъ любилъ больше всѣхъ свою двоюродную сестру, старую фермершу Дубового Лѣса, Катерину Лефеврь, и ея сына Гаспара, который былъ взятъ въ рекруты въ послѣднюю конскрипцію; этотъ красивый молодой человѣкъ былъ женихомъ Луизы, и все семейство ожидало его возвращенія по исходѣ кампаніи.

Юлленъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о своихъ походахъ въ Италію, въ Египетъ, на Самбру и Мезу. Онъ часто раздумывалъ о нихъ и порою подъ вечеръ, покончивъ работу, отправлялся на Вальтенскую пильную мельницу, построенную изъ древесныхъ пней, еще покрытыхъ корою, и мрачно выглядывавшую изъ глубины ущелья. Тутъ онъ садился вмѣстѣ съ дровосѣками и угольщиками къ пылавшему огню и, опершись рукою на колѣно, не выпуская трубки изо рта, принимался разсказывать имъ, подъ шумъ тяжелаго колеса, подъ грохотъ воды и острый звукъ пилы, о Клеберѣ, Гоше и о генералѣ Бонапартѣ, котораго онъ видалъ разъ сто; онъ описывалъ такъ живо его худое лицо, его проницательные глаза, его орлиный профиль, что слушателямъ казалось, будто онъ стоитъ передъ ними.

Вотъ каковъ былъ Жанъ Клодь Юлленъ. Это былъ человѣкъ стараго галльскаго племени; онъ любилъ необыкновенныя приключенія, геройскія предпріятія, но чувство долга держало его за работою съ самаго новаго года до дня св. Сильвестра включительно.

---

*) Безродный,—такъ обычно называютъ эльзасцы этихъ бродячихъ кустарей.

Луиза—дитя безъ роду и племени, была нѣжное и стройное существо, съ тонкими изящными руками, съ свѣтлыми голубыми глазами, которые такъ и ласкали васъ своимъ вкрадчивымъ взглядомъ, съ свѣжимъ бѣлымъ личикомъ, съ шелковистыми волосами и станомъ, слегка нагнутымъ напередъ, какъ у молящейся отроковицы. Своею дѣтскою улыбкою, своимъ мечтательнымъ челомъ и всею своею фигурою она напоминала старую пѣсню миннезингера Эргарта, въ которой говорится: «Передо мною мелькнулъ лучъ солнца, мои глаза еще до сихъ поръ ослѣплены имъ... Не луна ли это глянула на меня сквозь листву? Не заря ли это зажглась въ чащѣ лѣса? Нѣтъ... то прошла передо мною моя краса, моя Эдита... Я взглянулъ на нее, и мои глаза еще до сихъ поръ ослѣплены ею».

Луиза только и любила, что поля, сады и цвѣты. Она плакала отъ восторга весною, когда раздавались въ воздухѣ первыя пѣсни жаворонка. Она слѣдила за цвѣтеніемъ васильковъ и боярышника, растущаго въ прибрежныхъ кустахъ; она чутко сторожила возвращавшихся ласточекъ, которыя снова принимались вить гнѣзда надъ ея окномъ. Въ ней попрежнему сказывалось бездомное дитя бродягъ и скитальцевъ; только теперь она была менѣе дика. Юлленъ извинялъ ей все: онъ понималъ ея характеръ и подчасъ говорилъ ей шутя:

— Луиза, если бы мы жили одной твоей добычей, твоими огромными букетами цвѣтовъ и золотистыхъ колосьевъ, то намъ дня черезъ три пришлось бы умереть съ голоду.

Въ отвѣтъ на это она улыбалась ему такъ ласково и такъ нѣжно цѣловала его, что онъ говорилъ про себя, снова принимаясь за работу:

— Ну, чего же я разворчался. Она права, она любитъ солнце... Гаспаръ будетъ работать за двоихъ и счастливъ будетъ за четверыхъ... Я не тужу о немъ, напротивъ того... Мало ли работающихъ женщинъ, ихъ сыскать не трудно; и вѣдь отъ этого онѣ не становятся лучше; но любящихъ женщинъ... какое счастье найти такую женщину, какое счастье.

Такъ разсуждалъ нашъ честный Юлленъ, а дни, недѣли и мѣсяцы проходили въ ожиданіи скораго возвращенія Гаспара. Старушка Лефевръ, женщина замѣчательно энергичная, была согласна съ Юлленомъ насчетъ Луизы.

— Мнѣ нужна только дочь, которая бы любила насъ,—го-

ворила она; — я вовсе не хочу, чтобы она мѣшалась въ мое хозяйство, лишь бы только была счастливой. Ты меня не станешь стѣснять, не правда ли, Луиза?—И онѣ обнимали другъ друга.

А Гаспаръ все не возвращался, и въ послѣдніе два мѣсяца о немъ не было никакого слуха.

И вотъ въ половинѣ декабря 1813 года, въ четвертомъ часу пополудни, Юлленъ сидѣлъ надъ своею работою и кончалъ пару деревянныхъ башмаковъ для дровосѣка Ропара; Луиза поставила глиняную кастрюлю въ печку, въ которой трещалъ и жалобно свистѣлъ огонь; старые стѣнные часы отмѣчали каждую секунду своимъ однообразнымъ постукиваніемъ. На дворѣ, вдоль по всей улицѣ стояли небольшія лужи, покрытыя корою бѣлаго, хрупкаго льда, которыя, обыкновенно, предвѣщаютъ большіе холода. Вдругъ по замерзлой землѣ застучатъ деревянные сапоги, промелькнетъ мимо окна пуховая шляпа, капюшонъ или теплая шапка, потомъ стукъ замретъ въ отдаленіи, и снова яснѣе слышится жалобный трескъ сырого хвороста въ печи, жужжаніе Луизиной прялки и кипѣніе воды въ мискѣ. Такъ прошло два часа. Вдругъ случайно взглянувъ въ маленькое окно, Юлленъ оставилъ работу, вытаращилъ глаза и будто погрузился въ созерцаніе необычайнаго зрѣлища.

Толпа свистящихъ, прыгающихъ мальчишекъ, кричавшихъ во все горло: «Бубновый король, бубновый король», окружала человѣка, очень страннаго на видъ, который въ эту минуту поворачивалъ за уголъ улицы и медленно направлялся къ тавернѣ «Трехъ Голубей». Представьте себѣ человѣка съ рыжими волосами и такою же бородою, съ важнымъ лицомъ, мрачнымъ выраженіемъ глазъ, прямымъ носомъ и сросшимися на серединѣ лба бровями; жестяной обручъ сжималъ его голову, сѣрая мохнатая собачья шкура моталась у него за спиною, а обѣ переднія лапы были завязаны спереди около шеи; на груди у него висѣли въ видѣ брелоковъ маленькіе мѣдные кресты; сѣрыя холщевыя панталоны были подвязаны у щиколки, а ноги были босы. На плечѣ у него сидѣлъ большой воронъ съ черными крыльями, слегка отливавшими бѣлымъ цвѣтомъ. Глядя на его величественную походку, можно было принять его за одного изъ тѣхъ древнихъ королей, которые изображены на Монбельярскихъ картинахъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ толстую короткую

палку, на подобіе скипетра, а другою рукою дѣлалъ повелительные жесты; онъ поднималъ палецъ къ небесамъ и обращался съ рѣчью къ своей свитѣ. Когда онъ проходилъ, всѣ двери отворялись передъ нимъ; у всѣхъ оконъ тѣснились любопытныя лица. Стоя на крыльцѣ своихъ домиковъ, старушки зазывали къ себѣ юродиваго, который даже не удостаивалъ повернуть къ нимъ свою голову; другіе выходили на улицу и старались загородить ему дорогу, но онъ отстранялъ всѣхъ однимъ жестомъ, однимъ словомъ и шелъ впередъ, сдвинувъ брови и гордо поднявъ голову.

— А, — сказалъ Юллешъ. — это Іегофъ. Не думалъ я, что увижу его нынѣшнею зимою. Это не въ его привычкахъ. Какой чертъ занесъ его къ намъ въ такое время.

Луиза оставила свою прялку и поспѣшила взглянуть на буйноваго короля. Приходъ юродиваго Іегофа въ началѣ зимы былъ просто-на-просто событіемъ; появленіе его радовало однихъ, потому что они надѣялись задержать и выспросить у него исторію его похожденій и подвитовъ въ различныхъ кабакахъ; другіе, особенно женщины, чувствовали неопредѣленную тревогу, потому что, какъ всѣмъ извѣстно, юродивые знаютъ всякія сокровенныя вещи: имъ извѣстно прошедшее и будущее.—они вдохновляются свыше; вся штука состоитъ только въ томъ, чтобы понимать ихъ, какъ слѣдуетъ, потому что ихъ слова всегда имѣютъ два смысла: одинъ грубый, понятный обыкновеннымъ людямъ, другой — глубокій, доступный чуткимъ и мудрымъ душамъ.

Впрочемъ, у этого юродиваго были дѣйствительно необыкновенныя и высокія мысли, и этимъ онъ превосходилъ свою братію. Никто не зналъ, откуда онъ пришелъ, куда идетъ и чего хочетъ, потому что Іегофъ постоянно скитался по всему краю, какъ осужденная душа; онъ толковалъ о вымершихъ племенахъ и считалъ себя царемъ Австраліи, Полинезіи и другихъ земель. Можно было написать цѣлые томы о его замкахъ, дворцахъ и крѣпостяхъ; число, расположеніе ихъ и архитектуру онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей: величину, красоту и богатство ихъ онъ воспѣвалъ самымъ скромнымъ и смиреннымъ образомъ. Онъ бесѣдовалъ о своихъ конюшняхъ, о своихъ охотахъ, придворныхъ слугахъ, министрахъ, совѣтникахъ, намѣстникахъ провинцій: онъ никогда не путалъ ихъ именъ и не ошибался насчетъ

ихъ достоинствъ, но горько жаловался на то, что проклятое племя низложило его, а старая повивальная бабка Сапіенція Коклесъ заливалась горючими слезами каждый день, когда ей приходилось выслушивать его жалобы по поводу постигшаго его несчастія: въ этомъ не отставали отъ нея и многіе другіе.

Тогда, поднявши руки къ небесамъ, Іегофъ восклицалъ:

— О, женщины, о, женщины. Помните, помните... Часъ близокъ... духъ тьмы отступаетъ. Старое племя, господа вашихъ господъ, приближается подобно морскимъ волнамъ.

Онъ имѣлъ привычку бродить каждую весну по старымъ совинымъ гнѣздамъ, по древнимъ замкамъ и по всѣмъ развалинамъ, возвышавшимся на Вогезскихъ горахъ; бывалъ онъ и въ глубинѣ лѣсовъ, въ Нидекѣ, въ Герольдсекѣ, въ Люцельбургѣ, въ Тюркштейнѣ, а потомъ увѣрялъ, что обошелъ своихъ вассаловъ, толковалъ о возстановленіи прежняго величія своихъ владѣній и о подчиненіи возмутившихся народовъ, съ помощью своего двоюроднаго брата великаго Голо.

Жанъ Клодъ Юлленъ трунилъ надъ этими разсказами, умъ его былъ не настолько гибокъ, чтобы заноситься въ невѣдомыя сферы; но Луизу все это крайне смущало, особенно, когда воронъ махалъ крыльями и издавалъ свой пронзительный крикъ.

Іегофъ шелъ внизъ по улицѣ, нигдѣ не останавливаясь, а взволнованная Луиза, видя, что онъ посматриваетъ на ихъ домикъ, заговорила, обращаясь къ Юллену:

— Отецъ, онъ, кажется, идетъ къ намъ.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Юлленъ.—Бѣдняга, въ такой холодъ, ему бы очень не мѣшало завести пару мѣховыхъ сапогъ; но правдѣ сказать, если онъ попроситъ ихъ у меня, мнѣ не хотѣлось бы отказать ему.

— Какъ ты добръ, — сказала молодая дѣвушка, нѣжно обнимая его.

— Да, да, знаю я тебя; ты ко мнѣ ласкаешься, потому что я все дѣлаю по твоему,—говорилъ онъ, смѣясь.—Кто мнѣ заплатитъ за матеріалъ и за работу? Вѣдь, не Іегофъ же...

Луиза опять обняла его, и Юлленъ, поглядѣвъ на нее, пробормоталъ:

— Эта монета стоитъ всякой другой.

Въ эту минуту Іегофъ былъ шагахъ въ пятидесяти отъ домика, и шумъ все усиливался. Цѣпляясь за полы его куртки, мальчишки

кричали: «Бубны, пики, трефы». Вдругъ онъ повернулся къ нимъ, поднялъ свою дубину и несмотря на свое бѣшенство крикнулъ имъ съ большимъ достоинствомъ:

— Разступись, проклятое племя... разступись... не оглушай меня... не то я спущу на тебя всю стаю моихъ дворняшекъ...

Свистки и взрывы хохота только усилились послѣ этой угрозы, но такъ какъ въ эту минуту на порогѣ показался Юленъ со своею длинной плеткой и, обратившись къ пяти или шести изъ самыхъ отчаянныхъ крикуновъ, объявилъ имъ, что въ тотъ же вечеръ за ужиномъ выдеретъ ихъ за вихры, что онъ дѣлалъ уже не разъ съ согласія родителей,—то толпа, сконфуженная встрѣчею, немедленно разсыпалась. Обратившись къ юродивому, сапожникъ сказалъ ему:

— Войди, Іегофъ, погрѣйся у огня.

— Я не Іегофъ, — отвѣчалъ юродивый обиженнымъ тономъ.—меня зовутъ Люитпрандомъ, королемъ Австразіи и Полинезіи.

— Да, да, знаю, знаю,—сказалъ Жанъ Клодь,—ты мнѣ уже разсказывалъ все это. Да, наконецъ, какъ бы тебя ни звали—Іегофомъ или Люитпрандомъ—все-таки войди. На дворѣ холодно, обогрѣйся у меня.

— Иду,—отвѣчалъ юродивый,—но у меня есть дѣло гораздо важнѣе, государственное дѣло... Надо заключить неразрывный союзъ между германцами и трибоками.

— Ладно... Мы объ этомъ потолкуемъ.

Іегофъ нагнулся, чтобы войти въ дверь, и задумчиво привѣтствовалъ Луизу, опустивъ свой скипетръ; но ворону не захотѣлось въ комнату; распустивъ свои большія выгнутыя крылья, онъ описалъ большой кругъ около хижины и со всего размаха ударился о стекла, будто намѣреваясь разбить ихъ.

— Берегись, Гансъ!—крикнулъ на него юродивый.—Я иду!

Но птица продолжала держаться своими когтями за оловянныя петли и не переставала махать подъ окномъ своими большими крыльями, пока ея хозяинъ оставался въ домѣ. Луиза не спускала съ нея глазъ; она боялась ее.

А Іегофъ въ это время усѣлся около печки на старое кожаное кресло, какъ на тронъ, вытянулъ ноги и, съ гордостью оглядываясь кругомъ, заговорилъ:

— Я пришелъ прямымъ путемъ изъ Іеромен, чтобы заклю-

чить съ тобою союзъ, Юлленъ. Тебѣ извѣстно, конечно, что я удостоилъ бросить милостивый взглядъ на твою дочь, а теперь я прошу ее себѣ въ жены.

При этомъ предложеніи Луиза покраснѣла до ушей, а Юлленъ расхохотался, поджавъ животики.

— Ты смѣешься!—вскричалъ юродивый сдавленнымъ голосомъ.—Нечему тутъ смѣяться... Одинъ этотъ союзъ только и можетъ спасти отъ угрожающей гибели тебя, твой домъ и всѣхъ твоихъ близкихъ... Въ эту самую минуту сюда подступаютъ мои войска... имъ нѣтъ числа... они покрываютъ землю... Гдѣ же вамъ бороться противъ меня? Вы будете побѣждены, уничтожены или порабощены, какъ были порабощены въ теченіе многихъ вѣковъ, потому что я Люитпрандъ, король Австразіи и Полинезіи, что все должно повернуть къ прежнему порядку... Помни это.

Юродивый торжественно поднялъ руку и продолжалъ:

— Вспомни, что было... Вы были разбиты... А мы, древнія сѣверныя племена, мы наступили вамъ на голову... Мы навьючили васъ самыми тяжелыми камнями и заставили васъ строить наши укрѣпленные замки и наши подземныя тюрьмы... Мы гнали васъ въ наши сохи, и вы гнулись передъ нами, какъ солома передъ бурей... Помни, помни все это, трибокъ, и трепещи!

— Я прекрасно помню все это,—сказалъ Юлленъ, не переставая смѣяться,—но вѣдь мы же отмстили... Ты знаешь.

— Да, да,—прервалъ юродивый, сдвинувъ брови,—но это время прошло. Мои воины многочисленнѣе, чѣмъ листья на лѣсныхъ деревьяхъ... и ваша кровь течетъ, какъ ключевая вода... Я знаю тебя, знаю уже болѣе тысячи лѣтъ.

— Вотъ каковъ ты!—проговорилъ Юлленъ.

— Да, эта рука, слышишь ли, эта рука побѣдила тебя, когда мы въ первый разъ пришли въ ваши лѣса... Она пригнула твою голову подъ ярмо и опять пригнетъ ее! Вы храбры, и потому думаете, что навсегда стали повелителями всей Франціи... Такъ нѣтъ же, вы ошибаетесь! Мы подѣлили васъ и подѣлимъ снова: Эльзасъ и Лотарингію мы отдадимъ Германіи, Бретань и Нормандію—сѣвернымъ людямъ, Фландрію и югъ—Испаніи. Вокругъ Парижа мы оснуемъ маленькое Парижское Королевство, очень маленькое королевство, во главѣ котораго станетъ пото-

мокъ древней королевской династіи... Тогда вы и не шевельнетесь... Какъ вы будете смирны... Хе, хе, хе!

И юродивый расхохотался.

Юлленъ, ничего не смыслившій въ исторіи, только дивился, что юродивый зналъ столько именъ.

— Да брось ты все это, Іегофъ,—сказалъ онъ,—и погрѣй себѣ животъ и поѣшь супу.

— Не супу я у тебя прошу, а прошу себѣ въ жены эту дѣвушку... Во всѣхъ моихъ владѣніяхъ нѣтъ женщины красивѣе ея... Отдай мнѣ ее добромъ, и я приближу тебя къ своему престолу; а не отдашь, такъ мои возьмутъ ее силой, и ты лишишься чести отдать мнѣ ее добровольно.

Говоря это, несчастный глядѣлъ на Лунзу съ выраженіемъ глубокаго восторга.

— Какъ она хороша!—проговорилъ онъ.—Я предназначаю ее къ величайшимъ почестямъ... Радуйся, отроковица, радуйся... ты будешь королевой Австразіи.

— Послушай, Іегофъ,—сказалъ Юлленъ,—твое предложеніе, разумѣется, очень лестно; оно доказываетъ, что ты умѣешь цѣнить красоту... Все это прекрасно, но дочь моя уже помолвлена за Гаспара Лефевра.

— А я ничего этого и знать не хочу!—закричалъ юродивый гнѣвнымъ тономъ.

Потомъ онъ всталъ и проговорилъ, снова принимая свой торжественный тонъ:

— Юлленъ, это мое первое предложеніе: я возобновлю его еще два раза, слышишь ли, еще два раза? И если ты не перестанешь упрямиться — горе тебѣ! Горе тебѣ и всему твоему роду!..

— Какъ ты не хочешь супу?

— Нѣтъ, нѣтъ,—заревѣлъ юродивый,—я ничего не приму отъ тебя, пока ты не согласишься!.. Ничего, ничего!..

И, къ великому удовольствію Лунзы, которая все смотрѣла на ворона, бившаго крыльями подъ окномъ, Іегофъ направился къ двери, махнулъ своей палицей и, повторивъ—«Еще два раза», вышелъ на улицу.

Юлленъ расхохотался до упаду.

— Бѣдняга,—сказалъ онъ,—а вѣдь самъ все такъ и поглядывалъ на миску съ супомъ... Желудокъ-то у него пустъ... обык-

щалъ онъ до того, что весь раздѣть, зубъ на зубъ не попадаетъ... Такъ нѣтъ же! Дурь-то пересилила и голодъ и холодъ!

— Господи, какъ онъ меня напугалъ!—сказала Луиза

— Это все пустяки, дитя мое, успокойся... Онъ вѣдь ушелъ. Несмотря на все свое юродство, онъ находитъ, что ты хороша; чего же тутъ пугаться.

Но Луиза все еще дрожала и краснѣла, вспоминая, какъ глядѣлъ на нее несчастный юродивый.

А Іегофъ пошелъ по Вальтенской дорогѣ. Онъ удалялся съ важнымъ видомъ, неся ворона на плечѣ и дѣлая странныя тѣлодвиженія, хотя возлѣ него не было рѣшительно никого. Наступала ночь; вскорѣ высокая фигура «Бубноваго короля» слилась съ сѣроватыми оттѣнками зимнихъ сумерекъ и окончательно исчезла изъ виду.

II.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, Луиза взяла свою прялку и отправилась въ гости къ теткѣ Рошаръ, у которой собирались и просиживали чуть не до полуночи женщины и молодыя дѣвушки изъ сосѣднихъ деревень. Разсказывали здѣсь старыя преданія, толковали о дождѣ, о погодѣ, о свадьбахъ, о крестинахъ, о наборахъ и о возвращеніи рекрутовъ... Да мало ли о чемъ толковали. А подъ этотъ говоръ время утекало быстро и пріятно.

Юлленъ остался одинъ; сидя передъ своею маленькою мѣдною лампой, онъ оковывалъ деревянные сапоги стараго дровосѣка; онъ уже и не думалъ о юродивомъ Іегофѣ; молотокъ его то поднимался, то опускался, вколачивая крупные гвозди въ толстыя деревянныя подошвы, и все это дѣлалось какъ-то машинально, по силѣ привычки. А въ это время тысячи мыслей бродили въ его головѣ; онъ былъ задумчивъ, самъ не зная отчего. Онъ думалъ то о Гаспарѣ, который давно уже не присылалъ о себѣ никакой вѣсточки, то о кампаніи, которая тянулась непомѣрно долго. Лампа освѣщала своимъ желтоватымъ свѣтомъ закопченныя стѣны комнаты. На улицѣ ничто не шевелилось. Огонь потухалъ; Жанъ-Клодъ всталъ, чтобы подбросить полѣно въ печь; потомъ опять усѣлся на прежнее мѣсто и пробормоталъ:

— Вѣдь кончится же это когда-нибудь... мы непремѣнно на-дняхъ получимъ письмо.

Старые часы пробили девять. Гулленъ снова принялся за работу, но въ это время отворилась дверь, и на порогѣ появилась Катерина Лефевръ, фермерша «Дубоваго Лѣса», что очень удивило сапожника, потому, что онъ зналъ, что она никогда не выходила изъ дому въ такое позднее время.

Катринѣ Лефевръ было лѣтъ шестьдесятъ, но она была еще здорова и прямa, какъ тридцатилѣтняя женщина; что-то мрачное и горькое сказывалось въ ея впалыхъ щекахъ и въ губахъ, сжатыхъ подъ вліяніемъ заботы. Двѣ-три пряди желтоватыхъ, сѣдыхъ волосъ спускались вдоль ея висковъ; на головѣ у нея былъ надѣтъ коричневый полосатый капюшонъ, покрывавшій ея плечи и доходившій до локтей. Во всей ея фигурѣ сказывался твердый, настойчивый характеръ, а въ манерахъ было что-то величественное и грустное, что внушало уваженіе и страхъ.

— Неужели это вы, Катерина? — сказалъ удивленный Юлленъ.

— Да, это я, — спокойно отвѣчала старуха. — Я хочу съ вами потолковать Жанъ-Клодъ... Луиза вышла?

— Она пошла на посидѣлки къ теткѣ Рошаръ.

— Тѣмъ лучше.

Катерина откинула свой капюшонъ и усѣлась возлѣ станка. Юлленъ пристально смотрѣлъ на нее; ему чудилось въ ней что-то необычайное и таинственное, и это смущало его.

— Въ чемъ же дѣло?—спросилъ онъ, прибирая молотокъ.

Не отвѣчая на этотъ вопросъ, старуха посмотрѣла на дверь и съ минуту прислушивалась, но ничего не было слышно; на лицѣ ея снова появилось прежнее задумчивое выраженіе, и она сказала:

— Юродивый Іегофъ ночевалъ прошлую ночь на фермѣ.

— Онъ заходилъ и ко мнѣ сегодня, послѣ обѣда,—сказалъ Юлленъ совершенно равнодушно, не придавая этому случаю особеннаго значенія.

— Да,—продолжала она шопотомъ,—онъ ночевалъ у насъ, и вчера вечеромъ въ этотъ самый часъ, въ кухнѣ при всѣхъ, этотъ юродивый разсказалъ намъ страшныя вещи!

Она молчала, и губы ея сжались еще крѣпче.

— Страшныя вещи? — пробормоталъ Юллень, удивляясь все болѣе и болѣе, потому что онъ еще никогда не видалъ сосѣдку въ такомъ волненіи.—Да что же онъ разсказывалъ, Катерина,—говорите, что?

— Мои собственные сны!

— Сны?.. Вы вѣрно хотите поднять меня на смѣхъ?

— Нѣтъ.

Потомъ, помолчавъ съ минуту, она медленно продолжала, глядя на изумленнаго Юллена:

— Вчера вечеромъ, послѣ ужина, всѣ наши люди собрались у насъ въ кухнѣ у очага; столъ еще былъ накрытъ и на немъ стояли и лежали пустыя чашки, тарелки и ложки. Іегофъ ужиналъ съ нами и всѣхъ потѣшалъ разсказами о своихъ дворцахъ, сокровищахъ и владѣніяхъ. Было часовъ девять; юродивый усѣлся у ярко-пылавшаго огня... Мой батракъ Дюшенъ перетягивалъ сѣдло Брюно, пастухъ Рабенъ плелъ корзину, Анпушка уставляла горшки на полку; я пододвинула прялку къ печкѣ, чтобы еще попрясть на сонъ грядущій. На дворѣ собаки лаяли на мѣсяцъ; должно быть холодъ былъ порядочный. Сидѣли мы такъ всѣ вмѣстѣ и толковали о зимѣ; Дюшенъ говорилъ, что она будетъ сурова, потому что онъ видѣлъ огромныя стаи гуссй. А воронъ Іегофа, сидя на окраинѣ очага, забилъ свою голову подъ растопыренныя крылья и какъ будто спалъ; но по временамъ онъ вытягивалъ шею, приглаживалъ клювомъ перья, озирался на насъ, слушалъ съ минуту и опять пряталъ голову подъ крыло.

Старуха смолкла на минуту, будто стараясь собраться съ силами; она потупилась, ея большой крючковатый носъ чуть не коснулся ея губъ, и странная блѣдность разлилась по ея лицу.

— Что же это она хочетъ разсказать?—думалось Юллену.

Старуха продолжала:

— Сидя у очага въ своей жестяной коронѣ, съ своею короткой палицей, Іегофъ о чемъ-то мечталъ. Онъ глядѣлъ на большую закоптѣлую трубу, на большой каменный колпакъ, на которомъ были высѣчены деревья и люди, на дымъ, клубившійся большими кольцами вокругъ окороковъ ветчины. Вдругъ, когда мы почти совсѣмъ забыли про него, онъ ударилъ концомъ палки по полу и вскрикнулъ, какъ во снѣ:

— «Да, да, я это видѣлъ... давно... давно!» Мы посмотрѣли на него съ изумленіемъ, а онъ продолжалъ:—«Въ то время сосновые лѣса были дубовыми. Тогда не существовало ни Нидена, ни Дагсберга, или Фалькенштейна, ни Герольдсека, ни одного изъ старинныхъ замковъ, которые теперь лежатъ въ развалинахъ. Въ тѣ времена въ лѣсахъ охотились за дикими буйволами, въ Саррѣ ловили семгу, а вы, бѣлобрысые люди, погребенные въ снѣгахъ цѣлые шесть мѣсяцевъ, питались молокомъ и сыромъ, потому что у васъ были большія стада на Гепгстѣ, Шнебергѣ, Гросманѣ и Донопѣ. Лѣтомъ вы охотились, спускаясь къ Рейну, къ Мозелю и Маасу; я помню все это!»

— Странное дѣло, Жанъ-Клодъ; по мѣрѣ того, какъ юродивый говорилъ, мнѣ казалось, что я переношусь въ эти страны, что припоминаю ихъ, какъ во снѣ... Веретено выпало у меня изъ рукъ, а старый Дюшенъ, Робенъ, Аннушка, всѣ слушали.—«Да, давно все это было,—снова заговорилъ юродивый.—Въ тѣ времена вы уже строили эти огромныя печи и окружали клочекъ земли въ двѣсти-триста шаговъ частоколомъ въ пятнадцать футовъ вышины, съ обожженными верхушками... А за этимъ частоколомъ вы держали своихъ вислогубыхъ собакъ, которыя лаяли днемъ и ночью».

— Мы видѣли все, что онъ говорилъ, Жанъ-Клодъ. Онъ, повидимому, не обращалъ на насъ никакого вниманія, а глядѣлъ, разинувши ротъ, на фигуры, украшавшія колпакъ очага; но черезъ минуту нагнулъ голову и, замѣтивъ, что мы его слушаемъ, захохоталъ, какъ помѣшанный, и воскликнулъ:—«И въ тѣ времена вы, бѣлокурые люди съ бѣлымъ тѣломъ и голубыми глазами, вскормленные молокомъ и сыромъ и пившіе кровь только по осени, во время большихъ охотъ, вы считали себя властителями страны, обладателями этихъ долинъ и горъ; но пришли мы, рыжіе люди съ зелеными глазами, пришли изъ-за моря... Мы постоянно пили кровь и любили только битву. Въ одно прекрасное утро мы поднялись вверхъ по теченію Саррѣ, подъ тѣнью старыхъ дубовъ, вооруженные топорами и рогатинами!.. Война была лютая и тянулась она недѣли, тянулась мѣсяцы... А старуха... вотъ эта...—сказалъ онъ, указывая на меня съ страшною улыбкою,—Маргарита изъ клана Кильбериксовъ, эта старуха съ острымъ носомъ, засѣла за свой часто-

колъ съ собаками и вонами и защищалась, какъ волчица! Но прошло пять мѣсяцевъ, и насталъ голодъ... всѣ бѣжали изъ засады, а мы, притаившись въ оврагѣ, перебили всѣхъ... кромѣ дѣтей и красныхъ дѣвицъ!.. Одна только старуха пережила всѣхъ и защищалась до послѣдней крайности ногтями и зубами. Я, Люитпрандъ, я самъ разсѣкъ ея сѣдую голову и захватилъ въ плѣнъ ея слѣпого отца, старика изъ стариковъ, котораго я посадилъ на цѣпь, у воротъ своего замка!»

— Послѣ этого, Юлленъ,—продолжала старуха, склонивъ голову,— юродивый запѣлъ длинную пѣсню —жалобу старика, привязаннаго у его двери. Постойте, дайте припомнить... Эта пѣсень была печальна, какъ похоронное пѣніе! Никакъ не могу вспомнить, но она все еще раздается у меня въ ушахъ: отъ нея кровь стынетъ въ жилахъ. Онъ все хохоталъ, но, наконецъ, наши люди страшно закричали: они вышли изъ себя отъ злости. Старикъ Дюшенъ бросился на юродиваго и хотѣлъ придушить его; но онъ оказался сильнѣе, чѣмъ мы думали: оттолкнувъ его и поднявъ въ сильномъ бѣшенствѣ свою палку, онъ сказалъ намъ: «На колѣни, рабы, на колѣни! Мои войска надвигаются... Слышите? Слышите, какъ подъ ними стонетъ земля! Эти замки, Индекъ, Го-Барръ, Дагебергъ, Тюркштейнъ. Вы смѣли ихъ отстроить снова... На колѣни!»

Никогда я не видала такого страшнаго лица, какъ лицо Готофа въ эту минуту; но, когда мои люди бросились на него во второй разъ, мнѣ пришлось вступиться за него. —Это юродивый,—сказала я имъ:—не стыдно ли вамъ вѣрить словамъ дурака?—Они оставили его; но я не могла сомкнуть глазъ всю ночь. Мнѣ постоянно слышались слова этого несчастнаго. Слышалась мнѣ пѣсень старика, чудился лай собакъ и шумъ битвы. Давно ужъ я не испытала такой тревоги. Вотъ, зачѣмъ я пришла повидаться съ вами. Что вы думаете обо всемъ этомъ, Юлленъ?

— Что я думаю?—спросилъ сапожникъ, и на его красномъ, мясистомъ лицѣ выразилась грустная насмѣшка и жалость.— Если бы я зналъ васъ не такъ коротко, Катерина, я сказалъ бы, что вы рехнулись, что все это мнѣ представляется сказкою Женевьевы Брабантской, исторіею, сочиненною, чтобы пугать маленькихъ дѣтей, и изъ которой можно ясно видѣть глупость нашихъ предковъ.

— Вы этихъ вещей не понимаете, — проговорила старуха

спокойно и важно:—развѣ вамъ никогда не приходили на умъ подобныя мысли?

— Стало быть вы вѣрите тому, что вамъ напѣлъ въ уши Іегофъ?

— Да, вѣрю.

— Ну, полноте, Катерина, вѣдь вы женщина съ здравымъ разсудкомъ. Пусть бы все это говорила тетка Рошаръ... но какъ вамъ-то не стыдно?

Онъ всталъ съ видомъ негодованія, снялъ свой передникъ, пожалъ плечами, потомъ быстро сѣлъ на прежнее мѣсто и сказалъ:

— Знаете ли, что за человѣкъ этотъ юродивый? Я вамъ объясню это. Это навѣрное одинъ изъ тѣхъ нѣмецкихъ учителей, которые набиваютъ себѣ голову разными старыми бабьими сказками и потомъ разсказываютъ ихъ съ самымъ важнымъ видомъ. Они долбятъ, мечтаютъ, переживаютъ, отыскиваютъ вчерашніе дни, наконецъ, у нихъ заходитъ умъ за разумъ; имъ грезятся всякія видѣнія, лѣзетъ въ голову всякая чушь, и, наконецъ, они принимаютъ свои мечты за дѣйствительность. Я всегда считалъ Іегофа именно такимъ горемыкой; онъ знаетъ множество именъ, толкуетъ о Бретаніи и Австразіи, о Полинезіи и Индекѣ, а потомъ о Герольдсекѣ, Тюркштейнѣ, о берегахъ Рейна, наконецъ, болтаетъ обо всемъ наобумъ; оно будто на что-то похоже, но на дѣлѣ все это чепуха одна. Въ обыкновенное время вы согласились бы со мною, Катерина; но вы тоскуете, что нѣтъ извѣстій отъ Гаспара. Ходятъ слухи о войнѣ и нашествіи,—все это мучитъ и тревожитъ васъ... Вы теряете сонъ... и принимаете за евангельскія слова все то, что вамъ разсказываетъ полупомѣшанный чудакъ.

— Нѣтъ, Юлленъ, все это не то... Если бы вы сами слышали Іегофа.

— Полноте, полноте!—вскричалъ онъ.—Если бы я его слышалъ, то посмѣялся бы ему въ глаза, точно такъ же, какъ посмѣялся давеча... Знаете ли, что онъ пришелъ просить себѣ въ жены Луизу и обѣщался сдѣлать ее Австразійскою королевой?

Катерина Лефевръ невольно улыбнулась, но, принявъ тотчасъ же серьезный тонъ, сказала:

— Всѣ ваши доводы не могутъ убѣдить меня, Жанъ-Клодъ; но, признаюсь, меня пугаетъ молчаніе Гаспара... Я знаю его, онъ, конечно, писалъ ко мнѣ, но почему же его письма не дошли ко мнѣ?.. Война идетъ плохо, Юлленъ, всѣ возстали противъ насъ. Никто не хочетъ нашей революціи,—вы знаете это не хуже меня.—Пока мы были сильны, пока одерживали одну побѣду за другою, до тѣхъ поръ намъ кланялись; но съ тѣхъ поръ, какъ намъ не посчастливилось въ Россіи, все пошло вверхъ дномъ.

— Эхъ, эхъ, Катерина, какъ у васъ все путается въ головѣ. Вы все видите въ мрачномъ свѣтѣ.

— Да, я все вижу въ мрачномъ свѣтѣ,—и я права. Больше всего меня безпокоитъ то, что мы не имѣемъ никакихъ извѣстій извнѣ; мы здѣсь живемъ, какъ въ дикой странѣ, ничего не знаемъ о томъ, что дѣлается... Приди къ намъ не нынче, такъ завтра казаки и австрійцы—и мы всѣ будемъ дивиться такой неожиданности.

Юлленъ не спускалъ глазъ со старухи, которая все больше и больше оживлялась, и почувствовалъ, что, помимо собственнаго желанія, онъ и самъ поддается волнующимъ ее опасеніямъ.

— Слушайте, Катерина,—сказалъ онъ вдругъ.—когда вы говорите дѣло, я никогда не противорѣчу вамъ... Все, что вы сказали сейчасъ, конечно, очень возможно... Я этому не вѣрю, но надо узнать, что тамъ происходитъ. Я на этой недѣлѣ собирался въ Пфальсбургъ закупить бараньихъ шкурокъ для отдѣлки сапогъ: я хочу отправиться завтра же. Пфальсбургъ укрѣпленный городъ, тамъ есть и почтамтъ и тамъ можно добиться самыхъ вѣрныхъ извѣстій... Повѣрите ли вы тому, что я тамъ узнаю?

— Да.

— Такъ рѣшено же... Я отправлюсь завтра рано утромъ. До Пфальсбурга 5 миль—я, стало быть, вернусь часамъ къ шести. Вы увидите, Катерина, что всѣ ваши грустныя мысли—сущій вздоръ.

— Давай Богъ, давай Богъ! — отвѣчала фермерша. — Вы немного успокоили меня, Юлленъ. Теперь я пойду домой, на ферму, и, надѣюсь, засну лучше, чѣмъ въ прошлую ночь... Прощайте, Жанъ-Клодъ!

III.

На другой день, чуть только стало свѣтать, Юлленъ надѣлъ праздничныя панталоны изъ толстаго синяго сукна, широкую, темную, бархатную куртку, красный жилетъ съ мѣдными пуговицами, большую пуховую шляпу съ загнутыми вверхъ полями и отправился въ Пфальсбургъ, опираясь на длинную суковатую палку.

Пфальсбургъ — небольшое укрѣпленіе, стоящее поперекъ Императорской дороги изъ Страсбурга въ Парижъ: онъ возвышается надъ Саверномъ, надъ ущельями Го-Барра, Плоской Скалы, Бонъ-Фонтена и Грауфталя. Его бастіоны, его выступы полумѣсяцы образуютъ извилины на скалистой площадкѣ; издали кажется, что нетрудно перешагнуть черезъ его стѣны, но, подойдя поближе, увидишь передъ собою ровъ въ сто футовъ глубины и мрачные валы, высѣченные въ скалѣ. Это сразу останавливаетъ васъ. Впрочемъ, за исключеніемъ церкви, городской думы, двухъ воротъ—французскихъ и германскихъ, выстроенныхъ на подобіе митры, и шпицевъ двухъ торговыхъ погребовъ—все остальное заслоняется гласисами. Таковъ маленькій Пфальсбургъ; онъ не лишенъ даже нѣкоторой величественности, особенно когда перейдешь черезъ мосты и войдешь въ низкія ворота съ желѣзными, зубчатыми опускными рѣшетками. За стѣнами распредѣляются дома правильными кварталами; они низки, выстроены изъ камня и стоятъ рядами; на всемъ лежитъ печать военной дисциплины.

Благодаря своей сильной натурѣ и своему веселому нраву, Юлленъ никогда не опасался за будущее и принималъ всѣ ходившіе по околотку слухи объ отступленіи, пораженіи и вторженіи — за ложь, распускаемую недобросовѣстными людьми. Представьте же себѣ его изумленіе, когда, обогнувъ гору и дойдя до опушки лѣса, онъ увидалъ, что все пространство вокругъ города совершенно обнажено, нигдѣ не было видно ни сада, ни рощи, ни проспектовъ, ни деревца, ни куста, все было расчищено на разстояніи цѣлаго пушечнаго выстрѣла. Кое-гдѣ нѣсколько бѣдняковъ подбирали послѣдніе обломки своихъ домиковъ и сносили ихъ въ городъ. На горизонтѣ только и виднѣлся рядъ валовъ, образовавшихъ темную линію надъ защищенными дорогами. Все это поразило Жана-Клода, какъ

громовой ударъ; нѣсколько минутъ онъ простоялъ на мѣстѣ и не могъ выговорить ни одного слова, не могъ ступить ни одного шага.

— Ого! — проговорилъ онъ, наконецъ. — Дѣло-то плохо, очень плохо! Ждутъ непріятеля!

Но вдругъ въ немъ проснулись его воинственные инстинкты, и яркій румянецъ заигралъ на его смуглыхъ щекахъ.

— А вѣдь всему этому причиной эти проклятые оборванцы-австрійцы, пруссаки, русскіе, весь этотъ сбродъ, собранный со всѣхъ концовъ Европы! — вскричалъ онъ, махая своею палкою.—Да не на такихъ напали! Ужъ мы имъ дадимъ себя знать!..

На него напалъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшенства, который находитъ на всѣхъ честныхъ людей, когда ихъ выводятъ изъ терпѣнія. Бѣда была бы всякому, кто бы въ эту минуту взглянулъ на него!

Минутъ съ двадцать спустя, онъ входилъ въ городъ вслѣдъ за длиннымъ рядомъ подводъ, запряженныхъ пятью или шестью лошадьми, которыя со страшными усиліями тащили ихъ, назначенные для постройки блокгаузовъ. Въ толпѣ погонщиковъ, мужиковъ и ржавшихъ, фыркавшихъ и топтавшихся лошадей ѣхалъ важно и медленно жандармъ, дѣдушка Кельсъ, который, казалось, ничего не слыхалъ и говорилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Живо, живо, ребята, мы съѣздимъ еще два раза до вечера... Вы сослужите хорошую службу отечеству!

Жанъ-Клодъ перешелъ мостъ.

Въ городѣ ему представилась новая картина.

Во всемъ видѣлись хлопоты о защитѣ: всѣ двери были отворены настежь; мужчины, женщины, дѣти ходили, бѣгали, помогая переносить порохъ и боевые снаряды. Безпрестанно составлялись группы изъ трехъ, четырехъ, шести человѣкъ, и всѣ разспрашивали другъ друга о новыхъ извѣстіяхъ

— Эй, сосѣдъ!

— Чего тебѣ?

— Сейчасъ прискакалъ курьеръ... онъ въѣхалъ въ французскія ворота.

— Такъ онъ значитъ привезъ вѣсти о Напсійской національной гвардіи.

— Или насчетъ Меца.

— Да, ваша правда... Здѣсь недостаетъ 16-фунтовыхъ ядеръ... Надо бы и картечи.

Вдоль тротуаровъ, стоя на столахъ съ засученными рукавами, нѣсколько жирныхъ горожанъ заботливо блиндировали свои окна толстыми брусками и соломенными рогожками; другіе подкатывали къ своимъ дверямъ бочки съ водою. Эта оживленная картина ободрила Юллена.

— Хорошее дѣло!—вскричалъ онъ.—Всѣ здѣсь за работой. Славная встрѣча ожидаетъ союзниковъ!

Стоя передъ училищемъ, городской сержантъ Гармантье кричалъ пискливымъ голосомъ: «Объявляемъ, что казематы будутъ открыты для того, чтобы всякій могъ перенести туда по матрасу и по два одѣяла на человѣка, и что господа мѣстные комиссары начнутъ свою ревизію, чтобы удостовѣриться, заготовлено ли у каждаго изъ жителей провизіи на три мѣсяца, о чемъ и требуется узнать. Сего декабря 20 дня 1813 года. Губернаторъ Жанъ-Пьеръ Менье».

Все это Юлленъ увидалъ и услыхалъ въ одну минуту, потому что весь городъ толковалъ только объ этомъ.

Странныя, серьезныя и комическія сцены безпрестанно смѣняли другъ друга.

Въ переулкѣ близъ арсенала нѣсколько національныхъ гвардейцевъ тащили тяжелое орудіе. Этимъ молодцамъ приходилось подниматься на довольно крутую горку; они выбились изъ силъ.

— Эй, дружнѣе, чортъ возьми! Ребята, пріударьте-ка еще! Впередъ!

Всѣ кричали заразъ, толкали колеса, и тяжелое орудіе, вытянувъ свою огромную чугунную шею надъ громаднымъ лафетомъ и возвышаясь надъ всѣми головами, медленно катилось впередъ, потрясая подъ собою мостовую.

Юлленъ ликовалъ; онъ будто превратился въ другого человѣка, въ немъ проснулись солдатскіе инстинкты: воспоминанія о бивуакахъ, о переходахъ, перестрѣлкахъ, сраженіяхъ такъ и тѣснились бѣглымъ шагомъ въ его головѣ; глаза его сверкали, сердце билось быстрѣе, и въ умѣ у него уже бродили мысли о защитѣ, о засадахъ, о борьбѣ на жизнь и смерть.

— Ну,— говорилъ онъ самъ себѣ,—все прекрасно. Довольно я на своемъ вѣку поработалъ надъ сапогами, теперь представ-

зется случай опять взяться за ружье—и тѣмъ лучше: мы покажемъ пруссакамъ и австрійцамъ, что еще не разучились ходить въ штыки.

Такъ онъ разсуждалъ, увлекшись своими воинственными воспоминаніями, но радость его была непродолжительна.

На площади противъ церкви стояло штукъ двадцать телѣгъ съ ранеными, ѣхавшими изъ Лейпцига и Ганау. Эти несчастные съ блѣдными, истомленными лицами, съ тусклыми глазами спокойно ожидали смерти; одни были еще не перевязаны, у другихъ уже были отняты члены. Стоя возлѣ нихъ, нѣсколько старыхъ, рыжихъ клячъ, покрытыхъ собачьими шкурами, пережевывали свой скудный кормъ, а погонщики, набранные въ Эльзасѣ, спали на церковной паперти, несмотря на холодъ, завернувшись въ свои дырявые плащи, сложивши руки и надвинувъ на брови пуховыя шляпы.

Невольно пробирала дрожь, при видѣ этихъ угрюмыхъ группъ, этихъ страдальцевъ, одѣтыхъ въ сѣрые плащи и валявшихся на окровавленной соломѣ; одинъ держалъ на колѣнахъ свою размозженную руку, у другого голова была перевязана старымъ платкомъ, третій уже умершій служилъ подушкою для живыхъ, а его почернѣвшія руки свѣшивались, какъ плети, черезъ край телѣги. Юлленъ стоялъ, какъ вкопанный, передъ потрясающей картиной. Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ. Великія человѣческія страданія имѣютъ надъ нами странную власть: они насъ словно очаровываютъ, намъ хочется взглянуть, какъ эти люди гибнутъ, какъ смотрятъ они въ глаза смерти; даже лучшіе люди не лишены этого жестокаго любопытства. Кажется, будто вѣчность выдастъ намъ свою тайну.

Гамъ, у дышла первой телѣги, нѣсколько направо, сидѣли два карабинера въ короткихъ свѣтлоголубыхъ куртках; это были настоящіе колоссы, но ихъ могучая натура слабо боролась съ одолѣвавшею ихъ болѣзнью: они походили на каріатиды, поставленныя подъ громадной тяжестью. Одинъ рыжій усачъ съ зеленоватымъ лицомъ смотрѣлъ на васъ остолбенѣлыми глазами, словно его давилъ какой-то страшный кошмаръ; другой, будто переломившійся пополамъ, съ посинѣвшими руками, съ плечомъ раздробленнымъ картечью, все больше и больше наклонялся впередъ, потомъ вдругъ судорожно выпрямлялся и тихо бормоталъ что-то про себя, какъ во снѣ. Позади лежали попарно нѣ-

хотные солдаты, раненые пулями съ раздробленными руками и ногами. Они, казалось, переносили свои страданія съ большей твердостью, чѣмъ колоссы. Эти несчастные молчали; только нѣкоторые, самые молодые, доходили до бѣшенства и требовали воды и хлѣба. Въ сосѣдней телѣгѣ жалобный голосъ, голосъ новобранца, кричалъ: «Матушка... матушка!».. А старики улыбались мрачною улыбкою и точно хотѣли сказать: «Да, да, вотъ подожди, твоя мать придетъ». Впрочемъ, можетъ быть, они ни о чемъ не думали.

По временамъ что-то, похожее на дрожь, пробѣгало по всему печальному поѣзду. Нѣкоторые изъ раненыхъ привставали, слышались протяжные стоны, потомъ они тотчасъ падали назадъ, будто смерть прошлась между ними, выбирая свои жертвы.

Потомъ все смолкло.

А пока Юлень смотрѣлъ на все это, чувствуя внутреннее содроганіе, изъ одного дома вышелъ сосѣдній мѣщанинъ, булочникъ Сомъ, съ большой кастрюлею бульона въ рукахъ. Въ одну минуту всѣ эти привидѣнія задвигались, глаза ихъ засверкали, ноздри расширились, они точно ожили; несчастные умирали съ голоду!

Добрый дядя Сомъ со слезами на глазахъ подошелъ, говоря:

— Иду, иду, дѣти; потерпите минутку. Это я... Вы меня узнаете!

Но едва онъ только успѣлъ поравняться съ первой телѣгой, какъ рослый карабинеръ съ зеленоватыми щеками встрепенулся, опустилъ руку по локоть въ горячій супъ и, выхвативъ оттуда говядину, сунулъ ее за пазуху. Это произошло съ быстротою молніи. Тотчасъ со всѣхъ концовъ поднялся дикій ревъ. Если бы эти люди могли двинуться съ мѣста, они растерзали бы товарища. А онъ, прижавши руки къ груди, уже рвалъ зубами свою добычу, озираясь и пугаясь во всѣ стороны, какъ будто ничего не слыша. На крикъ изъ сосѣдняго трактира выбѣжалъ старый солдатъ, сержантъ. Это былъ человѣкъ бывалый; онъ тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло и, не теряя времени на безполезность размышленія, вырвалъ говядину у дикаго звѣря, сказавъ ему:

— Стоило бы оставить тебя совсѣмъ безъ говядины! Сейчасъ вамъ всѣмъ дадутъ. Мы нарѣжемъ десять порцій.

— Насъ всего восемь,—сказалъ одинъ изъ раненыхъ, очень

спокойный на видъ; однако, несмотря на это наружное спокойствіе, глаза его сверкали подъ его бронзовой каской.

— Какъ восемь?

— Неужели вы не видите, сержантъ, что эти двое совсѣмъ уже заводятъ глаза... Кормить ихъ— значитъ, напрасно тратить пищу!

Сержантъ осмотрѣлъ ихъ.

— Правда,—сказалъ онъ,—восемь порцій!

Юлленъ не могъ больше выдержать, онъ отправился черезъ площадь къ трактирщику Виттману; онъ былъ блѣднѣе смерти.

Виттманъ въ то же время торговалъ мѣхами и кожами. Когда Юлленъ вошелъ, онъ закричалъ ему:

— А это вы, Жанъ-Клодъ! Вы пришли раньше обыкновеннаго, я васъ ждалъ только на будущей недѣлѣ.

Юлленъ зашатался.

— Да что съ вами?.. Вы разстроены.

— Я видѣлъ раненыхъ.

— Ахъ, да, сначала оно точно жутко, но если бы вы видѣли тысячъ пятнадцать, какъ нашъ братъ, вы бы думать о нихъ перестали.

— Кружку вина, скорѣй, скорѣй!—сказалъ Юлленъ, которому становилось дурно.—О, люди, люди! А еще братья!

— Да, братья до поры, до времени, пока дѣло не коснется кармана,—отвѣчалъ Виттманъ.—А вотъ и вино, выпейте-ка, это поможетъ вамъ оправиться.

— Такъ здѣсь уже провезли пятнадцать тысячъ?—продолжалъ сапожникъ.

— По крайней мѣрѣ, въ послѣдніе два мѣсяца, не говоря уже о тѣхъ, которые остались въ Эльзасѣ или за Рейномъ; потому что, понимаете, для всѣхъ не хватаетъ подводъ, да, кромѣ того, многихъ и перевозить-то не стоитъ.

— Это-то я понимаю! Но зачѣмъ же этихъ несчастныхъ бросили на дворѣ, зачѣмъ ихъ не помѣщаютъ въ лазаретъ?

— Въ лазаретъ! Да можно ли помѣстить въ одинъ, даже въ десять лазаретовъ пятьдесятъ тысячъ раненыхъ? Отъ Майнца и Кобленца до Пфальсбурга всѣ лазареты биткомъ набиты. Да къ тому же эта лихая болѣзнь—тифъ—убиваетъ скорѣе, чѣмъ пуля. Всѣ деревни, долины заражены ею на 20 миль въ окружности; люди мрутъ, какъ мухи. Къ счастью. вотъ уже три дня, какъ

городъ въ осадномъ положеніи, скоро запрутъ ворота и никого не станутъ впускать. Изъ моей семьи умерли дядя Христіанъ и тетка Лизбетта, а вѣдь были здоровы и крѣпки, не хуже насъ съ вами, Жанъ-Клодъ. Тутъ еще и холода пошли; нынче ночью морозъ трещалъ.

— А раненые оставались на дворѣ всю ночь?

— Нѣтъ, ихъ нынче утромъ привезли изъ Соверна, а часа черезъ два, какъ только лошади поотдохнутъ, ихъ повезутъ въ Саарбургъ.

Въ эту минуту вошелъ, потирая руки, старый сержантъ, водворявшій порядокъ въ телѣгахъ.

— Э, э,—сказалъ онъ,—а вѣдь на дворѣ-то свѣжѣетъ. Виттманъ; хорошо вы сдѣлали, что затопили печь! Дайте-ка рюмочку коньяку погрѣться. Гм! Гм!

Его маленькіе впалые глаза, крючковатый носъ, высокія скулы, отдѣленныя отъ носа глубокими морщинами, которыя терялись въ густыхъ рыжеватыхъ бакахъ, словомъ, всѣ черты лица стараго солдата будто смѣялись и дышали веселостью и бодростью. Это былъ пестый служака, съ загорѣлымъ, завѣтрившимся отъ воздуха лицомъ, выражавшимъ откровенность, смѣшанную съ насмѣшливой хитростью; высокій киверъ, широкая сѣро-голубая шинель, перевязь и эполеты—все это точно приросло къ нему: безъ всего этого его нельзя было и представить себѣ. Онъ расхаживалъ по комнатѣ, потирая руки, а Виттманъ наливалъ ему рюмку водки. Сидя у окна, Юлленъ тотчасъ же замѣтилъ номеръ его полка—6-й легкой пѣхоты. Въ этомъ полку служилъ и Гаспаръ, сынъ старушки Лефевръ. Стало быть, Жанъ Клодъ могъ узнать что-нибудь о женихѣ Луизы; сердце его сильно забилось: «Ну, а если Гаспаръ умеръ! Если онъ погибъ вмѣстѣ съ другими!» У него захватило дыханіе, онъ молчалъ. «Лучше ужъ ничего не знать», подумалъ онъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ не выдержалъ.

— Сержантъ,—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ,—вы служите въ 6-мъ легкомъ?

— Да, да, дружище,—отвѣчалъ тотъ, обернувшись къ нему.

— Не знаете ли вы тамъ Гаспара Лефевра?

— Гаспара Лефевра изъ 2-й роты? Да какъ же мнѣ его не знать! И училъ-то я его. Славный онъ солдатъ, чортъ возьми,

выносливъ на усталость... если бы у насъ было тысячъ сто такихъ солдатъ...

— Значитъ, онъ живъ? И здоровъ?

— Да, другъ. Но вотъ уже недѣля, какъ я оставилъ полкъ въ Фридрихстамѣ, чтобы конвоировать этихъ раненыхъ, понимаете? Вѣдь, дѣло-то горячее, такъ я и не могу сказать навѣрное; вѣдь каждый изъ насъ съ часу на часъ можетъ отдать Богу душу. Но недѣлю назадъ, 15 декабря, въ Фридрихстамѣ Гаспаръ Лефевръ отвѣчалъ на перекличкѣ.

Жанъ-Клодъ вздохнулъ свободно.

— Но, сержантъ, объясните же мнѣ, пожалуйста, отчего Гаспаръ цѣлыхъ два мѣсяца не писалъ ни строки домой въ деревню?

Старый солдатъ улыбнулся и заморгалъ своими маленькими глазками.

— Неужели вы думаете, что на походѣ ему только и дѣло, что строчить письма?

— Нѣтъ, я самъ служилъ, ходилъ на Самбру и Мезу, въ Италію, въ Египетъ, а все же таки находилъ время писать письма.

— Постойте, товарищъ,— прервалъ его сержантъ,— я и самъ былъ въ Италіи и въ Египтѣ, но теперешняя кампанія, которую мы покончили, дѣло совсѣмъ иного рода.

— Такъ она была очень трудна?

— Трудна! Надо было имѣть необыкновенную живучесть, чтобы не сложить свои кости на мѣстѣ. Все было противъ насъ: болѣзни, измѣнники, мужики, мѣщане, наши союзники, ну, всѣ до одного. Изъ нашей роты, которую мы вывели изъ Пфальсбурга въ полномъ составѣ прошлаго 21 января, вернулось всего 32 человѣка. Изъ новобранцевъ только, кажется, и остался Гаспаръ Лефевръ. Бѣдняжки эти новобранцы! Какъ они славно дрались! Только голодать ужъ очень не привычны: просто таяли, какъ масло на огнѣ.

Съ этими словами сержантъ подошелъ къ прилавку и выпилъ заразъ свою рюмку.

— За ваше здоровье, пріятель. Да, что вамъ Гаспаръ сынъ, что ли?

— Нѣтъ, такъ, родня.

— Ну, можно похвалить, славный у васъ народъ въ семьѣ.

Что за молодецъ въ 20 лѣтъ! Все онъ перенесъ, а другіе такъ и валились, какъ мухи.

— Но,—началъ Юлленъ послѣ минутнаго молчанія,—я еще не вижу, что же было особеннаго въ послѣдней кампаніи. Вѣдь и мы болѣли и умирали, и у насъ были измѣнники.

— Что особеннаго?—вскричалъ сержантъ.—Все было особенное. Если вы ходили въ Германію, тогда должны помнить, что, бывало, послѣ двухъ-трехъ сраженій все и кончалось: принимали насъ дружелюбно, потомъ мы принимались пить бѣлое вино и закусывать съ мѣщанами ветчиной да кислою капустою, а толстыя мѣщанки пускались въ плясъ. Мужья и дѣдушки хохотали отъ души, а когда полкъ уходилъ, всѣ плакали съ горя. На этотъ же разъ послѣ Люцена и Бауцена народъ не только не смягчился, а еще расходился пуще прежняго; только силой и добивались того, чего хотѣли; ну, просто иной разъ казалось, что вдругъ тебя перекинули въ Испанію или въ Вандею. И откуда имъ такая дурь залѣзла въ голову? Добрю бы еще французы были одни, не будь съ нами этой проклятой шайки саксонцевъ и другихъ союзниковъ, которые такъ и наровили, какъ бы насъ придушить, мы бы все-таки справились съ ними, будь они хоть впятеро сильнѣе насъ; но эти союзники, чортъ бы ихъ взялъ! Вотъ хоть бы въ Лейпцигѣ прошлаго 18 октября, въ самомъ разгарѣ битвы, наши союзники бросаются на насъ и принимаются стрѣлять въ насъ съ тылу: это наши любезные друзья, саксонцы, такъ отличились. Чрезъ недѣлю наши старинные друзья, баварцы отрѣзываютъ намъ отступленіе: пришлось съ ними подраться при Ганау. На другой день около Франкфурта является новый отрядъ любезныхъ друзей: пришлось связываться и съ ними. Наконецъ, сколько ихъ не бьешь, а они все какъ грибы выростаютъ! Ну, перебрались мы, наконецъ, черезъ Рейнъ. Теперь вѣрно много любезныхъ друзей идетъ отъ Москвы. Если бы все это знать да вѣдать послѣ Аустерлица, Існы, Фридланда, Ваграма!

Юлленъ задумался.

— Ну, а теперь то что же, сержантъ?

— Что теперь? А вотъ что: намъ пришлось перебираться за Рейнъ, а всѣ наши укрѣпленія по ту сторону осаждены. Прошлаго 10 ноября герцогъ Нефштательскій смотрѣлъ въ Блейхеймѣ полкъ. 3-й батальонъ соединился со 2-мъ, и кадръ полу-

чилъ приказаніе выступить на-днях въ село. Кадровъ-то довольно, только людей мало. Впрочемъ, оно и неудивительно: вотъ уже 20 лѣтъ, какъ намъ то и дѣло пускаютъ кровь. Но на насъ идетъ вся Европа... Императоръ въ Парижѣ: онъ составляетъ планъ кампаніи. Хоть бы намъ дали вздохнуть до весны!

Въ эту минуту Виттманъ, стоявшій у окна, сказалъ:

— Вотъ губернаторъ пошелъ осматривать рубку лѣса около города.

Дѣйствительно, въ эту минуту комендантъ Пьеръ Меньe переходилъ черезъ площадь, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, съ большою трехугольною шляпой на головѣ.

— А.— сказалъ сержантъ, — я дамъ ему подписать пропускной листъ. Прощайте, мнѣ надо итти.

— Ступайте, сержантъ, спасибо вамъ. Если увидите Гаспара, скажите ему, что Жанъ-Клодъ Юлленъ цѣлуетъ его, и что въ деревнѣ ждутъ отъ него вѣстей.

— Ладно, ладно... все исполню.

Сержантъ вышелъ, а Юлленъ сталъ задумчиво допивать свою кружку.

— Дядя Виттманъ,—сказалъ онъ черезъ минуту,—а гдѣ же мой узелокъ?

— Онъ готовъ, Жанъ-Клодъ.

Виттманъ пріоткрылъ дверь на кухню и крикнулъ:

— Гредель, Гредель, принеси Юллену его узелокъ!

Вошла женщина небольшого роста и положила на столъ нѣсколько свернутыхъ бараньихъ шкурокъ. Жанъ-Клодъ надѣлъ узелокъ на палку, которую перекинулъ черезъ плечо.

— Какъ? Вы уже сейчасъ въ путь?

— Да, Виттманъ, дни теперь короткіе, а итти по лѣсу послѣ 6 часовъ неудобно. Надо мнѣ во-время добраться до дому.

— Такъ счастливаго пути, Жанъ-Клодъ!

Юлленъ вышелъ и направился черезъ площадь, стараясь не глядѣть на телѣги съ ранеными, которые еще стояли передъ церковью.

А трактирщикъ, стоя у окна и глядя ему вслѣдъ, бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Какъ онъ былъ блѣденъ, когда вошелъ; онъ едва держался на ногахъ. Смѣшно, право. Старый солдатъ! Или ни на грошъ у него нѣтъ энергіи? Но мнѣ хоть бы тутъ пятьдесятъ

полковъ провезли на телѣгахъ, мнѣ и горя мало! Мнѣ до нихъ столько же дѣла, сколько до моей первой трубки!

IV.

На фермѣ Дубоваго Лѣса все шло своимъ обычнымъ порядкомъ, пока Юлленъ слушалъ разсказы о бѣдствіяхъ нашихъ войскъ и медленно, понуря голову, направлялся къ деревнѣ Шармъ. На фермѣ всѣ забыли странный разсказъ Іегофа, а о войнѣ никто не думалъ. Старикъ Дюшенъ велъ своихъ воловъ на водопой, пастухъ Робенъ былъ занятъ на скотномъ дворѣ, Аннета и Жанна снимали сливки. Одна только Катерина Лефевръ, мрачная и молчаливая, вспоминала былое время, глядя съ полнѣйшимъ равнодушіемъ на хлопотливую бѣготню своей прислуги. Она была слишкомъ стара, слишкомъ серьезна, чтобы забыть на другой же день то, что такъ сильно взволновало ее. Поздно вечеромъ, послѣ ужина, она вышла въ сосѣднюю комнату, вынула изъ шкафа большую счетную книгу, положила ее на столъ и, по обыкновенію, стала сводить счеты. Потомъ стала готовить телѣгу, насыпала въ нее хлѣба, положила овощи, птицу, потому что завтра въ Саарбургѣ былъ базарный день, и Дюшенъ долженъ былъ выѣхать чуть свѣтъ.

Я попрошу васъ перенестись со мною въ просторную кухню, гдѣ хлопочетъ прислуга, кончая свою дневную работу.

Въ печкѣ ярко горятъ еловыя дрова, а на плитѣ стоитъ и кипитъ большой котелъ съ свеклою и картофелемъ, которые назначаются для скотины; на полкѣ разставлены блестящія кастрюли, блюда и миски; на почернѣвшихъ перекладинахъ потолка развѣшаны рядомъ пучки чесноку, темно-краснаго лука и окорокъ ветчины; у плиты стоитъ Жанна въ голубомъ спензерѣ и пунцовой юбочкѣ и мѣшаетъ въ котлѣ своею большой деревянной ложкою; въ углу стоятъ ивовыя клѣтки, а въ нихъ кудахтаютъ куры и охорашивается большой рыжій пѣтухъ, который безпрестанно просовываетъ голову между прутьями и, склонивъ ее на бокъ, таращитъ глаза на огонь; Мишка, большой догъ съ приплюснутою головою и отвислыми скулами, облизывается передъ забытою кастрюлей; налѣво по темной лѣстницѣ спускается Дебуръ, согнувшійся въ три погибели подъ тяжелымъ мѣшкомъ; а на дворѣ въ темнотѣ старикъ Дюшенъ стоитъ на телѣгѣ

у, поднимая кверху фонарь, кричитъ: «Это пятнадцатый, Дебуръ, давай еще два». Въ кухнѣ на стѣнѣ виситъ рыжій заяцъ, котораго убилъ охотникъ Гейнрихъ и просилъ взять на базаръ, и красивый, пестрый тетеревъ съ тусклыми глазами и съ каплею крови на клювѣ.

Было часовъ восемь, когда на дворѣ послышались шаги. Собака зарычала и бросилась къ двери, но остановилась на порогѣ, насторожила уши, потянула въ себя воздухъ, потомъ вернулась на мѣсто и снова принялась вылизывать кастрюлю.

— Это, должно быть, свой,—замѣтила Аннета,—Мишка не бросается.

Почти тотчасъ послышался на дворѣ голосъ старика Дюшена:

— Добрый вечеръ, господинъ Юлленъ,—это вы?

— Да, я сейчасъ только вернулся изъ Пфальсбурга и иду отдохнуть у васъ минутку. Дома Катерина?

И въ ярко освѣщенную кухню вошелъ Юлленъ въ войлочной шляпѣ, надѣтой набекренъ, и съ бараньими шкурками за спиною.

— Здорово, дѣти, здорово!—сказалъ онъ.—А вы все за работой?

— Да, какъ же не работать-то! — весело отвѣчала Жанна.—Кажется, и жизнь была бы не въ жизнь, еслибъ ничего не дѣлать.

— Правда, правда, моя красавица: если бы ты не работала, не было бы у тебя такого свѣжаго румянца и такихъ блестящихъ глазъ.

Жанетта собралась отвѣчать, но дверь сосѣдней комнаты отворилась, и вошла Катерина Лефевръ: она бросила на Юллена проницательный взглядъ, будто стараясь заранѣе угадать, какія вѣсти онъ принесъ.

— Вы вернулись, Жанъ-Клодъ?—спросила она.

— Да, Катерина, и принесъ вамъ и радость, и горе.

Они вошли въ залу; это была высокая, просторная комната, съ потолка обдѣланная деревомъ; по угламъ стояли старые дубовые шкафы съ блестящими оковками; высокая пирамидальная печь выходила въ кухню, большіе старые часы съ секундною стрѣлкою стояли въ орѣховомъ шкафикѣ, а на видномъ мѣстѣ красовалось огромное кожаное кресло, на которомъ уже сидѣло десять поколѣній стариковъ. Каждый разъ, входя въ эту залу,

Жанъ-Клодъ невольно вспомнилъ дѣда Катерины, и ему казалось, что онъ еще видитъ передъ собою сѣдого старика, сидящаго за печкой.

— Ну, что же?—спросила фермерша, подавая стулъ сосѣду, который клалъ на столъ свой свертокъ.

— Ну, о Гаспарѣ хорошія вѣсти: онъ здоровъ; пришлось ему испытать и горе, да это все не бѣда, молодежи это впрокъ идетъ. Ну, а то все плохо, Катерина!.. Война, война...

Онъ покачалъ головою, а старуха, сжавъ губы и выпрямившись въ своемъ креслѣ, устремила на него свои проницательные глаза.

— Такъ, значитъ, дѣло плохо, рѣшительно плохо?.. Войско скоро придетъ къ намъ въ горы?

— Да, Катерина, со дня на день надо ожидать, что союзники придутъ къ намъ.

— Такъ я и думала, того я и ждала; разсказывайте же, Жанъ-Клодъ.

Юлленъ опершя локтями на столъ, подперъ руками голову и, понизивъ голосъ, сталъ разсказывать о всемъ, что видѣлъ; онъ сообщилъ своей слушательницѣ о рубкѣ лѣса около города, постройкѣ новыхъ укрѣпленій, о томъ, что городъ объявленъ въ осадномъ положеніи; телѣги съ ранеными, встрѣча со старымъ сержантомъ у Виттмана и краткій очеркъ кампаніи тоже не были забыты. По временамъ онъ останавливался, а старая фермерша медленно моргала глазами, будто стараясь получше запомнить разсказъ. Когда Жанъ-Клодъ заговорилъ о раненыхъ, старуха чуть слышно прошептала: «А Гаспаръ уцѣлѣлъ».

Когда кончился печальный разсказъ, наступило продолжительное молчаніе, и оба долго смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Сколько у нихъ въ эту минуту было на душѣ тяжелыхъ думъ и горькихъ чувствъ!

Прошло нѣсколько минутъ; старуха оправилась и проговорила какъ-то торжественно:

— Видите, Жанъ-Клодъ, развѣ Іегофъ былъ не правъ?

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ Юлленъ,—онъ сказалъ правду, но что же это доказываетъ? Этотъ юродивый шатается изъ деревни въ деревню, рыскаетъ то по Эльзасу, то по Лотарингіи, бродитъ вездѣ, ну, такъ какъ же ему не знать, что дѣлается? Потому-то въ той чепухѣ, которую онъ городитъ, попа-

дается иногда и правда. Все у него въ головѣ перепуталось, а другіе убѣждены, что поняли то, что онъ никогда и самъ не понималъ. Но дѣло не въ этихъ дурацкихъ разсказахъ, Катерина: скоро придутъ австрійцы; такъ надо знать, пропустимъ ли мы ихъ, или у насъ хватитъ духу защищаться?

— Защищаться!—вскричала старуха, и ея блѣдныя щеки дрогнули.—Хватитъ ли у насъ духу защищаться? И вы это говорите мнѣ, Юлленъ! Какъ... да развѣ мы хуже нашихъ предковъ? Развѣ они-то не умѣли защищаться? Развѣ не пришлось истребить ихъ до одного, и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей?

— Такъ, стало быть, всѣ готовы защищаться, Катерина.

— Да, да, до послѣдней капли крови! Пусть идутъ, пусть идутъ, старуха будетъ наготовѣ!

Ея длинные сѣдые волосы встали дыбомъ, блѣдное, строгое лицо судорожно подергивалось, глаза сверкали. Въ эту минуту она была хороша, какъ старая Маргарита, о которой разсказывалъ Гегофъ. Юлленъ молча протянулъ ей руку, на его лицѣ играла восторженная улыбка.

— Слава Богу, слава,—проговорилъ онъ,— въ нашемъ семействѣ люди не мѣняются! Я васъ узнаю, Катерина, вы встрепенулись; но успокойтесь и выслушайте меня: мы будемъ драться, но какъ и чѣмъ?

— Да всѣмъ, чѣмъ попало; тутъ все годится: и топоры, и вилы, и косы.

— Это все такъ, но всего лучше ружья и пули. Ружья, положимъ, у насъ есть: у всякаго горца ружье виситъ надъ дверью; жаль только, что нѣтъ у насъ пуль и пороху.

Старуха вдругъ успокоилась; она подсунула подъ чепчикъ выбившіеся волосы и задумчиво устремила глаза куда-то вдаль.

— Да,—сказала она вдругъ, будто очнувшись,—у насъ нѣтъ пуль и пороху, это правда, но мы достанемъ и того, и другого. У контрабандиста Марка Дивеса всего много. Ступайте завтра къ нему отъ меня. Скажите, что Катерина Лефевръ покупаетъ у него весь порохъ и всѣ пули, что она за все заплатитъ, что для этого она готова продать свою ферму, скотъ... все... все... Понимаете, Юлленъ?

— Понимаю, Катерина, вы хорошо поступаете.

— Да что же тутъ хорошаго?—возразила старуха.—Это самое обыкновенное дѣло: я хочу отомстить. Насъ истребили

эти австрійцы, эти рыжіе люди, ну, и я ихъ ненавижу изъ рода въ родъ. Вотъ что! Покупайте лишь пороху, и этотъ городивый бродяга увидитъ, выстроимъ ли мы вновь его замки.

Юлленъ понялъ, что разсказъ Іегофа все еще не выходитъ у нея изъ головы, но, видя ея раздраженіе и понимая, что эта мысль заставляетъ ее хлопотать о защитѣ края, онъ не сдѣлалъ на этотъ счетъ никакого замѣчанія и просто сказалъ:

— Такъ рѣшено, Катерина, я завтра отправлюсь къ Марку Дивесу.

— Да, и вы закупите весь свинецъ и весь порохъ. Да не мѣшало бы побывать въ горныхъ деревняхъ и объявить всѣмъ, что дѣлается; надо бы условиться въ сигналѣ, по которому всѣ должны будутъ собраться въ случаѣ нападенія.

— Успокойтесь,—сказалъ Жанъ-Клодъ,—все это я беру на себя. Оба встали и пошли къ двери. Въ кухнѣ давно все уже смолкло, люди разошлись спать. Старуха поставила лампу на каминъ и отодвинула задвижку. На дворѣ было холодно и ясно. Всѣ окрестныя вершины и сосны Эгерталя обозначались на небѣ темными или свѣтлыми массами. Далеко, очень далеко, гдѣ-то въ оврагѣ, около долины Бланру тявкала вышедшая на добычу лисица.

— Покойной ночи, Юлленъ,—сказала старуха Лефевръ.

— Прощайте, Катерина.

Жанъ-Клодъ быстро удалился, спускаясь по лѣсистому холму, а фермерша, проводивъ его глазами, заперла свою дверь.

Вамъ не трудно представить себѣ радость Луизы, когда она узнала, что Гаспаръ живъ и здоровъ. Въ послѣдніе два мѣсяца бѣдная дѣвушка совсѣмъ изстрадалась. Юлленъ, конечно, не сказалъ ей ни слова о тѣхъ грозныхъ тучахъ, которыя сгущались на горизонтѣ. Онъ слышалъ, какъ она отъ радости всю ночь болтала сама съ собой въ своей маленькой каморкѣ, какъ шептала имя Гаспара и шарила въ своихъ ящикахъ и коробочкахъ, отыскивая, вѣроятно, какой-нибудь маленькій подарокъ, будившій дорогія воспоминанія свѣтлой, юношеской любви.

Такъ малиновка, забитая грозою и еще дрожащая отъ стужи, начинаетъ щебетать и порхать съ вѣтки на вѣтку, при первомъ согрѣвающемъ лучѣ солнца.

V.

На другой день, когда полуодѣтый Юлленъ отворилъ ставни своихъ оконъ, онъ увидѣлъ, что всѣ сосѣднія горы—Эгерталь, Гроссманъ, Допонъ—покрыты слоемъ снѣга.

Первый взглядъ на зимнюю картину, особенно спросонья, всегда какъ-то странно поражаетъ насъ: на старыхъ соснахъ, на мшистыхъ скалахъ, покрытыхъ еще наканунѣ поблекшей зеленью, уже блеститъ иней, навѣвая на душу какую-то неопредѣленную тоску. «Вотъ еще промелькнулъ годъ, говорите вы себѣ; до слѣдующей весны еще остается суровая, долгая зима». И всякій спѣшитъ потеплѣе закутаться и затопить печь. Въ вашу темную комнату врывается бѣлый свѣтъ, а съ надворья вамъ въ первый разъ слышится жалобное чирикапье бѣдняжекъ-воробьевъ, которые, растопыривъ перья и забившись подъ соломенную крышу, будто жалуются на то, что сегодня печѣмъ позавтракать.

Юлленъ надѣлъ свои толстые, окованные сапоги на двойной подошвѣ и накинулъ сверхъ куртки теплый суконный плащъ.

Онъ слышалъ надъ своею головою шаги Луизы, которая расхаживала въ своей каморкѣ.

— Луиза,—крикнулъ онъ ей,—я ухожу!

— Какъ, вы и нынче отправляетесь въ путь?

— Да, дитя мое, мнѣ нужно итти; я еще не покончилъ дѣла.

Потомъ, надѣвъ свою пуховую шляпу съ широкими полями, онъ поднялся по лѣстницѣ и сказалъ вполголоса:

— Ты, дитя мое, не жди меня слишкомъ-то рано. Мнѣ придется итти далеко. Только ты не тревожься. Если будутъ спрашивать, куда я пошелъ, скажи къ брату Матвѣю въ Савернъ.

— Вы и не позавтракали на дорогу.

— Нѣтъ; я сунулъ въ карманъ краюшку хлѣба и фляжку съ водкой. Прощай, дочка; будь весела и мечтай о Гаспарѣ.

Не дожидаясь иныхъ разспросовъ, онъ взялъ палку и вышелъ изъ дома, направляясь къ Березовому холму, налѣво отъ деревни. Черезъ четверть часа онъ уже обогнулъ его и шелъ по тропинкѣ Трехъ Фонтановъ, которая идетъ мимо Фалькенштейна, вдоль низенькой каменной стѣны. Первый снѣгъ, который никогда долго не держится въ сырой тѣни около пригор-

ковъ, начиналъ таять и стекать вязъ по тропинкѣ. Юлленъ взлѣзъ на стѣну, чтобы взобраться на горку. Онъ въ эту минуту случайно оглянулся на деревню, отъ которой отошелъ не болѣе, какъ на два ружейныхъ выстрѣла, и увидалъ нѣсколькихъ бабъ, выметавшихъ свои дворы, и нѣсколько стариковъ, раскланивавшихся между собою на порогѣ своихъ хижинъ съ трубками въ зубахъ. Его поразилъ контрастъ между этой спокойной картиною и неотступными мыслями, тѣснившимися въ его головѣ: онъ задумчиво пошелъ дальше, разсуждая про себя: «Какъ тамъ все спокойно... Никто ничего и не подозрѣваетъ, а черезъ нѣсколько дней будутъ раздаваться стоны, грохотъ перестрѣлки».

Такъ какъ, прежде всего, надо было добыть пороху, Катерина Лефевръ тотчасъ же и подумала о контрабандистѣ Маркѣ Дивесѣ и о его добродѣтельной супругѣ Гексъ-Безель. Эти люди жили по ту сторону Фалькенштейна, подъ самой скалой стараго, разрушеннаго бурга: въ этой скалѣ они вырыли себѣ что-то вродѣ весьма удобнаго логовища, снабженнаго одною только входною дверью и двумя слуховыми окнами; ходили какіе-то слухи, будто это логовище соединяется посредствомъ расщелины со старыми подземельями; но таможеннымъ чиновникамъ, несмотря на неоднократные домовые обыски, никогда не удавалось открыть этотъ потайный ходъ. Жанъ-Клодъ и Маркъ Дивесъ были съ дѣтства знакомы; они вмѣстѣ разоряли гнѣзда сокъ и истребовъ и съ тѣхъ поръ видѣлись почти каждую недѣлю на Бальтенекой пильной мельницѣ. Поэтому, Юлленъ твердо надѣялся на контрабандиста, хотя и не совсѣмъ-то довѣрялъ госпожѣ Гексъ-Безель, особѣ весьма сомнительной.

— Ну да посмотримъ, посмотримъ, — говорилъ онъ про себя, продолжая путь.

Онъ закурилъ трубку и оборачивался по временамъ, чтобы полюбоваться картиною пейзажа, который раскидывался все шире и шире.

Что можетъ быть лучше этихъ лѣсистыхъ горъ, возвышающихся одна надъ другою на блѣдномъ фонѣ неба, этихъ обширныхъ, теряющихся на горизонтѣ вересковыхъ пространствъ, синѣющихъ надъ снѣгомъ, этихъ черныхъ обрамленныхъ рощами враговъ, на днѣ которыхъ шумитъ потокъ, текущій по зеленымъ, гладкимъ голышамъ.

И при всемъ этомъ тишина, глубокая, зимняя тишина! Первый нѣжный снѣгъ сыплется съ вершины высокихъ сосенъ, на нижнія наклоняющіяся подъ нимъ вѣтви; надъ лѣсами кружатся стаи хищныхъ птицъ и далеко разносится ихъ рѣзкій крикъ. На такую картину можно залюбоваться, описать ее невозможно!

Съ часъ спустя послѣ своего ухода изъ деревни Шармъ, Юлленъ, поднявшись на вершину, добрался до Арбузьерской скалы. Вокругъ этой гранитной массы идетъ что-то въ родѣ скалистой террасы въ три или четыре фута ширины. Этотъ тѣсный проходъ, окруженный самыми высокими соснами, растущими на днѣ пропасти, поражаетъ своею мрачностью, но онъ совершенно безопасенъ: если у васъ только не закружится голова, вы смѣло можете ходить по немъ. Сверху, образуя полусводъ, надвигается скала, на которой стоятъ развалины.

Жанъ-Клодъ подходилъ къ убѣжищу контрабандиста. Онъ на минуту остановился на террасѣ, положилъ въ карманъ трубку, потомъ пошелъ по проходу, который описываетъ полукругъ, и съ другой стороны заканчивается проломомъ. На конецъ и почти у самаго края этого пролома онъ увидалъ оба слуховыя окна и полурастворенную дверь. На порогѣ была навалена огромная куча навоза.

Въ ту же минуту появилась Гексъ-Безель съ огромною латкою въ рукѣ и стала сбрасывать этотъ навозъ въ пропасть. Это была невысокая, сухощавая женщина, съ растрепанными рыжими волосами, впалыми щеками, острымъ носомъ, маленькими, блестящими какъ уголь, глазами, небольшимъ ртомъ съ очень бѣлыми зубами и красноватымъ цвѣтомъ лица. Нарядъ ея состоялъ изъ очень грязной и очень короткой шерстяной юбки и довольно чистой, холщевой рубашки; ея сухія, жилистыя руки, покрытыя какимъ-то желтоватымъ пухомъ, были обнажены по локоть, несмотря на ужасный зимній холодъ; вмѣсто обуви, на ногахъ у нея были одѣты старыя иностранныя туфли.

— А, здравствуйте, Гексъ-Безель!—крикнулъ ей Жанъ-Клодъ веселымъ и насмѣшливымъ тономъ.—Какая вы полненькая и кругленькая, веселая и довольная! Право, на васъ можно порадоваться.

Гексъ-Безель обернулась, какъ подкарауленная ласточка; ея рыжіе волосы дрогнули, а маленькіе глаза засверкали. Впро-

чемъ, она тотчасъ же успокоилась и крикнула отрывистымъ голосомъ, будто обращаясь сама къ себѣ:

— Юлленъ, сапожникъ... чего ему надо?

— Я пришелъ повидаться съ моимъ другомъ Маркомъ, прекрасная Безель,—отвѣчалъ Жанъ-Клодъ:—намъ надо переговорить о дѣлахъ.

— О какихъ это дѣлахъ?

— Ну, ужъ это наше дѣло. Пустите-ка меня пройти, я съ нимъ потолкую.

— Маркъ спитъ.

— Такъ надо его разбудить. Мнѣ некогда терять время.

Съ этими словами Юлленъ нагнулся и вошелъ въ пещеру, сводъ которой былъ не круглый, а образовалъ неправильныя извилины, испещренныя щелями. У самаго входа, фута на два отъ земли, скала образовала что-то похожее на самородный очагъ; на этомъ очагѣ тлѣло нѣсколько угольевъ и нѣсколько вѣтокъ вереска. Вся кухонная посуда Гексъ-Безель состояла изъ котелка, краснаго глинянаго горшка, двухъ надтреснутыхъ тарелокъ и трехъ-четырехъ оловянныхъ вилокъ; въ углу стояла деревянная скамья, валялся топорикъ, которымъ колятъ дрова; къ скалѣ были прицѣплены коробокъ съ солью и большая метла. Налѣво отъ этой кухни была другая пещера, съ неправильной дверью, которая расширялась сверху и съуживалась къ низу и запиралась двумя досками и поперечною перекладиной.

— Ну, гдѣ же Маркъ?—сказалъ Юлленъ, садясь у очага.

— Я вамъ сказала вѣдь, что онъ спитъ. Вчера онъ вернулся очень поздно. Дайте ему выспаться,—слышите?

— Слышать-то я слышу, любезная моя Гексъ-Безель, только ждать-то мнѣ некогда.

— Такъ убирайтесь же вонъ.

— Легко сказать,—убирайтесь вонъ; только я не уйду. Не даромъ же я пробѣлъ цѣлую милю и не вернуться же мнѣ домой съ пустыми руками.

— Это ты, Юлленъ!—прервалъ его рѣзкій голосъ, раздавшійся изъ сосѣдней пещеры.

— Да, Маркъ.

— Сейчасъ иду.

Послышался шелестъ сухой соломы, потомъ отодвинулась деревянная дверь, и, согнувшись въ три погибели, вошелъ Маркъ

Дивесъ, огромный, плечистый мужчина, сухопарый, костистый, сутуловатый, съ шеею и ушами кирпичнаго цвѣта, съ густыми, темными волосами; онъ подошелъ къ Юллену, зѣвая во весь ротъ и потягиваясь съ порывистыми вздохами. На первый взглядъ Маркъ Дивесъ могъ показаться очень смирнымъ: у него былъ широкій, низкій лобъ, голые виски, короткіе курчавые волосы, образовавшіе острый выступъ надъ бровями, длинный, прямой носъ, длинный подбородокъ и каріе глаза съ спокойнымъ выраженіемъ, и благодаря всѣмъ этимъ чертамъ, его можно было причислить скорѣе къ разряду жвачныхъ, чѣмъ къ разряду хищныхъ животныхъ; но ошибся бы тотъ, кто повѣрилъ бы его наружности. Въ околодкѣ ходили слухи, будто Маркъ Дивесъ, въ случаѣ нападенія таможенныхъ солдатъ, ни мало не стѣсняясь, пускалъ въ ходъ топоръ и ружье, и ему приписывали кое-какія серьезныя несчастія, случившіяся съ коронымъ агентомъ; впрочемъ, уликъ не было рѣшительно никакихъ. Зная, какъ свои пять пальцевъ, всѣ горныя ущелья и проходы, всѣ проселки отъ Дагсбурга до Саррабрюка, отъ Раонъ-Летана до Базеля въ Швейцаріи, контрабандистъ всегда имѣлъ возможность очутиться миль за 15 отъ того мѣста, гдѣ произошла какая-нибудь отчаянная штука. Смотрѣлъ онъ такимъ простакомъ; а тѣмъ, кто распускалъ про него дурные слухи, всегда приходилось плохо, такъ плохо, что лучше бы и не встрѣчаться съ простоватымъ Маркомъ никогда.

— Вообрази, Юлленъ, — заговорилъ онъ, вышедши изъ своей норы;—я думалъ о тебѣ вчера вечеромъ, и, если бы ты не пришелъ, я бы нарочно отправился на Вальтгеймскую пильню, чтобы повстрѣчаться съ тобой. Садись! Гекеъ-Безель, подай-ка Юллену стулъ.

Самъ онъ сѣлъ на очагъ, повернувшись спиною къ огню, противъ растворенной двери, въ которую дули всѣ вѣтры Эльзаса и Швейцаріи.

Съ этого мѣста видъ открывался великолѣпный: это была настоящая картина, только картина громадная, обрамленная скалами и обнимавшая всю долину Рейна, а за нею горы, сливавшіяся съ туманомъ. Къ тому же воздухъ былъ такъ свѣжъ, а огонекъ, мелькавшій на очагѣ такъ ласкалъ глазъ своими красными оттѣнками, что вамъ отрадно было отдохнуть, насмотрѣвшись на синѣющую даль.

— Маркъ,—сказалъ Юлленъ послѣ минутнаго молчанія.— можно мнѣ говорить при твоей женѣ?

— Мы съ ней одинъ человѣкъ.

— Ну, Маркъ, я пришелъ покупать у тебя порохъ и свинецъ.

— Стрѣлять зайцевъ, не такъ ли? — сказалъ контрабандистъ, моргая глазами.

— Нѣтъ, драться съ нѣмцами и русскими.

Наступило минутное молчаніе.

— А много ли тебѣ надо пороху и свинцу?

— Сколько ты можешь доставить.

— Сегодня я могу поставить на три тысячи франковъ,— сказалъ контрабандистъ.

— Я беру все.

— Да черезъ недѣлю могу поставить столько же,—прибавилъ Маркъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ и съ тѣмъ внимательнымъ взглядомъ.

— И это все возьму.

— Возьмете!—вскричала Гекъ-Безель.—Возьмете! Это-то прекрасно, но кто же заплатитъ за все это?

— Замолчи,—сказалъ Маркъ грубымъ тономъ, — Юлленъ беретъ все, и мнѣ довольно одного его слова.

Онъ дружески протянулъ ему свою большую руку и сказалъ:

— Вотъ тебѣ моя рука, Жанъ-Клодъ; порохъ и свинецъ останутся за тобою; только я удержу свою долю, понимаешь?..

— Да, Маркъ; только я хочу расплатиться съ тобою тотчасъ же.

— Онъ заплатитъ, слышишь?—сказала Гекъ-Безель.

— Да, вѣдь я не оглохъ! Безель, поди-ка, принеси намъ бутылку бримбель вассера, мы погрѣемся немножко. Меня радуетъ то, что Юлленъ мнѣ сказалъ. Мы не такъ-то легко поддадимся этимъ кайзерликамъ. Кажется, они хотятъ биться не на животъ, а на смерть?

— Да, ужъ биться, такъ биться.

— И найдутся плательщики?

— Плательщикъ этотъ—Катерина Лефевръ: она-то и послала меня къ тебѣ,—сказалъ Юлленъ.

Тогда Маркъ Дивесъ всталъ и проговорилъ важнымъ голосомъ, протянувъ руку къ пропасти:

— Вотъ такъ женщина... Она такъ же величава, какъ и та

скала, какъ Оксенштейнъ, величайшая изъ скалъ, которыя мнѣ довелось видѣть на своемъ вѣку. — Пью за ея здоровье. Выпейте-ка тоже и ты, Жанъ-Клодъ.

Юлленъ выпилъ, выпила и старуха.

— Теперь все покончено, Жанъ-Клодъ!—вскричалъ Маркъ Дивесъ.—Но, послушай, не думай, что будетъ такъ легко защищаться: намъ очень пригодятся всѣ браконьеры, всѣ извозчики, всѣ пильщики, всѣ горные дровосѣки. Я только что вернулся изъ-за Рейна. Тамъ много всякаго народа: идутъ и австрійцы, и русскіе, и баварцы, и пруссаки, и казаки, и гусары... ну, всякій людъ... земля такъ ими и кишитъ. Они не умѣщаются въ деревняхъ: они стоятъ въ долинахъ, на возвышенностяхъ, на холмахъ, въ городахъ, подъ открытымъ небомъ, вездѣ, вездѣ.

Въ эту минуту въ воздухѣ пронесся рѣзкій крикъ.

— Это ястребъ вылетаетъ на добычу, — сказалъ Маркъ послѣ паузы. Но въ это время надъ скалою промелькнула тѣнь. Черезъ пропасть перелетѣла цѣлая стая зябликовъ, а надъ этой живою массою, быстро кружились, описывая угловатыя линіи, сотни ястребовъ, которые будто старались испугать добычу своими пронзительными криками. Правильный взмахъ этихъ безчисленныхъ крыльевъ производилъ, при совершенной тишинѣ, звукъ, похожій на шорохъ сухихъ листьевъ, взвѣваемыхъ сѣвернымъ вѣтромъ.

— Вотъ улетаютъ Арденскіе зяблики,—замѣтилъ Юлленъ.

— Да, это послѣдняя стая; и желуди и озими все покрыто снѣгомъ. Вотъ посмотри: тамъ больше людей, чѣмъ птицъ въ этой стаѣ. Да все равно, Жанъ-Клодъ, мы съ ними справимся, если только всѣ дружно примемся за дѣло. Гексъ-Безель, зажги-ка фонарь, я покажу Юллену наши запасы пороха и свинца.

При этомъ предложеніи Гексъ-Безель скорчила гримасу.

— Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ никто не входилъ въ погребъ,—сказала она.—Онъ, я думаю, можетъ повѣрить намъ на слово. Вѣдь мы-то вѣримъ же, что онъ заплатитъ намъ. Я не стану зажигать фонарь, ни за что.

Маркъ молча протянулъ руку и схватилъ стоявшую у костра дубину, тогда разъяренная старуха юркнула въ сосѣднюю конуру и, минуты черезъ двѣ, вынесла оттуда большой фонарь, который Дивесъ спокойно зажегъ у костра.

— Безсль,—сказалъ онъ, ставя дубину въ уголъ,—знай, что Жанъ-Клодъ мой другъ съ самаго дѣтства, и что ему я довѣряюсь гораздо больше, чѣмъ тебѣ, старая выдра, потому что, если бы ты не боялась, что насъ повѣсятъ обоихъ вмѣстѣ, я бы уже давно болтался на веревкѣ.—Ну, иди за мной, Юлленъ.

Они вышли, и контрабандистъ, повернувъ налѣво, направлялся прямо къ пролому, который образовалъ выступъ надъ Вальтеномъ и возвышался шаговъ на двѣсти надъ землею. Онъ раздвинулъ рукою сучья маленькаго дуба, росшаго внизу, вытянулъ ногу и исчезъ, будто бросился въ пропасть. Жанъ-Клодъ содрогнулся, но почти тотчасъ онъ увидѣлъ у самой скалы голову Дивеса, который крикнулъ ему:

— Юлленъ, обопрись на лѣвую руку, здѣсь есть дыра; смѣло протягивай ногу, ты ощупаешь ступеньку, а потомъ повернись на каблукѣ.

Жанъ-Клодъ повиновался не безъ страха; онъ ощупалъ дыру въ скалѣ, ощупалъ ступеньку, и, сдѣлавъ полуоборотъ, очутился прямо передъ своимъ товарищемъ, въ продолговатой нишѣ, которая, вѣроятно, вела когда-нибудь къ калиткѣ. Въ концѣ ниши открывался низкій сводъ.

— Какъ ты добрался до этой штуки?—вскричалъ изумленный Юлленъ.

— А все, когда искалъ гнѣзда, 35 лѣтъ назадъ. Былъ я разъ на скалѣ и видѣлъ, что отсюда вылетала пара филиновъ; это были чудныя птицы, съ головою почти въ кулакъ и съ огромными шестифутовыми крыльями. Слышалъ я писк ихъ птенцовъ и думалъ: «они возлѣ пещеры, въ концѣ террасы. Я бы ихъ досталъ, если бы мнѣ обойти нѣсколько подальше бреши». Я и принялся высматривать, доискиваться и, наконецъ, увидалъ уголокъ ступеньки надъ пропастью. Съ боку стоялъ здоровый остролистъ. Я схватился за него, вытянулъ ногу. Тутъ-то вышла драка, Юлленъ, самецъ и самка чуть не выдрали мнѣ глаза. Хорошо еще, что дѣло то было днемъ. Они кидались на меня, точно нѣтухи, разѣвали клювъ, шипѣли, — но солнце ослѣпляло ихъ. Я ихъ толкалъ ногами. Наконецъ, они свалились на верхушку старой сосны и къ нимъ слетѣлись со всего околодка сороки, зяблики, ястреба, коршуны, которые вились надъ ними до самой ночи и щипали ихъ. Ты не можешь себѣ

представить, Жанъ-Клодъ, какой ворохъ костей, крысиныхъ шкурокъ, зайчатъ и всякой дряни они натащили въ эту нишу. Смрадъ былъ тутъ страшный. Я выкинулъ это все, и увидалъ этотъ проходъ. Надо тебѣ сказать, что здѣсь было два птенца. Я прежде всего свернулъ имъ шею и сунулъ ихъ въ мѣшокъ. Послѣ этого я совершенно успокоился; вхожу и нахожу, что ты сейчасъ увидишь,—иди сюда.

Они проскользнули подъ низкій сводъ, образовавшійся изъ огромныхъ камней, которые были слегка освѣщены мерцающимъ свѣтомъ фонаря.

Пройдя шаговъ тридцать, Юлленъ увидалъ просторную круглую пещеру проломанную сверху въ самой скалѣ. Въ этой пещерѣ виднѣлись штукъ пятьдесятъ пороховыхъ бочекъ пирамидальной формы, а съ боку лежало множество слитковъ свинца и нѣсколько мѣшковъ съ табакомъ, который пропитывалъ воздухъ своимъ тяжелымъ запахомъ.

Маркъ поставилъ свой фонарь у входа и оглядывалъ свою берлогу съ гордымъ видомъ и съ улыбкою на устахъ.

— Вотъ что я открылъ,—сказалъ онъ.—Пещера была пуста, только посреди нѣ лежалъ бѣлый какъ снѣгъ остовъ какого-то звѣря, — вѣрно лисицы, которая издохла отъ старости и раньше моего знала этотъ проходъ. А кому бы пришло въ голову войти въ слѣдъ за звѣремъ. Въ это время, Жанъ-Клодъ, мнѣ было 12 лѣтъ. Я сейчасъ подумалъ: эта нора мнѣ можетъ пригодиться со временемъ. Я еще не зналъ на что... но позже, когда я вмѣстѣ съ Яковомъ Циммеромъ принялся за контрабанду и побывалъ въ Ландау, Кало, Базелѣ, когда цѣлыхъ двѣ армы за мною гонялись всѣ таможенные пристава, тогда мысль о этой пещерѣ стала преслѣдовать меня съ утра до ночи. Я познакомился съ Гекъ-Безель, которая была въ услуженіи на фермѣ «Дубоваго Лѣса», у отца Катерины и взялъ за нею приданое въ 25 луидоровъ, и мы поселились съ нею въ Арбузьерской пещерѣ.

Дивесъ замолчалъ, а Юлленъ задумчиво спросилъ у него:

— Неужели эта дыра тебѣ такъ нравится, Маркъ?

— Нравится ли она мнѣ?.. Да, я не согласился бы переселиться отсюда въ самый роскошный изъ Страсбургскихъ домовъ, если бы мнѣ дали 2.000 ливровъ годового содержанія. Вотъ уже

23 года какъ я прячу здѣсь свои товары: сахаръ, кофе, порохъ, табакъ, водка—все здѣсь перебываетъ. У меня постоянно въ ѣздѣ восемь лошадей.

— Но вѣдь ты ничѣмъ не пользуешься?

— Я то ничѣмъ не пользуюсь? Да развѣ это, по твоему, не наслажденіе дурачить жандармовъ, таможенныхъ ищекъ и крысъ, заставлять ихъ бѣситься, безпрестанно морочить ихъ и слышать отовсюду: Хитеръ этотъ мошенникъ, Маркъ! Умѣетъ прятать концы въ воду!.. Онъ поставитъ на ноги всѣ мѣстныя власти! И толкуютъ, и толкуютъ... Ха, ха, ха! Увѣряю тебя, что это величайшее наслажденіе въ мірѣ! А къ тому же всякій тебя любитъ за то, что продаешь товаръ за полцѣны; и бѣднымъ людямъ выгодно, и самому житье теплое.

— Да, это все такъ, но вѣдь дѣло-то небезопасное!

— Э! Никогда ни одному таможенному чиновнику и на умъ не придетъ спуститься въ проломъ.

— Я думаю!—подумалъ Юлленъ, припоминая, что снова придется путешествовать по краю пропасти.

— Это такъ, — продолжалъ Маркъ, — ты отчасти правъ, Жанъ-Клодъ; въ первое время, когда мнѣ приходилось таскать сюда эти маленькія бочки, съ меня такъ и лилъ градомъ потъ, но теперь я привыкъ.

— А если бы ты оступился?

— Ну, и былъ бы конецъ! Развѣ не все равно, что умереть, изувѣчивши гдѣ-нибудь на соснѣ, что прокашлять цѣлыя недѣли, мѣсяцы, валяясь на тюфякѣ.—Дивесъ освѣщалъ своимъ фонаремъ, нагруженные до самаго верха свода, бочонки съ порохомъ.

— Это мелкій англійскій порохъ,—сказалъ онъ,—такъ и сыплется въ рукахъ, какъ серебро, и стрѣляетъ онъ по-чертовски. Его не надо много класть, одного наперстка и то довольно. А хотъ чистый свинецъ, безъ примѣси олова. Нынче же вечеромъ Гексъ-Безель примется лить пули. Она на это мастерица. Хотъ увидишь!

Они хотѣли пуститься въ обратный путь, но вдругъ раздались въ воздухѣ какія-то непонятныя слова. Маркъ задулъ фонарь, и они остались въ совершенной темнотѣ.

— Кто-то ходитъ тамъ наверху,—сказалъ шопотомъ кон-

трабандистъ:—Какого это чорта принесло на Фалькенштейнъ въ такую погоду?

Они стали прислушиваться, сдерживая дыханіе и устремивъ глаза на синеватый свѣтъ, который пробивался къ нимъ въ пещеру сквозь узкую щель.

Около этой щели росло нѣсколько кустарниковъ, покрытыхъ инеемъ; выше виднѣлась вершина старой сосны. Они смотрѣли съ глубокомъ молчаніи; вдругъ у подошвы стѣны на бѣловатомъ фонѣ зимняго неба обозначился странный силуэтъ, и мелькнула огромная голова съ всклокоченными волосами и блестящимъ обручемъ на лбу, съ продолговатымъ лицомъ и остроконечною рыжею бородою.

— Это «Бубновый король»!—вскричалъ Маркъ, смѣясь.

— Бѣднята!—серьезно проговорилъ Юллинъ.—Онъ привелъ погулять по своему замку и стоитъ босикомъ на льду, съ своею жестяною короною на головѣ! Смотри-ка, вотъ онъ заговорилъ; отдаетъ приказаніе своимъ рыцарямъ и придворнымъ; указываетъ своимъ скипетромъ на югъ и сѣверъ, все его! Ему принадлежатъ и небо, и земля!.. Несчастный! Меня дрожь такъ и пробираетъ, какъ я только взгляну на его штаны и истасканную собачью шкуру, что болтается у него за спиною.

— Да, Жанъ-Клодъ, мнѣ это напоминаетъ какого-нибудь бургомистра или деревенскаго мэра, который отращиваетъ себѣ брюшко, какъ сейчасъ, отдувается и говоритъ: «Я Ганъ Аденъ, у меня десять десятинъ прекрасныхъ луговъ, два дома, виноградникъ, плодовый садъ, у меня и то, и се!» А на завтра схватитъ его колика... и прощай! Сумасшедшіе! Сумасшедшіе! Да кто же въ полномъ умѣ-то? Пойдемъ, Юллинъ, меня просто лихорадка бьетъ, когда я посмотрю на этого несчастнаго, который болтаетъ на вѣтеръ, и на этого ворона, который будто накликаетъ голодъ.

Они вошли въ проходъ, и яркій дневной свѣтъ чуть не ослѣпилъ Юллена. Къ счастью, высокая фигура, стоявшаго передъ нимъ товарища спасла его отъ головокруженія.

— Держись крѣпче,—сказалъ Маркъ,—смотри на меня: спускай правую руку въ дыру, правую ногу впередъ и на ступень... полъ оборота... ну, вотъ и дошли.

Они вернулись въ кухню, гдѣ Гекъ-Безель сообщила имъ, что Іегофъ бродитъ въ развалинахъ стараго замка.

— Мы это знаемъ,—отвѣчалъ Маркъ.—мы видѣли, какъ онъ дышалъ наверху свѣжимъ воздухомъ; у всякаго свой вкусъ.

Въ эту минуту воронъ Гансъ пролетѣлъ надъ пропастью и покружился надъ дверью съ пронзительнымъ крикомъ; съ кустовъ посыпался иней, и юродивый появился на террасѣ, дико озираясь и бросая странный взглядъ на очагъ.

— Маркъ Дивесъ, — сказалъ онъ, — поскорѣе постарайся убраться. Я тебя предупреждаю, что мнѣ надоѣлъ этотъ безпорядокъ. Укрѣпленія моихъ владѣній должны быть свободны. Я не допущу, чтобы у меня селилась всякая сволочь. Прими свои мѣры и устрой свои дѣла.

Онъ замѣтилъ Жана-Клода, и лицо его прояснилось.

— Ты здѣсь, Юлленъ?—сказалъ онъ.—Значитъ, ты настолько просвѣтился, что хочешь принять предложеніе, которымъ я тебя удостоилъ? Значитъ, ты почувствовалъ, что союзъ со мною—единственное средство спасти отъ окончательной гибели весь твой родъ? Если я не ошибаюсь, мнѣ остается только поздравить тебя. У тебя больше здраваго смысла, чѣмъ я думалъ.

Юлленъ невольно расхохотался.

— Нѣтъ, Іегофъ, нѣтъ, я еще не настолько просвѣтился, я еще не рѣшаюсь принять твое почетное предложеніе. Да къ тому же Луиза еще въ такихъ годахъ, что ей рано выходить замужъ.

Юродивый снова нахмурился. Стоя на краю террасы, повернувшись спиною къ пропасти, онъ былъ точно у себя дома, и воронъ, вившійся надъ нимъ то справа, то слѣва, ни мало не смущалъ его.

Онъ поднялъ скипетръ, сдвинулъ брови и вскричалъ:

— Такъ, стало быть, я во второй разъ повторяю тебѣ свою просьбу, Юлленъ, а ты во второй разъ имѣешь дерзость отказывать мнѣ!? Теперь я повторю еще разъ, слышишь ли, еще разъ, а потомъ пусть совершится воля судьбы!

Онъ величественно повернулся и, несмотря на крутизну тропинки, сталъ спускаться внизъ твердыми шагами, гордо поднявъ голову.

Юлленъ, Маркъ Дивесъ и даже Гекъ-Безель разразились смѣхомъ.

— Вотъ такъ сумасшедшій!—сказала Гекъ-Безель.

— Ты, кажется, сказала правду,—отвѣчалъ ей контрабандистъ.—Несчастный этотъ Іегофъ просто окончательно спятилъ

съ ума. Но дѣло не въ томъ; выслушай меня, Безель: принимайся сейчасъ же лить пули всякаго калибра, а я отправлюсь сейчасъ въ Швейцарію. Черезъ недѣлю, самое позднее, наши послѣдніе снаряды будутъ здѣсь. Дай мнѣ сапоги.

Онъ топнулъ ногою, обвязалъ себѣ шею толстымъ краснымъ шарфомъ, снялъ со стѣны зеленый плащъ, такой, какіе обыкновенно носятъ пастухи, накинулъ его на плечи, надѣлъ на голову старую, изношенную пуховую шляпу, взялъ дубинку и сказалъ:

— Не забудь, что я тебѣ сказалъ, старуха, не то смотри! Ну, въ путь, Жанъ-Клодъ.

Юлленъ вышелъ за нимъ на террасу, не распростившись съ Генъ-Безель, которая, съ своей стороны, не удостоила ихъ прощальнымъ взглядомъ. Когда они спустились со скалы, Маркъ Дивесъ останóвился и сказалъ:

— Ты идешь въ горныя деревни, не такъ ли, Юлленъ?

— Да, съ этого надо начать: предупредить дровосѣковъ, угольщиковъ, пильщиковъ, надо всѣмъ сообщить, въ чемъ дѣло.

Конечно, не забудь Матерна изъ Генеста, и его двухъ сыновей, Лабарба и Дагсбурга, Жерома и другихъ изъ Сенъ-Квирена. Скажи имъ, что порохъ будетъ и пуль хватитъ на всѣхъ, что и Катерина Лефевръ, и я, Маркъ Дивесъ, и всѣ наши молодцы, всѣ мы примемся за дѣло.

— Будь покоенъ, Маркъ, я знаю ихъ.

— Ну, такъ до скораго свиданія.

Они крѣпко пожали другъ другу руки. Контрабандистъ повернулъ направо къ Донону, Юлленъ пошелъ по тропинкѣ налѣво къ Саррѣ. Они шли быстро, когда Юлленъ окликнулъ своего товарища:

— Эй, Маркъ, скажи мимоходомъ Катеринѣ Лефевръ, что все идетъ хорошо. Скажи ей, что я пошелъ въ горы.

Тотъ кивнулъ головой въ знакъ согласія, и оба пошли своими дорогами.

VI.

По всему протяженію Вогезовъ царствовало необыкновенное волненіе; слухъ о близкомъ нападеніи непріятеля быстро распространился по деревнямъ и достигъ лѣсныхъ фермъ и хуторовъ

Генгста и Нидека. Весь бродячій людъ: разносчики, извозчики, сплавщики, то и дѣло спускаясь съ горы и подымаясь на гору, ежедневно приносили множество самыхъ любопытныхъ новостей изъ Эльзаса и съ береговъ Рейна. Они говорили: мѣстечки готовятся къ отраженію непріятеля, запасаются хлѣбомъ и мясомъ; по дорогѣ къ Метцу, Нанси, Гюнингену и Страсбургу тянутся обозы. Куда ни взглянешь, вездѣ фуры съ порохомъ, ядра, картечь. Кавалерія спѣшитъ къ своему посту, артиллерія тоже. Маршалъ Викторъ со своей двѣнадцатитысячной арміей еще стоитъ на пути къ Саверну, но мосты крѣпостей подняты уже съ 7 часовъ вечера вплоть до 8 утра. Всякій зналъ, что все это не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Разумѣется, многіе трусили не на шутку войны, старухи протягивали руки къ небу, призывая на помощь Бога; но большая часть жителей думали, какъ бы найти средство къ защитѣ страны. Тутъ-то Жанъ-Клодъ и сдѣлался всѣмъ нуженъ.

Въ тотъ же день, около пяти часовъ вечера, онъ взбирался на вершину Генгста, гдѣ жилъ глава всѣхъ охотниковъ, старый Материъ. Жанъ-Клодъ остался у него переночевать, потому что зимой дни коротки, а дороги опасны. Старый охотникъ вмѣстѣ съ своими сыновьями, Каспером и Францемъ, обѣщалъ ему охранять отъ непріятеля Горное ущелье и откликнуться на первый сигналъ изъ Фалькенштейна.

На другой день, рано утромъ, Жанъ-Клодъ пошелъ въ Дагсбургъ переговорить съ другомъ своимъ, дровосѣкомъ Лабарбомъ. Они вмѣстѣ ходили по деревнямъ и домамъ, стараясь возпламенить въ жителяхъ любовь къ отчизнѣ; а на слѣдующій день Лабарбъ свелъ Юллена къ анзбаптисту Кристу Никелю, плейбахскому фермеру, человѣку смышленному, пользовавшемуся большимъ почетомъ, но котораго они никакъ не могли втянуть въ свое дѣло. На всѣ ихъ доводы, на всѣ ихъ просьбы у Никеля былъ одинъ отвѣтъ: «Все это прекрасно... все это справедливо, но намъ говоритъ евангеліе: «вложите мечъ свой въ ножны; восіющій отъ меча погибнетъ». Однако, онъ обѣщалъ, при случаѣ, помочь: вотъ все, чего они могли добиться отъ Никеля. Оттуда они отправились въ Вильшъ, чтобы обмѣняться крѣпкимъ пожатіемъ руки съ Даніелемъ Гиршемъ, старымъ морскимъ капитаномъ, который обѣщалъ имъ вовлечь въ это дѣло всѣхъ людей своей общины.

Здѣсь Жанъ-Клодъ разстался съ Лабарбомъ и пошелъ своей дорогой.

Въ продолженіе восьми дней онъ исходилъ всѣ горы и на девятый день зашелъ къ башмачнику Жерому въ Сенъ-Квиринѣ. Они вмѣстѣ отправились въ Бланрюльское ущелье, откуда Юлленъ, довольный тѣмъ, что исполнилъ все, что нужно, возвратился домой.

Онъ шелъ скорымъ шагомъ около двухъ часовъ, и ему живо рисовалась лагерная, бивуачная жизнь, походы, та солдатская жизнь, о которой онъ такъ часто грустилъ. Онъ шелъ тихо и задумчиво; въ синеватой дали онъ сталъ различать свою Шармскую хижину, надъ которой струилась тонкая, едва замѣтная, струя дыма, небольшіе сады, окруженные частоколами; слѣва, по склону холма, виднѣлась большая ферма «Дубовой рощи», а въ темномъ ущельѣ Вальтенская мельница.

Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, взгрустнулось Жану-Клоду. Онъ пошелъ тихимъ шагомъ, размышляя о тихой, спокойной жизни, съ которой онъ разставался, можетъ быть, навсегда. Ему вспомнилась его комнатка, зимою такая теплая, а лѣтомъ такая веселая, особенно когда откроешь окно, и вѣтерокъ зашелеститъ въ рощѣ; слышалось Жану-Клоду и монотонное тиканье часовъ; но живѣе всего рисовалась ему милая Луиза. Воспоминанія эти были такъ живы, что онъ ясно представлялъ себѣ всѣ мельчайшія подробности своего ремесла, и топорикъ, и колотушку, онъ видѣлъ и маленькую печку, старый шкапъ, старый образъ архангела Михаила, прибитый къ стѣнѣ, старую кровать съ занавѣсками, лампу съ мѣднымъ язычкомъ, все вставало передъ нимъ, какъ въ картинѣ, и слезы навернулись на его глазахъ.

Больше всего онъ тужилъ о Луизѣ. Какъ она будетъ плакать! Какъ она станетъ умолять его не ходить на войну! Какъ крѣпко она обовьетъ его шею и скажетъ: «Не оставляй меня, папа! Я такъ люблю тебя: неужели ты меня бросишь?» Жану-Клоду такъ и грезились испуганные глаза любимой дочери, ея горячія объятія. Обмануть ее развѣ, объяснить какъ-нибудь иначе свой отъѣздъ. Но всѣ эти мѣры были не въ характерѣ Жана-Клода, и онъ не на шутку опечалился.

Проходя мимо фермы «Дубовой рощи», онъ зашелъ сказать Катринѣ Лефевръ, что дѣла идутъ хорошо, и жители горъ ожидаютъ только сигнала.

Черезъ четверть часа Жанъ-Клодъ показался на дорогѣ къ Гу и очутился передъ своимъ домомъ. Онъ не вдругъ отворилъ дверь, ему захотѣлось узнать, что дѣлаетъ Луиза, онъ заглянулъ въ окно. Дѣвушка стояла въ спальнѣ у занавѣски кровати и что-то перебирала и складывала. Ясное лицо ея сіяло счастьемъ.

Скрѣпивъ сердце, онъ вошелъ въ комнату и сказалъ твердо:

— Вотъ я и вернулся, Луиза.

Дѣвушка, запрыгавъ, какъ козочка, подбѣжала къ отцу и бросилась обнимать его.

— А это вы, папа Жанъ-Клодъ! О, Боже мой, какъ долго васъ не было! Но, наконецъ, вы вернулись.

— Видишь ли какое дѣло, дитя мое,—отвѣчалъ добрякъ нерѣшительнымъ тономъ, поставивъ за дверь палку и кладя шапку на столъ.—Видишь ли...

— Да, да, вы ходили повидаться съ друзьями,—сказала смѣясь Луиза.—Я знаю, мнѣ вѣдь тетка Лефевръ все сказала.

— Какъ ты знаешь?.. И тебѣ ничего?.. Ну тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, дитя мое. Значитъ, ты умница. А я-то думалъ, что ты расплачешься.

— Расплачусь? Да о чемъ же, папа Жанъ-Клодъ? О, я храбрая. Вы еще меня не знаете.

Видъ у нея при томъ былъ самый рѣшительный, что заставило Юллена улыбнуться. Но эта улыбка исчезла, когда Луиза прибавила:

— Мы будемъ воевать... Будемъ драться... Уйдемъ въ горы.

— Какъ ты говоришь «мы»?!—вскричалъ добрякъ, совершенно ошеломленный.

— Ну да, конечно. А что, развѣ мы не пойдемъ?—добавила она съ сожалѣніемъ.

— Да, дитя мое, надо итти, и мнѣ придется покинуть тебя на нѣкоторое время.

— Какъ, покинуть меня? О, нѣтъ, я отправлюсь вмѣстѣ съ вами, это рѣшено. Вотъ, поглядите, я уже и узелокъ свой снарядила, а вотъ и вашъ снаряжается. Вы ужъ не безпокойтесь, я обо всемъ позабочусь.

Юллень не могъ опомниться отъ изумленія.

— Луиза,—вскричалъ онъ,—одумайся! Вѣдь придется ночевать въ полѣ или въ лѣсу, и ходить и бѣгать въ холодъ и въ снѣгъ, да еще подъ ружейными выстрѣлами. Невозможно тебѣ итти съ нами.

— Ну, папа, — вскричала молодая дѣвушка голосомъ, въ которомъ слышались слезы, кидаясь въ его объятія,—неужели вы захотите меня огорчить? Я знаю, вы шутите! Вы не захотите покинуть вашу Луизочку!

— Но тебѣ тутъ будетъ лучше. Будешь себѣ сидѣть въ теплѣ, а о насъ будешь получать вѣсти каждый день.

— Нѣтъ, нѣтъ, не хочу и не хочу! Хочу съ вами, холодъ для меня ничего не значитъ. Я и то ужъ сколько времени просидѣла взаперти, мнѣ надо просвѣжиться. Посмотрите на птицъ, развѣ онѣ сидятъ дома. Красношейки всю зиму проводятъ на воздухѣ Развѣ я маленькая не испытала холода и голода вдобавокъ?

Она топнула ногой, снова обняла Жанъ-Клода и съ нѣжностью сказала ему:

— Слушайте, папа Юлленъ. Я говорила съ теткой Лефевръ, она согласна. Неужели вы не будете такимъ добрымъ, какъ она! Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я васъ люблю!

Добрякъ совсѣмъ расчувствовался и размякъ. Онъ сидѣлъ отворотившись, чтобы соблюсти твердость духа и чтобы уклониться отъ объятій.

— Фу, какой вы сегодня не добрый, папа Жанъ-Клодъ!

— Ради твоей же пользы, дитя мое.

— Ну, коли такъ, я все равно убѣгу изъ дому и найду васъ. Холодъ!.. Ну, что такое холодъ!.. А случись, что вы будете ранены, что вы захотите въ послѣдній разъ взглянуть на вашу Луизочку, а ея не будетъ около васъ, чтобы ходить за вами, любить васъ до конца! О, если вы такъ думаете обо мнѣ, то считаете меня безсердечной!

И она разрыдалась. Юлленъ не былъ въ состояніи долѣе противиться.

— Да правда ли, что тетка Лефевръ согласна? — спросилъ онъ.

— О да, о, да!.. Она сама мнѣ сказала:—Постарайся уговорить папа Жанъ-Клода, а я согласна.

— Ну чтожъ я могу подѣлать съ вами обоими?.. Нечего дѣлать, пойдемъ съ нами.

Она испустила радостный крикъ:—о, какъ вы добры!

Она однимъ взмахомъ руки вытерла слезы и сказала:

— Значитъ, отправляемся! Будемъ бродить по лѣсамъ, будемъ воевать.

— Эхъ,—сказалъ Юлленъ, качая головою,—вижу, что ты навѣкъ останешься маленькой бездомовницей. Видно ласточку не приручишь.

Потомъ, усадивъ ее къ себѣ на колѣни, онъ продолжалъ:

— Слушай, Луиза, двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я нашелъ тебя въ снѣгу; ты была вся синяя, бѣдняжка. Какъ только ты отогрѣлась у огня въ нашей землянкѣ, ты мнѣ сейчасъ улыбнулась. Съ тѣхъ поръ этой милой улыбкой ты дѣлала изъ меня все, что хотѣла.

Луиза улыбнулась, и они снова обнялись.

— Ну-ка, взглянемъ на твои узелки. Все ли тутъ?

Онъ подошелъ къ кровати и пересмотрѣлъ все: кафтаны, жилеты. Все это было вычищено и хорошо упаковано. Онъ не могъ удержаться отъ хохота и восклицанія:

— Ахъ ты моя Heimatlos *)! Только ты одна способна такъ живо навертѣть узловъ и уходить изъ дому, куда глаза глядятъ! Ну, покорми меня чѣмъ-нибудь!

Онъ присѣлъ на стапокъ въ углу комнаты и задумчиво сталъ высѣкать огонь. Луиза такъ и бѣгала, то туда, то сюда, развела огонь, разбила яйца, выпустила ихъ на сковороду, и яичница была въ одинъ мигъ готова. Никогда еще дѣвушка не была такъ весела и расторопна. Юлленъ, облокотившись на столъ и подперши рукою, наблюдалъ быстроту ея движеній и думалъ про себя, сколько воли и ума въ этомъ маленькомъ существѣ, легкомъ, какъ фея, и рѣшительномъ, какъ воинъ. Не прошло и двухъ минутъ, какъ Луиза подала ему на большомъ блюдѣ яичницу, хлѣбъ, стаканъ и бутылку.

— Вотъ вамъ, папа, кушайте.—И она нѣжно смотрѣла на него, пока онъ ѣлъ.

Пламя, вырываясь изъ печки, яркимъ свѣтомъ обливало нижнія бревна избушки, деревянную лѣстницу и большую кровать въ глубинѣ спальни.—все жилище, такъ часто оживляемое, бывало, веселымъ расположеніемъ духа башмачника, пѣснями его дочери и бодрымъ трудомъ. Но Луиза думала не о томъ; ей

*) Бездомовница.

такъ и спились лѣса, снѣга и горы, тянущіеся на безконечное пространство отъ нихъ деревни до самой Швейцаріи, и еще дальше и дальше. Да, Жанъ справедливо называлъ ее «Heimatlos». Ласточку не удержать въ комнатѣ, ей нуженъ просторъ, воздухъ и безпрерывное движеніе. Ни гроза, ни вѣтеръ, ни потоки дождя не помѣшаютъ ей покинуть свое гнѣздышко. Всѣ ея думы, все желаніе: въ дорогу, въ дорогу!

Поужинавъ, Юллинъ всталъ и сказалъ дочери:

— Я усталъ, дитя мое, поцѣлуй меня еще разъ и пойдемъ спать.

— Пойдемте, только не забудьте меня разбудить, если пойдете рано.

— Будь спокойна, вѣдь рѣшено, что ты отправишься съ нами.

— Жанъ, слѣдя глазами за взбирающейся по лѣстницѣ дѣвушкой, подумалъ: «Не весело ей остаться одной!»

Кругомъ была глубокая тишина. Одиннадцать часовъ пробило на деревенской церкви. Жанъ принялся снимать свои сапоги, но, замѣтивъ висѣвшее у двери солдатское ружье, снялъ его, медленно стеръ съ него пыль и нѣсколько разъ прицѣлился для пробы. Онъ весь былъ погруженъ въ это занятіе.

— Еще годится,—прошепталъ онъ.– -А вѣдь странно право, четырнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я держалъ его въ послѣдній разъ при Маренго, а мнѣ кажется, что все это было не дальше какъ вчера!

Въ это время на улицѣ твердый снѣгъ заскрипѣлъ подъ чьими-то шагами. Жанъ, стоя, вслушивался: не идетъ ли кто? Въ окно кто-то постучалъ. Онъ подошелъ къ окну, отперъ его и увидѣлъ закутанную въ войлочную шляпу, покрытую снѣгомъ, голову Марка Дивеса.

— Ну, что новаго, Маркъ?

— Предупредилъ ли ты нашихъ горцевъ, Матерна, Жерома, Лабарба?

— Всѣхъ, всѣхъ предупредилъ.

— Теперь самое время: непріятель близко.

— Близко, гдѣ?

— Мы окружены имъ. Я сдѣлалъ пятнадцать верстъ спѣшами въ это утро, чтобы извѣстить тебя.

— Хорошо! Надо дать сигналъ: развести огня какъ можно больше на Фалькенштейнѣ.

Юллень былъ блѣденъ, какъ полотно; онъ надѣлъ сапоги, въ двѣ минуты накинулъ на плечи кафтанъ, взялъ палку, тихонько вышелъ изъ дому и скорыми шагами послѣдовалъ за Маркомъ Дивесомъ по дорогѣ къ Фалькенштейну.

VII.

Среди ночного мрака, съ полуночи до 6 часовъ утра, горѣло пламя на вершинѣ Фалькенштейна, и всѣ горные жители были на ногахъ. Всѣ друзья Юллена, Марка Дивеса и старухи Лефевръ, въ высокихъ штиблетахъ, съ ружьями на плечахъ, направлялись въ лѣсную чащу къ Вальтенскимъ ущельямъ. Всѣмъ было ясно, какъ день, что непріятель шелъ по равнинамъ Эльзаса, съ цѣлью занять ущелья. Набатные колокола Дагсбурга, Абрешвиллера, Вальша, Сенъ-Квирина и другихъ деревень не переставали звонить, призывая къ оружію защитниковъ страны.

Теперь представьте себѣ гору Іегерталь у подошвы стараго бурга въ лютую снѣжную погоду; только что начало свѣтать, деревья начинали отчетливо отдѣляться другъ отъ друга, воздухъ становился теплѣе. Представьте себѣ старую пильную мельницу съ плоской кровлей, ея полноводныя колеса, покрытыя льдинами, сарай, освѣщенный желтоватымъ свѣтомъ зажженнаго костра, замѣтно поблѣднѣвшимъ при разсвѣтѣ. При огнѣ виднѣлись кожаныя и войлочныя фуражки, а темные профили такъ и сливались въ одну массу.

Далѣе, въ глубинѣ рощи, огни освѣщали группы сидящихъ на снѣгу мужчинъ и женщинъ.

Волненіе народа утихало, но по мѣрѣ того, какъ становилось свѣтлѣе, и люди стали узнавать другъ друга.

— А, и Даніель изъ Солдатенталя тоже здѣсь?

— Какъ видите, Геприхъ, да еще съ женою.

— Какъ и она здѣсь! Гдѣ же она?

— Тамъ, подъ большимъ дубомъ, у костра дядюшки Ганса.

Знакомые жали другъ другу руки. Слышалась продолжительная зѣвота. Иные бросали въ огонь щепки, куски досокъ, передавали другъ другу бутылки; другіе выходили изъ кружка, уступая мѣсто у огня другимъ, дрожащимъ отъ холода.

Нетерпѣніе стало, наконецъ, овладѣвать толпой; послышались голоса:

— Что жъ это, мы вѣдь не траву мять сюда собрались; пора оглядѣться и переговорить обо всемъ толкомъ.

— Да, да, надо переговорить и выбрать начальниковъ.

— Какъ можно! Не всѣ еще собрались, поглядите-ка, сколько народу идетъ изъ Дагсбурга и Сенъ-Квирина.

Въ самомъ дѣлѣ, съ разсвѣтомъ все болѣе виднѣлось людей, бѣгущихъ по всѣмъ направленіямъ горы. Нѣсколько сотъ человѣкъ толпились уже въ долинѣ: дровосѣки, угольщики, сплавщики, не считая женъ и дѣтей.

Ничто не могло быть живописнѣе этой толпы среди снѣговъ глубокаго ущелья, гдѣ сосны возвышались до облаковъ. Справа виднѣлся безконечный рядъ долинъ, а слѣва лежали развалины Фалькенштейна. Издали всю эту толпу можно было принять за журавлей, помѣстившихся на льдахъ; но вблизи стоило посмотрѣть на этотъ суровый народъ; щетинистыя бороды, мрачные глаза, широкія плечи и мозолистыя руки. Нѣкоторые изъ нихъ, повыше ростомъ, были изъ породы людей огненно-рыжихъ, бѣлолицыхъ, до ногтей покрытыхъ волосами и способныхъ вырвать дубъ съ корнемъ. Къ числу ихъ принадлежали старикъ Материъ и его сыновья Францъ и Касперъ. Эти смѣльчаки, всѣ трое вооруженные хорошими штуцерами, въ штибле-тахъ съ кожаными пуговицами выше колѣнъ, съ накинутымъ на плечи плащемъ изъ козьей шкуры, шапкой, надвинутой на затылокъ, даже не хотѣли погрѣться у огня. Цѣлый часъ просидѣли они на бревнѣ у берега рѣки, поставивъ въ снѣгъ ноги, словно на охотѣ, и съ любопытствомъ посматривая на остальныхъ. Иногда старикъ замѣчалъ сыновьямъ:

— Чего они такъ забушуть, я не помню зимней ночи теплѣй настоящей; на рѣкѣ, хоть бы одна льдинка!

Всѣ лѣсные охотники, проходя мимо, подавали имъ руку и садились около нихъ, составивъ такимъ образомъ отдѣльный кружокъ. Не много было говору у охотниковъ, привыкшихъ молчать по цѣлымъ днямъ, чтобы не спугнуть дичи.

Маркъ Дивесъ, посреди своего кружка цѣлой головой возвышаясь надъ всѣми, разсуждалъ, указывая то одно, то другое направленіе горы. Передъ нимъ стоялъ старый Лагармитъ въ своемъ широкомъ балахонѣ, съ длиннымъ охотничьимъ рогомъ

и собакою. Онъ слушалъ контрабандиста, разинувъ ротъ и по-временамъ качая головою. Да и весь кружокъ слушалъ внимательно; онъ состоялъ преимущественно изъ дровосѣковъ и силавщиковъ, съ которыми контрабандистъ состоялъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ.

Между мельницей и первымъ костромъ, на перекладинѣ, сидѣлъ башмачникъ Жеромъ изъ Сенъ-Квирина, человѣкъ 50 или 60 лѣтъ, съ длиннымъ смуглымъ лицомъ, впалыми глазами, толстоносый, въ наушникахъ изъ выдровой кожи, и желтой бородой до пояса. Руки его въ зеленоватыхъ рукавицахъ лягушечьяго цвѣта, опирались на суковатую рябиновую палку. По его длинному, шерстяному балахону, легко было принять его за отшельника. При малѣйшемъ шорохѣ, отецъ Жеромъ, прислушивался къ шуму, медленно поворачивая голову и сдвигая брови.

Жанъ Лабарбъ, опершись на свое топорище, казался безучастнымъ. Этотъ былъ блѣдноликій, съ орлинымъ носомъ и тонкими губами; онъ имѣлъ большое вліяніе на жителей Дагебурга твердостью своей воли и честностью. Кругомъ его раздавались голоса: «Надо же, наконецъ, чѣмъ-нибудь кончить, что мы стоимъ здѣсь напрасно!» Онъ рѣзко возразилъ на это: «Подождемъ еще, Юлленъ не пришелъ, Катерина Лефевръ также. Спѣшить не зачѣмъ». Всѣ замолкали, устремивъ свои взоры на Шармскую дорогу.

У порога своей хижины сидѣлъ съ трубкою во рту маркитантъ Пиретъ; онъ былъ невеликъ ростомъ, худощавъ, съ черными, вмѣстѣ сросшимися бровями; въ движеніяхъ его было много энергіи; своимъ быстрымъ, проницательнымъ взоромъ онъ разомъ наблюдалъ всю толпу.

Нетерпѣніе толпы между тѣмъ возрастало съ каждой минутой. Мэры нѣкоторыхъ деревень, въ клѣтчатыхъ плащахъ и треугольныхъ шляпахъ, стали созывать общины на сходку. Къ счастью, тутъ подоспѣла телѣга Катерины Лефевръ, и радостныя восклицанія послышались со всѣхъ сторонъ.

— Вотъ они! Вотъ они пріѣхали!—Старый Матернъ влѣзъ на бревно, посмотрѣлъ и, слѣзая, серьезно сказалъ:—Да, это они!

Произошло волненіе. Всѣ отдаленные кружки слились въ одну массу. Лихорадочное нетерпѣніе овладѣло толпой. Только что показалась старая фермерша съ кнутомъ въ рукахъ и

маленькой Лунзой, какъ послышались восклицанія, повторяемыя эхомъ: «Да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ мать Катерина!»

Юлленъ, отставшій отъ нихъ, съ шапкой, надвинутой на затылокъ, съ солдатскимъ ружьемъ на ремнѣ, шелъ по Эйхматскому лугу и крѣпко пожималъ руки всѣмъ встрѣчнымъ:

— Здравствуй, Даніель! Здравствуй, Колонъ! Здравствуй, здравствуй!

— Дѣло у насъ будетъ жаркое, Юлленъ!

— Да, кажется, что такъ.

— Здравствуй ты, старый Жеромъ; важное у насъ затѣвается дѣло!

— Да, Жанъ-Клодъ, Богъ дастъ—хорошо кончимъ.

Катерина, остановившись, просила Лабарба вынуть изъ телѣги бочонокъ съ водкой, привезенный ею съ фермы и спросить у Піерета кружку.

Нѣсколько спустя, Юлленъ, пробираясь къ костру, увидѣлъ Матерна съ сыновьями.

— Поздно вы пріѣхали,—сказалъ старый охотникъ.

— Знаю, знаю! Какъ быть? Надо было, идя изъ Фалькенштейна, захватить ружье и снарядить женщинъ въ дорогу. Теперь всѣ налицо; нечего время терять; затруби, Лагармитъ, пусть сходятся и выбираютъ начальниковъ.

Лагармитъ затрубилъ, и щеки его раздувались до ушей; толпы разсѣянныя по опушкѣ лѣса, сломя голову спѣшили на мѣсто. Вскорѣ ополченцы собрались передъ мельницей.

Юлленъ принялъ важный видъ, взобрался на бревно и, внимательно всматриваясь въ народъ, заговорилъ среди общаго молчанья:

— Третьяго дня непріятель перешелъ Рейнъ; онъ идетъ въ горы, чтобы пробраться въ Лотарингію; Страсбургъ и Гунингъ уже осаждены. Дня черезъ три—четыре нѣмцы и русскіе будутъ здѣсь.

— Да здравствуетъ Франція!—былъ возгласъ толпы.

— Да, надо отстоять Францію,—возразилъ Жанъ-Клодъ.—потому что если союзники проберутся въ Парижъ, тогда все въ ихъ рукахъ. Они могутъ возстановить барщину, десятину монастыря, привиллегіи и висѣлицу. Если вамъ желательно всего этого—пустите ихъ!

Неописанный ужасъ выразился на всѣхъ лицахъ.

— Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать,—громко произнесъ поблѣднѣвшій Юлленъ.—Вы пришли сюда вѣдь сражаться?

— Да, да!

— Хорошо, такъ слушайтесь же. Я не хочу дѣлать васъ измѣнниками. Между вами есть отцы семействъ, мы будемъ одинъ противъ пятидесяти, насъ ждетъ погибель! Итакъ, кто не обдумалъ всего этого, кто не чувствуетъ желанія исполнить свой долгъ до конца, пусть уходитъ сейчасъ же.

Онъ замолчалъ и поглядѣлъ вокругъ; никто не двинулся съ мѣста; Клодъ ободрился и сказалъ очень рѣшительно.

— Никто ни съ мѣста, всѣ за одно, всѣ хотятъ драться! Ахъ, какъ я радъ, что между нами не нашлось ни одного труса! Теперь выберемъ начальника. Во время большой опасности порядокъ и дисциплина первое дѣло. Выбранный начальникъ будетъ всѣмъ распоряжаться, и всѣ будутъ его слушаться. Подумайте же хорошенько, кого выбрать, потому что отъ него будетъ зависѣть ваша участь.

Сказавъ это, Жанъ сошелъ съ бревенъ. Народъ волновался. Каждая деревня совѣщалась отдѣльно, каждый мэръ предлагалъ своего выбраннаго, а время все шло. Катерина Лефевръ теряла терпѣніе; наконецъ, она поднялась съ мѣста и сдѣлала знакъ, что хочетъ говорить.

Катерина пользовалась большимъ уваженіемъ. Многіе тотчасъ подошли къ ней, узнать въ чемъ дѣло.

— Мы теряемъ время, друзья мои,—сказала она,—намъ немедленно нужно найти надежнаго человѣка, солдата и командира, который сумѣлъ бы дѣйствовать въ нашу пользу. Итакъ, что же мы стоимъ и не попросимъ Юллена? Развѣ между нами есть лучшій начальникъ? Если да—пусть вызовется, мы назначимъ его; но я стою за Юллена. Во всякомъ случаѣ рѣшайте скорѣе, а то непріятель нагрянетъ прежде, чѣмъ вы успѣемъ выбрать командира.

— Пусть Юлленъ будетъ нашимъ предводителемъ!—закричали Лабарбъ, Дивесъ, Жеромъ и другіе.—Увидимъ, кто будетъ противъ этого!

Маркъ Дивесъ влѣзъ на бревно и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Пусть тѣ, кто не желаетъ Юллена начальникомъ, подымутъ руки вверхъ.

Ни одна рука не поднялась.

— Теперь поднимайте руки, желающіе Юллена.

Поднялись сотни рукъ.

— Жанъ-Клодъ,—сказалъ контрабандистъ,—влѣзь-ка, посмотри; вѣдь тебя выбрали.

Жанъ-Клодъ влѣзъ на бревно и увидалъ, что онъ единогласно выбранъ, и затѣмъ онъ обратился къ толпѣ:

— Ну, хорошо, меня выбрали начальникомъ, я согласенъ, пусть будетъ такъ. Пусть пойдутъ въ сарай Материъ, Лабарбъ, Жеромъ, Маркъ Дивесъ, Пиретъ и Катерина Лефевръ; тамъ мы переговоримъ обо всемъ. Черезъ пятнадцать, двадцать минутъ я вернусь и сдѣлаю распоряженіе. А пока пусть изъ каждой деревни отрядятъ съ Маркомъ Дивесомъ двухъ человѣкъ за порохомъ и пулями въ Фалькенштейнъ.

VIII.

Всѣ названные Юлленомъ собрались въ хижинѣ маркитанта Пирета, подъ колпакомъ у большого очага. Лица этихъ храбрыхъ людей выражали ясное, веселое расположеніе духа.

— Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ мнѣ приходится встрѣчаться съ пруссаками, австрійцами и казаками,— улыбаясь, говорилъ старый Материъ;— а я бы былъ не прочь еще разъ поддѣть кого-нибудь изъ нихъ на штыкъ. Это очень занятно...

— Да, — отвѣчалъ Лабарбъ, — тутъ занятнаго будетъ не мало. Нашимъ ребятамъ будетъ что разсказать о своихъ отцахъ и дѣдахъ.

— Ну, товарищи,—началъ Юллень,—вы знаете нашу мѣстность: вотъ у насъ передъ глазами гора отъ самаго Тапа до Бисембурга. Вы знаете, что двѣ столбовыя, императорскія дороги идутъ черезъ Эльзасъ и Вогезы, обѣ онѣ идутъ изъ Базеля: одна по берегу Рейна до Страсбурга, оттуда она по Саверискому косогору ведетъ въ Лотарингію. Эта дорога защищена Гюнингеномъ, Страсбургомъ и Пекъ-Бризахомъ. Другая поворачиваетъ влѣво и ведетъ въ Шлестадтъ, оттуда поднимается въ гору, на Сенъ-Діе, Раонъ-д'Этанъ, Баккара и Люне-

виль. Я думаю, непріятель первымъ дѣломъ постарается занять эти дороги, такъ какъ онѣ очень удобны для кавалеріи, артиллеріи и багажа; но вѣдь онѣ прочно защищены отъ непріятеля, слѣдовательно, намъ нечего за нихъ опасаться. Если непріятель приступитъ къ осадѣ крѣпостей, это отниметъ у него много времени, и тогда намъ нечего трусить. Но я думаю, наврядъ это случится. Заставивъ сдаться Гюнингенъ, Бельфоръ, Шлестадтъ, Страсбургъ, Пфальцбургъ по одну сторону Вогезовъ и Бичъ, Лютцельштейнъ и Сарбрюкъ по другую, я думаю, они нападутъ на насъ. Теперь слушайте же меня хорошенько. Между Пфальцбургомъ и Сенъ-Діе есть много ущелій, удобныхъ для пѣхоты, а для пушекъ только одна дорога, та, что идетъ изъ Страсбурга въ Раонъ ле-Ло; если союзники овладѣютъ этимъ путемъ—они въ Лотарингіи. Дорога эта отъ насъ въ двухъ верстахъ направо. Первымъ дѣломъ мы должны выбрать надежное мѣсто, удобное для отраженія непріятеля, тамъ гдѣ-нибудь на гористомъ плато. Надо отрѣзать путь непріятелю, разобрать мосты, разбросать по дорогѣ крупный валежникъ, повалить нѣсколько сотенъ деревъ съ ихъ громадными сучьями; они—хорошая защита, не заслоняющая между прочимъ непріятеля. Эти толстыя деревья держатся чертовски! Ихъ надо изрубить въ мелкіе куски, чтобы нельзя было перебросить черезъ нихъ моста: наконецъ, вотъ все, что можно придумать. Все это, друзья, будетъ готово завтра вечеромъ, послѣзавтра, а можетъ и позже, только я берусь это устроить. Но помните, что занять удобное мѣсто—еще далеко не все; надо позаботиться о томъ, чтобы непріятель никакимъ способомъ не могъ овладѣть этимъ мѣстомъ.

— Да, я тоже думалъ объ этомъ,—сказалъ Матернъ.—Во-первыхъ, Брюшской долиной нѣмцы могутъ взойти со всей своей инфантеріей на холмы Гослаха и обогнуть насъ слѣва; а что помѣшаетъ имъ захватить насъ справа, если они только доберутся до Раонъ-Летапа?

— Но у насъ есть очень легкое средство отнять у нихъ всякую возможность это сдѣлать: стоитъ только занять Цорнское и Сарское ущелья съ лѣвой стороны, а съ правой Бланрюльское. Ущелья всегда слѣдуетъ защищать, становясь на возвышенность; вотъ Піеретъ пусть станетъ у Раонъ-ле-Ло, Жеромъ у Гросмана, съ отрядомъ, могущимъ запереть Сарскую долину;

а Лабарбъ съ остальными помѣстится на большомъ кессонѣ охранять Гослахскіе холмы. Вы остановитесь въ ближайшихъ деревняхъ. Надо устроить такъ, чтобъ женщинамъ не было далеко носить вамъ провизію; къ тому же раненые будутъ къ нимъ ближе: вѣдь это тоже надо имѣть въ виду. Вотъ пока все, что я хотѣлъ вамъ сказать. Всѣ главные начальники должны будутъ посылать въ Додонъ, нашу главную квартиру, хорошаго пѣшехода для извѣщенія меня о всемъ случившемся и для принятія новыхъ приказаній. Мы позаботимся о резервѣ: но такъ какъ теперь надо поспѣшить, то мы поговоримъ объ этомъ послѣ, когда всѣ будемъ на мѣстахъ.

— А я-то что буду дѣлать?—сказалъ Маркъ Дивесъ.—Я буду стоять, сложа руки, и смотрѣть, какъ дерутся другіе?

— Ты будешь охранять военные припасы: никто, кромѣ тебя, не сумѣетъ сберечь порохъ отъ огня и сырости; а кто будетъ лить пули и дѣлать картечь?

— Да вѣдь это чисто женская работа,— возразилъ контрабандистъ,— Текстъ-Безель сдѣлаетъ это не хуже меня. Такъ мнѣ и не придется взяться за ружье?

— Будь спокоенъ, Маркъ,—отвѣчалъ Юлленъ.—достанется и на твою долю. Во-первыхъ, Фалькенштейнъ—центръ нашей линіи, нашъ арсеналъ и наше убѣжище, въ случаѣ пораженія: непріятели узнаютъ отъ своихъ шпіоновъ, что оттуда выходятъ наши припасы, они попробуютъ непремѣнно овладѣть ими, и ты не убѣжишь отъ пуль и ядеръ. Но если тебѣ не удастся испытать всего этого, тѣмъ лучше, потому что, разсуди самъ, развѣ можно оставить на кого-нибудь твои погреба? Впрочемъ, если тебѣ ужъ такъ хочется...

Только-что Жанъ-Клодъ упомянулъ о погребахъ, Маркъ призадумался и сказалъ:

— Я думаю, что ты правъ, Юлленъ; со мной будутъ люди хорошо вооруженные, мы будемъ охранять Фалькенштейнъ; но если представится случай всадить пулю врагу, то, разумѣется, я буду очень счастливъ.

— Теперь, кажется, вы все слышали, все поняли?—спросилъ Юлленъ.

— Да, да, все кончено.

— Ну, теперь, друзья мои, — очень весело сказалъ Юлленъ,—пойдемте погрѣться добрымъ стаканомъ вина. Теперь

десять часовъ, пусть всѣ отправляются по домамъ за провизіей, и завтра же всѣ ущелья должны быть заняты.

Всѣ вышли изъ комнаты, и Юлленъ объявилъ передъ толпой начальниками ущелій: Лабарба, Жерома, Піерета. Онъ приказалъ всѣмъ, назначеннымъ въ Сарръ, собраться какъ можно раньше возлѣ фермы «Дубовая роща» съ топорами, заступами и ружьями.

— Мы отправимся въ два часа,—сказалъ онъ имъ.—и станемъ поперекъ дороги; завтра чуть свѣтъ мы примемся за валежникъ.

Онъ остановилъ Матерна съ его сыновьями, сказалъ ему, что битва прежде всего начнется въ Додонѣ, и что тамъ необходимы хорошіе стрѣлки. Матернъ выслушалъ все это съ большимъ удовольствіемъ.

А тетка Лефевръ никогда еще не была такъ счастлива; садясь въ свою телѣжку, она поцѣловала Лунзу и сказала ей на-ухо:

— Пока все идетъ хорошо. Жанъ-Клодь человѣкъ надежный... Онъ все предвидитъ, и за нимъ всѣ пойдутъ. Я его сорокъ лѣтъ знаю, да и то часто удивляюсь ему.

Она обернулась къ Жану-Клоду и закричала:

— У насъ тамъ ветчина и нѣсколько бутылокъ стараго вина, котораго ужъ нѣмцы не выпьютъ.

— О, нѣтъ, не выпьютъ. Идите, я приду.

Только что Катерина взялась за кнутъ, и множество горцевъ влѣзли на косогоръ оглядѣть деревни, вдали, по дорогѣ къ «Тремъ фонтанамъ», показался высокій и худощавый господинъ верхомъ на лошади, въ шапкѣ изъ заячьей шкуры съ широкимъ отворотомъ, опущеннымъ до шеи. Носъ его былъ нѣсколько поднятъ. Большая, черная собака бѣжала за нимъ, а фалды его сюртука развѣвались, какъ крылья. Всѣ закричали:

— А, это докторъ Лоркенъ изъ долины, это тотъ, что лѣчитъ бѣдныхъ больныхъ; вотъ онъ съ своей собакой, Плутономъ; славный онъ человѣкъ!

Это былъ дѣйствительно онъ; онъ скакалъ и кричалъ:

— Стойте, берегитесь!

Быстро разсѣкалъ воздухъ Лоркенъ; все яснѣе видѣлось его красное лицо, большіе, живые глаза, темнорыжая борода, его широкія крутыя плечи, его лошадь и собака.

Минуты черезъ двѣ онъ достигъ подошвы горы, проѣхалъ равнину, мостъ и очутился возлѣ хижины. Онъ проговорилъ, задыхаясь:

— Ахъ вы, лицемѣры, не сказавъ мнѣ ни слова, все дѣло обдѣлали! Ужъ вы мнѣ поплатитесь за это. Онъ ударилъ кулакомъ по котомкѣ, висѣвшей на немъ.

— Погодите, мои любезные, погодите: вотъ у меня спрятаны здѣсь такія вещи, которыя развяжутъ вамъ языкъ; тутъ у меня лежатъ ножечки и ножи, круглые и острые, ими я буду вынимать всевозможныя пули и картечи, которыми угоститъ васъ непріятель.

Онъ разразился громкимъ хохотомъ, а всѣ присутствующіе стояли, какъ мокрыя курицы. Пошутивъ немного, докторъ серьезно обратился къ Юллену:

— Юллепъ, мнѣ слѣдовало бы васъ отодрать за уши. Какъ же, дѣло идетъ о защитѣ отечества, а вы позабыли, что я существую на свѣтѣ. Другіе увѣдомили меня обо всемъ этомъ. А мнѣ кажется, что докторъ здѣсь вовсе не лишній.

— Простите, Лоркенъ, совсѣмъ изъ головы вонъ,—отвѣчалъ Юлленъ и пожалъ ему руку.—Въ эти восемь дней произошло такъ много новаго. Вѣдь гдѣ же обо всемъ упомнить! Къ тому же, я думаю, было бы лишнее напоминать вамъ объ исполненіи вашего долга.

Докторъ смягчился.

— Все это прекрасно, я опоздалъ по вашей милости: хорошія мѣста заняты, кресты розданы. Гдѣ же главнокомандующій, я ему пожалуюсь.

— Главнокомандующій—я.

— А, въ самомъ дѣлѣ?

— Въ самомъ дѣлѣ, докторъ, и я назначаю васъ нашимъ главнымъ хирургомъ.

— Главный хирургъ Вогезской арміи, это ко мнѣ очень идетъ. Помиримся, Жанъ-Клодъ.

Онъ подошелъ къ Катеринѣ и сказалъ, что устройство госпиталей онъ поручаетъ ей.

— Будьте спокойны,—отвѣчала фермеша,—все будетъ сдѣлано, мы съ Луизой сейчасъ же примемся за дѣло. Такъ вѣдь, Луиза?

— Да, да, такъ,—отвѣчала дѣвушка, радуясь, что дѣло

рѣшено окончательно;—да, мы будемъ усердно работать, всю ночь проработаемъ, если будетъ нужно. Докторъ Лоркенъ будетъ доволенъ.

— Ну, поѣдемъ! Вы обѣдаете у насъ, докторъ.

Телѣга покатилась рысью. Докторъ ѣхалъ возлѣ и, смѣясь, разсказывалъ Катеринѣ, какъ дошла до него вѣсть объ общемъ возстаніи, какъ пришла въ отчаяніе его старая гувернантка Марія, желавшая помѣшать его поѣздкѣ, изъ боязни, что онъ будетъ убитъ «королевскимъ сбродомъ», разсказывалъ и другія дорожныя приключенія на пути отъ Кибало до деревни Шармъ. Юллепъ и Матерпъ съ сыновьями шли позади съ штуцерами на плечахъ. Такъ они взобрались на косогоръ и направились къ фермѣ «Дубовая роща».

IX.

Можно представить себѣ, какая суматоха подпялась въ домѣ, какая бѣготня; стукъ стакановъ и ножей, восторженные клики радости при видѣ Жана-Клода, доктора Матерна и всѣхъ бывшихъ съ Катериной. Общество все собралось въ большой комнатѣ вокругъ великолѣпной ветчины и съ кружками въ рукахъ праздновало свою будущую побѣду.

Это было во вторникъ, день, назначенный на фермѣ для стряпни всякаго рода.

Плита пылала съ самаго утра; старый Дюпенъ, безъ верхняго платья, въ бумажномъ колпакѣ, сдвинутомъ на затылокъ, вытаскивалъ изъ печи многое множество булокъ и хлѣбовъ, Анета принимала ихъ и укладывала, а Луиза разносила гостямъ; Катерина же присматривала за всѣмъ и покрикивала:

— Поскорѣй, дѣти мои, поскорѣй! Не забудьте, что къ пріѣзду саррскихъ ополченцевъ должны быть готовы третьи хлѣбы. Надо раздать по шести фунтовъ на человѣка.

Юлленъ сидя наблюдалъ, какъ суетилась фермерша.

— Вотъ женщина-то! — думалъ онъ.—Эта женщина ничего не забудетъ; другой такой не найдется въ цѣлой странѣ.

— За здоровье Катерины Лефевръ!—сказалъ онъ.

Слышалось чоканье стакановъ, шли толки о предстоящихъ битвахъ, осадахъ, всѣ были воодушевлены твердой вѣрой въ свою силу, каждый твердилъ себѣ: все пойдетъ хорошо.

Но судьба на этотъ разъ готовила имъ еще одну радость, въ особенности Луизѣ и Катеринѣ.

Настала полдень; лучи зимняго солнца ярко освѣщали снѣгъ, стекла стали отходить мало-по-малу, и большой красный пѣтухъ, высунувъ голову изъ курятника, забилъ крыльями и весело пропѣлъ. Вальтенское эхо вторило за нимъ. Вдругъ сторожевой песъ, старый Іоганъ, беззубый и почти слѣпой залаялъ такъ радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ жалобно, что всѣ съ удивленіемъ навострили уши.

Сама Катерина пріостановилась, несмотря на то, что печь была въ самомъ разгарѣ и третья сѣдка хлѣбовъ уже вынималась изъ печи.

— Это что-нибудь да значитъ-,—сказала она тихо.—Съ самаго отъѣзда моего сына Іоганъ не лаялъ такъ.

Въ то же время на дворѣ послышались чьи-то скорые шаги. Луиза бросилась къ дверямъ съ восклицаніемъ: «Это онъ! Это онъ!»—И тотчасъ чья-то дрожащая рука взялась за ручку двери: она отворилась, и на порогѣ показался солдатъ, такой худой, сухой и загорѣлый; блуза была на немъ такая старая и полинялая, штиблеты разорванные. Всѣ пришли въ ужасъ.

Казалось, онъ не въ силахъ былъ итти далѣе и медленно опустилъ свое ружье на полъ. Кончикъ его орлинаго носа, точь въ точь такъ же, какъ у Катерины, блестѣлъ, какъ бронзовый: рыжіе усы дрожали: онъ весь былъ похожъ на тощаго голубя, котораго зимній голодъ прибиваетъ къ дверямъ хлѣва. Онъ былъ блѣденъ, несмотря на темный цвѣтъ лица, и глубокіе глаза его были полны слезъ. Онъ стоялъ молча и неподвижно. Старая собака рвалась, выла и силилась перегрызть свою цѣпь.

Въ комнатѣ царствовала такая тишина, что даже слышался трескъ огня.

Вдругъ Катерина вскрикнула раздирающимъ голосомъ:

— Гаспаръ!.. Дитя мое... Это ты!

— Я, матушка,—задыхаясь, отвѣчалъ солдатъ.

Въ эту минуту раздалось рыданіе Луизы, и въ залѣ поднялся какой-то громовый шумъ.

Всѣ друзья сбѣжались, впереди ихъ Жанъ-Клодъ, восклицая: «Гаспаръ! Гаспаръ Лефевръ!». Они застали мать съ сыномъ въ объятіяхъ: эта непреклонная, рѣшительная женщина

плакала навзрыдъ. Сынъ крѣпко прижалъ ее къ груди, его рыжіе усы лежали на ея сѣдыхъ волосахъ. Онъ такъ тихо, такъ долго шепталъ: «Матушка! Матушка! Ахъ, какъ часто я тебя вспоминалъ!» Потомъ онъ сказалъ громко:—«Лупза! Я видѣлъ Лупзу!» Луиза бросилась къ нему на шею, и пошли обоюдные поцѣлуи.

— Ты меня не узнала, Луиза!

— Я-то не узнала... тебя? Нѣтъ, узнала тотчасъ же по одной твоей походкѣ.

Старый Дюпенъ стоялъ съ колпакомъ въ рукахъ у огня и шепталъ запинаясь: «Господи, Господи!.. Какъ все это могло случиться, какъ онъ перемѣнился!»

Дюпенъ воспитывалъ Гаспара и привыкъ видѣть его свѣжимъ и румянымъ, красиво одѣтымъ, какимъ онъ уѣхалъ отъ нихъ, а настоящій видъ и костюмъ Гаспара приводили его въ смущеніе.

Въ это время Юлленъ, возвысивъ голосъ, сказалъ:

— Что-жъ ты, Гаспаръ, узнаешь насъ, твоихъ старыхъ друзей?

Молодой человѣкъ обернулся назадъ и радостно вскрикнулъ:

— Юлленъ, докторъ Лоркенъ, Матернъ, Франшъ. Всѣ, всѣ здѣсь!

И опять начались самыя задушевныя искреннія объятія съ веселымъ хохотомъ и пожатіемъ рукъ.

— Такъ присядемъ и выпьемъ же теперь,—сказалъ докторъ Лоркенъ,—и заключимъ нашъ праздникъ.

Юлленъ закурилъ трубку и призадумался: его, какъ видно, что-то мучило. Нѣсколько минутъ спустя, замѣтивъ, что Гаспаръ утолилъ свой голодъ и жажду, онъ обратился къ нему нѣсколько ворчливо:

— Скажи, наконецъ, Гаспаръ, какимъ образомъ ты очутился здѣсь? Мы всѣ думали, что ты на берегу Рейна у Страсбурга.

— Ага! Старая лиса, понимаю въ чемъ дѣло,—сказала Лефевръ, лукаво подмигнувъ,—дезертировъ тамъ много, не правда ли?

— Ну, такая мысль мнѣ никогда не придетъ въ голову, однако...

— Вы хотите знать, какъ я попалъ сюда. Я не могу отказать вамъ въ этомъ, потому что желаніе ваше совершенно справедливое; тотъ, кого не достаетъ на перекличкѣ въ виду непріятеля, достоинъ разстрѣлянія! Но будьте спокойны, вотъ вамъ мой отпускъ.

Юлленъ не имѣлъ понятія о ложной деликатности; онъ прочелъ:

«Отпускъ на 24 часа гренадеру Гаспару Лефевръ.

Жемо, начальникъ батальона».

— А надолго это позволеніе, Гаспаръ,—спросила Катерина.

— Я его, матушка, получилъ вчера въ восемь часовъ вечера, въ Васселонѣ. Войско находится на пути въ Лотарингію, и долженъ нагнать его сегодня вечеромъ въ Пфальсбургѣ.

— Ладно, значитъ ты можешь пробыть еще 7 часовъ, тебѣ придется пройти вѣдь не болѣе 6-ти часовъ, хотя въ Фокталѣ и очень снѣжно.

Старуха съ переполненнымъ сердцемъ подсѣла къ сыну. Она не могла скрыть волненія. Всѣ были тронуты. Луиза, положивъ руку на поношенный эполетъ Гаспара, щекой прильнувъ къ его уху, рыдала. Юлленъ на концѣ стола выколачивалъ пепелъ изъ трубки, хмурилъ брови и молчалъ; но только что появились бутылки, принесенныя Аннетой, онъ оживился и сказалъ:

— Ну, Луиза, терпѣніе! Чортъ возьми, это будетъ продолжаться не вѣчно; когда-нибудь да кончится же, и я говорю, что кончится хорошо. Гаспаръ вернется, и мы сыграемъ свадьбу.

Онъ наливалъ вино въ стаканы, а Катерина утирала слезы, горча про себя: «А все эти разбойники. Покажись они только сюда! Покажись только!»

Принялись за вино грустно, но скоро старое мѣстное вино расшевелило этихъ молодцовъ. Гаспаръ, пріободрившись, сталъ разсказывать ужасныя дѣла Бауцена, Лютцена, Лейпцига и Ганау, гдѣ рекруты бились, какъ ветераны, одерживая побѣду за побѣдой, пока не явились измѣнники

Всѣ молча слушали его; когда дѣло заходило объ опасностяхъ войны, Луиза крѣпко жала ему руку, воображая, что она

защищать его. У Жана-Клода глаза блестѣли, докторъ постоянно справлялся о состояніи госпиталя; Матернъ и его сыновья слушали, вытянувъ шеи и стиснувъ зубы; старое вино все болѣе разгорячало; слышались восклицанія: «ахъ, оборванцы! Ахъ, канальи! Ну, погодите же!..

Мать Лефевръ не нарадовалась храбрости и счастью сына среди этихъ событій, память которыхъ будетъ переходить изъ вѣка въ вѣкъ.

Вдругъ на порогѣ появился стройный и бодрый Лагармитъ, въ длинной сѣрой, холстинковой куртвѣ; на бѣлой, кудрявой головѣ его была надѣта войлочная шляпа, черезъ плечо висѣлъ длинный охотничій рогъ; онъ вошелъ въ залу и сказалъ:—Съ Сарры пріѣхали!—Очарованіе въ мигъ исчезло, стали собираться, у всѣхъ на умѣ были ужасы предстоящей войны. Луиза бросилась на шею Гаспару.

— Не ходи, Гаспаръ, останься съ нами!

Онъ поблѣднѣлъ.

— Я солдатъ,—сказалъ онъ,—я Гаспаръ Лефевръ, я люблю тебя въ тысячу разъ больше своей жизни, но Лефевръ не можетъ забыть своего долга.

У нея опустились руки. Луиза припала къ столу и громко зарыдала. Гаспаръ всталъ. Юлленъ остановился между ними, взялъ за руку Гаспара, крѣпко сжалъ ее и дрожа произнесъ:

— Слава Богу! Наконецъ-то ты заговорилъ, какъ человѣкъ.

Мать спокойно подошла къ нему надѣть мѣшокъ. Брови ея были сдвинуты, губы сжаты, ни одного вздоха не вырвалось изъ ея груди, только по щекамъ медленно катились двѣ крупныя слезы. Снарядивъ сына, она отвернулась, вытерла слезы рукавомъ и сказала:

— Все готово, дитя мое, вотъ тебѣ мое материнское благословеніе. Если ты и погибнешь на войнѣ, ты никогда не умрешь для насъ: мѣсто твое—между мной и Луизой!

Всѣ вышли. Луиза осталась одна въ залѣ плакать. Нѣсколько минутъ спустя, послышался стукъ приклада ружья о плиту пола, и раздались шаги удаляющагося человѣка. Луиза бросилась за нимъ.

— Гаспаръ, Гаспаръ! — закричала она. — Я не трушу больше; у меня есть терпѣніе, я не плачу больше, не хочу удерживать—нѣтъ. Но не сердись на меня, пожалѣй меня!

Гаспаръ быстро схватилъ ружье и удалился твердой поступью, ни разу не обернувшись назадъ.

Между тѣмъ саррскіе ополченцы взбирались въ ущелье по Вальтенской тропинкѣ.

Минутъ пять спустя, Гаспаръ остановился у большого дуба и поднялъ руку. Катерина и Луиза отвѣчали ему тѣмъ же. Юлленъ отправился навстрѣчу къ своимъ.

Съ женщинами остался одинъ докторъ; когда Гаспаръ скрылся изъ виду, Лоркенъ сказалъ:

— Вы должны гордиться вашимъ сыномъ, Катерина Лефевръ, онъ человѣкъ съ сердцемъ. Дай Богъ ему успѣха!

Издали доносились голоса пріѣзжающихъ; они говорили и смѣялись между собою такъ весело, будто не на войну шли, а на свадебный пиръ.

X.

Пока Юлленъ, во главѣ всѣхъ горныхъ ополченцевъ, принималъ мѣры къ защитѣ, сумасшедшій Іегофъ, это несчастное существо, этотъ печальный образъ, лишенный самой благородной, прекрасной и великой способности души человѣческой — разума!—сумасшедшій Іегофъ съ грудью, открытой на вѣтеръ, съ голыми ногами, бѣгалъ по снѣгамъ съ горы на гору; онъ, казалось, не чувствовалъ холода, какъ пресмыкающееся животное въ своей ледяной тюрьмѣ.

Почему человѣкъ, лишенный разума, властвуетъ надъ температурой, тогда какъ мыслящій человѣкъ подчиняется ей вполнѣ? Что это такое? Признакъ ли болѣе сильнаго сосредоточенія жизни, результатъ быстраго кровообращенія, безпрерывнаго лихорадочнаго состоянія? Зависитъ ли все это отъ живучести чувствъ или отъ другихъ причинъ еще неизвѣстныхъ? Наука молчитъ объ этомъ. Она укажетъ только матеріальныя причины, нисколько не объясняющія такого явленія.

Іегофъ бѣжалъ себѣ просто куда глаза глядятъ. Ночь наступала. Становилось холодно, лисица щелкала зубами, преслѣдуя дичь въ темнотѣ: голодный сарычъ, вцѣпившись когтями въ хворостники, испускалъ жалобные крики; а Іегофъ, съ своимъ ворономъ на плечѣ, размахивая руками и разговаривая точно

въ бреду, все бѣжалъ и бѣжалъ изъ Голдерлоха въ Зонненбергъ, а оттуда въ Блютфельдъ.

Въ эту самую ночь пастуху «Дубовой рощи», Робену, довелось быть свидѣтелемъ одного очень страннаго и ужаснаго зрѣлища.

За нѣсколько дней передъ этимъ, первый снѣгъ внезапно застигъ его въ Блютфельдскомъ ущельѣ; онъ оставилъ тамъ телѣгу и пошелъ съ стадомъ на ферму; потомъ вспомнилъ, что забылъ тамъ свою баранью накидку. На другой день, окончивъ занятія, онъ отправился за ней въ четыре часа вечера.

Блютфельдское ущелье, находящееся между Шнесбергомъ и Гроссманомъ, узко и окружено отвѣсными скалами. Небольшой ручеекъ стремится по немъ въ тѣни высокихъ тростниковъ; а въ глубинѣ ущелья находится пастбище, все усѣянное сѣрыми большими камнями.

Рѣдко, кто рѣшается спускаться въ это ущелье: въ немъ есть что-то зловѣщее, особенно при свѣтѣ зимней луны. Образованные люди этой страны, школьные учителя Дагсбургскій и Гальзахскій утверждаютъ, что въ этомъ мѣстѣ происходила битва трибоковъ съ германцами, которые подъ предводительствомъ вождя Лунтпранда хотѣли пройти въ Галлію. Говорятъ, что трибоки завалили своихъ враговъ каменьями съ окрестныхъ вершинъ и истолкли ихъ тутъ какъ въ ступкѣ, вслѣдствіе чего ущелье получило названіе Blutfeld'a (поле крови). Тамъ и теперь еще находятъ остатки череповъ, куски заржавленной стали, касокъ и двухъаршинныхъ мечей.

Ночью, когда луна освѣщаетъ груды камней, покрытыхъ снѣгомъ, когда вѣтеръ свиститъ и играетъ оледенѣлыми сучьями точно на цимбалахъ, кажется, будто слышатся крики германцевъ въ минуту внезапнаго нападенія, плачъ женщинъ, ржаніе коней и безконечный скрипъ телѣгъ, такъ какъ народъ этотъ имѣлъ обыкновеніе возить съ собою въ телѣгахъ женщинъ, дѣтей, стариковъ и все имущество, точно какъ нѣмцы теперь при отъѣздѣ въ Америку.

Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней трибоки не переставали душить враговъ, а на третій, согнувшись подъ тяжестью непріятельской добычи, шли домой въ Дононъ, Шнесбергъ и т. д. Вотъ трогательная исторія Блютфельдскаго ущелья.

Въ самомъ дѣлѣ, взгляните только на это со всѣхъ сторонъ

замкнутое горами ущелье, представляющее нѣкоторое сходство съ колодцемъ, на узкую тропинку — единственный выходъ изъ ущелья, и вы легко поймете, что германцамъ тамъ было не совсѣмъ ловко.

Робенъ пришелъ туда не раньше 7 или 8 часовъ вечера; луна только что взошла.

Этотъ молодецъ не разъ побывалъ въ ущельѣ, но никогда не видалъ его такъ сильно освѣщеннымъ и такимъ угрюмымъ, какъ въ этотъ разъ...

Въ самой глубинѣ ущелья виднѣлась его телѣга; облитая бѣлымъ свѣтомъ, она представлялась ему однимъ изъ тѣхъ громадныхъ камней, заваленныхъ снѣгомъ, подъ которыми лежали мертвые германцы. Телѣга была у самаго входа въ ущелье; за кучей хвороста, возлѣ нея струился ручей, и брызги воды блестѣли, какъ сталь. Спустившись туда, пастухъ принялся искать ключъ отъ замка, отворилъ шалашъ и, ползая на колѣняхъ, шарилъ руками свою одежду; она скоро нашлась подъ руки, и еще нашелся маленькій топорикъ, о которомъ онъ уже позабылъ.

Но судите о его испугѣ, когда онъ, только что выбравшись изъ шалаша, увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ сумасшедшаго Іегофа, который бѣжалъ по тропинкѣ прямо къ нему. Пастухъ вспомнилъ ужасную исторію въ кухнѣ «Дубовой рощи», и ему стало страшно. Но что чувствовалъ онъ, когда увидѣлъ пять волковъ, двухъ большихъ и трехъ маленькихъ, бѣжавшихъ за сумасшедшимъ!

Сначала онъ принялъ ихъ за собакъ, потомъ оказалось, что это волки. Они такъ и бѣжали по пятамъ за Іегофомъ, а онъ какъ будто и не замѣчалъ ихъ; воронъ то улеталъ изъ освѣщенной долины въ тѣнь скалъ, то опять возвращался: волки бѣжали со сверкающими глазами, ноздри ихъ такъ и раздувались, нюхая воздухъ; сумасшедшій поднялъ свой жезлъ.

Пастухъ съ быстротою молніи захлопнулъ дверь своего шалаша, но Іегофъ не замѣтилъ его. Онъ вошелъ въ ущелье, какъ въ обширный залъ; направо и налѣво возвышались отвѣсныя скалы, наверху горѣли милліоны звѣздъ. Было такъ тихо, что полетъ мухи могъ быть слышенъ; волки бѣжали безъ малѣйшаго шума, воронъ сѣлъ на старый, высохшій дубъ, стоявшій на одной изъ скалъ, перья его казались темнѣе обыкновеннаго; онъ поворачивалъ голову и, казалось, прислушивался къ чему-то.

Все это было очень странно.

Робенъ думалъ: «сумасшедшій ничего не видитъ, ничего не слышитъ; волки разорвутъ его непремѣнно; если онъ споткнется, поскользнется,—пропалъ».

Но Іегофъ остановился посреди ущелья и сѣлъ на камень; всѣ пять волковъ усѣлись около него на снѣгу и подняли кверху морды.

Тутъ произошла удивительная сцена. Сумасшедшій, подклялъ свою палку и повелъ рѣчь съ волками, называя ихъ по именамъ. Вотъ, что говорилъ онъ:

— Ну, Шильдъ, Бледъ, Мервегъ, и ты мой старый Сиримаръ,—вотъ мы опять всѣ вмѣстѣ! Какими же толстяками вы вернулись! Видно въ Германіи мясо недурно? Да, да,—продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на ущелье:—а великую битву помните?

Одинъ изъ волковъ завылъ очень тихо и жалобно, за нимъ другой, потомъ всѣ остальные.

Это продолжалось добрыхъ десять минутъ. Воронъ сидѣлъ неподвижно на засохшей вѣтви.

Робенъ думалъ, какъ бы ему дать тягу, молилъ всѣхъ святыхъ, въ особенности своего патрона, котораго чтутъ всѣ пастухи горъ.

Волки, однако, все выли, а блютфельдское эхо имъ вторило.

Наконецъ, старый волкъ замолчалъ, за нимъ и всѣ остальные, а Іегофъ продолжалъ:

— Да, да, это очень грустная исторія. Посмотрите! Вотъ рѣка, гдѣ текла наша кровь! Это ничего, Мервегъ, ничего и другіе тоже оставили не мало костей въ пескѣ. А луна цѣлыя три ночи смотрѣла, какъ ихъ женщины рвали на себѣ волосы! О, ужасные дни! О, собаки, они смѣли еще гордиться своей любѣдой. Будьте прокляты! Прокляты!

Сумасшедшій сбросилъ съ себя корону, но потомъ, вздыхая, поднялъ ее.

Волки все сидѣли и слушали, какъ самые внимательные слуги. Самый большой волкъ опять завылъ, и Іегофъ отвѣчалъ ему:

— Ты голоденъ, Сиримаръ! Радуйся, скоро и ты запируешь: наши идутъ, битва начнется опять.

Потомъ онъ ударилъ палкой по камню:—На, вотъ тебѣ ко-

сти!—Онъ подошелъ къ другому:—а вотъ и твой. Мертвъ, вотъ онѣ!

Все стадо послѣдовало за нимъ, а онъ присѣлъ на маленькую скалу и, посмотрѣвъ въ нѣмую бездну, громко воскликнулъ:

— Умерла наша военная пѣсня. Наша военная пѣсня—вздохъ безконечный! Часъ близокъ, онъ просыпается! Вы будете господами, вамъ будутъ принадлежать эти горы, эти долины. О, этотъ скрипъ телѣгъ, эти женскіе крики, эти удары, они потрясаютъ воздухъ! Да, да, они были посланы свыше, мы были окружены! Теперь все мертво: слушайте, все мертво, спятъ ваши кости! Но вотъ поднялись ваши дѣти, вашъ чередъ насталъ:—пойте, пойте!

Онъ самъ запѣлъ, и волки возобновили свой дикій концертъ. Голоса часъ отъ часу становились ужаснѣе. Мертвая тишина окрестныхъ скалъ, полуосвѣщенныхъ, полузадернутыхъ мракомъ, неподвижно засыпанный снѣгомъ лѣсъ, дальнее эхо, вторящее этому, раздирающему душу концерту, все внушало старому пастуху безконечный страхъ.

Страхъ его уменьшался по мѣрѣ того, какъ Іегофъ съ своей свитой удалялся къ Гацлаху. Воронъ въ свою очередь прокричалъ пронзительно, распустилъ свои крылья и полетѣлъ въ блѣдноголубое поднебесье.

Все исчезло, какъ сонъ.

Долго еще слышалось Робену удаляющееся вытье волковъ; наконецъ, смолкло и оно, настала зимняя безконечная тишина. Робенъ долго еще не могъ опомниться, притти въ себя и двинуться съ мѣста.

Воротившись въ «Дубовую рощу», онъ нашелъ всѣхъ на дворѣ. Всѣ собирались въ путь и, суетясь, укладывали съ собою все нужное для депонской партіи. Юлленъ, докторъ и Луиза уѣхали съ сарренскими ополченцами. Катерина нагружала свою тяжеловѣсную фуру хлѣбомъ, мясомъ и водкой. Всѣ были на ногахъ, бѣгали и кричали.

Робену не удалось никому разсказать видѣнное, да кромѣ того все это ему казалось такъ странно и невѣроятно, что онъ не смѣлъ и заикнуться объ этомъ. Улегшись на ясляхъ посреди хлѣва, онъ порѣшилъ тѣмъ, что Іегофъ вѣроятно нашелъ гнѣздо волковъ и со временемъ пріучилъ ихъ къ себѣ, потомъ сталъ

разсказывать имъ свои бредни, какъ другіе говорятъ иногда со своими собаками.

Но все-таки эта встрѣча навсегда внушила ему какой-то суевѣрный страхъ, такъ что онъ и въ старости не безъ ужаса вспоминалъ объ этомъ происшествіи.

XI.

Всѣ приказанія Юллена были съ точностью исполнены: Цорское и Сарреское ущелья были прочно защищены, а Бланрюльское—крайній пунктъ позиціи—охранялось самимъ Жаномъ-Клодомъ и тремястами самыхъ здоровыхъ ополченцевъ.

Теперь, чтобы наблюдать за ходомъ военныхъ дѣйствій, надо намъ перенестись на восточную покатость Допона, въ двухъ километрахъ отъ Грандфонтена.

У большой дороги, извивающейся по косогору, на самой половинѣ ската стояла ферма, окруженная нѣсколькими десятинами обработанной земли, принадлежащей анабаптисту Пельсли. Это было широкое строеніе съ плоскою кровлею, очень удобною для защиты отъ вѣтровъ: всѣ хлѣва и закуты находились сзади фермы къ вершинѣ горы.

Партизаны расположились въ окрестностяхъ; у ногъ ихъ открывались Гринфонтенъ и Фрамонъ, замкнутые въ тѣсномъ ущельѣ: далѣе Ширмекъ—со своими феодальными развалинами; наконецъ, Брюнъ, извиваясь, скрывался въ туманѣ Эльзаса. Слѣва возвышались скалистыя вершины Допона съ гигантскими соснами, предъ которыми лежала глубокая дорога, загроможденная большими деревьями, вырванными съ корнемъ и лежавшими поперекъ пути. Снѣгъ таялъ, и мѣстами видѣлись желтыя поля, а въ другихъ мѣстахъ вѣтеръ носилъ его, какъ волны. Это была суровая и грандіозная картина. Ни одного пѣшехода, ни одного экипажа не было видно по всей дорогѣ, теряющейся въ безконечныхъ рощахъ. Всякій сказалъ бы, что это пустыня.

Только огни, разведенные вокругъ хутора, клубы дыма, которые разстилались среди нихъ, показывали, что здѣсь расположены бивуаки: обитатели горъ сидѣли вокругъ своихъ огней, въ шапкахъ, надвинутыхъ на затылокъ, съ ружьями черезъ плечо; они были насмурны; вотъ уже три дня ждутъ они непріятеля.

Въ числѣ воиновъ, сидѣвшихъ, положивъ ногу на ногу, сгорбивъ спину и съ трубкой въ зубахъ, сидѣлъ старый Матернъ и его сыновья. По временамъ Луиза показывалась на порогѣ фермы, но тотчасъ опять уходила работать. Большой пѣтухъ разрывалъ навозную кучу и пѣлъ хриплымъ голосомъ; двѣ-три курицы шагали по хворосту. Все это развлекало взоръ, но особенное удовольствіе доставило сполченцамъ свѣжее сало, розовато-бѣлое; оно такъ и таяло на зеленомъ деревянномъ вертелѣ, и капли его падали на раскаленные уголья; не мало также одушевляла ихъ бочка съ водкою, стоявшая въ Катерининой телѣгѣ.

Около восьми часовъ вечера между большимъ и малымъ Дономъ показался пѣшеходъ. Часовые тотчасъ замѣтили его; онъ шелъ, снимая по временамъ шапку.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ узнали Никеля Бенца, стараго лѣсничаго въ Гуишѣ.

Вѣсть разнеслась по всему лагерю; побѣжали увѣдомить Юллена, спавшаго уже часъ въ амбарѣ на соломѣ вмѣстѣ съ докторомъ Лоркеномъ и его собакой Плутономъ.

Они вышли вмѣстѣ со старымъ пастухомъ Лагармитомъ, прославленнымъ трубою, и съ анабаптистомъ Нельсли, спрятавшимъ по локоть руки въ широкіе карманы сѣрой шерстяной туники съ широкимъ, поднятымъ воротникомъ и съ кистью отъ его колпака, болтавшейся на спинѣ. Жанъ-Клодь, повидимому, былъ веселъ.

— Ну, что же тамъ дѣлается, Никель?—спросилъ онъ.

— Пока еще нѣтъ ничего новаго, только со стороны Пфальсбурга слышенъ громъ. Лабарбъ говоритъ, что это пушки, потому что всю ночь надъ лѣсомъ Гильдегауза виднѣлось пламя, какъ молнія, а сегодня утромъ сѣрое облако разстилалось по долинѣ.

— Значитъ, городъ осажденъ,—сказалъ Юлленъ;—ну, а со стороны Лютцельштейна?

— Ничего не слышно,—отвѣчалъ Бенцъ.

— Значитъ, непріятель пробуетъ. Во всякомъ случаѣ, союзники должны быть тамъ: какое ужасное скопище людей должно быть въ Эльзасѣ!

Обратившись къ стоявшему сзади него Матерну, Юлленъ сказалъ:

— Нельзя долѣе оставаться въ неизвѣстности; поѣзжай ты съ сыновьями въ объѣздъ.

Лицо стараго охотника прояснилось.

— Ну, слава Богу! Наконецъ-то, я разомну свои кости, наконецъ-то, мнѣ представляется случай поддѣть кого-нибудь изъ этихъ негодяевъ, австрійцевъ и казаковъ.

— Погоди, мой другъ, теперь еще не время драться, надо прежде разузнать, что тамъ дѣлается. Пусть Касперъ и Франц останутся вооруженными, а ты, вѣдь я тебя знаю, ты оставь здѣсь, пожалуйста, твой штуцеръ и охотничій ножъ.

— Это зачѣмъ?

— Ты долженъ будешь проходить по деревнямъ, и если увидятъ тебя вооруженнымъ, тотчасъ же разстрѣляютъ.

— Разстрѣляютъ?

— Разумѣется, такъ. Вѣдь насъ не возьмутъ въ плѣнъ, мы не регулярное войско, а просто-на-просто разстрѣляютъ. Ты пойдешь съ одной палкой по Ширмекской дорогѣ, а сыновья твои пойдутъ слѣдовать по опушкѣ лѣса, въ небольшомъ разстояніи отъ тебя. Если на тебя нападутъ, сыновья подоспѣютъ на помощь; если же ты будешь захваченъ толпою, пусть они за тебя и не вступаются.

— Чтобъ они за меня не вступились!—въ негодованіи воскликнулъ старый охотникъ.—Хотѣлъ бы я посмотрѣть на это.

— Нѣтъ ничего проще, Матернъ: безоружнаго человѣка отпустятъ, а вооруженнаго разстрѣляютъ. Нечего, кажется, предупреждать тебя, что ты не станешь распѣвать нѣмцамъ, зачѣмъ къ нимъ пришелъ?

— Да, да! Понимаю, а вѣдь всѣ это, право, недурно придумано. И съ моимъ штуцеромъ не разстаюсь никогда, но что дѣлать, на войнѣ—по-военному; вотъ тебѣ ружье, ножъ и рожокъ. Кто же дастъ мнѣ блузу и шапку?

Никель Бенцъ предложилъ ему свою синюю блузу и шапку. Всѣ съ удивленіемъ окружали ихъ.

Когда они перемѣнились одеждой, всѣ нашли, что Матернъ, несмотря на свои большіе сѣдые усы, могъ легко выдать себя за простого горнаго крестьянина. Сыновья Матерна гордились этой первой экспедиціей, осматривали затравки штуцеровъ и прикрѣпляли къ концу стволовъ штыки, прямые и длинные какъ сабли. Они отточили охотничьи ножи, однимъ движеніемъ плечъ сдви-

нули на поясницу охотничью сумку и, удостовѣрившись, что все въ порядкѣ, съ восторгомъ посматривали кругомъ.

Глядя на нихъ, докторъ разсмѣялся и сказалъ:

— Смотрите, не забудьте совѣта Жана-Клода: будьте осторожны! Если станетъ на свѣтѣ однимъ нѣмцемъ меньше, отъ этого мы еще ничего не выиграемъ, а вотъ если кто-нибудь изъ васъ ляжетъ, такъ на мѣсто его не скоро отыщешь.

— Не бойтесь, докторъ, мы будемъ смотрѣть во всѣ глаза. Мои мальчуганы,—гордо заговорилъ Матернъ,—настоящіе охотники; они умѣютъ пользоваться случаемъ. Выстрѣлятъ они только по моему зову. Будьте покойны. Теперь въ дорогу; намъ нужно вернуться засвѣтло.

Они отправились.

— Добраго пути!—закричалъ имъ вслѣдъ Юллень, когда они своротили на снѣгъ, чтобы обойти деревья. Скоро они пошли по маленькой тропинкѣ, которая идетъ вправо на гору. Товарищи издали слѣдили за ними. Ихъ длинные, кудрявые, рыжіе волосы, широкія плечи, ихъ ловкія, быстрыя движенія— все говорило, что пяти-шести врагамъ не сдобровать при встрѣчѣ съ этими молодцами.

Черезъ четверть часа они вступили въ ельникъ и скрылись.

Юллень спокойно возвратился на ферму, разговаривая съ Николемъ Бенцомъ.

Докторъ шелъ сзади, сопровождаемый Плутономъ; остальные всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

XII.

Матернъ и его сыновья долго шли молча. Погода разгулялась, свѣтило блѣдное зимнее солнце, снѣгъ блестѣлъ, но не таялъ, почва была твердая и звонкая. Издали въ долинѣ съ удивительной отчетливостью виднѣлись вершины сосенъ, красноватыя оконечности скалъ, крыши хижинъ съ сосульками льда на ихъ черепицахъ и блестящія стекла оконъ. Всѣ прогуливались по улицѣ Гранфонтена; толпа молодыхъ дѣвушекъ стояла возлѣ прачечнаго плота; нѣсколько стариковъ въ колпакахъ и съ трубками въ зубахъ сидѣли на порогѣ своихъ домиковъ. Весь этотъ людъ, рисующійся въ голубоватой дали, жилъ, двигался, говорилъ, но не одинъ звукъ не долеталъ до нашихъ охотниковъ.

У опушки лѣса Матернъ присѣлъ отдохнуть и сказалъ сыновьямъ:

— Я схожу въ деревню къ Дюбрелю, трактирщику у «Сосновой Шишки».

Онъ указалъ имъ палкою длинное бѣлое строеніе, окна и двери котораго были украшены желтымъ бордюромъ, а на стѣнѣ, вмѣсто вывѣски, былъ прибитъ сосновый сукъ.

— Вы меня подождите здѣсь; если нѣтъ никакой опасности, я сейчасъ выйду на крыльцо и махну вамъ шляпой, тогда вы можете притти ко мнѣ, и мы выпьемъ по стакану вина.

Онъ спустился по снѣжному косогору до маленькихъ садиковъ, разбросанныхъ вокругъ Граифонтена, потомъ повернулъ между двумя нивами въ долину, перешелъ деревню, и сыновья его видѣли, какъ онъ вошелъ въ трактиръ.

Вскорѣ онъ вышелъ на порогъ и, къ величайшему ихъ удовольствію, махнулъ шляпой.

Черезъ четверть часа они пришли къ отцу въ большую залу трактира. Это была низкая комната, натопленная большой чугункой; полъ былъ усыпанъ пескомъ, столы длинные и чистые. Матернъ сидѣлъ одинъ съ трактирщикомъ, покоившимся на кожаномъ креслѣ возлѣ самой печки. Это, кажется, былъ самый толстый и полнокровный изъ всѣхъ вогезскихъ трактирщиковъ; животъ отвисалъ у него на ляжки, глаза у него были круглые, носъ приплюснутый, на щекѣ бородавка, а трехъярусный подбородокъ опускался до самаго воротника. Матернъ наполнилъ стаканы; старые часы пробили девять, деревянный ихъ нѣтухъ билъ крыльями съ какимъ-то необыкновеннымъ щелканіемъ.

— Здравствуйте, отецъ Дюбрель,—грубо сказали сыновья Матерна.

— Здравствуйте, молодцы, здравствуйте,—отвѣчалъ трактирщикъ, и губы его скривились въ улыбку. Потомъ онъ звучнымъ голосомъ спросилъ ихъ:

— Что новаго?

— Ей Богу, ничего,—отвѣчалъ Касперъ;—зимнее время—самая лучшая пора охотиться на кабана.

Оба положили штуцера на подоконникъ, поближе на случай тревоги, и сѣли на скамейку противъ отца, сидѣвшаго за столомъ на первомъ мѣстѣ.

Они стали пить, говоря: «за ваше здоровье». Это было ихъ обыкновеніе.

— Итакъ,— обратился Матернъ къ толстяку, какъ бы возобновляя прерванный разговоръ.—вы думаете, отецъ Дюбрель, что намъ не предстоитъ никакой опасности въ лѣсахъ Барони, и мы можемъ преспокойно охотиться тамъ на кабановъ?

— Нѣтъ, объ этомъ я не могу ничего сказать вамъ,—отвѣчалъ трактирщикъ,—я говорю только, что пока союзники не проникли еще въ Мютцигъ. Къ тому же они не причинятъ вреда никому, они съ удовольствіемъ принимаютъ всѣхъ, лишь бы только сложить узурпатора.

— Узурпатора! Кто этотъ узурпаторъ?

— Гм! Наполеонъ Бонапартъ — узурпаторъ, это всѣмъ извѣстно. Взгляните-ка на стѣну.

Онъ указалъ на объявленіе, прибитое къ стѣнѣ возлѣ часовъ.

— Прочтите это, и вы увидите, что союзники наши лучшіе друзья.

Брови Матерна сдвинулись, но онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и сказалъ:

— А, вотъ какъ.

— Да, вотъ читайте это.

— Но я не умѣю читать, господинъ Дюбрель, и сыновья мои тоже; не потрудитесь ли объяснить намъ въ чемъ дѣло.

Старый трактирщикъ привсталъ, опершись своими толстыми руками на ручки кресель; засопѣвъ, какъ теленокъ, онъ всталъ передъ объявленіемъ, скрестивъ руки, и величавымъ голосомъ прочелъ прокламацію союзныхъ государей, заявлявшихъ, что они идутъ противъ Наполеона, а не противъ Франціи; поэтому никто не долженъ мѣшать ихъ дѣлу, а кто поступитъ иначе, будетъ безъ всякой пощады разстрѣлянъ.

Охотники слушали и съ удивленіемъ поглядывали другъ на друга. Окончивъ чтеніе, Дюбрель сѣлъ на свое мѣсто и сказалъ:

— Ну, вотъ видите...

— А откуда вы взяли это?—спросилъ Касперъ.

— Да это, другъ мой, вездѣ опубликовано.

— Это насъ радуетъ,—сказалъ Матернъ, положивъ руку на плечо Франца, который привсталъ было подъ вліяніемъ сильнаго волненія.—Ты хочешь огня, Францъ. Вотъ тебѣ мой кро-

менѣ.—Франтъ присѣлъ опять, а старикъ продолжалъ добродушнымъ тономъ:

— А наши друзья, нѣмцы, никого не трогаютъ?

— Благонамѣреннымъ людямъ бояться рѣшительно нечего а бунтовщиковъ, негодяевъ, такъ тѣхъ хватаютъ, да такъ и слѣдуетъ: можно ли допустить, чтобы добрые страдали за злыхъ! Вотъ, напримѣръ, вы, васъ отлично примутъ союзники; вы знаете страну, можете быть хорошими проводниками, вамъ, пожалуй, еще жалованье порядочное дадутъ.

Наступила минута молчанія; охотники переглянулись снова, отецъ вытянулъ руку на столѣ, какъ бы желая этимъ успокоить сыновей, но онъ самъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Трактирщикъ не замѣчалъ ничего этого и продолжалъ:

— Скорѣй вамъ надо бояться въ лѣсахъ Баронн этихъ мошенниковъ изъ Дагсбурга, Сарра и Блайрю. Они возмутились и хотятъ повторить 93 годъ.

— Вы въ этомъ увѣрены? — спросилъ Матернъ, стараясь овладѣть собой.

— Увѣренъ ли я въ этомъ? Да стоитъ только посмотрѣть въ окно, и вы увидите ихъ на Денонской дорогѣ. Они напали на анабаптиста Пельсли, привязали его къ кровати: они грабятъ, воруютъ, портятъ дороги. Ну, да ладно! Черезъ нѣсколько дней намъ будетъ, надъ чѣмъ посмѣяться. Сюда придутъ не сотни, не тысячи, не милліоны, а милліарды людей, и перевѣшаютъ всѣхъ бунтовщиковъ.

Матернъ всталъ.

— Пора и въ путь,—сказалъ онъ отрывисто,—къ двумъ часамъ намъ надо уже быть въ рощѣ. До свиданья, отецъ Добрель.

Они поспѣшно вышли, задыхаясь отъ злости.

— Подумайте хорошенько о томъ, что я вамъ говорилъ!— закричалъ имъ вслѣдъ трактирщикъ.

Выйдя изъ трактира, Матернъ сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Еслибъ я не употребилъ всѣ усилія воздержаться, я бы пустилъ ему въ голову бутылкой.

— А я, — сказалъ Францъ, — штыкомъ бы прокололъ ему животъ.

Касперъ вернулся было уже назадъ и стоялъ одной ногой на ступенькѣ лѣстницы, сжимая рукоять ножа, и лицо его было свирѣпо. Старикъ взялъ его за руку и воротилъ назадъ, говоря:

— Пойдемъ, пойдемъ... когда-нибудь наверстаемъ это. Смѣть совѣтывать мнѣ измѣнить отечеству! Юлленъ правду сказалъ, намъ нужно быть осторожными.

Они шли по улицѣ, бросая гнѣвные взоры. Всякій, кто встрѣчалъ ихъ, спрашивалъ себя: «Что съ ними?»

Въ концѣ деревни они присѣли отдохнуть у самой церкви, противъ стараго креста. Матернъ немного успокоился и сказалъ сыновьямъ, показывая на дорогу, огибающую Фрамонъ и идущую кустарниками:

— Вы пойдете по этой дорогѣ, а я отправлюсь къ Ширмеку. Я пойду нескоро, вы успѣете меня догнать.

Они удалились, а старый охотникъ шелъ и все думалъ и удивлялся, какъ это онъ не удушилъ толстаго трактирщика. «Это я сыновей поберегъ», рѣшилъ онъ. Размышляя такимъ образомъ, Матернъ встрѣчалъ стада быковъ, барановъ и козъ. Многихъ изъ нихъ гнали изъ Вина, Урмата и даже Мютцига; бѣдныя животныя насилу шли.

— Куда васъ несетъ?—кричалъ старый охотникъ задумавшимся пастухамъ.—Не вѣрите вы что ли прокламаціи русскихъ и австрійцевъ!

— Хорошо вамъ смѣяться.—отвѣчали сердито пастухи. — Прокламаціи! Знаемъ мы эти прокламаціи! Всюду грабежъ, воровство, силою налагаютъ подати, уводятъ коровъ, лошадей, быковъ, берутъ телѣги.

— Вотъ оно что!.. Возможно ли это!.. Что вы говорите?— говорилъ Матернъ.—Это сбиваетъ меня съ послѣдняго толку. Я не вѣрю вамъ. Помилуйте, такая лестная прокламація?

— А вотъ какъ спуститесь въ Эльзасъ, сами увидите все.

Бѣдняки удалялись, качая головами съ глубокимъ негодованіемъ, а Матернъ смѣялся себѣ подъ носъ.

Чѣмъ дальше шелъ онъ, тѣмъ чаще встрѣчались ему стада и не одни блеющія, мычащія стада, но и безконечныя вереницы крикливыхъ гусей тянулись по дорогѣ; жалко было смотрѣть на ихъ окочепѣвшія лапы. Ближе къ Ширмеку было еще хуже; люди толпами спѣшили убраться со своими телѣгами, нагруженными бочками вина, мебелью, женщинами, дѣтьми; они били лошадей чуть не до смерти, чтобы тѣ скорѣй бѣжали; къ этому присоединялись еще раздирающіе крики: «Казаки идутъ, казаки идутъ, мы погибли!»

Это восклицаніе «казаки», какъ духовніе вѣтра, переносилось съ одного конца дороги на другой; женщины отъ изумленія глядѣли, разиня рты; дѣти взбирались на телѣги разглядѣть непріятеля. Никто еще никогда и не видывалъ ничего подобнаго. Матернъ краснѣлъ при видѣ чужой трусости. Ему было больно и стыдно, что мелочная корысть заставляетъ бѣжать людей, могущихъ защищать и спасти свою родину.

На перекресткѣ у «Колодезя Ивъ», въ самомъ Ширмекѣ, Касперъ и Францъ напали отца, и всѣ трое вошли въ кабакъ «Золотого Ключа», который содержала вдова Фалтье.

Бѣдная женщина съ двумя дочерьми смотрѣла въ окно на бѣгущую толпу, сложивъ руки.

Въ самомъ дѣлѣ, съ каждой секундой смятеніе увеличивалось; стада, телѣги, люди такъ и давили другъ друга. Люди больше не помнили себя, безсознательно кричали и дрались за мѣста.

Матернъ отворилъ дверь и увидѣлъ женщинъ, блѣдныхъ, растрепанныхъ, полумертвыхъ; онъ воскликнулъ:

— Ахъ, мать моя, что вы съ ума сошли! Вы потеряли всякое присутствіе духа, это срамъ!

Старуха обратилась къ нему раздирающимъ голосомъ:

— Ахъ, мой добрый Матернъ, если бы вы знали, если бы вы только знали!

— Ну, что же? Непріятель близко, но онъ вѣдь не съѣстъ васъ?

— Нѣтъ, но онъ грабитъ все, что попадается ему людъ руку. Вчера изъ Шлестадта пришла старая Урсула и разсказала, что австрійцы такъ и кричатъ, подавай имъ кнефта, русскіе требуютъ шпанса, а баварцы кислой капусты. Наѣвшись всего этого погорло, они еще съ полнымъ ртомъ кричатъ: «шоколадъ, шоколадъ!» Господи, Господи! Какъ только накормить этихъ людей?

— Знаю, знаю, что это трудненько,—сказалъ Матернъ,— но гдѣ же всѣ эти казаки и австрійцы. Мы шли отъ самаго Граффонтена и никого не встрѣтили.

— Они въ Эльзасѣ, у Урмата, а теперь идутъ сюда.

— Ну, пока они не пришли еще,—сказалъ Касперъ,—дайте намъ кружку вина, вотъ вамъ и деньги.—Одна изъ дочерей пошла въ погребъ, а въ кабакъ вошло еще нѣсколько новыхъ лицъ.

Всѣ усѣлись вокругъ стола, противъ окна, чтобы наблюдать за дорогой; имъ подали вина, и они принялись разсказывать то, что каждый зналъ. Одинъ говорилъ, что союзниковъ была тьма, что они ложились спать вповалку въ долинѣ Гирценталь, что на нихъ было столько всякихъ насѣкомыхъ, что послѣ ихъ ухода сухіе листья начинали шевелиться сами собой; другой разсказывалъ, что казаки подожгли одну деревню въ Эльзасѣ за то, что жители не дали имъ послѣ обѣда свѣчъ вмѣсто десерта; что многіе изъ казаковъ, особенно калмыки, ѣли мыло, какъ сыръ, а шкурку ветчины, какъ лепешки; что многіе пили водку цѣлыми штофами, подмѣшивая въ нее предварительно по иригоршнѣ перцу; что надо было запирать отъ нихъ все, потому что они съѣдали и выпивали, что только попадалось имъ подъ руку.

Кто-то разсказалъ по этому поводу, что три дня тому назадъ, проходя ночью, отрядъ русской арміи долженъ былъ простоять болѣе часа на льду, въ маленькой деревенькѣ Горбахъ, и что весь этотъ отрядъ пилъ воду изъ сосуда, который забыла на окнѣ 80-лѣтняя старуха; что это дикари купаются, пробивая ледъ собственнымъ тѣломъ, а потомъ, чтобы высушиться, залѣзаютъ на кирпичныя печи, наконецъ, что они боятся только одного своего капрала.

Эти добрые люди передавали другъ другу такія невѣроятныя вещи, что оставалось только хлопать ушами, и увѣряли при этомъ, что все это они видѣли собственными глазами или слышали отъ самыхъ правдивыхъ людей.

А на дворѣ все еще продолжалась суматоха, слышался грохотъ телѣгъ, мычаніе и ревъ стадъ, крикъ пастуховъ, вопли бѣглецовъ, и все это производило странное и смутное впечатлѣніе.

Около полудня Матернъ уже собирался уходить съ своими ребятами, когда раздался громкій продолжительный крикъ:

— Казаки! Казаки!

Всѣ бросились на дворъ, кромѣ охотниковъ, которые, растворивъ окно, стали смотрѣть въ него; всѣ бѣжали въ разныя стороны, какъ листья отъ осенняго вѣтра.

Не болѣе какъ черезъ двѣ минуты дорога уже была свободна, только въ Ширмекѣ происходила такая толкотня, что нельзя было ступить ни шагу. Глядя въ даль на дорогу, Матернъ воскликнулъ:

— Какъ не смотри, а все ничего не разберешь!

— Я тоже ничего не вижу,—промолвилъ Касперъ.

— Ну, ну,—продолжалъ старый охотникъ.—я вижу ясно, что страхъ нашихъ людей придаетъ врагамъ больше силы, чѣмъ они имѣютъ на самомъ дѣлѣ. Не такой пріемъ мы приготовимъ казакамъ въ горахъ; тамъ они найдутъ, съ кѣмъ потягаться.

Онъ пожалъ плечами съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія и продолжалъ:

— Страхъ—пошлая вещь, и намъ приходится потерять не больше, какъ свою горемычную жизнь. Пойдемте.

Они вышли изъ гостиницы; старикъ направился къ долинѣ, чтобы подняться на вершину Гиршберга, и сыновья его пошли за нимъ; когда они добрались до опушки лѣса, Матеръ объявилъ, что нужно подняться какъ можно выше, чтобы оглядѣть долину и принести въ бивуакъ достовѣрныя свѣдѣнія, что всѣ разсказы бѣглецовъ ничего не значатъ въ сравненіи съ однимъ взглядомъ на самую мѣстность.

Касперъ и Францъ согласились съ этимъ, и всѣ трое стали подниматься на гору, которая образуетъ возвышенный выступъ надъ долиною.

Добравшись до вершины, они ясно увидали непріятельскій лагерь, расположенный на разстояніи 3 миль, между Урматомъ и Лютцельгаузомъ. Впереди виднѣлись на снѣгу широкія черныя линіи; далѣе обозначались темныя массы, вѣроятно, обозъ и артилерія. Такія же массы бродили около деревень, и, несмотря на отдаленіе, блескъ штыковъ ясно показывалъ, что отрядъ войскъ направлялся къ Вишу.

Старикъ долго и задумчиво глядѣлъ на эту картину и сказалъ, наконецъ:

— У насъ передъ глазами войско въ 30.000 человѣкъ. Они идутъ на насъ, нападутъ завтра или, самое позднее, послѣзавтра. Дѣла съ ними будетъ не мало, ребята. Но если ихъ много, зато наше положеніе выгодно, и къ тому же всегда легко стрѣлять въ кучу: пули не пропадаютъ даромъ.

Послѣ такихъ размышленій онъ посмотрѣлъ на солнце и прибавилъ:

— Теперь два часа; мы узнали все, чего добивались. Пойдемте же назадъ на бивуакъ.

Молодые люди перекинули ружья черезъ плечо и, оставивъ

Ширмекъ и Фрамонъ, поднялись по крутому склону Гентебаха, надъ которымъ на двѣ мили дальше возвышается малый Допонъ; они спустились съ крутой стороны и пошли по снѣгу цѣликомъ, чтобы сократить дорогу.

Шли они такимъ образомъ часа два. Зимнее солнце склонялось къ горизонту. Наступала спокойная, ясная ночь. Имъ оставалось только спуститься и подняться съ другой стороны по уединенному ущелью Риль, которое образуетъ среди лѣса широкую, кругловатую котловину и заключаетъ въ себѣ маленькій синеватый прудъ, куда нерѣдко сходятся на водопой дикія козы. Вдругъ, когда они совершенно безпечно выходили изъ лѣсной чащи, старикъ остановился за густыми кустами и промолвилъ:—«тсъ!»

Онъ поднялъ руку и указалъ на маленькое озеро, покрытое тонкимъ прозрачнымъ льдомъ. Молодые люди бросили бѣглый взглядъ въ ту сторону и увидѣли самое странное зрѣлище: человѣкъ 20 казаковъ, сухопарыхъ, одѣтыхъ въ лохмотья, съ растрепанными рыжими волосами и бородами, въ старыхъ мѣховыхъ шапкахъ, похожихъ на печныя трубы, сидѣли, запустивъ ноги въ веревочныя стремена, на своихъ маленькихъ лошаденкахъ, украшенныхъ, точно козы, рыжими, черными и бѣлыми пятнами, съ жидкимъ хвостомъ и гривою, мотавшеюся по груди. Одни были вооружены длинною пикою, другіе—саблею, третьи—топоромъ, привѣшаннымъ на веревкѣ къ сѣдлу, и большимъ пистолетомъ, заткнутымъ за поясъ. Многіе изъ нихъ, задравши носъ кверху, глядѣли съ восторгомъ на зеленѣющія вершины сосенъ, возвышавшихся ступенями и терявшихся въ темной синевѣ ночного неба. Рослый и сухопарый дѣтина разбивалъ ледъ толстымъ концомъ своего копья, и его маленькая лошаденка пила, вытянувъ шею и свѣсивъ свою длинную гриву. Нѣкоторые изъ казаковъ снѣшились и, разрывая снѣгъ, указывали на лѣсъ, который, вѣроятно, казался имъ удобнымъ мѣстомъ для стоянки. Товарищи ихъ бесѣдовали между собою, еще сидя на лошадяхъ и указывали на углубленіе долины, которая шла направо и спускалась въ формѣ бреши внизъ до Гриндевальда.

Словомъ, это былъ казачій привалъ; трудно списать, какую странную и живописную картину представляли эти люди съ загорѣлыми лицами, съ длинною бородою, черными глазами, высокимъ лбомъ, сплющеннымъ носомъ, одѣтые въ лохмотья и расло-

ложившіеся на берегу озера, подъ отвѣсными скалами и темно-зелеными соснами, терявшимися въ облакахъ.

Эта картина представлялась новымъ міромъ, появившимся среди совершенно чуждой ему обстановки; люди эти казались неизвѣстною, странною дичью, которую озадаченные охотники принялись разсматривать съ большимъ любопытствомъ. Но, подивившись на нихъ минутъ съ пять, Касперъ и Францъ надѣли на ружья свои длинные штыки и отступили шаговъ на 20 въ чащу лѣса. Они дошли до скалы, которая возвышалась футовъ на 15 или на 20; невооруженный Матернъ взобрался на нее; потомъ, перекинувшись нѣсколькими словами, Касперъ осмотрѣлъ затравку своего ружья и медленно сталъ прицѣливаться, пока его братъ стоялъ наготовѣ.

Одинъ изъ казаковъ, именно тотъ, который поилъ свою лошадь, стоялъ отъ нихъ на разстояніи 200 шаговъ. Раздался выстрѣлъ, въ ущельѣ загрохотало эхо, и казакъ, перевалившись черезъ голову своей лошади, нырнулъ подъ ледъ.

Невозможно описать ощущеніе, которое овладѣло всѣмъ отрядомъ при этомъ выстрѣлѣ. Казаки оглядывались во всѣ стороны, а эхо все еще не смолкало, будто произошла цѣлая перестрѣлка, и широкій клубъ дыма взвивался надъ деревьями, за которыми притаились охотники.

Не прошло и четверти минуты, какъ Касперъ снова заряжалъ ружье; но въ это время казаки успѣли вскочить на лошадей и уже неслись длинной вереницей, какъ лоси, по склону Гарца, оглашая воздухъ своимъ гиканіемъ.

Весь отрядъ исчезъ, какъ видѣніе; когда Касперъ поднималъ ружье во второй разъ, хвостъ послѣдней лошади едва мелькалъ въ чащѣ лѣса.

Только лошадь убитаго казака одна осталась надъ прорубью; она не тронулась съ мѣста и, повѣсивъ голову, смотрѣла на своего хозяина, до половины утонувшаго въ тинѣ.

Матернъ прислушивался, стоя на скалѣ; потомъ онъ весело сказалъ:

— Ускакали!.. Ну, посмотримъ... побудь здѣсь, Францъ, на случай, если кто-нибудь изъ нихъ вернется.

Несмотря на это наставленіе, всѣ трое сошли къ лошади; Мартенъ тотчасъ схватилъ ее за узду и проговорилъ:

— Эй, ты, старина, мы тебя обучимъ по-французски.

— Пойдемте скорѣе! — вскричалъ Касперъ.

— Нѣтъ, надо посмотрѣть подстрѣленную дичь нашу; это потѣшитъ нашихъ: собака никогда не бываетъ чутка къ дичи, пока не понюхаетъ шкуру убитаго звѣря.

Они вытащили изъ тины казака и, положивъ его поперекъ сѣдла, стали взбираться на Доронъ по такой крутой тропинкѣ, что Материъ безпрестанно повторялъ:

— Лошадь здѣсь не пройдетъ.

Но благодаря своему длинному козьему хребту, лошадь шла легче ихъ, и старый охотникъ объявилъ, наконецъ:

— Славныя лошади у этихъ головорѣзовъ. Когда я совсѣмъ постарѣю, такъ стану ѣздить за козами на этой лошадкѣ. Чудная у насъ лошадь, ребята: она хоть и глядитъ коровой, а заткнетъ за поясъ любую извозчичью лошадь.

Поперемънъ онъ высказывалъ свои размышленія о казакѣ:

— Что за смѣшная рожа. Носъ луковицей, лобъ точно сыръ. Ужъ правда, что на свѣтѣ всякій народъ водится. Ловко ты въ него попалъ, Касперъ, прямо въ грудь навылетъ; смотри-ка, пуля вышла черезъ спину. Славный порохъ. Дивесъ всегда держитъ отличный товаръ.

Было около шести часовъ, когда они въ первый разъ услыхали окликъ своего часового:

— Кто идетъ?

— Франція, — отвѣчалъ Материъ.

Всѣ бросились къ нему навстрѣчу:

— Вотъ и Материъ!

Самъ Юлленъ, поддавшись общему любопытству, поспѣшилъ подбѣжать вмѣстѣ съ докторомъ Лоркеномъ. Партизаны уже толпились вокругъ лошади и, стоя возлѣ большого костра, на которомъ варился ужинъ, оглядывали ее, вытянувъ шеи и разинувъ рты.

— Это казакъ? — спросилъ Юлленъ, пожимая руку Материа.

— Да, Жанъ-Клодъ, мы его застрѣлили на Рильскомъ прудѣ, а стрѣлялъ Касперъ.

Трупъ положили возлѣ огня; мерцающій свѣтъ пламени бросалъ страшный отблескъ пламени на его темно-желтое лицо.

Докторъ Лоркенъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Это славный экземпляръ татарскаго племени; если бы у

меня было свободное время, я бы сварилъ его въ известковой ваннѣ, чтобы пріобрѣсти скелетъ этой расы.

Потомъ онъ сталъ на колѣни и распахнулъ его длинную куртку.

— Пуля, — сказалъ онъ, — прошла сквозь сердечную оболочку, что производитъ такое же дѣйствіе, какъ аневризмъ.

Присутствующіе молчали.

Касперъ, опершись на дуло своего ружья, былъ, повидимому, очень доволенъ собой и своей побѣдой, а Материъ говорилъ, потирая руки:

— Я былъ увѣренъ, что принесу вамъ что-нибудь; я и мои ребята, мы никогда не возвращаемся съ пустыми руками. Вотъ вамъ доказательство.

Юлленъ отвелъ его въ сторону, и они вмѣстѣ пошли на ферму, а всѣ остальные начали выражать свои личныя размышленія насчетъ казака, когда прошла первая минута удивленія.

XIII.

Въ эту ночь, т. е. въ ночь съ пятницы на субботу, маленькая ферма анабаптиста была наполнена приходившимъ и уходившимъ народомъ.

Юлленъ устроилъ свою квартиру въ большой залѣ нижняго этажа, направо отъ риги, которая стояла противъ Фрамона; по ту сторону аллеи находилась походная больница; наверху жила прислуга.

Ночь была тихая и звѣздная, но холодъ былъ такъ силенъ, что стекла подернулись ледяной корой въ палецъ толщины.

На дворѣ слышался окрикъ часовыхъ, обходъ карауловъ, а на окрестныхъ вершинахъ раздавался вой волковъ, которые съ 1812 г. цѣлыми стадами бродили за нашими войсками. Сидя на льду и уткнувъ свои острыя морды между лапами, эти хищныя животныя, томимыя голодомъ, перекликались съ Гросмана и Донона такими жалобными голосами, какъ вой осенняго вѣтра.

Горцы блѣднѣли, слушая этотъ вой,—это смерть поетъ, думали они; она чуетъ кровь, она зоветъ насъ.

Быки ревѣли въ своихъ хлѣвахъ, а лошади страшно бились въ стойлахъ.

На площадкѣ мелькали огоньки; дровяной сарай анабаптиста

былъ опустошенъ, въ огонь бросали полѣно за полѣномъ; грѣли себѣ лицо, а спина въ это время мерзла; отогрѣвали спину, а на усахъ появлялись ледяныя сосульки.

Сидя у большого сосноваго стола, Юлленъ одинъ думалъ обо всемъ. Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, собраннымъ въ этотъ вечеръ о прибытіи казаковъ въ Фрамонъ, онъ былъ убѣжденъ, что первое ихъ нападеніе произойдетъ на другой день. Онъ велѣлъ раздать патроны, удвоилъ караулы, назначилъ патрули и распредѣлилъ всѣ посты вдоль просѣкъ. Всякій заранѣе зналъ свое мѣсто. Юлленъ послалъ приказъ Піеру, Жерому изъ Сенъ-Квирина, и Лабарбу выслать ему своихъ лучшихъ стрѣлковъ.

Маленькая, темная аллея, заваленная снѣгомъ, была освѣщена тусклымъ фонаремъ, и подъ неподвижнымъ огнемъ его ежеминутно проходили начальники засады, съ обледенѣвшею бородою и мрачными взорами, въ пуховой шляпѣ, надвинутой до самыхъ ушей, и плотно закутанные въ теплые плащи.

Плутонъ уже переставалъ ворчать, когда раздавались тяжелые шаги этихъ людей. Опершись локтями на столъ и подпирая голову руками, Юлленъ задумчиво выслушивалъ всѣ донесенія.

— Господинъ Жанъ-Клодъ, что-то подвигается на насъ отъ Гранфонтена; слышится топотъ.

— Господинъ Жанъ-Клодъ, водка замерзла.

— Господинъ Жанъ-Клодъ, пороху не достало кое-кому.

— Дайте того... дайте другого...

— Наблюдайте за Гранфонтеномъ, смѣнять тамъ караулъ каждые полчаса... Подвинуть водку къ огню... Вотъ пріѣдетъ Дивесъ—онъ привезетъ намъ все нужное. Раздать остальные патроны, пусть тѣ, у кого больше 20, подѣлятся съ товарищами.

И такъ прошла вся ночь.

Около пяти часовъ Касперъ, сынъ Матерна, пришелъ сказать Юллену, что въ одно время прибыли Маркъ Дивесъ съ запасомъ патроновъ, Катерина Лефевръ въ телѣгѣ и отрядъ Лабарда, и что всѣ они уже на площадкѣ.

Это извѣстіе чрезвычайно обрадовало его; особенно пріятно было полученіе патроновъ, потому что онъ боялся, что ихъ привезутъ слишкомъ поздно.

Онъ всталъ и вышелъ съ Каспромъ.

Площадка представляла странное зрѣлище.

Свѣтало; массы тумана поднимались изъ долины, огоньки мерцали отъ сырости, и кругомъ виднѣлись спящіе люди: одинъ лежалъ на спинѣ, закинувъ руки за голову, съ краснымъ лицомъ и поджатыми ногами; другой прилегъ лицомъ къ рукѣ и протянулъ ноги къ огню; но большей частью спали, сидя, свѣсивъ голову на грудь и закинувъ ружье за спину. Все это было безмолвно и залито лучами пурпурнаго или сѣраго цвѣта, который измѣнялся, смотря по тому, опускался или поднимался огонь. А тамъ, вдали, обрисовывалась фигура часового, который, опираясь на ружье, смотрѣлъ въ бездну, гдѣ носились облака.

Направо, въ шагахъ 50 отъ послѣдняго костра, слышалось ржаніе лошадей и топаніе людей, которые громко разговаривали и старались согрѣться.

— Господинъ Жакъ-Клодъ идетъ,—сказалъ Гаспаръ, подходя туда.

Одинъ изъ партизановъ бросилъ въ огонь нѣсколько сухихъ вѣтокъ; пламя на минуту вспыхнуло и освѣтило 12 верховыхъ людей Марка Дивеса; это были рослые ребята, закутанные въ длинные плащи, съ нахлобученными пуховыми шапками, съ длинными усами, закрученными кверху или падавшими внизъ до самой груди; они неподвижно стояли вокругъ телѣжки, съ саблями въ рукахъ; нѣсколько поодаль сидѣла Катерина Лефевръ въ своей телѣгѣ; капюшонъ спустился у нея на лицо, ноги ея были зарыты въ соломѣ, а за спиной стояла большая бочка; въ телѣгѣ лежали кастрюля, сковорода, только что убитая, выпотрошенная свинья, нѣсколько пучковъ луку и кочни капусты для супа; все это на минуту освѣтилось яркимъ пламенемъ и опять погрузилось въ темноту.

Дивесъ отдѣлился отъ группы и подъѣхалъ къ Юллену на своей большой лошади.

— Это ты, Жанъ-Клодъ?

— Да, Маркъ.

— Вотъ тебѣ нѣсколько тысячъ патроновъ. Гекъ-Безель работаетъ день и ночь.

— Хорошо, хорошо.

— Да, дружище, а Катерина Лефевръ привезла провизіи; она вчера била скотину.

— Хорошо, Маркъ: все это намъ пригодиться. Дѣло идетъ къ развязкѣ.

— Да, да, этого надо ожидать. Мы проскакали во весь опоръ. Куда положить порохъ?

— Туда, подъ навѣсъ, за ферму. А, это вы, Катерина?

— Разумѣется, Жанъ-Клодъ; нынче утромъ порядочный холодъ.

— Такъ вы всегда будете такая же, вы ничего не боитесь?

— Ну, какая же я была бы женщина, если бы во мнѣ не было любопытства! Мнѣ всюду надо сунуть свой носъ.

— Да, вы всегда сумѣете перетолковать все хорошее, что вы дѣлаете.

— Вы заболтались, Юлленъ; оставьте меня въ покоѣ съ вашими любезностями. Развѣ людямъ этимъ не надо ѣсть? Развѣ они могутъ питаться воздухомъ? Да къ тому же Божій воздухъ и непитателенъ въ такой холодъ: такъ и колетъ, такъ и рѣжетъ, точно иголками. Вотъ я и приняла всѣ мѣры свои: вчера мы били быка,—знаете этого бѣднаго Шварца, —тяжелъ онъ былъ; вотъ я и привезла заднюю часть на супъ для нынѣшняго обѣда.

— Катерина,—вскричалъ умиленный Жанъ-Клодъ, — кажется, я васъ довольно знаю, а все-таки не надивлюсь на васъ! Все вамъ нипочемъ, и деньги, и заботы, и труды.

— Ну, довольно,—отвѣчала старая фермерша, вставая и выскакивая изъ своей телѣги, — вы мнѣ надоѣли, Юлленъ. Я пойду погрѣюсь.

Она передала вожжи Дюбуру, потомъ повернулась и сказала:

— Все равно, Жанъ-Клодъ, на эти огни весело смотрѣть. Но гдѣ же Луиза?

— Луиза всю ночь кроила и шила бинты съ обѣими дочерьми Пельсаи. Она въ лазаретѣ, вонъ тамъ, гдѣ свѣтится огонекъ.

— Бѣдное дитя, — сказала Катерина, — я пойду помогать ей; это меня согрѣетъ.

Юлленъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и покачалъ головою, будто хотѣлъ сказать:—вотъ такъ женщина.

Въ это время Маркъ Дивесъ и его люди переносили порохъ въ сарай; Жанъ-Клодъ подошелъ къ ближайшему костру, и каково же было его удивленіе, когда онъ увидалъ въ толпѣ пар-

тизановъ юродиваго Іегофа, который, съ свечою на головѣ, важно возсѣдалъ на камнѣ, протянувъ ноги къ огню и драпируясь въ свои лохмотья, какъ въ царскую мантію.

Странно было видѣть эту фигуру, освѣщенную пламенемъ костра. Іегофъ одинъ только казался не сонным; его дѣйствительно можно было принять за какого-нибудь короля-варвара, вернувшагося къ своей спящей дружинѣ.

Но Юлленъ увидалъ въ немъ не болѣе, какъ юродиваго, и сказалъ насмѣшливымъ тономъ, осторожно положивъ руку ему на плечо:

— Здравствуй, Іегофъ. Ты вѣрно хочешь предложить намъ помощь своей непобѣдимой руки и своихъ несмѣтныхъ полчищъ.

Юродивый отвѣчалъ, не мало не удивляясь.

— Это зависитъ отъ тебя, Юлленъ, въ твоихъ рукахъ находится и твоя участь, и участь всѣхъ этихъ людей. Я остановилъ свой гнѣвъ и предоставляю тебѣ произнести приговоръ...

— Какой приговоръ? —спросилъ Юлленъ.

Іегофъ продолжалъ, не отвѣчая, тихимъ и торжественнымъ голосомъ:

— Вотъ мы опять оба вмѣстѣ: какъ 1600 лѣтъ тому назадъ, ждемъ кровопролитной битвы. Въ то время я, начальникъ столькихъ народовъ, пришелъ въ твой станъ просить у тебя пропуска...

— 1600 лѣтъ назадъ!—сказалъ Юлленъ.—Какіе же мы съ тобою старики, Іегофъ. Ну, да это все равно, у всякаго свои фантазіи...

— Да, — продолжалъ юродивый. — но, благодаря твоему обычному упрямству, ты ничего и слышать не хотѣлъ: на Блютфельдѣ пало много мертвыхъ, и эти трупы взываютъ о мщеніи.

— А, Блютфельдъ,—сказалъ Жанъ-Клодъ, — да, да, это старая исторія; я, кажется, слыхалъ о ней.

Іегофъ покраснѣлъ, глаза его сверкнули.

— Ты гордишься своей побѣдой,—вскричалъ онъ.—но берегись, берегись, кровь требуетъ крови! Послушай. — прибавилъ онъ, смягчившись,—я не имѣю зла на тебя: ты храбръ, твое племя можетъ слиться съ моимъ. Я желаю союза съ тобою, ты это знаешь...

«Онъ опять за Лунзу принимается».—подумалъ Юлленъ.

— Іегофъ,—сказалъ онъ, предвидя формальное предложе-

ніе,— мнѣ очень досадно, но я долженъ уйти отъ тебя: у меня столько хлопотъ и заботъ...

Юродивый не дождался конца этого прощанія и, вскочивъ съ негодующимъ взоромъ, вскричалъ, торжественно поднимая руку:

— Ты не отдашь мнѣ свою дочь?

— Мы потомъ поговоримъ объ этомъ.

— Ты мнѣ отказываешь?

— Ты, Іегофъ, всѣхъ перебудишь своимъ крикомъ...

— Ты мнѣ отказываешь?.. И это въ третій разъ... Берегись!.. Берегись!..

Юлленъ понялъ, что вразумить его нѣтъ никакой возможности, и поспѣшно ушелъ отъ него: но юродивый пришелъ въ бѣшенство и кричалъ ему вслѣдъ страшныя слова:

— Гульдрикъ, горе тебѣ! Твой послѣдній часъ насталъ; волки будутъ раздирать твое тѣло! Все кончено; я пускаю на волю бурю моего гнѣва; для тебя и для всѣхъ твоихъ не будетъ ни помилованія, ни пощады, ни сожалѣнія! Ты этого хотѣлъ.

И несчастный быстро удалился къ вершинѣ Доиона, набросивъ на плечо полу своего рубища.

Проснувшись отъ его криковъ, нѣкоторые изъ партизановъ посмотрѣли ему вслѣдъ полусонными глазами. Имъ послышался шумъ крыльевъ у костра; потомъ все стало смутно, какъ во снѣ; они отвернулись и заснули.

Съ часъ спустя рогъ Лагармита далъ знать, что пора вставать. Черезъ нѣсколько секундъ всѣ были на ногахъ.

Начальники засадъ собирали своихъ людей; одни отправлялись въ сарай, гдѣ раздавали патроны; другіе наливали въ свои фляжки водку изъ бочешковъ: все это дѣлалось чинно, начальники стояли во главѣ отрядовъ; потомъ каждый отрядъ исчезалъ въ утреннемъ туманѣ, въ просѣкахъ на скатахъ горъ.

Когда солнце взошло, площадка была пуста; осталось только пять или шесть еще дымящихся костровъ, по которымъ только и можно было догадаться, что партизаны ночевали на этомъ мѣстѣ, и что они занимали всѣ пункты на горѣ.

Въ это время Юлленъ наскоро закусывалъ и пилъ водку съ своими пріятелями, докторомъ Лоркеномъ и анабаптистомъ Пельсли.

Лагармитъ былъ съ ними, потому что онъ на цѣлый день

былъ прикомандированъ къ Юллену и, въ случаѣ необходимости, долженъ былъ передавать его приказанія.

XIV.

Было семь часовъ, а въ долинѣ еще ничто не шевелилось.

Время отъ времени докторъ Лоркенъ отворялъ одно изъ оконъ большой залы и смотрѣлъ вдаль: все было неподвижно, огни погасли, все оставалось спокойно.

Противъ фермы, шагахъ въ ста, на откосѣ, лежалъ казакъ, убитый наканунѣ Каспером; онъ весь побѣлѣлъ отъ мороза и затвердѣлъ какъ камень.

Въ домѣ затопили большую печь.

Сидя возлѣ отца, Луиза смотрѣла на него съ невыразимой кротостью; казалось, что она боялась разстаться съ нимъ навсегда; глаза ея были красны отъ слезъ.

Юлленъ былъ взволнованъ, но оставался неподвижнымъ.

Докторъ и анабаптистъ важно и торжественно бесѣдовали о текущихъ дѣлахъ, а Лагармитъ, стоя за печкой, слушалъ ихъ съ почтительнымъ видомъ.

— Мы не только имѣемъ право, на насъ даже лежитъ обязанность защищаться,—говорилъ докторъ:—наши отцы вырубали эти лѣса, они обработали эти земли: это наше законное достояніе.

— Конечно, — отвѣчалъ анабаптистъ торжественнымъ тономъ.— но въ писаніи сказано: не убей. Не проливай крови своихъ братьевъ.

Катерина Лефевръ, занимавшаяся въ эту минуту ломтикомъ ветчины, вышла изъ себя отъ этого разговора и отвѣчала, быстро повернувшись:

— Вотъ и выходитъ, что, будь у насъ ваша религія, мы бы подставили шею этимъ нѣмцамъ, русскимъ и всѣмъ этимъ бѣлобрысымъ варварамъ. Славная ваша религія, да, славная, а ужъ какъ она на руку всѣмъ разбойникамъ. Она дастъ имъ легкій способъ грабить честныхъ людей. Союзники были бы рады, если бы у насъ была такая религія, я въ этомъ увѣрена. Къ несчастью, не всякому по вкусу быть барашомъ. Я нисколько не хочу оскорбить васъ. Нельсли, по похожу, что можно глупо гибнуть ради другихъ. Но вы честный народъ, на васъ

сердиться нельзя; вы росли съ такими мыслями изъ поколѣнія въ поколѣніе; яблочко отъ яблони недалеко падаетъ. Но мы будемъ защищать васъ, хотя бы противъ вашей воли, а потомъ станемъ слушать ваши проповѣди о вѣчномъ мирѣ. Я очень люблю слушать толки о мирѣ, когда мнѣ нечего больше дѣлать, и когда я хорошо пообѣдала: это меня потѣшаетъ тогда.

Кончивъ свою рѣчь, она снова повернулась къ столу и спокойно доѣла ветчину.

Пельсли сидѣлъ, разинувъ ротъ, а Лоркенъ никакъ не могъ сдержать улыбки.

Въ эту минуту дверь отворилась, и одинъ изъ часовыхъ, оставшійся на площадкѣ для наблюденій, закричалъ:

— Господинъ Жанъ-Клодъ, подите, посмотрите, они, кажется, собираются двинуться сюда.

— Хорошо, Симонъ, иду, — сказалъ Юлленъ, вставая.— Луиза, поцѣлуй меня; будь умница, дитя мое, не бойся, все пойдетъ хорошо.

Онъ прижалъ ее къ груди, а на глазахъ у него навернулись слезы. Луиза была ни жива, ни мертва.

— А главное, — сказалъ Юлленъ, обращаясь къ Катеринѣ,—чтобы никто не выходилъ, чтобы никто не подходилъ къ окнамъ.

И онъ выбѣжалъ въ аллею.

Всѣ присутствующіе поблѣднѣли.

Когда Жанъ-Клодъ подошелъ къ краю террасы и глянулъ съ высоты въ три тысячи метровъ внизъ на Граншонтенъ и Фрамонъ, онъ увидалъ слѣдующее.

Нѣмцы, прибывшіе наканунѣ вечеромъ черезъ нѣсколько часовъ послѣ казаковъ, переночевавши, въ числѣ 5 или 6 тысячъ, въ ригахъ, конюшняхъ, хлѣвахъ, суетились теперь, точно муравьи въ муравейникѣ. Они выходили изо всѣхъ дверей вереницами въ 10, 15 и 20 человѣкъ и спѣшили затянуть свои ранцы, пристегнувъ сабли и надѣть штыки.

Другіе, — кавалеристы, уланы, казаки, гусары, въ своихъ зеленыхъ, сѣрыхъ, синихъ мундирахъ съ красными и желтыми выпушками, въ клеенчатыхъ и мѣховыхъ шапкахъ и въ простыхъ картузахъ, сѣдлали своихъ лошадей и поспѣшно свертывали свои длинные плащи.

Офицеры, перекинувъ пищали черезъ плечо, спускались съ

маленькихъ крылечекъ; одни оглядывали окрестность, другіе обнимали женщинъ, высывавшихъ на пороги своихъ домовъ.

Подпершись рукою въ бокъ и поднявъ локти къ верху, трубачи подавали сигналъ на всѣхъ перекресткахъ, барабанщики подтягивали свои барабаны. Словомъ, на этомъ крошечномъ пространствѣ, величиною съ ладонь, можно было наблюдать всѣ военныя позы въ минуту выступленія въ походъ.

На эту картину смотрѣло нѣсколько крестьянъ, высунувшихся изъ оконъ; въ слуховыхъ окнахъ чердаковъ мелькали женскія головы; трактирщики наливали вино въ фляжки, и рядомъ съ ними стоялъ капралъ.

Юлленъ окинулъ мѣстность зоркимъ взглядомъ, отъ котораго ничто не укрылось; къ тому же такія вещи были ему знакомы издавна; но Лагармитъ, не видавшій никогда ничего подобнаго, былъ ошеломленъ.

— Ихъ тьма тьмущая, — говорилъ онъ, качая головой.

— Ну, такъ что же?—сказалъ Юлленъ.—Въ мое время мы въ шесть мѣсяцевъ истребили три пятидесятитысячныя арміи того же сброда, а на каждаго изъ насъ приходилось больше четырехъ человѣкъ. Все, что ты видишь тамъ, было бы для насъ не болѣе, какъ простымъ завтракомъ. Кромѣ того, успокойся, намъ не придется убивать всѣхъ ихъ; они разбѣгутся, что твои зайцы. Видалъ я ихъ.

Послѣ этихъ размышленій онъ захотѣлъ еще разъ осмотрѣть своихъ.

— Пойдемъ, — сказалъ онъ пастуху.

Оба отправились къ просѣкамъ и пошли вдоль траншеи, вырытой въ снѣгу, два-три дня тому назадъ. Рыхлый снѣгъ отвердѣлъ отъ мороза и превратился въ ледъ. Повалившіеся напередъ деревья, покрытыя инеемъ оставляли непроходимыя завалы. Прорытая дорога шла внизу.

Подошедши Жанъ-Клодъ увидалъ Дагсбургскихъ горцевъ, которые сидя на корточкахъ, притаились въ круглыхъ ямахъ, вырытыхъ на разстояніи 20 шаговъ одна отъ другой.

Всѣ эти молодцы сидѣли на своихъ сумкахъ, сдвинувъ на затылокъ пуховыя или лисьи шапки, положивъ фляжки на правую руку и приложивъ ружье къ колѣну. Имъ стоило только встать, чтобы увидать дорогу, которая шла на 50 шаговъ подъ ними, подъ очень крутымъ и скользкимъ скатомъ.

Приходъ Юллена обрадовалъ ихъ.

— Ну, господинъ Жанъ-Клодъ, скоро ли начнутъ?

— Да, ребята, не скучайте. Не пройдетъ и часа, какъ дѣло закипитъ.

— Тѣмъ лучше.

— Да, но главное — цѣльте хорошенько, прямо въ грудь, не торопитесь и не выставляйтесь больше, чѣмъ нужно.

— Будьте покойны, господинъ Жанъ-Клодъ.

Онъ шелъ дальше; вездѣ его встрѣчали точно также.

— Не забудьте, что надо перестать стрѣлять, когда Лагармитъ подастъ сигналъ, — говорилъ онъ, — не надо попапрасну тратить пули.

Онъ подошелъ къ старику Матерну, у котораго было подъ начальствомъ человѣкъ 250; старый охотникъ закуривалъ трубку: носъ у него рдѣлся, какъ раскаленный уголь; борода, съ мороза, торчала въ разныя стороны, какъ кабанья щетина.

— А, это ты, Жанъ-Клодъ.

— Да, пришелъ пожать тебѣ руку.

— Хорошо. Но что же это они тамъ мѣшкаютъ? Не возьмутъ ли они другое направленіе?

— Не бойся; имъ нужна дорога для артиллеріи и багажа. Смотри-ка, они уже садятся на коней.

— Да, я уже видѣлъ; они готовятся. — Онъ тихонько засмѣялся и сказалъ:

— Кабы ты зналъ, Жанъ-Клодъ, какую я видѣлъ сейчасъ смѣшную штуку, сейчасъ, когда смотрѣлъ въ ту сторону, къ Граифонтену.

— Что же такое, дружище?

— Четверо нѣмцевъ схватили въ охапку старика Дюбреля, друга сотоварищей, взвалили его на каменную скамью противъ дома, и какой-то длинный, поджарый молодецъ всыпалъ ему не знаю сколько плетей. Хе, хе, хе! Вотъ оралъ-то, я думаю, старый негодяй! Онъ навѣрное въ чемъ нибудь отказалъ своимъ любезнымъ друзьямъ; вѣрно, не далъ имъ отвѣдать своего вина, которое бережется у него съ одиннадцатаго года.

Юлленъ уже не слушалъ, потому что, бросивъ случайно взглядъ на долину, онъ увидалъ полкъ пѣхоты, который по-

двигался по дорогѣ. Далѣе, въ проходѣ ѣхала кавалерія и пять или шесть офицеровъ скакали впереди.

— Ага, вотъ они!—закричалъ старый солдатъ, и на лицѣ его вдругъ выразилась энергія и страшный энтузіазмъ. — Рѣшились-таки, наконецъ!

Вслѣдъ за тѣмъ онъ побѣжалъ въ траншеи и крикнулъ:— Смотрите, ребята!

Проходя, онъ увидѣлъ Риффи, маленькаго Шарпскаго портного, который стоялъ онершись на длинное ружье: карликъ вырылъ себѣ въ снѣгу ступеньку, чтобы удобнѣе было прицѣливаться. Далѣе онъ узналъ стараго дровосѣка Рошара, обутаго въ толстые кожаные сапоги, отороченные баранымъ мѣхомъ; онъ выпилъ глотокъ водки изъ своей фляжки и медленно выпрямился, держа ружье подъ мышкой и сдвинувъ на ухо свою шапку.

Только онъ и видѣлъ; чтобы обозрѣть все поле дѣйствій, ему надо было взобраться на вершину Дюпона, гдѣ находилась скала.

Лагармитъ шелъ за нимъ, шагая своими длинными ногами, какъ ходулями. Черезъ 10 минутъ, когда они запыхавшись, добрались до вершины скалы, они увидали на 1500 метровъ подъ собою непріятельскій отрядъ въ 3000 человѣкъ: замелькали бѣлые длинные мундиры, мѣховыя шапки, холщевыя штиблеты, высокіе кивера, рыжіе усы; молодые офицеры въ плоскихъ шапкахъ и съ саблями наголо, рисовались на коняхъ передъ своими ротами и повертывались назадъ, чтобы прокричать пискливымъ голосомъ:—Впередъ, впередъ!

Надъ всѣмъ этимъ сверкали штыки, и колонна бѣглымъ шагомъ подступала къ засѣкамъ.

И старикъ Матернъ тоже наблюдалъ за приближеніемъ нѣмцевъ, вздернувъ брови и высунувъ свой ястребиный носъ изъ за кустовъ бояршника. Глаза у него были зоркіе: онъ даже могъ разглядѣть лица въ этой толпѣ, и уже выбиралъ себѣ жертву.

Посреди колонны ѣхалъ, вытянувшись въ струнку, на большой вороной лошади, старый офицеръ въ сѣдомъ парикѣ, въ треугольной шляпѣ, вышитой галунами, опоясанный желтымъ шарфомъ и увѣшанный орденами. На его шляпѣ развѣвался

черный султанъ, который падалъ ему на лобъ, когда онъ поднималъ голову. Лицо его было изрыто глубокими морщинами и видъ у него былъ суровый.

— Онъ отъ меня не уйдетъ,—подумалъ охотникъ, и сталъ медленно прицѣливаться.

Раздался выстрѣлъ, и когда Материнъ взглянулъ внизъ, старый офицеръ исчезъ.

Тотчасъ же по всей горѣ, изъ всѣхъ засадъ послышались выстрѣлы: но нѣмцы не отвѣчали и продолжали наступать къ просѣкамъ, держа ружья на перевѣсъ и подвигаясь стройными рядами какъ на парадѣ.

Сказать по правдѣ, не одинъ честный горецъ, отецъ семейства глядя на этотъ лѣсъ штыковъ, подумалъ, что было бы лучше, если бы онъ остался въ деревнѣ и не совался бы въ такое дѣло. Но, какъ говоритъ пословица: взявшись за гужъ, не говори — не дюжъ.

Маленькій портной Риффи вспомнилъ разумныя слова своей жены: — Риффи, тебя искалѣчатъ и по дѣломъ тебѣ будетъ.

Онъ поклялся сдѣлать богатое приношеніе Сенъ-Леонской церкви, если вернется домой живъ и здоровъ, но въ то же время далъ обѣщаніе употреблять какъ слѣдуетъ свое длинное ружье.

Въ двухстахъ шагахъ отъ просѣкъ нѣмцы остановились и открыли такую пальбу, которой никогда не слыхивали въ горахъ: пули жужжали, какъ пчелы, летѣли сотнями, расщепляя вѣтки, раскалывая куски льда, сплющиваясь о скалы, направо, налѣво, спереди, сзади. Онѣ страшно свистѣли и отскакивали вкось, не переставая сыпаться безпрерывнымъ дождемъ.

Ополченцы, съ своей стороны, тоже не унимались, но ихъ стрѣльбы не было слышно. Всю гору заволокло сиреватымъ дымомъ, который мѣшалъ цѣлить.

Не прошло и десяти минутъ, какъ раздался барабанный бой и вся эта сплошная масса людей пустилась бѣжать къ просѣкамъ подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ, которые кричали:—Впередъ!!

Земля дрогнула.

Материнъ вытянулся во весь ростъ на краю траншеи, лицо его подергивалось, голосъ былъ страшенъ; онъ воскликнулъ:

— Вставайте, вставайте, ребята!

Онъ подалъ сигналъ какъ разъ во-время; порядочное количество нѣмцевъ.—по большей части студентовъ медицинскаго, юридическаго, философскаго факультетовъ, изукрашенныхъ рубцами, пріобрѣтенными въ мюнхенскихъ и вѣнскихъ пивныхъ заведеніяхъ, и дравшихся съ нами потому, что имъ обѣщали даровать свободу послѣ паденія Наполеона.—порядочное количество этихъ неустрашимыхъ молодцовъ лѣзло, цѣпляясь руками и ногами за ледяную стѣну и пыталось взобраться на скопы.

Но пока они лѣзли, ихъ били прикладами и они, какъ булыжникъ, падали назадъ въ свои ряды.

Старый дровосѣкъ Рошаръ отличился при этомъ примѣрнымъ мужествомъ. Онъ одинъ свалилъ человѣкъ десять: онъ хваталъ ихъ въ охапку и бросалъ внизъ на дорогу. У старика Мартена штыкъ сталъ липкимъ отъ крови; маленькій Риффи то и дѣло заряжалъ свое большое ружьее и съ энтузіазмомъ стрѣлялъ въ кучу. Іосифъ Ларнеттъ, которому къ несчастью, выбили глазъ. Гансъ Баумгартенъ, которому раздробили плечо. Даніэль Шницъ, которому отрубили саблею два пальца, и множество другихъ, имена которыхъ должны были бы перейти въ память потомства, не переставали ни на минуту стрѣлять и снова заряжали свои ружья.

Подъ горою слышались страшные крики, и стоило только взглянуть внизъ, чтобы увидать блестящіе штыки и множество кавалеріи.

Дѣло продолжалось съ четверть часа. Никто не зналъ, чего нѣмцы добивались, потому что тутъ прохода не было. Но вдругъ они рѣшились отступить. Почти всѣ студенты пали, а остальные старые, заслуженные ветераны, привыкшіе отступать съ достоинствомъ, уже не лѣзли въ драку съ прежней запальчивостью.

Они начали отступать, сначала медленно, потомъ скорѣе, скорѣе. Офицеры, шедшіе позади били ихъ саблями плашмя, а изъ засадъ провожали ихъ выстрѣлами, и наконецъ, они бросились бѣжать опрометью.

Стоя на откосѣ съ пятидесятью стрѣлками, Матернъ отъ души хохоталъ, потрясая своимъ ружьемъ.

Подъ горою валялось по землѣ множество убитыхъ.

Взрытый снѣгъ былъ окрашенъ кровью. Подъ грудами труповъ лежало двое офицеровъ; они еще были живы, но задыхались, придавленные своими лошадьми.

Картина была ужасная. Но люди, дѣйствительно, точно звѣри: не нашлось между горцами ни одного человѣка, который пожалѣлъ бы этихъ несчастныхъ; напротивъ того, глядя на нихъ, они осклаблялись отъ удовольствія.

Въ эту минуту, поддавшись благородному энтузіазму, маленькій Риффи спустился внизъ по откосу. Нѣсколько налѣво, подъ просѣками, онъ увидалъ превосходную лошадь, принадлежащую полковнику, убитому Матерномъ: она стояла въ сторонѣ и была цѣла и невредима.

— Это моя добыча,—подумалъ онъ;— вотъ жена-то удивится!

Всѣ другіе позавидовали ему. Онъ схватился за узду и вскочилъ на лошадь. Но каково же было всеобщее изумленіе, а главное, какъ пораженъ былъ самъ Риффи, когда благородное животное во весь опоръ помчало его вслѣдъ за нѣмцами.

Маленькій юнгой поднималъ руки къ небу и вопилъ ко всѣмъ святымъ.

Матернъ хотѣлъ выстрѣлить, но не посмѣлъ: лошадь скакала слишкомъ быстро.

Въѣхавши въ ряды непріятельскихъ штыковъ, Риффи исчезъ.

Всѣ подумали, что его изрубили; только потомъ черезъ часъ его товарищи увидали, какъ его провели по большой Грандонтенской улицѣ, со связанными за спиною руками; за нимъ, размахивая хлыстомъ, ѣхалъ нѣмецкій кэпраль.

Бѣдный Риффи! Онъ одинъ не насладился торжествомъ побѣды, а его товарищи, подъ конецъ, стали грустить надъ его горькой участью, будто дѣло шло о врагѣ.

Таковъ уже характеръ людей: лишь бы они сами были довольны, а до чужого горя имъ нѣтъ никакого дѣла.

XV.

Окольничіе были внѣ себя отъ восторга; они ликовали, поздравляли другъ друга и считали себя выше всѣхъ возможныхъ героевъ.

Катерина, Луиза, докторъ Леркенъ, всѣ высыпали изъ фермы

и съ радостными криками осматривали слѣды пуль и почернѣвшій отъ пороха скатъ скалы: они увидѣли Іосифа Ларшетта, лежащаго въ своей ямѣ съ прострѣленной головой, Баумгартена, который шелъ въ лазаретъ съ своей размозженной рукой и былъ блѣденъ, какъ полотно, Даніеля Шпица, который хотѣлъ продолжать драться, несмотря на свою рану, но докторъ Лоркенъ былъ глухъ на это ухо и заставилъ его вернуться на ферму.

Луиза привезла маленькую телѣжку и разливала водку, а Катерина Лефевръ, стоя у самаго ската, смотрѣла на мертвыхъ и раненыхъ, валявшихся на дорогѣ среди цѣлыхъ лужъ крови. Были тамъ и молодые люди, и старики съ бѣлыми, какъ воскъ, лицами, съ вытаращенными глазами, съ вытянутыми руками. Раненые старались приподняться, но тотчасъ же падали на землю; другіе глядѣли вверхъ, точно боялись, что на нихъ снова посыпятся выстрѣлы. Они ползли вдоль по горѣ, чтобы укрыться отъ пуль.

Многіе, казалось, уже примирились со смертью и искали только мѣста, чтобы испустить послѣдній вздохъ, или смотрѣли вдаль на полкъ, удалявшійся по дорогѣ къ Фрамону; съ этимъ полкомъ они выступили изъ своей деревни, съ нимъ они предпринимали далекіе походы, а теперь онъ покидалъ ихъ.—Онъ вернется въ родную Германію, думали они.—«А когда спросятъ у капитана или у сержанта: «знали ли вы такого Никеля, Ганса, Каспера 1-й или 2-й роты?»—они отвѣтятъ:—«Постойте дайте припомнить... можетъ статься... не было ли у него царапины на ухѣ или на щекѣ? Онъ былъ, кажется, блондинъ или брюнетъ, пяти футовъ роста? Да, я его зналъ. Онъ убитъ во Франціи, около маленькой деревеньки, которой имя я запамятовалъ. Его убили горцы въ одинъ день со старымъ майоромъ Іери-Петеромъ; молодецъ онъ былъ». Потолкуютъ и разойдутся, и только и всего.

Быть можетъ иной думалъ о матери... о хорошенькой дѣвушкѣ, о какой-нибудь Гретхенъ или Лотхенъ, которая, заливаясь горючими слезами, подарила ему ленточку на память и на прощаніе говорила: «Я стану ждать тебя, Каспаръ; я пойду замужъ только за тебя». Да, долго тебѣ придется ждать!

Все это было грустно.

Глядя на эту картину, старуха Лефевръ думала о Гаспарѣ,

а Юллень, подходившій въ эту минуту съ Лагармитомъ, крикнулъ веселымъ голосомъ:

— Ну, ребята, вы понюхали пороху, чортъ возьми! Славное было дѣло. Нѣмцы не станутъ хвастать нынѣшнимъ днемъ.

Онъ обнялъ Луизу и подошелъ къ старухѣ Лефевръ.

— Довольны ли вы, Катерина? — спросилъ онъ.— Наши дѣла идутъ на ладъ. Ну, что же съ вами, вы не веселы?

— Да, это все прекрасно, Жанъ-Клодъ... я довольна... но взгляните на дорогу... какое кровопролитіе.

— Что же дѣлать, война,—важно промолвилъ Юллень.

— Неужели невозможно спуститься внизъ и внести сюда того мальчика?.. Онъ глядитъ на насъ своими большими голубыми глазами. Какъ мнѣ жаль его... или того большого брюнета, который перевязываетъ ногу своимъ носовымъ платкомъ.

— Къ несчастью, это невозможно, Катерина; чтобы спуститься, пришлось бы прорубить лѣстницу во льду, а черезъ часъ или два вернутся нѣмцы и воспользуются этой лѣстницей. Уберемся-ка отсюда. Надо объявить всѣмъ деревнямъ о побѣдѣ. Эй, Симонъ, Никло, Маршаль, ступайте сейчасъ, сообщите товарищамъ радостную вѣсть! Матернъ, держи ухо востро; чуть что зашевелится, дай мнѣ знать.

Они подошли къ фермѣ, и Жанъ-Клодъ мимоходомъ осмотрѣлъ резервъ; Маркъ Дивесъ сидѣлъ верхомъ, окруженный своими людьми. Контрабандистъ досадовалъ и жаловался на то, что ему приходится сидѣть сложа руки. Онъ считалъ себя обезчещеннымъ, потому что ничего не сдѣлалъ.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ ему Юллень.— Къ тому же ты охраняешь нашъ правый флангъ. Взгляни вонъ на ту площадку; если на насъ нападутъ съ той стороны, ты пойдешь въ дѣло.

Дивесъ ничего не сказалъ. Онъ былъ и печаленъ, и разсержень, его рослые контрабандисты, закутанные въ длинные плащи, тоже были не въ духѣ: они будто замышляли какое-то мщеніе.

Юллень не могъ утѣшить ихъ и вошелъ въ ферму. Докторъ Лоркенъ вынималъ пулю изъ раны Баумгартена, который страшно кричалъ.

Пельели стоялъ на порогѣ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Жанъ-Клодъ попросилъ у него бумаги и чернилъ, чтобы написать приказъ горцамъ, но бѣдный анабаптистъ былъ такъ смущенъ, что

ему съ трудомъ можно было втолковать, въ чемъ заключалась просьба. Наконецъ-таки, онъ понялъ, чего отъ него добивались, и гонцы были разосланы, гордясь тѣмъ, что имъ поручили объявить о первой битвѣ и о первой побѣдѣ.

Нѣсколько горцевъ вошли въ залу, стали грѣться у печки и повели горячую бесѣду. Даніель Шницъ уже перенесъ операцію и, лишившись своихъ двухъ пальцевъ, сидѣлъ за печью, съ забинтованной и перевязанною рукою.

Тѣ, кто сидѣлъ въ просѣкѣ съ самой зари и ничего не ѣлъ до сихъ поръ, закусывали чѣмъ попало и выпивали рюмку за рюмкой съ веселыми криками, жестами и громкими изъявленіями радости. Потомъ выходили, глядѣли на траншею и принимались толковать о Риффи, о его жалобахъ и внезапномъ похищеніи, о его крикахъ, и эти воспоминанія возбуждали громкій смѣхъ.

Было 11 часовъ. До полудня всѣ оставались безъ дѣла, но вдругъ въ залу вбѣжалъ Маркъ Дивесъ и крикнулъ:—Юлленъ, гдѣ Юлленъ?

— Здѣсь.

— Иди скорѣй!

Въ лицѣ контрабандиста было что-то страшное; недавно еще онъ бѣсился, что не принималъ участія въ сраженіи, а теперь онъ будто торжествовалъ. Озабоченный Жанъ-Клодъ пошелъ за нимъ, и большая зала мигомъ опустѣла, потому что, судя по волненію Марка Дивеса, всѣ ожидали, что дѣло было очень серьезное.

Направо отъ Донона идетъ оврагъ, въ которомъ во время таянія снѣговъ бѣжитъ потокъ; онъ стекаетъ съ вершины горы до самаго основанія долины. По ту сторону этого оврага, на разстояніи 500 или 600 метровъ, и какъ разъ напротивъ площадки, защищенной партизанами, идетъ крутымъ склономъ открытая терраса, которую Юлленъ не счелъ нужнымъ занять предварительно: онъ не хотѣлъ разрозненивать свои силы и видѣлъ, кромѣ того, что ему нетрудно будетъ обойти кругомъ по сосѣдству и занять позицію, если враги обнаружатъ желаніе овладѣть ею.

Представьте же себѣ весь ужасъ Юллена, когда, выйдя изъ дома, онъ увидалъ, что двѣ роты нѣмцевъ взбирались на эту террасу по садамъ Грандфонтена, и что они везли за собою два

полевыхъ орудій, запряженныхъ сильными лошадьми, которыя будто висѣли надъ пропастью. Люди помогали лошадямъ, и черезъ нѣсколько минутъ пушки должны были водвориться на площадкѣ. Жанъ-Клодъ былъ пораженъ какъ громомъ; онъ поблѣднѣлъ, потомъ яростно накинулся на Дивеса:

— Ты не могъ предупредить меня раньше! — заревѣлъ онъ.— Вѣдь я велѣлъ тебѣ не спускать глазъ съ оврага. Насъ обошли съ тылу. Они намъ перерѣжутъ дорогу. Все пошло къ чорту!

Всѣ присутствующіе и даже самъ старый Материнъ, который прибѣжалъ впопыхахъ, содрогнулись отъ того взгляда, который онъ бросилъ на контрабандиста.

Несмотря на свою обычную смѣлость, Дивесъ смутился и не зналъ, что отвѣчать.

— Ну, ну, успокойся, Жанъ-Клодъ, — сказалъ онъ, наконецъ;—дѣло еще не такъ плохо, какъ ты думаешь. Мы еще не были въ дѣлѣ, да къ тому же у насъ пѣтъ пушекъ, а ихъ-то какъ разъ намъ и надо.

— Да, надо. Ахъ, ты дубина! Ты изъ самолюбія молчалъ до послѣдней минуты, не такъ ли? Тебѣ захотѣлось подраться, покуражиться? Вотъ ты изъ-за этого и подвелъ всѣхъ насъ. На-ка, полюбуйся, волъ и другіе готовятся выступить изъ Фрамона

И дѣйствительно, новый, болѣе многочисленный отрядъ выступилъ бѣглымъ шагомъ изъ Фрамона и направился къ просѣкамъ. Дивесъ стоялъ какъ вкопанный. Юлленъ справился съ своимъ бѣшенствомъ и вдругъ успокоился въ виду опасности.

— Займите прежніе посты,—сказалъ онъ отрывисто, обращаясь къ присутствующимъ: — чтобы всѣ были наготовѣ. Смотри въ оба, Материнъ.

Старый охотникъ кивнулъ головою, а Маркъ Дивесъ успѣлъ справиться тѣмъ временемъ.

— Ну, чего ты раскричался, какъ баба!—сказалъ онъ.— Лучше бы ты мнѣ велѣлъ напасть оттуда, обойдя оврагъ по сосняку.

— Слушай, чортъ тебя возьми!—проворчалъ Жанъ-Клодъ. Потомъ, успокоившись, онъ продолжалъ:

— Слушай, Маркъ, я на тебя до смерти золъ. Побѣда осталась за нами, а теперь, по твоей милости, все пропало. Если ты не поправишь дѣло, мы съ тобою подеремся.

— Ладно, ладно, ручаюсь тебѣ, что дѣло будетъ въ шляпѣ.

Онъ вскочилъ на лошадь и, закинувъ за плечо полу своего плаща, обнажилъ съ торжествующимъ видомъ свой широкій клинокъ. Его люди послѣдовали за нимъ.

Дивесъ подсказалъ къ резерву, состоявшему изъ 50 горцевъ, и сказалъ, указывая имъ концомъ сабли на площадку:

— Видите, ребята: надо намъ занять этотъ пунктъ. Лагебургцы не должны думать, что они храбрѣе сарпцевъ. Впередъ!

И воодушевленные молодцы пошли по краю оврага; а Юлленъ, весь блѣдный, кричалъ имъ вслѣдъ: «въ штыки, въ штыки!

Сидя на своемъ росломъ рыжемъ конѣ съ крѣпкимъ лоснящимся хребтомъ, плечистый контрабандистъ повернулся назадъ, и усъ его дрогнулъ отъ легкой улыбки. Онъ выразительно покачалъ саблею, и весь отрядъ исчезъ за дѣревьями.

Въ эту минуту нѣмцы добрались со своими орудіями до площадки и стали устраивать батарею, а Фрамонскій отрядъ поднимался въ гору. Все было совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и до битвы, съ тою только разницей, что теперь должны были дѣйствовать и непріятельскія ядра, которыми приходилось обстрѣливать горцевъ съ тыла.

Можно было ясно разглядѣть оба орудія, крюки, рычаги, артиллеристовъ и долговязаго, худого, плечистаго офицера съ длинными рыжими усами. Синій воздухъ долины сокращалъ разстояніе, такъ что казалось, будто все это можно достать рукою; но Юлленъ и Матернъ не ошиблись, враговъ отдѣляло другъ отъ друга разстояніе въ 600 метровъ, а такъ далеко не стрѣляло ни одно ружье.

Однако, прежде чѣмъ вернуться къ просѣкамъ, старый охотникъ хотѣлъ очистить свою совѣсть: онъ подошелъ къ самому оврагу въ сопровожденіи своего сына Каспера и нѣсколькихъ горцевъ и, прислонившись къ дереву, медленно прицѣлился въ долговязаго офицера съ бѣлокурыми усами.

Присутствующіе притаили дыханіе, боясь помѣшать опыту. Матернъ спустилъ курокъ: когда онъ поставилъ ружье на землю и взглянулъ туда, куда цѣлилъ, все было на своемъ мѣстѣ.

— Странно,—сказалъ онъ.—какъ зрѣніе слабѣетъ съ годами.

— У тебя-то зрѣніе слабо!—вскричалъ Каспер.—Отъ Вогезовъ до Швейцаріи нѣтъ ни одного охотника, который на раз-

стоянiи 200 метровъ всадилъ бы пулю въ цѣль такъ мѣтко, какъ ты.

Старикъ не сомнѣвался въ этомъ, но ему хотѣлось ободрять другихъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ, — спорить намъ не время. Вонъ идутъ враги; по мѣстамъ и за дѣло.

Несмотря на эти простыя и, повидимому, спокойныя слова, Матернъ чувствовалъ сильное внутреннее волненiе. Входя въ траншею, онъ услыхалъ какой-то смутный гулъ, звонъ оружiя, правильный звукъ шаговъ; онъ глянулъ внизъ и увидалъ нѣмцевъ, которые несли на этотъ разъ съ собою длинныя лѣстницы, снабженныя крюками.

Старика покоробило отъ этихъ приготовленiй; онъ подозвалъ къ себѣ сына и шепнулъ ему:

— Касперъ, дѣло плохо, очень плохо; эти разбойники пришли съ лѣстницами. Дай мнѣ руку. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы оба были около меня; но мы будемъ защищаться до послѣдней крайности.

Въ эту минуту земля подъ ними дрогнула; рѣзкiй голосъ вскрикнулъ: «Ай, Боже мой».

Потомъ шаговъ на сто раскатился глухой гулъ; сосна покачнулась и медленно свалилась верхушкою въ пропасть. Это былъ первый пушечный выстрѣлъ: онъ оторвалъ ноги старику Рошару. За этимъ выстрѣломъ почти мгновенно послѣдовалъ другой, который съ страшнымъ грохотомъ засыпалъ горцевъ, осколками льда. Самъ Матернъ пригнулся къ землѣ отъ этого грохота, но онъ тотчасъ же выпрямился и закричалъ:

— Отмстимъ, дѣти! Вотъ они... побѣдить или умереть!..

Къ счастью, ужасъ горцевъ продолжался не болѣе секунды; всѣ понимали, что одна минута нерѣшительности могла погубить все и всѣхъ. Несмотря на перестрѣлку, двѣ лѣстницы уже стояли наготовѣ и цѣплялись крюками за откосъ скалы. Увидавъ все это, ополченцы немедленно бросились къ траншеѣ, и закипѣла битва болѣе отчаянная, смертельная, чѣмъ въ первый разъ.

Юлленъ еще раньше Материа увидалъ лѣстницы и еще болѣе взбѣсился на Дивеса; но такъ какъ въ подобномъ случаѣ негодованiе ни къ чему не ведетъ, то онъ послалъ Лагармита сказать Францу Матерну, который стоялъ по ту сторону До-

пока, чтобы онъ тотчасъ явился съ половиною своихъ людей. Зная, что отецъ находится въ опасности, нашъ парень, конечно, не терялъ и минуты. Вдали уже мелькали большія, черныя пуховыя шапки и ружья, взбиравшіяся верхъ по снѣжному скату. Они бѣжали во всю мочь, но Жанъ-Клодъ все-таки вышелъ къ нимъ навстрѣчу и, весь въ поту, озираясь безумными глазами, закричалъ имъ пронзительнымъ голосомъ:

— Скорѣе... скорѣе! Такъ вы никогда не дойдете!—Онъ дрожалъ отъ бѣшенства и сваливалъ все несчастіе на контрабандиста.

А между тѣмъ Маркъ Дивесъ въ полчаса объѣхалъ оврагъ и, сидя на своемъ большомъ рыжемъ конѣ, завидѣлъ вдали двѣ роты нѣмцевъ, которыя съ оружіемъ въ рукахъ стояли шаговъ на сто позади пушекъ, обстрѣливавшихъ засады горцевъ. Онъ подошелъ къ своимъ и сказалъ имъ глухимъ голосомъ, пока въ ущельяхъ перекатывалось эхо отъ выстрѣловъ и раздавались крики осаждающихъ:

— Ребята, бросайтесь въ штыки на нѣхоту, а остальное я сдѣлаю съ своими молодцами. Рѣшено?

— Да, рѣшено.

— Ну, такъ въ путь же.

Весь отрядъ двинулся въ стройномъ порядкѣ къ опушкѣ лѣса; въ головѣ ѣхалъ рослый Пьерси изъ Сольдатенталя. Почти въ ту же минуту послышался окликъ нѣмецкаго часового, потомъ раздалось два выстрѣла; затѣмъ раздался громкій возгласъ: «да здравствуетъ Франція!» И глухой шумъ свалки: горцы бросились на врага, какъ стая волковъ.

Дивесъ поднялся на стременахъ и посмѣивался, глядя на схватку.

— Хорошо, хорошо,— говорилъ онъ.

Они бились отчаянно, земля дрожала подъ ними. Ни нѣмцы, ни партизаны, никто не стрѣлялъ; они дрались молча. Только и можно было разобрать звонъ штыковъ, стуканье прикладовъ, далекіе выстрѣлы, крики бѣшенства, топотъ, смутный гулъ.

Вытянувъ шеи, держа сабли наготовѣ, контрабандисты только и ждали сигнала своего начальника, чтобы броситься въ рѣзню.

— Теперь наша очередь, — сказалъ, наконецъ, Маркъ,— лапки будутъ наши!

И они вылетѣли изъ чащи лѣса, пригнувшись къ сѣдламъ съ развѣвающимися по вѣтру плащами.

— Не рубите — колите! — сказалъ Маркъ; только и было сказано.

Двѣнадцать коршуновъ мигомъ налетѣли на орудія. Между нами было четверо старыхъ испанскихъ драгуновъ и двое заслуженныхъ гвардейскихъ кирасировъ, которые пристали къ Марку изъ любви къ похожденіямъ и опасностямъ. Можете себѣ представить, какъ они дрались. На нихъ сыпались какъ градъ удары башликовъ, сабель, единственныхъ оружій, которыя были подъ руками у артиллеристовъ. Они ловко отражали всѣ удары, и каждый ударъ ихъ сваливалъ человѣка на землю.

Два пистолетныхъ выстрѣла пошли въ Марка Дивеса прямо въ упоръ: одинъ опалилъ ему щеку, другой сорвалъ шапку. А въ эту минуту онъ самъ, пригнувшись къ сѣдлу и вытянувъ впередъ свою длинную руку, прокалывалъ долговязаго офицера съ русыми усами, стоявшаго у орудія; послѣ этого онъ медленно приподнялся, оглянулся кругомъ и, сдвинувъ брови, торжественно произнесъ:

— Всѣхъ уложили: пушки теперь наши.

Чтобы понять общую связь этой ужасной картины, надо представить себѣ схватку, происходящую на Миньерской площадкѣ: вопли, ржаніе лошадей, крики бѣшенства, бѣгство однихъ бросавшихъ оружіе, остервенѣніе другихъ, все это смѣшивалось въ общій стонъ; за оврагомъ лѣстницы были покрыты бѣлыми мундирами и блестящими штыками; горцы отчаянно защищали скаты горы: дорога и просѣки были завалены убитыми и ранеными; солдаты съ ружьемъ на перевѣсъ бросались въ атаку подъ предводительствомъ своихъ офицеровъ, а на вершинѣ откоса стоялъ Матернъ и, размахивая ружьемъ, во все горло звалъ своего сына Франца, который бѣжалъ на помощь съ своими людьми и съ Юлленомъ во главѣ. Перестрѣлка не умолкала: сыпались то залпы, то отдѣльные выстрѣлы, и, замирая вдали, раздавались потрясающіе необыкновенные клики, смѣшанные съ предсмертными стонами. Все это происходило въ одно мгновеніе, все это можно было окинуть однимъ взоромъ. Представьте же себѣ эту картину!

Маркъ Дивесъ не былъ склоненъ къ созерцательности, онъ не терялъ времени на поэтическія размышленія о ожесточеніи

битвы, онъ съ перваго же взгляда понялъ положеніе и, соскочивъ съ лошади, пригнулся къ первой еще заряженной пушкѣ, схватилъ банщпугп лафета, чтобы повернуть жерло въ другую сторону, навелъ орудіе и, приставивъ еще дымящійся фитиль, выстрѣлилъ.

Тогда раздались вдали страшные крики; когда дымъ разсѣялся, контрабандистъ увидѣлъ кровавый слѣдъ въ непріятельскихъ рядахъ. Онъ замахалъ руками въ знакъ торжества, и горцы отвѣчали ему изъ своихъ засадъ общимъ восторженнымъ «ура».

— Ну, теперь не зѣвать!—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ людямъ.—Дайте сюда зарядъ, ядро, дерну. Мы славно очистимъ дорогу. Смотрите.

Контрабандисты принялись за дѣло, и по бѣлымъ мундирамъ открылся огонь: ядра очищали себѣ дорогу въ ихъ рядахъ. Послѣ десятаго выстрѣла началось всеобщее бѣгство.

— Пли, пли!—кричалъ Маркъ.

Подъ предводительствомъ Юллена и съ помощью отряда Франца, ополченцы снова занимали позиціи, которыхъ лишились за минуту передъ тѣмъ.

Вскорѣ вся дорога была усѣяна бѣглецами, убитыми и ранеными. Было 4 часа вечера; наступала ночь. Послѣдняя картечь упала въ Граифонтенскую улицу и снесла трубу съ «Краснаго Быка».

Въ этотъ день погибло до 600 человѣкъ. Были въ числѣ убитыхъ и горцы, но нѣмцевъ было несравненно больше. А не отбей Дивесъ пушки — все бы пропало, потому что враговъ было въ десять разъ больше, и они уже начинали взбираться на траншею.

XVI.

Столпившись въ Граифонтенѣ, нѣмцы цѣлыми шайками бѣжали въ Фрамонъ; одни шли пѣшкомъ, другіе ѣхали верхомъ, третьи бѣжали, таща за собою ящики, бросая по дорогѣ мѣшки и оглядываясь по дорогѣ назадъ, будто боясь, что за ними гонятся по пятамъ.

Въ Граифонтенѣ они срывали зло на всемъ: выбивали окна, выламывали двери, ругали людей, требовали немедленно пить

и ѣсть и преслѣдовали дѣвушекъ до чердака. Ихъ крики и проклятія, громкія приказанія начальниковъ, жалобы жителей, постоянный глухой гулъ шаговъ по Фрамонскому мосту, протяжное ржаніе раненыхъ лошадей, все это сливалось вмѣстѣ и доносилось до слуха горцевъ.

Вдоль по дорогѣ валялось оружіе, кивера, трупы, и все это служило неопровержимымъ доказательствомъ полнаго пораженія. Напротивъ стояли пушки Марка Дивеса: они были обращены на долину и готовы были открыть пальбу въ случаѣ новаго нападенія.

Дѣло было покончено совершенно. А между тѣмъ у горцевъ не было слышно ни одного радостнаго возгласа: при послѣднемъ приступѣ они понесли огромную потерю. Было что-то торжественное въ глубокомъ молчаніи, смѣнившемъ собою суматоху. Всѣ эти люди, избѣжавшіе смерти, важно смотрѣли другъ на друга, точно удивляясь, что имъ пришлось снова встрѣтиться. Одинъ звалъ друга, другой искалъ брата, которые не откликались. Они отправлялись на поиски въ траншею, въ просѣки, за окопы и звали:

— Эй, Жакъ, Филиппъ, гдѣ вы!

А между тѣмъ наступала ночь; ея сѣроватыя тѣни окутывали горы и обрывы, придавая этому ужасному зрѣлищу какую-то торжественность и таинственность. Люди бродили туда и сюда, не узнавая другъ друга.

Матеръ вытеръ свой штыкъ и рѣзкимъ голосомъ подозвалъ къ себѣ сыновей:

— Эй, Касперъ, Францъ!

— Это вы?

— Да, мы.

Видя, что они подходятъ, онъ крикнулъ:

— Вы живы-здоровы?

— Да.

Глухой голосъ стараго охотника дрогнулъ.

— Вотъ мы опять всѣ трое вмѣстѣ, — проговорилъ онъ глухо.

И онъ, этотъ суровый старикъ, крѣпко обнялъ своихъ уцѣлѣвшихъ сыновей. Грудь его сильно колыхалась, словно отъ

сдержанныхъ рыданій; сыновья были тронуты и шепнули другъ другу:

— Какъ онъ насъ любитъ. Кто бы это могъ подумать.

И въ нихъ забилось сердце.

Но старикъ скоро оправился и крикнулъ:

— Да что же тутъ толковать, ребята; трудный же выдался денекъ! Выпьемте-ка по рюмочкѣ. Меня жажда замучила.

Они еще разъ окинули взглядомъ потемнѣвшую гору, увидали часовыхъ, разставленныхъ Юлленомъ на разстояніи 30 шаговъ, и пошли всѣ вмѣстѣ къ старой фермѣ.

Они проходили по траншеѣ, заваленной трупами, сторонясь, когда попадало подъ ихъ ноги что-нибудь мягкое; вдругъ слабый голосъ окликнулъ ихъ:

— Это ты, Матернъ?

— Ахъ, бѣдный товарищъ, Рошаръ... Прости, прости, — отвѣчалъ, нагибаясь, старикъ охотникъ, — я толкнулъ тебя. Какъ ты еще здѣсь?

— Да, я не могу уйти... мнѣ оторвало ноги.

Наступило тяжелое молчаніе, и старый дровосѣкъ продолжалъ:

— Скажи моей женѣ, что за шкафомъ, въ лучкѣ, спрятано пять золотыхъ. Я ихъ все берегъ на случай болѣзни одного изъ насъ... Теперь мнѣ ничего не нужно.

— Что ты... Богъ съ тобой. Ты еще быть можетъ выздоровѣешь. Мы тебя снесемъ въ домъ.

— Нѣтъ, не хлопочите, я и часа не проживу... Дайте мнѣ умереть спокойно.

Матернъ молча кивнулъ Касперу, чтобы онъ сложилъ носилки изъ двухъ ружей, а Францу велѣлъ посадить на нихъ раненаго старика, что и было немедленно исполнено. Вскорѣ они добрались до фермы.

На фермѣ собрались всѣ раненые, которые во время сраженія силились дотащиться до лазарета. Докторъ Лоркенъ и его товарищъ Денуа, который пріѣхалъ въ этотъ день, были заняты по горло, но дѣло было еще далеко не покончено.

Когда Матернъ съ своими сыновьями и Рошаромъ проходили мимо фонаря по темной аллеѣ, съ лѣвой стороны раздался такой крикъ, что кровь застыла въ жилахъ, и полумертвый старикъ вскрикнулъ:

— Зачѣмъ вы меня несете туда! Я не хочу!.. Я не позволю ничего дѣлать съ собой!.. Я не дамся.

— Отворяй дверь, Франць, — сказалъ Матернъ, весь облитый холоднымъ потомъ, — отворяй скорѣе.

Франць толкнулъ дверь, и вотъ что они увидали: посреди просторной комнаты съ почернѣвшимъ потолкомъ стоялъ большой кухонный столъ, освѣщенный шестью свѣчками, а на немъ лежалъ, вытянувшись во весь ростъ, Коларъ; двое держали его за руки, а на полу подъ нимъ стояла лоханка. Докторъ Жоркенъ, засучивъ рукава рубашки по локоть, держалъ въ рукахъ короткую пилу въ 3 вершка ширины и управлялся съ нею несчастнаго раненаго, а Денуа стоялъ возлѣ съ огромною губкою. Кровь ручьями стекала въ лоханъ; Коларъ былъ блѣдѣе смерти. Катерина Лефевръ стояла возлѣ него, она держала въ рукахъ цѣлый свертокъ корпіи и казалось совершенно спокойною; но она такъ стиснула зубы, что двѣ глубокія морщинки шли вдоль ея измученнаго лица. Она уставилась въ землю, но не видала ровно ничего.

— Кончено, — сказалъ докторъ, повертываясь.

Онъ взглянулъ на вошедшихъ и сказалъ:

— А это ты, дядя Рошаръ.

— Я, только я не хочу, чтобы меня трогали. Я лучше такъ умру.

Докторъ подошелъ къ нему съ свѣчею, поглядѣлъ и поморщился.

— Надо несшить, старикъ, ты потерялъ слишкомъ много крови, и если мы станемъ мѣшкать, будетъ уже поздно.

— Тѣмъ лучше. Довольно я настрадался на своемъ вѣку.

— Какъ знаешь. Примемся же за другого.

Онъ посмотрѣлъ на длинный рядъ тюфяковъ, разложенныхъ вдоль комнаты; два послѣдніе были пусты, но были залиты кровью. Матернъ и Касперъ уложили стараго дровосѣка на послѣдній тюфякъ, а Денуа подошелъ къ другому раненому и сказалъ ему:

— Теперь твоя очередь, Николай.

Николай Серфъ выпрямился во весь ростъ, лицо его было блѣдно, а глаза блестѣли отъ страха.

— Дайте ему рюмочку водки, — сказалъ докторъ.

— Нѣтъ, я лучше выкурю трубку.

— А гдѣ же твоя трубка?

— Въ жилетномъ карманѣ.

— Вотъ она. А табакъ?

— Табакъ въ карманѣ панталонъ.

— Все тутъ. Набей ему трубку, Денуа. Онъ смѣлъ, право, молодецъ. На такихъ людей любо смотрѣть. Мы тебѣ мигомъ отнимемъ руку.

— Нельзя ли ее оставить, докторъ? У меня дѣти есть. Кто же ихъ будетъ кормить.

— Нѣтъ. Кость раздроблена и не можетъ срости. Закури ему трубку, Денуа. На, Николай, кури.

Несчастный нехотя принялся курить.

— Готовъ?—спросилъ докторъ.

— Да. — отвѣчалъ Николай сдавленнымъ голосомъ.

— Хорошо, смотри, Денуа, дѣлай свое дѣло.

Онъ быстро полоснулъ большимъ ножемъ по тѣлу. Николай заскрежеталъ зубами. Кровь хлынула. Денуа связывалъ что-то. Пила провизжала съ двѣ секунды, и рука тяжело грянулась на полъ.

— Вотъ это, я вамъ скажу, удачная операція, —промолвилъ Лоркенъ.

Николай пересталъ курить, трубка выпала изъ его посинѣвшихъ губъ. Давидъ Шлоссеръ, который держалъ его во время операціи отошелъ отъ него. Рану забинтовали, и Николай одинъ улегся опять на тюфякъ.

— Еще одного отдѣлали; вытри хорошенько столъ и примемся за другого, — сказалъ докторъ, вымывши руки надъ лоханкой.

Каждый разъ, когда онъ говорилъ: «примемся за другого», всѣ раненые вздрагивали отъ страха; ихъ пугали только что слышанные крики и ножи, которые блестѣли у нихъ передъ глазами; но дѣлать было нечего: всѣ комнаты фермы, рига, оба чердака были заняты ранеными. Только одна большая зала оставалась въ распоряженіи здоровыхъ. Стало быть, попеволѣ приходилось дѣлать операціи въ присутствіи тѣхъ, которые сами, раньше или позднѣе, должны были подвергнуться той же участи.

Все это произошло въ нѣсколько секундъ. Материнъ и его сыновья глядѣли на эти сцены, какъ глядятъ на все ужасное, — имъ хотѣлось знать, что это такое. Налѣво, въ углу, подъ старыми фаянсовыми часами, лежала груда рукъ и ногъ. Въ эту груду уже бросили руку Николая, и докторъ уже принимался вынимать пулю изъ плеча рыжаго горца изъ Гарберга. Ему дѣлали широкіе крестообразные надрѣзы на спинѣ, его передергивало, а кровь ручьями текла въ его сапоги.

Странное дѣло: позади доктора стояла собака Плутонъ; она внимательно оглядывалась кругомъ, какъ будто понимала все, что происходило; по временамъ вытягивалась, выгибала спину и зѣвала, разѣвая ротъ до ушей.

Материнъ не могъ дольше оставаться въ комнатѣ.

— Уйдемте, — сказалъ онъ.

Только что они вышли въ темную аллею, послышался возгласъ доктора:—вотъ пуля! И это обстоятельство, вѣроятно, обрадовало рыжаго горца.

Выйдя на дворъ, полной грудью вздохнулъ въ себя Материнъ свѣжій ночной воздухъ.

— А вѣдь то же самое могло бы случиться и съ нами, — проговорилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ Касперъ,—получить пулю въ голову, — это еще куда ни шло, но быть на вѣкъ калѣкою и просить милостыню на старости лѣтъ... ужъ это не приведи Богъ.

— Я-бы поступилъ какъ старикъ Рошаръ, — вскричалъ Францъ, — такъ бы и умеръ! И отлично старикъ распорядился; чего же бояться, когда сдѣлалъ свое дѣло. Впрочемъ, Богъ милостивъ.

Въ эту минуту направо отъ нихъ послышался говоръ.

Касперъ прислушался.

— Это Маркъ Дивесъ и Юлленъ, — промолвилъ онъ.

— Да, они, вѣроятно, ходили въ сосникъ и осматривали пушки, — прибавилъ Францъ.

Они опять стали вслушиваться, шаги приближались.

— Ты очень заботишься объ этихъ трехъ плѣнныхъ, — рѣзко говорилъ Юлленъ. — Ты вѣдь возвращаешься сегодня ночью на Фалькенштейнъ, такъ кто же тебѣ мѣшаетъ ихъ взять съ собою?

— Да куда же я ихъ дѣну?

— Представь ихъ въ общинную Аршвиллерскую тюрьму, здѣсь намъ нельзя ихъ держать.

— Хорошо, хорошо, понимаю, Жанъ-Клодъ. Если же имъ вздумается бѣжать во время путешествія, я имъ всажу въ спину свой клинокъ.

— Ну, разумѣется.

Они подходили къ двери, и Юлленъ, завидѣвъ Матерна, не могъ сдержать восторженнаго восклицанія.

— Это ты, старый дружище!.. А я тебя искалъ цѣлый часъ. Гдѣ же ты пропадалъ?

— Мы носили въ лазаретъ несчастнаго Рошара, Жанъ-Клодъ.

— Да, невеселое это дѣло. Не правда ли?

— Грустно.

Они помолчали съ минуту: но потомъ радость взяла вверхъ, и Юлленъ сказалъ:

— Все это очень невесело, но что же прикажете дѣлать? Такова война. А вы живы и здоровы?

— Да, мы остались невредимы.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Кто остался въ живыхъ, тотъ можетъ похвастаться, что ему повезло счастье.

— Да, — вскричалъ, смѣясь, Маркъ Дивесъ, — я видѣлъ, какъ Матернъ чуть не побѣжалъ на попятный; не начни мы стрѣлять изъ пушекъ подъ конецъ, дѣло бы вышло совсѣмъ скверно.

Матернъ вспыхнулъ и, бросивъ на контрабандиста злобный взглядъ, сказалъ сухо:

— Можетъ быть, это и правда; но если бы не было первыхъ выстрѣловъ, то и послѣдніе оказались бы совершенно лишними: старикъ Рошаръ и человѣкъ 50 другихъ охотниковъ не лишились бы рукъ и ногъ, а это не помѣшало бы нашей побѣдѣ.

— Ну, лучше оставить это, — перебилъ Юлленъ, который видѣлъ, что между этими двумя несговорчивыми людьми завязывался серьезный споръ, — всякій сдѣлалъ свое дѣло, а это главное.

Потомъ онъ обратился къ Матерну:

— Я сейчасъ отправилъ парламентера въ Фрамонъ, — сказалъ онъ, — и велѣлъ объявить нѣмцамъ, чтобы они взяли

своихъ раненыхъ. Они, вѣроятно, придутъ черезъ часъ; надо предупредить наши аванпосты, чтобы они дали имъ подойти только безъ оружія и съ фонарями: если они придутъ иначе, то пусть принимаютъ ихъ выстрѣлами.

— Я сейчасъ пойду и скажу, — отвѣчалъ старый охотникъ.

— Слушай, Матернъ, приходи потомъ ужинать на ферму съ сыновьями.

— Хорошо, Жанъ-Клодъ.

Онъ удалился.

Юлленъ приказалъ Францу и Касперу распорядиться, чтобы на ночь зажгли огни и большіе бивуачные костры; Марка онъ попросилъ засыпать лошадямъ овса и отправился немедленно за припасами и снарядами; когда они разошлись, онъ вошелъ въ домъ.

XVII.

Темная аллея вела ко двору фермы, къ которой надо было спуститься по пяти или шести ветхимъ ступенямъ. По лѣвую руку стоялъ сарай и виноделья, по правую—конюшни и голубятня съ голубемъ на крышѣ, которая обрисовывалась чернымъ пятномъ на потемнѣвшемъ, облачномъ небѣ; противъ самаго дома стояла прачечная.

Тогда не долетаетъ ни одинъ звукъ: Юлленъ, насмотрѣвшійся на такія шумныя сцены, былъ пораженъ этимъ глубокимъ молчаніемъ. Онъ глядѣлъ на связки соломы, развѣшанной по балкамъ риги, на сохи, на бороны, на телѣги, нагороженныя въ темныхъ сараяхъ, и имъ овладѣло невыразимое спокойствіе и довольство. Пѣтухъ, окруженный сонными курами, усѣвшимися вдоль стѣнъ, тихонько гоготалъ. Жирная кошка промелькнула, какъ молніи, и юркнула въ погребъ. Юлленъ будто очнулся отъ сна.

Простоявъ нѣсколько минутъ въ молчаливомъ созерцаніи, онъ медленно направился къ прачечной, которая мигала въ темнотѣ своими тремя освѣщенными окнами. Кухня фермы оказалась слишкомъ тѣсна; въ ней невозможно было готовить ку-

нанья на 300 или 400 человѣкъ, и потому прачечная была превращена въ кухню.

Жанъ-Клодъ услыхалъ свѣжій голосокъ Луизы, которая отдавала приказанія весьма рѣшительнымъ тономъ; это удивило Юллена.

— Ну, ну, Кетли, поскорѣй; ужъ пора садиться за ужинъ. Вотъ проголодались-то, я думаю, наши молодцы! Вѣдь они ничего не ѣли съ 6 часовъ и все бились, бились! Не надо ихъ заставлять ждать. Лесле, поскорѣй, поворачивайся, давай сюда соль, перецъ.

Жанъ-Клодъ радовался, слушая этотъ голосъ. Онъ съ минуту постоялъ у окна, не рѣшаясь войти въ комнату. Кухня была довольно просторна, но низка и выбѣлена известью. На очагѣ трещалъ яркій огонь, извивавшійся своими красными языками вокругъ черныхъ боковъ котла. Высокій, но не довольно широкій печной колпакъ не могъ втянуть въ себя клубы дыма, который поднимался съ очага. Но этомъ яркомъ фонѣ отчетливо обрисовывался изящный профиль Луизы, одѣтой въ коротенькую юбочку, которая не мѣшала ей бѣгать; лицо ея раскраснѣлось; короткій красный шпензеръ сжималъ ея стройную талію; полныя круглыя плечи и бѣлая шея были открыты. Она усердно занималась своимъ дѣломъ, слѣдила за всѣмъ, отвѣдывала кушанья съ видомъ знатока, процѣживала бульонъ, одобряла одно и дѣлала замѣчаніе насчетъ другого: — Прибавьте-ка еще соли, подсыпьте того, подложите другого,— Лесле, скоро ли ты выщипешь нашего большого худого пѣтуха? Если ты будешь такъ мѣшкать, мы никогда не отдѣлаемся.

Словомъ, она премило распоряжалась; у Юллена на глазахъ навернулись слезы.

Обѣ долговязыя дочери анабаптиста совершенно не походили на Луизу: одна была высокая, поджарая, блѣдная; ея толстыя расплющенныя ноги были обуты въ тупоносые башмаки; ея рыжіе волосы были всунуты въ маленькій, черный, тафтяный чепчикъ; голубое холстинное платье падало длинными складками до пятъ; другая, жирная и круглолицая, ходила, переваливаясь, какъ гусь, и, медленно передвигая ноги, раскачивалась всѣмъ туловищемъ.

Жирная Кетли хлюпотала молча и совершенно запыхалась,

а Лесле, съ свойственной ей задумчивостью, двигалась мѣрно, какъ заведенные часы.

Въ углу прачечной, на деревянномъ стулѣ, сидѣлъ самъ анабаптистъ; скрестивши ноги, задравъ носъ кверху, сдвинувъ на затылокъ бумажный колпакъ и запрятавъ руки въ карманы своей куртки, онъ съ удивленіемъ глядѣлъ вокругъ себя и говорилъ по временамъ самымъ важнымъ тономъ:

— Лесле, Кетли, слушайтесь, дѣтки мои; пусть это идетъ вамъ на пользу, вы еще не знаете свѣта; надо ходить поскорѣе.

— Да, да, надо шевелиться, — прибавила Луиза. — Господи, на что бы это было похоже, если надо было раздумывать цѣлые мѣсяцы и недѣли о томъ, класть ли чеснокъ въ соусъ! Ты постарше, Лесли, отцѣпи-ка мнѣ со стѣны связку лука.

И долговязая дѣвка исполняла приказаніе.

Это была одна изъ лучшихъ минутъ въ жизни Юллена.

— Какъ она ими распоряжается! — говорилъ онъ про себя. — Хе, хе, хе! Это маленькій гусаръ; бѣдовая изъ нея выйдетъ хозяйка; этого достоинства я еще не зналъ за нею.

И онъ вошелъ только минутъ черезъ пять, предварительно посмотрѣвши и послушавши.

— Живѣе, живѣе, дѣти!

Луиза, державшая въ рукахъ соусную ложку, бросила свое дѣло и подобѣжала къ нему съ возгласомъ:

— Папа, папа, это вы!.. Вы не ранены, съ вами ничего не случилось?..

При этомъ искреннемъ, задушевномъ голосѣ, Юлленъ поблѣднѣлъ и не могъ ничего отвѣчать. Онъ нѣжно прижималъ къ груди свое дитя и только послѣ долгаго молчанія проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, Луиза, нѣтъ, я здоровъ... я очень счастливъ.

— Сядьте, Жанъ-Клодъ, — сказалъ анабаптистъ, видя что онъ дрожитъ отъ волненія, — вотъ вамъ мой стулъ.

Юлленъ сѣлъ; Луиза сѣла къ нему на колѣни и, положивъ ему руки на плечи, горько заплакала.

— Что же съ тобою, милое дитя?—шепталъ онъ ей, обнимая ее; — успокойся же. Вѣдь ты сейчасъ только была такимъ молодцомъ.

— Да, я притворялась; но мнѣ было такъ страшно... Я думала, отчего онъ не идетъ?

Она обхватила его шею руками; вдругъ у нея въ головѣ мелькнула безумная мысль, она схватила Юллена за руку и вскричала:

— Ну, папенька, будемъ же танцевать!..

И они протанцовали три или четыре тура.

Юлленъ невольно улыбался и сказалъ, обращаясь къ анабаптисту, который все-таки сохранялъ свою важность:

— Мы немножко помѣшались, Нельсли, только вы этому не удивляйтесь.

— Нѣтъ, господинъ Юлленъ, все это очень просто. Самъ царь Давидъ плясалъ передъ ковчегомъ завѣта послѣ своей славной побѣды надъ филистимлянами.

Удивленный своимъ неожиданнымъ сходствомъ съ царемъ Давидомъ, Юлленъ ничего не отвѣчалъ.

— Ну, а ты, Луиза, — спросилъ онъ, останавливаясь, — боялась во время послѣдняго сраженія?

— Сначала мнѣ стало такъ жутко отъ этихъ выстрѣловъ, отъ этой суматохи... но потомъ я стала думать только о васъ и о тетушкѣ Лефеврѣ.

Юлленъ смолкъ.—«Я вѣдь зналъ,—подумалъ онъ»,—что эта дѣвушка не струситъ. Ужъ такая она хорошая.

Луиза взяла его за руку, подвела его къ цѣлому ряду кастрюль, стоявшихъ на плитѣ, и съ торжествующимъ видомъ показала ему свою стряпню.

— Вотъ говядина, вотъ жаркое, вотъ ужинъ, который назначенъ для генерала Жана-Клода, а вотъ и бульонъ для нашихъ раненыхъ! И какъ мы уже хлопотали изъ-за всего этого! Спросите-ка у Кетли и Лесле. А вотъ и наша стряпня,— сказала она, указывая на длинный рядъ сасокъ, разложенныхъ на столѣ. Это готовили мы обѣ съ тетушкой Лефеврѣ.

Юлленъ слушалъ и восхищался.

— Ну, это еще не все, — прибавила она, — подите-ка сюда.

Она отворила заслонку печи, и кухня наполнилась запахомъ горячихъ ватрушекъ, которыя такъ и дразнили аппетитъ.

Жанъ-Клодъ былъ растроганъ. Въ эту минуту вошла старуха Лефевръ.

— Ну, — сказала она, — надо накрывать на столъ; всѣ тамъ ждутъ. Кетли, постели скатерть.

Неповоротливая толстуха выбѣжала изъ комнаты.

Пройдя гуськомъ черезъ темный дворъ, всѣ присутствующіе вмѣстѣ отправились въ залу. Докторъ Лоркенъ, Дениа, Маркъ Дивесъ, Материнъ и его ребята — всѣ обладали хорошими зубами и превосходнымъ аппетитомъ и съ нетерпѣніемъ ожидали ужина.

— А что дѣлается съ нашими ранеными, докторъ? — спросилъ, входя Юллень.

— Все кончено! Задали вы намъ порядочно много работы: впрочемъ, время благопріятствуетъ, заразительныхъ лихорадокъ бояться нечего, и все обстоитъ благополучно.

Вскорѣ вошли Кетли, Лесле и Луиза съ огромными блюдами великолѣпной жареной говядины и дымящеюся суповою миской; все это было разставлено на столѣ. Всѣ безъ церемоніи сѣли за столъ. Материнъ занялъ мѣсто направо отъ Юллена. Катерина Лефевръ сѣла налѣво, разговоръ надолго прекратился и былъ замѣненъ звономъ ножей, вилокъ и ложекъ и переливаніемъ вина изъ бутылокъ въ стаканы. На дворѣ виднѣлось пламя большихъ костровъ, доказывавшихъ, что ополченцы не пренебрегаютъ стряпнею Луизы, — и это еще увеличивало веселость собесѣдниковъ.

Въ 7 часовъ Маркъ Дивесъ отправился съ плѣнными въ Фалькенштейнъ. А въ 10 всѣ уже спали и на фермѣ, и на площадкѣ, вокругъ бивуачныхъ огней.

Молчаніе изрѣдка прерывалось только обходомъ патрулей и окликомъ часовыхъ.

Такъ окончился этотъ день, когда горцы доказали, что они достойные потомки своихъ храбрыхъ предковъ.

Другія не менѣе важныя событія должны были скоро смѣнить только что совершившіеся, — потому что таковъ ужъ нашъ удѣлъ: на мѣсто побѣжденнаго препятствія тотчасъ является новое. Человѣческая жизнь походитъ на волнующееся море: волна смѣняется волною, и ничто не въ силахъ остановить это вѣчное движеніе.

XVIII.

Во время описаннаго нами сраженія, до самой темной ночи, граифонтенскіе люди видѣли юродиваго Іегофа, стоявшаго на вершинѣ Малаго Донона, съ короною на головѣ и съ поднятымъ скипетромъ; подобно меровингскому королю, онъ отдавалъ приказанія своимъ воображаемымъ войскамъ. Никому неизвѣстно, что происходило въ душѣ этого горемыки, когда онъ увидалъ безпорядочное бѣгство пѣмцевъ. Онъ исчезъ, когда раздался послѣдній выстрѣлъ. Куда же онъ скрылся? Вотъ что разсказываютъ объ этомъ тифенбахскіе жители.

Въ то время на Блоксбергѣ жили два загадочныхъ существа: то были двѣ сестры, изъ которыхъ одну звали Маленькою Кателиною, а другую, большую—Бербель. Эти два оборванныя существа поселились въ пещерѣ Люитпранда, которая, по словамъ старыхъ лѣтописей, получила это названіе оттого, что король германцевъ до своего отправленія въ Эльзасъ приказалъ подъ этимъ огромнымъ сводомъ зарыть тѣло варварскихъ предводителей, павшихъ въ сраженіи на Блюмсфельдѣ. Горячій ключъ, постоянно дымящійся посреди пещеры, предохранялъ обоихъ сестеръ отъ суровыхъ зимнихъ холодовъ, а дровосѣкъ Даніэль Горнъ изъ Тифенбаха, сжалившись надъ ихъ безпомощностью, завалилъ главный входъ большими кучами вереска и сухого хвороста. Рядомъ съ горячимъ ключомъ бьетъ другой ключъ, холодный какъ ледъ и прозрачный какъ кристаллъ. Маленькая Кателина каждое воскресенье тащилась въ Тифенбахъ съ большою плетеною корзиною, которую добрые люди наполняли печенымъ картофелемъ, краюшками хлѣба, а иногда, по большимъ праздникамъ, даже лепешками и другими лакомыми остатками своихъ пировъ. Послѣ этого жалкое, толстое существо, похожее на замечтавшуюся жирную индѣйку, снова взбиралось на скалу и хохотало и кудахтало отъ радости, дурачилось и веселилось. Большая Бербель заботливо избѣгала пить воду холоднаго ключа. Она была худа, крива, поджара, какъ летучая мышь; она отличалась плоскимъ носомъ, широкими ушами и жила тою добычей, которую собирала ея сестра. Она никогда не спускалась съ Блоксберга; но въ іюлѣ, когда наступали самые сильные жары, она съ вершины своей

скалы махала своимъ сухимъ ренейникомъ въ ту сторону, гдѣ находились поля тѣхъ, которые не всякій разъ наполняли корзину Кателины, — и въ скоромъ времени эти поля опустошались страшною бурей и градомъ, крысами и цѣлыми стаями сусликовъ. Поэтому всякій боялся колдовства Бербель хуже всякой заразы. Ее вездѣ звали Wetterhexe (вѣдьмою бурь), а маленькая Кателина считалась добрымъ геніемъ Тифенбаха и всей окрестности. Такимъ образомъ, Бербель преспокойно жила сложа руки, а ея сестра кудахтала и бѣгала за добычею.

Къ несчастію для обѣихъ сестеръ Іегофъ, уже много лѣтъ назадъ, избралъ пещеру Люитпранда своею резиденціею. Отсюда онъ каждую весну отправлялся до самаго Гейерштейна, въ Гундерюкѣ, осматривать свои безчисленные замки и отдавать приказанія своимъ тѣлохранителямъ. И каждый годъ, къ концу ноября, лишь только выпадалъ первый снѣгъ, онъ возвращался съ своимъ ворономъ, что всегда наводило уныніе на Wetterhexe.

— Чего же ты жалуешься? — говорилъ Іегофъ, спокойно усаживаясь на лучшее мѣсто. — Развѣ вы живете не въ моихъ владѣніяхъ? Я еще очень добръ, что терплю двухъ безполезныхъ валкирій въ Валгалѣ моихъ праотцевъ.

Бербель приходила въ изступленіе и осыпала его ругательствами, Кателина злобно кудахтала; но онъ, не обращая ни на что вниманія, закуривалъ свою старую трубку съ буковымъ чубукомъ и принимался разсказывать о своихъ далекихъ странствіяхъ душамъ германскихъ воиновъ, схороненныхъ въ этой пещерѣ за XVI вѣковъ; онъ звалъ ихъ по именамъ и бесѣдовалъ съ ними, какъ съ живыми людьми.

Не трудно рѣшить, радовались ли Бербель и Кателина приходу юродиваго: его появленіе для нихъ было просто бѣдствіемъ.

Но въ нынѣшнемъ году Іегофа не было видно, такъ что обѣ сестры стали думать, что онъ умеръ, и даже радовались тому, что больше не увидятъ его. Впрочемъ, въ послѣдніе дни, Wetterhexe стала замѣчать какое то волненіе въ сосѣднихъ ущельяхъ; къ Фалькенштейну и Дюнону направлялись цѣлыя толпы людей съ ружьями черезъ плечо. Очевидно, происходило что-то необычайное. Вѣдьма вспомнила, какъ въ прошломъ

году Егофъ разсказывалъ душамъ воиновъ, что его безчисленныя войска скоро завоюютъ страну, и ею овладѣла неопредѣленная тревога. Ей хотѣлось доискаться причины этого волненія, но никто не приходилъ въ пещеру, а Кателина, совершивши разъ въ недѣлю свое обычное путешествіе, ни за что не рѣшилась бы вторично сдвинуться съ мѣста.

Въ такомъ состояніи Вѣдьма Бурь бродила взадъ и впередъ по скалѣ и все больше и больше волновалась и злилась. Наступила суббота; тутъ уже пошло совсѣмъ не то. Съ девяти часовъ утра, какъ глухой шумъ бури, грохотали и перекатывались часто повторявшіеся выстрѣлы, которые эхо доносило до самаго Донона; быстро исчезавшія молніи бороздили небо надъ вершинами горъ; потомъ, къ вечеру, молчаливыя ущелья оглашались еще болѣе громкими выстрѣлами. На каждый выстрѣлъ откликались потрясенныя до основанія вершины Генгста, Гантцю, Жиромани, Гроссмана.

— Что это такое? — спрашивала себя Бербель. — Ужели это свѣтопреставленіе?

Потомъ она вошла въ пещеру и, увидавъ Кателину, которая забилась въ уголокъ и грызла картофелину, грубо встряхнула ее и крикнула шипящимъ голосомъ:

— Дура, неужели ты ничего не слышишь? Ты ничего не боишься. Ты ѣшь, пьешь, кудахтаешь. Уродъ ты, чучело.

Она злобно вырвала у нея картофелину и, дрожа отъ бѣшенства, усѣлась возлѣ горячаго ключа, отъ котораго клубами поднимался кверху сѣроватый паръ. Черезъ полчаса совсѣмъ стемнѣло, и стало такъ холодно, что она зажгла костеръ изъ сухого хвороста; блѣдные лучи заиграли по краснымъ каменнымъ глыбамъ и освѣтили отдаленный уголъ берлоги, въ которомъ спала Кателина, уткнувшаяся лицомъ въ колѣна и зарывшая ноги въ солому. На дворѣ все стихло.

Это молчаніе длилось часа два; было около полуночи, когда на горѣ раздались отдаленные шаги и нестройные возгласы. Бербель стала прислушиваться; то были человѣческіе крики. Она вскочила дрожа всѣмъ тѣломъ, схватила свой длинный репейникъ, скользнула къ выходу пещеры, раздвинула кусты и шагахъ въ 50 отъ себя увидѣла передъ собою юродиваго Егофа, который шелъ къ пещерѣ при яркомъ свѣтѣ луны; онъ

былъ одинъ и, махая скипетромъ по воздуху, отбивался, точно будто за нимъ гнались тысячи невидимыхъ существъ.

— Ко мнѣ, Ругъ, Блэдъ, Альдерикъ! — ревѣлъ онъ потрясающимъ голосомъ: борода его была всклокочена, длинные рыжіе волосы были растрепаны, а собачья шкура висѣла на рукѣ, точно щитъ.

— Ко мнѣ, эй! Да услышите ли вы меня, наконецъ? Развѣ вы не видите, что они идутъ? Вотъ они спускаются съ неба, словно коршуны. Ко мнѣ, рыжіе люди, ко мнѣ! Уничтожимъ это собачье племя! А! А! Это ты, Минау; это ты, Рошаръ! Стойте, стойте!

И съ дикимъ бѣшенымъ хохотомъ онъ называлъ по именамъ всѣхъ павшихъ при Донопѣ и, казалось, вызывалъ на бой, какъ живыхъ людей; потомъ онъ отступалъ шагъ за шагомъ, не переставая махать по воздуху своей палицей, произносилъ проклятія, призывалъ къ себѣ своихъ и отбивался, точно въ свалкѣ. Эта отчаянная борьба съ невидимыми существами навела на Бербель ужасъ; волосы у нея поднялись дыбомъ, и она попробовала спрятаться: но въ эту минуту послышалось неопредѣленное клокотаніе, которое заставило ее обернуться: посудите же, каковъ былъ ея испугъ, когда она увидала, что горячій ключъ кипѣлъ сильнѣе обыкновеннаго, и что надъ нимъ поднялись густые клубы пара, который отдѣлялся и тянулся къ двери.

Пока эти густыя облака, подобныя тѣнямъ, медленно носились въ воздухѣ, вдругъ появился Іегофъ и крикнулъ отрывистымъ голосомъ:

— Наконецъ-то вы услыхали мой зовъ и пришли на него!

Онъ быстро сдвинулъ все, что стояло у него на дорогѣ; холодный воздухъ ворвался подъ сводъ, и пары взвились къ безоблачному небу, крутясь и изгибаясь надъ скалою, будто и нынѣшніе и давно схороненные мертвецы стали продолжать въ воздушной области вѣчную борьбу.

Истомленное лицо Іегофа было освѣщено блѣдными лучами луны, его густая борода спускалась на грудь, глаза его сверкали; съ поднятымъ скипетромъ, онъ привѣтствовалъ каждую новую тѣнь и, называя ее по имени, говорилъ:

— Привѣтъ тебѣ, Блэдъ, привѣтъ тебѣ, Ругъ! Привѣтъ вамъ всѣмъ, мои храбрые молодцы!.. Близокъ часъ, котораго

вы ждали столько вѣковъ; орлы точатъ свои когти, земля жаждетъ крови! Помните Блютфельдъ!

Бербель была уничтожена, ее поддерживала только одна сила ужаса; но вскорѣ изъ пещеры вылетѣли послѣдніе клубы пара, который окончательно разсѣялся въ безграничномъ синемъ пространствѣ. Тогда Іегофъ быстро вошелъ въ пещеру, присѣлъ на корточки возлѣ ключа и, опершись локтями на колѣна, поддерживая свою большую голову руками, сталъ глядѣть безумными глазами на клокотавшую воду. Кателина проснулась и закудахтала, словно зарыдала. Wetterhexe была ни жива ни мертва и, забившись въ самый темный уголъ пещеры, не сводила глазъ съ юродиваго.

— Они всѣ вырвались изъ-подъ земли! — крикнулъ Іегофъ вдругъ. — Всѣ, всѣ! Тамъ не осталось больше ни одного! Они пошли оживлять моихъ молодыхъ бойцовъ, которые пали духомъ, они пошли внушать имъ презрѣніе къ смерти!

Онъ откинулся назадъ; на его блѣдномъ лицѣ выразилась мучительная скорбь, и онъ заговорилъ, пристально глядя на Wetterhexe своими волчьими глазами.

— О женщина, происходящая отъ безплодныхъ валкирій. Ты никогда не оживляла своимъ дыханіемъ воиновъ, ты никогда во время пира не пополняла ихъ глубокіе кубки, никогда не ставила передъ ними дымящагося мяса кабана Серимара, — къ чему же ты годна послѣ этого? Ткать саваны! Такъ бери же свое веретено и пряди день и ночь, потому что тысячи смѣлыхъ юношей лежатъ подъ снѣгомъ!.. Они храбро бились... Да, они сдѣлали свое дѣло; но часъ еще не пришелъ!.. Теперь вороны дерутся надъ ихъ трупами!

Вдругъ на него нашло страшное бѣшенство; онъ сорвалъ обѣими руками свою корону и, вырвавъ цѣлый пукъ волосъ, отчаянно заревѣлъ:

— О, проклятое племя! Неужели ты всегда будешь стоять у насъ поперекъ дороги! Безъ тебя мы бы уже завоевали Европу, рыжіе люди господствовали бы надъ вселенной!.. И я еще унижался передъ начальникомъ этого собачьяго племени!.. Я просилъ его, чтобы онъ отдалъ мнѣ свою дочь, а слѣдовало просто отнять ее у него, какъ волкъ отнимаетъ овцу!.. О! Гульдрикеъ, Гульдрикеъ!

Онъ остановился.

— Слушай, слушай, валькирія, — заговорилъ онъ тихимъ голосомъ.

Онъ торжественно поднялъ палецъ.

Wetterhexe стала слушать: на дворѣ вдругъ забушевалъ вѣтеръ, сильно потрясая старыя, покрытыя инеемъ деревья. Сколько разъ на своемъ вѣку старая вѣдьма слышала завываніе вѣтра въ длинныя, мрачныя, зимнія ночи, слышала и не обращала на него вниманія, а теперь она испугалась.

И пока она прислушивалась и дрожала всѣмъ тѣломъ, на дворѣ раздался отрывистый крикъ, и почти въ ту же минуту подъ сводъ юркнулъ воронъ Гансъ и принялся описывать въ пещерѣ большіе круги, хлопая крыльями съ испуганнымъ видомъ и издавая пронзительные стоны. Смертельная блѣдность покрыла лицо Іегофа.

— Вальдъ, Вальдъ, — закричалъ онъ страдальческимъ голосомъ, — чѣмъ провинился предъ тобою твой сынъ Люитпрандъ? Зачѣмъ ты преслѣдуешь его, а не другого?..

Нѣсколько минутъ онъ простоялъ, точно убитый; вдругъ имъ овладѣлъ дикій энтузіазмъ, и, потрясая своимъ скипетромъ, онъ бросился вонъ изъ пещеры. Черезъ двѣ минуты, стоя у входа пещеры, Wetterhexe провожала его безпокойнымъ взглядомъ.

Онъ быстро шелъ впередъ, вытянувъ шею; въ эту минуту его можно было сравнить съ дикимъ звѣремъ, вышедшимъ на добычу. Гансъ порхалъ впереди съ мѣста на мѣсто; они скоро исчезли въ ущельѣ Блютфельда.

XIX.

Въ эту ночь, часа въ два, пошелъ снѣгъ; когда стало свѣтать, пришлось встряхиваться и бить ногу объ ногу.

Нѣмцы удалились не только изъ Гранфонтена и Фрамона, но даже изъ Ширмека. Далеко, далеко, въ долинахъ Эльзаса, виднѣлись черныя точки, которыя были не что иное, какъ обратившіеся въ бѣгство батальоны.

Проснувшись на зарѣ, Юлленъ обходилъ бивуакъ: онъ остановился нѣсколько минутъ на площадкѣ и осмотрѣлъ пушки,

обращенныя къ ущелью: взглянулъ на партизановъ, спавшихъ вокругъ костровъ, на вооруженныхъ часовыхъ; потомъ, довольный своимъ осмотромъ, онъ вернулся на ферму, гдѣ еще спали Луиза и Катерина.

Въ комнату проникалъ сѣроватый свѣтъ; въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько раненыхъ начинали страдать лихорадочнымъ жаромъ; они всухъ звали своихъ женъ и дѣтей. Вскорѣ отовсюду послышался смутный говоръ, стали ходить взадъ и впередъ, и ночная тишина смѣнилась шумомъ. Катерина и Луиза проснулись; у окна сидѣлъ Жанъ-Клодъ и нѣжно смотрѣлъ на нихъ; обѣимъ женщинамъ стало стыдно, что онъ поднялся раньше ихъ; онѣ быстро встали и поспѣшили обнять его.

— Ну, что же?—спросила Катерина.

— Ну, они ушли: дорога осталась въ нашихъ рукахъ; я этого ожидалъ.

Это увѣреніе, повидимому, не успокоило старую фермершу; она выглянула въ окно, чтобы убѣдиться, что нѣмцы точно отступили до самаго Эльзаса. Однако, несмотря на это, съ ея строгого лица цѣлый день не сходило выраженіе неопредѣленной тревоги.

Около 9 часовъ пріѣхалъ изъ деревни Шармъ священникъ Сомезъ. Тогда нѣсколько ополченцевъ спустились съ горы собирать мертвецовъ; направо отъ фермы вырыли длинный ровъ, куда положили рядкомъ и партизановъ въ пуховыхъ шлянахъ и плащахъ, и австрійцевъ въ мундирахъ и киверахъ. Священникъ Сомезъ, высокій худой старикъ, прочиталъ старинныя похоронныя молитвы тѣмъ быстрымъ и таинственнымъ голосомъ, который такъ и хватаетъ васъ за душу и будто взываетъ къ угасшимъ поколѣніямъ, чтобы выказать передъ живыми всѣ ужасы могилы.

Цѣлый день пріѣзжали телѣги и сани, увозившія раненыхъ, которые тоскливо просились назадъ въ свои деревни. Боясь увеличить ихъ раздраженіе, докторъ Лоркенъ долженъ былъ согласиться отпустить ихъ. Было часа четыре, когда Катерина и Юлленъ очутились одни въ большой залѣ; Луиза пошла хлопотать объ ужинѣ. Съ потемнѣвшаго неба сыпались крупные хлопья снѣга, лѣпившіеся по краямъ оконъ, а по временамъ на дворѣ медленно скользили сани, увозившія больного, за-

рытаго въ сѣлому; то женщина, то мужчина вели подъ уздцы лошадь. Катерина сидѣла у стола и съ озабоченнымъ видомъ свертывала бинты.

— Что это съ вами, Катерина? — спросилъ Юлленъ. — Съ самаго утра вы находитесь въ какомъ-то тревожномъ состояніи. А вѣдь между тѣмъ наши дѣла идутъ хорошо.

Фермерша медленно отодвинула лежавшее передъ ней бѣлье и отвѣчала:

— Это правда, Жанъ-Клодъ, я встревожена.

— Да чѣмъ же, Катерина? Непріятель отступилъ, а сейчасъ только Францъ Материъ и всѣ нѣшеходы окрестныхъ деревень, которыхъ я разослалъ на рекогносцировку, принесли мнѣ извѣстіе, что нѣмцы возвращаются въ Мютцигъ. Старикъ Материъ и Касперъ, которые поднимали мертвыхъ, узнали въ Граифонтенѣ, что со стороны Сенъ-Блезъ-ла-Рошъ намъ ничего не угрожаетъ. Все это доказываетъ, что наши храбрые драгуны приняли врага, какъ слѣдуетъ, на Сенонской дорогѣ, и что онъ теперь боится нападенія съ тыла, со стороны Ширмека. Поэтому, я, право, не понимаю, что же васъ тревожитъ?

На вопросительный взглядъ Юллена она отвѣчала:

— Вы опять будете смѣяться надо мною; я видѣла сонъ.

— Сонъ?

— Да, тотъ самый сонъ, который снился мнѣ на фермѣ «Дубоваго лѣса».

Проговоривши это, она оживилась и сказала почти гнѣвнымъ голосомъ:

— Говорите, что хотите, Жанъ-Клодъ, а намъ грозитъ непмиуемая опасность... Да, да, пусть все это кажется вамъ совершеннымъ вздоромъ... Къ тому же это былъ не сонъ, это скорѣе было похоже на старую исторію, которую вспоминаешь, на что-то происходившее на яву и повторяющееся во снѣ! Снилось мнѣ, что мы, какъ вчера, одержали гдѣ-то большую побѣду... не помню гдѣ... что мы всѣ собрались въ большомъ деревянномъ сараѣ съ большими балками и оградою кругомъ. Мы были совершенно безпечны; всѣ лица, которыя я видѣла, были мнѣ знакомы, были здѣсь и вы, и Маркъ Дивесъ, и старикъ Дюшенъ, было и много другихъ, давно схороненныхъ людей: были тутъ мой отецъ и старый Гуго Рошаръ съ Гарберга, дядя того, который умеръ; всѣ они были одѣты въ сѣрыя, толстыя

холщевыя блузы, бороды у нихъ были распущены, шеи обнажены. Мы одержали такую же побѣду и пили вино изъ большихъ, красныхъ глиняныхъ кубковъ; но вдругъ послышался крикъ: «Непріятель возвращается!» И предо мною, среди ночной темноты, какъ изъ земли явился Іегофъ: онъ сидѣлъ верхомъ на лошади, длинная борода его развѣвалась по вѣтру, на головѣ была надѣта зубчатая корона; онъ держалъ въ рукѣ топоръ, и глаза его сверкали, какъ у волка. Я бросилась на него съ коломъ, онъ стоялъ неподвижно... потомъ я ужъ и не помню!.. Я только почувствовала сильную боль въ шеѣ, потомъ по моему лицу пробѣжала словно струя холоднаго воздуха, и мнѣ почудилось, что голова моя замоталась на длинной веревкѣ: этотъ негодяй Іегофъ привѣсилъ мою голову къ своему сѣдлу и поскакалъ съ нею!

Все это старуха проговорила съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ, что Юлленъ содрогнулся.

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ; потомъ Жанъ-Клодь очнулся отъ своего оцѣпенѣнія и отвѣчалъ:

— Это только сонъ... И мнѣ часто снятся такіе сны... Вчера вы были встревожены, Катерина... васъ волновали эти выстрѣлы... весь этотъ гвалтъ...

— Нѣтъ,—сказала она твердымъ голосомъ, снова принимаясь за свою работу,—нѣтъ, это вовсе не то. Да къ тому же, сказать по правдѣ, во время всей битвы мнѣ вовсе не было страшно, меня не пугали даже пушечные выстрѣлы; я напередъ была увѣрена, что насъ не могутъ разбить: я это видѣла и понимала!.. А теперь мнѣ страшно.

— Да вѣдь нѣмцы оставили Ширмекъ; вся Вогезская линія защищена, у насъ больше народу, чѣмъ сколько нужно, къ намъ ежеминутно подходятъ свѣжія силы.

— Нужды нѣтъ!

Юлленъ пожалъ плечами.

— Полноте, полноте, Катерина, у васъ просто не просто лихорадка; постарайтесь успокоиться, думайте о болѣе веселыхъ вещахъ. На мои глаза всѣ эти сны, право, просто сущіе пустяки, надъ которыми только можно смѣяться. Главное дѣло въ томъ, чтобы держать ухо востро, чтобы имѣть побольше за-

пасовъ, людей и пушекъ: это, право, лучше всякихъ счастливыхъ сновъ!

— Вы все шутите, Жанъ-Клодъ.

— Нисколько, но какъ послушаешь, что женщина такая умная, такая смѣлая, какъ вы, говоритъ подобную чепуху, такъ невольно вспомнишь и Іегофа, который хвастаетъ, что жилъ 1600 лѣтъ назадъ.

— А кто знаетъ?—сказала старуха упрямымъ тономъ.— Быть можетъ, онъ помнитъ то, что другіе забыли?

Юлленъ собирался разсказать ей разговоръ, который онъ имѣлъ съ юродивымъ наканунѣ въ бивуакѣ; онъ думалъ, что ему такимъ образомъ удастся совершенно разстроить ея мрачныя опасенія; но видя, что она соглашается съ Іегофомъ относительно 1600 лѣтъ, нашъ добрякъ замолчалъ и снова съ озабоченнымъ видомъ принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, потупивъ голову.—«Она рехнулась,—думалъ онъ,—еще маленькое потрясеніе, и тогда пиши пропало!»

Катерина тоже задумалась; она собиралась что-то сказать, но той порой въ комнату, словно ласточка, впорхнула Луиза и закричала своимъ нѣжнымъ, ласковымъ голоскомъ:

— Тетушка Лефевръ, тетушка Лефевръ, вотъ письмо отъ Гаспара!

Старая фермерша, насупившаяся до того, что ея крючковатый носъ касался подбородка, и приведенная въ негодованіе насмѣшками Юллена надъ ея сномъ, подняла голову, и глубокія морщины нѣсколько сгладились на ея смуглыхъ щекахъ.

Она взяла письмо, посмотрѣла на красную печать и сказала молодой дѣвушкѣ:

— Поцѣлуй меня, Луиза; это хорошее письмо!

И Луиза охотно исполнила эту просьбу.

Обрадованный этимъ случаемъ, Юлленъ подошелъ поближе къ женщинамъ, а въ дверяхъ стоялъ, опершись обѣими руками на палку и подавшись впередъ всѣмъ корпусомъ, утомленный почтальонъ Брейштейнъ въ порыжѣвшихъ отъ снѣга сапогахъ.

Старуха надѣла свои очки, распечатала письмо съ какимъ-то страннымъ благоговѣніемъ и стала читать вслухъ Юллену и Луизѣ, которые слѣдили за нею нетерпѣливымъ взглядомъ.

«Пишу къ вамъ, дорогая матушка, чтобы сообщить вамъ,

что все идетъ благополучно, и что во вторникъ вечеромъ я добрался до Пфальсбурга, какъ разъ въ то время, когда запирали ворота. Казаки были уже на Саверискомъ склонѣ; всю ночь пришлось перестрѣливаться съ авангардомъ. На другой день пришелъ къ намъ парламентеръ съ требованіемъ, чтобы мы сдали городъ. Комендантъ Мепье предложилъ ему убираться къ чорту по-добру, по-здорову, и черезъ три дня въ городъ полетѣлъ цѣлый градъ ядеръ и гранатъ. У русскихъ три батареи, одна на Миттельбронскомъ косогорѣ, другая близъ верхнихъ бараковъ, третья за Пернеттскимъ черепичнымъ заводомъ; но каленыя ядра дѣлаютъ намъ всего больше вреда: они сжигаютъ дома до тла, и когда гдѣ-нибудь занимается пожаръ, въ это время летятъ гранаты и мѣшаютъ намъ тушить огонь. Женщины и дѣти не выходятъ изъ укрѣпленій; всѣ мужчины стоятъ съ нами на валахъ; это славный народъ; между горожанами есть нѣсколько ветерановъ, ходившихъ на Самбру и Мозу, въ Италію, въ Египетъ; они умѣютъ обращаться съ пушками. Я не могу безъ умиленія смотрѣть на этихъ сѣдыхъ усачей, когда они наводятъ пушки и заряжаютъ ихъ. Благодаря имъ, у насъ картечь не пропадаетъ даромъ. Такимъ людямъ, передъ которыми трепеталъ цѣлый свѣтъ, должно быть не легко биться на старости лѣтъ изъ-за своей лачужки да изъ-за послѣдняго куска хлѣба».

— Да, не легко,—проронила Катерина, обтирая глаза:— какъ только подумаешь объ этомъ, такъ тебя за сердце и хватаетъ.

Потомъ она продолжала письмо:

«Третьяго дня губернаторъ рѣшилъ, что надо итти на черепичный заводъ снять желѣзную рѣшетку. Надо вамъ сказать, что эти русскіе разбиваютъ ледъ на рѣкѣ и купаются заразъ человѣкъ по 20 и по 30, а потомъ влѣзаютъ сушиться въ большую кирпичную печь. Ладно. Когда стало смеркаться, часовъ, такъ, около четырехъ, мы вышли въ калитку арсенала по потайной дорогѣ, и, съ ружьями черезъ плечо, бѣглымъ шагомъ пустились мы по Коровьей аллеѣ. Черезъ десять минутъ мы открыли бѣглый огонь по пруду. Всѣ русскіе высыпали изъ черепичнаго завода; они успѣли только захватить свои ранцы, схватить ружья и выстроиться, какъ дикари, нагишомъ на снѣгу. А надо вамъ сказать, что они были вдесятеро сильнѣе насъ и

уже начали двигаться направо, къ маленькой часовнѣ св. Іоанна, думая отрѣзать намъ отступленіе; но въ эту минуту орудія арсенала открыли по нимъ такой частый огонь, какого я еще никогда не видалъ. Не прошло и четверти часа, какъ они всѣ кинулись бѣжать, не успѣвши даже подобрать свои штаны; офицеры бѣжали всегда впереди, а въ догонку продолжали летѣть изъ города наши ядра. Воображаю, какъ бы дядя Жанъ-Клодъ посмѣялся надъ этимъ улепетываніемъ. Наконецъ, когда совсѣмъ стемнѣло, мы вернулись въ городъ, разрушивши рѣшетку и похоронивъ на днѣ колодца два восьмифунтовыхъ орудія. Это была наша первая экспедиція. Сегодня я пишу къ вамъ изъ бараковъ Дубоваго Лѣса, куда мы посланы для собиранія провіанта. Эта исторія можетъ затянуться на цѣлые мѣсяцы. Ходятъ слухи, что союзники заняли долину Дозенгеймъ до самаго Вешема и что они цѣлыми тысячами идутъ по дорогѣ къ Парижу. Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы императору повезло въ Шампани или въ Лотарингіи.—тогда ни одинъ изъ нихъ не ушелъ бы отъ насъ... Ну, словомъ, поживемъ-увидимъ... Мы сейчасъ отправляемся обратно въ Пфальсбургъ; въ окрестностяхъ мы собрали достаточное количество быковъ, коровъ и козъ и будемъ драться, чтобы довести ихъ до города въ совершенномъ здоровьи. До свиданія, добрая матушка, дорогая моя Луиза и дядя Жанъ-Клодъ. Крѣпко, крѣпко обнимаю васъ и прижимаю васъ всѣхъ къ своему сердцу».

Дочитавши до конца, Катерина, несмотря на твердость своего характера, не могла удержать двѣ крупныя слезы, которыя медленно скатились съ ея морщинистыхъ щекъ. Она быстро оправилась и сказала:

— Ну, ну, все идетъ хорошо. Войдите-ка, Брейнштейнъ, я вамъ подамъ кусокъ говядины и рюмку водки. А вотъ вамъ за труды; хотѣлось бы мнѣ давать вамъ каждую недѣлю постольку за такія хорошія письма.

Почтальонъ былъ очень доволенъ подаркомъ и пошелъ за старухою; сзади шли Луиза и Юлленъ, котораго мучило нетерпѣніе выспросить у Брейнштейна, не узналъ ли онъ по дорогѣ чего-нибудь о послѣднихъ событіяхъ; но онъ добился отъ него только, что союзники осаждали Битше, Лютцельштейнъ и что попытка овладѣть Грауфтальскимъ ущельемъ стоила имъ жизни нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

XX.

Было часовъ десять, когда, распростившись съ Юлленомъ, Луиза и Катерина Лефевръ пошли наверхъ, въ комнату, находившуюся надъ большою залою. Въ этой комнатѣ стояли двѣ большія кровати съ перинами и мягкими пуховиками, обтянутыми полосатою матеріей и возвышавшимися чуть не до потолка.

— Ну,—вскричала старая фермерша, влѣзая на свой стулъ,—спи хорошенько, дитя мое; я такъ просто выбилась изъ силъ и отосплюсь на славу!

Она завернулась въ одѣяло и минутъ черезъ пять заснула крѣпкимъ сномъ.

Луиза вскорѣ послѣдовала ея примѣру.

Такимъ образомъ прошло часа два, но вдругъ старуху разбудила страшная суматоха:

— Къ оружію! Къ оружію!—раздавалось со всѣхъ сторонъ.—Бѣгите сюда, чортъ возьми; идутъ, идутъ!

Раздались разъ за разомъ пять или шесть выстрѣловъ, освѣтившихъ тусклыя стекла.

— Къ оружію! Къ оружію!

Выстрѣлы раздавались опять. Слышались шаги, бѣготня, суетня.

Сухой, звонкій голосъ Юллена доносился издали: слышно было, что онъ отдавалъ приказанія.

Потомъ, налѣво отъ фермы, на очень значительномъ разстояніи послышался глухой протяжный гулъ, долетавшій изъ ущелій Гроссмана.

— Луиза, Луиза!—крикнула старая фермерша.—Слышишь, что тамъ дѣлается?

— Да... О, Господи, вѣдь это ужасно!..

Катерина спрыгнула съ своей кровати.

— Вставай,—сказала она,—одѣнемся поскорѣе.

Выстрѣлы повторялись все чаще и чаще и, словно молніи, озаряли окна.

— На площадь!—крикнулъ Матернъ.

На дворѣ раздавалось ржаніе лошадей, въ аллеѣ слышалась бѣготня людей, толпа суетилась и во дворѣ и передъ фермою; казалось, что домъ былъ потрясенъ до самаго основанія.

Вдругъ изъ залы нижняго этажа раздались ружейные выстрѣлы. Двѣ женщины одѣвались второпяхъ. Въ эту минуту лѣстница заскрипѣла подъ тяжелыми шагами; дверь отворилась, и появился Юлленъ съ фонаремъ въ рукахъ, блѣдный, съ всклокоченными волосами; лицо его судорожно подергивалось.

— Скорѣй, скорѣй!—крикнулъ онъ.—Намъ нельзя терять ни минуты.

Перестрѣлка продолжалась.

— Да что же тамъ происходитъ?—спросила Катерина.

— Да ну васъ совсѣмъ,—рявкнулъ Жанъ-Клодъ, — есть мнѣ когда толковать съ вами!

Фермерша поняла, что приходилось только повиноваться. Она взяла свой капюшонъ и вмѣстѣ съ Луизой спустилась съ лѣстницы. При дрожащемъ свѣтѣ выстрѣловъ Катерина увидала Матерна съ обнаженною шеею и его сына Каспера, которые, стоя у входа въ аллею, обстрѣливали просѣки; за ними стояло человѣкъ десять, которые безпрестанно подавали имъ заряженныя ружья, такъ что имъ приходилось только цѣлиться и стрѣлять. Всѣ эти люди, заряжавшіе, цѣлившіе и стрѣлявшіе, представляли страшную картину. Къ полуразвалившейся стѣнѣ было прислонено три-четыре мертвыхъ тѣла, и это еще болѣе придавало мрачности всей ужасной сценѣ; густой дымъ поднимался кверху.

Сойдя съ лѣстницы, Юлленъ крикнулъ:

— Вотъ онѣ, слава Богу!

И всѣ присутствующіе подняли головы и закричали:

— Смѣлѣй, смѣлѣй, тетушка Лефевръ!

Въ отвѣтъ на этотъ возгласъ старуха, взволнованная всѣми перенесенными потрясеніями, горько заплакала. Она оперлась на плечо Юллена, но онъ поднялъ ее, какъ перышко, и побѣжалъ направо, вдоль стѣны. Луиза шла за нимъ и рыдала.

Отовсюду слышался только свистъ пуль, глухо ударявшихся о стѣны; штукатурка обваливалась, черепицы обрывались, а напротивъ, за просѣками, на разстояніи 300 шаговъ, виднѣлись стройные ряды бѣлыхъ мундировъ, освѣщенныхъ огнемъ въ ночной темнотѣ; налѣво по другую сторону Миньерскаго оврага можно было различить горцевъ, которые шли на нихъ.

Обогнувъ уголъ фермы, Юлленъ исчезъ; тамъ все было

темно, такъ темно, что едва можно было различить доктора Лоркена, который сидѣлъ верхомъ передъ санями: онъ былъ вооруженъ ружьемъ и двумя карманными пистолетами, заткнутыми за поясъ; рядомъ съ нимъ стояло человѣкъ 12, во главѣ которыхъ находился дрожавшій отъ бѣшенства Францъ Материъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Въ саняхъ лежала связка соломы, на которую Юлленъ усадилъ Катерину, а потомъ рядомъ съ нею Луизу.

— Наконецъ-то, вы пришли,—воскликнулъ докторъ,—ну, и слава Богу!

— Если бы дѣло шло не о васъ, тетушка Лефевръ,—прибавилъ Францъ,—право, ни одинъ изъ насъ не ушелъ бы сегодня вечеромъ съ площадки; но для васъ мы ничего не пожалѣемъ.

— Ничего, ничего не пожалѣемъ!—закричали всѣ въ одинъ голосъ.

Въ эту же минуту изъ-за стѣны выбѣжалъ долговязый дѣтина съ журавлиными ногами и сторбленною спиною и крикнулъ:

— Идутъ, идутъ, бѣгите, кто можетъ!..

Юлленъ поблѣднѣлъ.

— Это долговязый точилищикъ съ Гарберга,—промолвилъ онъ, скрежеща зубами.

Францъ не сказалъ ни слова: онъ поднялъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ. Несмотря на темноту, Луиза увидала, какъ точильщикъ, вытянувъ свои длинныя руки, какъ снопъ повалился на землю.

Францъ какъ-то странно улыбнулся и принялся снова заряжать свое ружье.

— Ребята,—сказалъ Юлленъ,—вотъ наша мать, она дала намъ пороху, она кормила насъ ради защиты родины, а вотъ мое дитя: спасите ихъ!

— Мы спасемъ ихъ или умремъ вмѣстѣ съ ними!—отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— Да не забудьте объявить Дивесу, чтобы онъ оставался на Фалькенштейнѣ впредь до приказанія!

— Будьте покойны, господинъ Жанъ-Клодъ.

— Ну, такъ съ Богомъ въ путь, докторъ!—воскликнулъ Юлленъ.

— А вы, Жанъ-Клодъ?—промолвила Катерина.

— Я? Мое мѣсто здѣсь; надо защищаться до послѣдней крайности!

— Отецъ, отецъ!—закричала Луиза, протягивая къ нему руки.

Но онъ уже повернулъ за уголъ; докторъ стегнулъ лошадь, сани заскользили по снѣгу, Францъ Матернъ и его люди съ ружьемъ черезъ плечо быстро зашагали за ними впередъ, а перестрѣлка около фермы все усиливалась. Вотъ что Луиза и Катерина Лефевръ пережили въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Женщины сознавали, что въ эту ночь произошло что-то странное и ужасное. Старая фермерша вспомнила свой сонъ и тяжело задумалась. Луиза обтирала слезы и бросила долгій прощальный взоръ на площадку, освѣщенную словно заревомъ пожара. Лошадь неслась подъ ударами доктора; сопровождавшіе горцы едва могли поспѣвать за санями. Долго еще доносились до слуха бѣглецовъ суматоха, вопли сражающихся, выстрѣлы, свистъ пуль, разсѣкавшихъ кусты; но все это болѣе и болѣе стихало, и вскорѣ, при спускѣ съ горы, все исчезло, какъ сонъ.

Сани взъѣхали на противоположный склонъ горы и мчались стрѣлою въ ночной темнотѣ. Тишина прерывалась лишь топотомъ лошади и возгласами доктора, который повременамъ покрикивалъ на лошадь.

Изъ Саррекихъ долинъ неслся потокъ холоднаго воздуха и доносилъ издали несмолкаемый, неопредѣленный, какъ вздохъ, говоръ горныхъ ручьевъ и шопотъ лѣсовъ. Изъ-за облака выглянула луна и озарила темную массу Блапруйскаго лѣса и высокія сосны, осыпанныя снѣгомъ.

Минутъ черезъ десять сани подъѣхали къ опушкѣ лѣса, и, повернувшись на сѣдлѣ, докторъ Лоркенъ вскричалъ:

— Что же мы станемъ теперь дѣлать, Францъ? Эта дорожка ведетъ къ Сенъ-Квиринскимъ холмамъ, а вонъ та спускается къ Бланру: по какой дорогѣ ѣхать?

Францъ и проводники подошли къ санямъ. Въ эту минуту они были на западномъ склонѣ Донона и вдали, на противоположной сторонѣ, они увидали перестрѣлку нѣмцевъ, которые

шли отъ Гроссмана. Виднѣлся только огонь, а черезъ нѣсколько минутъ спустя стали слышны выстрѣлы, которые эхо разносило по всѣмъ ущельямъ.

— Дорожка къ Сенъ-Квиринскимъ холмамъ, — сказалъ Францъ,—скорѣе другихъ приведетъ насъ къ фермамъ «Дубоваго Лѣса», и мы выиграемъ съ добрый часъ времени.

— Да, — отвѣчалъ докторъ, — но мы рискуемъ, что насъ схватятъ австрійцы, которые теперь заняли Саррскія ущелья. Посмотри-ка, они уже захватили всѣ вершины; они, безъ сомнѣнія, послали отряды на Красную Сарру и собираются обойти кругомъ Донона.

— Поѣдемте по Бланруйской дорожкѣ,— сказалъ Францъ:— этотъ путь длиннѣе, но зато вѣрнѣе.

Сани повернули налѣво и поѣхали вдоль лѣса. Держа ружья наготовѣ, партизаны шли гуськомъ по крутизнѣ, а докторъ, верхомъ на лошади, ѣхалъ по дорожкѣ, разгребая груды глубокаго снѣга. Надъ дорогой, образуя сводъ, свѣшивались вѣтви густыхъ сосенъ и совершенно покрывали ее своими черными тѣнями, а луна яркимъ свѣтомъ заливала всю окрестность. Картина была такъ живописна и величественна, что при другихъ обстоятельствахъ Катерина пришла бы въ восторгъ, а Луиза залюбовалась бы на длинныя вереницы инея, на эти прихотливые узоры, блестѣвшіе какъ хрусталь, въ блѣдныхъ лучахъ луны; но въ эту минуту на душѣ у нихъ была тревога, и къ тому же все освѣщеніе исчезло, какъ только сани въѣхали въ ущелье, и только одни вершины высокихъ горъ остались залиты яркимъ свѣтомъ. Съ четверть часа они ѣхали молча; но, наконецъ, Катерина, у которой давно уже вертѣлся на языкѣ вопросъ, не выдержала и вскричала:

— Докторъ Лоркенъ, теперь вы завели насъ въ самую глушь Бланру и можете дѣлать съ нами все, что угодно: такъ не потрудитесь ли вы теперь объяснить мнѣ, зачѣмъ насъ насильно тащатъ куда-то? Жанъ-Клодъ схватилъ меня въ охапку, бросилъ меня на эту связку соломы, и вотъ я очутилась здѣсь!

— Эй, Бруно!—крикнулъ докторъ.

Потомъ онъ отвѣчалъ съ нѣкоторою важностью:

— Въ нынѣшнюю ночь, тетушка Катерина, съ нами случилось самое страшное несчастіе; на Жана-Клода сердиться не-

чего, потому что по винѣ другого мы теряемъ плоды всѣхъ нашихъ жертвъ!

— По чьей же винѣ?

— По винѣ несчастнаго Лабарба, который не сумѣлъ отстоять Блютфельдскій проходъ. Онъ потомъ умеръ, исполняя свою обязанность; но это не помогло горю, и если Піеретть не подоспѣетъ во-время на выручку Юллену, все пропало, придется очистить дорогу и отступить.

— Какъ! Блютфельдъ взятъ?

— Да, тетушка Катерина. И кому же могло придти въ голову, что нѣмцы пройдутъ тамъ? Вѣдь это ущелье непроходимо даже для пѣшеходовъ, оно загорожено со всѣхъ сторонъ отвѣсными скалами, по которымъ даже пастухи съ трудомъ спускаются съ своими стадами козъ. И тутъ они прошли по два въ рядъ; они обогнули пустую скалу, уничтожили Лабарба, потомъ напали на Жерома, который бился, какъ левъ, до десяти часовъ вечера; но, наконецъ, поневолѣ пришлось броситься въ сосняк и пропустить австрійцевъ. Вотъ и вся исторія нашей неудачи. Вѣроятно, нашелся человѣкъ довольно низкій, довольно гнусный, чтобы научить враговъ напасть на насъ съ тыла и отдать насъ въ ихъ руки связанными по рукамъ и ногамъ. О, разбойникъ!—закричалъ Лоркенъ дрожащимъ голосомъ.—Я не золъ, но попадись онъ только мнѣ въ руки, какъ бы я его рознялъ на части. Эй, Бруно, ворочайся что ли!

Партизаны молча двигались по пригорку, скользя точно тѣни.

Сани снова пустились вскачь, но потомъ поѣхали медленнѣе; лошадь запыхалась.

Старуха молчала и силилась собраться съ мыслями.

— Я начинаю понимать,—заговорила она черезъ нѣсколько минутъ:—въ эту ночь на насъ напали и съ переда, и съ боковъ.

— Это вѣрно, Катерина. Къ счастью, за десять минутъ до нападенія, къ намъ прискакалъ во весь опоръ, чтобы предупредить насъ, старый драгунъ Циммеръ, контрабандистъ Марка Дивеса. Если бы не онъ, мы бы пропали. Онъ влетѣлъ въ наши аванпосты, прискакавши по площадкѣ Гроссмана, мимо отряда казаковъ. Бѣднятѣ достался здоровый сабельный ударъ, и его внутренности болтались по сѣдлу; не правда ли, Францъ?

— Да,—отвѣчалъ охотникъ глухимъ голосомъ.

— И что же онъ сказалъ?—спросила старая фермерша.

— Онъ только и успѣлъ закричать: «Къ оружію, обошли съ тыла... меня прислалъ Жеромъ... Лабарбъ умеръ... Нѣмцы прошли черезъ Блютфельдъ».

— А славный онъ былъ человѣкъ!—промолвила Катерина.

— Да, славный человѣкъ, — отвѣчалъ, понуря голову, Францъ.

И снова всѣ смолкли, и сани долго ѣхали по извилистой дорогѣ. Снѣгъ былъ такъ глубокъ, что подчасъ приходилось останавливаться. Тогда трое или четверо горцевъ вели лошадь подъ уздцы, и путешествіе продолжалось далѣе.

— Это все такъ,—проговорила Катерина, вдругъ очнувшись отъ своей задумчивости,—но Юлленъ все-таки могъ бы мнѣ сказать...

— Но еслибъ онъ разсказалъ вамъ объ этихъ двухъ нападеніяхъ, вы захотѣли бы остаться,—прервалъ докторъ.

— А кто же смѣетъ помѣшать мнѣ дѣлать, что я хочу? Еслибъ мнѣ вотъ сейчасъ вздумалось войти изъ саней, развѣ я не могла бы этого исполнить? Но я простила Жану-Клоду: я раскаиваюсь въ этомъ!

— О, тетя Лефевръ, если вдругъ его убьютъ въ эту самую минуту,—прошептала Луиза.

«А вѣдь она права,—подумала Катерина и тотчасъ прибавила:—Я сказала, что раскаиваюсь, но вѣдь онъ такой добрый и хорошій, что на него и сердиться-то нельзя. Я прощаю ему отъ всей души; будь я на его мѣстѣ, и я бы точно такъ же поступила.

Проѣхавъ еще 200 или 300 шаговъ, они въѣхали въ ущелье скалъ. Снѣгъ пересталъ падать, и луна свѣтила, окруженная большими, черными и бѣлыми облаками. Вдали извивался узкій проходъ, обрамленный отвѣсными скалами, а по бокамъ возвышались нескончаемые сосняки. Вдали никто не нарушалъ спокойствія дремучихъ лѣсовъ. Можно было подумать, что находишься вдали отъ всякихъ мірскихъ треволненій. Тишина наступила такая глубокая, что слышны были и порывистое дыханіе лошади, и ея шаги по глубокому снѣгу. Францъ Матернъ подчасъ останавливался, оглядывался на темныя вершины и снова ускорялъ шагъ, чтобы догнать своихъ спутниковъ.

А между тѣмъ, долины смѣнялись долинами, сани то поднимались въ гору, то спускались внизъ, поворачивая то направо,

то налѣво, и за ними неутомимо слѣдовали партизаны съ сиповатыми штыками на ружьяхъ.

Часамъ къ тремъ утра они добрались до Брамбельской долины, гдѣ еще теперь, на поворотѣ дороги, возвышается большой дубъ. Съ другой стороны, налѣво, виднѣлся старый сторожевой домикъ лѣсника Куни: этотъ домикъ, съ тремя ульями, прибитыми къ доскѣ, съ старою, суковатою, виноградною лозою, вившеюся на остроконечной крышѣ, съ маленькимъ пукомъ еловыхъ вѣтвей, замѣнявшихъ вывѣску, потому что въ этой глуши Куни содержалъ кабакъ, былъ окруженъ низенькою каменною стѣною и заборомъ, огораживавшимъ садикъ, и выглядывалъ изъ-за кустовъ, побѣлѣвшихъ отъ снѣга.

Въ этомъ мѣстѣ дорога шла по самой окраинѣ долины, къ которой приходилось спуститься внизъ футовъ на пять или на шесть, а такъ какъ въ эту минуту луна скрылась за темную тучу, то докторъ, боясь опрокинуть сани, остановился подъ дубомъ.

— Намъ осталось ѣзды всего на какой-нибудь часъ, тетушка Лефевръ!—крикнулъ онъ.— Не робѣйте же, намъ некуда спѣшить.

— Да,—сказалъ Францъ,—главное дѣло сдѣлано, и мы можемъ дать вздохнуть лошадямъ.

Всѣ собрались вокругъ саней; докторъ слѣзъ съ лошади. Нѣкоторые стали высѣкать огонь и закурили трубки; но все это дѣлалось молча, у всякаго на умѣ былъ Допонъ. Что тамъ происходило въ эту минуту? Удалось ли Жану-Клоду задержаться на площадкѣ до прихода Піеретта? Въ душѣ этихъ отважныхъ людей тѣснилось столько мучительныхъ думъ, столько мучительныхъ чувствъ, что не хотѣлось говорить.

Они простояли минутъ пять; туча медленно сдвинулась, и когда блѣдный свѣтъ луны озарилъ ущелье, они вдругъ увидали передъ собою на разстояніи 200 шаговъ, черную фигуру верхового, ѣхавшаго по дорожкѣ между соснами. На эту высокую фигуру упалъ лучъ мѣсяца; можно было очень ясно разглядѣть казака въ баранье шапкѣ, съ длиннымъ копьемъ наперевѣсъ. Онъ медленно ѣхалъ впередъ. Францъ уже началъ прицѣливаться въ него, но вдругъ сзади блеснуло копье еще, показался еще казакъ, потомъ еще и еще... И вотъ на блѣдномъ фонѣ неба

замелькали по всему лѣсу блестящія копья и высокія мѣховыя шапки, и казаки гуськомъ стали направляться прямо къ саняхъ; они двигались не спѣша, какъ люди, которые ищутъ чего-нибудь: одни смотрѣли вверхъ, другіе, пригнувшись къ сѣдлу, шарили въ кустахъ; всѣхъ ихъ было болѣе 30 человѣкъ.

Представьте себѣ, каково было волненіе Катерины и Луизы, сидѣвшихъ среди дороги. Онѣ безсмысленно смотрѣли на все происходившее. Каждую минуту ихъ могли окружить враги. Горцы точно остолбенѣли; вернуться назадъ было невозможно: для этого надо было спуститься съ крутизны на поляну, или взбираться на противоположную сторону. Старуха растерялась, она схватила Луизу за руку и закричала глухимъ голосомъ:

— Убѣжимъ въ лѣсъ!

Она хотѣла выскочить изъ саней, но ея башмакъ застрялъ въ соломѣ.

Вдругъ одинъ изъ казаковъ закричалъ что-то гортаннымъ голосомъ, и это восклицаніе повторили за нимъ всѣ путники.

— Насъ увидали!—закричалъ докторъ, обнажая саблю.

Только что онъ произнесъ эти слова, дорожка озарилась съ одного конца до другого 12 выстрѣлами, и вслѣдъ затѣмъ раздалось неистово дикое завываніе: казаки спускались по тропинкѣ на поляну и, пригнувшись къ сѣдламъ, вытянувъ ноги циркулемъ, они, какъ олени, во весь опоръ неслись къ домику лѣсника.

— Э! Да они удираютъ къ чорту! — крикнулъ докторъ.

Но добрякъ радовался слишкомъ рано. Проскакавъ по долинѣ шаговъ 200 или 300, казаки вдругъ собрались въ кучу, какъ стая скворцовъ, и описали кругъ; потомъ низко пригнувшись къ сѣдлу, выглядывая изъ-за ушей своихъ лошадей и держа копье на перевѣсъ, они во всю прыть помчались къ партизанамъ съ громкимъ крикомъ: «Ура! Ура!»

Наступила страшная минута.

Францъ и его спутники вскочили на валъ, чтобы заслонить сани.

Секунды черезъ двѣ нельзя уже было ничего разобрать: копья звенѣли по штыкамъ, крики бѣшенства смѣшивались съ проклятіями; подъ тѣнью широкаго дуба, куда пробивались лучи блѣднаго свѣта, виднѣлись только взвивавшіяся на дыбы лошади, съ развѣвавшимися гривами, силившіяся вскочить на

валъ, а внизу можно было разглядѣть дикія лица съ сверкающими глазами, съ поднятыми вверхъ руками; они въ бѣшенствѣ сыпали удары во всѣ стороны, бросались впередъ, отступали и сопровождали все это такими страшными криками, отъ которыхъ волосы вставали дыбомъ.

Бѣдная Луиза и старая фермерша съ сѣдыми распущенными волосами стояли въ саняхъ на соломѣ.

Стоя передъ ними и отражая удары саблею, докторъ Лоркенъ кричалъ имъ:

— Да ляжьте же, ляжьте, чортъ возьми...

Но онѣ ничего не слыхали.

Въ общемъ смятеніи, при страшномъ ревѣ стражающихся, Луиза думала только о томъ, чтобы заслонить собою Катерину, а старая фермерша, — представьте себѣ ея ужасъ, — разглядѣла вдали Іегофа. Это былъ точно онъ; онъ сидѣлъ верхомъ на тощей клячѣ; на головѣ его блестѣла жестяная корона, борода его была всклокочена; онъ держалъ въ рукахъ копье, а на плечахъ у него моталась его длинная собачья шкура. Она видѣла его такъ ясно, какъ среди бѣлаго дня: его темная фигура стояла въ шагахъ десяти отъ нея, глаза его сверкали и словно пронизывали ее насквозь своимъ пристальнымъ взглядомъ. Что же было дѣлать? Приходилось покориться, подчиниться своей участи! Такимъ образомъ, самые непоколебимые характеры гнутся передъ неумолимымъ рокомъ; старуха считала себя заранѣе обреченною на погибель. Она тупо поглядѣла на этихъ людей, бросавшихся другъ на друга какъ волки, бившихся и отражавшихъ удары при лунномъ свѣтѣ. Нѣкоторые падали; лошади съ уздою на шеѣ срывались внизъ на поляну. Она видѣла, какъ въ домикѣ старика Куни отворилось окно и какъ самъ старикъ, съ засученными рукавами, выставилъ ружье, но не могъ рѣшиться стрѣлять въ такую кучу... Все это она видѣла съ поразительной ясностью и говорила про себя: «Юродивый опять пришелъ... Что тутъ ни дѣлай, а онъ привѣситъ мою голову къ своему сѣдлу... И сонъ мой сбудется на яву!»

И, повидимому, все оправдывало ея опасенія: горцы были слишкомъ малочисленны и отступали назадъ. Вскорѣ произошла страшная свалка. Казаки взобрались на валъ и заняли дорожку; мѣтко направленный ударъ копья задѣлъ старуху по затылку, и

она почувствовала, какъ холодное желѣзо скользнуло по ея тѣлу.

— О, разбойники! — закричала она, падая и хватаясь обѣими руками за возжи.

Самого доктора Лоркена свалили около саней. Францъ и другіе были окружены 20 казаками, такъ что они не могли подоспѣть на помощь. Луиза почувствовала, что на ея плечо опустилась чья то рука: то была рука юродиваго, наклонившагося къ ней съ своей высокой лошади.

Наступила ужасная минута: несчастная дѣвушка, обезумѣвшая отъ ужаса, пронзительно вскрикнула; въ темнотѣ что то блеснуло передъ ея глазами — блеснули пистолеты Лоркена... Съ быстротою молніи она выхватила пистолетъ изъ-за пояса доктора, спустила сразу оба курка, опалила бороду Іегофа, красное лицо котораго на минуту ярко освѣтилось, и прострѣлила голову казаку, который нагнулся къ ней, сладострастно вытаращивъ глаза. Потомъ она схватила кнутъ и, стоя въ саняхъ, блѣдная какъ мертвецъ, стегнула лошадь, которая рванулась впередъ. Сани понеслись сквозь кусты; она наклонялась то вправо, то влѣво. Вдругъ сѣдоки почувствовали сильный толчекъ: Катерина, Луиза, солома—все покатилось по снѣгу, внизъ съ вала. Лошадь встала, какъ вкопанная; она упала на колѣни, ротъ у нея былъ полонъ кровавой пѣны: она ударилась о дубъ.

Какъ ни быстро было это паденіе, но Луиза успѣла разглядѣть нѣсколько тѣней, быстро промчавшихся въ чащѣ лѣса. Ей послышался страшный голосъ Дивеса, который кричалъ:—Впередъ! Нападайте!

Она приняла все это за одно изъ тѣхъ смутныхъ видѣній, которыя въ минуту смерти носятся передъ глазами человѣка; но, снова поднявшись на ноги, несчастная дѣвушка перестала сомнѣваться въ дѣйствительности того, что происходило: шагахъ въ 20 отъ нея, за группою деревьевъ, слышался стукъ оружія, и Маркъ кричалъ:

— Смѣлѣй, друзья!.. Не щадите ихъ!

Потомъ она увидала съ дюжину казаковъ, взбиравшихся, какъ зайцы, между кустами на противоположную гору, а внизу, сквозь просѣку, мелькнула залитая луннымъ свѣтомъ фигура Іегофа, который перебѣжалъ черезъ долину, какъ вспугнутая птица. Раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; но они не

попали въ юродиваго; вытянувшись во весь ростъ и поднявшись на стремянахъ, онъ обернулся назадъ, взмахнулъ копьемъ съ вызывающимъ видомъ, крикнулъ «ура» и помчался впередъ, словно коршунъ, которому удалось высвободиться изъ когтей орла. Изъ домика лѣсника кто то выстрѣлилъ еще два раза: какой то лоскутъ оторвался отъ дыряваго платья юродиваго, который мчался все дальше, повторяя свое дикое «ура» и взбираясь по тропинкѣ вслѣдъ за своими товарищами.

И все это видѣніе исчезло, словно сонъ.

Луиза обернулась; Катерина стояла возлѣ нея; она была поражена и слѣдила за этою сценой съ напряженнымъ вниманіемъ. Съ минуту обѣ женщины смотрѣли другъ на друга, потомъ обнялись съ чувствомъ невыразимаго счастья.

— Мы спасены!—промолвила Катерина.

И обѣ заплакали.

— Ты вела себя молодцомъ, — говорила фермерша. — Это хорошо, это превосходно! Жанъ-Клодъ, Гаспаръ и я — мы можемъ гордиться тобою.

Луиза была такъ взволнована, что дрожала всѣмъ тѣломъ. Опасность миновала, и ея крѣпкая натура снова взяла верхъ.

Прошло нѣсколько минутъ; онѣ нѣсколько успокоились и хотѣли снова взбираться на дорогу, но въ это время къ нимъ подошли докторъ и пять или шесть партизановъ.

— Да, плачьте, плачьте теперь, — заговорилъ Лоркенъ,— вы просто драгунъ, просто настоящій чортъ! Теперь-то вы поджимаете губы,—но мы всѣ видѣли, какъ вы расправлялись сейчасъ съ этими негодяями. А кстати, гдѣ же мои пистолеты?

Въ эту минуту кусты раздвинулись, и появился долговязый Маркъ Дивесъ съ длинной саблей въ рукѣ.

— Э! Тетушка Катерина, — крикнулъ онъ, — вотъ такъ передряга! Чортъ возьми! Какое счастье, что я случился здѣсь! Эти негодяи васъ совсѣмъ бы обобрали.

— Да, — отвѣчала старуха, подвертывая свои сѣдые волосы подъ чепчикъ, — это точно большое счастье.

— Да еще бы! Я думаю! Не больше какъ съ десять минутъ назадъ я пріѣхалъ съ своимъ фургономъ къ старику Кунн. Не ѣзди черезъ Дононъ, говоритъ онъ мнѣ, вотъ уже часъ, какъ небо пылаетъ въ той сторонѣ... Тамъ, на горѣ, вѣрно дерутся. Ты думаешь?—Да.—Ну, такъ я пошлю Жозона впередъ, чтобы

онъ осмотрѣлъ окрестности, а мы покуда выпьемъ по рюмкѣ. Такъ и сдѣлали! Но только что Жозонъ вышелъ, раздались страшные крики. «Что это такое, Куни?—Не знаю, право!» Мы вышли за дверь и увидали свалку. Э, — закричалъ рослый контрабандистъ, — чего тутъ долго думать: я вскочилъ на своего Фокса и поскакалъ! Экое счастье-то!

— Да, — сказала Катерина, — еслибъ мы могли быть убѣждены, что наши дѣла идутъ также хорошо и на Допонѣ,— мы бы могли порадоваться.

— Да, правда, Францъ разсказалъ мнѣ всю эту исторію; это чортъ знаетъ на что похоже! Всегда что нибудь да не ладится, — отвѣчалъ Маркъ. — Но... но... чего же мы стоимъ по колѣно въ снѣгу? Будемъ надѣяться, что Піереттъ подоспѣетъ во-время къ своимъ, — а сами пойдемте-ка, допьемте рюмки, которыя еще почти полны.

Пришли четыре контрабандиста и объявили, что этотъ шолопай Іегофъ можетъ опять вернуться съ цѣлой ватагой подобныхъ ему разбойниковъ.

— Это правда, — отвѣчалъ Дивесъ. — Мы вернемся въ Фалькенштейнъ, потому что таковъ приказаніе Жана-Клода, но фургона мы не возьмемъ съ собою: съ нимъ намъ нельзя будетъ пуститься по объѣздными дорогамъ, и черезъ часъ, не больше, насъ опять настигнутъ эти разбойники. Зайдемте же къ Куни; Катерина и Луиза, вѣроятно, съ удовольствіемъ выпьютъ вина, да и другіе отъ этого не откажутся; это всѣхъ насъ подкрѣпитъ и успокоитъ. Эй, Бруно!

Онъ взялъ лошадь подъ уздцы. На сани положили двухъ раненыхъ. На снѣгу валялись двое убитыхъ горцевъ и 7 или 8 казаковъ съ растопыренными ногами, обутыми въ длинные сапоги; тѣла эти были оставлены на мѣстѣ, и всѣ направились къ домику стараго лѣсника. Францъ утѣшился, что не былъ на Допонѣ: онъ уложилъ двухъ казаковъ, а видъ харчевни почти совсѣмъ развеселилъ его. У дверей харчевни стоялъ фургонъ съ снарядами. Куни вышелъ на порогъ и закричалъ:

— Добро пожаловать, дорогіе гости! Вотъ такъ передряга для женщинъ, тетушка Лефевръ! Садитесь. А что-то дѣлается тамъ, на вершинѣ?

Пока наскоро распивали бутылку, пришлось снова разсказать все, что случилось. Добрый старикъ съ морщинистымъ лицомъ и лысою головою, одѣтый въ простую куртку и зеленые штаны, внимательно слушалъ, вытаращивъ глаза и всплескивая руками.

— Боже мой! Боже мой! — воскликналъ онъ. — Вотъ времена-то наступили! Ужъ и по большимъ-то дорогамъ ѣздить нельзя — сейчасъ нападутъ на тебя! При шведахъ и то лучше было!

И старикъ качалъ головой.

— Ну,—крикнулъ Дивесъ, — нечего по пустякамъ время терять; въ путь, въ дорогу!

Когда всѣ вышли, контрабандисты вывезли фургонъ, въ которомъ было нѣсколько тысячъ патроновъ и два небольшіе бочонка съ водкой, въ долину, шаговъ на триста отъ дома, и потомъ отпрягли лошадей.

— Ступайте впередъ, — крикнулъ Маркъ, — мы васъ догонимъ черезъ нѣсколько минутъ!

— Но что же ты сдѣлаешь съ этою телѣгою? — спросилъ Францъ. — Мы не успѣемъ довести ее до Фалькенштейна, такъ не лучше ли будетъ оставить ее подъ навѣсомъ у Купи, чѣмъ бросить ее среди дороги?

— Да, чтобы казаки налетѣли и повѣсили бѣднаго старика, — а что они налетятъ черезъ часъ, это вѣрно. Ты ужъ не безпокойся объ этомъ, — у меня свое на умѣ!

Францъ догналъ удалявшіяся сани. Скоро они оставили за собою пильню Маркиза и круто повернули направо, къ фермѣ Дубоваго Лѣса, которая виднѣлась на площадкѣ не болѣе какъ въ полумили разстоянія. Они поднимались на гору, когда ихъ нагналъ Маркъ Дивесъ съ своими людьми.

— Стойте,— закричалъ онъ имъ,—подождите минуту! Оглянитесь туда!

Всѣ повернулись назадъ, къ ущелью, и увидали 200 или 300 казаковъ, гарцовавшихъ вокругъ телѣги.

— Идутъ, идутъ, — закричала Луиза,—скроемся скорѣе!

— Подождите немножко, — сказалъ контрабандистъ, — намъ нечего бояться.

Не успѣлъ онъ договорить своихъ словъ, какъ цѣлая рѣка

пламени залила своимъ пурпурнымъ заревомъ и окрестныя горы, и лѣсъ до самыхъ вершинъ деревъ, и маленькій домикъ лѣсника, скалы и даже глубокія темныя пропасти. Вслѣдъ затѣмъ раздался взрывъ, отъ котораго земля дрогнула.

Всѣ присутствующіе, ослѣпленные внезапнымъ свѣтомъ, молчали отъ ужаса, а громкій хохотъ Марка смѣшивался съ оглушавшимъ ихъ грохотомъ.

— Ха, ха, ха! Я былъ увѣренъ, что эти негодяи захотятъ накинуться на мой фургонъ и отвѣдать моей водки, и сообразилъ, что фитиль успѣетъ зажечь порохъ!.. Не бойтесь! Они не бросятся догонять насъ! Теперь ихъ руки и ноги висятъ на вѣткахъ сосенъ!.. А теперь въ путь!.. И дай Богъ, чтобы такая же судьба постигла всѣхъ тѣхъ, которые перешли черезъ Рейнъ!

Проводники, партизаны, докторъ — всѣ замолчали. Всѣ эти ужасныя происшествія наводили всѣхъ на нескончаемыя думы, на такія думы, которыхъ никогда не вызвало бы спокойное теченіе обыденной жизни. Всякій спрашивалъ себя въ душѣ:— Что же это за существа люди, — что они такъ безпощадно мучаютъ, истребляютъ, разоряютъ другъ друга? Чѣмъ они умѣютъ возбуждать другъ друга къ такой ненависти? И какая мрачная, бѣшеная сила подстрекаетъ ихъ? Все это устроено нечистой силой!

Только Дивесъ и его люди не смущались такими мыслями: они съ громкимъ смѣхомъ скакали впередъ и весело разговаривали между собой.

— Ну, право, — кричалъ долговязый контрабандистъ,— такой штуки я никогда не видалъ на своемъ вѣку... Ха, ха, ха! Проживи я хоть тысячу лѣтъ, я и то не перестану хохотать надъ нею.

Потомъ онъ становился мраченъ и продолжалъ:

— А ужъ это непремѣнно Іегофъ устроилъ. Надо быть олухомъ, чтобы не догадаться, что онъ провелъ нѣмцевъ черезъ Блютфельдъ. Жаль мнѣ будетъ, если его пришибло осколкомъ моей телѣги; я ему готовлю штуку получше этой. Я желаю отъ души, чтобы онъ былъ живъ до тѣхъ поръ, пока намъ удастся встрѣтиться гдѣ нибудь въ лѣсу. Будетъ-ли это черезъ годъ, черезъ десять, двадцать лѣтъ — все равно лишь бы случилось! Чѣмъ долѣе мнѣ придется ждать, тѣмъ сильнѣе во мнѣ разы-

рается охота: вкусные куски приберегаютъ къ обѣду на закуску, какъ кабаній хрякъ съ бѣлымъ виномъ!

Онъ говорилъ это съ самымъ добродушнымъ видомъ, но всякій, кто зналъ его, могъ угадать, что Іегофу придется плохо.

Черезъ полчаса наши путешественники добрались до площади, на которой находилась ферма «Дубоваго Лѣса».

XXI.

Жеромъ изъ Сенъ-Квирина отступилъ по направленію къ фермѣ. Въ полночь онъ уже занялъ площадку.

— Кто идетъ! — крикнули его часовые приближавшимся путешественникамъ.

— Это мы, шармскіе жители, — отвѣчалъ Маркъ Дивесъ своимъ громкимъ голосомъ.

Часовые осмотрѣли ихъ и потомъ пропустили.

На фермѣ все было тихо; часовой, съ ружьемъ въ рукахъ, бродилъ передъ ригою, гдѣ на соломѣ спало человѣкъ 30 партизановъ. При видѣ этихъ высокихъ темныхъ крышъ, этихъ старыхъ сараевъ, хлѣвовъ, всѣхъ этихъ старинныхъ построекъ, среди которыхъ она провела свою молодость, среди которыхъ ея отецъ, ея дѣдъ спокойно и мирно прожили свою тихую, трудовую жизнь, и съ которыми ей приходилось разставаться, быть можетъ, навсегда, у Катерины больно сжалось сердце; но она не высказала своихъ чувствъ, выпрыгнула изъ саней, какъ въ былое время, когда возвращалась съ базара, и промолвила:

— Ну, Луиза, вотъ мы и дома, слава Богу.

Старикъ Дюшенъ отворилъ дверь и закричалъ:

— Это вы, госпожа Лефевръ?

— Да, это мы!.. Нѣтъ-ли извѣстій отъ Жана-Клода?

— Нѣтъ, сударыня!

Всѣ вошли въ большую кухню.

На очагѣ еще тлѣло нѣсколько угольковъ, а подъ огромнымъ печнымъ колпакомъ, въ тѣни, сидѣлъ Жеромъ Сенъ-Квиринскій съ длинною, клинообразною бородою рыжаго цвѣта; на немъ былъ надѣтъ длинный суконный плащъ, онъ опирался на толстую, суковатую палку, а ружье его стояло у стѣны.

— А, здравствуйте, Жеромъ!—закричала ему старуха.

— Здравствуйте, Катерина, — отвѣчалъ величавый и спокойный начальникъ Гроссмана. — Вы пріѣхали съ Донона?

— Да! Плохо дѣло, бѣдный Жеромъ! Когда мы уѣзжали, австрійцы нападали на ферму. Со всѣхъ сторонъ такъ и мелькали бѣлые мундиры. Они уже начинали показываться даже за просѣками...

— Такъ вы думаете, что Юллену придется бросить дорогу?

— Можетъ быть, и придется, если Піереттъ не подоспѣетъ къ нему на помощь.

Партизаны подошли къ огню. Маркъ Дивесъ нагнулся къ горячимъ угольямъ и закурилъ свою трубку; потомъ онъ выпрямился и вскричалъ:

— Я, Жеромъ, спрошу у тебя только одно; я впередъ знаю, что тамъ, гдѣ ты былъ начальникомъ, непремѣнно дрались хорошо...

— Всякій исполнялъ свою обязанность, — отвѣчалъ сапожникъ; — и объ этомъ заявятъ на страшномъ судѣ тѣ шестьдесятъ человѣкъ, которые легли мертвыми на склонахъ Гроссмана.

— Хорошо. Но кто же провелъ нѣмцевъ! Они сами вѣдь не могли найти прохода черезъ Блютфельдъ.

— Провелъ ихъ Іегофъ, юродивый Іегофъ, — промолвилъ Жеромъ, и сѣрые глаза его, окруженные глубокими морщинами, будто сверкнули въ темнотѣ изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей.

— А, и ты въ этомъ твердо увѣренъ?

— Люди Лабарба видѣли, какъ онъ шелъ по горѣ; онъ велъ другихъ.

Партизаны съ негодованіемъ посмотрѣли другъ на друга.

Въ эту минуту докторъ Лоркенъ, который оставался на дворѣ и отпрягалъ лошадь, отворилъ дверь и закричалъ:

— Сраженіе проиграно! Наши возвращаются съ Донона: я сейчасъ слышалъ рожокъ Лагармита.

Не трудно представить себѣ, какое это впечатлѣніе произвело на присутствующихъ. Каждый призадумался надъ судьбою своихъ родныхъ, своихъ друзей, которымъ, быть можетъ, не суждено вернуться назадъ, и всѣ партизаны изъ кухни и сарая бросились разомъ на площадку. Въ эту же минуту Ро-

бенъ и Дюбуръ, стоявшіе на часахъ около «Дубоваго Лѣса», закричали:

— Кто идетъ?

— Франція, — отвѣчалъ громкій голосъ.

И, несмотря на значительное разстояніе, Луиза узнала голосъ своего отца; ею овладѣло такое волненіе, что Катерина должна была поддержать ее.

Почти въ ту же минуту мерзлый снѣгъ заскрипѣлъ подъ ногами приближавшихся людей; Луиза не выдержала и закричала прерывающимся голосомъ:

— Батюшка, батюшка!

— Иду, иду! — откликнулся Юлленъ.

— Гдѣ отецъ? — крикнулъ Францъ Матернъ, выбѣжавъ навстрѣчу Жану-Клоду.

— Онъ съ нами, Францъ.

— А Касперъ?

— Онъ слегка раненъ, но это пустяки; ты сейчасъ увидишь ихъ обоихъ.

Въ эту минуту Катерина бросилась на шею Жану Юллену.

— О, Жанъ-Клодъ,—проговорила она,—какъ я счастлива, что опять вижу васъ!

— Да, — промолвилъ старикъ глухимъ голосомъ, — многіе изъ нашихъ не увидятъ больше своихъ.

— Францъ, — кричалъ старикъ Матернъ, — иди-ка сюда!

И, несмотря на темноту, можно было разглядѣть людей, которые искали другъ друга, пожимали другъ другу руки, обнимались между собою. Многіе звали своихъ: «Никлау, Сафери!» Но на эти имена никто не откликался. Тогда голоса, произносившіе эти имена, становились отрывистѣе, глуше и, наконецъ, вовсе смолкали. Радость однихъ и глубокое отчаяніе другихъ производили какое-то ужасающее впечатлѣніе. Юлленъ обнималъ и прижималъ къ груди Луизу, которая заливалась горькими слезами.

— Ахъ, Жанъ-Клодъ, — говорила тетушка Лефеврь, — много вамъ придется услыхать объ этой дѣвушкѣ. Теперь я ничего вамъ не стану разсказывать, но на насъ напали...

— Да... Мы поговоримъ объ этомъ послѣ... теперь время дорого, — сказалъ Юлленъ, — дорога, которая идетъ мимо До-

пока, занята непріятелемъ, казаки могутъ ворваться сюда на заръ, — а намъ еще много надо сдѣлать.

Онъ повернулъ за уголъ и вошелъ на ферму; всѣ пошли за нимъ; Дюшенъ подбросилъ въ огонь вязанку хвороста. Всѣ эти люди, съ почернѣвшими отъ пороха лицами, еще горящими отъ волненія, въ платьяхъ, забрызганныхъ кровью, выступили изъ темноты въ ярко освѣщенную комнату и представляли собою странное зрѣлище... Касперъ получилъ сабельный ударъ, и голова его была повязана платкомъ; его штыкъ, кожаная амуниція и высокіе синіе штиблеты были забрызганы кровью. Благодаря своему невозмутимому присутствію духа, старикъ Матернъ вышелъ изъ схватки цѣлъ и невредимъ. Такимъ образомъ остатки отрядовъ Жерома и Юллена соединились въ одинъ. У всѣхъ лица были одинаково свирѣпыя, одинаково дышали энергіею и духомъ мщенія; только люди Юллена едва стояли на ногахъ отъ усталости; они садились направо и налѣво, на связки хвороста, на сточный камень, на каменныя плиты очага, опирались локтями на колѣна и склоняли голову на руки. Люди Жерома оглядывались во всѣ стороны и обмѣнивались вопросами, чтобы удостовѣриться въ отсутствіи Ганса, Жозона, Даніеля. Послѣ этихъ вопросовъ наступало продолжительное молчаніе. Сыновья Матерна держали другъ друга за руку, точно боялись, что имъ придется потерять другъ друга, а отецъ ихъ, стоя за ними, прислонившись къ стѣнѣ и опершись на свое ружье, глядѣлъ на нихъ съ глубокимъ, радостнымъ чувствомъ. Онъ будто хотѣлъ сказать: «вотъ они здѣсь предо мною, молодцы они у меня! Оба вышли цѣлы и невредимы!» И старикъ кашлялъ въ кулакъ. Когда кто нибудь заговаривалъ съ нимъ о Пьерѣ, Жакѣ, Николаѣ, спрашивалъ его о своемъ сынѣ, братѣ или отцѣ, онъ отвѣчалъ наугадъ: «Да, да, много ихъ тамъ лежитъ на спинѣ... Да что же дѣлать? Такова ужъ война... Вотъ Николай сдѣлалъ свое дѣло... надо утѣшиться». А самъ онъ думалъ въ это время: «А мои то цѣлы — вотъ главное дѣло!»

Катерина и Луиза накрывали на столъ. Изъ погреба вышелъ Дюшенъ съ боченкомъ вина, который поставилъ на буфетъ; онъ выдернулъ втулку, и партизаны стали поочередно подставлять свои стаканы, чаши или кружки подъ ярко-красную струю, которая искрилась при яркомъ пламени печи.

— Пейте, кушайте, — говорила старая фермерша; — не все еще кончено, вамъ надо запастись силами на будущее время. Ну-ка, Францъ, сними мнѣ со стѣны этотъ окорокъ; вотъ вамъ хлѣбъ, вотъ ножи. Садитесь, дѣти мои.

Францъ снималъ окорока своимъ штыкомъ.

Стали придвигать скамьи, стали садиться, и, несмотря на горе, всѣ принялись ѣсть съ тѣмъ здоровымъ аппетитомъ, котораго не отнимутъ у горца ни настоящія страданія, ни опасенія за будущее. А все таки невыносимая тоска давила этихъ сильныхъ и твердыхъ людей; то тотъ, то другой вдругъ останавливался, роняя вилку и, выходя изъ за стола, говорилъ: «Будетъ съ меня, не могу больше!»

Пока партизаны подкрѣпляли такимъ образомъ свои силы, начальники собрались въ сосѣдней комнатѣ и толковали о послѣднихъ средствахъ къ защитѣ. Докторъ Лоркенъ, возлѣ котораго сидѣлъ, поднявши морду кверху, Плутонъ, его огромная собака, помѣщался у стола, освѣщеннаго жестяною лампою; направо у окна сидѣлъ Жеромъ, налѣво Юлленъ, блѣдный какъ полотно. Опершись локтемъ на столъ, подпершн голову рукою и повернувшись спиною къ двери, сидѣлъ Маркъ Дивесъ; можно было разглядѣть только его смуглый профиль, да конецъ его длинныхъ усовъ. Одинъ только Материъ стоялъ за стуломъ Лоркена, по обыкновенію прислонившись къ стѣнѣ и опершись на ружье. Изъ кухни слышался говоръ.

Жанъ-Клодъ позвалъ Катерину; входя, она услышала что-то похожее на стонъ и вздрогнула; то былъ голосъ Юллена.

— Неужели вы думаете, — кричалъ онъ надрывающимъ душу голосомъ, — что у меня не изнывало сердце, когда я глядѣлъ, какъ умирали всѣ эти храбрые молодцы, всѣ эти почтенные отцы семейства? Неужели вы думаете, что мнѣ не было бы легче умирать самому за нихъ? О! Вы не знаете, что я перестрадалъ въ эту ночь! Умирать ничего не значитъ, — но нести одному такую отвѣтственность!..

Голосъ его оборвался; дрожаніе его губъ, слеза, медленно стекавшая по его щекамъ, вся его осанка, все обнаруживало въ немъ ту внутреннюю тревогу, которая нападаетъ на честныхъ людей, поставленныхъ въ такое положеніе, когда самая совѣсть колеблется и ищетъ новой опоры. Катерина тихонько сѣла въ

большое кресло, налѣво. Чрезъ нѣсколько минутъ Юллень продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Около полуночи пришелъ Циммеръ и закричалъ: «Насъ обошли кругомъ! Нѣмцы спускаются съ Гроссмана, Лабарбъ смятъ; Жеромъ не можетъ устоять».—Только онъ и сказалъ. Что-жъ было дѣлать? Развѣ я могъ отступить? Развѣ я могъ отдать безъ боя пунктъ, который стоилъ намъ столько крови, Доионскую дорогу, путь къ Парижу? Развѣ вы не назвали бы меня негодяемъ, если бы я это сдѣлалъ? Но у меня было всего триста человѣкъ, а въ Гранфонтенѣ стояло 4000, да кромѣ того множество народа спускалось съ горы! Ну, я рѣшился держаться во что бы то ни стало! Я долженъ былъ это сдѣлать. Я сказалъ себѣ: — На что же жизнь безъ чести!.. Лучше пусть мы умремъ всѣ, да пусть никто не посмѣетъ сказать про насъ, что мы открыли дорогу во Францію. Нѣтъ, нѣтъ! Никто не посмѣетъ сказать этого!

Въ эту минуту голосъ Юллена снова дрогнулъ; къ глазамъ его подступили слезы, и онъ продолжалъ:

— Да, мои храбрые ребята продержались до двухъ часовъ. Они падали у меня на глазахъ. Они падали съ крикомъ: «Да здравствуетъ Франція!!!» Съ самаго начала дѣла я послалъ къ Піеретту. Онъ пришелъ на помощь съ пятьюдесятью здоровыми молодцами. Но было уже слишкомъ поздно! Враги окружали насъ справа и слѣва; они захватили три четверти площадки и оттѣснили насъ къ сосѣнкамъ, возлѣ Бланру: они донимали насъ своимъ огнемъ. Я только и могъ собрать тѣхъ раненыхъ, которые еще тащились кое-какъ, и отдать ихъ подъ покровительство Піеретта; къ нему присоединились человѣкъ сто изъ моихъ людей. У меня осталось всего 50, съ которыми я хотѣлъ занять Фалькенштейнъ. Мы пробивались сквозь ряды нѣмцевъ, которые хотѣли отрѣзать намъ отступленіе. Къ счастью, ночь была темна; не будь этого, ни одинъ изъ насъ не ушелъ бы цѣлымъ. Такъ вотъ въ какомъ положеніи дѣла наши. Все пропало! Въ нашихъ рукахъ остается только одинъ Фалькенштейнъ, и у насъ всего только 300 человѣкъ. Теперь надо узнать, согласны ли всѣ идти до конца. Я уже сказалъ вамъ: мнѣ тяжело одному нести такую огромную потерю и отвѣтственность. Пока дѣло шло о защитѣ Доионской дороги, до тѣхъ поръ

не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія: всякій долженъ принадлежать родинѣ; но дорогу мы не отстояли, а чтобы снова овладѣть ею, намъ нужно было бы имѣть 10.000 человѣкъ, а въ эту минуту враги занимаютъ Лотарингію... Ну, что же надо дѣлать?

— Надо идти до конца, — сказалъ Жеромъ.

— Да, да!—закричали другіе.

— А вы что скажете, Катерина?

— Разумѣется! — вскричала старая фермерша, и на лицѣ ея выразилась непреклонная твердость.

Тогда Юлленъ принялся излагать свой планъ болѣе твердымъ голосомъ:

— Фалькенштейнъ можетъ быть для насъ убѣжищемъ. Это нашъ арсеналъ, складъ нашихъ припасовъ; враги знаютъ это и попытаются овладѣть этимъ мѣстомъ. Всѣ мы, сколько насъ ни есть здѣсь, должны идти защищать Фалькенштейнъ; надо, чтобъ вся страна видѣла насъ; пусть всѣ говорятъ: «Катерина Лефевръ, Жеромъ, Матернъ и его сыновья, Юлленъ, докторъ Лорхенъ, всѣ тамъ; они не хотятъ сложить оружія». Эта мысль ободритъ всѣхъ храбрыхъ людей. Кромѣ того, Піеретъ будетъ бродить по лѣсамъ; его отрядъ будетъ съ каждымъ днемъ увеличиваться. По окрестностямъ будутъ бродить казаки и всякіе воришки; когда непріятельская армія вступитъ въ Лотарингію, я подамъ сигналъ Піеретту; онъ бросится между Допономъ и дорогою и перехватаетъ, какъ коршунъ, всѣхъ оставшихся солдатъ, которые растянутся по всей горѣ. Мы, съ своей стороны, можемъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, можемъ отбить обозы нѣмцевъ, напасть на ихъ резервы, и если посчастливится нашимъ разбить нѣмцевъ въ Лотарингіи, мы имъ отрѣжемъ отступленіе.

Всѣ встали, и, войдя въ кухню, Юлленъ обратился къ горцамъ съ слѣдующею простою рѣчью:

— Друзья мои, мы рѣшили, что будемъ сражаться до конца. Впрочемъ, всякій можетъ поступить какъ ему угодно, можетъ сложить оружіе и вернуться въ свою деревню; но пусть тѣ, кто хочетъ истить, присоединятся къ намъ! Мы будемъ дѣлить съ ними послѣдній кусокъ хлѣба, послѣдній зарядъ.

Старый сплавщикъ Колонъ всталъ и сказалъ:

— Юлленъ, мы всѣ пойдемъ за тобою: мы начали драться всѣ вмѣстѣ, такъ надо же и кончить вмѣстѣ!

— Да, да!—подтвердили другіе.

— Всѣ ли вы рѣшились?.. Ну! Такъ слушайте же меня! Братъ Жерома будетъ начальникомъ.

— Мой братъ умеръ,—прервалъ Жеромъ;—онъ остался на склонѣ Гроссмана.

Наступило минутное молчаніе. Потомъ Юлленъ продолжалъ громкимъ голосомъ:

— Колонъ, ты примешь начальство надъ всѣми, кто остается, исключая людей, которые были проводниками Катерины Лефевръ и которыхъ я беру съ собою. Ты пройдешь Двѣ-Рѣки и присоединишься къ Піеретту.

— А снаряды!—вскричалъ Маркъ Дивесъ.

— Я привезъ съ собою свой фургонъ,—сказалъ Жеромъ;—пусть Колонъ возьметъ его.

— Надо и сани запречь!—вскричала Катерина.—Казаки идутъ, они все ограбятъ. Не приходится нашимъ людямъ уходить съ пустыми руками: пусть они ведутъ быковъ, коровъ, козъ съ собою; пусть захватятъ съ собою все, что можно: по крайней мѣрѣ, не достанется все это врагамъ.

Черезъ пять минутъ начали опустошать ферму: на сани накладывали окорока ветчины, солонину, хлѣбъ; изъ хлѣвовъ выводили скотъ, въ большую телѣгу впрягали лошадей, и вскорѣ поѣздъ двинулся подъ предводительствомъ Ребена, который дулъ въ свой длинный тростниковый рогъ; сзади шли партизаны. Когда всѣ скрылись за лѣсъ, и шумъ смѣнился тишиною, Катерина обернулась назадъ: за нею стоялъ Юлленъ, блѣдный какъ мертвецъ.

— Ну, Катерина,—сказалъ онъ ей,—все кончено! Мы уйдемъ туда, наверхъ!

Францъ, Касперъ, всѣ провожатые, Маркъ Дивесъ, Матернъ ждали на кухнѣ съ ружьями въ рукахъ.

— Дюшенъ,—сказала добрая старуха,—иди въ деревню: я не хочу, чтобы враги обидѣли тебя изъ-за меня!

Старый слуга покачалъ сѣдою головою и отвѣчалъ со слезами на глазахъ:

— Лучше же мнѣ умереть здѣсь, госпожа Лефевръ; скоро

минетъ 50 лѣтъ, какъ я уже служу на фермѣ... не заставляйте меня уходить: я просто умру.

— Какъ знаешь, мой бѣдный Дюшенъ,—отвѣчала растроганная Катерина;—вотъ ключи отъ дома.

И бѣдный старикъ усѣлся на скамейкѣ противъ очага, устремилъ глаза на одну точку и, полуоткрывъ ротъ, впалъ въ глубокую, тоскливую задумчивость.

Всѣ направились къ Фалькенштейну. Въ арьергардѣ ѣхалъ Маркъ Дивесъ съ своею длинною саблею въ рукѣ. Съ лѣвой стороны Францъ и Юлленъ слѣдили за тѣмъ, что происходило на площадкѣ; справа шли Касперъ и Жеромъ, не спускавшіе глазъ съ долины; Матерны и провожатые окружали женщинъ. Странное дѣло! Изъ дверей и оконъ шармскихъ домиковъ и хижинъ высовывались старыя и молодыя лица, съ любопытствомъ глядѣвшія на это бѣгство старухи Лефевръ, которую не щадили злые языки: «А! Вотъ и разорили ихъ гнѣздо,—кричали со всѣхъ сторонъ; вотъ, не слѣдуетъ мѣшаться въ чужія дѣла!»

Другіе размышляли вслухъ, что Катерина уже слишкомъ долго пользовалась своимъ богатствомъ, и что всякій въ свою очередь долженъ испытать бѣдность. Но о трудахъ, благоразуміи, сердечной добротѣ и всѣхъ добродѣтеляхъ старой фермерши, о патріотизмѣ Жана-Клода, о храбрости Жерома и трехъ Матерновъ, о безкорыстіи доктора Лоркена, о преданности Марка Дивеса никто не сказалъ ни слова: всѣ эти люди были побѣждены.

XXII.

Дойдя до конца долины Березокъ и повернувши налѣво отъ деревни Шармъ, маленькое общество стало медленно взбираться по тропинкѣ къ старому бургу. Вспомнилось Юллену, что онъ шелъ по той же дорогѣ, когда ходилъ покупать порохъ у Марка Дивеса, и на него вдругъ напала глубокая тоска. Несмотря на свое путешествіе въ Пфальсбургъ, несмотря на раненыхъ, которыхъ везли изъ Ганау и Лейпцига, несмотря на разсказъ стараго сержанта, онъ тогда еще надѣялся и не поддавался отчаянію; онъ еще былъ полонъ энергіи и не сомнѣвался въ успѣхѣ защиты. Теперь все пропало: враги вторглись въ Лота-

ригію, горцы обратились въ бѣгство. Маркъ Дивесъ ѣхалъ по глубокому снѣгу вдоль скалы, его долговязая лошадь, вѣроятно, пріученная къ такимъ путешествіямъ, ржала и по временамъ вскидывала голову. Контрабандистъ изрѣдка поворачивался назадъ и глядѣлъ на площадку фермы «Дубоваго Лѣса». Вдругъ онъ закричалъ: «Э! Вотъ и казаки показываются!»

Послѣ этого восклицанія все общество остановилось и стало смотрѣть вдаль. Въ это время они уже были высоко на горѣ, выше деревни и даже выше фермы «Дубоваго Лѣса».

Сѣрое зимнее утро разгоняло ночной туманъ, и въ разныхъ мѣстахъ за скалами мелькали силуэты казаковъ, которые, поднявши носъ кверху и держа пистолетъ въ рукѣ, медленно подъѣзжали къ старой фермѣ. Они ѣхали какъ застрѣльщики, какъ будто опасались засады. Черезъ нѣсколько минутъ показались другіе, ѣхавшіе по долинѣ, за ними еще другіе; всѣ они стояли въ стременахъ и глядѣли вдаль, какъ люди, которые отправляются на поиски. Первые объѣхали ферму и, не замѣтивъ ничего опаснаго, замахали копьями и описали полукругъ. Всѣ другіе подскакали къ нимъ во весь опоръ, какъ вороны, которые во весь духъ подлетаютъ къ взвивающемуся ворону, ожидая, что онъ завидѣлъ добычу. Черезъ нѣсколько секундъ ферму окружили, дверь отворили. Прошло минуты двѣ, и стекла зазвенѣли, изъ оконъ во всѣ стороны посыпались мебель, матрасы, бѣлье. Катерина спокойно смотрѣла на это опустошеніе. Она долго молчала; но когда она увидѣла вдругъ, какъ Іегофъ, котораго она не замѣчала до той минуты, ударилъ Дюшена рукояткою своего копья и вытолкнулъ его изъ фермы, у нея невольно сорвался крикъ негодованія:

— О, негодяй! Вотъ подлость-то! Онъ бьетъ бѣднаго старика, который не въ силахъ защищаться!.. О, разбойникъ!.. Попадись ты мнѣ только въ руки!..

— Ну, Катерина,—закричалъ Жанъ-Клодъ,—довольно съ насъ! Къ чему вамъ смотрѣть на такое зрѣлище!

— Вы правы, — сказала старая фермерша; — пойдемте дальше: я, право, была бы въ состояніи сойти внизъ и отомстить имъ.

Чѣмъ больше они поднимались въ гору, тѣмъ рѣзче и холоднѣе становился воздухъ. Во главѣ отряда шла Луиза, дочь

«бездомныхъ бродягъ»; она несла на рукѣ маленькую корзину съ провизіею. Синее небо, долины Эльзаса и Лотарингіи, а тамъ на самомъ горизонтѣ, долины Шампани, это безпредѣльное пространство, въ которомъ взоръ терялся, все это приводило Луизу въ самое восторженное состояніе. Чудилось ей, что у нее крылья, что она рѣетъ въ лазурной высотѣ, какъ тѣ большія птицы, которыя скользятъ съ вершинъ деревьевъ въ тѣ бездонныя пропасти и поютъ свою вольную пѣсню. Всѣ житейскія бѣдствія, всѣ перенесенныя обиды и страданія были забыты ею. Луизѣ казалось, что она видитъ себя маленькимъ ребенкомъ, сидящимъ на спинѣ своей матери, бѣдной бродяги-цыганки, и она говорила себѣ: «никогда я не была такъ счастлива, такъ безъзаботна, никогда я такъ отъ души не смѣялась и не пѣла. А между тѣмъ мы часто сидѣли безъ хлѣба. А все-таки хорошіе то были дни!» И вспоминались ей отрывки старыхъ пѣсенъ.

Поровнявшись съ красноватой скалою, въ которой тамъ и сямъ, словно вставленные въ нее, виднѣлись бѣлые и красные голыши, и которая наклонялась надъ пропастью точно своды огромнаго собора, Луиза и Катерина остановились отъ удивленія. Небо надъ ними казалось еще бездоннѣе, тропинка, извивавшаяся въ скалѣ, казалась еще уже. Безконечныя долины, глухіе, дремучіе лѣса, отдаленные пруды Лотарингіи, синяя лента Рейна, катившагося направо отъ нихъ, все это представляло величественную картину, которая тронула ихъ, и старая фермерша сказала съ глубокимъ благоговѣніемъ:

— Жанъ-Клодъ, кто воздвигъ эту скалу, кто прорылъ эти долины, насадилъ лѣса и мхи—тотъ воздастъ намъ справедливость, которой мы заслуживаемъ.

Пока они смотрѣли на скалу, Маркъ отвелъ свою лошадь въ близлежащую пещеру; потомъ онъ полѣзъ на скалу впереди ихъ и сказалъ, обращаясь къ нимъ:

— Берегитесь, здѣсь можно поскользнуться!

Между тѣмъ онъ указалъ имъ направо, на синюю бездну и на соснякъ, возвышавшійся на днѣ. Всѣ молчали, пока дошли до террасы, гдѣ начинался сводъ. Тутъ всѣ вздохнули свободнѣе. Посреди прохода мелькали контрабандисты Бреннъ, Пфейферъ и Турбакъ, одѣтые въ сѣрые плащи и черныя войлочныя шапки;

они сидѣли вокругъ огня, разведеннаго вокругъ скалы. Маркъ Дивесъ сказалъ имъ:

— Вотъ и мы! Австрійцы завладѣли всѣмъ... Циммера убили нынче ночью... Гексъ-Безель здѣсь, наверху?

— Да,—отвѣтилъ Бренинъ,—она дѣлаетъ патроны.

— Они еще пригодятся, — сказалъ Маркъ. — Смотрите въ оба глаза, и если кто-нибудь подойдетъ, стрѣляйте тотчасъ.

Матерны остановились на краю скалы, и эти трое рослыхъ рыжихъ ребятъ съ приподнятыми пуховыми шляпами, съ пороховницами черезъ плечо, съ ружьями въ рукахъ, съ сухими, жилистыми ногами составляли страшную группу, которая рѣзко обрисовывалась на синемъ фонѣ пропасти. Старикъ Матернъ протянулъ руку и указалъ куда-то вдаль, на бѣлую, едва примѣтную точку, которая виднѣлась за соснякомъ.

— Узнаете вы это, дѣти мои?—сказалъ онъ.

И всѣ трое прищурили глаза и устремились на эту точку.

— Это нашъ домъ,—отвѣчалъ Касперъ.

— Бѣдная Магредель!—промолвилъ старый охотникъ, помолчавъ съ минуту.—Воображаю, какъ она безпокоилась всю эту недѣлю! Сколько обѣтовъ сдѣлала она за васъ св. Одилін!

Въ эту минуту Маркъ Дивесъ, вышедшій впередъ, крикнулъ отъ удивленія:

— Тетушка Лефевръ,—сказалъ онъ, останавливаясь,—казаки подожгли вашу ферму!

Катерина выслушала это извѣстіе съ величайшимъ спокойствіемъ и подошла къ самому краю террасы. Луиза и Жанъ-Клодъ пошли за нею. На днѣ пропасти носилась большая бѣлая туча; сквозь эту тучу по направленію къ «Дубовому Лѣсу» виднѣлась искра—и только всего. Но по временамъ, когда поднимался вѣтеръ, пожаръ вспыхивалъ: виднѣлись обгорѣлыя, черныя крыши, пылающій сѣновалъ, маленькія конюшни, охваченныя пламенемъ; потомъ все снова заволакивалось дымомъ.

— Ужъ почти все кончено,—отвѣчалъ Юлленъ шопотомъ.

— Да,—сказала старая фермерша,—40 лѣтъ труда и заботъ разлетѣлись въ одинъ мигъ, какъ этотъ дымъ; но все равно: вѣдь они не могутъ сжечь мою тучную землю, большое эйхматское пастбище. Мы снова примемся за работу. Гаспаръ и Луиза все наверстаютъ. А мнѣ раскаиваться не въ чемъ.

Прошло съ четверть часа; полетѣли искры, и все рухнуло. Уцѣлѣли только обгорѣлыя балки строеній. Тогда всѣ пошли впередъ по тропинкѣ. Когда они подходили къ верхней террасѣ, послышался пискливый голосъ Гекъ-Безель.

— Ты ли это, Катерина?— кричала она.—Вотъ ужъ я никогда не думала, что ты придешь въ мою убогую трущобу!

Безель и Катерина Лефевръ учились вмѣстѣ въ школѣ и говорили другъ другу «ты».

— Да, по правдѣ сказать, и я этого не ожидала,—отвѣчала старая фермерша;—ну, да все равно, Безель, въ несчастіи всякій радъ встрѣтить старую подругу дѣтства.

Безель, повидимому, была трошута.

— Распоряжайся всѣмъ, что здѣсь есть, Катерина, распоряжайся какъ своимъ добромъ!—вскричала она.

Она указала на свою бѣдную скамейку, на свою метлу, на пять или шесть полѣнъ, валявшихся у очага.

Катерина нѣсколько времени молча смотрѣла на эту обстановку и промолвила наконецъ:

— Оно не роскошно, да зато прочно, твоего дома не сожгутъ.

— Нѣтъ, не сожгутъ,—засмѣялась Гекъ-Безель;—имъ бы пришлось пожечь всѣ лѣса графства Дабо, чтобы только чуть-чуть протопить нашу берлогу. Хе, хе, хе!

Утомленные и измученные ополченцы нуждались въ отдыхѣ: всякій поспѣшилъ прислонить ружье къ стѣнѣ и улечься на землю. Маркъ Дивесъ отвелъ имъ вторую пещеру, гдѣ они могли бы быть совершенно въ сторонѣ; потомъ онъ вышелъ съ Юленомъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается вокругъ нихъ, въ окрестности.

XXIII.

На самой вершинѣ Фалькенштейнской скалы возвышается круглая, полуразрушившаяся башня. Эта башня, обросшая репейникомъ, бурьяномъ и ползучими травами, стара, какъ сами горы; ее не разрушили ни французы, ни нѣмцы, ни шведы. Камень и цементъ такъ крѣпко держатся между собою, что невозможно отколоть ни малѣйшаго кусочка. На видъ эта башня

мрачна и таинственна, и, глядя на нее, вы невольно переноситесь мыслью къ такимъ отдаленнымъ временамъ, до которыхъ не можетъ добраться человѣческая память. Въ то время, когда перелетаютъ дикіе гуси, Маркъ Дивесъ отправлялся въ засаду въ эту башню, если ему нечего было дѣлать, и иногда, во время сумерекъ, когда стаи гусей летятъ по вечернему туману и садятся на ночлегъ, описывая предварительно широкіе круги, онъ убивалъ двухъ или трехъ птицъ; это приводило въ восторгъ Гексъ-Безель, которая сейчасъ же насаживала ихъ на вертелъ. Часто, осенью, Маркъ разставлялъ въ кустарникахъ сѣти, въ которыхъ ловились дрозды; кромѣ того, старая башня служила ему пріютомъ. Когда сѣверный вѣтеръ дулъ во всю мочь, когда шумъ, трескъ вѣтокъ и шумъ дремучихъ окрестныхъ лѣсовъ сливались въ продолжительный гулъ, напоминавшій бушующее море, тогда Гексъ-Безель часто подвергалась опасности быть снесенной въ противоположную сторону, на Кильбери! Но Гексъ-Безель цѣплялась обѣими руками за вѣтви, и вѣтру удавалось развѣять только ея рыжіе волосы. Дивесъ замѣтилъ, что снѣгъ и дождь мочили его дрова, которыя больше дымили, чѣмъ горѣли, и устроилъ надъ башнею досчатую крышу. По этому поводу контрабандистъ разсказывалъ странную исторію: онъ говорилъ, будто подставляя стропила, онъ нашелъ въ разсѣлинѣ скалы бѣлую, какъ снѣгъ, слѣпую и дряхлую сову, у которой было множество летучихъ мышей и полевыхъ крысъ. За это онъ прозвалъ ее «бабушкою всѣхъ птицъ», полагая, что всѣ птицы прилетали и кормили ее по случаю ея преклонныхъ лѣтъ.

Когда стало смеркаться, ополченцы, стоявшіе насторожѣ на разныхъ этажахъ скалы, точно жильцы обширнаго отеля, завидѣли въ окрестныхъ ущельяхъ бѣлые мундиры. Они подвигались со всѣхъ сторонъ сплошными массами, что ясно обнаруживало ихъ намѣреніе блокировать Фалькенштейнъ. Видя это, Маркъ Дивесъ призадумался:—«Если они насъ осадятъ,—подумалъ онъ,—намъ будетъ невозможно достать провизіи; придется сдаться или умереть съ голоду».

Можно было ясно разглядѣть непріятельскій главный штабъ, расположившійся на лошадяхъ, вокругъ шармскаго колодца. Рослый, пузатый начальникъ разглядывалъ скалу въ под-

зорную трубу: за нимъ стоялъ Іегофъ, къ которому онъ часто обращался съ вопросами. Нѣсколько поодаль толпились женщины и дѣти съ оживленными лицами и пять или шесть казаковъ, которые гарцовали на своихъ лошадяхъ. Контрабандистъ не выдержалъ; онъ отвелъ Юллена въ сторону.

— Взгляни,—сказалъ онъ ему,—на эту длинную вереницу киверовъ, которые скользятъ вдоль Сарры, а вотъ здѣсь другіе переходятъ черезъ долину, вытягивая ноги, словно зайцы: это австрійцы, не правда ли? Ну, какъ ты думаешь, что они противъ насъ замышляютъ?

— Они оцѣпятъ гору.

— Это очень понятно. Какъ ты думаешь, сколько тамъ приблизительно можетъ быть народу?

— Три, четыре тысячи человѣкъ.

— Не считая тѣхъ, которые бродятъ по деревнѣ. Ну! Что же Піеретти можетъ сдѣлать противъ этой толпы негодяевъ съ своими тремя стами человѣкъ? Скажи мнѣ откровенно, Юлленъ.

— Да ничего онъ не сдѣлаетъ,—отвѣчалъ Юлленъ отрывисто.—Нѣмцы знаютъ, что всѣ наши припасы въ Фалькенштейнѣ; послѣ своего вторженія въ Лотарингію они боятся возстанія и хотятъ обезопасить себя съ тыла. Непріятельскій генералъ убѣдился, что силою насъ не одолѣешь: вотъ онъ и рѣшился побѣдить насъ голодомъ, все это положительно вѣрно, Маркъ; но мы мужчины, мы сдѣлаемъ свое дѣло: мы умремъ здѣсь!

Наступило минутное молчаніе: Маркъ Дивесъ сморщилъ брови и, повидимому, вовсе не былъ убѣжденъ въ искренности словъ Юллена.

— Умремъ!—промолвилъ онъ, почесывая затылокъ. — Я вовсе не понимаю, изъ-за чего это намъ умирать; умирать вовсе не въ моемъ вкусѣ: слишкомъ много людей стали бы радоваться этому.

— Чего же тебѣ хочется?—спросилъ Юлленъ сухимъ топомъ.—Ты хочешь сдаться?

— Сдаться,—закричалъ контрабандистъ;—развѣ ты меня принимаешь за подлеца?

— Такъ объяснись же.

— Сегодня вечеромъ я отправлюсь въ Шфальсбургъ. Проходя черезъ ряды враговъ, я буду рисковать своей шкурой, но лучше же умереть такъ, чѣмъ сложить руки и дожидаться голодной смерти. Я какъ-нибудь проберусь въ городъ. Комендантъ Мепье знаетъ меня; вотъ уже три года, какъ я продаю ему табакъ. Онъ такъ же, какъ и ты, былъ въ Италіи и въ Египтѣ. Ну, я ему все разскажу. Я повидаюсь съ Гаспаромъ Лефевромъ. Я буду приставать и, можетъ быть, выхлопочу для насъ роту солдатъ. Добиться намъ только мундировъ Жанъ-Клодь, и мы спасены: всѣ молодцы, которые остались въ живыхъ, пристанутъ къ Піеретту, и во всякомъ случаѣ будетъ возможность выручить насъ. Вотъ моя мысль; что ты на это скажешь?

Онъ глядѣлъ на Юллена; его мрачный, печальный взоръ безпокоилъ его.

— Говори же, развѣ это не хорошо придумано?

— Это хорошая мысль,—сказалъ Жанъ-Клодъ.—Я не противлюсь этому.

Потомъ онъ въ свою очередь посмотрѣлъ пристально въ глаза контрабандисту.

— Поклянешься ли ты мнѣ, что ты употребишь всѣ усилія, чтобы пробиться въ городъ?

— Не стану я тебѣ ни въ чемъ клясться,—отвѣчалъ Маркъ, и его смуглыя щеки вдругъ вспыхнули яркимъ румянцемъ;—я оставляю здѣсь все, что у меня есть: свое имущество, жену, товарищей, Катерину Лефеврь и тебя, мой старый и лучшій другъ!.. Я буду измѣнникомъ, если не вернусь. Но, когда я вернусь, Жанъ-Клодь, ты мнѣ объяснишь то, что ты у меня спросилъ сейчасъ: мы сведемъ небольшой счетецъ между собою!

— Маркъ,—сказалъ Юлленъ,—прости меня! Я столько перестрадалъ за эти дни! Я былъ неправъ; но несчастье дѣлаетъ недовѣрчивымъ... Дай мнѣ руку... Ступай, спасай насъ, спаси Катерину, спаси мое дитя! Я говорю тебѣ теперь: у насъ остается только одна надежда на тебя.

Голосъ Юллена оборвался. Дивесъ умилостивился и спокойно прибавилъ:

— А все-таки, Жанъ-Клодь, ты не долженъ былъ бы говорить мнѣ это въ такую минуту; есть слова, которыя рѣжутъ хуже ножа! Я или сложу свою голову гдѣ-нибудь по дорогѣ, или приду

васъ выручать. Сегодня въ ночь я отправляюсь. Австрійцы уже окружаютъ гору. Но, пускай ихъ, у меня лошадь славная, да къ тому же мнѣ всегда везло.

Въ шесть часовъ послѣднія вершины покрылись темнотою. Сотни огней засвѣтились по ущельямъ: нѣмцы готовили себѣ ужинъ. Маркъ Дивесъ ощупью спустился съ бреши. Юлленъ еще нѣсколько секундъ прислушивался къ шагамъ своего товарища; потомъ онъ съ озабоченнымъ видомъ пошелъ къ старой башнѣ, которая была избрана главною квартирой. Онъ отдернулъ толстое одѣяло, завѣшивавшее совиное гнѣздо, и увидалъ вокругъ огонька, который освѣщалъ сѣрыя стѣны, Катерину, Луизу и другихъ. Обвивши руками колѣна и устремивъ глаза на пламя, старая фермерша сидѣла на дубовомъ пнѣ; лицо ея было подернуто зеленоватою блѣдностью. Луиза была задумчива и сидѣла прислонившись къ стѣнѣ. Жеромъ стоялъ позади Катерины; руки его были сложены на палкѣ, а высокая мѣховая шапка достигала до гнилого потолка. Всѣ были какъ-то печальны и упали духомъ. Только Гексъ-Безель, стрянавшая что-то въ кастрюлѣ, да докторъ Лоркенъ, скоблившій стѣну концомъ своей сабли, были совершенно спокойны.

— Вотъ, — сказалъ докторъ, — мы и вернулись ко временамъ трибоковъ. Этимъ стѣнамъ 2000 лѣтъ. Съ вершинъ Фалькенштейна и Гроссмана много утекло воды въ Рейнъ, черезъ Сарру, съ тѣхъ поръ, какъ въ этой башнѣ не зажигали огня.

— Да,—отозвалась Катерина, будто очнувшись отъ сна,— и много людей кромѣ насъ пострадали здѣсь отъ холода и голода и всякихъ бѣдствій. И кто знаетъ объ этихъ страданіяхъ? Никто. И черезъ сто, двѣсти, триста лѣтъ другіе, быть можетъ, будутъ искать убѣжища на этомъ мѣстѣ. И имъ, какъ намъ, стѣна покажется холодна, земля сыра; они зажгутъ огонь. И будутъ они смотрѣть кругомъ, точно такъ же какъ и мы, и будутъ говорить, какъ мы: «кто страдалъ здѣсь прежде насъ? Изъ-за чего они страдали? Стало быть ихъ выгнали, преслѣдовали, какъ и насъ, коли они спрятались въ эту убогую нору» И задумаются они надъ былыми временами, и никто не въ состояніи будетъ отвѣчать имъ!

Жанъ-Клодъ подошелъ. Черезъ нѣсколько минутъ старая фермерша подняла голову и заговорила, глядя ему въ лицо:

— Ну, мы осаждены, насъ хотятъ уморить голодомъ?

— Это правда, Катерина,—отвѣчалъ Юлленъ:—я этого не ожидалъ. Я разсчитывалъ на нападеніе съ вооруженною рукою; но австрійцы не на таковскихъ напали. Дивесъ отправился въ Пфальсбургъ; онъ знакомъ съ комендантомъ города... и если къ намъ на помощь пришлютъ хоть нѣсколько сотъ человѣкъ...

На это нечего разсчитывать, — перебила старуха;— Маркъ можетъ быть убитъ или захваченъ въ плѣнъ; и потомъ, предположимъ, что ему удастся пробраться сквозь ихъ ряды, какъ же онъ проберется въ Пфальсбургъ? Вы вѣдь знаете что городъ осажденъ русскими!

Послѣ этого всѣ замолчали.

Гексъ-Безель вскорѣ поставила на столъ супъ, и всѣ усѣлись вокругъ дымящейся чашки.

XXIV.

Около семи часовъ утра Катерина вышла изъ старинной башни; Луиза и Гексъ-Безель спали, а между тѣмъ яркій лучезарный свѣтъ уже обливалъ горы. Вдали, на ясной лазури, обрисовывались лѣса, холмы и скалы, и все это виднѣлось, какъ виднѣются водоросли и голыши сквозь голубоватый кристаллъ озера. Въ воздухѣ было тихо; глядя на эту величавую картину, Катерина почувствовала такое спокойствіе, такую силу, какой не чувствовала даже и во снѣ. «И что за пустяки всѣ наши бѣдствія, наши страданія и тревоги, которыя продолжаются одинъ день—говорила она про себя;—стоитъ ли тревожить небо нашими стонами? Стоитъ ли бояться будущаго? Вѣдь все это продолжается нѣсколько секундъ; всѣ наши жалобы совершенно то же самое, что крикъ стрекозы по осени: развѣ эти крики остановятъ зиму? Развѣ не необходимо, чтобы время шло, чтобы все умирало и снова оживало? Мы уже умирали и опять ожили; мы опять умремъ и снова оживемъ. А эти горы съ своими лѣсами, скалами и развалинами останутся навсегда здѣсь и будутъ говорить намъ: «Помни, помни! Ты видѣлъ меня, смотри и еще, ты снова будешь видѣть меня во вѣки вѣковъ!»

Такъ думалось старухѣ, и будущее не пугало ее; мысли были для нея не болѣе какъ воспоминаніями.

Она стояла въ такомъ положеніи уже нѣсколько минутъ; вдругъ до ея слуха долетѣлъ какой-то говоръ; она обернулась и увидѣла Юллена и трехъ контрабандистовъ, которые важно разговаривали между собою, стоя на другой сторонѣ площадки. Они не замѣтили ея и, повидимому, были заняты какой-то серьезною бесѣдою.

Стоя на краю скалы съ трубкою въ зубахъ, старый Брешъ, съ лицомъ, сморщеннымъ, какъ вялый капустный листъ, съ вздернутымъ носомъ, съ сѣдыми усами, нависшими бровями, одѣтый въ широкій плащъ, съ длинными висѣвшими по обѣ стороны рукавами, осматривалъ разные пункты горы, на которые указывалъ ему Юлленъ; два другіе контрабандиста, закутанные въ длинные сѣрые плащи, ходили взадъ и впередъ, заслоняли глаза рукою и, повидимому, внимательно слѣдили за чѣмъ-то.

Катерина подошла къ нимъ и услышала слѣдующія слова:

— Такъ вы думаете, что ниоткуда невозможно спуститься внизъ?

— Нѣтъ, Жанъ-Клодъ, — отвѣчалъ Брешъ, — совершенно невозможно; эти разбойники знаютъ весь край до тонкости: они разставили часовыхъ на всѣхъ тропинкахъ. Взгляни на Шеврельскій проходъ, который идетъ вдоль этой лужи: никогда никто не обращалъ на него вниманія; ну, а они защищаютъ его; а вонъ тамъ еще и другой проходъ, настоящая козья тропинка, по которой никто уже не ходилъ лѣтъ десять... ну, а теперь за скалою блеститъ штыкъ, не правда ли? Вотъ тутъ еще тропинка, по которой я, лѣтъ восемь назадъ, шлялся съ своими мѣшками и не встрѣчалъ ни одного жандарма; они тоже ее охраняютъ. Право, должно быть самъ чортъ показалъ имъ всѣ эти проходы и лазейки.

— Да, — вскричалъ рослый Турбакъ, — а если не чортъ сунулся въ это дѣло, то ужъ непремѣнно Іегофъ.

— Но, мнѣ кажется, — снова заговорилъ Юлленъ, — что трое, четверо сильныхъ молодцовъ могли бы сбить одинъ изъ этихъ постовъ.

— Это невозможно, они имѣютъ сообщеніе между собою, и, при первомъ же ружейномъ выстрѣлѣ, налетитъ на тебя цѣлый

полкъ, — отвѣчалъ Бренинъ. — Да къ тому же предположимъ даже, что удастся пробраться—какъ же пройти назадъ съ съѣстными припасами? На мои глаза это просто совершенно невозможно!

Нѣсколько минутъ они всѣ молчали.

— Ну, да что же, — сказалъ Турбакъ, — попробуемъ, если Юлленъ этого хочетъ.

— Что же мы станемъ пробовать-то?—спросилъ Бренинъ.— Дать отломать себѣ бока, чтобы убѣжать потомъ и оставить другихъ въ петлѣ, — это что ли намъ попробовать? Впрочемъ, мнѣ все равно: если всѣ пойдутъ, то я не отстану! Но если вы надѣетесь, что можно вернуться назадъ съ провизіею, — то я вамъ скажу, что это совершенно невозможно. Скажи-ка, Турбакъ, гдѣ ты проскользнешь и откуда вернешься назадъ? Тутъ дѣло не въ томъ, чтобы обѣщать, а въ томъ, чтобы исполнить. Если ты знаешь проходъ, укажи мнѣ его. Я уже 20 лѣтъ слоняюсь съ Маркомъ по этимъ горамъ и знаю всѣ дорожки, всѣ лазейки на десять миль въ окружности, — я знаю навѣрное, что пройти нигдѣ невозможно и остается только летѣть по воздуху.

Въ эту минуту Юлленъ повернулся и увидѣлъ тетушку Лефевръ, которая стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ и внимательно прислушивалась къ ихъ разговору.

— Такъ вы были здѣсь, Катерина? — сказалъ онъ. Ну, наши дѣла принимаютъ скверный оборотъ.

— Да, понимаю; нельзя достать новой провизіи.

— Провизіи, — сказалъ Бренинъ съ странной улыбкой; — а знаете ли вы, тетушка Лефевръ, на сколько времени у насъ хватитъ провизіи?

— Да недѣли на двѣ; — отвѣчала старуха.

— На недѣлю всего, — промолвилъ контрабандистъ, выколачивая золу изъ своей трубки.

— Да, это правда, — подтвердилъ Юлленъ. — Мы съ Маркомъ ожидали нападенія на Фалькенштейнъ, но никогда не могли представить, что имъ придетъ въ голову мысль осадить его, какъ крѣпость. Вотъ мы и ошиблись!..

— А что же мы станемъ дѣлать? — спросила, блѣдная какъ смерть, Катерина.

— Мы раздѣлимъ всякую порцію на двое. Если черезъ двѣ

недѣли Маркъ не достанетъ ничего, тогда намъ придется положить зубы на полку... тогда увидимъ, что будетъ!

И послѣ этихъ словъ Юлленъ, Катерина и контрабандисты пошли, понуря голову, назадъ въ пещеру. Они уже спускались внизъ, какъ вдругъ шагахъ въ 30 подъ собою они увидали Матерна, который, запыхавшись отъ усилій, взбирался вверхъ по обломкамъ скалы и цѣплялся за кусты, чтобы скорѣе дойти до мѣста.

— Ну, старина, — крикнулъ ему Жанъ-Клодъ, — что ты намъ скажешь новаго?

— А, ты здѣсь?.. А я тебя искалъ. Непріятельскій офицеръ подходитъ сюда по стѣнѣ стараго бурга; у него въ рукахъ бѣлое знамя, и онъ, кажется, хочетъ переговорить съ нами.

Юлленъ тотчасъ же отправился къ откосу скалы и, дѣйствительно, увидалъ нѣмецкаго офицера, который стоялъ на стѣнѣ и, повидимому, выжидалъ только знака, чтобы подойти и заговорить. Онъ стоялъ поодаль отъ пяти или шести вооруженныхъ солдатъ. Оглядѣвши эту группу, Жанъ-Клодъ обернулся и сказалъ:

— Это парламентеръ, и онъ, конечно, пришелъ увѣщевать насъ, чтобы мы сдались.

— Да пристрѣлите же его, — вскричала Катерина, — нечего съ нимъ переговариваться!

Всѣ другіе, повидимому, раздѣляли ея мнѣніе, но Юлленъ, не говоря ни слова, спустился на террасу, на которой находились всѣ остальные партизаны.

— Ребята, — сказалъ онъ, — враги прислали къ намъ парламентера. Мы не знаемъ, чего онъ отъ насъ хочетъ. Я полагаю, что онъ пришелъ требовать, чтобы мы сдались, но, впрочемъ, можетъ быть, онъ и не того хочетъ. Пусть Францъ и Каспперъ отправятся къ нему навстрѣчу, пусть завяжутъ ему глаза внизу подъ скалою и приведутъ его сюда.

Никто не возражалъ противъ этого, и сыновья Матерна, перекинувъ ружья черезъ плечо, отправились куда слѣдовало. Минуты черезъ двѣ оба рослые рыжіе охотника подошли къ офицеру; они обмѣнялись нѣсколькими словами и потомъ стали втроемъ взбираться на Фалькенштейнъ. По мѣрѣ того, какъ они приближались, можно было разглядѣть мундиръ парламентера и даже его лицо: это былъ худощавый мужчина съ свѣтлѣ-

русыми волосами, стройнымъ станомъ и рѣшительными движеніями. Подъ скалою Францъ и Касперъ завязали ему глаза и вскорѣ подъ сводомъ послышались ихъ шаги. Жанъ-Клодъ пошелъ къ нему навстрѣчу, самъ развязалъ платокъ и сказалъ:

— Вы желаете мнѣ сообщить что-нибудь; я буду слушать васъ.

Партизаны стояли шагахъ въ 15 отъ этой группы. Катерина Лефевръ стояла ближе всѣхъ и морщила брови; ея худое лицо, ея длинный, крючковатый носъ, длинныя пряди сѣдыхъ волосъ, разсыпавшихся въ безпорядкѣ по щекамъ и вискамъ, ея сжатыя губы и пристальный взглядъ, повидимому, привлекли на нее вниманіе нѣмецкаго офицера; потомъ онъ внимательно оглядѣлъ и нѣжное, блѣдное личико Луизы, стоявшей сзади старухи, и Жерома съ его длинною, рыжею бородою, закутаннаго въ суконный плащъ, и старика Матерна, опиравшагося на свое короткое ружье, и всѣхъ другихъ, и, наконецъ, высокій красный сводъ, который висѣлъ своею колоссальною гранитной массою надъ бездной и въ которомъ кое-гдѣ торчали засохшіе колючіе кусты. На лицѣ его, на минуту, отразилось удивленіе, когда онъ взглянулъ на Гексъ-Безель, которая стояла на самомъ краю скалы и высовывалась изъ-за спины Матерна, вытянувши шею и держа въ рукѣ свою метлу.

Онъ самъ былъ предметомъ всеобщаго вниманія. По его манерамъ, по продолговатому, нѣжному и смуглому лицу можно было узнать въ немъ аристократа: въ немъ была какая-то странная смѣсь мѣщанства и свѣтскости, въ немъ сказывались и служака, и дипломатъ.

Эта взаимная ревизія была покончена въ нѣсколько минутъ, и парламентеръ сказалъ на чистомъ французскомъ языкѣ:

— Я имѣю честь говорить съ комендантомъ Юлленомъ, не такъ ли?

— Да, — отвѣчалъ Жанъ-Клодъ.

Офицеръ сталъ оглядываться кругомъ и, повидимому, колебался.

— Говорите смѣло при всѣхъ, — вскричалъ Юлленъ, — пусть всѣ васъ слышатъ! Когда дѣло идетъ о чести отечества, тогда во Франціи нѣтъ лишнихъ людей, и женщинъ это касается такъ же близко, какъ и насъ. Вы имѣете порученія ко мнѣ? Потрудитесь прежде всего сказать, кто васъ прислалъ?

— Генералъ главнокомандующій. Вотъ въ чемъ заключается это порученіе.

— Извольте говорить, — мы васъ слушаемъ.

Офицеръ возвысилъ голосъ и сказалъ твердымъ тономъ:

— Позвольте мнѣ сказать вамъ прежде всего, комендантъ, что вы превосходно исполнили свою обязанность: вы принудили своихъ враговъ уважать васъ.

— Въ этомъ случаѣ, — сказалъ Юллен6, — нельзя сдѣлать ни больше, ни меньше, чѣмъ слѣдуетъ; мы сдѣлали все, что было возможно.

— Да, — сухо прибавила Катерина, — а такъ какъ наши враги уважаютъ насъ за это, такъ они будутъ еще больше уважать насъ дней черезъ восемь, или недѣли черезъ двѣ; вѣдь война еще не кончилась; мы еще покажемъ имъ свои силы.

Офицеръ оглянулся назадъ, онъ былъ изумленъ дикою энергіею, которая выразилась во взглядѣ старухи.

— Это благородныя чувства, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія; но человѣчность имѣетъ свои права, и проливать кровь безъ всякой цѣли, — значитъ дѣлать зло ради зла.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы пришли въ нашу страну? — закричала Катерина пронзительнымъ голосомъ. — Убирайтесь вонъ, и мы тоже оставимъ васъ въ покоѣ.

Потомъ она прибавила:

— Вы ведете войну, какъ разбойники: вы воруете, грабите, жжете! Васъ всѣхъ стоило бы вздернуть на висѣлицу или для примѣра другимъ слѣдовало бы васъ сбросить съ этой скалы!

Офицеръ поблѣднѣлъ, потому что ему показалось, что старуха способна выполнить свою угрозу; впрочемъ, онъ почти тотчасъ же успокоился и возразилъ твердымъ тономъ:

— Я знаю, что казаки подожгли ферму, которая видна съ этой скалы; это грабители, которыхъ бываетъ много во всякой арміи, и этотъ одиночный случай вовсе не доказываетъ, что въ нашихъ войскахъ нѣтъ дисциплины. Французскіе солдаты поступали еще хуже въ Германіи и особенно въ Тиролѣ; грабить и поджигать деревни было имъ мало, они безпощадно разстрѣливали всѣхъ горцевъ, которыхъ подозрѣвали въ томъ, что они вооруженною рукою защищали свою родину. Мы могли бы отплачивать тѣмъ же самымъ, мы имѣемъ на это право, — но мы не варвары; поэтому мы понимаемъ все величіе и благородство

патріотизма, даже въ самыхъ печальныхъ его проявленіяхъ. Къ тому же мы воюемъ не съ французскимъ народомъ, а съ императоромъ Наполеономъ. Поэтому, узнавши о поведеніи казаковъ, генералъ публично осудилъ эти вандальскіе поступки и рѣшилъ, кромѣ того, что собственникамъ фермы будетъ выдано вознагражденіе...

— Ничего я не хочу отъ васъ, — я хочу остаться съ перенесенной несправедливостью... и хочу мстить!

По тону старухи парламентеръ понялъ, что ей невозможно ничего втолковать и что возражать ей даже опасно. Поэтому онъ обратился къ Юллену и сказалъ ему:

— Комендантъ, мнѣ поручено предложить вамъ военныя почести, если вы согласитесь сдаться; у васъ нѣтъ съѣстныхъ припасовъ, — мы это знаемъ. Черезъ нѣсколько дней вамъ все равно придется сложить оружіе. Только одно уваженіе, которое чувствуетъ къ вамъ генералъ, заставило его предложить вамъ такія почетныя условія. Дальнѣйшее сопротивленіе не привело бы ни къ чему. Дононъ въ нашихъ рукахъ, отрядъ нашихъ войскъ вступилъ въ Лотарингію. Исходъ кампаніи рѣшится не здѣсь, стало быть вамъ и нѣтъ даже никакой выгоды отстаивать безполезный пунктъ. Мы хотимъ избавить васъ отъ ужасовъ голодной смерти, которая неминуемо грозитъ вамъ на этой скалѣ. Итакъ, комендантъ, рѣшайте!

Юллень обратился къ партизанамъ и просто сказалъ:

— Вы слышали... Я отказываюсь; но я подчинюсь, если всѣ примутъ предложенія враговъ.

— Мы отказываемся! — сказалъ Жеромъ.

— Да, да, всѣ, — подтвердили другіе.

Непреклонная Катерина Лефевръ взглянула въ эту минуту на Луизу и была глубоко тронута: она взяла ее за руку и сказала, обращаясь къ парламентеру:

— Съ нами здѣсь дѣвушка; неужели нѣтъ возможности отослать ее въ Савернъ къ нашимъ родственникамъ?

Но какъ только Луиза услыхала эти слова, она бросилась въ объятія Юллена и съ какимъ-то ужасомъ сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, я хочу остаться съ вами, батюшка Жанъ-Клодъ, я хочу умереть съ вами!

— Хорошо, сударь, — сказалъ поблѣднѣвшій Юллень; — ступайте, разскажите вашему генералу все то, что вы видѣли.

передайте ему, что Фалькенштейнъ останется въ нашихъ рукахъ до послѣдней капли нашей крови! Касперъ, Францъ, проводите парламентера.

Офицеръ какъ будто колебался; но пока онъ собирался возразить, Катерина, позеленѣвшая отъ злости, вскричала:

— Ступайте, ступайте!.. Намъ еще не такъ плохо, какъ вы думаете. Этотъ разбойникъ Іегофъ сказалъ вамъ, что у насъ нѣтъ припасовъ, но у насъ ихъ хватитъ на два мѣсяца, а черезъ два мѣсяца наша армія истребитъ васъ. Измѣнникамъ не всегда будетъ житье. Горе вамъ!

Она оживлялась все больше и больше, и потому парламентеръ счелъ болѣе осторожнымъ удалиться. Онъ повернулъ къ своимъ провожатымъ, которые надѣли на него повязку и довели до подошвы Фалькенштейна.

Распоряженіе Юллена касательно съѣстныхъ припасовъ было исполнено въ тотъ же день: каждый получилъ полпорціи на день. Къ пещерѣ, въ которой лежала провизія, былъ приставленъ часовой; дверь была заколочена, и Жанъ-Клодъ рѣшилъ, что раздача будетъ происходить при всѣхъ, чтобы не было никакихъ несправедливостей; но всѣ эти предосторожности не могли предохранить несчастныхъ отъ всѣхъ ужасовъ голода.

XXV.

Прошло три дня съ тѣхъ поръ, какъ припасы окончательно истощились на Фалькенштейнѣ, а объ Маркѣ Дивесѣ не было ни слуху, ни духу. Сколько разъ въ эти долгіе дни смертельныхъ мученій ополченцы обращали свои взоры къ Пфальцбургу! Сколько разъ они начинали прислушиваться, сколько разъ, когда вѣтеръ шумѣлъ въ кустахъ, чудилось имъ, что раздаются шаги контрабандиста!

Девятнадцатый день, прожитый партизанами на Фалькенштейнѣ, прошелъ въ мученіяхъ голода. Они уже перестали говорить: сидя на землѣ, исхудалые и истомленные, они были погружены въ какое-то мертвенное оцѣпенѣніе. Подчасъ они глядѣли другъ на друга сверкающими глазами, точно собирались растерзать другъ друга; потомъ снова впадали они въ болѣзненно-спокойное состояніе.

Когда воронъ Іегофа, перелетая съ вѣтки на вѣтку, подле-

талъ къ этому убѣжищу отчаянія, старикъ Матернъ поднималъ ружье и цѣлялся; но зловѣщая птица тотчасъ съ громкимъ карканьемъ быстро уносилась въ сторону, и безсильная рука стараго охотника опускалась опять. Но несчастные страдали не отъ одного только голода и истощенія силъ! Когда кто-нибудь изъ нихъ начиналъ говорить, онъ принимался обвинять другихъ и угрожалъ имъ.

— Не трогайте меня! — кричала Гексъ-Безель дикимъ, пискливымъ голосомъ на тѣхъ, кто смотрѣлъ на нее.—Не смотрите на меня, не то я начну кусаться!

Луиза бредила; вмѣсто дѣйствительныхъ предметовъ ея большіе голубые глаза видѣли какія-то тѣни, рѣявшія по площадкѣ, носившіяся среди кустовъ и опускавшіяся на старую башню.

— Вотъ припасы, — говорила она.

Тогда всѣ другіе злились на бѣдную дѣвушку, приходили въ бѣшенство и кричали, что она издѣвается надъ ними и что ей будетъ плохо!

Одинъ только Жеромъ былъ еще совершенно покоенъ; но, благодаря огромному количеству снѣга, который онъ глоталъ, чтобы заглушить страшную боль въ кишкахъ, все тѣло и исхудалое лицо были покрыты холоднымъ потомъ.

Докторъ Лоркенъ обвязалъ себѣ платокъ вокругъ таліи, и стягивалъ его все туже и туже, увѣряя, что онъ такимъ образомъ успокаиваетъ свой желудокъ. Онъ сидѣлъ, закрывши глаза и прислонясь къ башнѣ. Подчасъ онъ открывалъ глаза и говорилъ:

— Вотъ это первый періодъ... теперь наступаетъ второй.. теперь третій. Еще денекъ и все будетъ кончено!

Потомъ онъ принимался толковать о другихъ, объ Одинѣ, Брамѣ, Пиеагорѣ, приводилъ греческія и латинскія цитаты и объявлялъ, что въ скоромъ времени Гербергцы превратятся въ волковъ, лисицъ, и всякихъ другихъ звѣрей.

— Я сдѣлаюсь львомъ, — кричалъ онъ; — я стану ѣсть по 15 фунтовъ говядины въ день!

Потомъ, спохватившись, онъ говорилъ.

— Нѣтъ, я хочу быть человѣкомъ; я стану проповѣдывать миръ, братство, справедливость! О! Друзья мои, — продолжалъ онъ, — мы страдаемъ по своей же винѣ. Что мы дѣлали по ту сторону Рейна въ послѣднія 10 лѣтъ? Съ какого права мы хотѣли распорядиться этими народами? Зачѣмъ мы не обмѣни-

вались съ ними нашими идеями, чувствами, произведеніями нашихъ искусствъ, нашей промышленности? Зачѣмъ мы не были въ отношеніи къ нимъ братьями, а старались поработить ихъ? Насъ принимали хорошо! Какъ они должно быть страдали, эти несчастные, въ эти 10 лѣтъ насилій и грабежей! Теперь они мстятъ... и это справедливо!.. Да падетъ небесное проклятіе на тѣхъ злодѣевъ, которые поселяютъ между народами раздоръ, чтобы легче было порабощать ихъ!

Послѣ этихъ восторженныхъ словъ онъ въ изнеможеніи опускался на землю у стѣны башни и шепталъ:

«Хлѣба... о, только кусочекъ хлѣба!»

Сыновья Матерна сидѣли въ кустахъ и, держа ружья наготовѣ, словно ждали, что пролетитъ дичь, которой все не было, да не было; только мысль о вѣчности поддерживала ихъ угасавшія силы.

Нѣкоторые, скорчившись, лежали на землѣ и дрожали всѣмъ тѣломъ: ихъ била лихорадка; они обвиняли Жана-Клода въ томъ, что онъ привелъ ихъ на Фалькенштейнъ.

Юлленъ обнаруживалъ нечеловѣческую силу характера и ходилъ взадъ и впередъ, молча слѣдя за всѣмъ, что происходило въ долинѣ.

Подчасъ онъ подходилъ къ краю скалы и, скрежеща зубами, съ сверкающими глазами глядѣлъ на Іегофа, который сидѣлъ у большого костра, на площадкѣ фермы «Дубоваго Лѣса», окруженный отрядомъ казаковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы заняли Шармскую долину, юродивый не сходилъ съ этого мѣста: сидя тамъ, онъ будто наблюдалъ за медленною смертью своихъ жертвъ.

А надъ несчастными разстилалась необъятная лазурь неба. Умирать съ голоду взаперти, въ душной тюрьмѣ, конечно, ужасно, но умирать такимъ образомъ подъ солнечнымъ свѣтомъ, яснымъ небомъ, въ богатой, населенной странѣ, среди окружающаго изобилія природы, — это такая пытка, которую невозможно выразить. Въ пятомъ часу этого 19-го дня небо стало хмуриться; большія, сѣрыя тучи стали надвигаться изъ-за снѣжныхъ вершинъ Гроссмана; солнце, красное какъ раскаленное ядро, бросало свои послѣдніе, блестящіе лучи на туманную даль. На скалѣ наступила глубокая тишина; Луиза словно за-

мерла; Касперъ и Францъ лежали неподвижно въ кустахъ какъ камни.

Катерина Лефевръ сидѣла на землѣ, обхвативъ свои костлявыя колѣна исхудалыми руками; ея строгія, рѣзкія черты, сѣдые волосы, разсыпавшіеся по ея синевато-блѣдному лицу, тревожный взглядъ и стиснутыя губы, — словомъ вся ея фигура сильно смахивала на вдохновенную сивиллу, сидящую среди дикаго лѣса. Она уже перестала говорить.

Въ этотъ вечеръ Юленъ, Жеромъ, докторъ Лоркенъ, старикъ Матернъ сошлись вокругъ старой фермерши, чтобы умереть вмѣстѣ съ нею. Всѣ они молчали, и послѣдній свѣтъ сумерекъ падалъ на эту черную группу. Направо, за выступомъ скалы, въ безднѣ свѣтились кое-гдѣ огни, зажженные нѣмцами. Всѣ молчали, но вдругъ старуха, очнувшись отъ своего глубокаго оцѣпенѣнія, промолвила шопотомъ нѣсколько словъ:

— А, вотъ Дивесъ идетъ!—говорила она тихимъ голосомъ.— Я его вижу... онъ выходитъ изъ калитки, направо отъ арсенала... Гаспаръ идетъ за нимъ... и...

Она принялась медленно считать:

— 250 человѣкъ... — промолвила она; — національные гвардейцы и солдаты... Они переходятъ черезъ ровъ... проходятъ по скатамъ... Гаспаръ заговорилъ съ Маркомъ... Что-то онъ говоритъ ему?

Она стала прислушиваться:

— «Поспѣшимъ!» — Да, да, спѣшите!.. Время не терпитъ... Вотъ они вышли на дорогу!

Наступило долгое молчаніе; потомъ старуха вдругъ выпрямилась во весь ростъ, вытянула руки и съ всклокоченными волосами, съ широко раскрытымъ ртомъ завопила страшнымъ голосомъ:

— Смѣлѣй, смѣлѣй! Бейте, рѣжьте ихъ! Ха, ха, ха!

Она тяжело грохнулась на землю.

Этотъ ужасный крикъ перебудилъ всѣхъ; отъ него проснулись бы и мертвецы. Осажденные какъ будто ожили. Что-то словно оживило ихъ: что это было,—не то надежда, не то жизнь, но то смерть? Я, право, не знаю; но всѣ поползли на четверенькахъ, какъ дикіе звѣри, сдерживая дыханіе, чтобы лучше слышать. Даже Луиза тихонько зашевелилась и подняла голову. Францъ и Касперъ ползли на колѣняхъ; и странное дѣло, глядя

въ темнотѣ по направленію къ Пфальцбургу, Юллену казалось, что тамъ идетъ перестрѣлка и происходитъ вылазка.

Катерина опять усѣлась на прежнее мѣсто; но ея лицо, за минуту неподвижное, какъ алебастровая маска, стало судорожно подергиваться; глаза ея снова приняли задумчивое выраженіе. Всѣ другіе стали прислушиваться: можно было подумать, что они ждутъ отъ нея жизни или смертнаго приговора. Прошло съ полчаса; потомъ старуха медленно заговорила:

— Они прошли сквозь непріятельскіе ряды... Они бѣгутъ къ Люцтельбургу... Я вижу ихъ... Гаспаръ и Дивесъ идутъ впереди съ Демаре, Ульрихомъ, Веберомъ и нашими городскими друзьями... Они идутъ!.. Идутъ!..

Она опять смолкла. Долго всѣ прислушивались, но видѣніе исчезло. А секунды за секундами тянулись, словно вѣка, и вдругъ Гексъ-Безель заговорила своимъ визгливымъ голосомъ:

— Она съума сошла!.. Ничего она не видала. Маркъ... вѣдь ужъ я его знаю! Очень мы всѣ ему нужны! Какое ему дѣло до того, что мы тутъ издыхаемъ! Ему только была бы бутылка вина, да колбаса, да чтобы никто не мѣшалъ ему сидѣть передъ печкой да курить трубку, — а остальное все ему хоть трава не расти. О, разбойникъ!

Тогда все снова смолкло, и несчастные, оживленные на минуту надеждою на близкое избавленіе, впали опять въ прежнее отчаяніе.

— Это все сонъ,—думали они;—Гексъ-Безель права. Мы осуждены на голодную смерть!

Наступила ночь; когда луна выглянула изъ высокаго сосняка и освѣтила печальную группу осажденныхъ, Юлленъ одинъ только не спалъ: его томила лихорадка. Далеко, далеко, въ ущельяхъ, раздавался крикъ нѣмецкихъ часовыхъ: «Кто идетъ, кто идетъ!» Бивуачные патрули бродили по лѣсу; изъ пикетовъ доносилось пронзительное ржаніе лошадей, ихъ топотъ, крики сторожей. Но около полуночи и Юлленъ тоже заснулъ. Когда онъ проснулся, въ Шармѣ пробило четыре часа. При этихъ далекихъ дрожащихъ звукахъ, онъ вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія, открылъ глаза, безсознательно оглядѣлся кругомъ, стараясь собраться съ мыслями, и вдругъ его освѣтило мерцаніе факеловъ; онъ испугался и сказалъ про себя: «Неужели я съ ума сошелъ? Ночь совсѣмъ темная, а мнѣ мерещатся факелы!»

А между тѣмъ пламя снова блеснуло; онъ опять сталъ вглядываться и на нѣсколько мгновеній закрылъ глаза, прикрывъ руками свое исхудалое лицо. Наконецъ, онъ снова рѣшился взглянуть туда же и ясно различилъ огонь на Жироманѣ, по ту сторону Бланру; огонь этотъ озарялъ небо своимъ краснымъ свѣтомъ, и отъ него дрожали на снѣгу тѣни сосенъ. Юлленъ вспомнилъ, что этотъ сигналъ долженъ былъ подать Піереттъ въ случаѣ нападенія; онъ весь задрожалъ, на лицѣ его выступилъ холодный потъ; онъ сталъ бродить впотьмахъ, ощупью, какъ слѣпой, и, протянувъ руки, заговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Катерина... Луиза... Жеромъ!..

Но никто не откликнулся ему; несчастный еще потоптался на мѣстѣ, не сдѣлавъ ни шагу впередъ, пошарилъ вокругъ себя и, наконецъ, упалъ съ крикомъ:

— Ребята!.. Катерина!.. Идутъ!.. Мы спасены!..

Тотчасъ послышался глухой говоръ; можно было подумать, что мертвецы встаютъ. Раздался чей-то рѣзкій смѣхъ: смѣялась Гексъ-Безель, рехнувшаяся отъ страданій. Потомъ Катерина вскричала:

— Юлленъ! Юлленъ! Кто говорилъ?..

Жанъ-Клодь уже нѣсколько успокоился и заговорилъ болѣе твердымъ голосомъ:

— Жеромъ, Катерина, Матернъ, и вы всѣ, неужели вы всѣ померли? Неужели вы не видите этого огня тамъ, около Бланру? Вѣдь это Піереттъ идетъ къ намъ на выручку!

И въ эту минуту глухой залпъ, словно шумъ бури, загрохоталъ въ ущельяхъ Іегерталя. Труба страшнаго суда не произвела бы на осажденныхъ такого впечатлѣнія; вдругъ всѣ проснулись:

— Это Піереттъ, это Маркъ,—кричали глухіе, разбитые голоса, голоса скелетовъ,— къ намъ идутъ на помощь!

И несчастные старались приподняться: нѣкоторые рыдали, но слезъ у нихъ уже не было. При второмъ залпѣ всѣ они вскочили на ноги.

— Это перестрѣлка!—вскричалъ Юлленъ.—Наши тоже стрѣляютъ, къ намъ идутъ линейные солдаты! — Да здравствуетъ Франція.

— Да,— отвѣчалъ Жеромъ, —тетушка Катерина была права, пфальцбургцы идутъ къ намъ на помощь: они спускаются съ Саррскаго холма; а вотъ теперь Пиреттъ бросился на непріятелей изъ Бланру.

И дѣйствительно, перестрѣлка завязалась заразъ съ двухъ сторонъ, возлѣ площадки «Дубоваго Лѣса» и на высотахъ Кильбери.

Тогда оба начальника обнялись; было совершенно темно, и они ощупью старались добраться до окраины скалы, но вдругъ Матернъ крикнулъ имъ:

— Берегитесь, вы стоите надъ пропастью.

Они остановились и взглянули внизъ, но ничего нельзя было разсмотрѣть. Только струя холоднаго воздуха, поднимавшагося изъ бездны, предупреждала о грозящей опасности. Всѣ окрестныя вершины и ущелья были погружены въ глубокій мракъ. Огонь перестрѣлки, словно молнія, мелькалъ по противоположному косогору и освѣщалъ то старый дубъ, то темный обрывъ скалы, то часть лѣса, то группы людей, ходившихъ взадъ и впередъ, какъ на пожарѣ. Въ глубинѣ ущелья, на двѣ тысячи футовъ подъ ними, раздавался глухой гулъ, конскій топотъ, крики и команда офицеровъ. Подчасъ до Фалькенштейна, словно вздохъ, доносился по всѣмъ вершинамъ протяжный крикъ: «Эй, эй, эй!»

— Это Маркъ,—говорилъ Юлленъ,—это голосъ Марка.

— Да, это Маркъ; онъ хочетъ ободрить насъ,—отвѣчалъ Жеромъ.

Всѣ другіе, сидя возлѣ нихъ на землѣ, уцѣпившись за скалу руками и втянувши шеи, глядѣли внизъ. Горячая перестрѣлка все продолжалась, слышно было, что кипитъ ожесточенная борьба, но разглядѣть невозможно было ничего. Съ какимъ наслажденіемъ несчастные кинулись бы въ этотъ рѣшительный бой! Съ какою силою они стали бы драться! Боязнь, что ихъ опять оставятъ на произволъ судьбы, что на зарѣ ихъ защитники обратятся въ бѣгство, наводила на нихъ ужасъ. Всѣ молчали. Начинало свѣтать; сѣроватый утренній свѣтъ начиналъ охватывать темныя вершины; наконецъ, лучи стали скользить по мрачнымъ долинамъ; прошло полчаса, и засеребрился туманъ, носившійся надъ бездною. Юлленъ взглянулъ внизъ и увидалъ, наконецъ, все, что происходило: нѣмцы были сбиты съ высотъ Вальтена и съ площадки «Дубоваго Лѣса». Они собрались въ

кучу въ Шармской долинѣ, у подошвы Фалькенштейна, на полугорѣ, чтобы укрыться отъ выстрѣловъ своихъ противниковъ. Піереттъ, овладѣвшій «Дубовымъ Лѣсомъ», прорубилъ деревья на склонѣ къ Шарму. Онъ ходилъ взадъ и впередъ съ трубкою въ зубахъ, сдвинувъ шапку набекрень и перекинувъ ружье черезъ плечо. Сипіе топоры дровосѣковъ блестѣли подъ лучами восходящаго солнца. Налѣво отъ деревни, на Вальтенскомъ холмѣ, между кустами можно было разглядѣть Марка; онъ сидѣлъ верхомъ на маленькой вороной лошадкѣ съ длиннымъ хвостомъ и, держа саблю въ рукѣ, указывалъ на развалины и на дорогу. Пѣхотный офицеръ и нѣсколько національныхъ гвардейцевъ въ синихъ мундирахъ слушали его. Гаспаръ Лефевръ стоялъ одинъ впереди этой группы и глубоко задумался, опершись на свое ружье. Глядя на его фигуру, можно было угадать, съ какою отчаянной рѣшимостью будетъ онъ дѣйствовать въ минуту сраженія. Наконецъ, около лѣса, на самой вершинѣ холма, стояло въ стройныхъ рядахъ человѣкъ 200 или 300; всѣ они были съ оружіемъ въ рукахъ и тоже глядѣли на Фалькенштейнъ. При видѣ незначительнаго числа своихъ защитниковъ у осажденныхъ болѣзненно сжалось сердце: нѣмцевъ было въ семь или восемь разъ больше, и они строились въ двѣ колонны, чтобы броситься на приступъ и отбить потерянныя мѣста. Генералъ ихъ разсылалъ во всѣ стороны гонцовъ съ приказаніями. Штыки заколыхались и двинулись впередъ.

— Ну, все пропало,—сказалъ Юлленъ, обращаясь къ Жерому.—Что же сдѣлаютъ 500 или 600 человѣкъ противъ 4000 регулярнаго войска! Пфальцбургцы уйдутъ домой и скажутъ: «Мы исполнили свой долгъ». А Піереттa просто задавятъ.

Точно также думали и всѣ другіе; но отчаяніе ихъ дошло до высшей степени, когда они увидали, что по Шармской долинѣ во весь опоръ несется цѣлый отрядъ казаковъ подъ предводительствомъ Іегофа, скакавшаго во весь духъ: его борода, хвостъ его лошади, собачья шкура и рыжіе волосы, все развѣвалось по вѣтру. Глаза его были устремлены на скалу, и онъ махалъ копьемъ надъ головою. Прискакавъ въ долину, онъ помчался прямо къ непріятельскому главному штабу; остановившись противъ генерала, онъ сталъ дѣлать какіе-то знаки и указывалъ на противоположную сторону площадки «Дубоваго Лѣса».

— Вотъ такъ разбойникъ!—вскричалъ Юлленъ.—Посмот-

рите, онъ говоритъ, что у Піеретта съ той стороны нѣтъ просѣкъ, и что надо обойти кругомъ горы.

И дѣйствительно, одна колонна тотчасъ же пошла въ ту сторону, а другая двинулась къ просѣкамъ, чтобы замаскировать движеніе первой.

— Матеръ,—закричалъ Жанъ-Клодъ,—нельзя ли пристрѣлить этого блаженнаго!

Старый охотникъ покачалъ головою.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—никакъ невозможно; онъ стоитъ слишкомъ далеко.

Въ эту минуту Катерина закричала дикимъ голосомъ, словно ястребъ:

— Раздавимъ ихъ, раздавимъ ихъ какъ на Блюменфельдѣ!..

И эта слабая старуха, изнемогавшая передъ этимъ за минуту, бросилась на обломокъ скалы и схватила его обнаженными руками, потомъ съ распущенными волосами, стиснутыми губами, искаженнымъ лицомъ и изогнутымъ туловищемъ она твердыми шагами подошла прямо къ пропасти, и огромный осколокъ полетѣлъ по воздуху, описывая огромную дугу.

Внизу раздался страшный грохотъ, сосновыя вѣтви полетѣли во всѣ стороны; потомъ, пролетѣвъ сто шаговъ, громадный камень отскочилъ и съ новой силой еще быстрѣе покатился подъ гору и, наконецъ, всею своею тяжестью рухнулъ на Іегофа, который упалъ къ ногамъ непріятельскаго генерала. Все это произошло въ нѣсколько секундъ.

Стоя на краю пропасти, выпрямившись во весь ростъ, Катерина разразилась дикимъ продолжительнымъ смѣхомъ. И всѣ другія, всѣ эти живыя тѣни бросились къ обломкамъ стараго бурга, точно кто-нибудь вдохнулъ въ нихъ новую жизнь, и раздался крикъ:

— Смерть врагамъ, задавимъ ихъ какъ на Блютфельдѣ!

Никто не забудетъ такой страшной сцены. Эти исхудалые, изсохшіе, какъ скелеты, люди, стоявшіе одною ногою въ могилѣ, почувствовали въ себѣ вдругъ необыкновенную силу для борьбы. Они не спотыкались, они не шатались больше; каждый изъ нихъ бралъ камень и изъ всѣхъ силъ бросалъ его въ пропасть; потомъ летѣлъ туда же и другой камень, и никто даже не глядѣлъ на то, что происходило внизу.

Представьте же себѣ теперь изумленіе австрійцевъ, когда

на нихъ посыпался этотъ градъ обломковъ и камней. Заслышавъ стукотню камней, скакавшихъ по скалѣ другъ за другомъ, ломавшихъ по дорогѣ кусты и деревья, всѣ обернулись назадъ и съ минуту простояли точно ошеломленные; но когда они подняли глаза кверху и увидѣли, что камни постоянно катились и катились, что надъ ними живыя привидѣнія ходили и возвращались назадъ, поднимали руки, бросали огромные камни и снова уходили за ними, когда они увидали, что одинъ мѣткій ударъ сваливалъ съ ногъ ряды въ 20 и 15 человѣкъ, тогда надъ Шармекою долиною вплоть до самаго Фалькенштейна пронесся страшный крикъ, и, несмотря на голосъ начальниковъ, несмотря на перестрѣлку, закипѣвшую справа и слѣва, всѣ нѣмцы смѣшались и побѣжали, чтобы уйти отъ этой ужасной смерти.

Однако, несмотря на все смятеніе бѣгства, непріятельскому генералу удалось собрать вокругъ себя батальонъ, и онъ сталъ медленно спускаться къ деревнѣ: въ этомъ человѣкѣ, сохранявшемъ свое спокойствіе, несмотря на несчастіе, было что-то величественное и внушавшее уваженіе. Подчасъ онъ съ мрачнымъ выраженіемъ лица оглядывался назадъ и смотрѣлъ на валявшіеся остатки камней, которые оставляли за собою кровавый слѣдъ въ его колоннѣ.

Жанъ-Клодъ слѣдилъ за нимъ и, несмотря на упоеніе торжества, несмотря на увѣренность, что они спасены отъ голодной смерти, старый солдатъ невольно поддался чувству удивленія.

— Смотри-ка, — сказалъ онъ Жерому, — онъ поступаетъ, какъ мы, когда мы возвращались съ Донона и Гроссмана; онъ остается послѣдній и отступаетъ медленно шагъ за шагомъ. А, право, во всякой странѣ есть хорошіе люди.

Маркъ Дивесъ и Піереттъ, бывшіе свидѣтелями этого счастливаго оборота дѣла, спускались въ это время по сосняку и пытались отрѣзать непріятельскому генералу отступленіе, но это имъ не удалось. Наполовину уничтоженный батальонъ выстроился въ карре позади деревни Шармъ и медленно отступалъ по Саррской долинѣ, останавливаясь подчасъ, какъ раненый кабанъ, который отражаетъ нападенія своры собакъ, когда люди Піеретта или пфальцбургцы наступали на него слишкомъ близко.

Такъ кончилась большая Фалькенштейнская битва, извѣстная въ горахъ подъ именемъ «Битвы Скалъ».

XXVI.

Часовъ въ восемь битва кончилась, и тотчасъ же на Фалькенштейнъ взобрались Маркъ Дивесъ, Гаспаръ и человѣкъ 30 горцевъ съ свѣжими припасами. Но что же они увидѣли наверху! Всѣ осажденные лежали на землѣ и будто замерли. Какъ ни расталкивали ихъ, какъ ни кричали имъ въ ухо: «Жанъ-Клодъ! Катерина! Жеромъ!», они не отвѣчали. Когда Гаспаръ Лефевръ увидѣлъ, что его мать и Луиза лежатъ неподвижно съ стиснутыми зубами, онъ объявилъ Марку, что намѣренъ застрѣлиться, если онѣ не оживутъ. Маркъ отвѣчалъ, что онъ воленъ дѣлать, что хочетъ, но что онъ, Маркъ, не станетъ стрѣляться изъ-за Гексъ-Безель. Наконецъ, когда старикъ Колонъ поставилъ на камень корзинку съ провизіею, Касперъ Матернъ вдругъ засопѣлъ, открылъ глаза и, видя провизію, защелкалъ зубами, какъ загнанная лисица. Тогда поняли, въ чемъ дѣло, и Маркъ Дивесъ, переходя отъ одного къ другому, подносилъ имъ къ носу свою фляжку съ виномъ, и этого было довольно, чтобы оживить ихъ. Они хотѣли проглотить все заразъ; но, несмотря на мучившій ихъ голодъ, докторъ Лоркенъ еще настолько помнилъ себя, что посовѣтовалъ Марку не слушать ихъ и объявилъ ему, что малѣйшее разстройство желудка кончится смертью. Потому всякому дали по ломтю хлѣба, по яйцу и по рюмкѣ вина, что быстро подкрѣпило и оживило ихъ; потомъ Катерину, Луизу и другихъ уложили на носилки, и всѣ спустились внизъ въ деревню.

Невозможно изобразить восторгъ и умиленіе, съ которымъ несчастные осажденные, худые, какъ вставшій изъ гроба Лазарь, были встрѣчены своими друзьями. На нихъ не могли наглядѣться, ихъ обнимали, цѣловали, и когда приходилъ кто-нибудь изъ Дагсбурга, Сенъ-Квирина, Абрешвиллера, трогательныя сцены начинались снова.

Марку Дивесу пришлось разсказать разъ 20 исторію своего путешествія въ Пфальцбургъ. Храброму контрабандисту не посчастливилось: избавившись какимъ-то чудомъ отъ австрійскихъ пуль, онъ наткнулся въ Шпарцпродской долинѣ на шайку казаковъ, которые дочиста обобрали его. Потомъ, въ продолженіе двухъ недѣль ему пришлось бродить вокругъ русскихъ

постовъ, окружавшихъ городъ, пришлось прятаться отъ выстрѣловъ часовыхъ, 20 разъ подвергаться опасности, что его схватятъ, какъ шпіона; но, наконецъ, ему удалось пробраться въ городъ. Комендантъ Менье увѣрялъ, что его гарнизонъ слишкомъ малъ, и сначала отказалъ наотрѣзъ во всякой помощи, и только благодаря настоятельнымъ просьбамъ горожанъ онъ, наконецъ, согласился послать двѣ роты. Слушая этотъ разсказъ, горцы удивлялись храбрости Марка и его неустрашимости въ опасностяхъ.

— Ну, такъ что же!—весело отвѣчалъ неустрашимый широкоплечій контрабандистъ тѣмъ, которые расхваливали его.— Я только исполнилъ свою обязанность; развѣ я могъ оставить своихъ товарищей и дать имъ умереть. Я знаю, что не легко мнѣ это досталось; эти разбойники казаки хитрѣе таможенныхъ приставовъ: они все пронюхаютъ за цѣлую милю, точно вороны; но все равно, и мы же ихъ тоже обошли.

Черезъ пять или шесть дней всѣ встали на ноги. Капитанъ Видаль изъ Пфальсбурга оставилъ на Фалькенштейнѣ 25 человѣкъ, чтобы стеречь порохъ; въ числѣ ихъ находился Гаспаръ Лефевръ, и молодой парень каждое утро отправлялся въ деревню. Союзники всѣ ушли въ Лотарингію; въ Эльзасѣ они оставались только около укрѣпленныхъ пунктовъ. Вскорѣ разнесся слухъ о побѣдахъ при Оберѣ и Монмиралѣ; но настала година великаго несчастья; несмотря на геройство нашей арміи и геній императора, союзники вторглись въ Парижъ.

Это было страшнымъ ударомъ для Жанъ-Клода, Катерины, Жерома и всѣхъ горцевъ; но разсказъ объ этихъ событіяхъ не входитъ въ нашу исторію; эти вещи были разсказаны другими.

Весною, когда былъ заключенъ миръ, отстроили ферму «Дубоваго Лѣса» заново; плотники, каменщики, пильщики, словомъ всѣ сосѣди-мастеровые потрудились надъ этой постройкой.

Около того же времени армію распустили, Гаспаръ сбрилъ свои усы и обвѣнчался съ Луизой.

Въ этотъ день собрались всѣ, сражавшіеся на Фалькенштейнѣ и Дононѣ, а на фермѣ для нихъ были настежь отворены двери и даже окна. Каждый принесъ молодымъ по подарку: Жеромъ подарилъ Луизѣ маленькіе башмачки, Матернъ и его

сыновья принесли глухаря, самую вкусную изъ птицъ; Дивесъ подарилъ Гаспару нѣсколько пачекъ контрабандиаго табаку, а докторъ Лоркенъ—цѣлое приданое для будущаго ребенка.

Столы были накрыты даже въ ригахъ и подъ навѣсомъ. Не умѣю сказать, сколько въ этотъ день было выпито вина, съѣдено хлѣба, говядины, пироговъ и всякихъ другихъ кушаньевъ; знаю я только, что Жанъ-Клодь, хмурившійся съ самаго вступленія союзниковъ въ Парижъ, оживился въ этотъ день и запѣлъ свою любимую старую пѣсенку такъ же весело, какъ пѣвалъ ее, когда отправлялся съ ружьемъ черезъ плечо подъ Вальми, Жемаппъ и Флерусъ. На Фалькенштейнѣ эхо вторило этой патріотической пѣснѣ, которая неслась вдаль по горамъ: это была самая благородная, самая величественная изъ всѣхъ пѣсенъ, которыя человѣкъ когда-либо пѣлъ подъ открытымъ небомъ. Катерина Лефевръ била тактъ по столу своимъ пожомъ, и если правда, какъ утверждаютъ многіе, что мертвецы приходятъ слушать, что про нихъ говорятъ, то наши, вѣроятно, остались довольны, а Бубновый король, конечно, злился и щипалъ свою рыжую бороду.

Около полуночи Юллень всталъ и, обращаясь къ новобрачнымъ, сказалъ имъ:

— У васъ будутъ славныя дѣти; я ихъ буду носить на рукахъ, научу ихъ пѣть нашу старую пѣсню, а потомъ отправлюсь за стариками!

Сказавши это, онъ обнялъ Луизу и рука объ руку съ Маркомъ Дивесомъ и Жеромомъ отправился въ свой домикъ, въ сопровожденіи всѣхъ гостей, которые пѣли хоромъ веселую пѣсню.

Ночь была чудная, миріады звѣздъ горѣли на темной лазури яснаго неба; кусты, тамъ внизу подъ горою, гдѣ было похоронено столько честныхъ людей, тихонько трепетали. Всѣ были тронуты, всѣмъ было отрадно на душѣ. Дойдя до порога домика, они пожали другъ другу руки и распрощались; и всѣ разошлись по своимъ деревнямъ: кто направо, кто налѣво.

— Спокойной ночи, Матеріъ, Жеромъ, Маркъ Дивесъ, Піеретть! Спокойной ночи!—кричалъ Жанъ-Клодь.

И его старые друзья поворачивались назадъ, махая пуховыми шляпами, и каждому думалось въ эту минуту:

— А вѣдь выдаются же такіе дни, когда хорошо живется на бѣломъ свѣтѣ! Если бы никогда не было ни болѣзней, ни войны, ни голода, если бы люди могли любить и понимать другъ друга, если бы они умѣли помогать другъ другу, если бы между ними не было гнуснаго недовѣрія—тогда земля была бы настоящимъ раемъ.

КАКЪ МИМО НАСЪ ПРОХОДИЛИ РУССКІЕ

Я уже разсказалъ вамъ о нашихъ бѣдствіяхъ во время кампаніи 1813 года. Вы видѣли, какіе бои были у насъ подъ Вейсенфельзомъ, Люценомъ, Бауценомъ и Дрезденомъ, бои, въ которыхъ мы всегда были побѣдителями. Затѣмъ пошли наши неудачи подъ Гроссъ-Бересномъ, гдѣ дожди, дурная пища, походы взадъ и впередъ довели насъ, можно сказать, до полнаго разоренія.

Вслѣдъ затѣмъ поднялись на насъ всѣ народы изъ-за того, что не хотѣли терпѣть у себя нашихъ королей, нашихъ принцевъ, нашихъ герцоговъ и нашихъ войскъ. Поднялись на насъ пятьсотъ восемьдесятъ тысячъ русскихъ, нѣмцевъ, шведовъ, баварцевъ и вюртембергцевъ; произошла ужасная битва подъ Лейпцигомъ, потомъ измѣна саксонцевъ, отступленіе Ханау, потомъ тифъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, вторженіе и защита Вогезовъ горцами.

Все это я разсказывалъ вамъ съ печальнымъ сердцемъ. Другіе, пожалуй, стали бы скрывать правду, словно человѣку такъ и слѣдуетъ—скрывать свои несчастья, послѣ того, какъ онъ исполнилъ свой долгъ и показалъ свое мужество среди самыхъ ужасныхъ бѣдствій, послѣ того, какъ врагъ подавилъ его своимъ числомъ! Нѣтъ, слава Богу, мнѣ никогда въ голову не приходила такая мысль. Наоборотъ, я думаю, что наши дѣти должны воспользоваться нашими уроками, и что жизнь вовсе не такъ длинна, чтобы было время развлекать ихъ ложью.

Поэтому-то я продолжаю попрежнему воздерживаться въ своихъ разсказахъ отъ всего лишняго и надѣюсь, что всякій разсудительный человѣкъ одобритъ меня. Истина достаточно говоритъ сама за себя, и нѣтъ надобности усиливать ее.

Ну, такъ вотъ что разсказалъ мнѣ о проходѣ великой русской арміи въ 1813 году старый землемѣръ Жеромъ изъ Катръ-Вана.

Прошло уже пятьдесятъ лѣтъ, Христіанъ, съ тѣхъ поръ, какъ народы-варвары сдѣлали набѣгъ на Францію, наводнивъ ее всю, отъ Голландіи до Базеля въ Швейцаріи. Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ уланы, хорваты, башкиры, словно стая волковъ, промчались надъ Гумингомъ, обложили Бельфоръ, Нефъ-Бризакъ, Шлехштадтъ и Страсбургъ, и ужасъ воцарился во всей этой несчастной землѣ.

— Идутъ!.. Подходятъ!.. Все берутъ!.. И никто не идетъ къ намъ на помощь... Пришелъ намъ конецъ!

Только такія слова всюду и слышались. Люди не чуяли ногъ подъ собой.

Каждую минуту являлся кто-нибудь изъ Саверна, Мармутье и изъ другихъ мѣстъ, то купецъ, то лѣсникъ, то разносчикъ, и принимался вопить:

— Они захватываютъ весь Эльзасъ!.. Со всѣхъ сторонъ грохочутъ пушки! Горцы защищаются... Они отрѣзали большую дорогу изъ Донона. Казаки появились въ лѣсахъ около Дозенгейма и Грауфталя. Они подвигаются впередъ! Заперли ворота и по стѣнамъ разставили пушки. Торопитесь!.. Кто хочетъ хоть что-нибудь уберечь, запрятывай свое имущество куда-нибудь подальше.

А страхъ все нарасталъ съ минуты на минуту, какъ во время пожара, когда звонитъ набатный колоколъ и слышатся крики: «Пожаръ! Пожаръ!»

Трудно себѣ и представить, до чего доходило отчаяніе. Несчастные жители потянулись въ лѣса, уводя съ собою своихъ коровъ и козъ. Жалость брала, глядя на этихъ женщинъ, дѣтей, немощныхъ стариковъ, которые уже лѣтъ пять-шесть и изъ дому-то не выходили, а теперь, еле передвигая ноги, тащились.

И вотъ, вдругъ подъ Катръ-Ваномъ появились казаки на своихъ малорослыхъ лошаденкахъ. Это были какіе-то полудикари, которые словно сами дивились, какъ это они попали сюда къ намъ. Они бросали боязливые взгляды на опустѣлыя хижины, издали приподнимаясь на стременахъ, вглядывались въ стѣны Пфальсбурга и затѣмъ, улепетывая во всѣ лопатки, возвращались къ своимъ, чтобы дать имъ знать, что путь открытъ и свободенъ, что ни одинъ человѣкъ не стоитъ на стражѣ въ горныхъ проходахъ.

Впослѣдствіи мнѣ часто случалось думать о томъ, что импе-

раторъ лучше бы сдѣлалъ, если бы оставилъ побольше людей защищать Францію, чѣмъ вести ихъ на завоеваніе чужихъ земель. Ужъ какъ бы дороги для насъ были въ то время старые солдаты, побывавшіе въ Испаніи, Германіи и Россіи!

Тогда всѣ эти казаки и уланы и всѣ прочіе, что пришли къ намъ сотнями тысячъ, не захватили бы нашихъ хижинъ безъ ружей и нашихъ горныхъ проходовъ безъ пушекъ.

И вышло такъ, что, все воюя да одерживая побѣды, мы остались, въ концѣ концовъ, безъ защитниковъ, и народъ, который, можно считать самымъ храбрымъ въ мірѣ, былъ долженъ терпѣть такое униженіе.

Подумаешь объ этомъ обо всемъ и чувствуешь, что въ тебѣ все сердце переворачивается!

Но не буду больше ничего говорить объ этомъ. Забудемъ лучше, что мы сдѣлали одни другимъ. Здравый смыслъ старости заставляетъ меня сказать это. Я люблю всѣхъ людей. Будемъ благоразумны и справедливы. Если французскій новобранецъ 1813 года разсказалъ намъ про Лейпцигъ, то пусть старый прусскій солдатъ разсказываетъ объ Іенѣ, старый русскій генералъ про Аустерлицъ, а австрійскій офицеръ про Ваграмъ. Такимъ путемъ любовь къ миру снизойдетъ на всѣхъ, и Господь, пославшій насъ сюда за тѣмъ, чтобъ мы любили другъ друга, другъ другу помогали, будетъ доволенъ.

Въ то время, какъ все это происходило, я лежалъ на просторной кровати съ пышною периной, въ спальнѣ у моей доброй старушки-бабушки Мадлены. За недѣлю передъ тѣмъ со мной случилось несчастье, я сломалъ себѣ ногу, катаясь на конькахъ. Я едва могъ двигаться. Для меня было чистымъ мученіемъ видѣть, какъ моя трепещущая сестра и бѣдная старая бабушка бѣгали по сосѣдямъ, терзаемыя страшнымъ безпокойствомъ за меня.

За всю эту недѣлю не случилось ничего новаго. Въ воскресенье, 10 января 1814 года, бабушка на ночь заперла дверь на замокъ, какъ обыкновенно дѣлала, сказавъ при этомъ:

— Я увѣрена, что эти негодяи оставятъ насъ здѣсь въ покоѣ. Они пройдутъ на Фальбергъ или на Граufталь. Что имъ за охота проходить подъ самыми городскими пушками.

Я думалъ то же самое. Луиза ушла спать наверхъ, а бабушка осталась около меня на своемъ старомъ креслѣ.

Кругомъ какъ будто бы все было спокойно, но мнѣ что-то худо спалось. Я все думалъ о томъ, что Эльзасъ наводненъ непріятелемъ, и это не давало мнѣ сомкнуть глазъ.

Бабушка давно уже спала. Часовъ въ одиннадцать я только что собирался было потушить ночникъ, какъ вдругъ мнѣ послышался какой-то шумъ снаружи. Въ то время стояла стужа. Будь дѣло лѣтомъ, я подумалъ бы, что это вѣтеръ налетѣлъ на деревья въ саду. Но тогда была самая середина зимы. Я прислушался повнимательнѣе. Бабушка все еще спала, и я тронулъ ее рукою.

— Что такое?—спросила она, поднимаясь на ноги.—Ты хочешь пить?

— Нѣтъ, вслушайтесь!..

Мы оба начали прислушиваться. Спустя нѣкоторое время бабушка сказала мнѣ:

— Никогда я еще не слыхивала ничего такого.

Она зажгла лампу и открыла ставни. Но едва успѣла она это сдѣлать, какъ русскій офицеръ, весь побѣлѣвшій отъ изморози, толкнулъ ставни и крикнулъ:

— Заприте! Заприте!..

Все это продолжалось не больше секунды, и въ это мгновеніе мы успѣли бросить взглядъ на холмъ, возвышавшійся противъ окна. Вся дорога была покрыта солдатами, которые жались одинъ къ другому и дрожали отъ холода. Ихъ было, пожалуй, тысячъ двадцать или больше. Они проходили подъ пушками Пфальсбурга. Гдѣ-то впереди, въ концѣ деревни, или еще дальше, въ буковомъ лѣсу, люди сгрудились, остановились и заставили остановиться заднихъ.

Небо было сумрачное, и ихъ не было видно изъ крѣпости. Но достаточно было бы одного луча свѣта въ сумракѣ для того, чтобы часовые разглядѣли ихъ.

Все это мелькнуло у меня въ головѣ, и я почувствовалъ, что блѣднѣю.

Я распозналъ тѣхъ трехъ или четырехъ людей, которые ухватились за наши ставни. Это были русскіе. Ихъ не трудно было узнать по большимъ плоскимъ шапкамъ, длиннымъ сѣрымъ шинелямъ и черпымъ кожанымъ перевязямъ.

Въ то время, какъ бабушка съ безпокойствомъ смотрѣла на меня, раздался стукъ въ дверь.

— Они хотятъ войти, Жеромъ, — сказала она мнѣ, — что дѣлать?

— Отворите!.. Сила на ихъ сторонѣ. Надо повиноваться!

Тогда она подошла къ двери и отодвинула засовъ.

Какъ только дверь открылась, вошли пять или шесть русскихъ офицеровъ въ своихъ шапкахъ, высокихъ спереди и приплюснутыхъ сзади, въ просторныхъ темнозеленыхъ шинеляхъ, съ саблями у пояса и высокихъ, до колѣнъ, сапогахъ. Они нагибались, проходя въ дверь, и осматривались направо и налѣво.

Бабушка шла вслѣдъ за ними; передній изъ нихъ, сѣдой старецъ высокаго роста, сухощавый, длинноликій, съ заледенѣлыми усами, проговорилъ на правильномъ французскомъ языкѣ:

— Огня, милая моя!.. Да поскорѣй!..

Никогда еще мнѣ не случалось видѣть мою бѣдную добрую бабушку до такой степени разстроенной. Она заторопилась, добыла угли изъ-подъ золы, наложила на нихъ хворосту и принялась изо всѣхъ силъ раздувать огонь.

Другіе стояли среди комнаты и ждали. Старикъ же, который все видѣлъ, разсмотрѣлъ и меня за занавѣсками.

— Вашъ сынъ боленъ?—спросилъ онъ.

— О, да,—отвѣчала бабушка, продолжая раздувать огонь.— Слава Богу, поправляется.

— А, это хорошо,—сказалъ офицеръ, подходя къ очагу, на которомъ уже показалось пламя, охватывавшее сухіе листья.

И вотъ всѣ они стали у огня и грѣлись, не говоря ни слова, а бабушка подмигнула мнѣ, какъ бы говоря:— Ничего!..

Сначала-то она, видимо, до смерти перепугалась, думала, что насъ ограбятъ.

У меня сердце исходило кровью при мысли, что такая славная женщина должна была прислуживать нашимъ врагамъ, да еще при этомъ радоваться, что они не дѣлаютъ ей никакого зла.

Спустя нѣкоторое время, русскіе начали озираться во всѣ стороны, внимательно осматривая нашу комнату и все, что въ ней было: матицы на потолкѣ, изображеніе св. Магдалины и св. Николая, лѣсенку въ глубинѣ комнаты, шкафы, посуду. Они перекидывались между собою словами по-русски, и мнѣ думается, что они сравнивали обстановку нашего жилья со своею.

По временамъ они и на меня кидали взгляды.

Такъ прошло съ четверть часа, а потомъ стало слышно съ улицы, что ихъ полкъ трогается въ путь. Тутъ старикъ спросилъ, видно ли нашъ домикъ изъ города, и бабушка ему отвѣтила, что нѣтъ, потому что домъ стоялъ за холмомъ. Другіе уже вышли, а старикъ сказалъ:

— Ну, хорошо! Такъ вы оставьте дверь открытой. Солдаты утомились, можетъ быть, захотятъ напиться, погрѣться. Вы будьте спокойны, никто васъ не обидитъ. Наоборотъ, мы ваши друзья. Мы имѣемъ дѣло не съ вами, а съ вашимъ императоромъ.

При этомъ онъ кивнулъ головою, какъ бы благодаря насъ, а бабушка сказала мнѣ:

— Ей Богу, я въ жизнь не видывала такого славнаго человѣка! Мнѣ бы и въ голову не пришло, что это русскій! Ну, что-жъ, коли они намъ не сдѣлаютъ никакого зла, такъ пусть солдаты приходятъ и пьютъ, сколько хотятъ. Вотъ имъ цѣлое ведро.

Мнѣ не хотѣлось ей перечить и объяснять ей, что люди всегда говорятъ то же самое, когда приходятъ въ чужой домъ. Она вся ликовала, и мнѣ не хотѣлось мутить ея радость.

Послѣ того солдаты только и дѣлали, что входили да выходили кучками, по восьми, десяти, пятнадцати человѣкъ. Каждый, входя, кивалъ головою бабушкѣ и называлъ ее:—Мутеръ!

А она говорила про нихъ:

— Эти русскіе—чудесные люди, и какіе всѣ красавцы! Видать, что я старуха, что у меня сѣдая голова, и зовутъ меня мутеръ. Это хоть бы и нашимъ солдатамъ и то впору такъ вѣжливо обращаться съ пожилыми людьми.

А меня скука брала, когда я выслушивалъ эти ея похвалы нашимъ врагамъ. А они все шли, кучка за кучкой, и всѣ называли ее мутеръ да мутеръ, и ей, конечно, это нравилось.

А снаружи все доносились безчисленные шаги этой арміи, которая все проходила мимо. Это было ужасно. Вѣдь я зналъ, чего они хотѣли отъ насъ. Я часто слыхалъ, что говорилъ о нихъ пфальцбургскій старый кабатчикъ Коленъ. Онъ твердилъ, что ежели мы будемъ побиты, то враги возстановятъ у насъ старинное дворянство и старинные монастыри и все народное добро снова отберутъ и отдадутъ дворянамъ и монахамъ. Я все это зналъ и разсуждалъ про себя:

— О, Господи! Какое горе, что ночь такъ темна. Какъ бы ловко можно было разнести всю эту сволочь!.. Какъ бы ихъ засыпали бомбами... Но люди въ Пфальцбургѣ ничего не знаютъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что русская армія въ это время проходитъ подъ крѣпостными пушками.

Я смотрѣлъ на этихъ солдатъ, на ихъ густыя рыжія бороды, на ихъ угловатыя лица, на ихъ маленькіе круглые глаза, курносые носы, и чѣмъ чаще раздавалось это слово «мутеръ», тѣмъ больше нарастало мое негодованіе.

А бабушка между тѣмъ до такой степени возликовала отъ всего этого, что начинала даже слегка покрикивать на солдатъ. Она указывала имъ, куда пройти, гдѣ стать, на иныхъ даже махала рукой съ разсерженнымъ видомъ, чтобъ они не топали ногами, не разбудили бы Лунзу, и они слушались ее и все повторяли:

— Ja, Mutter, ja, Mutter!

Это было что-то невиданное.

Прохожденіе русскихъ шло до четырехъ часовъ утра. Тутъ среди полной тишины вдругъ раздались два пушечныхъ выстрѣла, отъ которыхъ у насъ въ домикѣ зазвенѣли стекла, и тутъ началась пальба, направленная противъ отсталыхъ и обоза. Но къ чему это могло послужить? Большая русская армія уже прошла въ эти нѣсколько часовъ подъ пушками крѣпости, которая должна была бы задержать ее на шесть недѣль.

Вся эта пальба не имѣла ровно никакого значенія.

А всего печальнѣе было то, что черезъ недѣлю послѣ этого случилась измѣна Іегофа и неудача партизановъ въ Доноиѣ. Шестьдесятъ тысячъ австрійцевъ вступили въ Лотарингію, и ничто имъ не воспрепятствовало соединиться съ русскими и итти на Парижъ. Счастливы тѣ, кому не пришлось видѣть все это!

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

[Kn.5]

ТЕРЕЗА

MADAME THÉRÈSE

Издательство П. П. Сойкина.
Типографія
Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

I.

Мы—дядя мой, докторъ Яковъ Вагнеръ, старая служанка его Лизбета и я,—жили тихо и мирно въ деревнѣ Анштатъ среди нѣмецкихъ Вогезъ. Дядя Яковъ взялъ меня къ себѣ, когда умерла сестра его Христина. Мнѣ было около десяти лѣтъ; я былъ бѣлокурый, розовый и свѣжій, какъ херувимъ. Носилъ я бумажный колпакъ, куртку коричневаго бархата, перешитую изъ старыхъ дядиныхъ панталонъ, старые холщовые штаны и деревянные башмаки, окрашенные сверху клочкомъ шерсти. Въ деревнѣ звали меня маленькимъ Фрицелемъ. Дядя Яковъ, всякій вечеръ, возвращаясь отъ больныхъ, сажалъ меня къ себѣ на колѣни и училъ читать по французски по «Естественной исторіи» Бюффона.

Передо мною живо рисуется наша низенькая комната, по потолку которой идутъ закопченыя балки. Я точно еще вижу налѣво маленькую дверь изъ корридора и дубовый шкафъ; направо альковъ, задернутый зеленой саржевой занавѣской; въ глубинѣ проходъ въ кухню, подлѣ него чугунную печку съ большими вылитыми украшеніями, изображающими двѣнадцать мѣсяцевъ года, — оленя, рыбъ, козерога, водолѣя, сомъ и т. д., а со стороны улицы, два небольшія окошечка, выглядывавшія изъ-за виноградной зелени на площадь съ фонтаномъ.

Какъ теперь вижу я и дядю Якова, высокаго роста, съ большимъ лбомъ, окаймленнымъ славными бѣлокурыми волосами, граціозно обрисовывавшими его широкіе виски, его носъ съ небольшимъ горбомъ, голубые глаза, округленный подбородокъ, нѣжныя и добрыя губы. На немъ черные ратиновые панталоны, небесно-голубого цвѣта, сюртукъ съ мѣдными пугови-

цами, мягкіе сапоги, съ свѣтло-желтыми отворотами и съ кисточкой спереди. Вижу я, какъ онъ сидитъ въ своемъ кожаномъ креслѣ, положивъ руки на столъ, и читаетъ, а солнце играетъ черезъ виноградную зелень на лицѣ его, нѣсколько продолговатомъ и загорѣломъ.

Дядя былъ человѣкъ сентиментальный и миролюбивый; ему было около сорока лѣтъ, и онъ считался лучшимъ докторомъ во всемъ околодкѣ. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ увлекался теоріями общаго братства, и что связки книгъ, что приносились по временамъ почтальономъ Фрицомъ, трактовали объ идеѣ всеобщаго братства.

Все это я будто вижу; вижу и нашу Лизбету, нашу морщинистую и улыбающуюся старуху, въ синей холщевой кофтѣ и юбкѣ, сидящую за прялкой въ углу, вижу и кота Роллера, который, сидя на хвостѣ за печкой, о чемъ-то мечтаетъ, выпучивъ большіе глаза, свѣтящіеся въ потемкахъ, какъ глаза совы.

Мнѣ кажется, что стоитъ мнѣ пройти только корридоръ, и я попаду въ кладовую, благоухающую овощами; стоитъ только подняться на лѣстницу, и я очутюсь въ моей комнатѣ, гдѣ я выпускалъ зеленыхъ и лазоревыхъ птичекъ, которыхъ мы ловили съ Гансомъ Аденомъ, сыномъ сапожника, приманивая ихъ дудочкой. Маленькая Лиза Мейеръ, дочь бургомистра, часто приходила смотрѣть на птичекъ и выпрашивала ихъ у меня; и когда всѣ мы, Гансъ Аденъ, Людвигъ, Францъ Сенель, Карлъ Штенгеръ и я, отправлялись вмѣстѣ къ Биркенвальду пасти коровъ и козъ, она всегда прицѣплялась къ моей курткѣ, говоря мнѣ:

— Фрицель, дай я погоню вашу корову... не прогоняй меня!

И я давалъ ей свой хлыстъ; мы разводили на лугу огонь и пекли въ золѣ картофель.

Хорошее было время! Какъ все вокругъ насъ глядѣло тихо и мирно! Какъ все шло весело! Никогда ни малѣйшаго безпокойства: понедѣльникъ, вторникъ, среда, всѣ дни недѣли проходили совершенно одинаково.

Всякій день мы вставали въ одинъ и тотъ же часъ, одѣвались и садились ѣсть мучной супъ, приготовленный Лизбетой. Дядя уѣзжалъ верхомъ, а я отправлялся устраивать силки

и петли для сѣрыхъ дроздовъ, воробьевъ или зеленыхъ дубоносокъ, смотря по времени года.

Въ двѣнадцать часовъ мы возвращались и ѣли сальникъ съ капустой, ланшу или клецки. Потомъ я отправлялся или пасти, или осматривать силки, или, въ жаркій день, купаться въ Квечѣ.

Вечеромъ, къ концу ужина, когда по комнатѣ разстилался полумракъ отъ сѣроватой ночи, въ корридорѣ раздавались тяжелые шаги, дверь отворялась, и на порогѣ показывался коренастый, широкоплечій мужчина, въ большой пуховой шляпѣ.

— Здравствуйте, господинъ докторъ, — говорилъ онъ.

— Садитесь, кротоловъ, — отвѣчалъ дядя. — Лизбета, отвори кухню.

Лизбета отворяла дверь, и красное пламя, игравшее въ очагѣ, освѣщало кротолова, сидѣвшаго за нашимъ столомъ и смотрѣвшаго своими маленькими, сѣрыми глазами на нашу ѣду. Физіономія его очень походила на морду полевой мыши: длинный носъ, маленькій ротъ, срѣзанный подбородокъ, четыре волоска рыжихъ, торчавшихъ вмѣсто усовъ. Его сѣрый холщевый парусинникъ едва доходилъ до низа спины, широкій красный жилетъ, съ огромными карманами, болтался на бедрахъ, а въ громадныхъ, отъ пыли пожелтѣвшихъ, башмакахъ были вбиты толстые гвозди, блестѣвшіе спереди, какъ когти, до самаго верха подошвъ.

Кротолову было, по всей вѣроятности, лѣтъ пятьдесятъ; волосы его начинали сѣдѣть, глубокія морщины испещряли его красноватый лобъ, а бѣлыя брови, съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, падали ему почти на глаза.

Его постоянно встрѣчали, или въ полѣ разставляющимъ капканы, или у дверей его косого улья, въ пустошахъ Биркенвальда, въ маскѣ изъ проволочной сѣтки, въ толстыхъ холщевыхъ рукавицахъ и съ большой острой ложкой для подрѣзыванія пчелинаго меда.

Въ концѣ осени онъ уходилъ изъ деревни на цѣлый мѣсяцъ, съ котомкой за спиной, неся съ одной стороны большой горшокъ съ медомъ, а съ другой куски желтаго воска, который онъ отправлялся продавать окрестнымъ попамъ для церковныхъ свѣчей.

Таковъ былъ кротоловъ.

Осмотрѣвъ внимательно столъ, онъ говорилъ:

— Это сыръ... Это орѣхи...

— Да, — отвѣчалъ дядя, — милости просимъ.

— Благодарю; теперь я лучше выкурю трубку.

Затѣмъ онъ вынималъ изъ кармана черную трубку съ мѣдною крышечкою и маленькою цѣпочкою. Онъ тщательно набивалъ ее, не переставая все смотрѣть, потомъ отправлялся въ кухню, брать своей мозолистой рукой уголь изъ печки и клалъ его на табакъ. Я точно вижу его передъ собою, съ его мышиной мордочкой, какъ онъ, закинувъ голову, выпускалъ передъ яркимъ пламенемъ очага большіе клубы дыма; потомъ входилъ въ комнату и садился положивъ ногу на ногу, въ тѣни, въ углу печки.

Кромѣ кротовъ, пчелъ, воска и меда у кротолова было еще одно важное занятіе: онъ предсказывалъ будущее по полету птицъ, по количеству кузнечиковъ и гусеницъ, и по нѣкоторымъ преданіямъ, записаннымъ въ толстой книгѣ съ деревянными переплетомъ, которая досталась ему по наслѣдству отъ старой его тетки изъ Гемпига.

Но чтобы заговорить о предсказаніяхъ, ему необходимо было присутствіе друга его, Коффеля, столяра, токаря, часовщика, собачьяго лекаря, ветеринара, словомъ самаго талантливаго человѣка въ Аншатѣ и его окрестностяхъ.

Коффель былъ, что называется, человѣкъ на всѣ руки: онъ чинилъ битую посуду, связывая ее проволокой, лудилъ кастрюли, исправлялъ старую поломанную мебель, приводилъ въ порядокъ органъ, когда портились въ немъ флейты и мѣхи; дядѣ Якову пришлось даже просить его не мѣшаться въ докторскую практику и не лечить сломанныя руки и ноги. Кротоловъ сильно восхищался имъ и говорилъ иногда: «Досадно, что Коффель не ученъ... Досадно!» У деревенскихъ кумушекъ онъ считался человѣкомъ всевѣдущимъ.

Но изъ всего этого похлебки не сваришь, и потому Коффель прибѣгалъ къ болѣе вѣрному источнику. Осенью онъ отправлялся, съ выдвижнымъ ящикомъ въ видѣ корзинки и со стругомъ за спиной, шинковать кислую капусту, покрикивая у

каждой двери: «капусты, не надо ли капусты?» Вотъ какъ вознаграждаются великіе умы!

Маленькій и геніальный Коффель, съ черной бородой и черными волосами, съ тонкимъ носомъ, прямымъ, какъ у дикой утки, также являлся къ намъ по вечерамъ. Онъ входилъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ кротолова и, подходя тихими шагами, говорилъ:

— Хлѣбъ-соль, господинъ докторъ.

— Не покушаете ли съ нами?—отвѣчалъ дядя.

— Покорно благодарю; мы ѣли сейчасъ салатъ; салатъ я всего больше люблю.

Послѣ этихъ словъ, Коффель садился за печкой и не трогался до тѣхъ поръ, пока дядя не приказывалъ:

— Ну, Лизбета, зажги свѣчку и убери со стола.

Тогда дядя, въ свою очередь, набивалъ трубку и подвигался къ печкѣ. Разговоръ шелъ о дождѣ, о хорошей погодѣ, объ урожаѣ и т. д. о томъ, что кротоловъ поставилъ въ тотъ день столько-то капкановъ, отвелъ во время грозы воду отъ такого-то поля, или о томъ, что онъ срѣзалъ столько-то меду на своемъ пчельникѣ, что пчелы его должны скоро роиться, что у нихъ начался шумъ и что онъ заранѣе приготовлялъ короба для принятія молодого роя.

Коффель же вѣчно мечталъ о какомъ-нибудь изобрѣтеніи: онъ то говорилъ о своихъ часахъ безъ гирь, въ которыхъ въ то время, какъ они били двѣнадцать, должны были являться двѣнадцать апостоловъ, пѣтухъ пѣть, а смерть косить, то мечталъ о телѣжкѣ, которая, когда ее заведешь, какъ часы, сама ѣздила, или о какомъ-нибудь другомъ чудесномъ открытіи.

Дядя слушалъ серьезно, поддакивалъ и кивалъ головою, думая о своихъ больныхъ.

Лѣтомъ, передъ нашими открытыми окнами, на каменную скамейку садились сосѣдки и болтали съ Лизбетой о хозяйственныхъ предметахъ: одна соткала въ прошлую зиму столько-то аршинъ холста, у другой куры снесли нынче столько-то яицъ въ одинъ день и т. п.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я убѣгалъ въ конецъ деревни, въ кузницу Клипеля, свѣтъ отъ которой виднѣлся во-тьмахъ издали. Гансъ, Аденъ, Францъ Сепель и многіе другіе сидѣли уже тамъ. Мы смотрѣли, какъ, точно молніи, вы-

летали искры изъ-подъ молотка и свистѣли подъ шумъ наковальни. Когда приводили ковать какую-нибудь старую клячу, мы помогали поднимать ей ногу. Мальчики постарше пробовали курить орѣховые листья, отчего ихъ мутило; нѣкоторые гордились тѣмъ, что по воскресеньямъ ходятъ танцовать, такимъ было лѣтъ пятнадцать, шестнадцать. Они носили шапки набекрень и курили съ важнымъ видомъ, засунувъ руки въ карманы.

Въ десять часовъ вся ватага расходилась; всякій отправлялся во свояси.

Такимъ образомъ проходили шесть дней въ недѣлѣ. Но по понедѣльникамъ и по пятницамъ дядя получалъ Франкфуртскую газету, и въ эти дни у насъ дома собиралось больше народа. Кромѣ кротолова и Коффеля, къ намъ приходили нашъ бургомистръ Христіанъ Мейеръ и Каролусъ Рихтеръ, внукъ стараго слуги графа де-Сальмъ-Сальма. Ни тотъ, ни другой не хотѣли подписаться на газету, а любили слушать ее на даровщинку.

Сколько разъ съ тѣхъ поръ приномнилъ я нашего толстаго бургомистра съ красными ушами, въ шерстяной куркѣ и бѣломъ бумажномъ колпакѣ, сидящаго въ креслѣ, на обычномъ мѣстѣ дяди! Онъ, казалось, размышлялъ о вещахъ глубокомысленныхъ; но главное стараніе его заключалось въ томъ, чтобы запомнить новости и разсказать ихъ потомъ женѣ, добродѣтельной Варварѣ, управлявшей подъ его именемъ деревней.

Длинный Каролусъ, походившій на борзую собаку, ходилъ въ охотничьемъ платьѣ и въ кожаной фуражкѣ. Онъ былъ самый большой ростовщикъ околодка и смотрѣлъ на всѣхъ крестьянъ свысока, потому что дѣдъ его служилъ лакеемъ у Сальмъ-Сальма. Каролусъ, въ видѣ одолженія, курилъ чужой табакъ и постоянно говорилъ о паркахъ и птичьихъ дворахъ съ фазанами, о большихъ охотахъ и травляхъ, о правахъ и привиллегіяхъ Сальмъ-Сальма. Какъ часто снилось мнѣ, что онъ ходитъ передо мною взадъ и впередъ по нашей низенькой комнатѣ, слушаетъ, хмуря брови, вдругъ засовываетъ руку въ широкій карманъ дяди за кисетомъ съ табакомъ, набиваетъ трубку, закуриваетъ ее на свѣчкѣ и говоритъ: «позвольте!»

Да, все это я будто еще вижу.

Бѣдный дядя Яковъ, добродушно позволялъ курить свой табакъ; да онъ съ такимъ вниманіемъ читалъ новости, что не

замѣчалъ даже этого. А новости были съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе интересныя. Республиканцы овладѣли Палатинатомъ; они спустились по Рейну, осмѣлились стать противъ трехъ курфирстовъ, короля прусскаго Вильгельма и императора Іосифа.

Всѣ присутствующіе дивились ихъ смѣлости.

Господинъ Рихтеръ говорилъ, что такъ продолжаться не можетъ, и что всѣ эти дряные бродяги будутъ истреблены.

Дядя заканчивалъ всегда чтеніе какимъ-нибудь разсужденіемъ; складывая газету, онъ обыкновенно говорилъ:

— Поблагодаримъ Бога, что живемъ въ лѣсахъ, а не въ виноградникахъ, въ безплодныхъ горахъ, а не въ плодородной долинѣ. Этимъ республиканцамъ здѣсь нечѣмъ поживиться; поэтому мы, слава Богу, безопасны и можемъ спокойно спать. Но сколько другихъ терпитъ отъ ихъ грабежа! Эти люди хотятъ взять все силой: а между тѣмъ сила никогда не создавала ничего хорошаго. Они говорятъ намъ о любви, о равенствѣ, о свободѣ, не примѣняя, однако, на дѣлѣ этихъ истинъ: они полагаются больше на свои руки, чѣмъ на справедливость своихъ убѣжденій. Еще очень задолго до нихъ также приходили люди освобождать міръ; тѣ не дрались, не разрушали, а погибали сами тысячами, и послѣдующія поколѣнія представляли ихъ себѣ, какъ агнцевъ, пожранныхъ волками. Можно было подумать, что объ этихъ людяхъ не останется и воспоминанія, а между тѣмъ они побѣдили міръ; правда, они побѣдили не плоть, а душу человѣчества, но въ душѣ заключается все! Отчего же эти не слѣдуютъ ихъ примѣру?

Послѣ этого Каролусъ Рихтеръ восклицалъ топомъ презрѣнія:

— Отчего? Оттого, что они смѣются надъ душою и завидуютъ мірской власти. Прежде всего, всѣ эти республиканцы, отъ перваго до послѣдняго—атеисты; они не уважаютъ ни престола, ни церкви; они ниспровергли вещи, установленныя споконъ вѣка; дворянства они не признаютъ, какъ будто дворянство не основа всего на землѣ и на небесѣ, точно будто не признано, что одни родятся для рабства, другіе для господства; какъ будто не тотъ же порядокъ мы видимъ и въ природѣ: мохъ ниже травы, трава ниже кустарника, кустарникъ ниже деревьевъ, а деревья ниже свода небеснаго. Точно такъ же и крестьянство ниже мѣщанства, мѣщанство ниже чиновнаго дворянства, чиновное дворянство ниже военнаго дворянства, воен-

ное дворянство ниже короля, король ниже папы, представителями котораго служатъ его кардиналы, архіепископы и епископы. Вотъ естественный порядокъ вещей! Что ни говори, а чертополоху не сравняться съ дубомъ, и никогда мужикъ не будетъ держать меча, какъ потомокъ изъ знаменитаго рода воиновъ. Эти головорѣзы достигли нѣкоторыхъ кажущихся успѣховъ, и этимъ они обязаны удивленію, произведенному ими на міръ своею дѣйствительно-поразительною храбростью и отсутствіемъ здраваго смысла. Отрицая всѣ правила и всѣ установленные принципы, они поразили людей благоразумныхъ, въ этомъ единственная причина переворотовъ. Какъ иногда случается видѣть быка или вола, вдругъ останавливающагося и бѣгущаго при видѣ выскочившей изъ земли и остановившейся передъ нимъ мыши, такъ и наши солдаты удивлены и даже смущены такою смѣлостью. Но всему этому будетъ конецъ, и я увѣренъ, что когда пройдетъ первое удивленіе, наши старые генералы семилѣтней войны побьютъ порядкомъ эту кучку босоногихъ шалопаевъ, такъ что ни одинъ изъ нихъ не вернется въ свою несчастную страну!

Провозгласивъ все это, Каролусъ снова закурилъ трубку и продолжалъ ходить взадъ и впередъ съ самодовольнымъ лицомъ, заложивъ руки за спину. Всѣ остальные обдумывали слышанное ими. Послѣ нѣкотораго молчанія, говорилъ обыкновенно кротоловъ.

— Чему быть — тому не миновать,—такъ начиналъ онъ.— Если республиканцы эти выгнали своихъ господъ и аббатовъ, значитъ, такъ и было написано на небесахъ отъ сотворенія міра: Богу было угодно! Отъ него зависитъ, возвратиться ли имъ, или нѣтъ. Въ прошломъ году, глядя на работу моихъ пчелъ, я увидѣлъ, что эти маленькія насѣкомыя, кроткія и красивыя, вдругъ бросились на трутней, начали кусать ихъ и выбросили изъ улья. Это повторяется ежегодно. Трутни дѣлаютъ дѣтей, и пчелы содержатъ ихъ, пока они нужны улью; но потомъ онѣ убиваютъ ихъ: это отвратительно, а между тѣмъ такъ ужъ предназначено! Глядя на это, я думалъ объ этихъ республиканцахъ: они выживаютъ своихъ трутней; но будьте покойны, безъ нихъ никогда нельзя обойтись, явятся другіе; надо будетъ оперить и кормить ихъ; послѣ этого пчелы опять разсердятся и станутъ убивать ихъ сотнями. Они будутъ ду-

мать, что съ послѣдними все кончено, но явятся другіе... и такъ все будетъ идти далѣе; чему быть, тому не миновать.

Кротоловъ качалъ головой, а господинъ Каролусъ, останавливаясь посреди комнаты, восклицалъ:

— Что вы называете трутнями? Гордые черви, считающіе себя способными на все, вотъ настоящіе трутни, а никакъ не феодалы и не аббаты.

— Съ вашего позволенія, господинъ Рихтеръ,—отвѣчалъ кротоловъ,—трутнями я называю тѣхъ, которые, ничего не дѣлая, хотятъ всѣмъ пользоваться, тѣхъ, которые, летая только около матки и не оказывая никакой другой услуги, требуютъ, чтобы ихъ хорошо кормили. Къ нимъ такъ и относятся. Но, наконецъ, предназначено ихъ выбрасывать. Это повторялось тысячи и тысячи разъ и постоянно будетъ повторяться. Трудолюбивыя пчелы, любящія порядокъ и экономію, не могутъ кормить существа, ни на что негодныя. Это жалко, это печально, но какъ быть? Вырабатывая медъ, хочешь и сохранить его для себя.

— Вы якобинецъ!—вскрикнулъ негодующій Каролусъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ, напротивъ, я гражданинъ Анштата, кротоловъ и пчеловодъ, люблю отечество столько же, сколько и вы, и пожертвую для него собою, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ вы. Но все-таки скажу, что настоящіе трутни это тѣ, которыя ничего не дѣлаютъ, пчелы—тѣ, которыя работаютъ, такъ какъ я это сотни разъ видѣлъ.

— Готовъ объ закладъ биться,—закричалъ опять Каролусъ Рихтеръ,—что Коффель думаетъ то же!

Тогда маленькій столяръ, до сихъ поръ молчавшій, отвѣчалъ, подмигивая глазомъ.

— Господинъ Каролусъ, еслибъ я имѣлъ счастье быть внукомъ лакея какого-нибудь Уери Петера или Сальмъ-Сальма, и если бы я наслѣдовалъ послѣ него богатства, которыя дали бы мнѣ возможность жить въ изобиліи и въ бездѣйствіи, тогда я сказалъ бы, что трутни—работники, а пчелы—тунеядцы. Мнѣ же въ моемъ положеніи приходится нуждаться во всемъ, чтобы жить, и потому я не скажу ничего. Я молчу. Но все-таки думаю, что всякому слѣдовало бы получать по заслугѣ своей.

— Дорогіе друзья мои,—начиналъ тогда серьезнымъ тономъ дядя,—не будемъ касаться этихъ предметовъ, мы не сойдемся

другъ съ другомъ. Миръ, миръ! Вотъ что намъ надо. Миръ доставляетъ людямъ благоденствіе и даетъ каждому свое. Война, напротивъ, порождаетъ всѣ дурныя наклонности: къ убійству, грабежу и т. д. Поэтому, всѣ безпутные люди любятъ войну; для нихъ это единственный способъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь. Въ мирное время они были бы ничтожествомъ, потому что вся несостоятельность ихъ мысли, инициативы и стремленій обнаружилась бы слишкомъ ясно. Богъ создалъ человѣка для мира, для труда, для любви своего семейства и своихъ ближнихъ. Война, которая идетъ противъ всего этого, представляетъ настоящее бѣдствіе. Но вотъ бьетъ десять часовъ, и мы могли бы проспорить хоть до завтра, ни въ чемъ не убѣдивъ другъ друга. Предлагаю разойтись спать.

Тогда всѣ обыкновенно вставали, и бургомистръ, опираясь толстыми ладонями на ручки креселъ, восклицалъ:

— Дай Богъ, чтобы ни республиканцы, ни пруссаки, ни австрійцы не проходили бы здѣсь, потому что всѣмъ имъ хочется ѣсть и пить! А такъ какъ пить свое вино самому пріятнѣе, чѣмъ смотрѣть, какъ его глотаютъ другіе, то и мнѣ гораздо лучше слышать такія вещи изъ газетъ, чѣмъ видѣть ихъ собственными глазами. Вотъ мое мнѣніе.

Съ этими словами онъ направлялся къ двери; остальные слѣдовали за нимъ.

— Доброй ночи!—говорилъ дядя.

— Прощайте,—отвѣчалъ кротоловъ, удаляясь по темной улицѣ. За ними затворялась дверь, и задумчивый дядя говорилъ мнѣ:

— Ну, Фрицель, спокойной ночи.

— И вамъ также, дядюшка,—отвѣчалъ я.

Мы съ Лизбетой поднимались на лѣстницу.

Четверть часа спустя, во всемъ домѣ царствовала глубокая тишина.

II.

Разъ въ пятницу вечеромъ, въ ноябрѣ 1793 года, Лизбета растворяла послѣ ужина тѣсто, приготовляясь, по своему обыкновенію, печь домашній хлѣбъ. Такъ какъ изъ этого же тѣста должны были выйти и хлѣбная лепешка, и сладкій яб-

лочный пирогъ, то я вертѣлся около нея въ кухнѣ, смотря на нее и предаваясь самымъ пріятнымъ мечтаніямъ.

Когда тѣсто было готово, въ него положили пивныхъ дрожжей, оскоблили вокругъ квашню и наложили на нее толстый пуховикъ, чтобы дать тѣсту выходиться; потомъ Лизбета сгребла угли изъ очага въ печку и пихнула туда шестомъ три связки хворосту, вспыхнувшія подъ чернымъ сводомъ. Наконецъ, когда огонь хорошо разгорѣлся, она закрыла печь заслонкой и сказала мнѣ:

— Теперь, Фрицель, пойдемъ спать. Завтра, когда встанешь, пирогъ будетъ готовъ.

Мы пошли къ себѣ въ комнаты. Дядя Яковъ ужъ цѣлый часъ храпѣлъ въ глубинѣ своего алькова. Я легъ, мечтая о заманчивыхъ вещахъ, и тотчасъ заснулъ.

Это длилось довольно долго, но ночь еще не миновала, и мѣсяцъ ясно свѣтилъ въ мое маленькое окошечко, когда я былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ. Можно было подумать, что вся деревня высыпала на улицу: издали слышалось, какъ отворялись и затворялись двери, какъ цѣлая толпа переходила черезъ грязныя лужи улицы. Въ нашемъ домѣ тоже поднялась бѣготня, и на моихъ глазахъ стали отражаться тѣни огней.

Можете себѣ представить мой ужасъ!

Послушавъ нѣсколько минутъ, я потихоньку всталъ и отворилъ окно. Вся улица была полна народомъ, и не только улица, но даже полисадники и боковые переулки: вездѣ ходили высокіе молодцы въ огромныхъ треугольныхъ шляпахъ, въ длинныхъ, синихъ плащахъ съ красными отворотами, съ широкими бѣлыми перевязями черезъ плечо и съ большой косой, висѣвшей на спинѣ; о сабляхъ и лядункахъ, болтавшихся на бедрахъ, которыя я видѣлъ въ первый разъ въ жизни, и говорить нечего. Они сложили ружья пирамидой передъ нашимъ овиномъ; вокругъ шагало двое часовыхъ; прочіе входили въ дома, какъ въ свои собственные.

Въ углу конюшни ржали три лошади. Далѣе, передъ мясной лавкой Сепеля, по ту сторону площади, у стѣны съ крюкомъ, гдѣ обыкновенно кололи телятъ, висѣлъ цѣлый быкъ, освѣщавшійся поднимавшимся и опускавшимся пламенемъ разведеннаго на площади огня; голова и спина быка лежала на землѣ. Одинъ изъ этихъ людей, засучивъ рукава рубашки на

своихъ мускулистыхъ рукахъ, потрошилъ его; онъ распоролъ его сверху до низу; синеватыя шишки падали вмѣстѣ съ кровью въ грязь. Видъ этого человѣка, съ его обнаженной шеей и косой на спинѣ, былъ ужасенъ.

Я тотчасъ же понялъ, что республиканцы внезапно явились въ деревню, и, одѣваясь, призывалъ на помощь императора Іосифа, о которомъ такъ часто говорилъ Каролусъ Рихтеръ.

Французы пришли въ нашу деревню, едва она успѣла заснуть, но общая суматоха подняла всѣхъ на ноги. Когда я наклонился, спускаясь по лѣстницѣ, я увидѣлъ трехъ человѣкъ, тоже съ засученными рукавами рубашки, какъ у мясника, вынимавшихъ хлѣбъ изъ нашей печи, нашею же лопатою. Они избавили Лизбету отъ труда печь, какъ другой солдатъ избавилъ Сепеля отъ труда заколоть быка. Эти люди умѣли дѣлать все, и ничто ихъ не затрудняло.

Лизбета сидѣла въ углу скрестивъ на колѣняхъ руки, и смотрѣла на нихъ довольно спокойно, такъ какъ первый страхъ ея уже прошелъ. Увидавъ меня наверху у перилъ, она сказала:

— Сходи, Фрицель... они не тронутъ тебя!

Я сошелъ: хлѣбопеки продолжали работу, не обращая на меня вниманія. Дверь налѣво въ коридоръ была отворена, и я увидѣлъ въ кладовой, гдѣ были овощи, еще двухъ непрошенныхъ гостей, мѣсившихъ тѣсто для второго и третьяго печенья. Наконецъ, направо, черезъ полуотворенную дверь залы, я увидѣлъ дядю Якова, сидѣвшаго на стулѣ подлѣ стола; на креслѣ сидѣлъ коренастый человѣкъ съ большими рыжими бакенбардами, короткимъ и круглымъ носомъ, выдающимися бровями, торчащими ушами и съ косою коноплянаго цвѣта, толщиною въ руку; онъ съ аппетитомъ рѣзалъ и ѣлъ одинъ изъ нашихъ окороковъ. Держа въ своихъ большихъ загорѣлыхъ рукахъ, въ одной вилку, въ другой ножъ, онъ то и дѣло, что поднималъ и опускалъ ихъ, шевеля вмѣстѣ съ тѣмъ толстыми, мускулистыми щеками. Отъ времени до времени онъ бралъ стаканъ, поднималъ локоть, порядочно отпивалъ и снова продолжалъ свое дѣло.

На немъ были эполеты свинцоваго цвѣта, большая сабля въ желѣзныхъ ножнахъ, рукоятка которой торчала выше локтя, и сапоги до того грязные, что, кромѣ желтыхъ отворотовъ, начи-

навшихъ просыхать, ничего не было видно. На шлянѣ его, лежавшей на буфетѣ, торчалъ пучекъ красныхъ перьевъ, колыхавшійся отъ сквознаго вѣтра, потому что, несмотря на холодъ, окна были отворены; передъ ними ходилъ часовой, останавливавшійся отъ времени до времени и поглядывавшій на столъ.

Не переставая рѣзать и ѣсть, человѣкъ съ рыжими бакенбардами говорилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Такъ ты докторъ?—говорилъ онъ дядѣ.

— Да, господинъ командиръ.

— Называй меня просто «командиромъ» или «гражданиномъ комендантомъ», какъ я ужъ говорилъ тебѣ; господа и госпожи вышли изъ моды.—Но къ дѣлу, ты долженъ знать свою мѣстность; деревенскій докторъ вѣчно рыскаетъ по дорогамъ. Сколько миль отсюда до Кайзерлаутерна?

— Семь миль, командиръ.

— А до Пирмазана?

— Около восьми.

— А до Ландау?

— Должно быть добрыхъ миль пять.

— Около... должно быть... почти... такъ развѣ можетъ говорять человѣкъ, живущій въ странѣ? Мнѣ кажется, ты трусишь; ты боишься, что, когда здѣсь будутъ проходить бѣлые мундиры, тебя повѣсятъ за твои открытія. Выбрось это изъ головы; ты подъ защитой французской республики.

И потомъ, взглянувъ своими сѣрыми глазами прямо на дядю, онъ воскликнулъ, поднявъ стаканъ:

— За здравіе республики единой и нераздѣльной!

Они чокнулись, и дядя, поблѣднѣвъ, какъ полотно, выпилъ за республику.

— А что,—продолжалъ командиръ, — не видать ли тутъ около австрійцевъ?

— Нѣтъ, командиръ.

— Ты въ этомъ увѣренъ? Ну-ка, посмотри мнѣ въ глаза.

— Я не видалъ.

— Не ѣздилъ ли ты недавно въ Ресталь?

За три дня передъ этимъ дядя былъ въ Ресталѣ. Думая, что кто-нибудь изъ крестьянъ говорилъ объ этомъ командиру, онъ отвѣчалъ:

— Да, командиръ.

— Да!—И тамъ не было австрійцевъ?

— Нѣтъ.

Командиръ опорожнилъ стаканъ и, бросивъ на дядю Якова подозрительный взглядъ, взялъ его за руку со страннымъ видомъ.

— Ты говоришь, что нѣтъ?

— Да, командиръ.

— Ты врешь!

И онъ прибавилъ тихимъ голосомъ:

— Мы не вѣшаемъ, но разстрѣливаемъ иногда тѣхъ, кто насъ обманываетъ!

Дядя поблѣднѣлъ еще болѣе, но, поднявъ голову, онъ повторилъ довольно твердымъ голосомъ:

— Командиръ, честью увѣряю васъ, что дня три тому назадъ въ Реесталѣ не было австрійцевъ.

— А я,— вскричалъ республиканецъ, глаза котораго горѣли подъ нависшими густыми рыжими бровями, говорю тебѣ, что они тамъ были. Понимаешь?

Съ минуту длилось молчаніе. Всѣ, бывшіе въ кухнѣ, обернулись; выраженіе лица командира не обѣщало ничего добраго. Я заплакалъ, вошелъ въ комнату, чтобы защитить дядю, и сталъ за его стуломъ. Республиканецъ смотрѣлъ на насъ обоихъ, нахмуривъ брови, что не мѣшало ему съѣсть еще кусокъ ветчины, какъ будто для того, чтобы дать себѣ время обдумать. Въ кухнѣ Лизбета громко рыдала.

— Командиръ, — твердо продолжалъ дядя,—вамъ можетъ быть неизвѣстно, что есть два Реесталя, одинъ со стороны Кайзерлаутерна, другой на Квечъ, мили три отъ Ландау. Австрійцы, можетъ быть, были тамъ; но съ этой стороны, въ среду вечеромъ, я ихъ не видалъ.

— Вотъ какъ! — сказалъ командиръ ломанымъ нѣмецкимъ лотарингскимъ нарѣчіемъ, шутливо улыбаясь,—это не глупо. Но и мы, жители Битча и Саргемюнда, не глупѣе васъ. Если ты не докажешь, что есть два Реесталя, я долженъ сказать тебѣ, что тебя арестуютъ и будутъ судить военнымъ судомъ.

— Командиръ!—вскрикнулъ дядя, протягивая руку, доказательство, что существуетъ два Реесталя, можно видѣть на любой картѣ страны.

И онъ указалъ на нашу старую карту, висѣвшую на стѣнѣ.

Тогда республиканецъ обернулся, не поднимаясь съ креселъ, и сказалъ:

— А это карта страны? Дай-ка ее сюда.

Дядя снялъ карту и, разложивъ ее на столѣ, указалъ объ деревни.

— Правда,—сказалъ командиръ,—ну и хорошо; лучшаго доказательства мнѣ и не надо!

Онъ облокотился обоими локтями на столъ и, положивъ голову между рукъ, сталъ разсматривать карту.

— Отлично, отлично,—говорилъ онъ.—Откуда у тебя эта карта?

— Ее сдѣлалъ мой отецъ. Онъ былъ землемѣръ.

Республиканецъ улыбался.

— Да, лѣса, рѣки, дороги, все обозначено, — говорилъ онъ,—я узнаю ихъ... мы тамъ проходили... хорошо... очень хорошо.

Приподнявъ голову, онъ сказалъ по-нѣмецки:

— Карта эта вѣдь непужна тебѣ, гражданинъ-докторъ; мнѣ же она нужна, и я требую ее у тебя для службы республики. Ну, теперь честь удовлетворена. Выпьемъ еще для скрѣпленія праздника согласія.

Можете себѣ представить, съ какой быстротой Лизбета сбѣгала въ погребъ за новой бутылкой вина.

Между тѣмъ дядя Яковъ, видимо, успокоился. Командиръ, глядѣвшій тогда на меня, спросилъ его:

— Это сынъ твой?

— Нѣтъ, племянникъ.

— Мальчуганъ славно сложенъ. Мнѣ очень понравилось, что онъ пришелъ къ тебѣ на помощь.—Ну, подойди,—сказалъ онъ, притянувъ меня за руку.

Погладивъ меня по головѣ, онъ сказалъ голосомъ, хотя и грубымъ, но все-таки добрымъ:

— Воспитай мальчугана этого въ любви къ правамъ человѣка. Вмѣсто того, чтобы пасти коровъ, онъ можетъ сдѣлаться, какъ всякій другой, командиромъ или генераломъ. Теперь всѣ пути открыты, каждому доступны всѣ мѣста; для

удачи надо только сердце и счастье. Вотъ и я самъ, ни больше, ни меньше, какъ сынъ кузнеца въ Саргемюндѣ; не будь республики, я и теперь колотилъ бы по наковальнѣ; нашъ долговязый графъ, что теперь съ австрійцами, былъ бы орломъ, а я осломъ; теперь же, благодаря другимъ порядкамъ, вышло наоборотъ.

Онъ залпомъ осушилъ стаканъ и, лукаво прищуривъ глаза, сказалъ:

— Въ этомъ есть маленькая разница.

Подлѣ окорока стояла лепешка, испеченная республиканцами раньше, при первой топкѣ; командиръ отрѣзалъ мнѣ кусокъ.

— Проглоти молодцомъ,—сказалъ онъ мнѣ уже совсѣмъ весело,—и постарайся стать человѣкомъ!

Потомъ обернувшись къ кухнѣ:

— Сержантъ Лафлешъ!—закричалъ онъ громовымъ голосомъ.

На порогѣ показался старый сержантъ съ сѣдыми усами, сухой, какъ копченая селедка.

— Сколько хлѣбовъ готово?

— Сорокъ.

— Надо, чтобы черезъ часъ было пятьдесятъ; при десяти печкахъ пятьсотъ: три фунта на человѣка.

Сержантъ вышелъ въ кухню.

Мы съ дядей смотрѣли на все, не трогаясь съ мѣста

Командиръ опять облокотился надъ картой, положивъ голову на руки.

На улицѣ сталъ показываться свѣтъ сѣренькаго дня; передъ окнами виднѣлась тѣнь, ходившаго взадъ и впередъ, часового съ ружьемъ на плечѣ. Вездѣ было тихо; большинство республиканцевъ, вѣроятно, спало, прислонясь головами къ мѣшкамъ, вокругъ разведеннаго ими большаго огня; нѣкоторые отдыхали въ домахъ. Часы медленно постукивали, огонь все еще трещалъ на очагѣ.

Такъ прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ на улицѣ поднялся страшный шумъ; вылетѣло и разбилось окно, съ трескомъ отворилась дверь, и сосѣдъ нашъ, Іосифъ Спикъ, цѣловальникъ, сталъ кричать:

— Помогите! Горимъ!

Но въ деревнѣ никто не шевельнулся; всѣ были слишкомъ довольны, что могутъ не выходить изъ дому. Командиръ слушалъ.

— Сержантъ пошелъ посмотрѣть и черезъ нѣсколько минутъ вернулся.

— Что случилось?—спросилъ командиръ.

— Какой-то бурбонъ, цѣловальникъ, отказывается исполнить требованіе гражданки Терезы, — съ серьезнымъ видомъ отвѣчалъ сержантъ.

— Пусть приведутъ его сюда!

Сержантъ вышелъ.

Минуты черезъ двѣ коридоръ нашъ наполнился народомъ; дверь отворилась; на порогѣ показался Іосифъ Спикъ въ маленькой куртки, широкихъ холщевыхъ штанахъ и въ колпакѣ фризированной шерсти, между четырьмя, державшими его, солдатами республиканской арміи, съ желтыми, какъ пряники, лицами, въ старыхъ шляпахъ, съ продранными локтями, съ большими заплатками на колѣняхъ и съ дырявыми башмаками, запитыми нитками, что, однакожъ, не мѣшало имъ задирать голову и быть гордыми, какъ орлы.

Засунувъ руки въ карманы куртки, согнувъ спину, съ плоскимъ лбомъ и отвислыми щеками, Іосифъ не держался болѣе на своихъ длинныхъ ногахъ, а смотрѣлъ въ землю, какъ безумный.

Сзади, въ тѣни, виднѣлась голова блѣдной и худой женщины, тотчасъ же привлекшей мое вниманіе: у нея былъ высокій лобъ, прямой носъ, продолговатый подбородокъ и синевато-чернаго цвѣта волосы. Волосы спускались на щеки широкими прядями и, подобранные за уши, были тамъ заплетены, что вытягивало лицо ея, профиль котораго былъ закрытъ. Глаза у нея были большіе и черные. На головѣ она носила пуховую шляпу съ трехцвѣтной кокардой, а подъ шляпой красный платокъ, завязанный у подбородка. До тѣхъ поръ я видалъ въ нашей мѣстности только бѣлокурыхъ или смуглыхъ женщинъ, а эта, несмотря на мою молодость, произвела во мнѣ удивленіе и восхищеніе; я смотрѣлъ на нее, совершенно смущенный; казалось, дядя былъ удивленъ не менѣе меня; она вошла въ сопровожденіи пяти или шести республиканцевъ, одѣтыхъ такъ же, какъ и первые, и мы во все время ея присутствія не спускали съ нея глазъ.

Когда она вошла въ комнату, на ней надѣтъ былъ большой синій суконный плащъ, съ тремя воротниками, падавшими ниже локтей, маленькій бочоночекъ, привязанный черезъ плечо, наконецъ, на шеѣ толстый черный шелковый галстукъ съ длинной бахромой, вѣроятно, какая-нибудь военная добыча, очень ловко украшавшая эту спокойную и гордую голову.

Командиръ ждалъ, чтобы всѣ вошли, и глядѣлъ, почти не спуская глазъ съ Іосифа Сика, который стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Потомъ, обратившись къ женщинѣ, приподнявшей шляпу, движеніемъ головы, онъ сказалъ:

— Ну, Тереза, что случилось?

— Вамъ извѣстно, командиръ, что на послѣднемъ привалѣ у меня не было уже ни капли водки, — сказала она твердо и ясно.—Явившись сюда, я прежде всего обѣжала деревню, чтобы достать водки, само собою разумѣется, не даромъ. Но здѣшніе люди все прячутъ, и только съ полчаса тому назадъ я увидала елку на дверяхъ этого человѣка. Канралъ Мерло, фузелеръ Цинцинната и барабанщикъ Горацій Коклесъ ходили со мною, чтобы помогать мнѣ. Мы вошли, спросили вина или водки, но у кайзерлика ничего не оказалось; онъ не понималъ насъ и притворялся глухимъ. Тогда мы принялись искать и шарить во всѣхъ углахъ и, наконецъ, въ глубинѣ дровяного двора открыли-таки входъ въ погребъ, заложенный хворостомъ. Вмѣсто того, чтобы разсердиться, на что мы имѣли полное право, мы спустились, нашли вино, сало, кислую капусту и водку; тогда мы налили свои бочонки, взяли сала и пошли потихоньку наверхъ. Увидавъ, что мы возвращаемся не съ пустыми руками, этотъ человѣкъ, спокойно сидѣвшій у себя въ комнатѣ, сталъ вдругъ кричать, какъ бѣшеный, и вмѣсто того, чтобы взять ассигнаціи, которыя мы ему вручили, разорвалъ ихъ, схватилъ меня за руку и дернулъ изъ всей мочи. Цинцинната положилъ ношу свою на столъ, взялъ этого долговязаго за шиворотъ и выбросилъ его за окно его балагана. Вотъ тогда-то и пришелъ сержантъ Лафлешъ.

Проговоривъ все это, Тереза отошла и стала позади другихъ. Тогда впередъ выступилъ маленькій, худощавый человѣчекъ, сухой и живой, съ шляпою набекрень и длинной палкой съ мѣднымъ набалдашникомъ, въ видѣ луковицы, подъ мышкой, и сказалъ:

— Командиръ, гражданка Тереза говорила вамъ о негодо-

ваніи и непріятности каждаго, кому пришлось бы столкнуться носомъ къ носу съ кайзеряпкомъ, лишеннымъ всякаго гражданскаго чувства и воображавшимъ...

— Хорошо,—прервалъ его командиръ,—съ меня довольно показаній гражданки Терезы!

И, обратившись къ Іосифу Спику, онъ сказалъ ему по нѣмецки, нахмуривъ брови:

— Ну-ка, отвѣчай: хочешь, чтобы тебя разстрѣляли? Стоитъ только свести тебя въ твой же садъ! Развѣ ты не знаешь, что ассигнаціи республики лучше вашего золота? На этотъ разъ я прощаю тебя, взявъ во вниманіе твое невѣдѣніе, но если тебѣ случится еще разъ прятать припасы и не брать въ уплату ассигнацій, я велю разстрѣлять тебя на деревенской площади, въ примѣръ другимъ. Ну, убирайся, долговязый дуракъ!

Командиръ выразительно произнесъ эту маленькую рѣчь и потомъ, обратившись къ маркитанткѣ, сказалъ:

— Хорошо, Тереза, ты можешь теперь наполнять боченокъ; человѣкъ этотъ не станетъ мѣшать тебѣ.—А вы отпустите его.

Толпа вышла, Тереза впереди всѣхъ. Іосифъ сзади. Бѣднята былъ блѣденъ, какъ мертвецъ; вѣдь онъ едва спасся.

Между тѣмъ разсвѣло.

Командиръ всталъ, свернулъ карту и положилъ ее въ карманъ. Потомъ онъ подошелъ къ одному изъ окопъ и сталъ смотрѣть на деревню. Мы съ дядей стали смотрѣть въ другое окно. Тогда было часовъ около пяти.

III.

Я никогда въ жизни не забуду эту тихую улицу, набитую спящими людьми: одни лежали врастяжку, другіе положивъ головы на мѣшки. Передо мною живо рисуются грязныя ноги, продранныя подошвы, заплатанная одежда, молодыя, загорѣлыя лица и старыя морщинистыя щеки, закрытыя вѣки, большія шляпы, выцвѣтшія эполеты, шишки на киверахъ, шерстяныя одѣяла съ красными мохнатыми каемками, совершенно продранные, сѣрые плащи и солома, разбросанная по грязи. Помню я эту глубокую тишину послѣ усиленной ходьбы, этотъ покой, напоминающій смерть, голубоватый полусвѣтъ, охватывающій все своею колеблющейся тѣнью, солнце, встающее въ туманѣ,

избы съ широкими соломенными крышами, глядящія черными маленькими окошечками, а вдали, съ обоихъ концовъ деревни, на Альтенбергѣ и Ресепкелѣ, надъ фруктовыми садами и конопляниками, между потухающими звѣздами, блескъ штыковъ часовыхъ; нѣтъ, никогда не забыть мнѣ этого страннаго зрѣлища. Я былъ тогда еще очень молодъ, но такія воспоминанія никогда не сглаживаются.

По мѣрѣ приближенія дня одушевлялась и картина: поднималась какая-нибудь голова, облокачивалась на локоть, смотрѣла, зѣвала и снова ложилась. Потомъ вдругъ вокакивалъ какой-нибудь старый солдатъ, стряхивалъ съ себя солому, надѣвалъ шляпу и начиналъ складывать свое ветхое одѣяло; другой свертывалъ свой плащъ и пристегивалъ его ремнями къ мѣшку; третій вытаскивалъ изъ кармана трубку и высѣкалъ огонь. Первые, поднявшіеся, собрались въ кучку и разговаривали между собою; къ нимъ подходили другіе, похлопывая ногами о землю, такъ какъ на дворѣ было холодно въ это время; огонь, разведенный на улицѣ и площади, уже погасъ.

Противъ насъ, на небольшой площадкѣ, стоялъ фонтанъ; нѣсколько республиканцевъ, окруживъ обросшую мхомъ колоду, мылись, смѣясь и подшучивая, несмотря на холодъ; другіе подходили къ жолобу и прикладывали рты, чтобы напиться.

Потомъ мало-по-малу стали отворяться дома, и изъ нихъ начали выходить солдаты, наклоняясь, чтобы не задѣть въ дверяхъ своими большими шляпами и ранцами. Почти у всѣхъ въ зубахъ торчали закуренныя трубки.

Направо отъ нашего овина, передъ харчевней Спика, стояла телѣжка маркитантки, крытая холстомъ; это была двухколесная одноколка, и оглобли ея лежали на землѣ.

Сзади одноколки стоялъ мулъ, прикрытый старой шерстяной попоной, съ красными и синими клѣтками, и вытягивалъ изъ нашихъ яслей длинный клочекъ сѣна и сентиментально жевалъ его, прищуривъ глаза.

Маркитантка сидѣла у окна противоположнаго дома и чинила маленькія панталоны, наклоняясь, отъ времени до времени, чтобы взглянуть подъ навѣсъ.

Тамъ барабанщикъ Горацій Коклесъ, Цинцинната, Мерло и еще одинъ высокій, веселый и сухопарый парень сидѣли другъ за другомъ верхомъ на вязанкѣ сѣна: они плели одинъ у другого

косу, поплевывая въ руку и приглаживая ею; Горацій Коклесъ сидѣлъ спереди и напѣвалъ пѣсенку, которую остальные подтягивали вполголоса.

Рядомъ съ ними, прислонившись къ двумъ старымъ бочкамъ, спалъ маленькій барабанщикъ, лѣтъ двѣнадцати, бѣлокурый, какъ я, и сильно интересовавшій меня. На него-то и заглядывала маркитантка, чиня, по всей вѣроятности, его штаны. Маленькій красный носъ его торчалъ на воздухѣ, ротъ былъ полураскрытъ, а спиною онъ прислонялся къ двумъ бочкамъ, положивъ одну руку на барабанъ; барабанныя палочки лежали съ аммуниціей, а на ногахъ, прикрытыхъ нѣсколькими клочками соломы, лежала грязная курчавая собака, согрѣвавшая его. Собака поднимала ежеминутно голову и глядѣла на него, какъ бы говоря: «мнѣ очень бы хотѣлось прогуляться по деревенскимъ кухнямъ!» Но мальчикъ не двигался, онъ сладко спалъ. Когда вдали раздавался лай, собака зѣвала: она не прочь была бы тоже залаять.

Вскорѣ изъ сосѣдняго дома вышли два офицера, хорошо сложенные, молодые, съ затянутою тальей. Когда они проходили мимо насъ, командиръ закричалъ имъ:

— Дюшенъ! Рихтеръ!

— Здравствуйте, командиръ,—сказали они, обернувшись.

— Смѣнены ли посты?

— Да, командиръ.

— Ничего новаго?

— Ничего.

— Черезъ полчаса трогаемся въ походъ. Рихтеръ, вели бить сборъ. Дюшенъ, зайди сюда.

Одинъ изъ офицеровъ вышелъ, другой направился подъ навѣсъ и сказалъ нѣсколько словъ Горацію Коклесу. Я разсматривалъ вошедшаго къ намъ офицера. Командиръ велѣлъ принести бутылку вина; они стали пить его, въ то время, какъ на дворѣ поднялся какой-то шумъ: это били сборъ. Я побѣжалъ посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Горацій Коклесъ, стоя съ поднятою вверхъ палкою передъ пятью барабанщиками, изъ которыхъ самый маленькій стоялъ слѣва, приказывалъ бить дробь. Дробь били, пока онъ держалъ палку вверхъ. Республиканцы сходились со всѣхъ сторонъ деревни, они равнялись въ два ряда передъ фонтаномъ, и сержанты начали перекличку. Мы съ дядей были поражены порядкомъ, царствовавшимъ у этихъ людей; на перекличку сер-

жантовъ они отвѣчали такъ скоро, что, казалось, будто со всѣхъ сторонъ раздается говоръ. Они взяли ружья и держали ихъ какъ копало, на плечѣ и прикладами къ землѣ.

Послѣ переклички водворилось молчаніе, и нѣсколько человѣкъ изъ каждаго взвода, выйдя подъ предводительствомъ капраловъ, пошли за хлѣбомъ. Гражданка Тереза впрягала мула въ одноколку. Черезъ нѣсколько минутъ солдаты возвратились, неся мѣшки и корзинки съ хлѣбомъ. Началась раздача.

Такъ какъ по приходѣ въ деревню республиканцы ѣли супъ, то хлѣбы они стали привязывать другъ другу къ ранцамъ.

— Ну, — закричалъ командиръ веселымъ голосомъ, — въ путь!

Онъ взялъ плащъ свой, набросилъ его на плечи и, не простившись съ нами, вышелъ.

Мы думали, что уже навѣки избавились отъ этихъ людей!

Когда командиръ выходилъ, бургемистръ пришелъ звать дядю къ себѣ, говоря, что жена его захворала, увидавъ республиканцевъ.

Они тотчасъ же вмѣстѣ ушли. Лизбета стала разставлять стулья и мести залу. На улицѣ слышалась команда офицеровъ: «Впередъ! Маршъ!» Барабанъ загремѣлъ; маркитантка кричала: «Ну, пошелъ!» И батальонъ двинулся уже въ путь, какъ вдругъ въ концѣ деревни раздался страшный трескъ. Послышались выстрѣлы, то по нѣсколько вдругъ, то по одиночкѣ.

Республиканцы уже входили въ улицу.

— Стой!—вскрикнулъ командиръ, приподнявшись на стременахъ, глядя и прислушиваясь.

Я бросился къ окну и увидалъ, что всѣ эти люди внимательно прислушивались, а офицеры, выступивъ изъ рядовъ, съ жаромъ о чемъ-то спорили съ начальникомъ.

Вдругъ на поворотѣ улицы показался солдатъ, онъ бѣжалъ съ ружьемъ на плечѣ.

— Командиръ!—издали кричалъ онъ, едва переводя духъ. — Кроаты! Они разбили аванпостъ... и идутъ сюда!..

Услыхавъ это, командиръ тотчасъ же повернулъ маршъ-маршемъ, бросился къ линіи и закричалъ:

— Стройтесь въ каре!

Офицеры, барабанщики, маркитантка тотчасъ же придвинулись къ фонтану, а роты между тѣмъ сходились, перекрещиваясь,

какъ колода картъ; они въ одну минуту образовали каре изъ трехъ рядовъ, оставивъ первыхъ посрединѣ. Почти въ то же время на улицѣ послышался страшный шумъ, кроаты мчались такъ, что земля дрожала! Какъ теперь вижу ихъ на поворотѣ улицы, въ широкихъ красныхъ плащахъ, развивавшихся сзади, какъ складки пятидесяти знаменъ, наклонившимися впередъ надъ сѣдлами, что почти совсѣмъ скрывало ихъ костлявыя и смуглыя лица съ желтоватыми усами.

Въ дѣтяхъ точно бѣсъ сидитъ; по крайней мѣрѣ, вмѣсто того, чтобы спрятаться, я остался и таращилъ глаза, глядя на битву, хотя я и очень трусилъ, но любопытство взяло верхъ надъ чувствомъ страха.

Пока я смотрѣлъ и дрожалъ, кроаты уже прискакали на площадь. Въ ту же секунду послышался крикъ командира: «Пали!» Раздался ударъ грома, и въ ушахъ у меня все затрещало. Вся сторона каре, обращенная къ улицѣ, сразу выстрѣлила; стекла въ нашихъ окнахъ посыпались съ трескомъ; комнаты наполнились осколками картечи, дымомъ и запахомъ пороха.

Волосы у меня стали дыбомъ, но я продолжалъ смотрѣть, какъ кроаты, приподнявшись на своихъ большихъ лошадяхъ, подскакивали, падали и снова подскакивали въ сѣромъ дыму, какъ будто желая влѣзть на каре; сзади постоянно подъѣзжали кроаты и дикимъ голосомъ кричали: «впередъ! впередъ!»

— Второй разъ пали!—крикнулъ командиръ среди ржанія лошадей и безконечныхъ криковъ.

Голосъ его былъ такъ ровенъ, какъ будто онъ говорилъ у насъ въ комнатѣ.

Раздался снова ударъ грома; черепицы попадали съ крышъ, небо и земля точно смѣшались, а Лизбета сзади, на кухнѣ, кричала такъ пронзительно, что, несмотря на весь гамъ, крики ея раздавались, какъ свистки.

Послѣ залпа цѣлаго взвода началась перестрѣлка бѣглымъ огнемъ. Видно было, какъ ружья второй шеренги наклонялись, выстрѣливали и поднимались; первая шеренга, стоя на колѣняхъ, держала штыки на отлетъ, а третья заряжала ружья и подавала второй.

Кроаты бушевали вокругъ каре, издали ударяя большими шашками; отъ времени до времени падала чья-нибудь шляпа, а иногда и человѣкъ. Одинъ изъ кроатовъ, поднявъ лошадь на дыбы,

скакнулъ такъ сильно, что перелетѣлъ всѣ три шеренги и попалъ въ средину каре, но республиканскій командиръ бросился на него и страшнымъ ударомъ точно пригвоздилъ его къ спинѣ лошади. Я видѣлъ, какъ республиканецъ вытащилъ красную до рукоятки саблю, и у меня по кожѣ точно морозъ пробѣжалъ. Я хотѣлъ бѣжать, но не успѣлъ еще встать, какъ кроаты круто повернули и ускакали, оставивъ на площади кучу людей и лошадей.

Лошади пытались вставать и опять падали. Пять или шесть кавалеристовъ, попавшихъ подъ лошадей, всѣми силами старались освободить свои ноги; другіе въ крови ползли на четверенькахъ съ поднятою рукою и, боясь быть добитыми, жалобнымъ голосомъ молили: «пощади, французъ!» (Pardône, Françôse!); нѣкоторые отъ нестерпимой боли молили докончить ихъ. Большая часть лежала безмолвно.

Въ первый разъ я вполнѣ понялъ, что такое смерть: эти люди, которыхъ за нѣсколько минутъ видѣлъ полными жизни и силы, съ бѣшенствомъ нападавшими на враговъ, теперь лежали безчувственные, какъ булыжникъ на дорогѣ.

Въ рядахъ республиканцевъ тоже были пустыя мѣста, тѣла, лежавшія ницъ, и нѣсколько раненыхъ съ окровавленными щеками и лбомъ; они завязывали себѣ голову, придерживая ружья ногами и не выходя изъ рядовъ; товарищи помогали имъ бинтовать раны и надѣвать сверху шляпы.

Командиръ, верхомъ на лошади, стоялъ около фонтана; уголъ большой шляпы его съ перьями касался спины, въ рукѣ онъ держалъ саблю и приказывалъ шеренгамъ сдвинуться; подлѣ него рядомъ стояли барабанщики, а нѣсколько поодаль, подлѣ колоды, маркитантка и ея одноколка. Трубы кроатовъ трубили отступленіе. Они остановились за поворотомъ улицы; тамъ, за угломъ сборнаго дома, стоялъ ихъ часовой, и видѣлась только голова лошади. Изрѣдка раздавались еще выстрѣлы.

— Прекрати огонь!—скомандовалъ командиръ.

Наконецъ, все стихло, только издали слышалась труба.

Маркитантка стала обходить по рядамъ, наливая солдатамъ водки, а семь или восемь здоровыхъ дѣтинъ пошли къ фонтану зачерпнуть деревянными чашками воды для раненыхъ, жалобнымъ голосомъ просившихъ пить.

Высунувшись изъ окошка, я глядѣлъ въ конецъ опустѣвшей улицы, спрашивая себя: осмѣлятся ли красные плащи опять

явиться? Командиръ смотрѣлъ туда же, разговаривая съ однимъ изъ своихъ офицеровъ, который стоялъ подлѣ него, облокотившись на его сѣдло. Вдругъ капитанъ пробѣжалъ каре, раздвинулъ шеренги и бросился къ намъ, закричавъ:

— Хозяинъ дома?

— Онъ вышелъ.

— Ну, такъ... ты... сведи меня къ вамъ на чердакъ... скорѣе!

Я оставилъ на мѣстѣ свои деревянные башмаки и, какъ векша, взобрался вверхъ по лѣстницѣ, находившейся въ концѣ коридора. Капитанъ шелъ за мной. Наверху онъ съ перваго взгляда замѣтилъ лѣстницу на голубятню и вошелъ прежде меня. Въ голубятнѣ онъ облокотился обѣими руками на низенькое слуховое окно и сталъ смотрѣть. Я глядѣлъ черезъ плечо. Вся дорога, насколько ее можно было видѣть, была покрыта кавалеріей, инфантеріей, пушками, зарядными ящиками, красными плащами, зелеными тулупами, бѣлыми мундирами, касками, латами, рядами пикъ, штыковъ, лошадей, и все это двигалось къ деревнѣ.

— Это цѣлая армія!—прошепталъ капитанъ.

Онъ быстро повернулся, чтобы спуститься, но вдругъ у него блеснула какая-то мысль и, указывая мнѣ вдоль деревни, выстрѣла за два, на красные плащи, входившіе въ углубленіе между фруктовыми садами, онъ сказалъ:

— Видишь эти красные плащи?

— Да.

— Есть тамъ проѣзжая дорога?

— Нѣтъ, но есть тропинка.

— Глубокъ ли оврагъ, идущій тамъ по срединѣ, прямо передъ нами?

— Да, глубокъ.

— Можно ли проѣхать черезъ него въ телѣгахъ или въ одноколкахъ?

— Нѣтъ, нельзя.

Тогда, не разспрашивая меня болѣе, онъ задомъ спустился съ верхней лѣстницы, какъ только могъ скоро, и потомъ сбѣжалъ со второй. Я карабкался за нимъ; мы скоро были внизу, но не успѣли дойти до конца корридора, какъ дома уже задрожали отъ приближавшейся кавалеріи. Несмотря на это, капитанъ перешелъ черезъ площадь, раздвинулъ двухъ человѣкъ въ шеренгѣ и скрылся.

Улица съ начала до конца огласилась тысячами криковъ, обрывистыхъ, странныхъ, похожихъ на каркапье воронъ: «ура! ура!», почти заглушавшихъ топотъ лошадей.

Возгордившись объясненіемъ съ капитаномъ на голубятнѣ, я имѣлъ неосторожность показаться въ дверяхъ. Уланы мчались какъ вихрь, съ пиками на отлетъ, за спинами ихъ развѣвались доломаны изъ мерлушекъ, уши были спрятаны въ огромныя мѣховыя шапки, глаза вытаращены, носы уткнуты въ усы, и за поясомъ по большому пистолету съ желѣзной ручкой. Все это представилось мнѣ точно какое-то видѣніе. Я едва успѣлъ стокочить: кровь у меня точно застыла въ жилахъ, и только, когда началась перестрѣлка, я очнулся въ глубинѣ нашей комнаты, противъ разбитыхъ оконъ.

Въ воздухѣ потемнѣло отъ дыма, а каре покрылось бѣлымъ паромъ. Сзади видѣнъ былъ только командиръ, неподвижно сидѣвшій на лошади подлѣ фонтана: онъ походилъ на бронзовую статую, среди этихъ голубоватыхъ волнъ, изъ которыхъ выскакивали сотни яркихъ огоньковъ. Уланы, какъ громадные кузнечики, скакали вокругъ, вопзали и вытаскивали пики; нѣкоторые изъ нихъ въ четырехъ шагахъ отъ непріятельскихъ рядовъ выстрѣливали изъ своихъ большихъ пистолетовъ.

Мнѣ казалось, что каре стало подаваться, и это было такъ.

— Сомкнитесь тѣснѣе! Не поддавайтесь!—спокойнымъ голосомъ кричалъ командиръ.

— Сомкнитесь тѣснѣе! Сомкнитесь!— повторяли отъ времени до времени офицеры.

Но каре отступало, образуя въ серединѣ полукругъ; заднія ряды почти прижались къ фонтану. Всякій ударъ пики отражался, какъ молніей, штыкомъ, но иногда съ ударомъ падалъ человѣкъ. Республиканцамъ некогда уже было заряжать, они больше не стрѣляли, а уланы все наѣзжали, все въ большемъ количествѣ, все смѣлѣе окружали и бушевали вокругъ каре, и увѣренные въ побѣдѣ, уже испускали побѣдоносные крики.

Я тоже думалъ, что республиканцы погибли; но, въ самомъ сильномъ разгарѣ битвы, командиръ поднялъ свою шляпу на саблю и началъ пѣть пѣсню, отъ которой морозъ по кожѣ подиралъ; весь батальонъ, какъ одинъ человѣкъ, запѣлъ съ нимъ.

Въ одинъ мигъ вся передняя сторона каре двинулась, отбрасывая въ улицу всю массу улановъ, которые, сдвинутые та-

кимъ образомъ, походили съ своими длинными пиками на поле съ колосьями.

Эта пѣснь точно приводила республиканцевъ въ бѣшенство: ничего ужаснѣе я не видывалъ! Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходило въ голову, что люди, разъяренные битвой, болѣе жестоки, чѣмъ хищные звѣри.

Послѣдніе ряды австрійской колонны, находившіеся въ концѣ улицы, не видя, что дѣлается впереди, все двигались, продолжая кричать «ура, ура!», такъ что первые ряды, отталкиваемые спереди штыками республиканцевъ, не могли отступать, и, бросаясь въ страшномъ безпорядкѣ, отчаянно кричали: большія ихъ лошади, уколотыя въ ноздри штыками, становились на дыбы, выпучивъ глаза, дико ржали и страшно брыкались. Я издали смотрѣлъ на этихъ несчастныхъ улановъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса, видѣлъ, какъ они обертывались и рукояткою пики били своихъ же, прочищая себѣ дорогу и убѣгая, точно зайцы, за домики.

Черезъ двѣ минуты улица опустѣла. На площадяхъ оставались замкнутыми человѣкъ двадцать пять или тридцать. Они не видали, что товарищи ихъ бѣжали, и, не зная теперь куда дѣться, совсѣмъ растерялись; но и это длилось недолго: съ новымъ залпомъ они легли на мѣстѣ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, бросившихся въ переулокъ кожевенниковъ.

Остались только груды убитыхъ лошадей и людей; кровь текла по жолобу до нашей канавки.

— Не стрѣляй!—вторично крикнулъ командиръ.—Заряжай ружья!

Въ эту минуту на церковной башнѣ пробило девять часовъ. Трудно описать, какой видъ представляла собою деревня: дома, испещренные пулями, окна, висящія на крюкахъ, разбитыя стекла, качающіяся трубы, улицы, полныя черепицъ и сломанныхъ кирпичей, прострѣленныя насквозь крыши навѣсовъ и груды опрокинутыхъ лошадей, которыя бились, исходя кровью.

Республиканцы, потерявшіе половину своихъ, отодвинувъ свои большія шляпы на затылокъ, ждали съ оружіемъ въ рукахъ, глядя стойко и свирѣпо. Позади ихъ, за нѣсколько шаговъ отъ нашего дома, командиръ разсуждалъ съ офицерами. Мнѣ ясно слышались слова его:

— Передъ нами цѣлая австрійская армія,—отрывисто го-

ворилъ онъ,—дѣло въ томъ, чтобы уйти цѣлыми. Черезъ часъ передъ нами будетъ двадцать или тридцать тысячъ человѣкъ; они своей пѣхотой обойдутъ деревню, и тогда мы всѣ пропали. Я велю бить отступленіе. Есть противъ этого возраженіе?

— Нѣтъ, дѣло очевидное,—отвѣчали другіе.

Они удалились. Минуты черезъ двѣ множество солдатъ вошли въ дома и стали набрасывать въ груду стулья, столы, шкафы, нѣкоторые бросали съ чердаковъ сѣно и солому; другіе привозили изъ-подъ навѣсовъ одноколки и телѣги. Не болѣе чѣмъ въ десять минутъ при въѣздѣ въ улицу возвышалась высокая баррикада; сверху и снизу баррикады были накладены сѣно и солома. Барабанный бой отозвалъ людей, строившихъ баррикаду; вслѣдъ за этимъ огонь началъ пробѣгать змѣйками до верху баррикады, заметая краснымъ пламенемъ боковыя крыши и распуская по деревнѣ черный дымъ.

Съ другой стороны баррикады раздались громкіе крики; послышалось нѣсколько выстрѣловъ, но ничего не было видно, и командиръ отдалъ приказаніе отступать.

Я видѣлъ, какъ республиканцы проходили мимо насъ, твердымъ и тихимъ шагомъ, съ сверкающими глазами, красными штыками, закопченными руками и ввалившимися щеками. Позади шли два барабанщика, но въ барабанъ они не били; одинъ изъ нихъ былъ тотъ маленькій, что спалъ подъ нашимъ навѣсомъ; барабанъ у него висѣлъ на плечѣ, онъ шелъ согнувъ спину; по круглымъ щекамъ его, почернѣвшимъ отъ пороха и дыма, текли крупныя слезы; товарищъ его говорилъ ему:

— Полно, Жанъ, не горюй!

Но онъ, казалось, не слушалъ его.

И Горацій Коклесъ и маркитантка—исчезли. Я провожалъ республиканцевъ глазами до поворота улицы.

Въ сборномъ домѣ били въ набатъ, и издали долетали жалобные крики: «пожаръ, пожаръ!»

Я взглянулъ на баррикаду республиканцевъ; пламя охватывало дома и поднималось къ небу; съ другой стороны шумъ оружій наполнялъ улицу, и уже въ сосѣднихъ домахъ изъ слуховыхъ оконъ высовывались длинныя черныя пики, которыми разламывали горѣвшую баррикаду.

IV.

По уходѣ республиканцевъ, еще по крайней мѣрѣ съ четверть часа никто не показывался съ нашей стороны улицы. Всѣ дома казались точно пустыми. Но съ другой стороны баррикады смятеніе все увеличивалось, и крики: «Пожаръ, горимъ!» раздавались все громче и тревожнѣе.

Испуганный пожаромъ, я вышелъ подъ навѣсъ. Ничто не двигалось, только огонь трещалъ, и раздавались стоны раненаго, который сидѣлъ въ нашемъ хлѣвѣ, прислонившись къ стѣнѣ; у него въ поясницѣ засѣла пуля, и онъ подпирался обѣими руками, чтобы не упасть: это былъ кроатъ; на меня онъ глядѣлъ страшно и безнадежно. Нѣсколько поодаль, лежала на боку лошадь и, какъ маятникъ, качала головой на длинной шеѣ.

Въ то время, какъ я стоялъ и думалъ, что французы эти должны быть страшные разбойники, такъ какъ они безъ всякой причины подожгли насъ, за мной что-то слегка зашевелилось; я увидѣлъ въ глубинѣ навѣса, за клочьями соломы, упавшей съ балокъ, полуотворенную дверь нашей риги, и въ дверяхъ блѣдное, съ вытаращенными глазами лицо сосѣда нашего Спика. Высунувъ тихонько голову, онъ прислушивался; потомъ, увѣрившись, что республиканцы ушли, онъ выскочилъ и, поднимая топоръ, закричалъ, какъ бѣшеный:

— Гдѣ эти негодяи, гдѣ они? Я всѣхъ ихъ перебью!

— А,—сказалъ я,—ушли; но бѣгите, вы догоните ихъ въ концѣ деревни.

Онъ искоса посмотрѣлъ на меня, и увидавъ, что я говорю не шутя, побѣжалъ на пожаръ.

Тотчасъ же стали отворяться и другія двери; мужчины и женщины выходили изъ нихъ, смотрѣли и, поднявъ руки кверху, воскликали: «Будь они прокляты! Будь они прокляты!» Потомъ они поспѣшно брали ведра и шли тушить.

Скоро около фонтана толпился кучами народъ; вокругъ не доставало мѣста; съ обѣихъ сторонъ образовались цѣпи до самыхъ сѣней угрожаемыхъ домовъ. Нѣсколько солдатъ, стоя на крышахъ, лили воду въ пламя; но все, что можно было сдѣлать,—это предохранить сосѣдніе дома. Къ одиннадцати часамъ изъ баррикады поднялся голубой огненный столбъ: въ числѣ

сложенныхъ въ баррикаду телѣгъ была одноколка маркитантки: два ея боченка съ водкой вспыхнули.

Дядя Яковъ находился тоже въ цѣпи съ другой стороны, подъ пристальнымъ наблюденіемъ австрійскихъ часовыхъ; но, проходя черезъ дворъ, ему удалось, однако, ускользнуть, и онъ пробрался домой огородами.

— Слава Богу!—воскликнулъ онъ.—Фрицель спасенъ!

Этотъ случай показалъ мнѣ, что онъ сильно любитъ меня. Цѣлуя меня, онъ спрашивалъ:

— Гдѣ же ты былъ, бѣдняжка?

— У окна,—отвѣчалъ я.

Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и закричалъ:

— Лизбета! Лизбета!

Она не только не отвѣчала, но мы даже не могли найти ее. Мы пошли по всѣмъ комнатамъ, смотрѣли даже подъ постелями, и предположили, что она убѣжала спасаться къ какой-нибудь сосѣдкѣ.

Между тѣмъ пожаръ потушили, и до насъ долетали крики австрійцевъ: «Съ дороги!.. Назадъ!..»

Въ ту же минуту мимо насъ пронесся, какъ молнія, полкъ кроатовъ. Они бросились тотчасъ за республиканцами. — На слѣдующій день мы узнали, что они не догнали; французы добрались до Ротальскихъ лѣсовъ, начинавшихся за Пирмазенсомъ. Только тогда поняли мы, зачѣмъ люди эти устроили на дорогѣ баррикаду и зажгли дома: имъ хотѣлось задержать погоню кавалеріи, а это, конечно, показываетъ ихъ опытность въ военныхъ дѣлахъ,

Съ этихъ поръ и до пяти часовъ по деревнѣ передъ нашими окнами все тянулись двѣ австрійскія бригады: уланы, драгуны, гусары; потомъ пушки, фургоны, зарядные ящики; часовъ около трехъ проѣхалъ главнокомандующій, окруженный офицерами, высокій старикъ въ трехъугольной шляпѣ и длинной бѣлой венгеркѣ съ такой бездною шнурковъ и золотого шитья, что республиканскій командиръ, съ своей шляпой и истертымъ мундиромъ, походилъ по сравненію съ нимъ на простого капрала.

Бургомистръ и совѣтники Аншлата, въ суконныхъ платьяхъ съ широкими рукавами, безъ шапокъ, ждали его на площади.

Онъ остановился минуты на двѣ, посмотрѣлъ на убитыхъ, наваленныхъ въ кучу около фонтана, и спросилъ:

— Сколько французовъ было здѣсь?

— Батальонъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ бургомистръ, перегнувшись въ дугу.

Генералъ не сказалъ ни слова, приподнялъ шляпу и поѣхалъ далѣе.

За генераломъ ѣхала вторая бригада: впереди тирольскіе охотники, въ зеленыхъ мундирахъ, черныхъ шляпахъ съ приподнятыми полями, вооруженные маленькими инспрукскими ружьями; за ними шла другая инфантерія, въ бѣлыхъ мундирахъ и небесно-голубыхъ штанахъ, съ штиблетами, доходившими до колѣнъ; потомъ тяжелая кавалерія изъ людей ростомъ въ шесть футовъ, обложенныхъ латами, изъ-подъ касокъ которыхъ виднѣлись одни ихъ рыжіе усы; наконецъ, аріергардъ составлялъ походный госпиталь, затянутый по обручамъ сѣрымъ холстомъ, и на самомъ заду слабые ногами, отстававшіе и трусы.

Хирурги арміи обошли площадь. Они подняли раненыхъ и посадили ихъ на свои фуры; а одинъ изъ главныхъ хирурговъ, маленькій старичекъ въ бѣломъ парикѣ, сказалъ бургомистру, показывая на убитыхъ:

— Какъ можно скорѣе, велите похоронить все это.

— Радъ стараться,—почтительно отвѣчалъ бургомистръ.

Наконецъ, къ шести часамъ вечера уѣхали и послѣднія телѣги. Смеркалось. Мы съ дядей стояли на порогѣ нашего дома. Шаговъ на пятьдесятъ передъ нами, у фонтана, на всѣхъ ступеняхъ лежали въ порядкѣ тѣла, лицами вверхъ и съ широко раскрытыми глазами: отъ потери крови, они казались бѣлыми какъ воскъ. Женщины и дѣти деревни прохаживались вокругъ.

Явился могильщикъ Жефферъ и сыновья его, Карлъ и Людвигъ, съ заступами въ рукахъ; бургомистръ сказалъ имъ:

— Возьмите съ собой человѣкъ двѣнадцать и выройте большую яму для всѣхъ этихъ людей въ долинѣ Вольфталь; понимаете? Всѣ, у кого есть телѣги или дроги, должны дать ихъ, вмѣстѣ съ лошадьми, такъ какъ это общественная служба.

Жефферъ поклонился, и тотчасъ же отправился въ Вольфталь съ своими работниками и съ другими взятыми имъ людьми.

— Гдѣ же, однако, наша Лизбета?—сказалъ мнѣ дядя.

Мы возобновили наши поиски на чердакѣ и въ погребѣ, и только подъ конецъ, поднимаясь, увидали въ тѣни, за кадкой съ кислой капустой, между двумя отдушинами, груду грязнаго бѣлья, которую дядя сталъ разрывать. Лизбета тотчасъ же закричала жалобнымъ голосомъ:

— Не убивайте меня! Ради Бога, пожалѣйте меня!

— Встань,—ласково сказалъ дядя,—все кончено!

Но Лизбета была еще такъ разстроена, что не могла передвигать ногами, и мнѣ пришлось вести ее наверхъ, какъ ребенка, за руку. Только увидавъ свѣтъ въ своей кухнѣ, сѣла она у очага и стала благодарить Бога за спасеніе: доказательство, что старые люди дорожатъ жизнію, не менѣе молодыхъ.

Никогда мнѣ не забыть минутъ отчаянія, наступившихъ потомъ, и бѣготни дяди, принужденнаго ходить на зовъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Не проходило минуты, чтобы не являлась какая-нибудь женщина или ребенокъ, восклицавшіе:

— Господинъ докторъ... поскорѣе... спѣшите... мужъ мой... братъ мой... сестра нездоровы!

Одинъ былъ раненъ, другой точно съ ума сходилъ отъ страху, третій лежалъ безъ всякихъ признаковъ жизни.

Дядя не могъ всюду поспѣть.

— Онъ тамъ-то, у такихъ-то,—говорилъ я этимъ несчастнымъ,—торопитесь!

И они уходили.

Онъ пришелъ домой очень поздно, часовъ около десяти. Лизбета нѣсколько оправилась отъ перепугу; она развела огонь въ очагѣ и накрыла на столъ, какъ обыкновенно; но штукатурка потолка, обломки рамъ и дерева еще лежали на полу. Посреди всего этого мы сѣли за столъ и стали, молча, ѣсть.

Дядя отъ времени до времени поднималъ голову и смотрѣлъ на факелы, съ которыми ходили около покойниковъ, на черныя телѣги съ маленькими лошаденками, стоявшія около фонтана, на могильщиковъ, на любопытныхъ. На все это онъ смотрѣлъ серьезно, и вдругъ, къ концу ужина, протянувъ туда руку, сталъ мнѣ говорить:

— Вотъ, что значитъ война, Фрицель! Смотри и помни ее!.. Да, вотъ война: смерть и разрушеніе, бѣшенство и ненависть, забвеніе всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Когда Господь выра-

ражая гнѣвъ свой, насылаетъ на насъ чуму и голодъ,—эти неизбѣжныя бѣдствія опредѣлены, по крайней мѣрѣ, его мудростью; а тутъ вѣдь самъ человѣкъ насылаетъ несчастье себѣ подобнымъ и самъ безжалостно вноситъ разрушеніе. — Еще вчера мы жили въ мирѣ, не прося ничего у другихъ и не сдѣлавъ никому зла, какъ вдругъ чужіе люди пришли бить, разорять и уничтожать насъ. Проклятіе этимъ честолюбцамъ! Пусть они будутъ считаться позоромъ вѣка.—Фрицель, помни это; на землѣ нѣтъ ничего хуже этого. Люди, не знающіе другъ друга, никогда не видавшіе другъ друга, вдругъ бросаются другъ на друга! Ужъ это одно можетъ заставить увѣровать въ Бога, потому что за такія дѣла нуженъ мститель.

Такъ говорилъ дядя; онъ былъ сильно взволнованъ, а я, потупивъ голову, слушалъ со вниманіемъ и запоминалъ каждое слово его.

Мы просидѣли съ полчаса; на площади между тѣмъ начался какой-то споръ; до насъ доходили глухое ворчаніе собаки и голосъ нашего сосѣда, Спика, говорившаго съ раздраженіемъ:

— Постой!.. Погоди!.. Негодная собаченка, я вотъ дамъ тебѣ затрещину лопатой. Ты такое же животное, какъ и хозяева твои: вишь, вздумали платить ассигнаціями и бранью, но не на такого напали.

Собака заворчала еще сильнѣе.

Посреди ночной тишины слышались и другіе голоса, говорящіе:

— Право, странно... смотрите... Не оставляетъ эту женщину... можетъ быть, она еще не умерла?

Дядя быстро всталъ и вышелъ. Я пошелъ за нимъ.

Нѣтъ ничего страшнѣе лицъ мертвецовъ, освѣщенныхъ красноватымъ свѣтомъ факеловъ. Хотя вѣтру и не было, но пламя колыхалось, и, казалось, будто всѣ эти блѣдные мертвецы съ открытыми глазами шевелятся.

— Не умерла!—кричалъ Спикъ.—Да что ты съ ума сошелъ, Жефферъ! Небось, ты знаешь больше хирурговъ арміи? Нѣтъ... нѣтъ... дѣло ея покончено... и хорошо, что покончено... это вѣдь та женщина, что заплатила мнѣ за водку бумажками. Ну, пустите меня, я хвачу собаку, и всему будетъ конецъ!

— Что тутъ дѣлается?—громкимъ голосомъ сказалъ дядя.

Всѣ стоявшіе обернулись, точно испуганные.

Могильщикъ снялъ шапку, а два или три человѣка посторонились, и мы увидѣли на ступени фонтана распростертую маркитантку, бѣлую, какъ снѣгъ; ея прелестные черные волосы разпустились въ кровавой лужѣ, на бедрѣ былъ еще маленькій бѣченокъ, а раскинутые руки лежали на мокромъ камнѣ, по которому текла вода. Вокругъ нея лежало еще нѣсколько труповъ; а мохнатая собаченка, которую я видѣлъ утромъ съ маленькимъ барабанщикомъ, ощетинившись, сверкая глазами и дрожа губами, стояла у ногъ женщины, ворчала и тряслась, глядя на Спика.

Несмотря на тяжелый застунъ, цѣловальникъ не смѣлъ приблизиться, понимая, что если онъ промахнется, собака вцѣпится ему въ горло.

— Что тутъ такое?—повторилъ дядя.

— Тутъ стоитъ собака,—смѣясь, отвѣчалъ Спикъ,—вотъ они и думаютъ, что эта женщина не умерла.

— Они правы,—рѣзко сказалъ дядя,—у нѣкоторыхъ животныхъ больше сердца и ума, чѣмъ у нѣкоторыхъ людей,—Отойди!

Онъ оттолкнулъ его локтемъ и, наклонившись, подошелъ прямо къ женщинѣ. Собака не только не бросилась на него, но, казалось, успокоилась и позволяла ему дѣлать, что угодно. Всѣ придвинулись; дядя сталъ на колѣни, открылъ грудь женщины и положилъ ей руку на сердце. Всѣ молчали; водворилась мертвая тишина. Такъ прошло съ минуту.

— Хе, хе, хе! Надо похоронить ее; не правда ли, господинъ докторъ?—спросилъ Спикъ.

Дядя всталъ, нахмурилъ брови и, осмотрѣвъ Спика съ головы до ногъ, сказалъ:

— Несчастный, изъ-за нѣсколькихъ жалкихъ мѣрокъ водки, за которыя эта бѣдная женщина заплатила тебѣ, чѣмъ могла, тебѣ хотѣлось бы видѣть ее мертвою или даже, можетъ быть, заживо погребенною!

— Господинъ докторъ,—началъ съ наглостью цѣловальникъ,—извѣстно ли вамъ, что есть законы, и что...

— Молчи,—прервалъ его дядя,—поступокъ твой мерзокъ! И, обращаясь къ другимъ, онъ сказалъ:

— Жефферъ, перенеси эту женщину ко мнѣ; она еще жива.

Онъ бросилъ на Спика послѣдній взглядъ презрѣнія, а могильщикъ и сыновья его положили маркитантку на носилки. Всѣ мы пошли; собака побѣжала за дядей, прижимаясь къ его ногамъ. Цѣловальникъ, глядя намъ вслѣдъ, бормоталъ насмѣшливымъ тономъ:

— Женщина эта умерла, докторъ понимаетъ не больше моего заступа! Женщина эта умерла... а что ее похоронятъ завтра, а не сегодня, въ этомъ разница не велика... посмотримъ, кто изъ насъ правъ?

Переходя площадь, я увидѣлъ, что кротоловъ и Коффель шли за нами, что успокоило меня, потому что, съ наступленіемъ ночи, мною овладѣлъ какой-то страхъ, въ особенности, въ присутствіи покойниковъ, и я былъ радъ, что насъ много.

Кротоловъ шелъ передъ носилками и несъ большой факелъ; Коффель шагалъ подлѣ дяди и казался серьезнымъ.

— Ужасныя вещи,—сказалъ онъ, продолжая итти.

— А, это вы, Коффель!—сказалъ дядя.—Да, да, духъ зла парилъ въ воздухѣ, и появились духи тьмы!

Въ это время мы вошли въ маленькій коридоръ, заваленный обвалившейся штукатуркой; кротоловъ остановился на порогѣ, свѣтя Жефферу и сыновьямъ его, ступавшимъ тяжелыми шагами. Всѣ мы вошли за ними въ комнату, и кротоловъ, поднявъ факелъ, торжественно воскликнулъ:

— Гдѣ они, дни спокойствія, минуты мира, отдыха и довѣрія послѣ трудовъ... гдѣ они, господинъ докторъ? Увы, они вылетѣли во всѣ эти отверстія.

Тутъ только я хорошенько разглядѣлъ жалкій видъ нашей старой комнаты, разбитыя стекла; ихъ острые края и блестящіе углы обрисовывались на черномъ фонѣ ночного мрака; я понялъ слова кротолова и подумалъ, что мы очень несчастливы.

— Жефферъ, положите ее на мою постель,—сказалъ дядя съ грустью,—не надо изъ-за своихъ бѣдствій забывать тѣхъ, которые еще несчастнѣе насъ.

Обратившись къ Кротолову, онъ прибавилъ:

— Останьтесь посвѣтить мнѣ, а Коффель поможетъ намъ.

Могильщикъ и сыновья его поставили носилки на полъ, а женщину положили въ глубину алькова. Кротоловъ, кирпичный

щеки котораго приняли отъ факеловъ алый оттѣнокъ, свѣтилъ имъ.

Дядя далъ нѣсколько крейцеровъ Жефферу, и тотъ вышелъ съ сыновьями.

Старая Лизбета пришла посмотрѣть; подбородокъ ея дрожалъ, она не смѣла подойти, и я слышалъ, какъ она потихоньку шептала: «Ave Maria». Страхъ ея началъ переходить и на меня, когда дядя вскричалъ:

— Лизбета, что у тебя въ головѣ! Побойся Бога, съ ума ты сошла что ли? Не похожа ли эта женщина на другихъ, и не помогала ли ты мнѣ сотни разъ разъ при монхъ операціяхъ? И вотъ... вдругъ дурь взяла верхъ... Пойди... нагрѣй воды; большаго отъ тебя мнѣ не добиться.

Собака усѣлась передъ альковомъ и смотрѣла изъ-подъ кудрявыхъ бровей на лежавшую на постели женщину, неподвижную и блѣдную, какъ покойница.

— Фрицель,—сказалъ мнѣ дядя,—затвори ставни, здѣсь будетъ теплѣе. А вы, Коффель, затопите печку, на помощь Лизбеты разсчитывать нечего. Хоть бы сохранить спокойствіе среди столькихъ бѣдствій! Но всѣ бѣды идутъ вмѣстѣ: когда чортъ поскачетъ, не знаешь, гдѣ онъ остановится.

Такъ говорилъ дядя съ видомъ отчаянья. Я побѣжалъ затворять ставни, и слышалъ, что онъ затворялъ крючки изнутри. Взглянувъ на фонтанъ, я увидѣлъ, что оттуда отправляютъ еще двѣ телѣги съ мертвыми. Войдя въ комнату, я весь дрожалъ.

Коффель развелъ огонь, затрещавшій въ печкѣ; дядя разложилъ на столѣ инструменты; кротоловъ ждалъ, глядя на блескъ множества ножичковъ.

Дядя взялъ зондъ и подошелъ къ постели, раздвигая занавѣски, кротоловъ и Коффель пошли за нимъ. Меня одолѣло любопытство, я пошелъ смотрѣть: свѣча освѣщала весь альковъ; женщина лежала обнаженная до пояса, дядя разрѣзалъ на ней платье; Коффель мылъ ей большой губкой шею и грудь, покрытыя запекшейся кровью, собака сидѣла, не шевелясь и не спуская глазъ. Лизбета снова вошла въ комнату; она держала меня за руку и шептала какую-то молитву. Въ альковѣ всѣ молчали, и дядя, услыхавъ голосъ старой служанки, закричалъ на нее, серьезно осердившись:

— Замолчишь ли ты, старая дура? Ну, кротоловъ, подними руку.

— Красивая женщина,—сказалъ кротоловъ,—и какъ молода еще.

— Какъ она блѣдна!—сказалъ Коффель.

Я подошелъ ближе и увидалъ женщину, блѣдную какъ снѣгъ, съ прекрасною грудью; голова ея была откинута назадъ, и волосы распущены. Кротоловъ держалъ ея руку поднятою, и подъ нею между грудью и подмышкою, виднѣлась синеватая рана, изъ которой сочилась кровь. Стиснувъ зубы, дядя Яковъ зондировалъ рану; зондъ не входилъ. Никогда не видавъ ничего подобнаго, я сталъ такъ внимателенъ, что все существо мое перенеслось въ глубину этого алькова, и я услышалъ, какъ дядя прошепталъ: «странно!»

Въ эту минуту женщина глубоко вздохнула, а собака, до сихъ поръ молчавшая, стала плакать жалобнымъ и кроткимъ голосомъ, точно человѣкъ; у меня волосы стали дыбомъ. Кротоловъ закричалъ:

— Молчать!

Собака замолчала, а дядя сказалъ:

— Кротоловъ, поднимите же руку. Коффель, пройдите сюда и подержите тѣло.

Коффель обошелъ за кровать и взялъ женщину за плечи; зондъ тотчасъ же глубоко вошелъ.

Женщина застонала, а собака заворчала.

— Ну,—сказалъ дядя,—она спасена. Смотрите, Коффель, видите: пуля прошла на ребра, она здѣсь подъ плечомъ, слышите ее?

— Слышу!

Дядя вышелъ и, увидавъ меня подъ занавѣской, воскликнулъ:

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Смотрю.

— Ну такъ, теперь онъ смотритъ! Вѣрно такъ и надо, чтобы все шло на выворотъ.

Онъ взялъ со стола ножъ и снова вошелъ.

Собака смотрѣла на меня сверкающими глазами, что меня безпокоило.

Вдругъ женщина воскликнула, и дядя весело проговорилъ:

— Вотъ она!.. Это пуля изъ пистолета. Бѣдняжка потеряла много крови, но ничего, поправится.

— Пуля попала въ нее во время сильнаго залпа уланъ,— сказалъ Коффель;—я былъ въ то время у старика Кромера, въ первомъ этажѣ, чистилъ его часы, и видѣлъ, какъ они выстрѣлили, подъѣзжая.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ дядя, которому только теперь пришло въ голову взглянуть на женщину.

Онъ взялъ свѣчку изъ рукъ Кротолова и, вставъ за кроватью, задумчиво смотрѣлъ нѣсколько минутъ на больную.

— Да,—сказалъ онъ,—красивая женщина и благородная голова! Какое несчастіе, что подобныя существа ходятъ за арміями! Не лучше ли было бы, если бы онѣ жили въ кругу честнаго семейства, окруженныя прекрасными дѣтьми, подлѣ хорошаго человѣка, осчастливленнаго ими? Жаль! Впрочемъ... на все воля Господа...

Онъ вышелъ и кликнулъ Лизбету.

— Дай одну изъ своихъ рубашекъ этой женщинѣ,—сказалъ онъ,—и сама надѣнь на нее.—Кротоловъ, Коффель, пойдемте; выпьемте по стакану вина, сегодняшній день былъ для всѣхъ тяжелымъ днемъ.

Онъ самъ сходилъ въ погребъ и возвратился въ ту минуту, какъ старуха пришла съ рубашкой; Лизбета, видя, что маркитантка не умерла, сдѣлалась похрабрѣе; она вошла въ альковъ и задернула занавѣски, пока дядя откупоривалъ бутылку и открывалъ буфетъ, доставая оттуда стаканы. Кротоловъ и Коффель, казалось, были довольны. Я тоже подошелъ къ накрытому еще столу, и мы докончили ужинъ.

Собака издали посматривала на насъ; дядя бросилъ ей нѣсколько кусочковъ хлѣба, которые она, однако, не тронула.

Въ это время церковные часы пробили часъ.

— Это бьетъ половина,—сказалъ Коффель.

— Нѣтъ, уже часъ; я думаю, намъ пора лечь спать,—отвѣчалъ кротоловъ.

Лизбета вышла изъ алькова; всѣ пошли взглянуть на женщину, одѣтую въ рубашку; она, казалось, спала. Собака сидѣла на заднихъ лапкахъ на краю кровати и тоже смотрѣла. Дядя погладилъ ее по головѣ и сказалъ:

— Нечего больше бояться; она поправится, ручаюсь тебѣ!

Бѣдное животное точно поняло его, и кротко завыло.

Наконецъ, всѣ вышли.

Дядя проводилъ Коффеля и кротолова со свѣчой до низу, и, вернувшись, сказалъ намъ:

— Теперь идите на покой, пора спать.

— А вы, господинъ докторъ?—спросила старая служанка.

— Я не буду спать... женщина эта въ опасности, да и, кромѣ того, меня могутъ позвать въ деревнѣ.

Онъ подложилъ полѣно въ печку и растянулся позади въ креслѣ, свертывая клочокъ бумаги, чтобы закурить трубку.

Мы съ Лизбетой отправились по своимъ комнатамъ; но, не смотря на сильную усталость, я долго не могъ заснуть, потому что каждые полчаса слышался стукъ проѣзжавшей телѣги и свѣтъ факеловъ, напоминавшіе мнѣ, что везутъ мертвыхъ.

Къ разсвѣту шумъ затихъ, и я крѣпко заснулъ.

V.

Любопытно было видѣть деревню на слѣдующій день, когда каждый разыскивалъ, что у него оставалось и чего недоставало, и когда послѣдствія доказали, что множество республиканцевъ, улановъ и кроатовъ, пройдя въ дома съ задней стороны, все обчистили въ нихъ, тогда негодованіе было всеобщее, и я понялъ, какъ правъ былъ кротоловъ, сказавъ: «теперь дни спокойствія и мира вылетѣли въ эти отверстія!»

Чтобы видѣть произведенное опустошеніе, всѣ двери и окна были отворены настежъ, вся улица завалена мебелью, телѣгами; скотиною, и весь народъ кричалъ: «О, негодяи!.. О, разбойники!.. Все взяли!»

Одинъ искалъ утокъ, другой куръ; третій, заглянувъ подъ кровать, нашелъ вмѣсто сапоговъ старые изношенные башмаки; четвертый, посмотрѣвъ въ печь, гдѣ еще наканунѣ утромъ коптились колбасы и свиной жиръ, и увидѣвъ ее теперь пустою, приходилъ въ неописанную ярость; женщины, поднявъ руки къ небу, приходили въ отчаяніе, а дѣвушки казались смущенными.

Масло, яйца, табакъ, картофель, даже бѣлье, — все было

взято; чѣмъ больше глядѣли, тѣмъ больше оказывался недочетъ.

Сердились всего болѣе на кроатовъ, потому что послѣ проѣзда генерала, когда нечего было бояться жалобъ на нихъ, они бросились въ дома, какъ стая голодныхъ волковъ, и Богъ знаетъ чего не приходилось имъ давать, чтобы выпроводить ихъ, не считая уже того, что они сами брали.

Какое несчастье, однакожъ, что у старой Германіи такіе солдаты, которыхъ надо бояться больше, чѣмъ французовъ. Избави Богъ въ другой разъ отъ ихъ помощи!

Мы же, дѣти, Гансъ Аденъ, Францъ Сепель, Никель, Іоганнъ и я, ходили отъ одной двери къ другой, разсматривая сломанныя черепицы, побитыя окна, поваленные навѣсы и подбирая всякій хламъ, бумажныя трубочки отъ снарядовъ, пули, засѣвшія въ стѣны.

Эти находки такъ насъ радовали, что никому изъ насъ и въ голову не приходило итти домой ранѣе ночи.

Около двухъ часовъ, мы встрѣтили Зафери Шмука, сына плетельщика корзинъ; онъ задиралъ рыжую голову и казался важнѣе обыкновеннаго. Подъ блузой онъ что-то пряталъ; и когда мы спросили его: «что у тебя?» онъ показалъ намъ рукоятку большого уланскаго пистолета.

Тогда вся ватага пошла за нимъ.

Онъ шелъ между нами, какъ генералъ, и встрѣчая какого-нибудь мальчика, мы говорили: «у него пистолетъ!» Встрѣченный присоединялся къ гурьбѣ.

За цѣлое царство не отстали бы мы отъ Шмука; намъ казалось, что слава его пистолета распространяется и на насъ.

— Вотъ каковы дѣти,—но таковы же и взрослые!

Мы всѣ хвалились опасностями, перенесенными во время большой битвы.

— Я слышалъ, какъ свистѣли пули,—говорилъ Францъ Сепель.

— А я видѣлъ, какъ проскакалъ уланскій генералъ въ красной шляпѣ,—кричалъ Гансъ Аденъ.—Это гораздо страшнѣе свиста пуль.

Я гордился всего болѣе тѣмъ, что республиканскій командиръ далъ мнѣ лепешки и сказалъ: «проглоти молодцомъ»!

Послѣ этого я считалъ себя достойнымъ обладать такимъ же пистолетомъ, какъ Зафери; но никто не вѣрилъ мнѣ.

Проходя мимо дверей приказа, Шмукъ вскричалъ:

— Пойдемъ смотрѣть!

Мы поднялись за нимъ по большой лѣстницѣ; остановясь передъ большою дверью совѣта, въ которой было квадратное окошечко, онъ сказалъ намъ:

— Посмотрите, тамъ одежда убитыхъ... Дядя Жефферъ и господинъ бургомистръ привезли ихъ сюда сегодня утромъ въ телѣжкѣ.

Больше часа смотрѣли мы на платья, взбираясь другъ другу на плечи и вздыхая: «пусти и меня посмотрѣть, Гансъ Аденъ... теперь моя очередь»!

Одежда лежала въ кучѣ посреди большой пустой залы, плохо освѣщенной двумя высокими рѣшетчатыми окнами. Тамъ валялись и республиканскія шляпы, и уланскія шапки, перевязи и лядунки, голубые мундиры и красные плащи, сабли и пистолеты. Направо стояли ружья, прислоненныя къ стѣнѣ, а далѣе цѣлый рядъ пикъ.

Глядя на это, морозъ подиралъ по кожѣ, и у меня все ясно сохранилось въ памяти.

Черезъ часъ стало смеркаться; кому-то изъ насъ вдругъ сдѣлалось страшно: онъ побѣжалъ съ лѣстницы, крикнувъ отчаяннымъ голосомъ: «вотъ они!»

Тутъ вся ватага бросилась съ лѣстницы, поднявъ руки, прыгая и соскакивая впотьмахъ. Удивительнѣе всего, что никто не сломалъ себѣ шеи, такъ великъ былъ страхъ. Я остался позади всѣхъ, и хотя сердце у меня страшно билось, но я обернулся внизу лѣстницы и взглянулъ: въ сѣняхъ все было въ полусвѣтѣ, и маленькое окошечко на правой сторонѣ слабо освѣщало черныя ступеньки; подъ темнымъ сводомъ не было слышно ни малѣйшаго движенія. На улицѣ вдали замирали крики. Мнѣ пришло въ голову, что дядя безпокоится обо мнѣ, и я пошелъ одинъ, не разъ обертываясь, такъ какъ мнѣ казалось, что за мною слѣдуютъ поспѣшные шаги, и я не смѣлъ бѣжать.

Передъ гостинницей «Двухъ ключей», окна которой горѣли во мракѣ, я остановился. Толпа пившихъ тамъ успокоила меня; взглянувъ въ форточку, отворенную въ залѣ, гдѣ раздавалось

множество голосовъ, я увидѣлъ Коффеля, кротолова, господина Рихтера и многихъ другихъ, сидѣвшихъ за длиннымъ сосновымъ столомъ, облокотившись локтями на столъ противъ кружекъ и стакановъ.

Угловатая фигура г. Рихтера, въ охотничьемъ платьѣ и кожаной шапкѣ, размахивала руками въ сѣроватомъ дымѣ подъ лампой.

— Вотъ—эти знаменитые республиканцы, — говорилъ онъ:—эти страшные люди, которые должны были перевернуть міръ и для разсѣянія которыхъ довольно было тѣни фельдмаршала Вурмзера. Вы видѣли, какъ они, поджавши хвосты, стали улепетывать! Не говорилъ ли я вамъ сотни разъ, что всѣ ихъ великія предпріятія кончатся бѣгствомъ? Кротоловъ, Коффель, не говорилъ ли это я?

— Ну да, говорили,—отвѣчалъ кротоловъ,—но это еще не причина такъ кричать. Садитесь, г. Рихтеръ, и велите подать бутылку вина:—мы съ Коффелемъ уже заплатили свою долю. Вотъ въ чемъ вся суть!

Г. Рихтеръ сѣлъ, а я отправился домой. Было часовъ семь; коридоръ нашъ уже вымели, окна вставили. Я вошелъ сначала въ кухню; Лизбета, увидѣвъ меня, вскричала:

— А, вотъ онъ!

Она отворила дверь въ комнаты и сказала, понизивъ голосъ:

— Г. докторъ, ребенокъ тутъ.

— Хорошо,—сказалъ дядя, сидѣвшій за столомъ,—пусть войдетъ!

Я заговорилъ громко.

— Тише,—сказалъ мнѣ дядя, указывая на альковъ.—Садись, ты, должно быть, голоденъ?

— Да, дядя.

— Гдѣ ты былъ?

— Ходилъ осматривать деревню.

— Ладно; Фрицель; я безпокоился о тебѣ, но радъ, что ты видѣлъ послѣдствія этого бѣдствія.

Лизбета принесла мнѣ хорошую тарелку супа, и пока я ѣлъ, дядя прибавилъ:

— Теперь ты знаешь, что такое война. Не забывай этихъ вещей, Фрицель, и проклинай ихъ вѣчно. Это хорошій урокъ; что видишь въ дѣтствѣ, того не забываешь всю жизнь.

Онъ говорилъ какъ будто разсуждая самъ съ собою; я продолжалъ ѣсть, уткнувъ носъ въ тарелку. Послѣ супа Лизбета принесла мнѣ овощей и говядину; но только что я хотѣлъ взять вилку, вдругъ увидѣлъ подлѣ себя на полу что-то, неподвижно смотрѣвшее на меня. Я испугался.

— Не бойся, Фрицель,—улыбаясь, сказалъ мнѣ дядя.

Я взглянулъ и узналъ собаку маркитантки. Она важно сидѣла, поднявъ кверху морду, повѣсивъ уши и внимательно слѣдя за мной.

— Дайте ей поѣсть, и вы скоро подружитесь, — сказалъ дядя.

Онъ поманилъ ее; собака сѣла подлѣ его стула и, казалось была очень довольна, что дядя похлопывалъ ее по головѣ.

Окончивъ ужинъ, я хотѣлъ встать; вдругъ послышались неясныя слова. Дядя сталъ прислушиваться; маркитантка говорила очень скоро и тихо; эти неясныя, таинственныя слова, раздававшіяся въ тишинѣ, смутили меня болѣе всего; я поблѣднѣлъ. Дядя, наклонивъ голову, смотрѣлъ на меня; но мысль его была далеко: онъ прислушивался. Собака тоже обернулась.

Женщина говорила много, нѣкоторыя слова произносила яснѣе:

«Мой отецъ... Жанъ.... убиты... всѣ... всѣ... родина!»

Взглянувъ на дядю, я увидѣлъ, что глаза его подернулись влагой, и щеки дрожали. Онъ взялъ со стола лампу и подошелъ къ постели. Лизбета вошла убирать со стола; онъ обернулся и сказалъ ей:

— Начинается лихорадка.

Потомъ онъ раздвинулъ занавѣски; Лизбета пошла за нимъ.

Я не трогался съ мѣста и не чувствовалъ болѣе голода. Женщина на минуту замолкла. На занавѣскахъ виднѣлись тѣни дяди и Лизбеты; дядя держалъ женщину за руку. Собака была съ ними въ альковѣ. Я началъ трусить, оставшись одинъ въ темной комнатѣ. Женщина заговорила громче; тогда мнѣ показалось, что въ комнатѣ становится темнѣе, и я пошелъ къ свѣту. Но въ эту же минуту тамъ начало что-то биться; Лизбета, державшая лампу, отскочила, а женщина блѣдная, какъ мертвецъ, съ открытыми глазами привстала, крича:

— Жанъ... Жанъ... защищайся!.. Я иду!

Потомъ она открыла ротъ и вскрикнула: «да здравствуетъ республика!» и снова упала.

Дядя вышелъ встревоженный, говоря:

— Лизбета, скорѣе, скорѣе сбѣгай наверхъ... тамъ въ шкафу сѣрая стклянка съ стеклянной пробкой... Живѣе!

И онъ снова вошелъ туда.

Лизбета прибѣжала; я держался за дядинъ сюртукъ. Собака ворчала; женщина лежала, какъ мертвая.

Старуха прибѣжала съ стклянкой; дядя взглянулъ и сказалъ отрывистымъ голосомъ.

— Ложку!

Я побѣжалъ за своей ложкой; дядя вытеръ ее, налилъ нѣсколько капель и, поднявъ голову женщины, далъ ей выпить, говоря съ необыкновенной нѣжностью:

— Ну, ну!.. Потерпите, дитя мое, потерпите!

Я никогда не слыхалъ, чтобы онъ такъ нѣжно говорилъ; отъ его голоса у меня сжалось сердце.

Женщина тихо вздохнула, и дядя положилъ ее на постель, поправивъ подушку. Онъ вышелъ совершенно блѣдный и сказалъ намъ:

— Отправляйтесь спать, оставьте меня одного... я не лягу...

— Господинъ докторъ,—возразила Лизбета,—вѣдь и прошлую ночь...

— Идите спать,—повторилъ сердитымъ голосомъ дядя,—мнѣ некогда слушать вашу болтовню. Ради Бога, оставьте меня въ покоѣ. Болѣзнь можетъ сдѣлаться серьезною.

Мы убрались. Поднимаясь на лѣстницу, Лизбета, дрожа всѣмъ тѣломъ, сказала мнѣ:

— Видѣлъ эту несчастную, Фрицель? Вѣдь, можетъ быть, умираетъ... а все-таки думаетъ о своей дьявольской республикѣ. Эти люди—настоящіе дикіе. Намъ остается только молить Бога простить имъ.

И она дѣйствительно начала молиться.

— Я не зналъ, что и думать объ этомъ. Но, набѣгавшись и перемаравшись, я едва успѣлъ добраться до постели, какъ заснулъ глубочайшимъ сномъ, такъ что даже возвращеніе самихъ республиканцевъ и пальба ихъ не разбудили бы меня ранѣе десяти часовъ утра.

VI.

На другой день, по уходѣ республиканцевъ, вся деревня знала, что у дяди Якова лежитъ француженка, что у ней рана отъ пистолетнаго выстрѣла и что она не скоро оправится. Но у всякаго было столько своихъ заботъ за починкою крышъ, дверей и оконъ, что некогда было думать о другихъ, и только на третій день, когда почти все привелось въ порядокъ, снова вспомнили о женщинѣ.

Тогда же и Іосифъ Спикъ началъ распространять слухъ, что француженка приходила въ ярость и ужаснымъ голосомъ кричала: «Да здравствуетъ республика!»

Скрестивъ руки, опершись плечомъ о стѣну и дѣлая видъ, что онъ куритъ трубку, негодяй этотъ остановился на порогѣ своего кабака и говорилъ прохожимъ:

— Эй, Никель... Іокель... полушай-ка... послушай-ка, какъ она кричитъ! Не отвратительно ли это? Не должна ли бы деревня запретить это?

Дядя Яковъ, лучшій изъ людей, дошелъ до такого негодованія на Спика, что я слышалъ, какъ онъ нѣсколько разъ повторялъ, что его слѣдовало бы повѣсить.

Къ несчастью, нельзя было отрицать, что женщина говоритъ о Франціи, о республикѣ и другихъ вещахъ, противныхъ установленному порядку, между тѣмъ эти мысли не выходили у нея изъ головы, и это немало смущало насъ, потому что всѣ кумушки, всѣ старыя Саломеи деревни по очереди приходили къ намъ: одна со щеткою въ рукѣ, подобравъ юбку, другая воткнувъ въ волосы чулочныя иголки, съ чепцомъ на сторону, третья съ веретеномъ, будто намѣреваясь прясть около очага. Кто приходилъ попросить рѣшетку, кто купить горшокъ кислаго молока, кто спрашивалъ дрожжей, чтобы поставить опару. Какая гадость! У насъ въ коридорѣ появилось на два пальца грязи отъ ихъ башмаковъ.

И, перемывая тарелки или заглядывая въ горшки, Лизбетѣ приходилось слушать ихъ стрекотанье, встрѣчать ихъ, присѣдать и пріятно изгибаться.

— А, здравствуйте, мадмуазель Лизбета! Давно васъ не видно!

— А, это вы, мадемуазель Урсула! Боже мой, какъ я рада васъ видѣть! Садитесь-ка, мадмуазель Урсула.

— Какъ вы добры, мадмуазель Лизбета... Славная погода сегодня утромъ.

— Да, мадмуазель Урсула, славная... хороша для ревматизмовъ.

— Хороша и для насморковъ.

— Да и для всѣхъ болѣзней. Какъ поживаетъ батюшка священникъ, что его ревматизмъ, мадмуазель Урсула?

— Да что тутъ и говорить, какъ поживаетъ: ревматизмъ бросается то туда, то сюда. Вчера былъ въ плечѣ, сегодня въ поясницѣ. Переходитъ. Все хвораетъ, все хвораетъ.

— Ахъ, какъ жаль... какъ жалъ!

— Кстати, мадмуазель Лизбета,—не называйте меня любопытной, но вся деревня говоритъ: ваша француженка все еще больна?

— Ахъ, мадмуазель Урсула, и не говорите, была одна такая ночь... такая!

— Можетъ ли быть? Такъ этой бѣдняжкѣ не лучше?

Кумушки всплескивали руками, наклонялись съ видомъ состраданія, поводили глазами и качали головой.

Первыя дни, дядя, думая, что посѣщенія прекратятся, когда любопытство будетъ удовлетворено, не говорилъ ничего. Но видя, что онѣ не прекращаются, онъ разъ утромъ, когда у женщины была сильная лихорадка, вдругъ вошелъ въ комнату и довольно сердито сказалъ бабамъ:

— Что вамъ тутъ надо? Отчего вы не сидите дома? Развѣ у васъ тамъ нѣтъ дѣла? Стыдились бы проводить всю жизнь въ трескотнѣ, строить изъ себя барынь, когда сами простыя служанки. Это смѣшно и мнѣ надоѣло.

— Я пришла,—отвѣчала одна изъ нихъ,—купить горшокъ молока.

— Чтобы купить горшокъ молока, развѣ надо два часа?—отвѣчалъ дядя уже совсѣмъ сердито.—Лизбета, дай ей горшокъ молока, пусть отправляется во-свояси. Все это мнѣ наскучило. Я не позволю шпіонить за собою, набираться у меня разныхъ сплетней и разносить ихъ по деревнѣ. Идите, и нечего больше ходить сюда.

Кумушки вышли совершенно сконфуженныя.

Въ тотъ же день у дяди былъ еще большой споръ. Господинъ Рихтеръ позволилъ себѣ сказать ему, что напрасно онъ интересуется иностранцами, пришедшими грабить страну, въ особенности женщиной, которая не Богъ знаетъ что за важная птица, такъ какъ она пошла за солдатами. Холодно выслушавъ его, онъ отвѣчалъ:

— Господинъ Рихтеръ, когда я исполняю долгъ человѣколюбія, я не спрашиваю у людей: «изъ какой вы страны»? Однихъ ли вы со мною убѣжденій? Можете ли отплатить мнѣ за то, что я для васъ дѣлаю? Я слѣдую движеніямъ моего сердца, а до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла. Француженка или нѣмка—эта женщина, республиканскія у нея мысли или какія-нибудь другія, пошла ли она за солдатами по доброй волѣ или по нуждѣ—мнѣ это все равно. Я видѣлъ, что она умираетъ, и я долженъ спасти ей жизнь; а теперь я обязанъ продолжать, что началъ съ Божьей помощью. Что же касается до васъ, г. Рихтеръ, я знаю, что вы эгоистъ и не любите ближнихъ: вмѣсто того, чтобы оказывать имъ услуги, вы стараетесь извлекать изъ нихъ личныя выгоды. Вотъ основаніе вашихъ мнѣній обо всемъ. Но подобныя сужденія возмущаютъ меня, и потому я прошу васъ не посѣщать меня болѣе.

Онъ отворилъ дверь; Рихтеръ хотѣлъ возражать, но дядя, не дослушавъ его, взялъ его учтиво за руку и вывелъ.

Кротоловъ, Коффель и я, всѣ мы присутствовали при этомъ. И твердость дяди Якова удивила насъ, потому что намъ никогда не случалось видѣть его такимъ спокойнымъ и рѣшительнымъ.

Друзьями его остались Кротоловъ и Коффель; они по очереди проводили ночи около женщины, что не мѣшало имъ днемъ заниматься своими дѣлами.

Съ тѣхъ поръ у насъ водворилось спокойствіе.

Разъ утромъ, проснувшись, я увидѣлъ, что наступила зима; бѣлый свѣтъ освѣщалъ мою комнату; бѣлые хлопья миріадами валили съ неба и вертѣлись около моихъ оконъ. На улицѣ было тихо, не показывалось ни единой души, всѣ заперлись, куры не кудахтали, собаки сидѣли въ своихъ конурахъ, а въ сосѣднихъ лѣсочкахъ бѣдныя зеленыя дубоноски, дрожавшія подъ своими растрепанными перьями, оглашали окрестность жалобными криками.

Подпершись голову рукою, совершенно ослѣпленный, я смотрѣлъ, какъ снѣгъ навалился на края маленькихъ окопъ, и вспоминалъ прошлыя зимы: свѣтъ отъ нашей большой печки, падавшій по вечерамъ то дальше, то ближе по полу, согрѣвалъ кротолова, Коффеля и дядю, сидящихъ вокругъ съ согнутыми спинами, съ трубками во рту и говорящихъ о всякой всячинѣ. Мнѣ слышался даже въ тишинѣ стукъ Лизбетиной самопрялки, походившей на шелестъ дряблыхъ крыльевъ ночной бабочки, слышалось, какъ нога ея била въ тактъ стонамъ сырого полѣна, плачущаго въ очагѣ. На дворѣ я представлялъ себѣ катанье по льду на саняхъ, битвы снѣжками, хохотъ, трескъ разбивающагося окна, старуху, бранящуюся въ концѣ коридора, и разбѣгающуюся стремглавъ ватагу.

Все это въ одинъ мигъ пришло мнѣ на память, и я полунечально, полурадостно подумалъ: «Вотъ и зима!»

Потомъ, вспомнивъ, какъ хорошо сидѣть теперь передъ очагомъ и ѣсть мучной супъ Лизбетиной стряпни, я соскочилъ съ постели и, весь дрожа, поспѣшно одѣлся. Потомъ, набросивъ куртку на одну руку, я скатился съ лѣстницы, какъ кубарь.

Лизбета мела коридоръ. Дверь въ кухню была отворена, и потому, несмотря на яркій огонь, трещавшій вокругъ висѣвшаго котла, я побѣжалъ въ комнату.

Дядя Яковъ только что пришелъ отъ какого-то больного; его лисья шуба и бобровая шапка висѣли на стѣнѣ, а высокіе сапоги стояли подлѣ печки: они пили съ кротоловомъ, просидѣвшимъ эту ночь у больной, киршвассеръ. Оба казались въ хорошемъ расположеніи духа.

— Значитъ, кротоловъ, — говорилъ дядя, — ночь прошла хорошо?

— Очень хорошо, господинъ докторъ; мы всѣ спали: больная въ постели, я въ креслѣ, а собака подъ занавѣской. Никто не пошевельнулся. Сегодня поутру, отворяя окошко, я увидѣлъ, что все бѣло, какъ паяцъ, вылѣзающій изъ мучного мѣшка; превращеніе совершилось въ одну ночь. Когда я отворилъ окно, вы шли уже въ концѣ улицы; мнѣ хотѣлось крикнуть вамъ: «здравствуйте», да она спала, и я боялся разбудить ее.

— Такъ, такъ, вы хорошо сдѣлали. — За ваше здоровье, кротоловъ!

— И за ваше, господинъ докторъ!

Они залпомъ выпили рюмки и, улыбаясь, поставили ихъ на столъ.

— Все идетъ хорошо, — продолжалъ дядя, — рана закрывается, лихорадка проходитъ, не достаетъ только силъ, бѣдная потеряла много крови. Но все пройдетъ со временемъ.

Я сѣлъ къ печкѣ. Собака вышла изъ алькова и стала ласкаться къ дядѣ, который, глядя на нее, заговорилъ:

— Славное животное! Взгляните, кротоловъ, можно подумать, что оно понимаетъ насъ. Оно точно повеселѣло сегодня! Меня никто не увѣритъ, что эти животныя не понимаютъ многаго: у нихъ нѣтъ разсудка, но за то есть сердце.

— Это такъ,—сказалъ кротоловъ.—Во время лихорадки я постоянно смотрѣлъ на собаку и думалъ: «Она скучна, значитъ больной хуже! Она весела, значитъ лучше!» Да, я съ вами согласенъ, господинъ докторъ, я очень вѣрю животнымъ.

— Ну, кротоловъ,—продолжалъ дядя,—еще рюмочку, на дворѣ холодно, а старый киршвассеръ согрѣваетъ, какъ солнышко.

Онъ отворилъ буфетъ, принесъ хлѣбъ и два ножа и сказалъ:

— Съѣдимъ по куску.

Кротоловъ кивнулъ головой, а дядя, увидавъ меня, сказалъ, улыбаясь:

— Ну вотъ, Фрицель, начнутся снѣжки, катанья по льду! Развѣ это не радуетъ тебя?

— Радуетъ, дядя.

— Да, да, веселись! Самые счастливые годы въ жизни— тѣ, мальчуганъ. Только не дѣлай слишкомъ твердыхъ снѣжковъ. Кто дѣлаетъ твердые снѣжки, тотъ думаетъ не о весельи, а о вредѣ другимъ. Это злые мальчики.

— Э,—смѣясь, сказалъ кротоловъ,—я всегда дѣлалъ твердые снѣжки.

— И были неправы, кротоловъ,—отвѣчалъ дядя,—это доказываетъ, что въ глубинѣ души у васъ была злость. Къ счастью, вы преодолѣли ее разумомъ. Я увѣренъ, что вы раскаиваетесь, что валяли твердые снѣжки?

— Да!—отвѣчалъ кротоловъ, не зная, что сказать.—Хотя вѣдь и другіе дѣлали ихъ такими же.

— Никогда не надо указывать на другихъ; надо дѣлать то, что подсказываетъ намъ наше доброе сердце,—сказалъ дядя.—

Всѣ люди отъ природы добры, но ихъ увлекаютъ дурные примѣры.

Во время этого разговора изъ алькова послышались какія-то слова; всѣ стали прислушиваться.

— Кротоловъ,—прошепталъ дядя,—это не бредъ, это хотя слабый, но естественный голосъ.

Онъ всталъ и раздвинулъ занавѣски. Мы съ кротоловомъ стали за нимъ, вытянувъ шеи. Блѣдная и исхудалая женщина, казалось, спала; дыханіе ея едва было слышно. Не скоро она открыла глаза и съ удивленіемъ стала осматривать всѣхъ насъ поочереди, глубину алькова, окна, заваленныя снѣгомъ, шкафъ, старые часы, собаку, которая поднялась на заднія лапы, положивъ переднія на постели. Это длилось съ минуту; потомъ она опять закрыла глаза, и дядя тихо проговорилъ:

— Она пришла въ себя.

— Да,—такъ же тихо сказалъ кротоловъ...—она насъ увидѣла, но не знаетъ насъ, и теперь думаетъ о томъ, что видѣла.

Мы хотѣли выйти, но женщина опять закрыла глаза и, сдѣлавъ усиліе, хотѣла заговорить. Дядя ласково сказалъ ей:

— Не волнуйтесь, будьте покойны и не бойтесь... Вы у людей, которые сдѣлаютъ для васъ все, что нужно... Вы были больны... теперь вамъ лучше. Но, пожалуйста, увѣрьтесь, что вы у друзей... у истинныхъ друзей.

Пока онъ говорилъ, женщина глядѣла на него во всѣ глаза; видно было, что она понимала его. Однако, несмотря на его совѣтъ, черезъ минуту молчанія, она опять сдѣлала попытку говорить и тихо сказала:

— Барабанщикъ... маленькій барабанщикъ...

Взглянувъ на кротолова, дядя спросилъ его:

— Понимаете?

Кротоловъ пощупалъ ея голову и сказалъ:

— Остатки бреда, докторъ, легкаго бреда; пройдетъ.

Но женщина повторила нѣсколько громче:

— Жанъ... маленькій барабанщикъ!

Я сталъ на цыпочки, внимательно прислушиваясь, и вдругъ мнѣ пришло въ голову, что она говоритъ о маленькомъ барабанщикѣ, котораго я видѣлъ въ день битвы спящимъ подъ нашимъ павѣсомъ. Я вспомнилъ, что она глядѣла на него изъ окна, чиня его маленькія панталоны, и сказалъ:

— Дядя, она говоритъ, можетъ быть, о маленькомъ барабанщикѣ, что былъ съ республиканцами?

— Да, да...—сказала она... Жанъ... мой братъ!

— Тише, не двигайтесь,—проговорилъ дядя,—рана ваша можетъ открыться.—Кротоловъ, дайте сюда стулъ.

Онъ, взявъ меня подъ мышки, поднесъ къ ней и сказалъ:

— Разскажи, Фрицель, что ты знаешь. Помнишь ты маленькаго барабанщика?

— Помню; утромъ передъ сраженіемъ онъ лежалъ подъ нашимъ навѣсомъ, собака лежала у него на ногахъ; онъ спалъ, я отлично его помню!—отвѣчалъ я, совершенно смутившись, потому что женщина пожирала меня глазами, какъ прежде дядю.

— И потомъ, Фрицель?

— Потомъ онъ былъ посреди батальона съ другими барабанщиками, когда пріѣхали кроаты. И подъ конецъ, когда деревня загорѣлась, и республиканцы уходили, я его видѣлъ позади нихъ.

— Раненаго?—прошептала женщина такъ тихо, что едва можно было разслышать.

— Нѣтъ! На плечѣ онъ несъ барабанъ и плакалъ, а другой барабанщикъ, побольше, говорилъ ему: «полно, маленькій Жанъ, не горюй!» Но онъ не слушалъ его... и по щекамъ его лились слезы.

— Ты увѣренъ, Фрицель, что видѣлъ, какъ онъ ушелъ?—спросилъ дядя.

— Да, дядя: мнѣ было жаль его; я смотрѣлъ на него все время, пока они шли по деревнѣ.

Больная закрыла глаза, и мы услыхали, какъ она внутренно рыдала. Слезы текли у нея по щекамъ, но безъ всхлипыванія. Тяжело было смотрѣть, и дядя тихо сказалъ мнѣ:

— Сойди, Фрицель, надо дать ей выплакаться на свободѣ.

Но когда я хотѣлъ слѣзть, она протянула руку и остановила меня, шепча какія-то слова:

— Вы хотѣли поцѣловать ребенка?

— Да,—сказала она.

Онъ наклонилъ меня къ ея лицу; она поцѣловала меня, продолжая плакать. Я тоже началъ плакать.

— Хорошо,—замѣтилъ дядя,—хорошо. Вамъ надо теперь

успокоиться; постарайтесь заснуть, здоровье возвратится... Вы опять увидите вашего брата... Полноте!..

Онъ вывелъ меня и задернулъ занавѣски. Кротоловъ ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, лицо его было красно; онъ сказалъ:

— Да, господинъ докторъ, это хорошая женщина, честная женщина... республиканка она или что другое — считать ее нехорошей можетъ только негодяй.

— Да,—отвѣчалъ дядя,—у нея благородное сердце; я это сейчасъ же увидѣлъ по лицу. Хорошо, что Фрицель помнилъ о ребенкѣ. Бѣдная женщина такъ страшно безпокоилась. Теперь мнѣ понятно, почему въ бреду она постоянно повторяла имя Жана. Все пойдетъ хорошо, кротоловъ, хорошо пойдетъ, слезы облегчаютъ.

Они вышли вмѣстѣ въ сѣни; я слышалъ, какъ они говорили еще о томъ же на порогѣ дома.

Я сѣлъ за печкой и, вытирая глаза рукавомъ, вдругъ замѣтилъ подлѣ себя собаку, кротко смотрѣвшую на меня. Она положила мнѣ на колѣни лапу и ласкалась; въ первый разъ я безъ страха взялъ въ обѣ руки ея мохнатую голову. Мнѣ казалось, что мы уже давно друзья, и что я никогда ее не боялся.

Поднявъ черезъ минуту голову, я увидѣлъ только-что вошедшаго дядю, который смотрѣлъ на меня.

— Видишь, Фрицель, какъ бѣдняжка любитъ тебя,—сказалъ онъ,—теперь она узнала твое доброе сердце и будетъ за тобой бѣгать.

И точно, съ тѣхъ поръ собака всегда ходила за мной, когда я ее звалъ, ходила съ важнымъ видомъ по всей деревнѣ, чѣмъ я гордился больше Зафери Шмука, владѣтеля уланскаго пистолета; она садилась подлѣ меня лизать мою тарелку и дѣлала все, что мнѣ угодно.

VII.

Цѣлый день и всю ночь продолжалъ валить снѣгъ; всѣ надѣялись, что онъ занесетъ горныя дороги и этимъ избавитъ насъ отъ улановъ и отъ республиканцевъ; какъ вдругъ одно пустое происшествіе напомнило снова намъ о печальныхъ по-

слѣдствіяхъ войны и навело на размышленія о несчастіяхъ сего міра.

Это случилось на другой день послѣ того, какъ женщина пришла въ себя, между восемью и девятью часами утра. Дверь въ кухню была отворена, чтобы дать теплу пройти въ залу. Я стоялъ подлѣ Лизбеты, сбивавшей около очага масло. Обернувшись, я увидѣлъ дядю, сидѣвшаго у бѣлаго окна; онъ читалъ календарь и отъ времени до времени улыбался. Сципіонъ (такъ звали собаку) неподвижно и важно сидѣлъ подлѣ меня и меланхолически зѣвалъ въ то время, какъ я безпрестанно пробовалъ сливки изъ маслобойки.

— Что съ тобой, Фрицель?—говорила Лизбета.—Если ты съѣшь всѣ сливки, у насъ не будетъ масла.

Въ залѣ медленно стучали часы; на улицѣ царствовала мертвая тишина.

Такъ прошло съ полчаса, и Лизбета уже положила сбитое масло на тарелку, какъ вдругъ на улицѣ раздались голоса; потомъ дверь въ коридоръ отворилась, и кто-то сталъ стряхивать о порогъ снѣгъ съ сапоговъ. Дядя повѣсилъ на стѣну календарь и сталъ смотрѣть на дверь; въ комнату вошелъ бургомистръ Мейеръ, въ шерстяномъ колпакѣ съ двойными кисточками, нахлобученномъ на уши; воротникъ его былъ совершенно запорошившій отъ снѣга, а руки до локтей покрывались заячьими рукавицами.

— Здравствуйте, господинъ докторъ, здравствуйте! — сказалъ толстякъ.—Прихожу къ вамъ, несмотря на снѣгъ; но что же дѣлать, надо—дѣло!

Стряхнувъ съ себя рукавицы, привязанныя тесемочкою къ шеѣ, онъ снялъ шапку и продолжалъ:

— Какой-то бѣдняга лежитъ, господинъ докторъ, въ Ребокскомъ дровяномъ дворѣ за грудой хвороста. Солдатъ онъ, капралъ или капитанъ, не умѣю сказать. Онъ ушелъ туда, чтобы спокойно умереть во время битвы. Теперь надо бы составить свидѣтельство о смерти, а я не могу удостовѣрить, чѣмъ онъ умеръ, это не входитъ въ мои обязанности.

— Хорошо, бургомистръ,—сказалъ, вставая, дядя,—я иду. Но вѣдь надо еще одного свидѣтеля?

— Михаилъ Фюрстъ внизу, — сказалъ бургомистръ, — онъ ждетъ меня въ сѣняхъ. Что за снѣгъ! Что за снѣгъ! До колѣнъ,

господинъ докторъ. Это хорошо для посѣвовъ и для войскъ его величества; они остановятся зимовать. Господь съ ними! Пусть лучше остановятся зимовать около Кайзерлаутерна, чѣмъ здѣсь: своя рубашка ближе къ тѣлу.

Во время разсужденій бургомистра, дядя надѣлъ сапоги, шубу, свою большую бобровую шапку и сказалъ:

— Я готовъ!

Они вышли, а за ними поспѣшилъ ускользнуть и я, несмотря на просьбы Лизбеты, желавшей остановить меня; мною овладѣло чертовское любопытство: мнѣ хотѣлось видѣть солдата.

По пустой улицѣ шли дядя Яковъ, бургомистръ и Фюрстъ; но по мѣрѣ того, какъ они проходили ее, въ окнахъ домовъ показывались лица и издали слышались отворявшіяся двери. Видя бургомистра, доктора и полевого сторожа, народъ думалъ, что случилось что-нибудь необыкновенное: многіе даже выходили, но, не видя ничего, снова возвращались домой.

Придя въ домъ Ребока,—одинъ изъ самыхъ старыхъ домовъ деревни, съ ригою, конюшнями и навѣсомъ со стороны полей и хлѣвами, покрытыми соломою и обросшими мхомъ, направо—придя туда, бургомистръ, Фюрстъ и дядя вошли въ сѣни, узенькія и темныя, устланныя изломанной плитою.

Я вошелъ за ними, но они меня не замѣтили.

Старикъ Ребокъ, увидѣвъ ихъ изъ оконъ, отворилъ комнату, наполненную паромъ, какъ баня, гдѣ жили бабушка, два сына его и двѣ невѣстки.

Собака ихъ, съ длинной сѣрой шерстью и съ опущеннымъ хвостомъ, тоже вышла и начала обнюхивать Сципіона, пришедшаго со мной и гордо поднявшаго голову, между тѣмъ какъ хозяйка обходила вокругъ него, чтобы завязать знакомство.

— Я васъ проведу,—сказалъ старый Ребокъ,—это тамъ, подальше... за ригой.

— Нѣтъ останьтесь, дѣдушка Ребокъ,—отвѣчалъ дядя,—холодно, а вы стары, сынъ вашъ проведетъ насъ.

Но сынъ, найдя солдата, убѣжалъ.

Старикъ пошелъ впередъ; мы шли за нимъ поодиночкѣ. Сѣни были совершенно темныя. Мы прошли черезъ хлѣвъ, освѣщенный окномъ въ крышѣ,—въ немъ стояло пять козъ съ раздутыми вымями, посмотрѣвшими на насъ своими золо-

тыми глазами, и два козленка, закричавшіе жалобными и дрожащими голосами; потомъ прошли черезъ конюшню, гдѣ увидѣли двухъ быковъ и корову, проточенныя рѣшетки и подстилку изъ сухихъ листьевъ. Животныя, молча, обернулись.

Мы шли вдоль стѣны; что-то подвернулось мнѣ подъ ноги: это былъ кроликъ, убѣгавшій подъ ясли; Сципіонъ не бросился за нимъ.

Послѣ этого мы вошли въ низенькую ригу, доверху набитую соломой и снѣгомъ. Въ глубинѣ виднѣлось голубоватое слуховое окно, выходившее въ садъ; свѣтъ отъ него падалъ на груду дровъ и нѣсколько связокъ хвороста, уложенныхъ по стѣнѣ; ниже все было темно.—Странно, что въ слуховомъ окнѣ сидѣли пѣтухъ и двѣ или три курицы, засунувъ головы подъ крылья; ихъ темныя фигуры обрисовывались на свѣтѣ.

Сначала я ничего не могъ разглядѣть впотьмахъ. Всѣ остановились. Курицы потихоньку закудахтали.

— Лучше было бы зажечь фонарь,—сказалъ старикъ Ребокъ,—плохо видно.

Въ то время, какъ онъ заговорилъ, я примѣтилъ вправо отъ окна, у стѣны, между двумя связками, большой вытянутый плашъ; потомъ, посмотрѣвъ пристальнѣе, я увидѣлъ черную голову и длинные желтые усы; пѣтухъ соскочилъ съ окна, и въ ригѣ стало свѣтлѣе.

Мною овладѣлъ страхъ, и не будь около меня Сципіона, я убѣжалъ бы.

— Вижу,—началъ дядя,—вижу.

И онъ подошелъ, говоря:

— Это кроатъ. Ну-ка, Фюрстъ, надо его вытянуть немного впередъ.

Но ни Фюрстъ, ни бургомистръ не двигались.

Тогда дядя взялъ его за ногу и вытянулъ на свѣтъ: лицо его было кирпичнаго цвѣта, глаза ввалились, носъ вытянулся, губы сжались, а на подбородкѣ виднѣлся клокъ рыжихъ волосъ.

Дядя отстегнулъ его плашъ, отбросивъ полы на дрова, и мы увидѣли въ рукѣ хорвата саблю съ длиннымъ, изогнутымъ лезвіемъ. Съ лѣвой стороны мундира широкое черное пятно обозначало мѣсто, откуда текла кровь. Дядя разстегнулъ пуговицы и сказалъ:

— Онъ умеръ отъ удара штыка, вѣроятно, въ послѣднюю

стычку. Онъ ушелъ съ мѣста сраженія. Меня удивляетъ, дѣдушка Робокъ, что онъ не постучался къ намъ въ двери, а пошелъ умирать такъ далеко.

— Мы всѣ спрятались въ погребъ, — началъ старикъ. — Дверь въ комнату была заперта. Мы слышали, что кто-то ходилъ въ сѣняхъ; но вѣдь на улицѣ былъ такой шумъ! Мнѣ скорѣе кажется, что несчастный хотѣлъ скрыться въ домѣ; только за домомъ нѣтъ двери. Вѣрно, какой-нибудь республиканецъ, какъ дикій звѣрь, бѣжалъ за нимъ до самой риги. Въ сѣняхъ мы не видали крови. Тутъ впотьмахъ они, должно быть, дрались, и французъ, ударивъ его штыкомъ, спокойно вышелъ. Вотъ что мнѣ кажется. Иначе, увидѣли бы гдѣ-нибудь кровь; но ничего не было ни въ хлѣвѣ, ни въ конюшнѣ. И только сегодня утромъ, когда намъ понадобились дрова для печки, Сенель, войдя сюда, нашелъ этого несчастнаго.

— Слушая эти объясненія, всякій представлялъ себѣ республиканца съ косой, въ видѣ колбасы, и большой трехъугольной шляпой, бѣжавшаго впотьмахъ за кроатомъ, и всѣхъ пробрала дрожь.

— Да,—сказалъ дядя, вставая и печально глядя на бургомистра,—должно быть все это такъ и было.

Всѣ о чемъ-то задумались; молчаніе въ присутствіи этого мертвеца наводило страхъ.

— Смерть будетъ засвидѣтельствована черезъ минуту,— замѣтилъ дядя,—мы можемъ отправляться.

Потомъ, подумавъ, прибавилъ:

— Есть, можетъ быть, средство узнать, кто онъ такой!

Онъ опять сталъ на колѣни, сунулъ руку въ карманъ мундира кроата и нашелъ бумаги. Въ то время онъ снялъ мѣдную цѣпочку съ его груди, и изъ кармана панталонъ выпали большіе серебряные часы.

— На-те часы, бургомистръ,—сказалъ дядя,—я возьму бумаги, чтобы написать свидѣтельство.

— Возьмите все, господинъ докторъ, — отвѣчалъ бургомистръ,—мнѣ не хотѣлось бы нести къ себѣ въ домъ часы, найденные на покойникѣ... нѣтъ, возьмите ихъ. Послѣ мы объ этомъ поговоримъ. Теперь можно намъ отправляться.

— Теперь вы можете прислать Жеффера.

Замѣтивъ тогда меня, дядя сказалъ:

— Ты тутъ, Фрицель? Тебѣ надо все знать!

Онъ не сказалъ мнѣ ничего больше, и мы вмѣстѣ пошли домой. Бургомистръ и Фюрстъ отправились по домамъ.

На ходу дядя читалъ бумаги кроата. Отворивъ дверь въ комнату, мы увидали, что больная только-то поѣла супу,— занавѣски были еще отдернуты, и тарелка стояла на ночномъ столикѣ.

— Ну,—улыбаясь сказалъ дядя Яковъ,—лучше ли вамъ?

Она обернулась и, кротко взглянувъ на него своими большими черными глазами, отвѣчала:

— Да, господинъ докторъ, вы спасли меня,—я чувствую, что оживаю. Потомъ, спустя минуту, прибавила тономъ сожалѣнія:

— Вы нашли еще несчастную жертву войны.

Дядя понялъ, что она слышала разговоръ, когда полчаса тому назадъ за нимъ приходилъ бургомистръ.

— Да,—сказалъ онъ,—да, мадамъ; еще одинъ несчастный, который не увидитъ крови своей, и еще несчастная мать, которая не обниметъ болѣе сына!

Больная казалась тронутой и тихо спросила:

— Кто-нибудь изъ нашихъ?

— Нѣтъ, кроатъ. Идя сюда, я прочелъ письмо, которое три недѣли тому назадъ писала ему мать. Бѣдная женщина проситъ его не забывать молиться по утрамъ и по вечерамъ и хорошо вести себя. Она пишетъ ему съ нѣжностью, какъ ребенку. А это между тѣмъ старый солдатъ, но для нея онъ остался такимъ же розовымъ и бѣлокурымъ, какимъ, рыдая, обнимала она его въ послѣдній разъ.

Говоря объ этомъ, голосъ дяди дрожалъ; онъ глядѣлъ на женщину, казавшуюся тоже тронутою.

— Да, вы правы,—сказала она; — должно быть ужасно узнать, что не увидишь больше своего ребенка. Я, по крайней мѣрѣ, утѣшаю себя тѣмъ, что не могу быть причиною горя людей, любящихъ меня.

При этомъ она повернула голову, а дядя, сдѣлавшійся серьезнымъ, спросилъ ее:

— Но вы не одни же на свѣтѣ?

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери,—отвѣчала она глухимъ голосомъ.—Отецъ мой былъ командиромъ батальона, что

вы видѣли; у меня было три брата; мы всѣ вмѣстѣ отправились въ 92 полку изъ Фенстранжа въ Лотарингію. Отецъ и два старшихъ брата умерли, и насъ осталось только двое: я и Жанъ, маленькій барабанщикъ.

Говоря это, большая готова была залиться слезами. Дядя, наклонивъ голову и сложивши руки за спину, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Опять наступило молчаніе.

Вдругъ француженка проговорила:

— У меня есть до васъ просьба, господинъ докторъ.

— Что такое?

— Напишите матери несчастнаго кроата. Конечно, ужасно получить вѣсть о смерти сына, но постоянно ждать его, цѣлые годы надѣяться, что онъ возвратится, и видѣть, что онъ не возвращается даже въ послѣдній часъ, это еще ужаснѣе.

Она замолчала, а дядя задумчиво отвѣчалъ:

— Да... да... это мысль хорошая! Фрицель, принеси чернила и бумаги. Какое несчастье, Господи, думать, что, извѣщая о подобныхъ вещахъ, дѣлаешь доброе дѣло! О война, война!..

Онъ сѣлъ писать. Въ это время вошла Лизбета накрывать на столъ; она поставила тарелки и хлѣбъ на буфетъ. Былъ полдень, большая точно заснула.

Наконецъ, дядя кончилъ письмо, сложилъ его, запечаталъ, написалъ адресъ и сказалъ мнѣ:

— На, Фрицель, брось это письмо въ ящикъ и торопись. Спроси газету у старухи Эбергардъ; сегодня суббота, мы узнаемъ что-нибудь о войнѣ.

Я пустился бѣгомъ и бросилъ письмо въ ящикъ. Но газета не приходила; снѣга задержали Клеменца, что вовсе не удивило дядю, такъ какъ подобныя задержки случались почти каждую зиму.

VIII.

Возвращаясь съ почты, я издали увидѣлъ на большомъ общественномъ лугу, за церковью, Гапса Адена, Франца Сепеля и бездну другихъ товарищей, катающихся по льду канавки. Они катались одинъ за другимъ, летали какъ стрѣлы, согнувъ спину и растопыривъ руки, чтобы сохранить равно-

вѣсіе; до меня долетали стукъ ихъ деревянныхъ башмаковъ по льду и ихъ веселые крики.

Какъ прыгало сердце мое, глядя на нихъ! Какъ мнѣ хотѣлось покататься съ ними! Къ несчастью, дядя Яковъ ждалъ меня тогда, и я воротился домой, только и думая объ этомъ веселье. Въ продолженіе всего обѣда мысль бѣжать туда не покидала меня ни на минуту; но я и не заикнулся объ этомъ дядѣ, такъ какъ онъ всегда запрещалъ мнѣ кататься по канавкѣ, боясь несчастья. Наконецъ, онъ ушелъ изъ дому къ священнику, страдавшему ревматизмомъ.

Я дождался, пока онъ не вошелъ въ большую улицу, потомъ свистнулъ Сципіона и, какъ заяцъ, побѣжалъ въ улицу Гу. Собака скакала за мной, и мы перестали бѣжать только въ переулкѣ, набитомъ снѣгомъ.

На канавѣ я разсчитывалъ встрѣтить всѣхъ своихъ товарищей, но они пошли обѣдать, и, повернувъ за церковь, я увидѣлъ поле уже пустое. Пришлось кататься одному, и такъ какъ было холодно, то черезъ полчаса мнѣ это надоѣло.

На возвратномъ пути въ деревню, изъ узенькаго переулка, между двухъ заборовъ, покрытыхъ инеемъ, выскочили вдругъ Гансъ Аденъ, Францъ Сепель и двое или трое другихъ, съ раскраснѣвшимися щеками, въ бумажныхъ колпакахъ, нахлобученныхъ на уши, и съ засунутыми въ карманы руками.

— А, это ты, Фрицель!—сказалъ Гансъ Аденъ.—Ты ужъ уходишь?

— Да, я катался, а дядя Яковъ не любитъ, чтобы я катался по льду; я лучше уйду.

— А я,—сказалъ Францъ Сепель,—изломалъ себѣ сегодня башмакъ на льду, но отецъ починилъ мнѣ его. Посмотрите!

Онъ снялъ деревянный башмакъ и показалъ его намъ. Отецъ Франца Сепеля положилъ поперекъ листочекъ жести и прикрѣпилъ его четырьмя остроголовыми гвоздями. Мы разсмѣялись, а Францъ Сепель вскрикнулъ:

— Не совсѣмъ-то удобно кататься! Вотъ что, лучше поѣдемте въ саняхъ; взберемся на Альтенбергъ, а оттуда скатимся вихремъ.

Мысль ѣхать въ саняхъ показалась мнѣ тогда такой заманчивой, что я уже воображалъ себя на саняхъ скатывающимся

съ горы, управляя пятками и крича во все горло: «катай, валяй, катай, валяй».

У меня духъ заняло.

— Хорошо бы,—сказалъ Гансъ,—но какъ добыть сани?

— Я ужо достану,—отвѣчалъ Сепель, самый хитрый изъ всѣхъ насъ.—У отца моего были сани въ прошломъ году, но они сгнили, и бабушка сожгла ихъ. Все равно, идемте!

Мы пошли за нимъ, полные надеждъ и сомнѣній. Идя по большой улицѣ, мы останавливались у каждаго павѣса и, поднявши носы, завистливо смотрѣли на сани, повѣшенныя на балкахъ.

— Вотъ,—говорилъ кто-нибудь изъ насъ,—славныя сани, на нихъ мы удобно усѣлись бы всѣ.

— Да,—отвѣчалъ кто-нибудь другой,—но ихъ не втащить на гору, слишкомъ тяжелы, вѣдь они изъ сырого лѣсу.

— Э,—замѣчалъ Гансъ Аденъ,—кабы дядя Гитцигъ далъ ихъ, ужъ какъ нибудь да стащили бы; но онъ скупой, бережетъ сани для себя, какъ-будто сани могутъ износиться.

— Идемте же!—кричалъ Францъ Сепель, шедшій впереди.

И вся ватага двигалась. Отъ времени до времени вниманіе обращалось на Сципіона, бѣжавшаго подлѣ меня.

— У тебя славная собака,—замѣтилъ Гансъ Аденъ,—французская собака; у нихъ шерсть, точно у овецъ, и онѣ даютъ себя стричь.

Францъ Сепель утверждалъ, что видѣлъ въ прошломъ году на ярмаркѣ въ Кайзерлаутернѣ французскую собаку въ очкахъ, умѣвшую считать на барабанѣ до ста. Она тоже умѣла отгадывать разныя вещи, и бабушка Анна считала ее колдуньей.

Во время этихъ разговоровъ Сципіонъ останавливался и смотрѣлъ на насъ. Я страшно гордился имъ. Маленькій Карлъ, сынъ ткача, говорилъ, что если собака колдунья, то она можетъ достать намъ сани, но что за это надо въ промѣнъ дать ей душу, а никто изъ насъ не отдастъ ей души.

Такъ ходили мы изъ дому въ домъ. На церковной башнѣ пробило два часа, когда господинъ Рихтеръ проѣхалъ на саняхъ, погоняя свою тощую клячу, похожую на козу.

— Пошла, Шарлота, пошла!

Несчастная скотина тянулась изо всей мочи, а господинъ

Рихтеръ, противъ обыкновенія, казался очень веселымъ. Проѣзжая мимо дома мясника Сепеля, онъ крикнулъ:

— Добрыя вѣсти, Сепель, добрыя вѣсти!

Онъ щелкнулъ бичомъ, а Гансъ Аденъ сказалъ:

— Господинъ Рихтеръ немного подъ хмѣлькомъ; ему вѣрно удалось гдѣ-нибудь выпить на даровщинку.

Всѣ отъ души расхохотались, такъ какъ вся деревня знала, что Рихтеръ скупой.

Мы дошли до конца большой улицы, до дома дѣдушки Адама Шмидта, стараго солдата Фридриха II, получавшаго маленькую пенсію, хватавшую ему на хлѣбъ, табакъ и иногда на водку.

Адамъ Шмидтъ былъ въ семилѣтнюю войну и во всѣ компаніи въ Силезіи и Помераніи. Теперь онъ былъ дряхлымъ старикомъ и, по смерти сестры своей Резель, жилъ одинъ на краю деревни, въ маленькомъ домишкѣ, крытомъ соломою и состоящемъ изъ одной комнаты внизу, одной наверху и одной подъ крышей съ двумя слуховыми окнами. Сбоку у дома былъ тоже навѣсъ, сзади свинарня, а со стороны деревни маленькій садикъ, обнесенный живой изгородью, за которой усердно ухаживалъ дѣдушка Шмидтъ.

Дядя Яковъ любилъ этого стараго солдата; видя, что онъ проходитъ мимо, дядя стучалъ въ окно и кричалъ ему: «Адамъ, войдите же!»

Старикъ немедленно входилъ, зная, что въ шкапу у дяди стоитъ настоящій французскій коньякъ, и что онъ звалъ его выпить рюмочку.

Мы остановились у его дома, и Францъ Сепель, наклонясь черезъ заборъ, сказалъ намъ:

— Взгляните-ка на эти сани. Я увѣренъ, что дѣдушка Шмидтъ дастъ намъ ихъ, если Францель смѣло войдетъ, приложитъ руку къ уху старика и скажетъ: «Дѣдушка Адамъ, одолжите намъ ваши сани». Да я готовъ биться объ закладъ, что онъ дастъ ихъ намъ, непремѣнно дастъ; надо только быть посмѣлѣе.

Я покраснѣлъ, какъ ракъ; однимъ глазомъ я смотрѣлъ на сани, а другимъ на крошечное окно, почти вровень съ землею. Товарищи, стоя у угла дома, толкали меня въ плечо, говоря:

— Иди, онъ дастъ тебѣ

— Не смѣю,—шепотомъ говорилъ я имъ.

— Ты трусъ,—отвѣчалъ Гансъ Аденъ,—будь я на твоемъ мѣстѣ, я сейчасъ вошелъ бы.

— Дайте, я посмотрю, въ какомъ онъ расположеніи духа.

Наклонившись къ окну и заглянувъ въ него, я увидѣлъ, что дѣдушка Шмидтъ сидитъ на скамейкѣ передъ плитою очага, гдѣ пылало нѣсколько угольевъ посреди кучи золы. Онъ сидѣлъ спиною къ окну; намъ виднѣлась только его спина, изогнутыя плечи, короткая синяя холщевая куртка, такая короткая, что она даже не доходила до сѣрыхъ толстыхъ холщевыхъ штановъ; клокъ сѣдыхъ волосъ, спускавшійся на спину, голубой бумажный колпакъ, съ кисточкой на лбу, большія красныя уши, стоящія торчкомъ, и его большіе деревянные башмаки, которыми онъ упирался въ плиту очага. Онъ курилъ изъ глиняной трубки, торчавшей нѣсколько изъ-за его впалой щеки.

Вотъ все, что я увидѣлъ, вмѣстѣ со сломанными плитами пола, а въ глубинѣ, налѣво, родъ лавки съ наваленной на нее соломой. Все это не придавало мнѣ мужества; я хотѣлъ удрать, но товарищи толкнули меня въ сѣни, шепча:

— Фрицель... Фрицель... онъ дастъ тебѣ... навѣрно дастъ.

— Нѣтъ.

— Дастъ!..

— Я не стану просить!

Но Гансъ Аденъ отворилъ дверь, и я очутился въ комнатѣ, вмѣстѣ съ Сципіономъ; другіе столпились за мною и, настороживъ уши, ждали, что будетъ.

О, какъ мнѣ хотѣлось удрать! Но, какъ на зло, Францъ Сепель остался позади, въ дверяхъ, и придерживалъ ее такъ, что въ нее была просунута только голова его, да Ганса Адена, который стоялъ за нимъ, поднявшись на цыпочки.

Старикъ Шмидтъ обернулся.

— А, это Фрицель!—сказалъ онъ, вставая.—Въ чемъ дѣло?

Онъ отворилъ дверь, и вся компанія разлетѣлась какъ скворцы. Я остался одинъ. Старый солдатъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Что тебѣ, Фрицель?—спросилъ онъ, беря головешку изъ огня, чтобъ раскурить свою погасшую трубку.

Потомъ, увидавъ Сципіона, онъ съ важностью уставился на него, пуская клубы дыма.

Я немного оправился.

— Дядя Шмидтъ,—сказалъ я ему,—мальчики хотятъ, чтобъ я попросилъ васъ дать намъ санки, покататься съ Альтенберга.

Старый солдатъ, стоя противъ пуделя, съ улыбкою подмигнулъ и, не отвѣчая мнѣ, приподнялъ колпакъ, почесалъ за ухомъ и спросилъ у меня:

— Это твоя собачка, Фрицель?

— Да, дядюшка Адамъ, это собака той женщины, что теперь у насъ.

— Ага, то-то! Это солдатскій песъ, навѣрное! Онъ должно быть выученъ разнымъ штукамъ.

Сципіонъ, задравъ морду кверху, слушалъ нашъ разговоръ, а дядя Шмидтъ, вынувъ чубукъ изо рта, сказалъ:

— Это полковая собака. Она походитъ на стараго Михеля, который у насъ былъ въ Силезіи.

Онъ поднялъ трубку и крикнулъ такимъ оглушительнымъ голосомъ, что вся хижинка затряслась:

— На пле...чо!!!

Какого же было мое изумленіе, когда Сципіонъ усѣлся на заднія лапы, свѣсилъ переднія и стоялъ смирно, какъ солдатъ на ученьѣ!

— Ха, ха, ха!—раскатился Шмидтъ.—Видишь, вѣдь я говорилъ!

Мои пріятели вернулись. Одни глазѣли черезъ пріоткрытую дверь, другіе чрезъ окно. Сципіонъ все стоялъ «во фронтъ», а развеселившійся Шмидтъ командовалъ ему:

— Ра...вненіе направо!.. Потомъ, подражая барабанному бою и топая своими громадными деревянными башмаками, рявкнулъ:

— Шагомъ... м...аршъ!.. Трахъ, трахъ, трахъ!.. Разъ, два! Разъ, два!..

И Сципіонъ, состроивъ серьезнѣйшую морду, свѣсивъ уши на плечи, поднявъ хвостъ кверху, важно замаршировалъ.

Это привело меня въ полнѣйшій восторгъ!

Тѣ мальчуганы тоже были въ явномъ восхищеніи.

— Стой!..—гаркнулъ Шмидтъ, и Сципіонъ остановился.

Я ужъ и о санкахъ позабылъ! Я такъ былъ потрясенъ

этими новоявленными талантами Сципіона, что меня потянуло тотчасъ бѣжать домой и разсказать обо всемъ дядѣ.

Но Гансъ Аденъ, Францъ Сенель и всѣ прочіе, ободрившіеся при видѣ добраго расположенія стараго солдата, вошли въ хижину и въ экстазѣ смотрѣли на собаку.

— Вольно!..—скомандовалъ Шмидтъ, и Сципіонъ опустился на переднія лапы, встряхнулся, усѣлся и энергически почесалъ затылокъ заднею лапою, какъ бы желая сказать:

— Проклятая блоха все время ѣла меня! Да вѣдь во фронтѣ стоя, чесаться не полагается!

Я прямо онѣмѣлъ отъ радости при видѣ всего этого, и даже не смѣлъ окликнуть Сципіона, чтобы онъ не застыдился. Но песикъ самъ подошелъ ко мнѣ, и это меня очень обрадовало. Я чувствовалъ себя словно фельдмаршалъ во главѣ своихъ армій. Всѣ мнѣ завидовали.

Старикъ Шмидтъ нѣжно смотрѣлъ на Сципіона; видно было, что онъ напоминалъ ему его хорошее военное время.

— Да,—сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, это настоящая солдатская собака. Остается узнать, знаетъ ли она политику, такъ какъ многія собаки не знаютъ политики.

Онъ взялъ за дверью палку и, держа ее поперекъ, закричалъ:

— Слушай!

Сципіонъ приготовился.

— За республику!—крикнулъ старый солдатъ.

Сципіонъ перескочилъ, какъ олень, черезъ палку.

— За генерала Гоша!

Сципіонъ перескочилъ.

— За короля прусскаго!

Сципіонъ съ очень рѣшительнымъ видомъ сѣлъ на заднія лапы, и старикашка началъ тихо улыбаться, прищуривъ глаза и говоря:

— Онъ знаетъ политику... Хе! Хе! Хе! Ну-ка... иди сюда!

Онъ потрепалъ его по головѣ, и Сципіонъ казался очень довольнымъ.

— Фрицель,—сказалъ мнѣ тогда старикъ Шмидтъ,—собака ваша должна идти на вѣсъ золота; это настоящій солдатскій песъ.

И, посмотрѣвъ на насъ, онъ прибавилъ:

— Такъ какъ у васъ превосходная собака, я дамъ вамъ свои сани; но вы должны привезти мнѣ ихъ въ пять часовъ и смотрите, не сломайте шеи!

Онъ вышелъ съ нами и снялъ сани съ балки.

Я разрывался между желаніемъ бѣжать и разсказать дядѣ о необыкновенномъ искусствѣ Сципіона и удовольствіемъ скатиться съ Альтенберга на саняхъ. Но, посмотрѣвъ на Ганса Адена, Франца Сепеля и другихъ товарищей, тащившихъ сани, кто спереди, кто сзади, и скакавшихъ, какъ счастливцы, я не могъ противостоять удовольствію побѣжать вмѣстѣ съ ними.

Шмидтъ смотрѣлъ на насъ, стоя въ дверяхъ.

— Смотрите, не упадите—сказалъ онъ намъ еще разъ.

Потомъ онъ вошелъ въ домъ, а мы побѣжали по снѣгу. Сципіонъ скакалъ рядомъ съ нами. Предоставляю вамъ судить о нашей радости, нашихъ крикахъ, нашемъ смѣхѣ во время ходьбы на гору. А когда мы взобрались наверхъ, Гансъ Аденъ усѣлся впереди, ухватившись обѣими руками за изогнутые концы, остальные сѣли по трое врядъ; Сципіона помѣстили въ серединѣ; и когда вдругъ сани покатились, качаясь въ колеяхъ и скользя по скатамъ, восторгъ былъ невыразимый!

Только разъ въ жизни бываешь молодъ!

Только-что сани тронулись, Сципіонъ скакнулъ черезъ наши головы. Онъ предпочиталъ бѣжать, прыгать, лаять, какъ ребенокъ, валяться въ снѣгу, чѣмъ ѣхать въ саняхъ. Но все это не мѣшало намъ глубоко уважать его за его способности: всякій разъ, какъ мы поднимались на гору, онъ шелъ подлѣ насъ съ чувствомъ собственнаго достоинства, и кто бы не обернулся, продолжая тащить сани, всякій говорилъ:

— Какой ты счастливецъ, Фрицель, что у тебя такая собака! Адамъ Шмидтъ говоритъ, что ее купятъ на вѣсъ золота.

— Да, но вѣдь собака не ихъ,—кричалъ кто-нибудь,—она француженкина.

Мысль, что собака принадлежитъ большой, приводила меня въ смущеніе, и я думалъ: «Хоть бы обѣ онѣ остались у насъ!

Мы скатывались и поднимались до четырехъ часовъ. Когда начало смеркаться, всѣ вспомнили обѣщаніе, данное старику Шмидту. Мы направились къ деревнѣ. Приближаясь къ дому старика, мы увидали его стоящимъ на порогѣ. Онъ издали слышалъ нашъ смѣхъ и разговоръ.

— Ну, вотъ и вы!—крикнулъ онъ.—Никто не ушибся?

— Нѣтъ, дѣдушка Шмидтъ.

— Слава Богу!

Онъ повѣсилъ сани подъ навѣсъ, а я, не простившись, помчался домой, довольный тѣмъ, что могу объявить дядѣ, что у насъ за собака. Эта мысль такъ восхищала меня, что я и не замѣтилъ, какъ прибѣжалъ домой; Сципіонъ слѣдовалъ за мной.

— Дядя Яковъ!—закричалъ я, отворяя дверь,—Сципіонъ умѣетъ маршировать! Дѣдушка Шмидтъ сейчасъ узналъ, что это настоящая солдатская собака; онъ заставилъ ее ходить на заднихъ лапахъ, какъ какого нибудь гренадера, говоря только: «Разъ... два!»

Дядя читалъ за печкой; видя, какъ я взволнованъ, онъ положилъ книгу на уступъ печки и сказалъ мнѣ съ видомъ удивленія:

— Можетъ ли быть, Фрицель? Какъ!.. Какъ?!.

— Да! — воскликнулъ я. — Онъ знаетъ тоже и политику: прыгаетъ за республику, за генерала Гоша и не хочетъ прыгать за прусскаго короля.

Тутъ дядя началъ хохотать и, взглянувъ на женщину, опершуюся на локоть и тоже улыбавшуюся въ альковѣ, серьезно сказалъ ей:

— А вы еще не говорили мнѣ о талантахъ вашей собаки. Правда ли, что Сципіонъ знаетъ столько хорошихъ вещей?

— Правда, господинъ докторъ, — сказала она, лаская собаку, подбѣжавшую къ ея постели и съ радостью подставлявшую ей голову. — Да, онъ все это знаетъ, онъ былъ любимцемъ всего батальона; маленькій Жанъ каждый день показывалъ ему что нибудь новенькое.—Не такъ ли, бѣдняжка Сципіонъ? Ты игралъ въ шашки, предсказывалъ имъ счастье, билъ зорю? Сколько разъ отецъ и оба старшихъ брата на большихъ привалахъ любовались, какъ ты стоялъ на караулѣ? Ты смѣшилъ все наше общество своимъ серьезнымъ видомъ и своими способностями; вокругъ тебя забывали усталость долгаго пути и хохотали отъ души!

Она растрогалась и говорила это кроткимъ голосомъ, но улыбаясь. Сципіонъ положилъ переднія лапы на край постели и слушалъ похвалы себѣ.

Дядя Яковъ, видя, что эти воспоминанія все болѣе и болѣе разстраиваютъ Терезу и могутъ повредить ей, сказалъ мнѣ:

— Очень радъ слышать, Фрицель, что Сципіонъ умѣетъ маршировать и знаетъ политику; ну, а ты, что ты дѣлалъ съ обѣда?

— Мы катались въ саняхъ съ Альтенберга, дядя; дѣдушка Адамъ далъ намъ свои сани.

— Все это хорошо. Но всѣ эти происшествія заставили насъ забыть господина Бюффона и Клопштока: если такъ продлится, Сципіонъ скоро будетъ знать больше тебя.

Послѣ этого онъ всталъ, взялъ въ шкафу «Естественную исторію» Бюффона и, поставивъ свѣчку на столъ, сказалъ мнѣ, улыбаясь на мое постное лицо, такъ какъ я раскаявался, что пришелъ рано:

— Ну, Фрицель, начнемъ!

Онъ сѣлъ и посадилъ меня къ себѣ на колѣни.

Послѣ восьми свободныхъ дней, мнѣ показалось очень горькимъ возвращаться къ господину Бюффону; но дядя своимъ терпѣніемъ вселялъ и въ меня терпѣнье, и мы начали нашъ французскій урокъ.

Урокъ длился съ часъ, до тѣхъ поръ, какъ Лизбета пришла накрывать на столъ. Тогда, обернувшись, мы увидали, что больная задремала. Дядя закрылъ книгу и задернулъ занавѣски, пока Лизбета накрывала.

IX.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, дядя молча курилъ за печкой трубку. Я сушилъ низъ своихъ панталонъ, сидя передъ отворенными дверцами печки, положивъ голову Сципіона межъ колѣнъ, и смотрѣлъ, какъ красный отсвѣтъ пламени отдалялся и приближался по полу. Лизбета, по обыкновенію, унесла свѣчу, и мы сидѣли въ потьмахъ: огонь бушевалъ, какъ въ большіе морозы, часы медленно стучали, а изъ кухни слышалось, какъ старуха мыла тарелки надъ сточной трубой.

Сколько мыслей мелькало тогда у меня въ головѣ! Я думалъ то о мертвомъ солдатѣ въ ригѣ Ребока и черномъ пѣтухѣ въ слуховомъ окнѣ, то о дѣдушкѣ Шмидтѣ, заставлявшемъ Сципіона маршировать, потомъ объ Альтенбергѣ и о скатываньи

нашихъ саней. Все это припоминалось мнѣ какъ сонъ, а посвистываніе огня точно подыгрывало музыку подъ мои воспоминанія, и я чувствовалъ, какъ глаза мои потихоньку закрывались.

Такъ прошло около получаса, какъ вдругъ меня разбудилъ стукъ деревянныхъ башмаковъ по корридору; въ то же время дверь отворилась, и въ комнатѣ раздался веселый голосъ кротолова:

— Снѣгъ, господинъ докторъ, опять снѣгъ началъ итти теперь на всю ночь!

Кажется, дядя тоже дремалъ, потому что онъ пошевелился только черезъ минуту и отвѣчалъ:

— Что же дѣлать, кротоловъ, теперь такое время; надо этого было ожидать.

Потомъ онъ всталъ и пошелъ въ кухню за огнемъ. Кротоловъ подошелъ въ потьмахъ ко мнѣ.

— Это что? Фрицель тутъ!—сказалъ онъ.— Да ты еще не спишь?

Дядя вошелъ. Обернувшись, я увидѣлъ кротолова въ зимней одеждѣ, въ старой куньей шапкѣ съ изношеннымъ хвостомъ на спинѣ, въ кафтанѣ изъ козьяго мѣха, шерстью внутрь, въ красномъ жилетѣ, карманы котораго болтались на бедрахъ, въ старыхъ коричневыхъ бархатныхъ штанахъ, заплатанныхъ на колѣняхъ. Онъ улыбался, прищуривая свои маленькіе глазки, и держалъ что-то подъ мышкой.

— Вы пришли слушать газету, кротоловъ? — сказалъ дядя. — Ее не принесли сегодня, почтальонъ не пришелъ.

— Нѣтъ, господинъ докторъ, нѣтъ, я пришелъ не для газеты.

Онъ положилъ на столъ старую квадратную книгу въ деревянномъ переплетѣ, толщиною, по крайней мѣрѣ, въ три линіи и всю покрытую мѣдными бляхами въ видѣ виноградныхъ листьевъ; листы на ней были совершенно грязные и жирные отъ долгаго употребленія, и изъ каждой страницы торчали шнурочки и ниточки, отмѣчавшіе хорошія мѣста.

— Вотъ зачѣмъ я пришелъ!—сказалъ кротоловъ. — Мнѣ не надо новостей; когда мнѣ хочется знать, что творится на свѣтѣ, я раскрываю и смотрю.

Онъ улыбнулся и показалъ свои длинные, желтые зубы подъ четырьмя волосками усовъ, закрученными въ иголочки.

Дядя, не говоря ни слова, подвинулъ столъ къ печкѣ и сѣлъ въ уголъ.

— Да,—продолжалъ кротоловъ,—тутъ есть все; но надо умѣть понимать... да, понимать, — замѣтилъ онъ, задумчиво, указывая на свою голову.—Буквы ничего не значутъ; а духъ... надо понимать духъ.

Сказавъ это, онъ сѣлъ въ кресло, съ какимъ-то благоговѣніемъ положилъ книгу на свои тощія колѣни и открылъ ее. Дядя не спускалъ съ него глазъ.

— Господинъ докторъ, — продолжалъ кротоловъ,—я сотни разъ говорилъ вамъ о книгѣ тетки моей Розель изъ Геммингa; сегодня я принесъ ее вамъ, чтобы показать прошедшее, настоящее и будущее. Вы увидите, вы увидите! Все, что случилось въ послѣдніе четыре года, заранѣе было написано: я понималъ это и прежде, но не хотѣлъ говорить, изъ-за этого Рихтера, который смѣялся бы надо мной, такъ какъ онъ дальше своего носа ничего не видитъ. Будущее тутъ тоже показано, но я объясню его только вамъ, господинъ докторъ, вы человѣкъ умный, разсудительный и дальновидный. Вотъ зачѣмъ я пришелъ.

— Послушайте, кротоловъ,—сказалъ дядя,—я очень хорошо знаю, что въ нашемъ мірѣ много тайнъ, и я не такъ тщеславенъ, чтобы не вѣрить предсказаніямъ и чудесамъ, сообщеннымъ намъ такими серьезными людьми, какъ Моисей, Геродотъ, Фукидитъ, Титъ-Ливій и многіе другіе. Я слишкомъ чту волю Всевышняго, чтобы желать проникнуть тайны, хранимыя его безпредѣльной мудростью; въ вашей книгѣ я желалъ бы болѣе увидѣть исполненіе прошедшаго, чѣмъ будущаго. Къ тому же, это будетъ гораздо яснѣе.

— Хорошо, хорошо, вы узнаете все, — отвѣчалъ кротоловъ, — довольный серьезнымъ видомъ дяди.

Онъ пододвинулъ кресло къ стулу, положивъ на край его книгу; потомъ, порывшись въ карманѣ, онъ вытащилъ старые мѣдные очки, и надѣлъ ихъ на носъ, что придавало ему дѣйствительно странный видъ.

Можно представить себѣ мое вниманіе: я тоже придвинулся къ столу, положилъ на него локти, подперъ руками подбородокъ и смотрѣлъ, притаивъ дыханіе и выпучивъ глаза.

Эта сцена всегда будетъ мнѣ живо представляться: мертвая тишина въ комнатѣ, стукъ часовъ, шорохъ огня, свѣчка, стоя-

щая посреди насъ и освѣщающая, какъ звѣзда, напротивъ меня дядя, сидящій въ темномъ углу, Сципіонъ у ногъ моихъ, и кротоловъ, нагнувшись надъ книгой предсказаній, за нимъ маленькія черныя окошечки, въ которыхъ виднѣется на темномъ фонѣ падающій снѣгъ; все это живо мнѣ представляется, и мнѣ даже кажется, что я еще слышу голосъ и бѣднаго старика кротолова, и добраго дядю Якова, такъ давно уже сошедшихъ въ могилу.

Это была странная сцена.

— Какъ, кротоловъ,—сказалъ дядя,—вамъ нужны очки, въ ваши годы? А я думалъ, что у васъ превосходное зрѣніе.

— Мнѣ не надо очковъ для чтенія вещей обыкновенныхъ, ни для того, чтобы смотрѣть на улицѣ,—отвѣчалъ кротоловъ,—у меня хорошіе глаза, и весною я вижу отсюда на Альтенбергѣ всѣ птичьи гнѣзда на деревьяхъ; но очки эти тетки моей Розель изъ Геммиша, и ихъ надо надѣвать, чтобы понимать эту книгу. Иногда они мнѣ мѣшаютъ, но я читаю или сверху, или изъ-подъ нихъ; главное, чтобы они были надѣты.

— А, это другое дѣло, совершенно другое дѣло, — серьезно замѣтилъ дядя.

У него было слишкомъ доброе сердце, чтобы выказать удивленіе кротолову.

И кротоловъ началъ читать.

«Годъ 1793. — Трава посохла, и цвѣтъ опалъ, ибо на нихъ вѣялъ вѣтеръ. Это значитъ, что зима: трава посохла, потому что на все дулъ вѣтеръ!

Дядя кивнулъ головой, а кротоловъ продолжалъ:

«Острова видѣли и ихъ обуялъ страхъ; края земли были испуганы, они соединились и пришли». Видите, господинъ докторъ, тутъ говорится, что Англія и даже острова, находящіеся далѣе въ морѣ, испугались республиканцевъ. — «Они соединились и пришли!» Всѣмъ извѣстно, что англичане высадились въ Бельгіи, чтобы воевать съ французами. Но слушайте дальше: «Въ это время, предводители народовъ будутъ, какъ огонь посреди лѣса, какъ факелъ посреди сноповъ: они будутъ пожирать направо и налѣво—всѣ страны».

Тутъ кротоловъ съ важнымъ видомъ поднялъ палецъ и сказалъ:

— Это короли и императоры, двигающіеся посреди своихъ армій и пожирающіе все въ странахъ, черезъ которыя проходятъ. Мы, къ несчастью, по опыту знаемъ эти вещи: наша бѣдная деревня долго этого не забудетъ.

И такъ какъ дядя не отвѣчалъ, онъ продолжалъ:

«Въ такое время,—горе пастырю ничтожества, который броситъ свое стадо; мечъ выпадетъ изъ руки его и онъ ослѣпнетъ правымъ окомъ». Эти слова указываютъ намъ на Майенскаго епископа, бѣжавшаго въ прошломъ году съ своей кормилицей и пятью любовницами, при приближеніи генерала Кюстина. Онъ былъ чисто пастыремъ ничтожества и срамилъ всю страну: у него высохла рука и ослѣпъ правый глазъ.

— Но вспомните, кротоловъ,—возразилъ дядя,—епископъ не одинъ такъ велъ себя; въ Германіи, Франціи и Италіи было много подобныхъ негодяевъ.

— Тѣмъ болѣе, господинъ докторъ,—отвѣчалъ кротоловъ,—въ книгѣ говорится о всѣхъ на землѣ, «ибо, — продолжалъ онъ, указывая пальцемъ на страницу, — ибо въ то время, говоритъ Всевышній, я уничтожу на землѣ лжепророковъ, чудодѣевъ и духа порочности». Что же это можетъ означать, докторъ Яковъ, какъ не людей, безпрестанно говорящихъ о любви къ ближнему, чтобы вытянуть у насъ деньги, ни во что невѣрящихъ, а намъ грозящихъ адомъ, облачающихся въ пурпуръ и золото и проповѣдующихъ намъ о человѣколюбіи, говорящихъ: «Оставь все свое и иди за Христомъ!» и накопляющихъ богатства въ своихъ дворцахъ и монастыряхъ, людей, толкующихъ намъ о вѣрѣ и смѣющихся надъ дураками, слушающими ихъ?.. Развѣ это не духъ порочности?

— Да,—сказалъ дядя, — это отвратительно.

— Ну, вотъ для нихъ-то и для всѣхъ дурныхъ пастырей эти вещи и написаны, сказалъ кротоловъ.

Онъ продолжалъ:

«Въ это время въ горахъ послышался шумъ толпы, какъ будто встаетъ великій народъ, шумъ собравшагося народа. Сосѣдніе народы будутъ слушать, и сердце человѣческое смягчится. Гордые погибнутъ, міръ будетъ страдать, какъ женщина въ родахъ, добрые будутъ глядѣть другъ на друга съ пылающими лицами, они въ первый разъ услышатъ рѣчь о великихъ дѣлахъ.

узнаютъ, что передъ Всевышнимъ всѣ равны, что всѣ рождены для правды, какъ деревья въ лѣсу для свѣта!»

— И это дѣйствительно написано, кротоловъ? — спросилъ дядя.

— Взгляните сами, — отвѣчалъ кротоловъ, передавая ему книгу.

Дядя началъ глядѣть въ смущеніи.

— Да, написано, — тихо замѣтилъ онъ, — написано! Ахъ, еслибъ Господь совершилъ въ наше время такія великія дѣла! Еслибъ онъ порадовалъ сердца наши подобнымъ зрѣлищемъ!

Онъ вдругъ остановился, точно пораженный своимъ энтузіазмомъ:

— Возможно ли, чтобы я въ мои года такъ волновался! Я ребенокъ, чистый ребенокъ.

Онъ отдалъ книгу кротолову, который улыбаясь, сказалъ:

— Я вижу, господинъ докторъ, что это мѣсто вы понимаете также, какъ и я: шумъ встающаго великаго народа и есть Франція, провозглашающая права человѣка.

— Какъ, вы думаете, что это относится къ французской революціи?—спросилъ дядя.

— А то къ чему же?—замѣтилъ кротоловъ.—Это ясно, какъ день.

Потомъ, надѣвъ опять очки, которые онъ снялъ, онъ прочелъ:

«Въ семьдесятъ недѣль можно совершить грѣхъ, искупить несправедливость и вызвать правосудіе вѣковъ. Послѣ этого люди бросятъ серебряныхъ идоловъ кротамъ и летучимъ мышамъ. И многіе народы скажутъ: «Передѣлаемъ шпаги на вилы, и алебарды на рѣзаки».

Въ этомъ мѣстѣ кротоловъ, положивъ оба локтя на книгу, сталъ почесывать бороду, поднявъ носъ кверху и, казалось, глубоко размышлялъ. Я не спускалъ съ него глазъ: мнѣ казалось, что въ тѣни, вокругъ насъ, происходятъ странныя вещи, движется невѣдомый міръ; слабый трескъ огня и вздохи Сципіона, уснувшаго подлѣ меня, представлялись мнѣ отдаленными голосами, даже молчаніе безпокоило меня.

Дядя Яковъ, казалось, возвратился къ обычному спокойствію. Онъ положилъ свою большую трубку, поднесъ къ ней свернутую бумажку и сталъ раскуривать ее, сильно затянув-

нись раза два-три и медленно выпуская дымъ. Онъ закрылъ крышку, вздохнулъ и растянулся на креслѣ.

«Люди бросятъ серебряныхъ идоловъ»,—продолжалъ кротоловъ,—это значитъ ихъ экю, флорины и всякія монеты. «Они бросятъ ихъ кротамъ»,—значитъ слѣпымъ, такъ какъ вамъ извѣстно, господинъ докторъ, что кроты слѣпы; несчастные слѣпые, какъ дѣдушка Гарихъ, настоящіе кроты; среди бѣлаго дня они ходятъ въ потьмахъ, какъ-будто подъ землею. И такъ, люди этого времени отдадутъ свои деньги слѣпымъ и летучимъ мышамъ. Подъ летучими мышами подразумѣваются старыя, престарѣлыя старухи, которыя не могутъ болѣе работать, лысыя и сидящія около печей, какъ Христина Бэмъ, которую вы знаете такъ же хорошо, какъ и я. Эта несчастная Христина такъ худа, у ней такъ мало волосъ, что всякій, глядя на нее, думаетъ: «это летучая мышь».

— Да, да, да! — какимъ-то страннымъ тономъ говорилъ дядя, тихо качая головой.—Ясно, кротоловъ, совершенно ясно. Теперь я понимаю вашу книгу,—прелестная книга!

«Итакъ, люди отдадутъ свои деньги слѣпымъ и несчастнымъ старухамъ по чувству благотворительности,—продолжалъ кротоловъ,—и этимъ положится конецъ бѣдствіямъ сего міра; бѣдныхъ больше не будетъ. «Въ семьдесятъ недѣль», тутъ подразумѣвается недѣля не изъ дней, а изъ мѣсяцевъ, и «они передѣлаютъ шпаги свои въ вилы, чтобы обработывать землю и жить въ мирѣ».

Это объясненіе кротовъ и летучихъ мышей до того меня поразило, что я такъ и замеръ, выпучивъ глаза и воображая, что это странное превращеніе совершается въ углу, гдѣ сидитъ дядя. Далѣе я не слушалъ; голосъ кротолова продолжалъ еще свое однообразное чтеніе, какъ дверь снова отворилась. Морозъ пробралъ меня по кожѣ, и я испугался бы не больше, если бы въ комнату вошли подъ руку старый, слѣпой Гарихъ и старуха Христина, въ ихъ новомъ видѣ. Я обернулся, разинувъ ротъ, и вздохнулъ свободнѣе, въ комнату вошелъ другъ нашъ, Коффель; я два раза взглянулъ на него и только тогда узналъ его. — такъ сильно овладѣли мною мысли о летучихъ мышахъ и кротахъ.

На Коффелѣ была его старая, сѣрая зимняя вязаная одежда, суконная шапка, нахлобученная до спины, и большіе стоптанные башмаки, на старыхъ носкахъ, которые онъ надѣвалъ, ко-

гда выходилъ со двора; онъ стоялъ, согнувъ колѣни и засунувъ руки въ карманы, какъ человѣкъ продрогнувшій; его совсѣмъ засыпало снѣгомъ.

— Здравствуйте, господинъ докторъ, — началъ онъ, стряхивая въ сѣняхъ шапку.—Я прихожу поздно, меня много народу останавливало по дорогѣ, въ «Красномъ Быкѣ» и въ «Золотой Кружкѣ».

— Войдите, Коффель, — сказалъ ему дядя.—Хорошо ли вы заперли дверь въ сѣни?

— Да, докторъ Яковъ, не безпокойтесь.

Онъ вошелъ и, улыбаясь, сказалъ:

— Сегодня нѣтъ газеты?

— Нѣтъ, да намъ ее и не надо,—отвѣчалъ дядя какимъ-то добродушнымъ, комичнымъ голосомъ,—у насъ книга кротолова, въ которой говорится о настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ.

— А говоритъ ли она о нашей побѣдѣ?—спросилъ Коффель, подходя къ печкѣ.

Дядя и кротоловъ съ удивленьемъ взглянули другъ на друга.

— О какой побѣдѣ?—спросилъ кротоловъ.

— Да о той, что была третьяго дня въ Кайзерлаутернѣ. Во всей деревнѣ только объ этомъ и говорятъ: Рихтеръ, господинъ Рихтеръ пріѣхалъ оттуда часа два назадъ и привезъ эту новость. Въ «Золотой Кружкѣ» осушили бутылокъ пятьдесятъ въ честь пруссаковъ; республиканцы совершенно разбиты.

Только что онъ произнесъ слово республиканцы, какъ мы взглянули на альковъ, вспомнивъ, что тамъ француженка и что она насъ слушаетъ. Это насъ огорчило, потому что она была женщина хорошая, и мы боялись, что такая новость сильно огорчитъ ее. Дядя поднялъ руку, покачавъ головой съ видомъ сожалѣнія; потомъ онъ потихоньку всталъ и поднялъ занавѣски, чтобы посмотрѣть, спитъ ли больная.

— Это вы, господинъ докторъ?—тотчасъ же сказала она.—Я цѣлый часъ слушаю предсказанія кротолова; я все слышала.

— Э, мадамъ Тереза,—сказалъ дядя.—это невѣрные слухи.

— Не думаю, господинъ докторъ. Если третьяго дня было сраженье въ Кайзерлаутернѣ,—мы были побиты, а иначе французы сейчасъ пошли бы на Ландау, чтобы заставить непріятеля снять съ него осаду и отрѣзать австрійцамъ возможность отступленія: правое крыло прошло бы черезъ деревню.

Потомъ, возвысивъ голосъ, она сказала:

— Господинъ Коффель, не разскажете ли вы мнѣ подробности, какія знаете?

Изъ всѣхъ давно прошедшихъ сцена эта всего болѣе запечатлѣлась въ моей памяти, такъ какъ въ эту ночь мы узнали, какую женщину спасли, и поняли, что за раса—эти французы, возставшіе поголовно, чтобы преобразовать міръ.

Кротоловъ взялъ со стола свѣчку, и мы всѣ вошли въ альковъ. Я сталъ въ ногахъ у постели, Сципіонъ прижался къ нотамъ, молча смотря; я въ первый разъ замѣтилъ, что мадамъ Тереза такъ похудѣла и стала походить на мужчину: ея длинное, костлявое лицо, съ прямымъ носомъ, впавшими глазами и торчащимъ подбородкомъ, опиралось на сухую и смуглую руку, выходившую до локтя изъ подъ толстой Лизбетиной рубашки: красный шелковый платокъ, завязанный на лбу, падалъ на костлявую спину; великолѣпныхъ волосъ не было видно, а за ушами, въ которыя были продѣты два большихъ золотыхъ кольца, торчало только нѣсколько волосковъ. Вниманіе мое привлекалъ всего болѣе висѣвшій у нея довольно низко на шеѣ медальонъ красной мѣди, изображавшій голову молодой дѣвушки, съ шляпою, надѣтою въ видѣ каски; этотъ образокъ привлекъ мое вниманіе, и впослѣдствіи я узналъ, что это изображеніе республики, а тогда воображалъ, что это Божья Матерь французовъ.

Когда Коффель поднялъ за нами свѣчку, весь альковъ освѣтился, и мадамъ Тереза показалась мнѣ больше обыкновеннаго, ноги ея касались подъ одѣяломъ конца постели. Я никогда прежде не замѣчалъ этихъ вещей, поразившихъ меня тогда. Она смотрѣла на Коффеля, неспускавшаго глазъ съ дяди Якова, какъ бы спрашивая у него, что дѣлать.

— Это слухи, распространившіеся въ городѣ,—сказалъ онъ съ замѣшательствомъ; — этому Рихтеру ни на грошъ нельзя вѣрить.

— Все равно, господинъ Коффель, разскажите мнѣ,—сказала она,—господинъ докторъ позволяетъ. Не правда ли, господинъ докторъ, вы позволяете?

— Конечно,—съ сожалѣніемъ сказалъ дядя.—Но не надо вѣрить всему, что говорятъ.

— Нѣтъ... Я знаю, что преувеличиваютъ; но лучше знать

дѣло какъ оно есть, чѣмъ безпокоить себя разными сомнѣніями; это менѣе мучительно.

Коффель началъ разсказывать, что два дня тому назадъ французы осадили Кайзерлаутернъ и что они отчаянно дрались съ семи часовъ утра до самой ночи, чтобы пробиться черезъ насыпь; что пруссаки тысячами убивали ихъ, что во рвахъ, на горѣ, вдоль дорогъ и въ Лаутернѣ только и были видны тѣла убитыхъ, что французы бросили все: пушки, зарядные ящики, ружья, пантронташи, что ихъ били всюду и что Брунсвикская кавалерія, посланная въ погоню, кучами хватала ихъ въ плѣнъ.

Подпершись подбородокъ рукою, устремивъ глаза въ уголъ алькова и сжавъ губы, Тереза не говорила ни слова. Она слушала, и когда Коффель иногда останавливался—такъ какъ ему было очень больно разсказывать подобныя вещи при этой бѣдной женщинѣ, она взглядывала на него очень покойно, и онъ продолжалъ, говоря: «говорятъ еще и то, и это, но я не вѣрю этому».

Наконецъ онъ замолчалъ; въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ мадамъ Тереза о чемъ-то думала. Потомъ, когда дядя сказалъ: «Все это только слухи... Ничего положительнаго неизвѣстно!.. Вы напрасно будете отчаяваться, мадамъ Тереза»,— она слегка приподнялась, чтобъ опереться на спинку кровати, и совершенно спокойно сказала намъ:

— Выслушайте, мы очевидно были побиты. Но не думайте, господинъ докторъ, что это приводитъ меня въ отчаяніе:—нисколько; дѣло, которое вамъ кажется важнымъ, я считаю пустяками. Я видѣла, какъ тотъ же самый Брунсвикъ вторгнулся въ Шампанію, во главѣ ста тысячъ человѣкъ; распространялъ прокламаціи, лишенныя всякаго здраваго смысла, грозилъ Франціи и потомъ отступилъ къ самой Пруссіи передъ мужиками въ деревенскихъ башмакахъ. Отецъ мой—бѣдный школьный учитель, сдѣлавшійся начальникомъ баталіона,—братья мои—бѣдные ремесленники, назначенные капитанами за ихъ храбрость,—и, наконецъ, я съ маленькимъ Жаномъ въ телѣжкѣ, мы выпроводили его послѣ битвы подъ Аргонскими ущельями и при Вальми. Не думайте, что подобныя вещи пугаютъ меня. Насъ не одна, не двѣ сотни тысячъ, насъ шесть милліоновъ мужиковъ, которые хотятъ сами ѣсть хлѣбъ, выработанный тяжкимъ трудомъ. Это справедливо, и съ нами Богъ.

Говоря, она одушевилась и протянула свою худую руку кротолову; дядя и Коффель смотрѣли съ удивленіемъ.

— Насъ не могутъ ослабить ни одна неудача, ни двадцать, ни сто,—продолжала она.—Когда одинъ изъ насъ падаетъ, десять другихъ уже встаютъ. Мы идемъ не за кого-нибудь, а идемъ, за уничтоженіе различныхъ привиллегій, за свободу, за правосудіе, за права человѣка! Чтобы побѣдить насъ, надо уничтожить насъ до послѣдняго человѣка, замѣтила она, странно улыбаясь, а это не такъ легко, какъ думаютъ. Жаль только, что тысячи людей вашей партіи погибаютъ за своихъ главныхъ враговъ, тогда какъ простой здравый смыслъ говоритъ что имъ надо дѣйствовать сообща съ нами.

Послѣ этого она опять легла, а дядя Яковъ, пораженный справедливостью ея словъ, оставался нѣсколько минутъ безмолвнымъ.

Кротоловъ и Коффель молча смотрѣли другъ на друга; видно было, что разсужденія француженки поразили ихъ и что они думали: «эта женщина права!»

Только черезъ минуту дядя сказалъ:

— Успокойтесь, мадамъ Тереза, успокойтесь, все пойдетъ хорошо; о многомъ мы одного съ вами мнѣнія, и если бы отъ меня зависѣло, мы жили бы съ вами мирно.

— Да, господинъ докторъ.—отвѣчала она.—я это знаю, потому что вы человѣкъ справедливый, а мы только и хотимъ справедливости.

— Постарайтесь забыть все это, — опять сказалъ дядя Яковъ,—для вашего здоровья вамъ теперь надо только спокойствіе.

— Постараюсь, господинъ докторъ.

Мы вышли изъ алькова, и дядя, задумчиво глядя на насъ, сказалъ:

— Скоро десять часовъ, пора спать.

Онъ проводилъ на улицу кротолова и Коффеля и, по обыкновенію, заперъ дверь на задвижку. Я уже поднимался на лѣстницу.

Въ эту ночь я долго слышалъ, какъ дядя ходилъ по комнатѣ; онъ ходилъ взадъ и впередъ тихо и твердо, какъ человѣкъ, размышлявшій о чемъ-то. Наконецъ все стихло, и я уснулъ.

X.

Когда я проснулся на другой день, мои маленькія окна были завалены снѣгомъ, такъ что сквозь нихъ не было видно сосѣдняго дома. На улицѣ звенѣли колокольчики дядиной лошади Раппеля, запряженной въ сани, и затѣмъ тишина была невозмутимая.

Я подумалъ, что вѣрно что-нибудь необыкновенное заставляетъ дядю ѣхать въ такую погоду; и, одѣвшись, побѣжалъ узнать, что такое случилось.

Дверь въ корридоръ была отворена; дядя, въ нахлобученной бобровой шапкѣ, въ шубѣ съ поднятымъ воротникомъ, стоя по колѣно въ снѣгу, торопливо поправлялъ солому въ саняхъ.

— Ты уѣзжаешь, дядя? — закричалъ я ему, подходя къ двери.

— Да, Фрицель, да, уѣзжаю,—весело отвѣчалъ онъ.— Не хочешь ли отправиться со мной?

— Я очень любилъ кататься въ саняхъ, но, посмотрѣвъ на крупныя хлопья, летѣвшія по воздуху, и подумавъ, что будетъ холодно, отвѣчалъ:

— Въ другой разъ, дядя, а сегодня я лучше останусь дома.

Онъ громко разсмѣялся и ущипнулъ меня за ухо, что онъ дѣлалъ всегда, когда бывалъ въ хорошемъ настроеніи духа.

Мы вмѣстѣ вошли въ кухню, гдѣ огонекъ мерцалъ въ очагѣ, распространяя пріятную теплоту по комнатѣ. Лизбета мыла посуду передъ маленькимъ круглымъ окошечкомъ, выходившимъ на дворъ. Въ кухнѣ все было тихо; большія кастрюли, казалось, блестѣли ярче обыкновеннаго, и по ихъ вздутымъ бокамъ мерцали такія же огоньки, какъ подъ очагомъ.

— Теперь все готово, — сказалъ дядя, отворяя шкафъ и взявъ себѣ въ карманъ краюху хлѣба.

Онъ сунулъ себѣ подъ шубу тыквенную бутылку съ киршвассеромъ, которую онъ бралъ всегда съ собою; потомъ, направляясь въ залу и взявшись за ручку дверей, онъ сказалъ старой служанкѣ, чтобы она не забывала его приказанія:— поддерживать вездѣ хорошій огонь, не закрывать двери, чтобы слушать Терезу, и давать ей все, что она спроситъ, кромѣ ѣды—такъ какъ въ цѣлый день ей давался только утромъ и

вечеромъ бульонъ и немного овощей,—и ни въ чемъ не противорѣчить ей.

— И такъ, мадамъ Тереза,—весело сказалъ дядя,—вотъ я и собрался. Славно теперь прокатиться въ саняхъ!

Тереза въ глубинѣ алькова съ раздвинутыми занавѣсками, облокотившись на руку, грустно смотрѣла на окна.

— Вы ѣдете къ больному, господинъ докторъ? — сказала она.

— Да, отсюда одинъ бѣдный дровосѣкъ изъ Данбала, верстъ двадцать отсюда, попалъ подъ сани; рана у него опасная и откладывать нельзя.

— Какъ тяжелы ваши обязанности! — сказала тронутая Тереза.—Выѣзжать въ такую погоду, чтобы помочь бѣдняку, который, можетъ быть, не отплатитъ вамъ за ваши услуги!

— Разумѣется, — отвѣчалъ дядя, набивая свою большую фарфоровую трубку.—Это ужъ не рѣдко со мной случалось; но что же дѣлать? Если человѣкъ бѣденъ, это еще не причина оставлять его умирать: мы всѣ братья, и несчастные имѣютъ такое же право на жизнь, какъ и богатые.

— Да, ваша правда, а между тѣмъ сколько другихъ на нашемъ мѣстѣ остались бы дома сидѣть у печки, вмѣсто того, чтобы рисковать жизнью изъ-за удовольствія сдѣлать доброе дѣло!

Она съ глубокимъ сочувствіемъ подняла на дядю глаза и прибавила:

— Господинъ докторъ, вы—настоящій республиканецъ.

— Я, мадамъ Тереза! Что вы это говорите!—вскричалъ, смѣясь, дядя.

— Да, настоящій республиканецъ,—продолжала она,—человѣкъ, ни передъ чѣмъ не останавливающійся, презирающій страданія и неудобства ради исполненія своихъ обязанностей.

— Да, если вы это такъ понимаете, я очень доволенъ, что заслужилъ это названіе, — отвѣчалъ дядя. — Но во всѣхъ партіяхъ и во всѣхъ странахъ свѣта найдутся такіе люди.

— Ну, такъ они— наши, сами того не подозрѣвая, господинъ докторъ.

— Дядя не могъ удержаться отъ улыбки.

— Вы за словомъ въ карманъ не полѣзете,—сказалъ онъ, засовывая въ карманъ своей шубы кисетъ съ табакомъ,—съ вами нельзя спорить!

Послѣ этого нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Дядя высѣкалъ огонь; я же, взявъ въ руки голову Сципіона, думалъ: «Ты у меня въ рукахъ... и побѣжишь за мной... мы вернемся къ обѣду и потомъ опять убѣжимъ...» На улицѣ лошадь не переставала ржать, а мадамъ Тереза смотрѣла на крупные хлопья снѣга, серебрившіе стекла; дядя, закуривъ трубку, сказалъ:

— Меня не будетъ дома до вечера; но Фрицель останется съ вами, и вы не будете слишкомъ скучать.

Онъ провелъ рукой по моей головѣ, а я покраснѣлъ какъ ракъ, что вызвало улыбку у больной.

— Нѣтъ, нѣтъ, господинъ докторъ,—кротко сказала она,—я никогда не скучаю одна; пусть Фрицель побѣгаетъ съ Сципіономъ, это имъ здорово, да и гораздо пріятнѣе быть на улицѣ, чѣмъ сидѣть въ комнатѣ. Не такъ ли, Фрицель?

— Да, да,—отвѣчалъ я, глубоко вздыхая.

— И тебѣ не стыдно такъ говорить? —вскричалъ дядя.

— Да отчего же, господинъ докторъ? Фрицель, какъ маленькій Жанъ, говоритъ, что думаетъ, и правъ. Иди, Фрицель, бѣгай, веселись, дядя отпускаетъ тебя.

Какъ я любилъ ее въ ту минуту и какой задушевной казалась мнѣ ея улыбка!—Дядя разсмѣялся, взялъ въ углу у двери бичъ и, возвращаясь къ ней, сказалъ:

— До свиданья, мадамъ Тереза, берегите себя.

— До свиданья, господинъ докторъ,—отвѣчала она, въ волненіи протягивая ему свою длинную руку:—отправляйтесь и да благословитъ васъ Господь!

Они замолчали и задумались; потомъ дядя сказалъ:

— Вечеромъ, около шести или семи часовъ, я буду дома; берегите себя, не безпокойтесь, все пойдетъ хорошо.

Послѣ этого мы вышли, онъ сѣлъ въ сани, укуталъ колѣни своей шубой и, тронувъ Рапеля кончикомъ бича, сказалъ мнѣ:

— Будь уменъ, Фрицель.

Сани тронулись и безъ шуму покатились вверхъ по улицѣ. Кое-кто изъ добрыхъ людей, смотря въ окна, говорилъ:

— Господина доктора Якова, вѣрно, позвали къ какому-ни-

будь опасному больному, иначе онъ не выѣхалъ бы въ такую погоду.

Когда дядя скрылся за угломъ улицы, я заперъ дверь въ сѣни и пошелъ ѣсть супъ у очага; Сципіонъ смотрѣлъ на меня, поднявъ кверху густые усы свои, отъ времени до времени облизываясь и подмигивая глазомъ. Я далъ ему облизать дно тарелки, и онъ принялся за свою работу съ достоинствомъ и не выказывая жадности, какъ другія деревенскія собаки.

Время шло такимъ образомъ, и я собрался идти изъ дому, когда Лизбета, окончившая работу и вытиравшая за дверью руки полотенцемъ, спросила меня:

— Фрицель, ты останешься дома?

— Нѣтъ, я пойду къ маленькому Гансу Адену.

— Послушай, такъ какъ ты обуваешься, такъ сходи за одно къ кротолову за медомъ для француженки,—господинъ докторъ велѣлъ сдѣлать ей питье съ медомъ. Возьми чашку и сходи-ка туда. Скажи кротолову, что это для господина доктора. Вотъ тебѣ и деньги.

Ничего я такъ не любилъ, какъ исполнять порученія, въ особенности, когда приходилось бѣжать къ кротолову, обращавшемуся со мной, какъ съ большимъ. Я взялъ чашку и вышелъ съ Сципіономъ, чтобы отправиться къ кротолову, въ Крапивную улицу за церковью.

Нѣсколько кумушекъ мели передъ дверьми.

Въ харчевнѣ «Золотой Кружки» раздавался звонъ стакановъ и бутылокъ, пѣніе и смѣхъ, и шаги людей, поднимавшихся и спускавшихся съ лѣстницы. Мнѣ показалось это страннымъ, потому что въ тотъ день была пятница: я остановился посмотрѣть, нѣтъ ли свадьбы или крестинъ. Вставъ на цыпочки по другую сторону улицы, я началъ смотрѣть въ дверь, отворенную въ маленькія сѣни, и увидѣлъ въ глубинѣ кухни странный профиль кротолова, наклоняющагося передъ огнемъ, съ трубкой во рту, и смуглой рукой своей клавшаго уголь на табакъ.

Далѣе, вправо, я увидѣлъ старуху Гредель, въ чепцѣ съ развѣвающимися лентами; она убирала тарелки въ шкафу, а ея сѣрый котъ прогуливался по краю, изгибая спину и поднимая хвостъ.

Черезъ минуту кротоловъ вошелъ въ темныя сѣни, выпуская большіе клубы дыма. Тогда я закричалъ ему:

— Кротоловъ, кротоловъ!

Онъ подошелъ къ лѣстницѣ и, смѣясь, сказалъ мнѣ:

— Это ты, Фрицель?

— Да, я иду къ вамъ за медомъ.

— А!.. Ну, войди выпить стаканчикъ, потомъ мы отправимся вмѣстѣ.

И повернувшись въ кухню, онъ закричалъ:

— Гредель, принесите стаканъ для Фрицеля.

Я поспѣшилъ вбѣжать на лѣстницу, и мы вошли. Сципіонъ послѣдовалъ за мной.

Сквозь облака дыму я увидѣлъ въ залѣ вдоль столовъ людей, одѣтыхъ кто въ блузы, кто въ пальто, кто былъ въ курткахъ, въ колпакахъ или шляпахъ на бекрень. Одни сидѣли прямо, а другіе верхомъ на концахъ скамеекъ, весело поднимая полные стаканы и празднуя великую кайзерлаутернскую побѣду; со всѣхъ концовъ раздавались голоса, пѣвшіе «Отчизну»; нѣсколько старухъ пили тутъ же вмѣстѣ съ сыновьями, и, казалось, всѣ были очень веселы.

Я шелъ за кротоловомъ, который, согнувъ спину, пробирался къ окнамъ, выходившимъ на улицу. Тамъ, въ углу направо, сидѣли за бутылкой бѣлаго вина другъ Коффель и старикъ Адамъ Шмидтъ. Въ противоположномъ углу, цѣловальникъ Іосифъ Спикъ, въ шерстяномъ колпакѣ, и господинъ Рихтеръ въ охотничьемъ платьѣ, въ кожаныхъ штиблетахъ, пили глейсцеллеръ подъ зеленой печатью. Оба они раскраснѣлись, какъ раки, и кричали:

— Да здравствуетъ герцогъ Брауншвейгскій! За здоровье нашей славной арміи!

— Мѣсто человѣку! — сказалъ кротоловъ, подходя къ нашему столу.

— Коффель, обернувшись, пожалъ мнѣ руку, а дѣдушка Шмидтъ сказалъ:

— Слава Богу, слава Богу! Вотъ и вспомогательное войско.

Онъ посадилъ меня подлѣ себя къ стѣнѣ, а Сципіонъ тотчасъ же подошелъ къ нему и носомъ дотронулся до руки съ видомъ стараго знакомаго.

— Хе-хе-хе!—заговорилъ старый солдатъ.—Это ты, старина! Такъ ты узнаешь меня!

Гредель принесла стаканъ, а кротоловъ наполнилъ его. Въ ту же минуту господинъ Рихтеръ съ насмѣшкою закричалъ съ другого конца:

— Ну, Фрицель, здоровъ ли господинъ докторъ Яковъ? Такъ онъ не идетъ праздновать сраженіе и побѣду?—Удивительно, такой почтенный патріотъ!

Я же, не зная, что отвѣчать, шепотомъ сказалъ Коффелю:

— Дядя поѣхалъ къ бѣдному дровосѣку, попавшему подъ сани.

Тогда Коффель обернулся и внятно проговорилъ:

— Въ то время, какъ внукъ бывшаго лакея Сальмъ-Сальма, протянувъ подъ столъ ноги, сидитъ себѣ у печки и пьетъ въ честь пруссаковъ, которые смѣются надъ нимъ, — господинъ докторъ Яковъ, не смотря на снѣгъ, ѣдетъ навѣстить бѣднаго дровосѣка, попавшаго подъ сани. Это не такъ удобно, какъ давать деньги въ ростъ.

У Коффеля не много шумѣло въ головѣ, и всѣ присутствующіе слушали его, улыбаясь. Рихтеръ, вытянувъ лицо и сжавъ губы, помолчалъ нѣсколько минутъ, а потомъ возразилъ:

— Чего не дѣлаютъ изъ любви къ правамъ человѣка, къ богинѣ разума и свободы, въ особенности, когда истая гражданка поддерживаетъ насъ!

— Замолчите, господинъ Рихтеръ,—громкимъ голосомъ закричалъ кротоловъ! — Господинъ докторъ такой же вѣрный нѣмецъ, какъ и вы, а эта женщина, о которой вы говорите, не зная ее,– хорошая женщина. Спасая ей жизнь, докторъ Яковъ исполнилъ только свою обязанность; вы постыдились бы вооружать здѣшнихъ жителей противъ бѣдной больной, которая не можетъ сама защищаться:—это отвратительно!

— Я замолчу, когда захочу!—въ свою очередь закричалъ Рихтеръ.–Вы очень громко кричите... Ужъ не одержали ли французы побѣды!

Тутъ кротоловъ, лицо котораго побагровѣло, хлопнулъ кулакомъ по столу, такъ что стаканы чуть не попадали; онъ, казалось, хотѣлъ вскочить, но снова сѣлъ, сказавъ:

— Я имѣю право радоваться побѣдамъ старой Германіи, по крайней мѣрѣ, не менѣе васъ, господинъ Рихтеръ, такъ какъ я старый нѣмецъ, какъ и отецъ мой, и дѣдъ мой, и всѣ кото-

ловы уже двѣсти лѣтъ извѣстны въ деревнѣ Анштатѣ ичеловодствомъ и умѣньемъ ловить кротовъ, а повара Сальмъ-Сальмовъ отъ отца до сына разгуливали съ своими господами по Франціи, повертывая вертела и вылизывая барскія кострюли.

Послѣ этихъ словъ вся зала разразилась смѣхомъ, а господинъ Рихтеръ, видя, что большинство не принимаетъ его стороны, счелъ болѣе благоразумнымъ умѣрить себя, и отвѣчалъ уже спокойнымъ голосомъ:

— Я никогда лично не говорилъ ни противъ васъ, ни противъ доктора Якова; напротивъ того, я знаю, что господинъ докторъ—и знающій, и честный человѣкъ. Но это не мѣшаетъ, чтобы въ такой день, какъ сегодня, каждый добрый нѣмецъ веселился.—Послушайте, это вѣдь не совсѣмъ обыкновенная побѣда, это конецъ знаменитой, единой и нераздѣльной республики.

— Какъ! Какъ!—закричалъ старый Шмидтъ.—Конецъ республики? Вотъ это новость!

— Да, ей не прожить и шести мѣсяцевъ,—съ увѣренностью замѣтилъ Рихтеръ,—потому что французовъ выгонятъ изъ Кайзерлаутерна въ Горнбахъ, изъ Горнбаха въ Сарбрюкенъ, въ Метцъ и, такимъ образомъ, до Парижа. Войдя разъ во Францію, у насъ явится куча друзей, готовыхъ поддерживать насъ: дворянство, духовенство и всѣ порядочные люди будутъ за насъ, они только и ждутъ нашей арміи, чтобы возстать. Что же касается этой шайки негодяевъ, набранныхъ со всѣхъ сторонъ, безъ офицеровъ и дисциплины, — какъ можетъ она устоять противъ старыхъ солдатъ, стойкихъ, какъ скалы, двигающихся въ хорошемъ боевомъ порядкѣ, подъ предводительствомъ стараго воинственнаго духа? Кучка какихъ-то сапожниковъ безъ полководца, даже безъ настоящаго капрала, мужики, нищіе, настоящіе безпаспортники—какъ они сами себя называютъ,—я васъ спрашиваю, что они могутъ подѣлать противъ Брауншвейговъ, Вурмзеровъ и сотни другихъ старыхъ генераловъ, испытанныхъ въ опасностяхъ семилѣтней войны?—Они будутъ разбиты и погибнутъ тысячами, какъ саранча осенью.

Въ ту минуту вся зала была одного мнѣнія съ Рихтеромъ, и многіе говорили:

— Вотъ что называется говорить дѣло; давно и мы думаемъ точно также.

Кротоловъ и Коффель молчали оба: но старый Адамъ Шмидтъ, улыбаясь, качалъ головой. Спустя минуту молчанія, онъ положилъ трубку свою на столъ и сказалъ:

— Господинъ Рихтеръ, вы говорите точно календарь, вы предсказываете будущее удивительно хорошо, но все это для другихъ не такъ ясно, какъ для васъ самихъ. Я готовъ вѣрить, что люди древнихъ родовъ созданы быть генералами, потому что дворяне и родятся уже капитанами; но отъ времени до времени могутъ являться генералы и изъ мужиковъ, и такіе генералы бываютъ не изъ плохихъ, потому что пріобрѣтаютъ это названіе своимъ собственнымъ достоинствомъ. У этихъ республиканцевъ, которые кажутся вамъ такими глупцами, иногда такія являются умныя мысли, напримѣръ: устроить у себя, чтобы каждый могъ сдѣлаться фельдмаршаломъ, если онъ храбръ и уменъ; оттого всѣ солдаты дерутся, какъ львы, въ рядахъ держатся непоколебимо и впередъ несутся, какъ бомбы, потому что каждый надѣется отличиться и сдѣлаться капитаномъ, полковникомъ или генераломъ. Нѣмцы дерутся, чтобы пріобрѣсти себѣ господъ, а французы дерутся, чтобы избавиться отъ нихъ, что тоже дѣлаетъ не малую разницу. Я смотрѣлъ на нихъ изъ окна дома Діемера, изъ перваго этажа противъ фонтана, во время двухъ атакъ кроатовъ и улановъ, великолѣпныхъ атакъ,—и, право, былъ очень удивленъ, господинъ Рихтеръ, видя, какъ держатся эти безпаспортники. А командиръ ихъ, своей толстой рожей лотарингскаго мужика и своими маленькими кабаньими глазами, доставилъ мнѣ истинное удовольствіе. Одѣтъ-то онъ былъ хуже какого-нибудь прусскаго майора, но сидѣлъ на лошади такъ спокойно, какъ будто ему наигрывали на кларнетѣ. Наконецъ, они всѣ скрылись, это правда, но на нихъ нашла цѣлая дивизія, а на мѣстѣ они оставили только ружья и лядунки убитыхъ. Съ такими солдатами, повѣрьте, господинъ Рихтеръ,—не пропадешь. Нѣмецкіе старые генералы хороши, но молодые французскіе—еще лучше, и когда старые дубы сгніютъ, молодые замѣнятъ ихъ. Не думаю чтобы республиканцы бѣжали, какъ вы говорите,—они отличные солдаты, и будь у нихъ одинъ-два генерала,—такъ берегитесь! И очень берегитесь, тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, потому что при десяти или двѣнадцати сотняхъ тысячъ мужиковъ выбору больше, чѣмъ изъ десяти или двѣнадцати тысячъ нашихъ разжирѣвшихъ бароновъ; мужицкая по-

рода, можетъ быть, не такъ изящна, но она гораздо надежнѣе. Старикъ Шмидтъ остановился перевести духъ, и видя, что всѣ его слушаютъ, онъ продолжалъ.

— Вотъ я, напримѣръ, если бъ я имѣлъ счастье родиться въ такой странѣ, неужели, вы думаете, я удовольствовался бы быть Адамомъ Шмидтомъ, сержантомъ гренадеровъ, съ ста гульденами пенсіи, шестью ранами и пятнадцатью походами? Нѣтъ, нѣтъ—выкиньте это изъ головы,—я былъ бы батальоннымъ командиромъ, полковникомъ или генераломъ Шмидтомъ, съ хорошей пенсіей, тысячи въ двѣ талеровъ или же давно сложилъ бы гдѣ-нибудь свои кости. Когда храбрость ведетъ ко всему, она и является въ людяхъ; когда же она не даетъ ничего болѣе, какъ званіе сержанта и помогаетъ дворянамъ хватать чины,—всякій бережетъ свою шкуру.

— А образованіе!—вскричалъ Рихтеръ,—такъ вы ни во что не считаете образованіе? Развѣ человѣкъ, неумѣющій читать, стоитъ какого-нибудь герцога Брауншвейгскаго, знающаго все?

Тутъ Коффель обернулся и спокойно сказалъ:

— Это правда, господинъ Рихтеръ, образованіе составляетъ половину человѣка, можетъ быть, даже три четверти. Вотъ отчего эти безпаспортники и дерутся не на животъ а на смерть,- они хотятъ, чтобы ихъ сыновья могли получать образованіе такъ же, какъ и герцоги Брауншвейга. Недостатокъ образованія производитъ нищету, а нищета рождаетъ пороки. Самый страшный грѣхъ, лежащій на душѣ всевозможныхъ герцоговъ Брауншвейгскихъ,—это то, что они отказываютъ въ образованіи бѣднякамъ, для того, чтобы ихъ дворянское племя стояло всегда выше насъ; это все равно, какъ если бы намъ выкалывали глаза при рожденіи, чтобы пользоваться нашей работой. Богъ накажетъ за это преступленіе, господинъ Рихтеръ, потому что онъ справедливъ. И если эти безпаспортники проливаютъ кровь свою, какъ они говорятъ, за то, чтобы этого не было болѣе на свѣтѣ, то всѣ честные люди должны согласиться съ ними.

Коффель продолжалъ говорить такимъ образомъ, объясняя что если бы родители его могли научить его чему-нибудь, то, можетъ быть, вмѣсто жалкаго бѣдняка, онъ дѣлалъ бы честь Аншитату и былъ бы полезенъ. Всѣ думали то же, что онъ, и многіе говорили между собою: «что вышло бы изъ насъ, если

бы насъ учили? Развѣ мы были глупѣе другихъ? Нѣтъ. Господь распространяетъ на всѣхъ свой животворящій свѣтъ и нѣжную росу. У насъ были хорошія стремленія, мы жаждали истины, но насъ оставили во мракѣ изъ разсчета и чтобы удержать насъ на низкой ступени. Эти люди хотятъ возвышаться, мѣшая другимъ расти.—это гадко!»

А я, подумавъ тогда, какъ старается дядя Яковъ учить меня читать по Бюффону, сталъ раскаяваться, что не извлекаю достаточно пользы изъ его уроковъ, и былъ совсѣмъ сконфуженъ.

Г. Рихтеръ, видя, что всѣ противъ него, и не зная, что отвѣчать на справедливыя слова Коффеля, пожалъ плечами, какъ бы говоря: «это все сумасброды, надутые гордостью, люди, которыхъ слѣдовало бы образумить».

Наступило молчаніе, и кротоловъ велѣлъ подать вторую бутылку вина, какъ вдругъ подъ столомъ раздалось глухое ворчанье: мы тотчасъ же взглянули и увидѣли большую рыжую собаку г. Рихтера, ходившую вокругъ Сципіона. Собака эта называлась Максомъ: у нея была гладкая шерсть, приплюснутый носъ, выпятившіеся бока, желтоватые глаза, длинныя уши, и поднятый, какъ сабля, вверхъ хвостъ. Это была большая, крѣпкая и злая собака. Г. Рихтеръ имѣлъ обыкновеніе охотиться съ нею по цѣлымъ днямъ, не давая ей ничего ѣсть и говоря, что хорошія охотничьи собаки должны быть голодны, чтобы чувствовать дичь и слѣдить за ней чутьемъ. Она хотѣла подойти къ Сципіону сзади, а онъ все повертывался, поднимая голову и скаля зубы.

Посмотрѣвъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ г. Рихтеръ, я увидѣлъ, что онъ потихоньку науськивалъ свою собаку: дѣдушка Шмидтъ замѣтилъ это тоже и сказалъ:

— Г. Рихтеръ, напрасно вы травите вашу собаку. Эта собачепка, видите, солдатскій песъ, хитрый и знающій всѣ военныя уловки: ваша же собака, можетъ быть, и древняго рода, но берегитесь, какъ бы ей не попасть подъ солдатскую моську.

— Моему Максу!—вскричалъ Рихтеръ:—да онъ проглотитъ десять такихъ жалкихъ дворняшекъ, сразу перекуситъ спину!

Услыхавъ это, я хотѣлъ бѣжать съ Сципіономъ, потому что г. Рихтеръ все еще науськивалъ своего большого пса, и всѣ присутствующіе, смѣясь, повернулись къ мѣсту битвы. Я чуть

не заплакалъ, но старикъ Шмидтъ, взявъ меня за плечо, тихо сказалъ:

— Оставьте... оставьте... не бойтесь, Фрицель! — говорю вамъ, что наша собака знаетъ политику, а то просто толстое, глупое животное, которое ничего не знаетъ!

И, обернувшись къ Сципіону, онъ все повторялъ ему:

— Берегись!.. Берегись!

Сципіонъ не трогался съ мѣста; онъ уперся въ уголъ, поднялъ голову и сверкающими глазами смотрѣлъ на Макса; изъ подъ его дрожащихъ усовъ виднѣлся бѣлый и острый зубъ.

Рыжій большой песъ подходилъ, опустивъ голову и ощетинивъ свою костлявую спину. Оба они ворчали, пока Максъ не прыгнулъ, чтобы схватить Сципіона за горло; но Сципіонъ наклонился и въ то время, какъ Максъ схватилъ его за хвостъ, онъ перекусилъ ему лапу. Нужно было видѣть, какой вой поднялъ тогда Максъ, какъ онъ, хромая, бросился подъ столъ и, точно молнія, скользилъ между ногами сидѣвшихъ, продолжая визжать, такъ что ушамъ было больно.

Г. Рихтеръ вскочилъ, взбѣшенный и хотѣлъ броситься на Сципіона, но кротоловъ тотчасъ же взялъ изъ угла палку и сказалъ:

— Г. Рихтеръ, если ваша толстая собака и укушена, кто же въ этомъ виноватъ? Вы вѣдь науськали ее: теперь она навѣрное будетъ уродомъ. И по дѣломъ—это урокъ вамъ!

А старикъ Шмидтъ хохоталъ до слезъ и, взявъ Сципіона къ себѣ на колѣни, говорилъ:

— Я зналъ, что ему знакомы всѣ военныя хитрости, хе-хе-хе! Мы отбили и знамена, и пушки.

Всѣ присутствовавшіе хохотали вмѣстѣ съ нимъ, такъ что оскорбленный Рихтеръ самъ выгналъ пинками собаку свою на улицу, чтобы не слышать ея визга. Ему хотѣлось бы точно такъ же выгнать и Сципіона, но всѣ дивились храбрости и здравому смыслу послѣдняго.

— Ну,—сказалъ, вставая, кротоловъ, — теперь пойдемъ, Фрицель, пойдемъ,—пора отпустить тебя. Прощайте, г. Рихтеръ, у васъ замѣчательная собака.—Гредель, запишите за мной на доскѣ за двѣ бутылки.

Шмидтъ и Коффель тоже встали, и мы вышли всѣ вмѣстѣ,

смѣясь, какъ полоумные. Сципіонъ бѣжалъ за нами, понимая, что съ нимъ можетъ быть худо, когда мы уйдемъ.

Сойдя съ лѣстницы, Шмидтъ и Коффель повернули направо внизъ по большой улицѣ, мы же съ кротоловомъ, пройдя черезъ площадь, взяли налѣво, въ Крапивную улицу.

Кротоловъ шелъ впереди, съ сгорбленной спиной, по обыкновенію, приподнявъ одно плечо выше другого, выпуская большіе клубы дыма и потихоньку смѣясь, вѣроятно, надъ пораженіемъ Рихтера.

Мы скоро дошли до его низенькой двери, углубленной въ землю; онъ опустился по ступенькамъ и сказалъ мнѣ:

— Идемъ, Фрицель, идемъ, а собака пусть останется на верху, у меня въ ямѣ не очень-то много мѣста.

Лачужку свою онъ совершенно справедливо называлъ ямой, потому что въ ней было только два маленькихъ окошка, наравнѣ съ землею, выходившихъ въ переулокъ. Внутри все было мрачно: большая постель и деревянная лѣстница въ глубинѣ, старыя скамейки, столъ, заваленный пилочками, шилами, клещами, шкафъ, украшенный двумя тыквами, потолокъ съ перекладинами, на которыя старуха Бербель, мать кротолова, вѣшала пеньку своей пряжи; въ углубленіи, на старомъ балдахинѣ, почернѣвшемъ отъ пыли и паутины, стояли всевозможные капканы и мышеловки; сотни кожъ соболей, куницъ, ласочекъ висѣли по стѣнамъ — нѣкоторыя уже сухія, а другія совсѣмъ свѣжія, набитыя соломой для просушки,—все это такъ наполняло комнату, что въ ней едва можно было повернуться, и все это напоминаетъ мнѣ старое, счастливое время молодости, потому что все это я видѣлъ сотни разъ, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, свѣтило ли солнце, или шелъ дождь, были ли маленькія окна отворены, или закрыты.

Въ этой-то комнатѣ я всегда и представляю себѣ кротолова, сидящаго передъ очень низенькимъ столомъ и устроивающаго свои капканы, втянувъ щеки и сжавъ губы; представляю себѣ и старую Бербель, совсѣмъ желтую, въ волосяномъ чепцѣ на затылкѣ, и ея маленькія, сухія руки съ грязными ногтями и толстыми синими жилами,—прядущую съ утра до ночи подлѣ печки. Отъ времени до времени она поднимала свою маленькую голову, съ лицомъ, совершенно сморщившимся, и съ довольнымъ видомъ смотрѣла на сына.

Но въ тотъ день Бербель была не въ духѣ; не успѣли мы войти, какъ она начала рѣзкимъ голосомъ бранить кротолова, говоря, что онъ вѣчно сидитъ въ кабакѣ, только и знаетъ, что пьетъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, и разныя небылицы, на которыя кротоловъ ничего не отвѣчалъ, зная, что надо все выслушивать отъ матери безропотно.

Онъ спокойно отворилъ шкафъ, пока старуха Бербель кричала, взялъ съ верхней полки широкую глиняную муравленую чашку, въ которой лежалъ пластами золотистый медъ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, сотахъ, поставилъ чашку на столъ и положилъ на чистую тарелку два отличныхъ сота, говоря мнѣ:

— Вотъ тебѣ, Фрицель, превосходнаго меду для француженки. Для больныхъ нѣтъ ничего лучше сотоваго меда; онъ и вкуснѣе, да и свѣжѣе, и здоровѣе.

Деньги я положилъ на краешекъ стола, и Бербель съ довольнымъ видомъ протянула руку, чтобы взять ихъ; но кротоловъ отдалъ ихъ мнѣ назадъ и сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу за это платы, спрячь деньги, Фрицель, и возьми тарелку. Чашку свою оставь здѣсь, я принесу ее вамъ или сегодня вечеромъ, или завтра утромъ.

И видя, что старуха разсердилась, онъ прибавилъ:

— Скажи француженкѣ, Фрицель, что кротоловъ даритъ ей этотъ медъ съ удовольствіемъ, слышишь?.. Отъ всей души... потому что она женщина достойная уваженія. Не забудь сказать: «достойная уваженія». Понимаешь?

— Да-да, я такъ и скажу.—Прощайте, Бербель,—сказалъ я, отворяя дверь.

Она сурово кивнула мнѣ головой; эта скупая старуха удержалась отъ брани только ради дяди Якова, но ей очень было досадно смотрѣть, что медъ берется безъ денегъ.

Кротоловъ проводилъ меня на улицу, и я пошелъ домой, совершенно довольный всѣмъ случившимся.

XI.

На поворотѣ у церкви мы встрѣтились съ маленькимъ Гансомъ Аденомъ, возвращавшимся съ катанья по льду; онъ бѣжалъ, засунувъ руки въ карманы, и кричалъ мнѣ:

— Фрицель! Фрицель!

Подойдя ко мнѣ, онъ прежде всего посмотрѣлъ на медъ и сказалъ мнѣ:

— Это для васъ?

— Нѣтъ, это для питья француженкѣ.

— Мнѣ хотѣлось бы быть больнымъ на ея мѣстѣ,—сказалъ онъ, выразительно облизываясь и выпятивъ свои толстыя губы.

Потомъ онъ спросилъ:

— Что ты будешь дѣлать сегодня послѣ обѣда?

— Не знаю, пойду гулять съ Сципіономъ.

Онъ посмотрѣлъ на собаку, почесывая сзади и сказалъ:

— Слушай, если хочешь, такъ пойдемъ ставить силки за навозной кучей за почтой, тамъ много дубоносокъ и воробьевъ вдоль заборовъ подъ навѣсами и на деревьяхъ посталя.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ я.

— Хорошо, приходи сюда на паперть, мы отправимся вмѣстѣ.

Прежде чѣмъ разойтись, Гансъ Аденъ спросилъ у меня позволеніе обмакнуть палецъ въ медъ; я позволилъ ему, и онъ нашелъ медъ очень вкуснымъ. Послѣ этого каждый пошелъ своей дорогой, и я возвратился домой въ половинѣ двѣнадцатаго.

— А, вотъ и ты!—вскричала Лизбета, увидавъ меня, входившаго въ кухню.—Я думала, ужъ ты больше не вернешься: вотъ и давай тебѣ порученія!

Я разсказалъ ей встрѣчу съ кротоловомъ на лѣстницѣ «Золотой кружки», споръ Коффеля, старика Шмидта и кротолова съ г. Рихтеромъ, битву между Максомъ и Сципіономъ, и, наконецъ, какъ кротоловъ велѣлъ мнѣ сказать, что не беретъ денегъ за медъ, и что отъ всей души предлагаетъ его француженкѣ, «достойной уваженія».

Такъ какъ дверь была отворена то мадамъ Тереза все это слышала; она позвала меня къ себѣ. Вошедъ къ ней, я увидѣлъ, что она тронута, и когда я предложилъ ей медъ, она приняла его.

— Хорошо, Фрицель, — сказала она со слезами на глазахъ,—хорошо, дитя мое, я рада, очень рада этому подарку,—уваженіе честныхъ людей всегда доставляетъ большое удовольствіе. Когда придетъ кротоловъ, я сама поблагодарю его.

Потомъ она наклонилась, провела рукой по головѣ Сципіона, стоявшаго у постели съ поднятой вверхъ мордой, и, улыбаясь, сказала:

— Такъ и ты, Сципіонъ, стоишь за правое дѣло?

Сципіонъ же, видя веселость, отражавшуюся въ глазахъ ея, началъ громко лаять и сѣлъ даже на заднія лапы, какъ будто желая предложить свои услуги.

— Да-да, мнѣ теперь лучше,—сказала она ему;—я стала крѣпче... Да, мы много вытерпѣли!

Потомъ, вздохнувъ, она облокотилась на подушку, говоря:

— Одно пріятное извѣстіе... только одно пріятное извѣстіе—и все пойдетъ хорошо!

Лизбета пришла накрывать на столъ; она не говорила ни слова, и Тереза опять задумалась.

Часы пробили двѣнадцать, и черезъ нѣсколько минутъ старая служанка принесла маленькую миску для насъ обоихъ, перекрестилась, и мы сѣли за столъ.

Я обертывался каждую минуту, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли ужъ на паперти Ганса Адена. Тереза снова легла и повернулась къ намъ спиною, закрывъ плечо одѣяломъ:—она, казалось, о чемъ-то сильно безпокоилась. Я же только и думалъ, что о навозной кучѣ постсталя; мнѣ представлялись наши западни изъ кирпичей, уставленныхъ кругомъ по снѣгу, черепица, приподнятая двумя подпорками изъ палочекъ, и хлѣбныя зерна вокругъ и внутри. Мнѣ представлялись дубоноски, прыгавшія по деревьямъ, и воробушки, сидѣвшіе рядомъ на кровлѣ, чирикая, осматриваясь и прислушиваясь въ то время, какъ мы въ углу подъ навѣсомъ, за кучею соломы, выжидаемъ, замирая отъ нетерпѣнія. Вотъ одинъ воробей пролетѣлъ надъ кучею, вотъ другой, вонъ и вся стая... Они спускаются... одинъ, два, три воробья уже прыгаютъ вокругъ и клюютъ зерна... Трр! Всѣ сразу улетаютъ; что-то стукнуло на фермѣ... Это работникъ Вери въ своихъ большихъ деревянныхъ башмакахъ, закричавшій въ конюшнѣ на одну изъ лошадей: «повернешься ли ты, бѣшеный?»—Какое горе! Хоть бы всѣ лошади сгинули, да и Вери вмѣстѣ съ ними!.. Нечего дѣлать, надо еще ждать... воробьи далеко улетѣли. Вдругъ одинъ изъ нихъ начинаетъ чирикать... они опять прилетаютъ на крыши. Господи! Только бы Вери опять не крикнулъ... только бы все было тихо... Хорошо, если

бы на этой фермѣ да и по дорогѣ совѣмъ не было людей. Какое наказаніе! Ну, вотъ, наконецъ, одинъ спускается... Гансъ Аденъ дергаетъ меня за ногу. Мы притаили дыханіе и онѣмѣли отъ надежды и страха!

Все это мнѣ представлялось, и я не могъ усидѣть на мѣстѣ.

— Господи, помилуй! Да что это съ тобой?—говорила мнѣ Лизбета.—Ты соскакиваешь, бѣгаешь, какъ бѣсъ передъ заутреней... да посиди же смирно.

Я не слушалъ болѣе, и, прижавъ носъ къ стеклу, думалъ:

— Придетъ онъ или не придетъ? Онъ, можетъ быть, уже тамъ... Не пошелъ ли онъ съ кѣмъ-нибудь другимъ!

Эта мысль казалась мнѣ ужасною.

Я уже хотѣлъ бѣжать, когда, наконецъ, Гансъ Аденъ показался на площади, онъ глядѣлъ на нашъ домъ, какъ будто подстерегая глазами; но ждалъ онъ недолго: я уже былъ въ сѣняхъ и створялъ дверь, не предупредивъ на этотъ разъ Сципіона. Выскочивъ, я побѣжалъ вдоль стѣны, боясь какого-нибудь порученія или другой задержки; сколько несчастій случается на семъ свѣтѣ! Неподалеку отъ дома, въ Крапивной улицѣ, мы съ Гансомъ остановились перевести духъ.

— Взялъ ли ты съ собой зеренъ, Гансъ Аденъ?

— Да.

— А ножикъ?

— Будь покоенъ, вотъ онъ. Послушай, Фрицель, мнѣ не снести всего, возьми ты кирпичи, а я понесу черепицы.

— Хорошо, пойдемъ.

И мы пошли за деревней черезъ поля по колѣна въ снѣгу. Тогда зови насъ хоть кротоловъ, хоть Коффель, хоть самъ дядя,—мы безъ оглядки пустились бы бѣжать.

Минуты двѣ спустя, расчистивъ снѣгъ, мы уставили около навозныхъ кучъ наши западни. Гансъ Аденъ нарѣзалъ маленькія палочки, слегка подперъ ими черепицы и разсыпалъ зерна. Воробьи смотрѣли сверху съ крышъ на нашу работу, продолжая чирикать. Гансъ Аденъ всталъ, утеръ носъ обшлагомъ и прицурился, глядя на воробьевъ.

— Идемъ.— тихо проговорилъ онъ:—они всѣ слетятъ.

Мы спрятались подъ навѣсъ, полные надеждъ на добычу, но въ ту же минуту вся стая воробьевъ исчезла. Надѣясь, что она возвратится, мы просидѣли до четырехъ часовъ за кучей

соломы, но ни одинъ воробей не показывался. Они поняли, что мы дѣлали, и улетѣли далеко, на другой конецъ деревни.

Судите о нашемъ отчаяніи! Гансъ Аденъ, несмотря на свой кроткій характеръ, былъ страшно возмущенъ: я же грустно размышлялъ, что нѣтъ ничего въ мірѣ глупѣе, какъ ловить зимою воробьевъ, когда у нихъ только кожа да кости, и что на каждый кусочекъ пирога понадобится ихъ, по крайней мѣрѣ, штуки по четыре.

Наконецъ, намъ надоѣло ждать, и, видя, что уже смеркается, мы пошли по большой дорогѣ назадъ въ деревню, дрожа отъ холода, съ засунутыми въ карманы руками, мокрымъ носомъ и шапками на затылкѣ, что придавало намъ самый жалкій видъ.

Когда я пришелъ домой, было уже совершенно темно. Лизбета приготовляла ужинъ; мнѣ стыдно было разсказать ей, какъ насмѣялись надъ нами воробьи, и потому, вмѣсто того, чтобы бѣжать въ кухню, я отворилъ тихонько дверь въ неосвѣщенную залу и тихо сѣлъ за печкой.

Никто не шевелился; Сципіонъ спалъ подъ кресломъ, положивъ голову на лапу; я грѣлся уже съ четверть часа, слушая шелестъ пламени, когда Тереза, казавшаяся спящею, кроткимъ голосомъ сказала мнѣ:

— Ты, Фрицель?

— Да,—отвѣчалъ я.

— Ты грѣешься?

— Да.

— Такъ ты очень прозябъ.

— Да, очень.

— Что же вы дѣлали сегодня послѣ обѣда?

— Мы съ Гансомъ Аденомъ ставили западни воробьямъ.

— И много поймали?

— Нѣтъ, мадамъ Тереза, немного.

— Сколько?

У меня сердце обливалось кровью при мысли, что надо сказать такой хорошенькой женщинѣ о нашей неудачѣ.

— Двухъ или трехъ, не такъ ли, Фрицель?—сказала она.

— Нѣтъ, мадамъ Тереза.

— Не поймали ни одного?

— Нѣтъ.

Она замолчала, и я вообразилъ, что она огорчилась.

— Воробьи очень хитры,—продолжала она, минуту спустя.

— Да!

— Не промочилъ ли ты ноги, Фрицель?

— Нѣтъ, на мнѣ были деревянные башмаки.

— Ну, тѣмъ лучше. Надо утѣшиться; другой разъ ты будешь счастливѣе.

Во время нашего разговора вошла Лизбета, оставивъ дверь въ кухню отворенною.

— А, да и ты тутъ,—сказала она,—хотѣлось бы мнѣ знать, гдѣ это ты пропадалъ цѣлый день?.. Вѣчно на улицѣ, вѣчно съ своимъ Гансомъ Аденомъ или съ своимъ Франценъ Сепелемъ.

— Онъ ловилъ воробьевъ,—сказала Тереза.

— Воробьевъ! Хоть бы мнѣ разъ увидать одного!—вскричала старая служанка.—Вотъ уже три года, онъ каждую зиму бѣгаетъ за воробьями. Разъ только, осенью, онъ нечаянно поймалъ стараго, общипаннаго щура, который ужъ не могъ летать, и съ тѣхъ поръ думаетъ, что къ нему полетятъ всѣ птицы небесныя.

Лизбета смѣялась. Она сѣла за самопрялку и, обмакнувъ пальцы въ чашечку, сказала:

— Теперь все готово; когда господинъ докторъ пріѣдетъ, мнѣ останется только накрыть на столъ.—На чемъ я сейчасъ остановилась?

— Вы говорили о вашихъ рекрутахъ, мадемуазель Лизбета.

— Ахъ, да!.. Съ самаго начала этой проклятой войны, всѣ деревенскіе парни пошли: длинный Людвигъ, сынъ кузнеца, маленькій Христель, Гансъ Герперъ и много другихъ; они отправились: кто пѣшкомъ, кто на лошади, распѣвая: «Родина! Родина!» отправились съ своими товарищами, провожавшими ихъ въ Киршталь, въ харчевню дяди Фрица на дорогѣ въ Кайзерлаутернъ. Они славно пѣли, но это не мѣшало имъ горько плакать, глядя на аннитатскую колокольню. Маленькій Христель обнималъ на каждомъ шагу Людвига, говоря: «Когда-то мы опять увидимъ Аннитатъ?» А тотъ отвѣчалъ: «Нечего, братъ объ этомъ думать, Царь небесный вѣрно спасетъ насъ отъ этихъ

республиканцевъ, чортъ бы ихъ подралъ!—Они вмѣстѣ рыдали, а старый сержантъ, нарочно пришедшій, постоянно повторялъ: «Храбро впередъ!.. Мы вѣдь мужчины!» У него совсѣмъ покраснѣлъ носъ отъ питья съ рекрутами. Длинный Гансъ Герперъ, который долженъ былъ жениться на Розѣ Мутцъ, дочери полевого сторожа, кричалъ: «Еще разъ... Еще разъ!.. Можетъ быть, въ послѣдній разъ ѣдимъ мы вмѣстѣ кислую капусту!»

— Бѣдняга!—замѣтила мадамъ Тереза.

— Да.—продолжала Лизбета.—это бы еще ничего, если бы дѣвушки могли выходить замужъ, но вѣдь когда уходятъ парни, дѣвушкамъ остается только мечтать съ утра до ночи, сохнуть да скучать. Не могутъ же онѣ идти за шестидесятилѣтнихъ стариковъ, вдовцовъ, или за горбатыхъ, хромыхъ и кривыхъ. Ахъ, мадамъ Тереза, не затѣмъ я говорю, чтобы упрекать васъ: но вѣдь безъ вашей революціи мы жили спокойно и восхваляли бы Господа и милости его. Такая республика, которая переворачиваетъ все на свѣтѣ—ужасна!

Слушая эти разговоры, я чувствовалъ отличный запахъ начиненной телятины и, вставъ вмѣстѣ съ Сципіономъ, пошелъ посмотрѣть въ кухню: тамъ варился отличный луковый супъ, начиненная телячья грудина и жарился картофель. Охота возбудила во мнѣ такой аппетитъ, что мнѣ казалось, будто я все проглотилъ сразу.

Сципіонъ былъ не въ лучшемъ расположеніи духа; поставивъ переднія лапы на край очага, онъ носомъ высматривалъ горшки,—а носъ собаки, по словамъ господина Бюффона,—второе, весьма тонкое зрѣніе.

Осмотрѣвъ все хорошенько, я сталъ страстно желать возвращенія дяди.

— Ахъ, Лизбета,—воскликнулъ я, входя въ залу,—если бы ты знала, какъ я голоденъ!

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше,—отвѣчала мнѣ старуха. — Аппетитъ—вещь хорошая.

Послѣ этого она снять стала разсказывать разныя деревенскія происшествія, что мадамъ Тереза, казалось, слушала со вниманіемъ. Я же бродилъ то въ кухнѣ, то въ залѣ. Сципіонъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ и, вѣроятно, предавался одинаковымъ со мною мыслямъ.

Ночь была совсѣмъ темная.

Отъ времени до времени мадамъ Тереза прерывала старуху, поднимая палецъ и говоря:

— Послушайте!

При этомъ всѣ на минуту затихали.

— Не онъ,—говорила Лизбета,—это телѣжка Ганса Бекеля, или: это тетка Дрейфусъ идетъ провести вечерокъ у Бремеровъ.

Она знала привычки всѣхъ жителей Анштата и съ наслажденіемъ говорила объ этомъ француженкѣ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла на шеѣ у нея образокъ Божьей Матери; да и дружба ея произошла вслѣдствіе этого, какъ я узналъ впослѣдствіи.

Пробило семь часовъ, потомъ половина восьмого. Наконецъ, не зная, какъ убить время, я всталъ на стулъ, взялъ съ полки естественную исторію Бюффона—чего никогда еще не случалось со мною.—и, положивъ локти на столъ, съ отчаянія началъ самъ читать по-французски. Только страшный голодъ могъ навести меня на такую мысль; это не мѣшало мнѣ, однако, ежеминутно поднимать голову, пялить глаза на окна и прислушиваться.

Я только что отыскалъ описаніе воробья, у котораго вдвое болѣе мозга, чѣмъ у человѣка, относительно величины его тѣла, какъ вдругъ послышался отдаленный звукъ бубенчиковъ; звукъ этотъ едва былъ слышенъ, теряясь въ отдаленіи, но быстро приближался, и мадамъ Тереза сказала:

— Это господинъ докторъ.

— Да,—сказала Лизбета, вставъ и поставивъ самопрялку въ уголъ къ часамъ.—это онъ.

Она побѣжала въ кухню.

Я уже былъ въ сѣняхъ; бросивъ Бюффона на столѣ и отворяя выходную дверь, я крикнулъ:

— Это, ты дядя?

— Я, Фрицель.—послышался веселый голосъ дяди.—Наконецъ, пріѣхалъ.—Все въ домѣ благополучно?

— Благополучно, дядя, всѣ здоровы.

— Хорошо, хорошо!

Вслѣдъ за мною вошла съ фонаремъ Лизбета, и я увидѣлъ ходъ навѣсомъ дядю распрягавшаго лошадь. Онъ казался совершенно бѣлымъ на темномъ фонѣ, и каждая шерстинка у него

на шубѣ и на большой бобровой шапкѣ горѣла, какъ звѣзда. Онъ торопился; Раппель, повернувъ голову къ конюшнѣ, казалось, тоже горѣлъ нетерпѣніемъ.

— Господи, какъ холодно!—сказала Лизбета, прибѣжавъ помочь ему.—Вы вѣрно, замерзли, господинъ докторъ. Идите, идите скорѣе отогрѣваться, я сдѣлаю ужъ все безъ васъ.

Но дядя Яковъ не любилъ, чтобы кто нибудь другой убиралъ его лошадь; онъ поставилъ Раппеля передъ рѣшеткой съ сѣномъ на хорошую подстилку, и тогда сказалъ:

— Теперь идемъ!

И мы вошли всѣ вмѣстѣ.

— Хорошія вѣсти, мадамъ Тереза!—еще въ дверяхъ закричалъ дядя. — Хорошія вѣсти! Я изъ Кайзерлаутерна, тамъ все благополучно.

Мадамъ Тереза, сидя на постели, смотрѣла на него, поблѣднѣвъ, какъ полотно; а онъ стряхивалъ свою шапку и снималъ шубу.

— Какъ, господинъ докторъ,—сказала она, — вы изъ Кайзерлаутерна?

— Да, я проѣхалъ туда... Мнѣ хотѣлось успокоиться. Я все видѣлъ, все разузналъ, улыбаясь сказалъ онъ: — но не скрою отъ васъ, мадамъ Тереза, что умираю отъ усталости и голода.

Онъ сталъ снимать свои теплые сапоги, сидя въ креслѣ, и смотрѣлъ, какъ Лизбета накрывала на столъ, такъ же страстно, какъ и мы съ Сципіономъ.

— Могу вамъ сказать только, что кайзерлаутернское сраженіе совсѣмъ не такое рѣшительное, какъ предполагали, и что нашъ батальонъ въ немъ не участвовалъ, маленькій Жанъ не подвергался болѣе опасностямъ.

— Довольно,—сказала Тереза, снова ложась съ выраженіемъ невыразимаго счастья и удовольствія,—довольно! Если вы и не скажете мнѣ ничего болѣе, я и этимъ счастлива. Погрѣйтесь, господинъ докторъ, покушайте, я могу и подождать теперь.

Тутъ Лизбета подала, и дядя, садясь за столъ, прибавилъ еще:

— Да, это вѣрно; можете объ этомъ не безпокоиться. Сейчасъ я разскажу вамъ остальное.

Мы сѣли ужинать, и дядя, взглядывая на меня отъ времени до времени, улыбался, какъ бы говоря: «мнѣ кажется, ты хочешь догнать меня; откуда у тебя такой аппетитъ?»

Но вскорѣ голодъ нашъ значительно убавился; мы вспомнили о бѣдномъ Сципіонѣ, смотрѣвшемъ на насъ такимъ стоикомъ; теперь насталъ и его чередъ поѣсть. Дядя выпилъ вина, закурилъ трубку, подошелъ къ алькову, взялъ Терезу за руку и, какъ бы щупая ея пульсъ, сказалъ:

— Ну, вотъ и я!

Она молчала и улыбалась.

Потомъ онъ придвинулъ кресло, отдернулъ занавѣски, поставилъ свѣчку на ночной столикъ, сѣлъ и сталъ разсказывать о сраженіи. Я слушалъ, облокотившись сзади него на кресло. Лизбета стояла въ неосвѣщенной части комнаты.

— Республиканцы пришли къ Кайзерлаутерну 27-го вечеромъ,— началъ онъ.—Пруссаки были уже тамъ за три дня до этого: они укрѣпили свою позицію, поставивъ пушки на верху холмовъ, возвышающихся надъ равниной. Генералъ Ганеъ слѣдовалъ за ними, уже съ самаго Эрбаха онъ хотѣлъ окружить ихъ въ Бизингенѣ, и тотчасъ же рѣшился на слѣдующій день опрокинуть ихъ. Пруссаковъ было 40,000 человѣкъ, а французовъ 30,000. На слѣдующій день началась осада съ лѣвой стороны; республиканцы, подъ предводительствомъ генерала Амбера, начали взбираться на холмы подъ выстрѣлами, крича: «Ландау или смерть!» Въ это самое время Ганеъ долженъ былъ атаковать центръ, но центръ былъ прикрытъ деревьями и пригорками, и генералъ не могъ придти во-время; Амберу пришлось отступить подъ огнемъ пруссаковъ, противъ него была вся армія герцога Брауншвейгскаго. На слѣдующій день, 29 ноября, Ганеъ атаковалъ съ центра, Амберъ не долженъ былъ зайти справа, но заблудился въ горахъ, такъ что Ганеъ очутился въ стѣсненномъ положеніи. Не смотря на это, атаку предполагалось возобновить на слѣдующій день, 30 ноября. Въ этотъ день герцогъ Брауншвейгскій двинулся впередъ, и республиканцы, боясь, что ихъ отрѣжутъ, отступили. Вотъ что я знаю положительнаго изъ разсказовъ одного республиканскаго командира, раненаго пулей въ бедро на второй день битвы. Докторъ Фейербахъ, старый товарищъ мой по университету, во-

дилъ меня къ этому человѣку, иначе мнѣ ничего не узнать бы вѣрнаго, потому что пруссаки хвастаются.

Весь городъ говоритъ о сраженіи, но всякій по своему; въ городѣ сильное волненіе, поѣзда раненыхъ безпрестанно отправляются въ Майнцъ, городской госпиталь набитъ ранеными, и горожане принуждены брать раненыхъ къ себѣ, пока не очистится для нихъ гдѣ-нибудь мѣсто.

Можете представить, съ какимъ вниманіемъ слушала Тереза этотъ разсказъ.

— Вижу... вижу...—грустно сказала она, подпершись рукою виском;—у насъ недостало единства.

— Именно, у васъ недостало единства, это говорятъ всѣ въ Кайзерлаутернѣ, но это не мѣшаетъ всѣмъ согласиться, что республиканцы необыкновенно храбры и даже смѣлы. Когда они кричали: «Ландау или смерть», несмотря на трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и грохотъ пушекъ, голоса ихъ были слышны въ городѣ и наводили страхъ. Теперь они отступили, но герцогъ Брауншвейгскій не осмѣлился ихъ преслѣдовать.

Послѣ нѣкотораго молчанія мадамъ Тереза спросила:

— Откуда вы знаете, что нашъ батальонъ не былъ въ дѣлѣ, господинъ докторъ?

— Я знаю отъ республиканскаго командира, что первый батальонъ второй бригады много потерпѣлъ за нѣсколько дней передъ этимъ въ деревнѣ въ горахъ, отправившись на розыски къ сторонѣ Ландау, и поэтому его оставили въ резервѣ. Тутъ-то я и увидѣлъ, что онъ въ подробности знаетъ дѣло.

— Какъ зовутъ этого командира?

— Петръ Ронсаръ; онъ такой высокій брюнетъ съ черными волосами.

— Да, я его знаю, хорошо знаю,—сказала Тереза.—Въ прошломъ году онъ былъ капитаномъ у насъ въ батальонѣ.—Такъ бѣдный Ронсаръ попался въ плѣнъ! А рана его опасна?

— Нѣтъ, Фейербахъ говорилъ мнѣ, что онъ встанетъ, но не скоро,—отвѣчалъ дядя.

Потомъ сдѣлавъ хитрую улыбку и защуривъ глаза, онъ сказалъ:

— Да, вотъ что разсказалъ мнѣ командиръ. Онъ разсказалъ мнѣ еще кое-что такое... такое... интересное... необыкновенное, чего я никогда и не подозрѣвалъ бы...

— Что такое, господинъ докторъ?

— Да, это поразило меня.—сказалъ дядя, прижавъ пальцемъ въ трубкѣ табакъ, выпустивъ большой клубъ дыма и поднявъ кверху глаза:—поразило!.. Впрочемъ, не очень... нѣтъ, не очень... иногда мнѣ приходило въ голову подобное.

— Да что же такое, докторъ Яковъ?—съ удивленіемъ спросила Тереза.

— Онъ разсказалъ мнѣ объ одной гражданкѣ Терезѣ, гражданкѣ въ родѣ Корнеліи, извѣстной всей мозельской арміи, и которую солдаты просто называютъ гражданкой! Хе-хе-хе!.. Какъ видно, у этой гражданки нѣтъ недостатка въ храбрости.

И обернувшись ко мнѣ и Лизбетѣ, онъ сказалъ:

— Вообразите себѣ, что разъ, когда начальникъ батальона былъ убитъ, стараясь заставить людей своихъ идти впередъ, когда надо было перейти мостъ, защищаемый батареей и двумя прусскими полками, когда всѣ самые старые республиканцы, самые отчаянные изъ этихъ храбрецовъ отступали, представьте себѣ, что эта гражданка Тереза взяла знамя и одна пошла черезъ мостъ, приказавъ маленькому брату своему Жану бить атаку передъ нею, какъ будто за ней шла цѣлая армія; это произвело такое дѣйствіе на республиканцевъ, что они всѣ бросились за ней и отбили пушки! Понимаете вы это? Это мнѣ разсказалъ командиръ Ронсаръ.

Мы глядѣли на Терезу, какъ ошеломленные, въ особенности я, выпуча глаза, и увидѣлъ, что она вся вспыхнула.

— Да,—замѣтилъ дядя.—всякій день узнаешь что-нибудь новенькое; это великое дѣло, превосходное дѣло! Да... да... хоть я и сторонникъ мира, но меня это все-таки тронуло...

— Но, господинъ докторъ,—наконецъ, отвѣчала Тереза.—не вѣрьте этому...

— О.—прервалъ ее дядя, поднявъ руку,—мнѣ говорилъ объ этомъ не одинъ командиръ; два другихъ раненыхъ капитана, случившихся тамъ, услыхавъ, что гражданка Тереза жива, очень обрадовались... Дѣло ея со знаменемъ извѣстно послѣднему солдату. Ну... да или нѣтъ, было это съ ней?—прибавилъ дядя, нахмуривъ брови и глядя прямо въ лицо мадамъ Терезѣ.

Тогда Тереза, заплакавъ, сказала:

— Начальникъ батальона, котораго убили, былъ нашъ

отецъ... Мы хотѣли умереть, мы съ маленькимъ Жаномъ... мы были въ отчаяніи.

Припомнивъ это, она зарыдала. Дядя, глядя на нее, сдѣлался серьезенъ и сказалъ:

— Послушайте, мадамъ Тереза, я горжусь, что спасъ жизнь такой женщинѣ, какъ вы. Вслѣдствіе ли смерти отца, или по какой-нибудь другой причинѣ вы дѣйствовали такъ, все это великій, благородный и храбрый поступокъ; это даже необыкновенно, потому что тысячи женщинъ только охали бы, упали бы въ обморокъ, и нельзя было бы винить ихъ за это. Но вы храбрая женщина и, исполнивъ великій долгъ, вы долго еще плачете, когда другіе уже начинаютъ забывать: вы женщина, не только поднимающая знамя между убитыми, но умѣющая и плакать, вотъ за что я уважаю васъ. Повторяю, что домъ этотъ, въ которомъ нѣкогда жилъ мой отецъ и дѣдъ, почтенъ вашимъ присутствіемъ... да, почтенъ!

Дядя говорилъ это очень серьезно, ударяя на каждое слово и положивъ трубку на столъ; онъ дѣйствительно былъ взволнованъ.

А Тереза сказала, наконецъ:

— Господинъ докторъ, не говорите такъ, или я буду принуждена уйти. Пожалуйста, не говорите болѣе объ этомъ.

— Я вамъ сказалъ, что я думаю, — отвѣчалъ, вставая, дядя, — а теперь не буду болѣе говорить объ этомъ, такъ какъ вы этого хотите; но это не помѣшаетъ мнѣ уважать васъ, какъ кроткое благородное существо, и гордиться тѣмъ, что я оказалъ вамъ услугу. Командиръ разсказывалъ мнѣ тоже, каковъ былъ вашъ отецъ и ваши братья: простые, честные люди, отправившіеся всѣ вмѣстѣ защищать дѣло, которое считали справедливымъ. Когда столько тысячъ гордецовъ думаютъ только о своихъ выгодахъ и, хотя грустно, но надо сказать, считаютъ себя благородными, заботясь только о вещахъ матеріальныхъ, пріятно видѣть, что истинное благородство, происходящее отъ безкорыстія и героизма, встрѣчается въ народѣ. Республиканцы ли они, или не республиканцы, не все ли равно? Въ душѣ и по совѣсти я думаю, что передъ лицомъ Всевышняго благороденъ тотъ, кто исполняетъ свой долгъ.

Дядя ходилъ отъ волненія взадъ и впередъ по залъ, говоря

самъ съ собою. Тереза, отеревъ слезы, улыбаясь, смотрѣла и сказала ему:

— Господинъ докторъ, вы привезли намъ добрыя вѣсти... спасибо вамъ, спасибо! Теперь я буду здорова.

— Да,—отвѣчалъ дядя, останавливаясь,—вы будете здоровы.

— Но пора и на покой; утомленіе длилось долго, и я думаю, что сегодня мы всѣ отлично уснемъ.— Ну, Фрицель, ну, Лизбета, отправляемтесь! Прощайте, мадамъ Тереза.

— Спокойной ночи, господинъ докторъ.

Онъ взялъ свѣчу и, задумчиво потупивъ голову, поднялся велѣдъ за нами.

XII.

Слѣдующій день былъ счастливымъ днемъ въ домѣ дяди Якова. Когда я проснулся, было уже очень поздно, я безъ просыпа проспалъ двѣнадцать часовъ сряду, и въ глаза мнѣ бросились прежде всего мои круглыя окошечки, покрытыя серебристыми цвѣтами, инеемъ, разрисованныя такъ, какъ не могъ бы разрисовать ни одинъ художникъ въ мірѣ, точно будто природа посреди зимы хочетъ напомнить о веснѣ, а между тѣмъ, рисунки эти являются, какъ признакъ сильнаго холода, сухого холода, замѣнившаго снѣжную погоду; въ такую погоду замерзаютъ всѣ рѣки и даже колодцы, всякія тропинки становятся твердыми, и всѣ лужи покрываются бѣлымъ и хрупкимъ льдомъ, разламывающимся подъ ногами, какъ яичная скорлупа.

При воспоминаніи обо всемъ этомъ, едва высунувъ носъ изъ-подъ одѣяла, въ колпакѣ, надвинутомъ чуть не до спины, мнѣ представлялись всѣ прошлыя зимы, и я думалъ: «Фрицель, вѣдь ты не рѣшишься встать, даже для того, чтобы идти завтракать, нѣтъ, никакъ не рѣшишься!»

Между тѣмъ, отличный запахъ молочнаго супа разносился изъ кухни и придавалъ мнѣ отчаянную храбрость.

Такъ размышлялъ я уже съ полчаса и уже заранѣе рѣшилъ, что соскочу съ постели, схвачу подъ мышку платье и побѣгу одѣваться въ кухню къ очагу, какъ вдругъ услышалъ, что въ сосѣдней комнатѣ встаетъ дядя Яковъ; изъ чего я заключилъ, что сильное утомленіе предыдущаго дня произвело въ немъ

одинаковую со мной сонливость. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, смѣясь и дрожа, въ панталонахъ и рубашкѣ.

— Ну-ну, Фрицель! — вскричалъ онъ. — Вставай живѣй!.. Живѣй!.. Ты развѣ не слышишь запахъ супа?

Онъ дѣлалъ такъ каждую зиму во время сильныхъ холодовъ и подшучивалъ надъ моею нерѣшительностью.

— Еслибъ можно было принести мнѣ супу сюда,—сказалъ я ему,—я разнюхалъ бы его еще лучше.

— Ахъ ты, трусъ!—сказалъ дядя.—И ты рѣшился бы ѣсть въ постели? Вотъ лѣнтяй-то!

И чтобы показать мнѣ примѣръ, онъ влилъ изъ моего кувшина холодной воды въ чашку и обѣими руками сталъ мыть себѣ лицо, говоря:

— Ухъ, какъ славно, Фрицель! Какъ освѣжаетъ! Ну, вставай же... вставай!

Я же, видя, что онъ хочетъ мыть меня, соскочилъ съ постели, схватилъ въ одинъ мигъ свою одежду и стремглавъ слетѣлъ внизъ. Взрывъ дядинаго хохота огласилъ весь домъ.

— Хорошъ вышелъ бы изъ тебя республиканецъ!—вскричалъ онъ.—Маленькому Жану пришлось бы не мало бить атаку, чтобы придать тебѣ храбрости.

Разъ добравшись до кухни, какое мнѣ было дѣло до его насмѣшекъ! Я одѣлся у огня, вымылся теплой водой, налитой мнѣ Лизбетой, что казалось мнѣ гораздо пріятнѣе выказыванія храбрости; я уже нѣжно смотрѣлъ на миску, когда дядя, въ свою очередь, сошелъ и, ущипнувъ меня за ухо, сказалъ Лизбетѣ:

— Ну-ну! Какъ поживаетъ сегодня мадамъ Тереза? Хорошо провела ночь, надѣюсь?

— Входите,—отвѣчала добродушно старуха,—входите господинъ докторъ, тамъ васъ кое-кто ждетъ.

Дядя вошелъ, и я за нимъ. Сначала мы были очень удивлены, не видя никого въ залѣ; занавѣсы алькова были задернуты. Но удивленіе наше еще болѣе возрасло, когда, обернувшись, мы увидали мадамъ Терезу въ ея маркитантской одеждѣ: маленькой кофтѣ, застегнутой до верху мѣдными пуговицами и толстомъ красномъ шарфѣ вокругъ шеи, сидѣвшую за печкой; она была такая же, какою мы видѣли ее въ первый разъ, только нѣсколько блѣднѣе; шляпа ея лежала на столѣ, такъ

что ея прекрасные волосы, пробранные по серединѣ, падали по плечамъ, что дѣлало ее похожей на молодого человѣка. Видя наше удивленіе, она улыбнулась, а рука ея покоилась на головѣ Сципіона сидѣвшаго подлѣ нея.

— Господи!—воскликнулъ дядя.—Какъ, это вы, мадамъ Тереза!.. Вы встали?

Потомъ онъ прибавилъ съ безпокойствомъ.

— Какая неосторожность!

Но она, продолжая улыбаться, съ видомъ благодарности протянула ему руку и, выразительно смотря на него своими большими, черными глазами, отвѣчала:

— Не бойтесь, господинъ докторъ: мнѣ совсѣмъ хорошо, я здорова; ваши вчерашнія хорошія вѣсти поправили меня. Посмотрите сами!..

Онъ молча взялъ ее за руку и задумчиво сталъ считать пульсъ, потомъ лицо его просвѣтлѣло, и онъ весело вскричалъ:

— Лихорадки нѣтъ! Ну, теперь все пойдетъ хорошо! Надо быть осторожной.

Отступивъ немного, онъ сталъ смѣяться, какъ ребенокъ, глядя на свою больную, тоже улыбавшуюся ему.

— Такой я васъ видѣлъ въ первый разъ,—тихо сказалъ онъ; такой и теперь опять васъ вижу, мадамъ Тереза. Да, намъ посчастливилось, очень посчастливилось!

— Вы спасли мнѣ жизнь, господинъ докторъ,—сказала она. и глаза ея наполнились слезами.

Онъ покачалъ головой и, поднявъ руку, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, васъ спасъ Тотъ, Кто сохраняетъ все, оживляетъ все; потому что Онъ не хочетъ, чтобы великія и хорошія личности погибали; Онъ желаетъ, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ оставались для примѣра другимъ. Ну, и возблагодаримъ же Его!

Потомъ, перемѣнивъ голосъ и выраженіе лица, онъ вскричалъ:

— Порадуемся!.. Порадуемся!.. Вотъ это—такъ можно назвать хорошимъ днемъ!

Онъ ушелъ въ кухню и оставался тамъ нѣкоторое время, а мадамъ Тереза сдѣлала мнѣ знакъ, чтобы я подошелъ. Она взяла меня обѣими руками за голову и поцѣловала, отстраняя волосы.

— Ты славный ребенокъ. Фрицель,— сказала она мнѣ,— ты походишь на маленькаго Жана.

Тутъ вошелъ дядя, подмигивая съ душевнымъ удовольствіемъ глазами.

— Сегодня я не выхожу изъ дома,— сказалъ онъ. Надо же вѣдь человѣку отдыхъ отъ времени до времени. Для очистки совѣсти только зайду кое къ кому въ деревнѣ и потомъ приду провести весь день въ семействѣ, какъ бывало въ счастливое время, при жизни бабушки Ленель. Что ни говори, а вѣдь семейная жизнь возможна только при женщинахъ!

Говоря такимъ образомъ, онъ надѣвалъ свою большую шапку и накидывалъ шубу на плечи. Потомъ вышелъ, улыбаясь намъ.

Мадамъ Тереза задумалась: она встала, придвинула кресло къ окну и стала смотрѣть на площадь съ фонтаномъ. Мы же съ Сципіономъ пошли въ кухню завтракать.

Черезъ полчаса я услыхалъ, какъ входилъ дядя, говоря:

— Ну, вотъ я и свободенъ до вечера; кого надо обошелъ, все нашелъ въ порядкѣ и теперь могу больше не выходить.

Сципіонъ карапался въ дверь; я отворилъ ему, и мы вошли вмѣстѣ въ залу. Дядя вѣшалъ свою шубу на стѣну и смотрѣлъ на мадамъ Терезу, сидѣвшую все еще на томъ же мѣстѣ и грустную.

— О чемъ это вы думаете?—сказалъ онъ ей.—Вы стали грустнѣе, чѣмъ были давеча.

— Я думаю, господинъ докторъ, что, несмотря на сильныя страданія, человѣкъ доволенъ, что можетъ остаться на нѣкоторое время на землѣ,—сказала она ему взволнованнымъ голосомъ.

— На нѣкоторое время! — вскричалъ дядя. — Скажите на много лѣтъ, потому что у васъ, слава Богу, натура здоровая, и черезъ нѣсколько дней вы будете такъ же здоровы, какъ были прежде.

— Да, господинъ Яковъ, я думаю, что буду здорова,—сказала она;—но если въ послѣднюю минуту васъ поднялъ изъ мертвыхъ человѣкъ съ душою, тогда выздоровленіе и возможность сказать себѣ: «безъ него меня не было бы на свѣтѣ!» доставляетъ большое счастье.

Дядя понялъ тогда, что она смотрѣла на мѣсто, гдѣ происходила страшная битва между ея батальономъ и австрій-

ской дивизіей; что этотъ старый фонтанъ, эти старыя, обвалившіяся стѣны, эти слуховыя окна, наконецъ, вся эта площадь, узкая и мрачная, напоминала ей подробности битвы, и что она знала, какая ожидала бы ее участь, если бы онъ, къ счастью, не пришелъ, когда Іосифъ Спикъ хотѣлъ закопать ее съ убитыми. Это открытіе совершенно ошеломило его и только черезъ минуту онъ спросилъ:

— Кто разсказалъ вамъ все это, мадамъ Тереза?

— Вчера, когда мы оставались однѣ, Лизбета разсказала мнѣ, чѣмъ я обязана вамъ.

— Лизбета разсказала вамъ! — вскричалъ огорченный дядя.—А еще какъ я запрещалъ ей...

— Не браните ее, господинъ докторъ,—сказала она;—я ей нѣсколько помогла... Она такъ любитъ болтать!

Тереза улыбалась дядѣ, который успокоился и сказалъ:

— Хорошо, хорошо, мнѣ слѣдовало бы предвидѣть это, нечего больше объ этомъ и говорить. Но послушайте, надо выгнать все это изъ головы, надо стараться смотрѣть на все съ хорошей стороны, это необходимо для выздоровленія. Теперь все идетъ хорошо, но надо помочь природѣ пріятными мыслями, согласно мудрому предписанію отца медицины, Гиппократа. «Мощный духъ, говоритъ онъ, спасаетъ разслабленное тѣло». Мощность же духа является отъ веселыхъ, а не отъ мрачныхъ мыслей. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы этотъ фонтанъ очутился на томъ концѣ деревни; но такъ какъ онъ тутъ и перенести его мы не можемъ, то присядемъ къ печкѣ, чтобы не видѣть его, это будетъ гораздо лучше.

— Я готова,—отвѣчала Тереза, вставая.

Она оперлась на руку дяди, который казался счастливымъ, поддерживая ее. Я же подкатилъ кресло его въ уголъ, и мы всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ вокругъ печки, трескъ пламени въ которой доставлялъ намъ большое удовольствіе.

Иногда вдали, въ деревнѣ, слышался лай собаки, и этотъ лѣсный звукъ, раздававшійся въ тишинѣ, обыкновенной въ такіе сильные холода, пробуждалъ Сципіона, который вставалъ ворча и, ощетинившись, подходилъ къ двери, потомъ снова возвращался къ моему стулу, думая, вѣроятно, что теплое мѣстечко пріятнѣе удовольствія пошумѣть.

Тереза, блѣдная, съ густыми черными волосами съ синимъ отливомъ, падающими по плечамъ, казалась счастливою и покойною. Мы мирно бесѣдовали, а дядя курилъ свою большую фарфоровую трубку съ видомъ полнѣйшаго довольства.

— Однако, что это такое? Мнѣ казалось, я разрѣзалъ вашу кофту,—заговорилъ дядя черезъ нѣсколько минутъ, а теперь она, какъ новая.

— Вчера мы съ Лизбетой починили ее, докторъ Яковъ,— отвѣчала она.

— Вотъ какъ!.. Такъ вы умѣете шить? Это мнѣ не приходило еще въ голову... Вы представлялись мнѣ всегда идущею по мосту или что-нибудь въ этомъ родѣ, на берегу рѣки, освѣщенной ружейными выстрѣлами.

Тереза улыбнулась.

— Я дочь бѣднаго школьнаго учителя,—начала она,—а въ свѣтѣ бѣдному прежде всего надо умѣть добывать себѣ средства для существованія. Отецъ мой понималъ это, и у всѣхъ дѣтей было какое-нибудь ремесло. Еще только годъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ мы ушли—и не только наше семейство, но и вся молодежь города и окрестныхъ деревень, съ ружьями, топорами, вилами и кольми,—навстрѣчу пруссакамъ. Прокламація герцога Брауншвейгскаго подняла всю пограничную часть страны: военному дѣлу обучались дорогой. Тогда отецъ мой, человѣкъ образованный, былъ избранъ общей подачей голосовъ сначала въ капитаны, а послѣ нѣсколькихъ стычекъ—въ командиры батальона. До нашего выступленія, я помогала ему по школѣ, учить дѣвочекъ,—я учила ихъ всему, что должна знать хорошая хозяйка. Да, докторъ Яковъ, если бы въ то время мнѣ сказали, что придетъ время, когда я пойду съ солдатами, что я ночью буду водить свою лошадь подъ уздцы, что буду проѣзжать съ своей таратайкой по кучамъ труповъ и что часто по цѣлымъ часамъ дорогу мнѣ будутъ освѣщать только выстрѣлы,—я не повѣрила бы, потому что любила только простыя семейныя обязанности. Я была даже слишкомъ скромна, потому что краснѣла отъ всякаго взгляда. Но чего не сдѣлаешь, когда великія обязанности заставляютъ насъ выдвинуться изъ мрака, когда угрожаемая родина призываетъ дѣтей своихъ! Тогда сердце рвется, человѣкъ измѣняется, выступаетъ, страхъ забы-

гается, а спустя долгое время, только удивляешься, что такъ измѣнился, что дѣлаешь то, что прежде считалъ невозможнымъ!

— Да, да, — говорилъ дядя, кивая головой, — теперь я узналъ... я смотрю ясно на дѣло... А, такъ народъ поднялся такимъ образомъ... Онъ пошелъ весь, цѣликомъ... Однако, что можетъ сдѣлать мысль!

Часовъ до двѣнадцати продолжали мы говорить такимъ образомъ. Въ двѣнадцать Лизбета пришла накрывать на столъ и подавать обѣдать; мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какъ она ходила взадъ и впередъ, какъ постлала скатерть, поставила приборы и принесла дымившуюся миску.

— Ну,—весело воскликнулъ дядя, вставая и помогая итти Терезѣ,—сядемте за столъ! Теперь вы, наша милая бабушка Лочель, хранительница домашняго очага, какъ говорилъ мой старый гейдельбергскій профессоръ Эбергардтъ.

Она тоже улыбалась, и когда мы сѣли всѣ за столъ другъ противъ друга, намъ казалось, что все пришло въ обычный порядокъ, что давно уже должно было бы быть такъ, и что до сихъ поръ въ семьѣ кого-то недоставало, чье присутствіе доставляло намъ большое счастье. Даже Лизбета, всякій разъ, какъ приносила вареную говядину, овощи и жаркое, останавливалась и съ видомъ глубокаго удовольствія смотрѣла на насъ, а Сципіонъ такъ же часто сидѣлъ подлѣ меня, какъ и подлѣ своей хозяйки, не дѣлая между нами ни малѣйшаго различія.

Дядя прислуживалъ Терезѣ и, такъ какъ она была еще слаба, разрѣзалъ говядину на ея тарелкѣ, говоря:

— Еще кусочекъ! Вамъ теперь нужны силы; скушайте еще это и на этотъ разъ довольно, потому что все придетъ своимъ чередомъ.

Къ концу обѣда онъ вышелъ на минуту и возвратился съ бутылкой, запечатанной толстымъ слоемъ краснаго сюргуча и покрытой пылью.

— Вотъ!—сказалъ онъ, поставивъ бутылку на столъ.— Нашъ соотечественникъ желаетъ вамъ добраго здоровья; мы не можемъ отказать ему въ этомъ, потому что онъ изъ Бургундіи и, говорятъ, хмѣль у него веселый.

— Вы такъ лечите всѣхъ вашихъ больныхъ, докторъ Яковъ?—спросила тронутая Тереза.

— Да, всѣхъ, я предписываю имъ все, что имъ пріятно.

— Ну, такъ у васъ истинное искусство, искусство, идущее отъ сердца и вылечивающее.

Дядя хотѣлъ налить, но вдругъ, остановившись, серьезно взглянулъ на больную и выразительно сказалъ:

— Я вижу, что мы сходимся все болѣе и болѣе, и что, наконецъ, вы согласитесь на принципы мира.

Сказавъ это, онъ налилъ нѣсколько капель мнѣ въ стаканъ, а свой стаканъ и стаканъ Терезы наполнилъ до краевъ и воскликнулъ:

— За ваше здоровье, мадамъ Тереза!

— За ваше и за здоровье Фрицеля! — сказала она.

Мы выпили это старое вино— цвѣта луковыхъ перьевъ, показавшееся мнѣ очень вкуснымъ.

Всѣ мы повеселѣли, щеки Терезы слегка покрылись румянцемъ, предвѣстникомъ здоровья; она улыбалась и сказала:

— Это вино меня оживляетъ.

Потомъ она заговорила о томъ, какъ бы сдѣлаться полезною нашему хозяйству.

— Я чувствую въ себѣ уже столько силы,— говорила она, — что могу работать: я могу чинить ваше старое бѣлье, у васъ, вѣрно есть оно, господинъ докторъ?

— Разумѣется, разумѣется.—улыбаясь, отвѣчалъ дядя.— У Лизбеты глаза ужъ немолодые, она по цѣлымъ часамъ вставляетъ одну заплатку, вы будете намъ очень-очень полезны. Но теперь еще не до того; вамъ еще нуженъ покой.

— Если мнѣ нельзя еще работать, — сказала она, кротко глядя на меня, — позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, замѣнять васъ иногда въ урокахъ Фрицелю: у васъ не всегда бываетъ время давать ему уроки французскаго языка, и если вамъ угодно...

— А, это другое дѣло!—вскричалъ дядя.—Да, это мысль, что называется отличная, слава Богу! Слушай, Фрицель, впередъ ты будешь учиться у мадамъ Терезы; ты долженъ стараться, потому что случаи учиться рѣдки, очень рѣдки.

Я весь вспыхнулъ при мысли, что у мадамъ Терезы слишкомъ много незанятаго времени; она же, понявъ мою мысль, добродушно сказала мнѣ:

— Не бойся, Фрицель, я буду пускать тебя бѣгать. Мы вмѣстѣ будемъ читать Бюффона часъ по утрамъ и часъ по вече-

рамъ. Успокойся, дитя мое, я не стану слишкомъ надоѣдать тебѣ.

Она тихо притянула меня къ себѣ и обняла. Въ это время створилась дверь, и вошли кротоловъ и Коффель въ праздничномъ платьѣ и съ торжественнымъ видомъ: они пришли пить съ нами кофе. Ясно было, что дядя, пойдя утромъ приглашать ихъ, разсказалъ имъ о храбрости и о славѣ мадамъ Терезы въ республиканской арміи, потому что и въ одеждѣ ихъ, и въ движеніяхъ было что-то необыкновенное. Кротоловъ не остался, по обыкновенію, въ своей куньей шапкѣ, и внимательно смотрѣлъ во всѣ глаза; Коффель надѣлъ чистую рубашку, воротнички которой доходили ему до ушей, и держался совершенно прямо, засунувъ руку въ куртку; женѣ его пришлось пришить пуговицу, чтобы пристегнуть другой подтяжкой панталоны, которыя уже не висѣли съ одной стороны, а были подняты ровно съ обѣихъ сторонъ; кромѣ того, вмѣсто старыхъ, продранныхъ башмаковъ, на немъ были новые, праздничные. Наконецъ, у обоихъ былъ какой-то торжественный видъ, точно у людей, пришедшихъ на какое-нибудь чрезвычайное совѣщаніе; оба съ достоинствомъ низко поклонились, сказавъ:

— Кланяюсь честной компаніи.

— А вотъ и вы!—сказалъ дядя.—Садитесь.

Потомъ, обернувшись къ кухнѣ, онъ закричалъ:

— Лизбета, подавай кофе!

Въ эту минуту случайно взглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ проходившаго старика Адама Шмидта и, немедля вставъ и постучавъ въ окно, сказалъ:

— Вотъ, мадамъ Тереза,—старый солдатъ, вы будете довольны знакомствомъ съ нимъ; онъ хорошій человѣкъ.

Старикъ Шмидтъ подошелъ посмотрѣть, зачѣмъ звалъ его докторъ, а дядя Яковъ, поднявъ окно, сказалъ ему:

— Дѣдушка Адамъ, сдѣлайте одолженіе, придите выпить съ нами кофе. У меня есть еще тотъ старый коньякъ, знаете?

— Съ удовольствіемъ, господинъ докторъ, — отвѣчалъ Шмидтъ,—съ большимъ удовольствіемъ.

Онъ показался на порогѣ и, приложивъ руку къ виску, сказалъ:

— Къ вашимъ услугамъ.

Кротоловъ, Коффель и Шмидтъ, стоя вокругъ стола съ нѣсколько смущеннымъ видомъ, начали потихоньку говорить между собою, искоса поглядывая на Терезу и какъ будто передавая другъ другу что-то важное; въ это время Лизбета снимала скатерть и покрывала столъ клеенкой, а Тереза продолжала улыбаться имъ, играя своими волосами и дѣлая видъ, будто не замѣчаетъ, что о ней говорятъ. Наконецъ, Лизбета принесла на подносѣ чашки и графинчики съ коньякомъ и киршвассеромъ, видъ которыхъ заставилъ старика Шмидта обернуться и прищурить глаза. Лизбета принесла кофейникъ, а дядя сказалъ:

— Сядемте.

Тогда всѣ сѣли, а Тереза, улыбаясь всѣмъ этимъ почтеннымъ людямъ, сказала:

— Позвольте мнѣ налить вамъ, господа.

Дѣдушка Шмидтъ, приложивъ руку къ уху, отвѣчалъ:

— Вамъ и честь!

Коффель и Кротоловъ бросили другъ на друга взглядъ удивленія, каждый подумалъ: «старикъ Шмидтъ сказалъ это и умно, и кстати!»

Тереза разлила кофе, и въ то время, какъ всѣ молча пили, дядя, положивъ руку на плечо дѣдушки Шмидта, сказалъ:

— Мадамъ Тереза, позвольте представить вамъ стараго солдата, служившаго Фридриху Великому, человѣка, который, несмотря на нѣсколько походовъ, на свои раны, храбрость и хорошее поведеніе, шелъ только простымъ сержантомъ, и котораго всѣ порядочные люди деревни уважаютъ, какъ капитана.

Тереза взглянула на старика Шмидта, выпрямившагося на своемъ стулѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства.

— Въ арміяхъ республики вы могли бы сдѣлаться генераломъ,—сказала она.—Франція борется теперь со всей Европой, потому что не хочетъ, чтобы почести, состояніе и всѣ удобства этой жизни падали на долю нѣсколькихъ, несмотря на ихъ пороки, а всѣ несчастія и униженія на долю другихъ, несмотря на ихъ добродѣтели. Народъ французскій находитъ это противнымъ Божескому закону, и чтобы достичь этого измѣненія, мы, если нужно, готовы умереть всѣ.

Никто не возражалъ. Шмидтъ смотрѣлъ на эту женщину задумчиво и серьезно, выпучивъ свои большіе сѣрые глаза и

утянувъ внизъ свой горбатый носъ: онъ сжалъ губы и, казалось, размышлялъ: кротоловъ и Коффель сидѣли и смотрѣли другъ на друга; Тереза была взволнована, а дядя оставался спокойнымъ. Я всталъ изъ-за стола, потому что дядя не далъ мнѣ кофе, говоря, что дѣтямъ онъ вреденъ, и сѣлъ за печку, смотря и слушая.

Черезъ минуту дядя Яковъ сказалъ Шмидту:

— Мадамъ Тереза была маркитанткой второго батальона первой бригады Мозельской арміи.

— Я знаю ужъ это, господинъ докторъ,—отвѣчалъ старый солдатъ.—и знаю также, что она сдѣлала.

Потомъ, возвысивъ голосъ, онъ сказалъ:

— Да, если бы я имѣлъ счастье служить въ республиканскихъ арміяхъ, я былъ бы капитаномъ, можетъ быть, даже командиромъ батальона, если бы только не былъ убитъ!

И, ударивъ себя въ грудь, онъ прибавилъ:

— Во мнѣ было самолюбіе и, не хвастаясь, скажу, была храбрость, и еслибъ можно было возвышаться, мнѣ стыдно было бы не пойти впередъ. Король не разъ замѣчалъ меня,—вещь весьма рѣдкая относительно простого солдата. Въ Росбахѣ въ то время, какъ капитанъ, прячась за насъ, кричалъ «впередъ!» Адамъ Шмидтъ командовалъ отрядомъ. Ну, и все это ни къ чему не повело и теперь, несмотря на то, что я получаю пенсію отъ прусскаго короля, я долженъ сознаться, что республиканцы во многомъ правы. Вотъ мое мнѣніе.

И, выпивъ залпомъ рюмку, онъ странно подмигнулъ глазомъ и прибавилъ:

— А дерутся они хорошо!.. Я видѣлъ... Да, хорошо дерутся. У нихъ нѣтъ еще правильныхъ движеній старыхъ солдатъ, но они славно выдерживаютъ атаку, а по этому-то и узнаются въ рядахъ люди, на которыхъ можно положиться.

Послѣ этихъ словъ старика Шмидта всѣ начали восхвалять новыя идеи, точно будто онъ подалъ знакъ къ большей искренности; и всѣ высказывали мысли, которыя давно скрывали. Коффель, вѣчно жалующійся на недостатокъ своего образованія, говорилъ, что всѣ дѣти должны были бы ходить въ школу на общественный счетъ, что Богъ не далъ особенной привиллегіи ни сердцу и умъ однимъ слосовіямъ въ ущербъ другимъ, что всякій имѣетъ одинаковое право быть умнымъ, кто бы онъ ни

былъ, дворянинъ или угольщикъ; что сорная трава не должна заглушать хорошей, какъ это было до сихъ поръ.

Тереза отвѣчала, что конвентъ присудилъ выдать пятьдесятъ милліоновъ франковъ для общественнаго образованія, выразивъ сожалѣніе, что не можетъ дать болѣе въ такое время, когда вся Европа возстала противъ него и когда приходится держать наготовѣ четырнадцать армій.

При этомъ, глаза Коффеля наполнились слезами, и я никогда не забуду, какъ онъ дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Ну, такъ пусть будетъ надъ нимъ благословеніе Франціи! Тѣмъ хуже для насъ, и если бы мнѣ пришлось все потерять, я все-таки душою буду за нею.

Кротоловъ долгое время молчалъ, но, начавъ разъ, рѣчамъ его не было конца; онъ требовалъ не только общественнаго образованія, но и самыхъ коренныхъ переворотовъ. Трудно вѣрилось, чтобы въ головѣ такого миролюбиваго человѣка могли слагаться подобныя мысли.

— Я говорю, что стыдно продавать войска, какъ стада быковъ!— торжественно вскричалъ онъ, протянувъ руку.— Но я говорю, что еще стыднѣе продавать судебныя мѣста, потому что судьи, чтобы воротить свои деньги и нажиться, продаютъ правосудіе, и я говорю, что всякій человѣкъ долженъ свободно дѣлать, что ему угодно: торговать, работать и безъ помѣхи возвышаться. Мнѣ кажется, что если трутни не хотятъ ни уходить, ни работать, то пчелы могутъ избавиться отъ нихъ, что всегда было и будетъ до скончанія вѣка.

Старикъ Шмидтъ, въ свою очередь, заявилъ, что онъ думаетъ одинаково съ кротоловомъ и Коффелемъ, а дядя, сидѣвшій до сихъ поръ спокойно, тоже изъявилъ свое сочувствіе этимъ естественнымъ и справедливымъ мнѣніямъ.

— Только,—говорилъ онъ,—вмѣсто того, чтобы стараться сдѣлать это все въ одинъ день, лучше итти медленнымъ и постепеннымъ путемъ, употребляя кроткія и убѣдительныя средства, какъ дѣлалъ Христосъ; это гораздо умнѣе и приведетъ къ лучшимъ результатамъ.

Тереза, улыбаясь, сказала ему:

— Ахъ, господинъ докторъ, разумѣется, такъ, если бы всѣ походили на васъ; но сколько ужъ столѣтій проповѣдуются людямъ доброта, кротость и справедливость? А между тѣмъ, развѣ

эти проповѣди хоть одного феодала сдѣлали лучше? Развѣ они обходятся съ крестьянами, какъ съ братьями... нѣтъ, нѣтъ! Очень печально, но война необходима. Въ послѣдніе три года Франція сдѣлала для правъ человѣка больше, чѣмъ сдѣлано было до нея въ восемнадцать вѣковъ. Повѣрьте мнѣ, самоотверженіе честныхъ людей—большое зло: оно придаетъ смѣлость негодяямъ и остается безъ всякаго хорошаго результата.

Всѣ присутствовавшіе были одного мнѣнія съ мадамъ Терезой, и дядя Яковъ уж приготовился отвѣчать, когда отворилась дверь, и почтальонъ Клеменцъ въ своей большой шляпѣ, обтянутой клеенкой, и съ желтой кожаной сумкой, подалъ ему газету.

— Не хотите ли кофе, Клеменцъ?—сказалъ ему дядя.

— Нѣтъ, господинъ Яковъ, спасибо... Я тороплюсь, всѣ письма запоздали... Въ другой разъ.

Онъ вышелъ, и мы видѣли, какъ онъ пробѣжалъ мимо нашихъ оконъ.

Дядя разорвалъ обложку газеты и торжественнымъ голосомъ сталъ читать новости тѣхъ отдаленныхъ временъ. Хотя я былъ тогда очень молодъ, но все помню; чтеніе походило на предсказанія кротолова и сильно интересовало меня. Старый «Листокъ» отзывался о республиканцахъ, какъ о какихъ-то сумасшедшихъ, задумавшихъ странное предпріятіе: измѣнить вѣчные законы природы. Сначала онъ упоминалъ объ ужасномъ наказаніи, которому подвергнулъ Юпитеръ титановъ, возмутившихся противъ его престола, раздавивъ ихъ горою, такъ что съ тѣхъ поръ несчастные извергаютъ пепелъ и пламя въ могилахъ Везувія и Этны. Потомъ онъ говорилъ о колоколахъ, отнятыхъ у католической святыни и передѣланныхъ въ пушки: онъ говорилъ объ этомъ, какъ о немыслимомъ святотатствѣ, потому что вещи, предназначенныя давать жизнь душѣ, употреблялись на убіеніе тѣла.

Еще онъ говорилъ, что ассигнаціи ничего не значатъ, и что скоро, когда дворяне опять вступятъ во владѣніе своими замками, а духовенство—монастырями, эти бумаги, безъ всякихъ залоговъ будутъ годиться только развѣ на растопку печей. Онъ убѣждалъ народъ не принимать ихъ ни за что.

За этимъ слѣдовалъ списокъ смертныхъ казней, и, къ несчастью, онъ былъ очень длиненъ. Кромѣ того, «Листокъ» восклицалъ, что республиканцы измѣнятъ поговорку: будто волки не ѣдятъ другъ друга.

Наконецъ, онъ смѣялся надъ новымъ лѣтосчисленіемъ, называемымъ республиканскимъ, въ которомъ мѣсяцы назывались: вандемьеромъ, брюмеромъ, фримеромъ, нивозомъ, плювіозомъ и т. д. Онъ говорилъ, что эти сумасброды хотятъ измѣнить ходъ свѣтилъ и перемѣшать времена года: изъ зимы сдѣлать лѣто, изъ весны—осень, такъ что неизвѣстно будетъ, когда нужно сѣять, когда жать, что въ этомъ нѣтъ никакого смысла, и что всѣ крестьяне во Франціи приходятъ отъ этого въ негодованіе.

Такъ говорилъ «Листокъ».

Во время чтенія Коффель и кротоловъ бросали другъ на друга отъ времени до времени задумчивые взгляды; Тереза и старикъ Шмидтъ сидѣли, погруженные въ думы: никто ничего не говорилъ. Дядя все читалъ, останавливаясь на мгнуту послѣ каждаго параграфа, а старые часы били свой вѣчный тактъ.

Въ концѣ рѣчь шла о войнѣ въ Вандеѣ, о взятіи Ліона, занятіи Тулона англичанами и испанцами, о вторженіи Вурмзера въ Эльзасъ и о битвѣ при Кайзерлаутернѣ, гдѣ эти знаменитые республиканцы бѣжали, какъ зайцы. «Листокъ» предсказывалъ конецъ республики къ слѣдующей веснѣ и заканчивалъ слѣдующими словами пророка Іереміи, обращаясь къ французскому народу: «Накажетъ тя отступленіе твое и злоба твоя обличитъ тя, понеже отъ вѣка сокрушилъ еси иго твое и распуталъ еси узы твоя, и увѣждь, яко зло и горько ти есть, понеже оставилъ Мя, Господа Бога твоего».

Послѣ этого дядя сложилъ газету и сказалъ:

— Чему остается вѣрить? Каждый день говорятъ намъ, что эта республика кончается: шесть мѣсяцевъ тому назадъ она была окружена со всѣхъ сторонъ, три четверти ея провинцій возстали противъ нея, Вандея одержала большія побѣды, и мы тоже; ну, а теперь! она почти отовсюду вытолкнула насъ, она держится противъ всей Европы, чего не могла бы вынести сильная монархія; мы уже не въ серединѣ ея провинцій, а только на ихъ границахъ, она приближается даже къ намъ, а намъ говорятъ, что она гибнетъ. Еслибъ эти вещи писались не ученымъ докторомъ Захаріусомъ, я усомнился бы въ справедливости ихъ.

— Ахъ, господинъ докторъ,— отвѣчала Тереза,—этотъ докторъ, можетъ быть, смотритъ на вещи съ той точки зрѣнія, съ какой ему хочется ихъ видѣть, это часто встрѣчается, и такихъ

людей нельзя упрекать въ неискренности, они не хотятъ обманывать другихъ, но обманываютъ сами себя.

— Я знаю только,—сказалъ, вставая, дѣдушка Шмидтъ,— что республиканскіе солдаты дерутся хорошо, и что если у французовъ наберется четыреста или пятьсотъ тысячъ такихъ же, какихъ я видѣлъ, то я боюсь болѣе за насъ, чѣмъ за нихъ. Вотъ, что я думаю. Что же касается до Юпитера, повергающаго людей подъ Везувій для того, чтобы тѣ извергали пламя, то это новый родъ батарей, мнѣ совершенно невѣдомыхъ, но на которыя мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть.

— Мнѣ же,—сказалъ кротоловъ,—мнѣ кажется, что этотъ докторъ Захаріусъ не знаетъ самъ, что говоритъ; если бы я составлялъ газету вмѣсто него, я составлялъ бы ее иначе.

Онъ наклонился къ печкѣ за углемъ, потому что чувствовалъ сильную потребность курить. Старикъ Шмидтъ послѣдовалъ его примѣру, и такъ какъ наступили уже сумерки, то они вмѣстѣ вышли, пожавъ руку дядѣ Якову и поклонившись мадамъ Терезѣ; за ними вышелъ и Коффель.

XIII.

На слѣдующій день Тереза уже занималась хозяйствомъ; она осматривала шкафы, развертывала скатерти, салфетки, рубашки и даже старое, совсѣмъ уже пожелтѣвшее бѣлье, сложенное еще бабушкою Ленель; она откладывала въ сторону все, что можно было еще починить, а Лизбета возилась въ прачечной.

Въ ручныхъ работахъ Тереза была неподражаема; эта женщина, которую мы считали способною только наливать по рюмкамъ водку и трястись въ своей одноколкѣ за толпою безпаспортниковъ, знала по хозяйству гораздо болѣе всякой аптатской кумушки. Она завела даже у насъ обычай вышивать гирлянды и мѣтить красными буквами хорошее бѣлье—обычай, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстный въ горахъ.

Кромѣ того, Тереза помогала Лизбетѣ въ кухнѣ, нисколько не мѣшая ей, зная, что старая прислуга не любитъ, чтобы совались въ ея дѣла.

— Однако, мадамъ Тереза,—говорила ей иногда старая служанка,—какъ перемѣняются мысли; въ первое время я терпѣть васъ не могла за вашу республику, а теперь, если бы вы вду-

мали уѣхать, мнѣ бы показалось, что весь домъ уѣзжаетъ, и что мы не можемъ жить безъ васъ.

— Такъ!—улыбаясь, отвѣчала она ей.—Это очень просто, у всякаго свои привычки; вы меня не знали, и я внушала вамъ недовѣріе; со всякимъ, на вашемъ мѣстѣ, было бы то же самое.

Потомъ она грустно прибавила:

— А уѣхать мнѣ придется, Лизбета: мѣсто мое не здѣсь, другія обязанности призываютъ меня.

Она все думала о своемъ батальонѣ, и когда Лизбета восклицала: «Нѣтъ, вы останетесь у насъ, теперь вы не можете уѣхать отъ насъ. Вы знаете, какъ васъ уважаютъ въ деревнѣ, и какъ смотрятъ на васъ порядочные люди. Бросьте вашихъ безпаспортниковъ, не дѣло хорошей женщинѣ попадать подъ пули или другія несчастія, скитаясь за солдатами. Мы не пустимъ васъ», —тогда она качала головой, и видно было, что не сегодня, такъ завтра она скажетъ: «Сегодня я уѣзжаю», и ничто не остановитъ ее.

Съ другой стороны, споры о войнѣ и о мирѣ все еще продолжались, и возобновлялъ ихъ дядя Яковъ. Всякое утро онъ сходилъ къ ней въ залу убѣждать ее, говоря, что миръ долженъ господствовать на землѣ, что въ первобытныя времена самъ Богъ устроилъ мирную жизнь не только между людьми, но и между животными; что всѣ бѣдствія приходятъ вмѣстѣ съ войной: чума, убійство, грабежъ, пожаръ; что въ государствѣ должна быть глава для поддержанія порядка, и, слѣдовательно, дворянство для поддержанія этой главы; что все это существовало всегда у евреевъ, египтянъ, ассиріянъ, грековъ и римлянъ; что римская республика понимала это, и что поэтому консулы и диктаторы были въ родѣ королей, и ихъ поддерживали благородные рыцари, стоявшіе выше народа; что таковъ былъ порядокъ вещей, и что измѣнить его можно было только къ невыгодѣ самихъ бѣдныхъ, потому что бѣдные, говорилъ онъ, во время безпорядковъ не находятъ средствъ для существованія и гибнутъ, какъ листья осенью, отрываясь отъ вѣтокъ, питавшихъ ихъ.

Онъ говорилъ долго и много; но у Терезы на все находились отвѣты, и она утверждала, что, по милости Божьей, всѣ люди имѣютъ равныя права; что преимущества должны даваться по достоинству, а не по рожденію; что законы мудрые, равные для всѣхъ, одни только могутъ установить справедливое различіе

между гражданами, одобряя поступки однихъ и осуждая поступки другихъ; что постыдно и нехорошо предоставлять всѣ почести и власть людямъ, не стоющимъ ихъ; что это значитъ унижать и самую власть, и почести—недостойными ихъ представителями, уничтожать у всѣхъ въ сердцахъ чувство справедливости, показывая, что справедливость не существуетъ, такъ какъ все зависитъ отъ случайности и привиллегіи; что для устройства такого положенія дѣлъ надо притупить людей, потому что существа разумныя не могутъ выносить того порядка, который развратилъ старую Францію; что надо всѣми силами бороться противъ тѣхъ, кто желаетъ униженія людей ради своей пользы, и что для этого можно прибѣгать даже къ войнѣ, правда, къ средству самому ужасному, но преступленіе котораго падаетъ на тѣхъ, кто принуждаетъ браться за него, желая основать вѣчное беззаконіе!

Выслушивая эти отвѣты, дядя всякій разъ глубоко задумывался. Случалось ли ему отправляться въ горы, онъ задумчиво садился на лошадь и цѣлый день измышлялъ новые и болѣе сильные доводы, чтобы убѣдить Терезу. Вечеромъ онъ возвращался въ болѣе веселомъ расположеніи духа, съ доводами, которые считалъ непогрѣшимыми; но это было не надолго, потому что Тереза не говорила ни о грекахъ, ни о египтянахъ, а тотчасъ же видѣла сущность дѣла и разбивала историческія доказательства дяди здравымъ смысломъ.

Несмотря на все это, дядя не только не сердился, но, напротивъ того, восклицалъ съ восторгомъ:

— Что вы за женщина, мадамъ Тереза! Не изучая никогда логики, вы отвѣчаете на все! Хотѣлось бы мнѣ очень посмотрѣть, какъ бы сталъ спорить съ вами редакторъ «Листка»; я увѣренъ, вы смутили бы его, несмотря на всѣ его знанія и истину, которую онъ защищаетъ; истина-то на нашей сторонѣ, но только я ее плохо защищаю.

Тутъ они оба смѣялись, а Тереза говорила:

— Вы отлично защищаете миръ, я съ вами согласна, только сначала постараемся избавиться отъ тѣхъ, которые хотятъ войны, а чтобы избавиться отъ нихъ, будемъ дѣйствовать не такъ, какъ они. Мы съ вами скоро договорились бы, потому что оба мы искренно желаемъ справедливости; но другихъ надо убѣждать пушечными выстрѣлами, такъ какъ они не хотятъ слушать другого голоса и не понимаютъ другихъ убѣжденій.

На такія слова дядя ничего не отвѣчалъ, и меня не мало удивляло, что онъ бывалъ доволенъ побѣдою надъ нимъ.

Послѣ этихъ великихъ политическихъ преній дядя всего болѣе находилъ удовольствіе, возвращаясь домой, заставать меня за урокомъ французскаго языка, когда Тереза сидѣла на стулѣ, обхвативъ меня за талію, а я стоялъ подлѣ, наклонившись надъ книгой. Онъ обыкновенно потихоньку входилъ, чтобы не обезпокоить насъ, молча садился за печкой, вытянувъ ноги и слушая съ какимъ-то восхищеніемъ; иногда онъ ждалъ съ полчаса, не снимая сапогъ и не надѣвая куртки: такъ боялся онъ развлечь меня и по окончаніи урока восклицалъ:

— Слава Богу, Фрицель! Какое счастье, что тебѣ начинаетъ нравиться этотъ превосходный языкъ, который такъ хорошо объясняетъ тебѣ Тереза. Какое счастье, что у тебя такой учитель! Ты только потомъ поймешь это.

Онъ цѣловалъ меня, совершенно растроганный.

Надо сознаться, что Тереза не надоѣдала мнѣ ни одной минуты своими уроками; когда она замѣчала, что вниманіе мое утомляется, она тотчасъ же разсказывала мнѣ какія-нибудь исторіи, придававшія мнѣ бодрость. Особенно любила она разсказывать мнѣ что-нибудь изъ республиканской исторіи, наполненной описаніями геройскихъ поступковъ, превосходными правоученіями, воспоминаніе о которыхъ навсегда останется при мнѣ.

Жизнь наша шла такимъ образомъ нѣсколько дней. Кротоловъ и Коффель приходили, по обыкновенію, каждый день; мадамъ Тереза совершенно оправилась, и, казалось, такъ должны были бы проходить цѣлые вѣка, какъ вдругъ одно неожиданное происшествіе разстроило нашу мирную жизнь, и довело дядю Якова до самыхъ рѣшительныхъ поступковъ.

XIV.

Разъ утромъ дядя Яковъ, сидя за печкой, глубокомысленно читалъ республиканскій Монитеръ, Тереза шила у окна, а я ждалъ удобнаго случая убѣжать съ Сципіономъ.

На улицѣ сосѣдъ нашъ Спикъ рубилъ дрова, и затѣмъ въ деревнѣ царствовала глубокая тишина.

Дядю, казалось, интересовало чтеніе; онъ отъ времени до времени поднималъ на насъ глаза, говоря:

— Славныя мысли у этихъ людей; они мелко не бродятъ, а думаютъ и дѣлаютъ, какъ настоящіе бойцы... Дѣйствительно, хорошо! Я понимаю, что юношество существуетъ ихъ догматомъ, потому что все молодое, здоровое тѣломъ и душою, любитъ добродѣтель; только люди, прежде времени состарившіеся отъ эгоизма и дурныхъ страстей, могутъ держаться противныхъ принциповъ. Какъ досадно, что такіе люди безпрестанно прибѣгаютъ къ насилію!..

Тереза улыбалась, а дядя снова принимался читать. Это продолжалось около получаса; Лизбета, выметя сѣни, пошла, по обыкновенію, немного посплетничать къ старой Розели; вдругъ у дверей нашихъ остановился какой-то верховой. Онъ былъ въ широкой синей шинели, бараньей шапкѣ, съ курносымъ носомъ и сѣрой бородой.

Дядя положилъ книгу въ сторону, и мы стали смотрѣть въ окно на незнакомца.

— За вами пріѣхали, вѣрно, отъ какого-нибудь больного, господинъ докторъ,—сказала Тереза.

Дядя не отвѣчалъ.

Человѣкъ, привязавъ лошадь къ столбу навѣса, вошелъ въ сѣни.

— Здѣсь господинъ докторъ Яковъ?—спросилъ онъ, отворивъ дверь.

— Это я.

— Вамъ письмо отъ доктора Фейербаха изъ Кайзерлаутерна.

— Прошу покорно садиться,—сказалъ дядя.

Человѣкъ не садился.

Дядя совершенно поблѣднѣлъ, читая письмо, и въ теченіе минуты казался въ такомъ смущеніи, что смотрѣлъ на мадамъ Терезу какимъ-то дикимъ взоромъ.

— Мнѣ велѣно привезти отвѣтъ, если будетъ,—сказалъ посланный.

— Скажите Фейербаху, что я его благодарю, другого отвѣта нѣтъ.

Потомъ, не сказавъ ничего болѣе, онъ вышелъ безъ шапки съ человѣкомъ, который пошелъ вдоль улицы въ харчевню «Золотой Кружки», ведя лошадь свою подъ уздцы. Вѣроятно, онъ передъ дорогой отправлялся выпить. Изъ оконъ же мы ви-

дѣли, какъ дядя прошелъ мимо подъ навѣсъ. Терезу, казалось, это обезпокоило.

— Фрицель,—сказала она.— сними дядѣ твоему шапку.

Я тотчасъ же побѣжалъ и засталъ дядю ходящимъ взадъ и впередъ подъ навѣсомъ; онъ все еще держалъ въ рукахъ письмо, точно не думая прятать его въ карманъ. Спикъ, стоя на порогѣ своего дома, скрестивъ руки, смотрѣлъ на него какъ-то странно; двое или трое изъ сосѣдей смотрѣли на него изъ своихъ оконъ.

На улицѣ было страшно холодно, и я воротился въ комнату. Тереза, сложивъ работу, задумалась, облокотившись на подоконникъ; я сѣлъ за печкой, не желая болѣе выбѣгать.

Въ дѣтствѣ своемъ я всегда вспоминалъ объ этомъ днѣ; но все, что случилось потомъ, представлялось мнѣ какимъ-то сномъ, потому что понять всего я не могъ, и только съ годами, припоминая послѣ, сообразилъ главные мотивы этого смутнаго времени.

Я хорошо помню, черезъ нѣсколько минутъ дядя вошелъ, говоря, что всѣ люди—мерзавцы, и что всѣ они хотятъ только вредить; помню, что онъ сѣлъ передъ маленькимъ окномъ у дверей и сталъ читать письмо друга своего, Фейербаха; что Тереза стояла слѣва въ своей кофтѣ съ мѣдными пуговицами и съ волосами, закрученными на затылокъ, стройная и спокойная.

Все это я точно сейчасъ вижу и Сципіона посреди комнаты, съ поднятой мордой и завороченнымъ хвостомъ. Письмо было написано на саксонско-нѣмецкомъ языкѣ, и я могъ только понять, что на дядю Якова донесли, будто онъ якобинецъ, у котораго собираются разные негодяи восхвалять республику, что о Терезѣ было тоже донесено, какъ о женщинѣ опасной, о которой республиканцы сожалѣютъ ради ея необыкновенной смѣлости, и что на слѣдующій день явится за ней прусскій офицеръ съ хорошимъ конвоемъ и свезетъ ее въ Майнцъ къ другимъ плѣннымъ.

Я тоже хорошо помню, что Фейербахъ совѣтовалъ дядѣ быть очень осторожнымъ, потому что пруссаки, послѣ побѣды въ Кайзерлаутернѣ, властвуютъ въ странѣ, что они хватаютъ всѣхъ опасныхъ людей и отсылаютъ ихъ даже въ Польшу, въ болотистую мѣстность, миль за двѣсти отсюда.

Мнѣ показалось совершенно непонятнымъ, что дядя, человѣкъ такой спокойный, миролюбивый, возмутился извѣщеніемъ и предостереженіемъ своего стараго товарища. Въ этотъ день наша мирная комната была свидѣтельницей страшной грозы, какой, вѣроятно, никогда не случалось видѣть. Дядя обвинялъ Фейербаха въ эгоизмѣ, въ готовности преклониться передъ пруссаками, обращавшимися съ герцогствомъ и съ горнымъ округомъ, какъ съ завоеванною страною; онъ кричалъ, что въ Майнцѣ, въ Трирѣ и Шпейерѣ существуютъ законы точно такъ же, какъ и во Франціи; что мадамъ Тереза была брошена, какъ мертвая, австрійцами, что нельзя требовать лицъ и вещей, брошенныхъ, что она была свободна, что онъ не позволитъ, что онъ будетъ протестовать, что онъ друженъ съ юрисконсультомъ Пфеффелемъ въ Гейдельбергѣ, что онъ будетъ писать, защищать себя, что перевернетъ весь міръ вверхъ дномъ, что еще посмотрятъ, позволитъ ли Яковъ Вагнеръ поступать съ собой такимъ образомъ; что будутъ поражены тѣмъ, что можетъ сдѣлать человѣкъ миролюбивый за справедливость и право.

Говоря это, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ всклоченными волосами; онъ смѣшивалъ всѣ, приходившіе ему въ голову, старые приказы и говорилъ ихъ по-латыни. Онъ говорилъ тоже и нѣкоторыя изреченія о правахъ человѣка, только что прочитанныя имъ, иногда останавливался и, сильно топая ногою и подгибая колѣно, восклицалъ:

— Я говорю на основаніи правъ, на желѣзномъ основаніи нашихъ хартій. Пусть пріѣдутъ пруссаки... пусть пріѣдутъ! Эта женщина моя, я взялъ ее и спасъ ее: Вещь брошенная res derelicta est res publica, res vulgata».

Не знаю ужъ, откуда онъ всему этому выучился; вѣрно, въ гейдельбергскомъ университетѣ, слушая споры товарищей между собою. Но тогда всѣ эти старыя фразы пришли ему въ голову, и онъ отвѣчалъ точно десяти человѣкамъ.

Въ продолженіе всего этого времени, Тереза была совершенно покойна, и продолговатое лицо ея казалось задумчивымъ; цитаты дяди, разумѣется, удивляли ее, но, привыкнувъ смотрѣть на вещи прямо, она понимала свое положеніе. Только черезъ полчаса, когда дядя отворилъ свою конторку и сѣлъ писать къ юрисконсульту Пфеффелю, она тихо положила руку свою къ нему на плечо и сказала растроганнымъ голосомъ:

— Не пишите, докторъ Яковъ, это безполезно. Не успѣетъ письмо ваше дойти, какъ я уже буду далеко.

Дядя взглянулъ на нее, поблѣднѣвъ.

— Вы хотите ѣхать?—спросилъ онъ, весь дрожа.

— Я плѣнная,—сказала она,—я это знала; я надѣялась только, что республиканцы сдѣлаютъ новую попытку и освободятъ меня по дорогѣ въ Ландау; но такъ какъ этого не случилось, надо ѣхать.

— Вы хотите ѣхать?—съ отчаяніемъ повторилъ дядя.

— Да, господинъ докторъ, я хочу ѣхать, чтобы избавить васъ отъ большихъ непріятностей. Вы слишкомъ добры, слишкомъ великодушны, чтобы понять жестокіе военные законы: вы понимаете только справедливость! Но во время войны дѣйствуетъ только сила, а справедливость не существуетъ. Пруссаки побѣдили, они придутъ и возьмутъ меня, потому что въ этомъ состоитъ ихъ служба. Солдаты знаютъ только свою службу: законъ, жизнь, честь, разумъ людей ничего не значатъ, служба прежде всего.

Опрокинувшись на спинку кресла съ глазами, полными слезъ, дядя не зналъ, что отвѣчать; онъ взялъ только руку Терезы и пожалъ ее съ ужаснымъ волненіемъ; потомъ приподнялъ совершенно разстроенное лицо свое, сталъ ходить, предавая угнетателей рода человѣческаго проклятію будущихъ вѣковъ, самъ же проклиналъ Рихтера и всѣхъ ему подобныхъ мерзавцевъ, громовымъ голосомъ объявляя, что республиканцы правы, защищая себя, что дѣло ихъ правое—это ему теперь ясно, и что всѣ старые законы, вся старая дрянь приказовъ, узаконеній и различныхъ постановленій приносили пользу только одной знати противъ слабыхъ и бѣдныхъ. Щеки его пылали, самъ онъ шатался и не говорилъ, а шипѣлъ, что все должно быть разрушено до основанія, что должны восторжествовать только храбрость и добродѣтель, и, наконецъ, протянувъ руки къ Терезѣ и придя въ какой-то энтузіазмъ, предложилъ ей сѣсть съ нимъ въ сани и отправиться на высокую гору къ одному его пріятелю дровосѣку, гдѣ она будетъ въ безопасности; онъ взялъ ее за обѣ руки и прибавилъ:

— Отправляемся... уѣдемъ... вамъ будетъ отлично у старика Ганглофа... это вполнѣ преданный мнѣ человѣкъ... Я спасъ его

и его сына... они скроетъ васъ... пруссаки не пойдутъ искать васъ въ ущельяхъ Лаутерфельца!

Но Тереза отказалась, говоря, что, если пруссаки не застанутъ ее въ Анштатѣ, они арестуютъ вмѣсто нея дядю, а что она согласится лучше умереть отъ усталости и холода на большой дорогѣ, чѣмъ подвергать такому несчастію человѣка, спасшаго ей жизнь.

Она сказала это твердымъ голосомъ, но дядя не понималъ тогда подобныхъ доводовъ. Я помню, что ему казалось всего непріятнѣе, что мадамъ Терезѣ придется ѣхать съ варварами, дикими людьми, являвшимися изъ далекой Померанiи; эта мысль преслѣдовала его, и онъ воскликналъ:

— Вы слабы... вы еще больны... эти пруссаки ничего не уважаютъ... это народъ нахальный и грубый! Вы не знаете, какъ они обращаются съ плѣнными, а я видѣлъ, какъ... это позоръ для моего отечества. Мнѣ хотѣлось бы скрыть это, но теперь приходится сознаться, они обращаются подло!

— Это такъ, господинъ докторъ,—отвѣчала она.—я знаю это отъ бывшихъ въ плѣну людей нашего батальона: мы пойдемъ по двое или по четыре въ рядъ, грустные, иногда голодные, часто будемъ терпѣть отъ грубости и нападковъ конвоя. Но деревенскiе жители ваши—люди добрые и хорошiе... въ нихъ есть жалость, а французы народъ веселый, г. докторъ, такъ что трудно будетъ только переходъ, да и то найдется десять—двадцать человѣкъ, готовыхъ нести мой узелокъ: французы берутъ женщинъ. Я заранѣе это знаю,—замѣтила она, грустно улыбаясь,—кто-нибудь изъ насъ пойдетъ впередъ, распѣвая старосвѣтскую пѣсню, для такта, или болѣе веселенькую провансальскую пѣсенку, чтобы освѣтить ваше сѣренькое небо; мы не будемъ такъ несчастливы, какъ вы предполагаете, г. докторъ.

Она говорила это тихимъ, нѣсколько дрожащимъ голосомъ; слушая ея рѣчи, я представлялъ ее себѣ съ ея маленькимъ узелкомъ въ вереницѣ плѣнныхъ, и сердце мое надрывалось. Да, тутъ только я почувствовалъ, какъ мы любили ее, какъ страдали, сознавая, что она должна уѣхать. Я вдругъ залился слезами, а дядя, сѣвъ за конторку, закрылъ лицо руками и молчалъ, но крупныя слезы тихо катились по его морщинистымъ рукамъ. Сама Тереза, видя все это, не могла утерпѣть и начала рыдать; она тихо обняла меня и, цѣлуя, говорила:

— Не плачь, Фрицель, не плачь такъ... Иногда вы будете вспоминать обо мнѣ, не такъ ли? Я же никогда не забуду васъ!

Только одинъ Сципіонъ сохранилъ спокойствіе, ходя вокругъ печки; онъ смотрѣлъ на насъ, не понимая нашего горя.

Едва къ десяти часамъ, услыхавъ, что Лизбета разводитъ огонь въ кухнѣ, мы нѣсколько успокоились.

Тогда дядя, сильно сморщившись, сказалъ:

— Мадамъ Тереза, вы поѣдете, такъ какъ вы непремѣнно этого желаете; но я никакъ не могу согласиться, чтобы эти наглые пруссаки пріѣхали сюда схватить васъ, какъ какую-нибудь воровку, и повели по всей деревнѣ. Если хоть одинъ изъ этихъ скотовъ скажетъ вамъ грубое слово, я не выдержу... потому что теперь терпѣнію моему конецъ; я чувствую это, я пойду на какую-нибудь неблагоразумную крайность. Позвольте же мнѣ самому свезти васъ въ Кайзерлаутернъ до пріѣзда этихъ людей. Мы выѣдемъ рано поутру, часа въ четыре или въ пять, въ моихъ саняхъ, поѣдемъ мы по окольнымъ дорогамъ, а часовъ въ двѣнадцать, никакъ не позже, будемъ уже тамъ. Согласны?

— О, господинъ докторъ, какъ же могу я отказаться отъ этого послѣдняго доказательства вашей дружбы?—сказала она, растроганная.—Съ благодарностью принимаю.

— Такъ это такъ и будетъ,— серьезно сказалъ дядя.—А теперь вытремъ слезы, отстранимъ, насколько можно, эти грустныя мысли, чтобы не слишкомъ омрачать послѣднія оставшіяся намъ минуты.

Онъ подошелъ поцѣловать меня и, откидывая со лба моего волосы, сказалъ:

— Фрицель, ты добрый ребенокъ, у тебя хорошее сердце! Помни, что дядя Яковъ былъ въ этотъ день доволенъ тобою. Хорошо, когда можно сказать себѣ, что доставилъ удовольствіе людямъ, любящимъ насъ.

XV.

Съ этой минуты тишина снова водворилась у насъ. Всѣ мы думали объ отъѣздѣ Терезы, о томъ, какъ будетъ пусто у насъ безъ нея, о скукѣ, которая появится у насъ на нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, о хорошихъ вечерахъ, проведенныхъ нами вмѣстѣ, о сожалѣніи кротолова, Коффеля и старика Шмидта, когда они

узнаютъ объ этой грустной новости, и чѣмъ больше мы думали, тѣмъ больше находили причинъ отчаяваться.

Всего грустнѣе было мнѣ разстаться съ другомъ моимъ Сципіономъ: я не смѣлъ сказать объ этомъ, но при мысли, что онъ уѣдетъ, что я не буду больше бѣгать съ нимъ по деревнѣ, что я не буду болѣе заставлять его показывать свое знаніе, и что буду, какъ прежде, гулять одинъ, засунувъ руки въ карманы и нахлобучивъ колпакъ, безъ почестей и безъ славы, я приходилъ въ совершенное отчаяніе. Горе мое увеличилось еще болѣе, когда Сципіонъ пришелъ, сѣлъ серьезно и задумчиво передо мной и сталъ смотрѣть на меня такъ печально, какъ будто бы понималъ, что мы должны навѣки разстаться. Да, даже и теперь, когда я думаю объ этомъ, я удивляюсь, что мои густыя бѣлокурыя кудри не посѣдѣли тогда отъ этихъ печальныхъ размышленій. Я не могъ даже плакать, такъ велика была моя печаль, а сидѣлъ, подпявъ вверхъ носъ, закусивъ мои толстыя губы и обхвативъ руками одно колѣно.

Дядя ходилъ взадъ и впередъ и отъ времени до времени тихо кашлялъ, ускоряя при этомъ шаги.

Тереза, вѣчно дѣятельная, несмотря на свою печаль и заплаканные глаза, отворила шкафъ со старымъ бѣльемъ и выкраивала изъ грубаго холста мѣшокъ съ двумя тесьмами, чтобы положить въ него свои дорожныя вещи; ножницы скрипѣли отъ рѣзанія, и она, съ обычною своею ловкостью, складывала кусочки. Когда все было приготовлено, она вынула изъ кармана иголку и нитки, сѣла, надѣла наперстокъ, и съ этой минуты только и видно было быстрое, какъ молнія, движеніе ея руки.

Все это происходило въ глубочайшемъ молчаніи; по комнатѣ только и раздавались тяжелые шаги дяди и равномѣрные удары нашихъ старыхъ часовъ, которые, несмотря ни на наши радости, ни на печали, не прибавляли и не убавляли хода. Такъ идетъ и жизнь: время не спрашиваетъ: «скучно ли вамъ? весело ли вамъ? смѣетесь ли вы? плачете ли? весна ли, осень ли или зима теперь?» Оно все идетъ, все идетъ!

Лизбета пришла въ двѣнадцать часовъ накрывать на столъ, дядя остановился и сказалъ ей:

— Къ завтрашнему утру записки маленькій окорокъ, мадамъ Тереза уѣзжаетъ.

И когда старуха, пораженная, какъ громомъ, устремила на него взглядъ свой, онъ сказалъ ей глухимъ голосомъ:

— Пруссаки требуютъ ее, сила на ихъ сторонѣ... надо уступить.

Послѣ этого Лизбета поставила на столъ тарелки и, смотря на каждаго изъ насъ по очереди, поправила на головѣ у себя чепецъ, какъ будто новость эта могла привести его въ безпорядокъ; потомъ она сказала:

— Мадамъ Тереза уѣзжаетъ?.. Этого быть не можетъ.. Я и вѣрить не хочу!

— Надо, моя милая Лизбета,—грустно отвѣчала Тереза,— надо, я плѣнница... за мною посылаютъ.

— Пруссаки?

— Да, пруссаки.

При этомъ старуха, задыхаясь отъ негодованія, сказала:

— Я всегда думала, что эти пруссаки не Богъ знаетъ что такое, сбродъ негодяевъ, настоящихъ разбойниковъ! Преслѣдовать честную женщину! Будь у мужчинъ хоть на грошъ сердца развѣ они позволили бы это?

— А что же ты сдѣлала бы?—спросилъ ее дядя, лицо котораго оживилось, потому что негодованіе старухи въ душѣ доставляло ему удовольствіе.

— Я? Я зарядила бы свои пистолеты! — вскричала Лизбета.—Я закричала бы имъ въ окно: «пошли своей дорогой разбойники! Не входите или берегитесь!» И перваго, кто осмѣлился бы переступить порогъ, я растянула бы мертвымъ, да мертвымъ, каждаго негодяя.

— Да, да,—подтвердилъ дядя,—такъ бы и надо принимать подобныхъ людей, но сила не на нашей сторонѣ.

Потомъ онъ опять началъ ходить, а Лизбета, дрожа всѣмъ тѣломъ, ставила приборы.

Тереза не говорила ни слова.

Когда столъ былъ накрытъ, мы молча стали обѣдать. И только къ концу дядя сходилъ въ погребъ за бутылкой стараго бургонскаго и, возвратившись, печально сказалъ:

— Разсѣемъ немножко нашу тоску и закалимъ себя противъ горя, случившагося съ нами. Пусть передъ отъѣздомъ вашимъ

мадамъ Тереза, это старое вино развеселитъ насъ, какъ солнечный лучъ, и разгонитъ на нѣсколько минутъ тучи, окружившія насъ.

Онъ сказалъ это твердымъ голосомъ, и мы почувствовали, что какъ будто немного успокоились.

Но черезъ нѣсколько минутъ, когда онъ сказалъ Лизбетѣ, чтобы она принесла себѣ стаканъ—выпить съ нами за здоровье мадамъ Терезы, и когда бѣдная старуха залилась слезами, закрывъ лицо передникомъ, твердость наша исчезла, и мы всѣ начали горько рыдать.

— Да, да,—говорилъ дядя,—намъ было хорошо вмѣстѣ... вотъ исторія жизни человѣческой: счастливыя минуты пролетѣли быстро, а печаль длится вѣка. Тотъ, Кто смотритъ на насъ оттуда, знаетъ, что мы не заслужили такихъ страданій, что злые люди огорчили насъ; но Онъ знаетъ также, что сила, истинная сила у него въ рукахъ, и что Онъ можетъ, когда захочетъ, возвратить намъ счастье. Поэтому-то Онъ и допускаетъ такую несправедливость, потому что увѣренъ въ воздаяніи. Будемъ покойны и возложимъ упованіе на Него.—За здоровье мадамъ Терезы!

Мы всѣ выпили съ глазами, полными слезъ.

Послѣ обѣда дядя особенно наказывалъ Лизбетѣ не распространять вѣсти этой по деревнѣ, а иначе Рихтеръ и всѣ подобные ему мерзавцы завтра придутъ пораньше, чтобы видѣть отъѣздъ мадамъ Терезы и насладиться нашимъ униженіемъ. Она поняла это и обѣщала держать языкъ за зубами. Послѣ этого дядя ушелъ къ кротолову.

Все время послѣ обѣда я не выходилъ изъ дому. Тереза продолжала готовиться въ дорогу. Лизбета помогала ей и хотѣла напихать ей въ мѣшокъ кучу вещей, совершенно безполезныхъ, говоря, что въ дорогѣ все пригодится, и что когда-то она ѣздила въ Пирмазенсъ и не мало жалѣла, что не взяла гребенки и ленъ.

Тереза улыбнулась.

— Нѣтъ, Лизбета,—говорила она,—вспомните, что вѣдь я не ѣду въ экипажѣ, и что все это придется тащить на спинѣ: три хорошихъ рубашки, три платка, двѣ пары башмаковъ и нѣсколько паръ чулокъ — совершенно довольно. На всякомъ привалѣ останавливаются на часъ или на два у колодца и сти-

*

раютъ.—Вы не знаете, какъ солдаты стираютъ? — Господи, сколько разъ стирывала я такъ! Мы, французы, любимъ чистоту, и всегда чисты, несмотря на маленькій узелокъ.

Она казалась довольно веселою, и только, обращаясь иногда къ Сципіону съ дружескими словами, голосъ ея дѣлался грустнымъ, и причину этого я понялъ только, когда воротился дядя.

Время, между тѣмъ, шло, и къ четыремъ часамъ начало смеркаться: все было готово къ отъѣзду, и мѣшокъ съ вещами Терезы висѣлъ уже на стѣнѣ. Она сѣла за печкой, молча посадивъ меня къ себѣ на колѣни; Лизбета пошла въ кухню готовить ужинъ: никто изъ насъ не говорилъ ни слова; бѣдная мадамъ Тереза, вѣрно, думала о томъ, что ожидало ее по дорогѣ въ Майнцъ, посреди своихъ товарищей по несчастью; она молчала, и я чувствовалъ на щекѣ своей ея тихое дыханіе.

Такъ прошло съ полчаса, и уже стало совершенно темно, когда дядя отворилъ дверь, спросивъ:

— Вы тутъ, мадамъ Тереза?

— Да, господинъ докторъ.

— Хорошо... хорошо... Я навѣстилъ своихъ больныхъ... предупредилъ Коффеля, кротолова и старика Шмидта... Все идетъ на ладъ, сегодня вечеромъ они придутъ сюда проститься.

Голосъ его былъ тверже прежняго. Онъ самъ пошелъ въ кухню за свѣчей, и по возвращеніи, увидавъ насъ вмѣстѣ, былъ этимъ, кажется, очень доволенъ.

— Фрицель ведетъ себя хорошо,—сказалъ онъ. — Теперь онъ лишится вашихъ превосходныхъ уроковъ, но я надѣюсь, что онъ будетъ теперь одинъ читать по-французски, помня всегда, что человѣкъ пріобрѣтаетъ значеніе своими знаніями. Я на это надѣюсь.

— Тутъ Тереза въ подробности показала ему свой дорожный мѣшокъ; она улыбалась, а дядя сказалъ:

— Что за счастливый характеръ у этихъ французовъ! Среди самыхъ сильныхъ бѣдствій они сохраняютъ свою врожденную веселость, отчаянье ихъ никогда не продолжается долго. Вотъ что называю я самымъ лучшимъ, самымъ завиднымъ даромъ жизни.

Изъ всего этого дня, воспоминаніе о которомъ никогда не исчезнетъ изъ моей памяти, потому что въ этотъ день я въ

первый разъ видѣлъ печаль любимыхъ мною людей,—изъ всего этого дня меня всего болѣе тронуло происшествіе, случившееся послѣ ужина, когда Тереза, тихо сидя за печкой, положивъ голову Сципіона себѣ на колѣни и задумчиво глядя въ глубь темной комнаты, вдругъ начала говорить:

— Господинъ докторъ, я вамъ такъ обязана... а между тѣмъ мнѣ приходится еще обратиться къ вамъ съ просьбою.

— Что такое, мадамъ Тереза?

— Хочу просить васъ оставить у себя моего бѣднаго Сципіона... взять его на память обо мнѣ... Пусть онъ будетъ товарищемъ Фрицеля, какъ былъ моимъ, и избавится отъ новыхъ испытаній, которыя предстоятъ мнѣ, какъ плѣнной.

Когда она говорила это, сердце мое замерло, и я весь задрожалъ отъ счастья и блаженства. Я сгорбился на своемъ низенькомъ стулѣ передъ печкой, притащивъ Сципіона къ себѣ, запустилъ свои толстыя, красныя руки въ его густую шерсть и, въ полномъ смыслѣ слова, облился слезами; мнѣ точно будто возвратили вдругъ всѣ земныя и небесныя блага, потерянныя мною.

Дядя съ удивленіемъ глядѣлъ на меня; онъ, вѣроятно, понялъ, что я вытерпѣлъ, думая о необходимости разстаться съ Сципіономъ, потому что, вмѣсто того, чтобы замѣтить Терезѣ, что она приноситъ жертву,—онъ просто сказалъ:

— Принимаю, мадамъ Тереза, принимаю для Фрицеля, для того, чтобы онъ помнилъ, какъ вы любили его, чтобы не забывалъ, что въ минуту большого горя вы оставили ему въ знакъ привязанности вашей доброе, вѣрное животное, товарища не только своего, но и маленькаго Жана, вашего брата,—для того, чтобы онъ помнилъ и тоже любилъ.

Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Фрицель, что ты не благодаришь мадамъ Терезу?

Тутъ я всталъ и, отъ слезъ не имѣя силъ говорить, бросился къ ней на шею: я не отходилъ болѣе отъ нея, а стоялъ около, положивъ руку ей на плечо, сквозь слезы смотрѣлъ на сидѣвшаго у ногъ нашихъ Сципіона и трогалъ его пальцами съ чувствомъ невыразимой радости.

Я долго не могъ успокоиться. Тереза, цѣлуя меня, говорила:

— У этого мальчика доброе сердце. онъ скоро привязывается, это хорошо!

Это еще болѣе увеличивало мои слезы. Она поправила волосы съ моего лба и видимо волновалась.

Послѣ ужина пришли Коффель, кротоловъ и старикъ Шмидтъ, серьезные и съ шапками подъ мышками; они выразили Терезѣ сожалѣніе свое о томъ, что она уѣзжаетъ, и негодованіе противъ негодяя Рихтера, которому всѣ приписывали доносъ, такъ какъ онъ одинъ былъ способенъ на такую подлость.

Всѣ усѣлись вокругъ печи; сожалѣніе этихъ добрыхъ людей трогало Терезу, но, несмотря на то, она сохраняла свой твердый и рѣшительный характеръ.

— Друзья мои,—сказала она,—если бы свѣтъ былъ усѣянъ розами и если бы всюду встрѣчались люди съ душою, сочувствующіе справедливости и истиннымъ правамъ, какая была бы заслуга стоять за эти принципы? Право, не стоило бы и жить тогда! Намъ досталось на долю счастье жить во время великихъ переворотовъ, когда борятся за свободу; по крайней мѣрѣ, о насъ будутъ говорить, и существованіе наше не пройдетъ безъ пользы: всѣ наши несчастія, всѣ страданія, вся кровь, пролитая нами, создадутъ удивительную картину для будущихъ поколѣній; всѣ негодяи будутъ дрожать при мысли, что, встрѣтивъ насъ, они были бы уничтожены, и всѣ великія души будутъ сожалѣть, что не могли принять участія, въ нашихъ работахъ. Вотъ сущность дѣла. Не жалѣйте же меня, я горжусь и счастлива тѣмъ, что могу страдать за Францію, представительницу передъ міромъ свободы, правосудія и права.—Вы, можетъ быть, думаете, что насъ побѣдили? Ошибаетесь: вчера мы только отступили на шагъ, а завтра сдѣлаемъ двадцать впередъ. И если, по несчастью, Франція перестанетъ когда-нибудь быть представительницей того праваго дѣла, которое мы защищаемъ,—другіе народы займутъ наше мѣсто и станутъ продолжать нашу работу, потому что свобода, справедливость—безсмертны, и всѣмъ деспотамъ міра не удастся уничтожить ихъ. Что же касается меня, то я отправляюсь въ Майнцъ и, можетъ быть, пойду въ Пруссію подъ конвоемъ солдатъ герцога Брауншвейгскаго; но помните, что я говорю вамъ: республиканцы только на

первомъ своемъ привалѣ, и я увѣрена, что не пройдетъ и года, какъ они придутъ и освободятъ меня.

Такъ говорила эта гордая женщина, улыбаясь и сверкая глазами. Видно было, что для нея не существовало бѣдствій, и каждый изъ присутствовавшихъ думалъ: «Если у этихъ безпаспортниковъ женщины такія, каковы же должны быть мужчины»?

Коффель блѣднѣлъ отъ удовольствія, слушая ее; кротоловъ подмигивалъ дядѣ и шепотомъ говорилъ:

— Все это знаю я давно, все это написано у меня въ книгѣ: надо, чтобы все это случилось... это написано!

Старикъ Шмидтъ, спросивъ позволеніе закурить трубку, выпускалъ клубъ за клубомъ дыма и говорилъ сквозь зубы:

— Какое несчастье, что мнѣ не двадцать лѣтъ, я пошелъ бы на службу къ этимъ людямъ! Вотъ что мнѣ надо было... Что помѣшало бы мнѣ сдѣлаться генераломъ, какъ всякому другому? Какое несчастье!

Наконецъ, когда пробило девять часовъ, дядя сказалъ:

— Ужъ поздно... надо уѣхать до свѣту... Я думаю, мы хорошо сдѣлаемъ, если передъ тѣмъ отдохнемъ.

Всѣ встали въ какомъ-то смущеніи и расцѣловались, какъ старые знакомые, обѣщая никогда не забывать другъ друга. Коффель и Шмидтъ вышли первые, кротоловъ же и дядя съ минуту говорили о чемъ-то на порогѣ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, вся земля казалась бѣлою; темно-синее небо горѣло міріадами звѣздъ. Тереза и я съ Сципіономъ вышли посмотрѣть на эту великолѣпную картину, глядя на которую понимаешь мелочность и тщеславіе людскихъ поступковъ и поражаешься ея безконечнымъ величіемъ.

Потомъ ушелъ и кротоловъ, еще разъ пожавъ дядѣ руку; его было видно, точно днемъ, какъ онъ удалялся по улицѣ. На углу Крапивной улицы онъ скрылся, и такъ какъ холодъ былъ сильный, то мы вошли въ комнаты, пожелавъ другъ другу спокойной ночи.

На порогѣ моей комнаты дядя поцѣловалъ меня и, прижимая къ сердцу, сказалъ какимъ-то страннымъ голосомъ:

— Фрицель... работай... работай... и веди себя хорошо, дитя мое!

Онъ вошелъ къ себѣ въ сильномъ волненіи.

Я же только и думалъ о счастьи обладать Сципіономъ. Придя въ свою комнату, я положилъ его къ себѣ въ ноги, между периной и деревомъ кровати; онъ улегся тамъ совершенно спокойно, положивъ голову между лапъ; я слышалъ, какъ отъ дыханія поднимались его ребра, и не промѣнялъ бы судьбы своей на судьбу любого германскаго короля.

Было десять часовъ, а я еще не могъ заснуть, мечтая о моемъ счастьи. Дядя ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ; я слышалъ, какъ онъ отворилъ конторку, затопилъ печку—въ первый разъ въ ту зиму.—Вѣрно онъ совсѣмъ не ляжетъ, подумалъ я, и съ этой мыслью самъ глубоко заснулъ.

XVI.

На церковной башнѣ пробило девять часовъ, когда я проснулся отъ шума и бряцанья оружія передъ нашимъ домомъ; лошади топали по замерзшей землѣ, у дверей нашихъ слышался разговоръ.

Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что пріѣхали пруссаки за мадамъ Терезой, и я отъ всей души пожелалъ, чтобы дядя не оказался такой совой, какъ я. Черезъ двѣ минуты я уже сходилъ съ лѣстницы и въ дверяхъ сѣней увидалъ пять или шесть гусаровъ, закутанныхъ въ доломаны; большіе ножны ихъ сабель висѣли ниже стремянъ, а сабли они держали въ рукахъ. Офицеръ, маленькій, худенькій блондинъ съ впалыми щеками, съ розовыми скулами и большими рыжими усами, стоялъ поперекъ порога, верхомъ на большой вороной лошади, а Лизбета, съ метлою въ рукахъ и перепуганная, отвѣчала ему.

Нѣсколько поодаль стоялъ полукругомъ народъ, разинувъ ротъ и пялясь другъ черезъ друга, желая разслушать разговоръ. Въ первомъ ряду стоялъ кротоловъ, засунувъ руки въ карманы, и улыбавшійся Рихтеръ, прищуривъ глаза, какъ старая лисица на пирушкѣ. Онъ, вѣрно, пришелъ насладиться смущеніемъ дяди.

— Такъ вашъ хозяинъ и плѣнница вмѣстѣ уѣхали сегодня поутру?—говорилъ офицеръ.

— Да, господинъ командиръ,—отвѣчала Лизбета.

— Въ которомъ часу?

— Около пяти или шести часовъ, господинъ командиръ. Еще было совсѣмъ темно. Я сама прицѣпила фонарь на оглоблѣ саней.

— Такъ васъ предупредили о нашемъ пріѣздѣ?—сказалъ офицеръ, бросая на нее проницательный взглядъ.

Лизбета смотрѣла на кротолова, который отдѣлился отъ толпы и, нисколько не смутившись, отвѣтилъ за нее:

— Съ вашего позволенія, я видѣлъ доктора Якова вчера вечеромъ, онъ мнѣ пріятель... Эта старушонка ничего не знаетъ... Докторъ давно уже тяготился француженкой и хотѣлъ избавиться отъ нея, и когда увидѣлъ, что она въ состояніи перенести ѣзду, онъ и воспользовался первымъ случаемъ.

— Да какъ же мы не встрѣтили ихъ по дорогѣ?—вскричалъ пруссакъ, осматривая кротолова съ ногъ до головы.

— Да вы ѣхали по луговой дорогѣ, а докторъ, вѣрно, поѣхалъ по горной, черезъ Вальдекъ; въ Кайзерлаутернъ идутъ нѣсколько дорогъ.

Офицеръ, не отвѣчая ни слова, соскочилъ съ лошади, вошелъ въ комнату, толкнулъ дверь въ кухню и сдѣлалъ видъ, что осматриваетъ все вокругъ; потомъ онъ вышелъ и сказалъ, садясь на лошадь:

— Дѣло наше сдѣлано, остальное насъ не касается.

Онъ направился къ «Золотой Кружкѣ», солдаты поѣхали за нимъ, а толпа разошлась, разсуждая объ этомъ странномъ происшествіи. Рихтеръ былъ сконфуженъ и точно оскорбленъ. Спикъ искоса смотрѣлъ на насъ; они вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ харчевни, а Сципіонъ, стоявшій за ними на лѣстницѣ, выскочилъ и сталъ изо всей мочи лаять.

Гусары подкрѣпились въ «Золотой Кружкѣ»; потомъ мы видѣли, какъ они проѣхали мимо насъ въ Кайзерлаутернъ, и затѣмъ о нихъ болѣе ничего не слыхали.

Мы съ Лизбетой думали, что дядя воротится въ ночь; но прошелъ день, другой, третій, а онъ не только не пріѣзжалъ, но даже и не писалъ, и мы начали безпокоиться.

Сципіонъ то сбѣгалъ внизъ, то прибѣгалъ опять на верхъ; онъ съ утра до ночи нюхалъ порогъ, призывая мадамъ Терезу, завывая и жалобно плача. Отчаянье его подѣйствовало и на насъ, въ голову намъ приходили тысячи несчастій.

Кротоловъ приходилъ каждый вечеръ навѣщать насъ и говорилъ намъ:

— Нѣтъ! Ничего не можетъ быть! Докторъ хотѣлъ похлопотать о мадамъ Терезѣ,—не могъ же онъ отпустить ее съ плѣнными, это было бы безразсудно; онъ, вѣрно, просилъ аудіенціи у фельдмаршала герцога Брауншвейгскаго, и старается помѣстить ее въ кайзерлаутернскій госпиталь... На всѣ эти хлопоты надо время... Успокойтесь, онъ воротится.

Такія слова нѣсколько оправляли насъ, тѣмъ болѣе, что кротоловъ, казалось, нисколько не безпокоился; онъ курилъ свою трубочку, сидя за печкой, протянувъ ноги и точно о чемъ-то мечтая.

Къ несчастью, лѣсной сторожъ Родихъ, жившій въ лѣсу по дорогѣ въ Ширмазенсъ, гдѣ находились тогда французы, придя съ рапортомъ въ аншатскій приказъ, остановился на минуту въ харчевнѣ Опика и разсказывалъ, что три дня тому назадъ, около восьми часовъ утра, дядя Яковъ проѣзжалъ съ мадамъ Терезой мимо лѣсной дорожки и даже останавливался въ ней погрѣться и выпить стаканъ вина. Онъ разсказывалъ тоже, что дядя казался совершенно веселымъ и что у него въ карманахъ въ шубѣ было два большихъ пистолета.

Тогда разнесся слухъ, что докторъ Яковъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Кайзерлаутернъ, свезъ плѣнную къ республиканцамъ, и такое извѣстіе произвело страшное смятеніе; Рихтеръ и Спикъ всюду кричали, что его стоило бы разстрѣлять, что это мерзость и что слѣдовало бы конфисковать его имущество.

Кротоловъ и Коффель отвѣчали, что докторъ, вѣрно, сбился съ дороги по случаю сильныхъ снѣговъ, что онъ повернулъ налѣво въ гору, вмѣсто того, чтобы повернуть направо; но всѣмъ было извѣстно, что дядя знакомъ съ мѣстностью лучше всякаго контрабандиста, и негодованіе росло съ каждымъ днемъ.

Я не могъ высунуться на улицу, чтобы товарищи мои не кричали, что дядя Яковъ—якобинецъ; мнѣ приходилось вступать въ бой, чтобы защищать его, и, несмотря на помощь Сципіона, я не разъ возвращался домой съ разбитымъ носомъ.

Лизбету приводили въ отчаянье въ особенности слухи о конфискаціи.

— Какое несчастье,—говорила она, всплескивая руками,—

какое несчастье быть принужденной въ мои годы оставить домъ, гдѣ я прожила полжизни!

Въ самомъ дѣлѣ это было печально. Одинъ кротоловъ оставался совершенно спокойнымъ.

— Вы съ ума сходите! Охота же вамъ портить себѣ кровь!— говорилъ онъ.—Повторяю вамъ, что докторъ Яковъ здоровъ, и что ничто не будетъ конфисковано. Будьте покойны: ѣшьте, спите, а за остальное я отвѣчаю.

Онъ лукаво поднималъ глаза и заканчивалъ всегда такъ:

— Въ книгѣ моей говорится объ этомъ... Теперь все это осуществляется и все идетъ, какъ по маслу.

Несмотря на эти увѣренія, дѣло принимало все худшій оборотъ; деревенская сволочь, подстрекаемая негодяемъ Рихтеромъ, начала приходить кричать къ намъ подъ окна... Но вдругъ разъ утромъ все пришло, по прежнему, въ порядокъ. Къ вечеру явился кротоловъ; сѣлъ онъ, смѣясь, на свое обычное мѣсто и сказалъ Лизбетѣ, сидѣвшей за прялкой:

— Не кричатъ они больше, не хотятъ ужъ конфисковать, присмирѣли, небось, хе-хе-хе!..

Больше онъ не сказалъ ничего, но ночью мы услышали, какъ проѣзжало множество телѣгъ, шли люди по большой улицѣ; суматоха казалась хуже, чѣмъ при появленіи республиканцевъ, потому что никто не останавливался: все шли... и шли!

Я не могъ ни на минуту заснуть,—Сципіонъ безпрестанно ворчалъ. На разсвѣтѣ, выглянувъ въ окно, я увидѣлъ еще съ десятокъ огромныхъ фуръ, набитыхъ ранеными, и удалявшихся, покачиваясь. То были пруссаки. Потомъ проѣхало двѣ или три пушки, затѣмъ сотня гусаръ, драгунъ, кирасиръ, перемѣшанныхъ и въ безпорядкѣ за ними шли пѣшкомъ кавалеристы съ сумками на плечахъ, покрытые грязью чуть не до затылка. Всѣ они казались утомленными, а между тѣмъ, не останавливались, не входили въ дома и шли безъ оглядки.

Деревенскіе жители, стоя у себя въ дверяхъ, мрачно смотрѣли на все это.

На Биркенвальдской горѣ вереница телѣгъ, зарядныхъ ящиковъ, кавалеріи и пѣхоты тянулась далеко за лѣсъ.

Послѣ мы узнали, что это была армія фельдмаршала гер-

цога Брауншвейгскаго, отступавшая послѣ сраженія при Фрешвиллерѣ; она прошла черезъ деревню въ одну ночь. Это происходило съ 28 на 29 декабря,—я помню это такъ хорошо, потому что на слѣдующій день рано поутру кротоловъ и Коффель пришли къ намъ ужасно веселые; они получили письмо отъ дяди Якова, и, показывая его намъ, кротоловъ сказалъ:

— Хе-хе-хе! Дѣло идетъ на ладъ... идетъ на ладъ! Начинается царство справедливости и равенства... Слушайте-ка!

Онъ сѣлъ за нашъ столъ, растопыривъ локти. Я сталъ подлѣ него и читалъ черезъ его плечо; Лизбета, поблѣднѣвъ, какъ полотно стояла сзади и слушала, а Коффель, прислонившись къ старому шкафу, стоялъ, улыбаясь и теребя себя за подбородокъ. Они уже прочли письмо раза два-три и кротоловъ зналъ его почти наизусть.

Онъ сталъ читать намъ слѣдующее, иногда останавливаясь и съ восторгомъ глядя на насъ:

«Вейленбургъ, 8-го нивоза года II французской республики.

«Гражданамъ кротолову и Коффелю, гражданкѣ Лизбетѣ, маленькому Фрицелю—привѣтъ и братство!

«Гражданка Тереза и я желаемъ вамъ радости, согласія и благоденствія.

«Письмо это мы пишемъ вамъ изъ Вейленбурга посреди торжества побѣды. Мы выгнали пруссаковъ изъ Фрешвиллера и въ Гейсбергѣ, какъ молнія, ударили на австрійцевъ.

«Такимъ образомъ, гордость и самонадѣянность достойно наказываются: когда люди не хотятъ слушать хорошихъ доводовъ, надо представлять имъ лучшіе, но ужасно прибѣгать къ такимъ крайностямъ,—да, ужасно!

«Любезные друзья мои, давно уже я страдалъ въ душѣ, глядя на ослѣпленіе людей, управляющихъ судьбами нашей древней Германіи; я оплакивалъ ихъ несправедливость, ихъ эгоизмъ, и спрашивалъ себя: не долгъ ли мой, какъ честнаго человѣка, прекратить всякія сношенія съ этими гордецами и принять принципы справедливости, братства и равенства, провозглашенные французской республикой? Все это приводило меня въ сильное смущеніе, потому что человѣкъ держится правилъ, внушенныхъ ему родителями его, и такая внутренняя борьба не можетъ совершиться безъ сильной боли. Но, несмотря на это, я все еще ко-

лебался, до тѣхъ поръ, пока пруссаки, пренебрегая международнымъ правомъ, не стали требовать женщину, которую я пріютилъ; далѣе я не могъ выносить: вмѣсто того, чтобы везти мадамъ Терезу въ Кайзерлаутернъ, я, не медля, рѣшился проводить ее въ Пирмазенсъ, что мнѣ, съ Божьей помощью, и удалось.

«Въ три часа по полудни мы были уже на виду Французскихъ аванпостовъ, а мадамъ Тереза, посмотрѣвъ и услыхавъ ихъ барабанный бой, воскликнула: «Это французы, господинъ докторъ, вы обманули меня!» Она бросилась ко мнѣ на шею, заливаясь слезами, да и самъ я отъ волненія заплакалъ.

«По всей дорогѣ, отъ «Трехъ Домовъ» до площади Новаго храма, солдаты кричали: «Вотъ гражданка Тереза!» Они пошли за нами и, когда я вылѣзалъ изъ саней, многіе изъ нихъ обняли меня дѣйствительно съ искреннимъ чувствомъ; другіе пожимали мнѣ руки, однимъ словомъ, меня осыпали почетомъ!

«Не буду описывать вамъ, друзья мои, встрѣчу мадамъ Терезы и маленькаго Жана,—такихъ вещей нельзя описать! Всѣ самые старые солдаты баталіона, даже командиръ Дюшенъ, человѣкъ вовсе не нѣжный, — отвертывались, чтобы скрыть слезы; я никогда въ жизни не видывалъ такой картины. Маленькій Жанъ—мальчикъ славный, онъ очень похожъ на моего милаго Фрицеля, и я его очень полюбилъ.

«Въ этотъ же день въ Пирмазенсѣ случилось удивительное происшествіе. Республиканцы стояли лагеремъ вокругъ города: генералъ Гошъ объявилъ, что они тутъ останутся зимовать, и что надо строить балаганы. Но солдаты отказались, выразивъ желаніе жить въ домахъ. Тогда генералъ объявилъ, что всѣ несоглашавшіеся строить, не пойдутъ въ битву. Я самъ присутствовалъ при этомъ объявленіи, которое читалось каждой ротѣ, и видѣлъ, что Гошъ принужденъ былъ простить этимъ людямъ передъ дворцомъ принца, потому что они были въ страшномъ отчаяньи.

«Генералъ, услыхавъ, что какой-то докторъ привезъ изъ Анштата гражданку Терезу въ первый батальонъ второй бригады, приказалъ мнѣ явиться въ восемь часовъ въ Павильонъ. Онъ сидѣлъ тамъ за простымъ сосновымъ столомъ, одѣтый, какъ какой-нибудь простой капитанъ, съ двумя другими гражданами, конвенціонистами—какъ я узналъ послѣ,—Лакостомъ и Бода.

длинными, сухощавыми людьми, искоса посмотрѣвшими на меня. —Генералъ всталъ встрѣтить меня;—онъ высокій брюнетъ съ желтыми глазами и проборомъ посрединѣ; остановившись передо мною, секунды двѣ смотрѣлъ онъ на меня. Я же, вспомнивъ, что этотъ молодой человѣкъ командуетъ мозельской арміей,—смутился: но онъ вдругъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ: «Докторъ Вагнеръ, благодарю васъ за то, что вы сдѣлали для гражданки Терезы,—вы человѣкъ съ душою».

«Потомъ онъ подвелъ меня къ столу, на которомъ лежала развернутая карта, и спросилъ нѣкоторыя подробности о странѣ: онъ спрашивалъ такъ ясно, что можно было думать, что онъ знаетъ все это лучше меня. Разумѣется, я отвѣчалъ; два конвенціониста слушали молча. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: «Докторъ Вагнеръ, я не могу предложить вамъ вступить на службу въ армію республики,- ваша національность не допуститъ этого, но у перваго баталіона второй бригады погибъ баталіонный докторъ, въ госпиталяхъ у насъ недостатокъ, и раненыхъ лечатъ молодые люди, поэтому я вѣрю вамъ эту почетную должность: чувство человѣколюбія не имѣетъ отечества! Вотъ ваше назначеніе». Онъ написалъ нѣсколько словъ, наклонившись къ столу, и, взявъ меня еще разъ за руку, сказалъ:—«Докторъ, примите увѣреніе въ моемъ уваженіи»! Послѣ этого я вышелъ.

«На улицѣ меня ждала мадамъ Тереза, и можете себѣ представить, какъ обрадовалась она, услыхавъ, что я буду начальникомъ госпиталя перваго баталіона.

«Мы думали, что всѣ останемся въ Пирмазенсѣ до весны; постройка балагановъ уже началась, какъ вдругъ ночью слѣдующаго дня, часовъ въ десять, мы неожиданно получили приказъ выступить въ походъ, не туша огней, не дѣлая шума, безъ барабаннаго боя и звука трубъ. Весь Пирмазенсъ спалъ. У меня были двѣ лошади, на одной я ѣхалъ самъ, а другую держалъ подъ уздцы; я находился между офицерами, подлѣ командира Дюшена.

«Всѣ вышли, кто на лошади, кто пѣшкомъ; тутъ же между нами везли пушки и зарядные ящики, и телѣги; кавалерія ѣхала по бокамъ; не было ни мѣсяца, ничего другого для указанія намъ пути. Только издали на поворотахъ кричали верховые: «сюда, сюда!» Къ одиннадцати часамъ показался мѣсяцъ, мы

были среди горъ: всѣ вершины бѣлѣли отъ снѣга. Пѣшіе, съ ружьями на плечахъ, бѣгали, чтобы согрѣться; я самъ такъ окоченѣлъ, что раза два принужденъ былъ слѣзть съ лошади. Мадамъ Тереза въ своей таратайкѣ, покрытой сѣрымъ холстомъ: протягивала мнѣ фляжку; капитаны не медлили брать ее послѣ меня; солдатамъ, въ свою очередь, тоже доставалось.

«Мы все шли и шли, не останавливаясь, такъ что часамъ къ шести, когда блѣдное солнце нѣсколько освѣтило небо, мы были въ Лембахѣ, на большой лѣсистой горѣ Штейнфельца, за три четверти мили отъ Верта. Тогда со всѣхъ сторонъ раздалось: «Стой!.. Стой!..» Всѣ шедшіе сзади подходили, и къ половинѣ седьмого вся армія собралась на долинѣ, гдѣ солдаты начали варить супъ.

«Генералъ Гошъ, котораго я видѣлъ, когда онъ проходилъ съ двумя высокими конвенціонистами, смѣялся и, казалось, былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ вошелъ въ крайній домъ деревни, жители которой были удивлены, видя насъ въ такой часъ, какъ удивились аншатцы при видѣ республиканцевъ.— Дома здѣсь такъ малы и такъ бѣдны, что пришлось вынести на улицу два стола, и генералъ держалъ совѣтъ съ своими офицерами подъ открытымъ небомъ, въ то время, какъ солдаты варили супъ изъ провіанта, привезеннаго съ собой.

«Эта остановка продолжалась только на время, чтобы поѣсть и снова пристегнуть ранцы. Потомъ нужно было опять идти, но уже въ большемъ порядкѣ.

«Въ восемь часовъ, выйдя изъ долины Рейхсгофенъ, мы увидѣли пруссаковъ, обнесенныхъ окопами, на высотахъ Фрешвиллера и Верта,—ихъ было болѣе двадцати тысячъ, и редуты ихъ возвышались одинъ надъ другимъ.

«Вся армія поняла тогда, что мы спѣшили такъ идти для того, чтобы застать пруссаковъ однихъ, со стороны Мольтера. Несмотря на это, не скрою отъ васъ, друзья мои, что видъ этотъ страшно поразилъ меня: чѣмъ болѣе я глядѣлъ, тѣмъ невозможнѣе казалось мнѣ выиграть сраженіе. Во-первыхъ, пруссаки были многочисленнѣе; во-вторыхъ, у нихъ были устроены защищенные окопы, за которыми виднѣлись пушкари, наклонявшіеся подлѣ своихъ пушекъ и наблюдавшіе за нами, а ряды безчисленныхъ штыковъ тянулись до самой горы.

«Французы, съ своимъ беззаботнымъ характѣромъ, не замѣчали всего этого и были даже очень веселы. Вслѣдствіе распространившагося слуха, что генералъ Гошъ обѣщалъ за каждое отнятое орудіе по шестисотъ франковъ, они смѣялись, надвигая шапки на бекрень, и смотрѣли на пушки крича: «Приговорены! приговорены!» Страхъ бралъ, видя такую безпечность и слыша подобныя шутки.

— «Мы же, то есть, госпиталь, всякіе экипажи, пустые ящики для перевозки раненыхъ,—мы остались сзади, и я долженъ признаться, что это доставило мнѣ истинное удовольствіе.

«Мадамъ Тереза стояла шаговъ за тридцать или за сорокъ передо мной; я сталъ подлѣ нея съ обоими своими помощниками, изъ которыхъ одинъ былъ мальчикомъ въ аптекѣ въ Ландреси, а другой дантистомъ, но которые по доброй волѣ пошли въ хирурги. Они уже довольно опытны, и еще немного прилежанія и работы—и изъ этихъ молодыхъ людей выйдетъ что-нибудь. Мадамъ Тереза цѣловала тогда маленькаго Жана, побѣжавшаго догонять свой батальонъ.

«Вся долина вправо и влѣво была полна кавалеріей, расположенной въ порядкѣ. Пріѣхалъ генералъ Гошъ; онъ самъ тотчасъ же выбралъ мѣсто для двухъ батарей на пригоркахъ Рейхсгофена, а пѣхота остановилась посреди долины.

«Послѣ вторичнаго совѣщанія, вся пѣхота построилась въ три колонны: одна пошла на лѣво, въ Ресбахское ущелье, двѣ другія—на укрѣпленія, съ ружьями на руку.

«Генералъ Гошъ и нѣсколько офицеровъ помѣстились на небольшомъ возвышеніи налѣво отъ долины.

«Все, что послѣдовало за этихъ, до сихъ поръ представляется мнѣ какимъ-то сномъ. Въ ту минуту, когда колонны подходили къ горѣ, раздался страшный трескъ, какъ-будто ужасный взрывъ,—все покрылось дымомъ: это пруссаки дали залпъ изъ своихъ батарей. Черезъ минуту дымъ нѣсколько разсѣялся, и мы увидали французовъ уже выше на горѣ; они прибавляли шагу; бездна раненыхъ осталась за ними, нѣкоторые лежали ницъ лицомъ, другіе лежали, силясь подняться.

«Пруссаки дали второй залпъ, послѣ котораго послышался страшный крикъ республиканцевъ: «Въ штыки!» И вся гора затрещала, какъ груда угольевъ, въ которую ткнули ногой.

Отъ насъ ничего не стало видно, потому что дымъ летѣлъ въ нашу сторону, и за четыре шага не слышно было голоса человѣческаго, такъ трещали, громили и кричали ружья, пушки и люди. По бокамъ, лошади нашей кавалеріи ржали и хотѣли бѣжать; животныя эти совершенно дикія, они любятъ опасность, и едва было возможно удержать ихъ.

«Отъ времени до времени въ дыму образовывалось отверстіе и видѣлись республиканцы, бросавшіеся на частоколъ, какъ звѣри; одни прикладами старались разбить укрѣпленія, другіе отыскивали проходъ; начальники, верхомъ, съ шпагою въ рукѣ, воодушевляли солдатъ, а съ другой стороны пруссаки били штыками и стрѣляли изъ ружей въ эту массу, или поднимали обѣими руками свои большіе прибойники и ими, какъ дубиною убивали людей. Это было ужасно! Затѣмъ вѣтеръ все снова закрывалъ дымомъ, такъ что нельзя было знать, чѣмъ кончится дѣло.

«Генералъ Гошъ посылалъ офицеровъ, одного вслѣдъ за другимъ, съ новыми приказаніями: они съ быстротою молніи неслись, какъ тѣни въ дыму. Битва продолжалась, и республиканцы начинали уже отступать, когда генералъ самъ поскакалъ къ нимъ. Черезъ десять минутъ звуки марсельезы покрывали весь этотъ шумъ, и отступившіе шли снова въ атаку.

«Второй залпъ былъ еще страшнѣе перваго. Пушки гремѣли и опрокидывали вереницы людей. Республиканцы подвигались массою и посреди нихъ Гошъ. Наши батареи тоже стрѣляли въ пруссаковъ. Что произошло, когда французы еще разъ подступили къ частоколу—трудно описать. Если бы дѣдушка Адамъ былъ съ нами, онъ увидѣлъ бы то, что называется страшной битвой. Пруссаки показали тутъ, что они солдаты Фридриха Великаго: штыки противъ штыковъ отступали, и наступали то одни, то другіе.

«Но побѣда рѣшилась въ пользу республиканцевъ, съ появленіемъ третьей колонны на высотѣ, влѣво отъ укрѣпленій: она обогнула Рейбахъ и выходила изъ лѣсу бѣглымъ шагомъ. Тогда поневолѣ пришлось уступить; пруссаки, тѣснимые съ двухъ сторонъ, подались назадъ, оставивъ восемнадцать орудій, двадцать четыре зарядныхъ ящика и свои укрѣпленія, на-

полненныя ранеными и убитыми. Они направились къ сторонѣ Верта, и наши драгуны и гусары, горѣвшіе нетерпѣніемъ, бросились, наконецъ, напувшись впередъ, какъ пошатнувшаяся стѣна. Въ тотъ же вечеръ мы узнали, что они взяли въ плѣнъ тысячу двѣсти человѣкъ и отбили шесть орудій.

«Вотъ, милые друзья мои, вотъ что зовется сраженіемъ при Вертѣ и Фрешвиллерѣ, извѣстіе о которомъ, вѣроятно, дошло до васъ уже теперь, пока я пишу вамъ, и которое всегда будетъ памятно.

«Между тѣмъ, на другой день послѣ побѣды армія двинулась впередъ. Черезъ четыре дня мы узнали, что конвенціонисты Лакостъ и Бода, рѣшивъ, что соперничество Гоша и Пишегрю вредитъ интересамъ республики, предоставили начальство Гошу одному, и что Гошъ, какъ начальникъ обѣихъ армій, мозельской и рейнской, не теряя ни минуты, воспользовался соединеніемъ армій и атаковалъ Вурмзера около Вейсенбурга, совершенно разбилъ его въ Гайсбергѣ, такъ что въ настоящую минуту пруссаки отступили къ Майнцу, австрійцы къ Гемерсгейму, и территорія республики очищена отъ всѣхъ враговъ ея.

«Я нахожусь теперь въ Вейсенбургѣ и заваленъ работой: городъ занятъ мадамъ Терезою, маленькимъ Жаномъ и остатками 1-го баталіона, а армія идетъ на Ландау, счастливое освобожденіе котораго всегда будетъ служить предметомъ удивленія будущихъ вѣковъ.

«Скоро скоро, друзья мои, и мы пойдемъ за арміей, пройдемъ черезъ Анштатъ, увѣнчанные лаврами побѣды, еще разъ прижмемъ васъ къ своей груди и вмѣстѣ съ вами порадуемся побѣдѣ, одержанной справедливостью и свободою.

«О, великая независимость! Пусть любовь къ тебѣ зажжетъ въ сердцахъ нашихъ тотъ священный огонь, которымъ горѣли когда-то столько героевъ; образуй въ средѣ нашей похожія на нихъ поколѣнія, чтобы сердце каждаго гражданина трепетало при звукахъ моего голоса, вдохнови сомнѣвающагося мудреца, доведи храбраго до геройскихъ поступковъ, чтобы святое братство соединило всѣ народы земли въ одно семейство.

«Съ этими желаніями и надеждами, добрая мадамъ Тереза, я и маленькій Жанъ отъ души обнимаемъ васъ.

Яковъ Вагнеръ.

«P. S. Маленькій Жанъ проситъ друга своего Фрицеля позаботиться о Сципіонѣ».

Письмо дяди Якова страшно порадовало всѣхъ насъ, и можете представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ съ тѣхъ поръ ждали мы 1-й батальонъ.

Когда я думаю объ этой порѣ моей жизни, она кажется мнѣ какимъ-то праздникомъ; каждый день мы узнавали что-нибудь новенькое: послѣ занятія Вейсенбурга—снятіе осады Ландау, потомъ взятіе Лаутенбурга, и потомъ Шпейера, гдѣ французамъ досталась такая добыча, что Гошъ перенесъ ее въ Ландау, чтобы вознаградить тамошнихъ жителей за потери.

Какъ прежде аншатскіе жители кричали противъ насъ, такъ, напротивъ, теперь они выказывали намъ почтеніе. Даже шелъ разговоръ назначить Коффеля въ муниципальный совѣтъ, а кротолова выбрать бургомистромъ; почему былъ поднятъ этотъ вопросъ—неизвѣстно, такъ какъ прежде это никогда никому и въ голову не приходило; но начиналъ распространяться слухъ, что мы опять будемъ французами, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и что мерзко было держать насъ такъ долго въ рабствѣ.

Рихтеръ скрылся, зная, что его ожидаетъ, а Іосифъ Спикъ не показывался болѣе изъ своего балагана.

Каждый день обитатели Большой улицы смотрѣли на гору: не видно ли появленія истинныхъ защитниковъ отечества; къ несчастью, большая часть ихъ шла по дорогѣ изъ Вейсенбурга въ Майнцъ, оставляя Анштатъ влѣво въ горахъ; мимо же насъ проходили только отсталшіе, шедшіе прямикомъ, перерѣзая Бургервальдъ. Это приводило насъ въ отчаяніе, и мы уже начинали думать, что нашъ батальонъ никогда не придетъ, какъ вдругъ разъ послѣ обѣда кротоловъ, запыхавшись, вбѣжалъ, крича:

— Вотъ они!.. Это они!

Возвращаясь съ поля съ заступомъ на плечѣ, онъ издали увидѣлъ по дорогѣ множество солдатъ. Вся деревня уже знала эту новость, всѣ выбѣжали. Я же, задыхаясь отъ восторга, бросился навстрѣчу батальону, вмѣстѣ съ Гансомъ Аденомъ и Францомъ Сепелемъ, которыхъ встрѣтилъ дорогой. Солнце ярко свѣтило, снѣгъ таялъ, а изъ грязныхъ лужъ, когда въ нихъ

наступали, разлетались брызги, какъ осколки лопнувшей бомбы: но на это мы не обращали вниманія и съ полчаса бѣжали въ припрыжку. Полъ-деревни, мужчины, женщины, дѣти бѣжали за нами, крича: «Идутъ!.. Идутъ!..» — Мысли людскія странно измѣняются,—тогда всѣ были поклонниками республики.

Приподнявшись на гору Биркенвальдъ, Гансъ Аденъ, Францъ Сепель и я, мы, наконецъ, увидали нашъ батальонъ, двигавшійся посреди горы, съ мѣшками за спиною, съ ружьями на плечѣ; офицеры шли за ротами. Далѣе, на большомъ мосту тянулись телѣги. Все это двигалось, посвистывая, болтая, какъ солдаты въ дорогѣ, одинъ останавливался закурить трубку, другой плечомъ поправлялъ мѣшокъ свой, раздавались визгливые голоса, хохотъ, потому что французы ужъ такой народъ: когда они идутъ толпами, имъ необходимы разсказы и шуточки, чтобы поддержать веселое расположеніе духа.

Я въ этой толпѣ только и искалъ глазами дядю Якова и мадамъ Терезу, и черезъ нѣсколько времени увидалъ ихъ въ хвостѣ батальона. Дядя ѣхалъ позади верхомъ на Раппелѣ. Я съ трудомъ узналъ его, потому что на немъ была большая республиканская шляпа, платье съ красными отворотами и длинная сабля съ желѣзными ножнами,—это его страшно измѣняло, онъ казался гораздо выше, но, несмотря на то, я сейчасъ узналъ его и мадамъ Терезу въ ея телѣжкѣ, покрытой холстомъ, въ той же шляпѣ и въ томъ же шарфѣ; румянецъ игралъ у нея на щекахъ, и глаза блестѣли, дядя ѣхалъ рядомъ съ нею, и они разговаривали.

Я узналъ тоже и маленькаго Жана, котораго видѣлъ только разъ въ жизни; поперекъ груди его шла широкая перевязь, въ которой продѣты были барабанныя палочки, рукава были покрыты галунами, а сабля болталась за ногами. Я узналъ и командира, и сержанта Лафлеша, и капитана, котораго водилъ на чердакъ, и всѣхъ солдатъ,—да, почти всѣхъ; мнѣ казалось, будто я въ большой семьѣ, и даже знамя, завернутое въ клеенку, доставляло мнѣ удовольствіе.

Я обогналъ всѣхъ,—Гансъ Аденъ и Францъ Сепель выискали уже себѣ товарищей,—и, добѣжавъ шаговъ за тридцать отъ телѣжки, хотѣлъ окликнуть дядю, когда мадамъ Тереза, выглянувъ нечаянно, закричала веселымъ голосомъ:

— Вотъ Сципіонъ!

Въ ту же минуту Сципіонъ, котораго я забылъ дома, прибѣжалъ грязный, запыхавшійся, и прыгнулъ въ телѣжку.

Жанъ тотчасъ же вскрикнулъ:

— Сципіонъ!

И Сципіонъ, раза три лизнувъ щеки мадамъ Терезы, соскочилъ на землю и сталъ прыгать вокругъ маленькаго Жана съ лаемъ, визгомъ и восторгомъ.

Весь батальонъ кричалъ ему:

— Сципіонъ, сюда!.. Сципіонъ!.. Сципіонъ!

Дядя увидалъ меня и протянулъ мнѣ съ лошади руки. Я ухватился за его ногу; онъ меня поднялъ и поцѣловалъ; я чувствовалъ, что онъ плачетъ, и это растрогало меня. Потомъ онъ подалъ меня мадамъ Терезѣ, которая, притянувъ меня къ себѣ въ телѣжку, сказала:

— Здравствуй, Фрицель.

Она казалась довольною и цѣловала меня со слезами на глазахъ.

Почти вслѣдъ затѣмъ пришли кротоловъ и Кофрель и пожимали руку дяди; потомъ подошли и другіе жители Анштата и смѣшались съ солдатами, передававшими мужчинамъ свои мѣшки и ружья, чтобы нести ихъ съ торжествомъ, и кричавшими женщинамъ:

— Эй, толстая тетка!.. Красавица!.. Сюда!.. Сюда!..

Суматоха происходила страшная, всѣ здоровались, и изъ всей толпы мы съ маленькимъ Жаномъ казались самыми счастливыми.

— Поцѣлуй маленькаго Жана.—крикнулъ мнѣ дядя.

— Поцѣлуй Фрицеля. — говорила мадамъ Тереза своему брату.

Мы поцѣловались и съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга.

— Онъ мнѣ нравится! — крикнулъ маленькій Жанъ.— Должно быть, добрый мальчикъ.

— Ты тоже мнѣ нравишься,—сказалъ я ему, гордясь тѣмъ, что говорю по-французски.

Мы пошли рука объ руку, а дядя и мадамъ Тереза улыбались другъ другу.

Командиръ тоже протянулъ мнѣ руку, говоря:

— А, докторъ Вагнеръ, вотъ вашъ защитникъ!—Здоровъ ли ты, молодецъ?

— Здоровъ, командиръ.

— Слава Богу!

Такъ мы подошли къ крайнимъ домамъ деревни. Тутъ всѣ немного остановились, чтобы построиться въ порядокъ; маленькій Жанъ прицѣпилъ свой барабанъ, и когда командиръ закричалъ: «Впередъ маршъ!»—барабаны забили.

Мы спустились по большой улицѣ, идя всѣ въ ногу и радуясь такому торжественному вступленію. Всѣ старики и старухи, которые не могли выйти, сидѣли у оконъ и показывали на дядю Якова, гордо выступавшаго за командиромъ между своими помощниками. Мнѣ особенно бросился въ глаза старикъ Шмидтъ въ дверяхъ своей лачужки; онъ выпрямлялъ свою высокую, сгорбленную фигуру и страшно смотрѣлъ на проходившій батальонъ.

На площади съ фонтаномъ командиръ крикнулъ: «Стой»!— Ружья составили въ козлы, и всѣ разошлись, одни направо, другіе налѣво; каждый гражданинъ хотѣлъ увести съ собой солдата, всѣмъ хотѣлось отпраздновать торжество республики единой и нераздѣльной; но французы съ улыбавшимися лицами преимущественно отправлялись за хорошенькими дѣвушками.

Командиръ пошелъ съ нами. Старуха Лизбета стояла уже въ дверяхъ, поднявъ длинныя руки свои къ небу и восклицая.

— Ахъ! Мадамъ Тереза... Ахъ! господинъ докторъ...

Тутъ начались опять радостные возгласы и новые поцѣлуи. Потомъ мы вошли, и началось угощеніе окорокомъ, колбасами и лепешками, приправленное бѣлымъ виномъ и старымъ бургонскимъ,—за столомъ сидѣли Коффель, кротоловъ, командиръ, дядя, мадамъ Тереза, маленькій Жанъ и я. — Можете себѣ представить, съ какимъ аппетитомъ мы ѣли, и какъ намъ было весело!

Весь этотъ день 1-й батальонъ оставался у насъ, потомъ пошелъ своей дорогой, потому что зимнія квартиры были назначены въ Гакматѣ, за двѣ мили отъ Аншатата. Дядя остался въ деревнѣ; онъ отложилъ въ сторону свою большую саблю и большую шляпу, но съ этого времени до самой весны не про-

ходило дня, чтобы онъ не отправлялся по дорогѣ въ Гакматъ: онъ только и думалъ, что о Гакматѣ.

Отъ времени до времени въ гости къ намъ пріѣзжали мадамъ Тереза съ маленькимъ Жаномъ; мы смѣялись, были счастливы и любили другъ друга.

Что же сказать мнѣ вамъ еще?—Весною, когда начинаютъ пѣть жаворонки, намъ однажды сказали, что 1-й батальонъ отправляется въ Вандею. Тогда дядя, блѣдный, какъ мертвецъ, бросился въ конюшню, сѣлъ на Раппеля и, забывъ надѣть фуражку, съ непокрытой головой поскакалъ во весь опоръ.

Что произошло въ Гакматѣ? Не знаю, но знаю, что на слѣдующій день дядя съ гордостью возвратился вмѣстѣ съ мадамъ Терезой и маленькимъ Жаномъ, что у насъ была свадьба, поцѣлуи и веселье. Черезъ недѣлю пріѣхалъ командиръ Дюшенъ со всѣми капитанами батальона. Въ этотъ день веселья было еще больше. Мадамъ Тереза и дядя отправились къ мэру въ сопровожденіи длинной вереницы веселыхъ гостей. Кротоловъ, назначенный по выбору мэромъ, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, ждалъ насъ тамъ. Онъ, ко всеобщему удовольствію, вписалъ дядю и мадамъ Терезу въ толстую книгу, и съ тѣхъ поръ у маленькаго Жана явился отецъ, а у меня добрая мать, о которой я до сихъ поръ безъ слезъ не могу вспомнить.

У меня есть еще много кой-чего разсказать вамъ... но на этотъ разъ довольно. Если можно будетъ, я когда-нибудь доскажу эту исторію, которая кончается, какъ и всѣ другія,—сѣдыми волосами и послѣднимъ прощаніемъ съ тѣми, кто намъ всѣхъ дороже въ жизни.

Конецъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ЭРКМАНА-ШАТРІАНА

cKn.67

ИСТОРІЯ

РЕКРУТА 1813 ГОДА

HISTOIRE D'UN CONSCRIT DE 1813

Издательство П. П. Сойкина

Типографія

Петроградъ, Стремянная, 12, собств. д.

Кто не видалъ славы императора Наполеона въ 1810, 1811 и 1812 годахъ, тотъ никогда не пойметъ, до какого могущества можетъ достигнуть отдѣльная личность. Когда онъ проѣзжалъ черезъ Шампань, Лотарингію и Эльзасъ, народъ оставлялъ полевыя работы, сборъ винограда, оставлялъ все, чтобы бѣжать ему навстрѣчу, миль за восемь, за десять; женщины, дѣти, старики бросались на дорогу и, поднявъ руки кверху, кричали: «Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ императоръ!» Можно было подумать, что это Богъ, дающій жизнь міру, и что съ его смертью все должно кончиться. Если какимъ-нибудь старымъ республиканцамъ случалось говорить подъ хмѣлькомъ, что императоръ можетъ пасть,—ихъ принимали за сумасшедшихъ. Это казалось такъ невѣроятно, что объ этомъ и думать никто не смѣлъ.

Я былъ съ 1804 года въ ученіи у стараго часовщика Мельхіора Гульдена въ Пфальцбургѣ. Такъ какъ я казался нѣсколько слабымъ и немного прихрамывалъ, то мать моя и хотѣла выучить меня болѣе легкому ремеслу, чѣмъ наши деревенскія занятія, состоявшія изъ рубки дровъ, выжиганія угля и дѣланія саней. Старикъ Гульденъ очень любилъ меня. Мы жили въ первомъ этажѣ большого углового дома, прямо противъ трактира «Краснаго быка», подлѣ французской заставы.

По нашей улицѣ проѣзжала бездна народу, князей, посланниковъ, генераловъ изъ всѣхъ частей свѣта, и всѣ они останавливались въ «Красномъ быкѣ» и проматывали не мало денегъ. Здѣсь же случалось останавливаться и мѣстнымъ жителямъ, занимавшимся прежде собираніемъ въ лѣсу хвороста или подбираніемъ по дорогамъ навоза. Нѣкоторые изъ нихъ, повоевавъ во всѣхъ странахъ свѣта, проѣзжали уже командирами, полковниками и генералами.

Старикъ Мельхіоръ, съ надвинутой черной шелковой шапочкой на волосатыя уши, съ вялыми, обвисшими вѣками, острымъ носомъ, осѣдланнымъ большими черепаховыми очками, никакъ не могъ утерпѣть, чтобы не положить на верстакъ лупы и щипчиковъ, и не посмотрѣть на трактиръ, въ особенности, когда удары бича давали знать о прибытіи новаго лица. Тогда онъ вглядывался довольно пристально и иногда восклицалъ:

— Да вѣдь это сынъ кровельщика Якова, старой штопальщицы Маріи Анны или бочара Франца Сепеля! Онъ положилъ себѣ дорогу... полковникъ и кромѣ того баронъ имперіи! Зачѣмъ же онъ не остановился у отца, въ улицѣ канунниковъ?

Но когда онъ видѣлъ, что пріѣзжій отправлялся вдоль по улицѣ, пожимая руки встрѣчнымъ, которые его узнавали,—выраженіе лица его измѣнялось; онъ вытиралъ глаза своимъ клѣтчатымъ новымъ платкомъ и шепталъ:

— Вотъ будетъ-то рада бѣдная старуха Анна! Слава Богу! Слава Богу! Этотъ не свихнулся отъ гордости,—славный малый; жаль, если его рано снесетъ какая-нибудь шальная пуля!

Но были и такіе, которые стыдились заглянуть въ свое старое гнѣздо; другіе же гордо проходили по городу, чтобы повидаться съ какой-нибудь сестрой или кузиной. Объ этихъ всѣ говорили съ гордостью, какъ-будто весь Нфальцбургъ носилъ ихъ кресты и эполеты; другихъ же презирали больше, чѣмъ если бы они мели улицы.

— Какъ ты думаешь, Жозефъ,—говорилъ мнѣ часто старикъ Мельхіоръ,—сколько прошло мимо насъ съ 1804 года?

— Не знаю, господинъ Гульденъ,—отвѣчалъ я ему,—четыреста или пятьсотъ тысячъ прошло.

— Да... по крайней мѣрѣ!— говорилъ онъ.—А ты видѣлъ, много ли вернулось?

Тутъ я понималъ, что онъ хотѣлъ сказать, и отвѣчалъ ему:

— Можетъ быть, они возвращаются черезъ Майнцъ или какимъ-нибудь другимъ путемъ... Иначе вѣдь быть не можетъ!

Но онъ, покачивая головою, говорилъ:

— Тѣ, которыхъ ты не видѣлъ возвращающимися, умерли, какъ умрутъ сотни и сотни тысячъ другихъ, если Господь не сжалится надъ нами, потому что императоръ только и думаетъ о войнѣ! Онъ пролилъ больше крови, чтобы раздарить короны

своимъ братьямъ, чѣмъ наша великая революція, чтобы завоевать права человѣка.

Мы снова садились за работу, и размышленія старика Гульдена заставляли меня страшно задумываться.

Хотя я немного прихрамывалъ на лѣвую ногу, но вѣдь сколько людей съ такими же недостатками ушли въ походъ. Эта мысль не выходила у меня изъ головы и страшно безпокоила меня; во-первыхъ, потому, что я не любилъ войны, а, во-вторыхъ, потому, что хотѣлъ жениться на кузинѣ моей изъ «Четырехъ вѣтровъ».—Воспитывались мы вмѣстѣ. Она была самая свѣжая и веселая дѣвушка въ цѣломъ околодкѣ, бѣлокурая, голубоглазая, съ розовыми щеками и бѣлыми зубами; ей было около восемнадцати лѣтъ, а мнѣ было девятнадцать; и тетка Маргредель радовалась, когда по воскресеньямъ я приходилъ съ утра завтракать и обѣдать съ ними.

Я провожалъ Катерину къ обѣднѣ и къ вечернѣ, а по праздникамъ она не выпускала моей руки и не танцовала съ другими деревенскими парнями. Всѣ знали, что мы женимся, но если бы мнѣ пришлось быть рекрутомъ, все было бы кончено. Въ то время брали сначала холостыхъ, потомъ женатыхъ бездѣтныхъ, потомъ женатыхъ съ однимъ ребенкомъ, и мнѣ невольно приходило въ голову: «развѣ хромые хуже отцовъ семейства? Развѣ не возьмутъ меня въ кавалерію?»

Страхъ мой увеличился въ особенности въ 1812 году, въ началѣ войны съ русскими. Съ февраля до конца мая передъ нами постоянно проходили полки и полки: драгуны, гусары, артиллерія, обозы, и все это тянулось безъ конца.

Но вотъ 10 мая 1812 года, рано утромъ пушки арсенала возвѣстили приближеніе всеобщаго властелина. Когда раздался первый выстрѣлъ, я еще спалъ; мои маленькія окна задрожали, какъ барабанъ, и почти въ ту же минуту старикъ Гульденъ, съ огнемъ въ рукахъ, отворилъ мою дверь и сказалъ мнѣ:

— Вставай... Онъ ѣдетъ!

Мы отворили окно. Несмотря на темноту ночи, мы увидѣли сотню драгунъ, выѣзжавшихъ изъ за заставы Франціи: у нѣкоторыхъ были въ рукахъ факелы. Они ѣхали со страшнымъ шумомъ и трескомъ, освѣщая факелами дома, изъ оконъ которыхъ раздавались безконечные крики: «Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ императоръ!»

Я смотрѣлъ на карету, какъ вдругъ около мясной лавки ушла лошадь вмѣстѣ съ драгуномъ; въ ту же самую минуту изъ окна высунулась большая, блѣдная и толстая голова, съ прядью волосъ на лбу: это былъ Наполеонъ; онъ держалъ поднятую руку, какъ будто собираясь взять щепотку табаку, и рѣзко сказалъ нѣсколько словъ. Офицеръ, скакавшій подлѣ, наклонился, чтобы отвѣтить ему. Онъ понюхалъ, и карета скрылась за угломъ; крики, между тѣмъ, усилились, и пальба не переставала.

Вотъ все, что я видѣлъ.

Императоръ не остановился въ Пфальцбургѣ; онъ уже ѣхалъ по Саверискої дорогѣ, когда перестали палить. Потомъ водворилась тишина. У французской заставы караульные подняли мостъ, а старый часовщикъ сказалъ мнѣ:

— Видѣлъ?

— Да, господинъ Гульденъ.

— Ну,—сказалъ онъ,—въ рукахъ этого человѣка жизнь всѣхъ насъ; ему стоитъ дунуть на насъ, и мы сгинемъ прахомъ. Надо благодарить Бога, что онъ не злой человѣкъ, а то міръ увидѣлъ бы ужасы временъ дикихъ царей и турокъ.

Черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Иди спать, уже пробило три часа.

Съ этого дня и до самаго конца сентября, въ церкви служилось много молебновъ, и всякій разъ палили двадцать одинъ ударъ по случаю какой-нибудь новой побѣды; старикъ Гульденъ всякій разъ восклицалъ:

— Слышишь, Жозефъ? Еще побѣда! Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ убитыхъ, двадцать пять знаменъ, сто пушекъ!.. Недурно... недурно... не достаетъ теперь новаго набора, чтобы замѣстить убитыхъ.

— Какъ вы думаете, господинъ Гульденъ,—въ страшномъ смущеніи говорилъ я ему,—будутъ ли вербовать и хромыхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—добродушно замѣтилъ онъ,—не бойся, дитя мое, ты дѣйствительно не можешь служить. Мы это уладимъ. Работай хорошенько, и ни о чемъ не безпокойся.

Онъ видѣлъ мое безпокойство, и ему было жаль меня. Возвращаясь изъ города, куда онъ ходилъ чинить часы, онъ говаривалъ мнѣ:

— Армія теперь въ Вильнѣ, или въ Смоленскѣ, я узналъ

это у коменданта. Дай Богъ, чтобы и тамъ осталась побѣда за нами, и былъ бы заключенъ миръ.—Война вещь ужасная

Легко понять, какъ я, съ своей стороны, желалъ мира.

Наконецъ, 15-го сентября 1812 года, пришло извѣстіе о взятіи Москвы. Нашлись болтуны, которые говорили, что теперь остается только взять Китай. Черезъ недѣлю мы узнали, что русскіе сожгли Москву, и наши отступили къ Польшѣ. Всѣ ходили мрачные, блѣдные и ждали писемъ, а я на все смотрѣлъ въ розовое стекло, потому что глубоко былъ погруженъ въ одну мысль.

Уже пять мѣсяцевъ собирался я сдѣлать великолѣпный подарокъ Катеринѣ въ день ея именинъ, 18-го декабря. Между часами, выставленными на окнѣ господина Гульдена, были маленькіе прелестные часики съ серебряной крышкой. На циферблатѣ была нарисована влюбленная чета: молодой человѣкъ предлагалъ дѣвушкѣ букетъ цвѣтовъ, а она, потупивъ глаза, протягивала къ нему руку.

Увидавъ въ первый разъ эти часы, я сказалъ самъ себѣ: «ты не долженъ выпустить ихъ изъ рукъ: ихъ надо подарить Катеринѣ. Надо пріобрѣсти ихъ, хотя бы тебѣ пришлось работать каждый день до полуночи». Послѣ семи часовъ я работалъ у господина Гульдена на себя. У насъ бывала починка, чистка и вывѣрка старыхъ часовъ. Это дѣло было нелегкое, и за такую работу старикъ Гульденъ хорошо платилъ мнѣ. Но часики стоили тридцать пять франковъ. Сколько ночей пришлось мнѣ работать, и я увѣренъ, что, знай старикъ Гульденъ, что я хочу купить часы, онъ подарилъ бы мнѣ ихъ; но я считалъ стыдомъ принять такой подарокъ и говорилъ самъ себѣ: «надо заработать эти часы... чтобы ничего въ нихъ не было чужого». Но, боясь, чтобы кто-нибудь другой не купилъ ихъ, я сказалъ господину Гульдену, что знаю покупщика для этихъ часовъ.

Работая такимъ образомъ, я предавался мечтамъ, а между тѣмъ, наступила зима раньше обыкновеннаго. Холодъ былъ неслыханный; мы сидѣли точно закупоренные, боясь на минуту отворить дверь.

Часто, работая и слушая трескъ топившейся печки, господинъ Гульденъ вдругъ останавливался и, глядя на побѣлѣвшія стекла, восклицалъ:

— Бѣдные, бѣдные наши солдаты!

Онъ говорилъ это съ такой грустью, что у меня сердце сжималось, и я отвѣчалъ ему:

— Вѣдь теперь они должны быть въ Польшѣ, въ хорошихъ казармахъ; кто же можетъ переносить такой холодъ!

— Такой холодъ! — говорилъ онъ.—Да что значитъ этотъ холодъ въ сравненіи съ сѣверными холодами Россіи и Польши? Слава Богу, еще если они во время ушли!.. Господи, какъ тяжела обязанность людей, взявшихся руководить другими!

Между тѣмъ, день именинъ Катерины приближался. Я уже скопилъ тридцать пять франковъ, и не зналъ только, какъ сказать хозяину, что покупаю часы; но наканунѣ торжественнаго дня, вечеромъ, когда мы молча работали при свѣтѣ лампы, я рѣшился сказать:

— Помните, господинъ Гульденъ, я говорилъ вамъ о покупщикѣ маленькихъ серебряныхъ часовъ?

— Да, Жозефъ,—сказалъ онъ,—но онъ еще не являлся.

— Покупщикъ этотъ—я, господинъ Гульденъ.

Онъ съ удивленіемъ поднялъ голову; я же вынулъ тридцать пять франковъ и положилъ ихъ на верстакъ. Онъ все еще смотрѣлъ на меня.

— Эти часы тебѣ не годятся,—сказалъ онъ,—тебѣ надо большіе часы съ секундной стрѣлкой, а это дамскіе часы.

Я не зналъ, что отвѣчать.

Господинъ Гульденъ, подумавъ нѣсколько, началъ улыбаться.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ,—теперь я понимаю:—завтра именины Катерины! Такъ вотъ зачѣмъ ты день и ночь работалъ!—Возьми свои деньги, мнѣ ихъ не нужно.

Я совсѣмъ сконфузился.

— Господинъ Гульденъ, благодарю васъ,—сказалъ я ему,—но часы эти для Катерины, и я радъ, что выработалъ ихъ. Вы огорчаете меня, отказываясь отъ денегъ; я лучше не возьму часовъ.

Онъ ничего болѣе не сказалъ и взялъ тридцать пять франковъ; потомъ отворилъ шкапъ, вынулъ превосходную стальную цѣпочку съ двумя вызолоченными ключиками и прилоилъ къ часамъ, положивъ все вмѣстѣ въ ящикъ съ розовой ленточкой. Все это онъ дѣлалъ тихо, будто былъ чѣмъ-то тронутъ, и, наконецъ, отдалъ мнѣ ящикъ.

— Хорошенькій подарокъ, Жозефъ,—сказалъ онъ.—Катерина должна быть довольна, что у ней такой женихъ, какъ ты. Она честная дѣвушка.—Теперь мы можемъ сѣсть ужинать; накрывай на столъ, а я спиму покуда супъ.

Господинъ Гульденъ вынулъ изъ шкафа бутылку мецкаго вина, и мы поужинали пріятельски. Онъ все время разсказывалъ мнѣ о дняхъ своей юности, о томъ, что онъ былъ влюбленъ, но, поступивъ въ 92 году на службу, онъ нашелъ, возвратясь въ Фенестражъ, милую свою замужемъ:—вещь очень понятная, потому что онъ никода не рѣшался сказать ей о своей любви.

Мы просидѣли такъ до десяти часовъ; потомъ, подложивъ въ печку хворосту, отправились спать.

На слѣдующій день, 18-го декабря, я проснулся въ шесть часовъ утра. На дворѣ былъ страшный холодъ, окно мое застилалось толстымъ слоемъ инея.

Наканунѣ я развѣсилъ на спинку стула свой голубой фракъ съ длинными фалдами, панталоны, жилетъ изъ шерстяной матеріи, чистую рубашку и свой хорошій черный шелковый галстукъ. Все было готово: чулки и вычищенные башмаки лежали у постели; стоило мнѣ только одѣться, и, несмотря на то, я заранѣе дрожалъ отъ холода. Не будь тогда день именинъ Катерины, я пролежалъ бы въ постели часовъ до двѣнадцати. Но когда я вспомнилъ объ этомъ, то вскочилъ съ постели и торопливо побѣжалъ къ большой изразцовой печи, гдѣ всегда къ утру оставалось нѣсколько горячихъ угольевъ. Я растопилъ ими печь и опять улегся въ постель.

Господинъ Гульденъ, прячась подъ одѣяло, закричалъ мнѣ, что такого холода не бывало ужъ лѣтъ сорокъ. Я одѣлся и хотѣлъ уже уходить, когда хозяинъ воротилъ меня, сказавъ, чтобы я надѣлъ его шубу, потому что можно замерзнуть, и что холодъ былъ такъ великъ, что казалось, будто въ воздухѣ летаютъ иглы и колютъ все тѣло. Почти всю дорогу до Четырехъ вѣтровъ я бѣжалъ бѣгомъ, и только мысль о невѣстѣ согрѣвала меня. Вскорѣ показались дома Четырехъ вѣтровъ.

У пятой двери направо я остановился, снялъ рукавицы и быстро отворилъ и затворилъ за собою дверь. Это былъ домъ тетки моей, Гредель Бауеръ, вдовы Матвѣя Баусра и матери Катерины.

Когда я раздѣлся и повѣсилъ вещи свои на гвоздь, я поблѣднѣлъ отъ удовольствія.

— Вотъ, моя дорогая, кое-что тебѣ на именины, но сначала ты должна еще хорошенько поцѣловать меня.

Она подставила мнѣ свои свѣжія, розовыя щечки и подошла къ столу; тетушка Гредель подошла тоже. Когда Катерина развязывала ленточку, я стоялъ позади, и сердце у меня билось отъ страха, что подарокъ не понравится. Но чрезъ минуту Катерина всплеснула руками и прошептала:

— О, Господи, какая прелесть!.. Часы.

— Да,—сказала тетушка Гредель,—превосходно, я никогда не видывала такихъ прелестныхъ часиковъ... Точно серебряные.

— Да они и есть серебряные,—сказала Катерина, оборачиваясь и вопросительно глядя на меня.

— Неужели вы предполагали, тетушка, что я способенъ подарить посеребреные часы той, которую люблю больше жизни? Если бы я могъ сдѣлать это, я презиралъ бы себя, какъ грязь съ башмаковъ моихъ.

Катерина, выслушавъ это, обвила мою шею руками, и я думалъ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ, что это самый счастливый день моей жизни.

Тетушка Гредель спросила:

— Что тамъ нарисовано на стеклѣ?

— Тамъ нарисованы двое влюбленныхъ, — отвѣчалъ я: — Жозефъ Берта и Катерина Бауеръ; Жозефъ предлагалъ букетъ розъ своей милой, а она протягиваетъ руку, чтобы принять его.

Разсмотрѣвъ часы, тетушка Гредель сказала:

— Иди, поцѣлуй меня, Жозефъ; я вижу, сколько надо было тебѣ копить и работать для этихъ часовъ. Ты хорошій работникъ... И мы гордимся тобой.

Послѣ обѣда Катерина пропѣла намъ «Der liebe Gott». А когда начало смеркаться, мы подсѣли съ ней къ очагу, держа другъ друга за руки, и я готовъ былъ не трогаться съ мѣста до самаго утра. Такъ прошло съ добрыхъ полчаса, когда тетушка Гредель вскричала:

— Ну, Жозефъ, пора отправляться; мѣсяцъ выйдетъ только въ полночь, и скоро совсѣмъ стемнѣетъ. Въ такія ночи долго ли до несчастья...

Эти слова поразили меня, а Катерина между тѣмъ удержи-

гала меня за руку. Но тетушка Гредель была сообразительнѣе насъ.

— Довольно,—сказала она, вставая и снимая шпиль съ гвоздя.—Ты придешь опять въ воскресенье.

Нечего дѣлать, пришлось одѣваться и уходить. Выйдя изъ деревни, я встрѣтилъ разносчика Пинакля, моего заклятаго врага. Узнавъ меня, онъ сталъ браниться и угрожалъ, что съ первымъ наборомъ я буду взятъ въ рекруты, несмотря на свою хромоту. Легко себѣ представить, какъ я струсилъ такого предсказанія и потому пустился отъ Пинакля бѣгомъ и остановился только у дверей, поднявшись на лѣстницу.

Отворивъ комнату, я попалъ въ пріятную теплоту. Господинъ Гульденъ сидѣлъ въ креслѣ передъ топившейся печкой, съ надвинутой черной шелковой шапочкой и съ сложенными на колѣняхъ руками.

— Это ты, Жозефъ?—не обертываясь, сказалъ онъ.

— Да, господинъ Гульденъ,—отвѣчалъ я.—Какъ здѣсь хорошо. Какъ на дворѣ холодно! Кажется, такой зимы еще не бывало.

— Нѣтъ, —задумчиво сказалъ онъ, — нѣтъ, о такой зимѣ долго будутъ помнить.

Я ушелъ въ другую комнату, чтобы положить на мѣсто теплыя вещи, и думалъ разсказать ему встрѣчу свою съ Пинаклемъ, какъ онъ спросилъ меня, услыхавъ, что я вернулся въ его комнату.

— Весело тебѣ было, Жозефъ?

— Весело! Тетушка Гредель и Катерина велѣли вамъ кланяться.

— Хорошо, хорошо!—сказалъ онъ. — Молодые должны веселиться, потому что стараго человѣка уже ничто не радуетъ; онъ столько натерпѣлся, столько видѣлъ несправедливостей, жестокости и горя, что веселиться ему не подъ силу.

Онъ говорилъ все это самъ съ собою, и я никогда не видалъ его такимъ печальнымъ.

— Вы больны, господинъ Гульденъ?

Но онъ, не отвѣчая мнѣ, прошепталъ:

— Да, да, вотъ и великія воинственныя націи... вотъ и слава!

Онъ покачалъ головой и задумчиво склонился, нахмуривъ брови.

Я не зналъ, что и думать; но онъ, приподнявъ голову, сказалъ мнѣ:

— Въ настоящую минуту, Жозефъ, во Франціи плачутъ четыреста тысячъ семействъ: наша великая армія погибла въ снѣгахъ Россіи; всѣ эти молодые, сильные люди, проходившіе въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ мимо насъ, похоронены въ снѣгахъ. Вѣсть эта пришла сегодня послѣ обѣда. Вспомнишь объ этомъ ужасно!

Я молчалъ; мнѣ ясно представлялось одно, что скоро у насъ будетъ новый наборъ, какъ бывало послѣ каждой кампаніи, и что на этотъ разъ рекрутами пойдутъ и хромые. Я стоялъ блѣдный, какъ мертвецъ, и предсказаніе Пинакля приводило меня въ отчаяніе.

— Отправляйся, Жозефъ, спать, — сказалъ мнѣ старикъ Гульденъ.—А мнѣ и сонъ на умъ нейдетъ; я останусь тутъ... все это волнуетъ меня.

Я ушелъ къ себѣ въ комнату и легъ, но мысли о наборѣ, о Катеринѣ, о нашихъ солдатахъ, погребенныхъ въ снѣгахъ, не давали мнѣ сомкнуть глазъ до трехъ часовъ,—когда пришелъ спать и господинъ Гульденъ.

Когда я вошелъ на слѣдующее утро къ хозяину, онъ лежалъ еще въ постели и просилъ меня сходить за него поправить часы у разныхъ лицъ въ городѣ.

У ратуши на углу мнѣ представилось зрѣлище, которое всю жизнь не выйдетъ у меня изъ памяти. Тамъ висѣлъ листъ бюллетеней, около котораго толпились человѣкъ пятьсотъ горожанъ и мужиковъ, старухъ и молодыхъ. Всѣ они блѣдные, какъ покойники, лѣзли другъ на друга, стараясь прочесть объявленіе. Отъ времени до времени слышались слова:

— Да неужели они всѣ умерли!.. Вѣдь кто нибудь да вернется.

Другіе же кричали:

— Ничего не видно... подойти нельзя!

Какая-то старуха, поднимая руки кверху, кричала:

— Христофоръ... мой бѣдный Христофоръ!

Другіе же точно приходили въ негодованіе отъ ея криковъ и говорили:

— Велите же замолчать этой ревунье.

Всякій думалъ только о себѣ. Къ этой толпѣ все прибывалъ народъ изъ нѣмецкой заставы.

Наконецъ, изъ-подъ арки кордегардіи вышелъ городской сержантъ Германтье и, ставъ наверху лѣстницы, началъ читать объявленіе, точно такое же, какое было прибито на углу. Это объявленіе называлось 29-мъ бюллетенемъ, и въ немъ императоръ разсказывалъ, что, при отступленіи, каждую ночь лошади гибли тысячами.—О людяхъ онъ ничего не говорилъ.

Сержантъ читалъ медленно, молчаніе было глубокое; старуха, не понимавшая по-французски, слушала вмѣстѣ съ другими. Молчаніе длилось, пока не дошли до слѣдующаго мѣста:—«Наша кавалерія лишилась столькихъ лошадей, что пришлось собрать офицеровъ, у которыхъ оставались лошади, чтобы образовать изъ нихъ четыре эскадрона, въ полтораста человѣкъ каждый. Генералы занимали въ нихъ должности капитановъ, а полковники унтеръ-офицеровъ».—Но тутъ, узнавъ о бѣдствіяхъ нашей великой арміи, со всѣхъ сторонъ полетѣли крики и стоны; двѣ-три женщины упали... и ихъ увели подъ руки.

Правда, что въ объявленіи было прибавлено: «Здоровье его величества находится въ отличномъ состояніи»,—что было большимъ утѣшеніемъ. Къ несчастью, здоровье его не могло возвратить жизни тремъ стамъ тысячамъ человѣкъ, погибшимъ въ снѣгахъ. Всѣ печально разошлись, и Германтье выходилъ по временамъ и снова прочитывалъ объявленіе вновь накоплявшимся толпамъ. Такое чтеніе длилось до вечера.

Я убѣжалъ, не желая ничего знать.

Придя къ мѣстному коменданту, я засталъ его за завтракомъ. Комендантъ былъ почтенный старикъ, съ краснымъ лицомъ и хорошимъ аппетитомъ.

— А, это ты,—сказалъ онъ.—Такъ Гульденъ не придетъ?

— Нѣтъ, господинъ комендантъ, онъ боленъ отъ всѣхъ этихъ печальныхъ вѣстей.

— Понимаю, понимаю, — сказалъ онъ, осушая свой стаканъ, — да, все это грустно.

И пока я возился съ часами онъ велѣлъ передать хозяину, что еще не все потеряно, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ.

Къ десяти часамъ мнѣ оставалось побывать только у двѣ-

ихъ: у господина де-ла-Ваблери-Шамберланъ, стараго дворянина, жившаго съ мадамъ Шамберланъ д'Экофъ и дочерью ихъ Жанною. Это были эмигранты, возвратившіеся три или четыре года тому назадъ. Въ городѣ они ни съ кѣмъ не знались и къ нимъ ходили только три-четыре старыхъ попа изъ окрестностей. Господинъ де-ла-Ваблери Шамберланъ только и любилъ что охоту, держалъ у себя на дворѣ шесть собакъ и карету съ парой лошадей; а дѣдушка Робертъ, изъ улицы Капуциновъ, исправлялъ у него должности и кучера, и лакея, и разсыльнаго, и егеря. Господинъ де-ла-Ваблери ходилъ всегда въ охотничьемъ платьѣ, и весь городъ называлъ его «лягавой собакой».

Среди всеобщаго унынія, меня странно поразили звуки фортепіано и голосъ поющаго господина де-ла-Ваблери. Войдя къ нимъ, я думалъ: «они, вѣрно, не знаютъ еще о печальныхъ вѣстяхъ изъ Россіи».

Изъ кухни высунулась голова служанки ихъ Луизы, спросившей:

— Кто тамъ?

— У васъ гости?

— Нѣтъ, но мнѣ не велѣно никого пускать.

— Что это у васъ веселятся?

— Да, да, — сказала она, — не знаю, что съ ними, первый разъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Я поправилъ часы и вышелъ, удивляясь и думая, что есть же люди, которые радуются общему несчастью.

Выйдя отъ господина де-ла-Ваблери, я отправился за угломъ къ дѣдушкѣ Фералю, котораго называли «знаменщикомъ», потому что, когда ему было сорокъ пять лѣтъ, онъ былъ дровосѣкомъ и отцомъ семейства, онъ несъ въ 92 году знамя волонтеровъ Пфальцбурга, и воротился только послѣ цюрихской кампаніи. Въ арміи, ушедшей въ Россію, у него было три сына: Жанъ, Людвигъ и Жоржъ; Жоржъ былъ баталіоннымъ командиромъ драгунъ, а двое другихъ офицерами инфантеріи.

Я заранѣе представлялъ себѣ горе дѣдушки Фераля, но не ожидалъ ничего подобнаго, что увидѣлъ, войдя въ комнату его. Несчастный, слѣпой и совершенно лысый старикъ сидѣлъ на креслѣ за печкой, склонивъ голову на грудь и безсмысленно глядѣлъ впередъ, какъ-будто у ногъ его лежали его сыновья; онъ не произносилъ ни слова, но крупныя капли пота капали

со лба его на щеки, и лицо его было такъ блѣдно, какъ-будто онъ умиралъ. Четверо или пятеро его старыхъ товарищей, временъ республики, пришли утѣшать его. Они стояли кругомъ въ глубокомъ молчаніи, курили трубки и выражали отчаянье.

Иногда кто нибудь изъ нихъ говорилъ:

— Полно, Фераль, полно!.. Развѣ мы не старые солдаты арміи Самбры и Мозеля?

Или:

— Не отчаявайся, знаменщикъ, не отчаявайся!.. Развѣ мы не атаковали большой батареи подъ Флерусомъ бѣглымъ шагомъ?

Или что нибудь въ этомъ родѣ.

Но онъ не отвѣчалъ ничего, иногда вздыхалъ и еще ниже наклонялся, а присутствующіе качали головами, какъ будто говоря: «Плохо!»

Я поспѣшилъ поправить часы и уйти. У меня сердце надрывалось, глядя на этого несчастнаго старика.

Возвратясь домой, я нашелъ господина Гульдена за верстакомъ.

— Вотъ и ты, Жозефъ,—сказалъ онъ.—Ну что?

— Ахъ, господинъ Гульденъ, хорошо, что вы остались; ужасныя вещи!

Я все подробно разсказалъ ему.

— Да, я это зналъ,—задумчиво сказалъ онъ.—Но несчастія наши только начинаются: эти пруссаки, австрійцы, русскіе, испанцы и всѣ, кого мы били съ 1804 года, воспользуются нашей бѣдой и нападутъ на насъ. Такъ какъ мы хотѣли сажать имъ королей, которыхъ они совсѣмъ не знали да и не хотѣли, то теперь они приведутъ къ намъ другихъ, и съ дворянами, и со всѣми принадлежностями, такъ что, проливъ кровь за братьевъ императора, мы еще лишимся всего, что пріобрѣли революціей. Вмѣсто того, чтобы быть первыми, мы станемъ самыми послѣдними. Да, вотъ что съ нами теперь будетъ; все время, что ты ходилъ по городу, я думалъ объ этомъ; это почти неизбѣжно: — вся наша сила была въ солдатахъ, а солдать теперь не стало, слѣдовательно, пропала и сила!

Онъ всталъ, а я пошелъ накрывать на столъ. Въ то время, какъ мы сѣли обѣдать, зазвонили церковные колокола.

— Въ городѣ кто нибудь умеръ,—сказалъ г. Гульденъ.

— Да... Но я ничего не слыхалъ.

Минутъ черезъ десять пришелъ раввинъ Розъ,—отдать вставить въ часы стекло.

— Кто это умеръ?—спросилъ его г. Гульденъ.

— Старикъ знаменщикъ.

— Какъ! Старикъ Ферале?

— Да, полчаса или минутъ двадцать тому назадъ. Старикъ Демаре и еще нѣкоторые другіе хотѣли его утѣшить; наконецъ, онъ попросилъ ихъ прочесть ему послѣднее письмо сына его Жоржа, командира драгуновъ, который писалъ ему, что надѣется пріѣхать — обнять его весною въ полковничьихъ эполетахъ. Выслушавъ письмо, онъ вдругъ захотѣлъ встать, но упалъ мертвый: письмо разбило ему сердце!

Господинъ Гульденъ не сказалъ ни слова.

— Вотъ, господинъ Розъ,—сказалъ онъ, отдавая часы раввину,—двѣнадцать су.

Господинъ Розъ ушелъ, а мы молча продолжали обѣдъ.

Въ газетахъ печатались все такія новости, которыя заставляли меня все болѣе и болѣе бояться рекрутчины.

Когда мы оставались одни, господинъ Гульденъ иногда говорилъ мнѣ, что только война за свободу—война справедливая, на которую нельзя жаловаться, а итти ради славы одного человѣка стыдно и унизительно.

Восьмого января къ дому городской полиціи прибили огромное объявленіе, изъ котораго узнали, что императоръ, по соглашенію съ сенатомъ, какъ говорилось тогда, дѣлалъ наборъ въ 150,000 рекрутъ 1813 года, затѣмъ сто когортъ перваго отдѣла набора 1812 года и сто тысячъ рекрутъ набора съ 1809 по 1812 годъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе; такъ что всѣ прорѣхи будутъ заштопаны и армія наша будетъ больше той, что погребена въ Россіи.

Когда Фузъ, стекольщикъ, пришелъ намъ разсказать объ этомъ объявленіи, я упалъ почти безъ чувствъ, думая:

— Теперь берутъ все, и отцовъ семейства, съ 1809 года. Я пропалъ!

Господинъ Гульденъ вспрыснулъ меня водою, руки у меня висѣли, я былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

Въ тотъ же день я отправился къ тетушкѣ Гредель, кото-

рую заставъ блѣдную отъ негодованія, а Катерину въ слезахъ: онѣ уже знали о наборѣ.

Мы молча поцѣловались, и тетушка Гредель, откинувъ за уши свои сѣдые волосы, начала слѣдующія рѣчи:

— Ты не пойдешь!.. Что намъ за дѣло до войнъ? Самъ священникъ говорилъ намъ, что войны ужъ слишкомъ много, что надо, наконецъ, заключить и миръ! Ты останешься! Не плачь, Катерина, говорю тебѣ, что онъ останется.

Она совершенно позеленѣла отъ злости и, говоря, перемывала посуду.

— Давно уже противна мнѣ эта ужасная бойня, — сказала она.—Мало, что у насъ ушли и Касперъ, и Іокель изъ-за этого императора, теперь, онъ беретъ у насъ и молодыхъ; не довольно развѣ ему, что въ Россіи погибло триста тысячъ человѣкъ. Довольно ужъ!

— Ради Бога, тетушка Гредель, молчите, говорите тише,— сказалъ я, посмотрѣвъ въ окно.—Васъ могутъ услышать; мы пропадемъ всѣ.

— Я говорю, чтобы меня слышали, — отвѣчала она. — Я не боюсь твоего Наполеона, онъ началъ тѣмъ, что запретилъ намъ говорить, чтобы дѣлать все по своему... по всему этому будетъ конецъ!.. Въ одной нашей деревнѣ четыре молодыя женщины лишаются мужей, и десять молодыхъ людей бросаютъ все, не смотря на отца, мать, не смотря на справедливость, на Бога, на религію... развѣ это не отвратительно?

И когда я хотѣлъ отвѣчать, она сказала мнѣ:

— Постой, Жозефъ, молчи, у этого человѣка нѣтъ сердца!.. Онъ плохо кончитъ!.. Перстъ Божій показался уже нынѣшней зимой, Господь увидѣлъ, что люди чувствовали болѣе страха передъ человѣкомъ, чѣмъ передъ Нимъ Самимъ, и что матери не смѣли не жертвовать ему своею плотью, какъ это было во времена Ирода. Увидавъ это, Онъ наслалъ холодъ, и армія наша погибла... Тутъ видѣнъ бичъ Божій!.. Ты, ты не уйдешь. — говорила мнѣ ожесточенная женщина:— Я не хочу, чтобы ты уходилъ: ты спрячешься въ лѣса съ Жаномъ Крафтомъ, Людвигомъ Бемомъ и всѣми отважными здѣшними молодцами; вы пройдете горами въ Швейцарію, а мы съ Катериной пойдемъ за вами до окончанія бойни.

Тетушка Гредель замолчала. Вмѣсто обыкновеннаго обѣда, она изготовила намъ обѣдъ лучше, чѣмъ въ послѣднее воскресенье, и твердымъ голосомъ сказала намъ:

— Кушайте, дѣти мои, не бойтесь... все измѣнится.

Возвращаясь домой, я услышалъ, какъ на углу улицы читалось объявленіе.

Гармантье, окруженный толпою, читалъ, что, по предписанію сената отъ третьяго числа, рекрутскій наборъ назначается пятнадцатаго.

Въ тотъ день было восьмое, слѣдовательно, оставалось только семь дней. Это привело меня въ отчаянье.

Всѣ слушавшіе молча разошлись. Я пришелъ домой совершенно опечаленный и сказалъ хозяину:

— Жребій вынимаютъ въ будущій четвергъ.

— А,—замѣтилъ онъ,—они не теряютъ времени... Дѣло спѣшное.

Всю эту недѣлю я провелъ въ страшныхъ мученіяхъ, такъ что въ четвергъ утромъ былъ болѣнъ, и родственники рекрутовъ завидовали моей болѣзни, говоря: «какой счастливецъ... онъ едва живъ... Родится же люди подъ счастливой звѣздой!»

Стоило посмотрѣть на пфальцбургское мэрство утромъ 15 января 1813 г., во время рекрутскаго засѣданія. Теперь хотя и грустно уходить изъ дому въ солдаты, чтобы, неизвѣстно гдѣ, учиться: «Разъ... два!.. разъ... два!.. Стой!.. Глаза на право... глаза налѣво... смирно!.. на караулъ!.. и т. д.», но все-таки есть надежда вернуться; тогда же надежды этой не было: часто изъ ста человѣкъ не возвращалось ни единаго...

Пріемъ начался въ девять часовъ.

Я надѣлъ свой фракъ и хотѣлъ уже итти, когда вошли тетушка Гредель и Катерина, говоря:

— Здравствуйте, господинъ Гульденъ! Мы пришли къ пріему.

Я тотчасъ же замѣтилъ по краснымъ глазамъ Катерины, какъ много она плакала; войдя, она бросилась мнѣ на шею.

Гульденъ сказалъ имъ:

— Пора итти и городскимъ рекрутамъ.

— Да, господинъ Гульденъ,—отвѣчала Катерина, — гарбергскіе рекруты уже кончили.

— Хорошо... хорошо... Ну, Жозефъ, пора отправляться,—

сказалъ онъ.—Не огорчайся... Не пугайтесь. Этотъ жребій только вѣдь для виду. Уже давно никто не вынимаетъ счастливыхъ билетовъ, а если и вынимаетъ, то все-таки попадетъ года черезъ два-три; всѣ номера дурны. Когда соберется ревизіонный совѣтъ мы посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать. Теперь вѣдь лотерея устраивается только для потѣхи... Вѣдь всѣ проигрываютъ.

— Все равно,—замѣтила тетушка Гредель:—Жозефъ выиграетъ.

— Да... да...—улыбаясь, отвѣчалъ господинъ Гульденъ.—Онъ выиграетъ.

Послѣ этого я вышелъ съ Катериной и съ тетушкой Гредель, и мы пошли къ площади, гдѣ толпился народъ. Во всѣхъ лавкахъ толпами тѣснились рекруты, покупая себѣ ленты; они плакали, расѣвая въ какомъ-то изступленіи. Другіе, рыдая, обнимались, въ харчевняхъ, и все-таки пѣли. Въ Пфальцбургъ пришли окрестные музыканты, и музыка, смѣшиваясь съ рыданіями, казалась чѣмъ-то ужаснымъ.

Катерина сжимала мнѣ руку, а тетушка Гредель шла за нами.

Противъ казармъ я издали узналъ разносчика Пинакля, съ коробомъ, раскрытымъ на маленькомъ столикѣ, подлѣ котораго стояла жердь, увѣшанная лентами, которыя онъ продавалъ рекрутамъ.

Я хотѣлъ поскорѣе пройти; онъ закричалъ мнѣ:

— Эй, ты, хромоногій, стой... стой!.. Иди-ка сюда... Я припасъ тебѣ славную ленту... тебѣ надо понарядиѣе...

Онъ махнулъ надъ своей головой длинной черной лентой, и я невольно поблѣднѣлъ. Въ то время, какъ мы поднимались по лѣстницѣ мэрства, сверху спускался рекрутъ Клипфель, кузнецъ съ французской заставы; онъ выпулъ 8 номеръ и издали кричалъ:

— Черную ленту, Пинакль, черную ленту!.. Подавай... во что бы ни стало.

Онъ былъ мраченъ и смѣялся. Сзади шелъ, рыдая, его маленькій братъ Жанъ и кричалъ:

— Нѣтъ, Яковъ, нѣтъ не черную ленту!

Но Пинакль привязывалъ уже ленту къ шлянѣ кузнеца, а тотъ говорилъ:

— Вотъ что теперь намъ надо... Мы всѣ покойники и должны носить по себѣ трауръ!

И дикимъ голосомъ онъ крикнулъ: «Да здравствуетъ императоръ!»

Видѣть такую ленту на его шляпѣ мнѣ было пріятнѣе, чѣмъ видѣть ее на своей, и я ускользнулъ въ толпу, чтобы скрыться отъ Пипакля.

Мы вошли на верхъ въ большую залу, откуда выходили блѣдные рекруты, прикрѣпляя номеръ свой къ фуражкѣ. Изъ залы присутствія раздавались голоса, громко выкликавшіе номера, какъ-будто какой нибудь приговоръ; да всѣ номера и были приговорами.

Мы ждали долго. Во мнѣ кровь застыла, когда, наконецъ, крикнули мое имя.

Я пошелъ, ничего не видя и не слыша, сунулъ руку въ ящикъ и вынулъ номеръ.

Супрефектъ крикнулъ: «номеръ 17!»

Послѣ этого, я молча вышелъ, а за мною вышли Катерина и тетушка. Когда мы добрались до площади, гдѣ было просторнѣе, я вспомнилъ, что вытащилъ 17 номеръ.

Тетушка Гредель была въ совершенномъ изступленіи.

— А вѣдь я сунула тебѣ кое-что въ карманъ,—сказала она.—Но тебя сглазилъ этотъ негодяй, Пипакль.

Она при этомъ выдернула изъ моего кармана кусочекъ веревки. У меня капали крупныя капли пота; Катерина шла блѣдная, какъ полотно.

— Какой у тебя номеръ? — сказалъ г. Гульденъ, какъ только мы вошли къ нему.

— Семнадцатый,— отвѣчала тетка, садясь.

Это на минуту встревожило старика, но потомъ онъ сказалъ:

— Все равно, какой бы то ни было... всѣ пойдутъ... надо дополнить выбывшихъ. Жозефу это все равно. Я пойду поговорить съ мэромъ и комендантомъ... Весь городъ знаетъ, что Жозефъ хромаетъ, объ этомъ можно вѣдь и напечатать. Такъ вотъ зачѣмъ я пойду къ нимъ. Не горюйте пока, успокойтесь...

Эти слова добряка Гульдена такъ успокоили тетушку и Катерину, что онѣ возвратились къ себѣ, съ надеждою въ душѣ. На меня они не подѣйствовали, и съ этой минуты я не успокаивался ни на одно мгновеніе.

Черезъ недѣлю послѣ этого, въ ратушѣ засѣдалъ ревизіонный совѣтъ, со всѣми окрестными мэрами и нѣсколькими извѣстными людьми, чтобы, въ случаѣ нужды, давать нѣкоторыя разъясненія.

Наканунѣ того дня, Гульденъ надѣлъ свой сюртукъ каштановаго цвѣта, нарядный парикъ и отправился заводить часы къ господину мэру и господину коменданту. Онъ воротился съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ мнѣ, чтобы я ничего не боялся.

Слова хозяина успокоили меня, и я спалъ въ эту ночь сномъ младенца. Но на слѣдующій день возвратился прежній страхъ: боясь, чтобы меня не сочли здоровымъ человѣкомъ, я, не сказавъ ни слова хозяину, выпилъ весь уксусъ изъ судка. Но когда я вошелъ въ комнату Гульдена, и онъ взглянулъ на меня, то у него вырвался невольный крикъ:

— Жозефъ, что съ тобой? Ты красенъ какъ пѣтухъ!

Взглянувъ въ зеркало, я увидѣлъ, что все лицо у меня совершенно красно. Я испугался и, вмѣсто того, чтобы поблѣднѣть со страху, я еще болѣе покраснѣлъ и въ отчаяніи закричалъ:

— Теперь я пропалъ! Теперь не замѣтятъ моихъ недостатковъ и, пожалуй, сочтутъ меня за здороваго; это отъ уксуса кровь бьетъ мнѣ въ голову:

— Какого уксуса?—спросилъ старый часовщикъ.

— Уксуса изъ судка, что я выпилъ для того, чтобы поблѣднѣть... Господи, зачѣмъ я это сдѣлалъ!

— Это вѣдь не убавитъ твоей хромоты, — сказалъ Гульденъ; — ты хотѣлъ обмануть совѣтъ, и это нечестно! — Вотъ бьетъ половина десятаго. Вернеръ заходилъ вчера сказать, чтобы ты былъ тамъ въ десять. Такъ торопись.

Нечего дѣлать, — мнѣ надо было итти въ такомъ положеніи, съ пылавшими отъ уксуса щеками. Тетушка и Катерина, ожидавшія меня въ воротахъ мэрства, едва узнали меня.

— Какой у тебя довольный и веселый видъ!—сказала мнѣ тетушка Гредель.

Услыхавъ это, мнѣ вѣрно сдѣлалось бы дурно, если бы я невольно не подкрѣпился уксусомъ. Я поднялся на лѣстницу, проклиная свою глупость.

Наверху двадцать пять рекрутовъ, выдававшихъ себя за

негодящихся, были уже приняты, и столько же сидѣло въ ожиданіи.

Старый жандармъ Кельцъ ходилъ взадъ и впередъ, и, увидавъ меня, съ удивленіемъ остановился и вскричалъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу! Хоть одинъ, наконецъ, отправится съ удовольствіемъ: любовь къ славѣ пылаетъ въ его глазахъ.

И положивъ руку ко мнѣ на плечо, онъ прибавилъ:

— Это хорошо, Жозефъ, предсказываю тебѣ, что къ концу кампаніи ты будешь капраломъ.

— Да вѣдь я хромой!—съ негодованіемъ вскричалъ я.

— Хромой!—сказалъ Кельцъ, подмигнувъ. — Хромой! Ничего, съ такимъ лицомъ никогда не останешься назади.

Послѣ этихъ словъ дверь въ присутствіе отворилась, и другой жандармъ, Верперъ, крикнулъ:

— Жозефъ Берта!

Я вошелъ, хромая изъ всей мочи. Два доктора разговаривали посреди комнаты, супрефекты, мэры и секретарь сидѣли за столомъ. Одинъ изъ докторовъ обернулся и сказалъ:

— Раздѣвайтесь.

Я раздѣлся до рубашки, которую снялъ съ меня Верперъ. Доктора осмотрѣли меня.

Господинъ супрефектъ сказалъ:

— Вотъ здоровый дѣтина!

Эти слова взбѣсили меня, но я спокойно сказалъ:

— Вѣдь я хромоногій, господинъ супрефектъ.

Доктора осматривали меня, и докторъ нашего госпиталя, которому, вѣроятно, комендантъ говорилъ обо мнѣ, сказалъ:

— Лѣвая нога немного коротка.

— Но она здорова, — замѣтилъ другой.

Потомъ, положивъ мнѣ руку на грудь, онъ сказалъ:

— Славное тѣлосложеніе. Кашляните-ка.

Я кашлянулъ такъ слабо, какъ только могъ; но, несмотря на это, онъ нашелъ, что я крѣпокъ, и прибавилъ еще:

— Взгляните, какой у него цвѣтъ лица; это ужъ видно, что хорошая кровь.

Видя, однако, что меня возьмутъ, если я не буду говорить, я отвѣчалъ:

— Я выпилъ уксусу.

— А,—сказалъ онъ.—Это доказываетъ, что у васъ хорошій желудокъ, если вы любите уксусъ.

— Но вѣдь я хромой!—въ отчаяньи вскричалъ я.

— Не горюйте,—возразилъ докторъ,—ручаюсь вамъ, что нога у васъ крѣпкая.

— Все это,—сказалъ тогда господинъ мэръ, — не мѣшаетъ этому молодому человѣку хромать отъ рожденія; это извѣстно всему Пфальцбургу.

— Конечно, — подхватилъ госпитальный докторъ, — лѣвая нога слишкомъ коротка; такой недостатокъ избавляетъ отъ службы.

— Да,—продолжалъ господинъ мэръ:—я увѣренъ, что онъ не вынесетъ продолжительной службы и останется послѣ второго привала.

Первый докторъ замолчалъ.

— Я уже думалъ, что избавился отъ войны, какъ вдругъ супрефектъ спросилъ меня:

— Вы Жозефъ Берта?

— Да, господинъ супрефектъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, такъ, господа,—сказалъ онъ, вынимая письмо изъ портфеля,—слушайте!

И онъ началъ читать письмо, въ которомъ разсказывалось, что шесть мѣсяцевъ тому назадъ я бился о закладъ, что пройду въ Савернъ и назадъ скорѣе Пинакля; что мы, дѣйствительно, ходили вмѣстѣ менѣе, чѣмъ въ три часа, и что я выигралъ.

Къ несчастью, это была правда! Этотъ негодяй Пинакль вѣчно обзывалъ меня хромымъ, и я, взбѣсившись, побился съ нимъ объ закладъ. Весь городъ зналъ объ этомъ, и потому отрекаться я не могъ.

Я совершенно растерялся, а докторъ сказалъ мнѣ:

— Это разрѣшаетъ дѣло; одѣвайтесь.

Онъ закричалъ, обернувшись къ секретарю:

— Годенъ къ службѣ.

Я одѣлся и вышелъ въ страшномъ отчаяньи, разразившемся въ рыданіяхъ на улицѣ.

Тетушка Гредель всю дорогу кричала, и такъ мы дошли до дому, гдѣ ждалъ насъ хозяинъ, никакъ неожидавшій такой развязки. Я разсказалъ ему исторію съ письмомъ, прибавивъ, что, къ несчастью, все, что въ немъ разсказывалось,—справедливо.

— Бьетъ двѣнадцать часовъ, — сказалъ хозяинъ послѣ нѣкотораго молчанія, — сядемте обѣдать. — Тетушка Гредель и Катерина, садитесь.

Онѣ сѣли, и мы стали обѣдать. Тетушка Гредель кусала губы и, наконецъ, сказала:

— Мнѣ дѣла нѣтъ до страны, гдѣ берутъ отцовъ семействъ, послѣ того, какъ забрали всѣхъ холостыхъ! Будь я на мѣстѣ Жозефа, я сейчасъ бы убѣжала.

— Я люблю болѣе всего миръ и спокойствіе,—отвѣчалъ я, — но все-таки не хотѣлъ бы скрываться въ чужихъ земляхъ, какъ какой нибудь бездомникъ. И не смотря на все это, я сдѣлаю все, что пожелаетъ Катерина; если она велитъ мнѣ бѣжать въ Швейцарію, я убѣгу...

Тогда Катерина потупила голову, чтобы скрыть свои слезы, и тихо прошептала:

— Я не хочу, чтобы тебя могли назвать дезертиромъ.

— Ну, такъ я поступлю какъ другіе!—вскричалъ я.—Такъ какъ рекруты Пфальцбурга и Дагсберга отправляются на войну, то и я пойду!

Господинъ Гульденъ ничего не сказалъ на это.

Къ двумъ часамъ тетушка Гредель встала и взяла свою корзинку. Она казалась точно убитою.

— Ты не хочешь слушать меня, Жозефъ,—сказала она;— но все равно, съ Божьей помощью, все кончится: ты воротишься, а Катерина подождетъ тебя.

Сойдя съ лѣстницы, онѣ крикнули мнѣ, чтобы я приходилъ къ нимъ почаще.

Я чувствовалъ себя такимъ несчастнымъ въ тотъ день, что даже теперь сжимается сердце отъ воспоминанія.

Утромъ 25 января, когда я собрался идти къ Катринѣ, Гульденъ, работавшій у верстака, обернулся и со слезами на глазахъ сказалъ мнѣ:

— Я не хотѣлъ безпокоить тебя на ночь, Жозефъ; но вѣдь надо же сказать: вчера вечеромъ жандармъ принесъ мнѣ твой подорожный билетъ. Ты отправляешься съ пьемонтцами и гонузцами и кое съ кѣмъ изъ нашихъ городскихъ рекрутовъ, между прочимъ, идетъ и Гаспаръ Зебеде; вы отправляетесь въ Майнцъ.

Услыхавъ это, я такъ и упалъ на стулъ. Хозяинъ досталъ

билетъ и прочелъ его. Въ головѣ у меня только и удержалось, что я назначаюсь въ 6-й линейный полкъ.

Чтеніе этого билета страшно подѣйствовало на меня, такъ какъ я ничего не зналъ заранѣе.

Помолчавъ немного, хозяинъ прибавилъ:

— Итальянцы выступаютъ сегодня въ одиннадцать часовъ.

Послѣ этихъ словъ я точно очнулся отъ дурного сна и вскричалъ:

— Такъ я не увижу больше Катерины?

— Увидишь, Жозефъ, увидишь. — въ волненіи сказалъ онъ:—я послалъ сказать матушкѣ Гредель и Катеринѣ; такъ что, дитя мое, онѣ придутъ, и ты простишься съ ними здѣсь.

Видя его печаль, я едва сдерживался, чтобы не зарыдать.

Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Тебѣ не о чемъ безпокоиться, я все заранѣе приготовилъ. И когда ты возвратишься, и я буду еще живъ, ты найдешь меня все тѣмъ же. Я уже становлюсь старъ и былъ бы счастливъ принять тебя и Катерину, какъ своихъ дѣтей... Я уступилъ бы тебѣ свое заведеніе... Но надо покориться, если Богу не угодно, хотя я увѣренъ, что ты вернешься: вѣдь увидятъ же, наконецъ, что ты не можешь много ходить.

Онъ вынулъ изъ шкафа кожаный мѣшокъ.

— Вотъ твой мѣшокъ,—сказалъ онъ:—я положилъ въ него все, что тебѣ нужно: двѣ рубашки, двѣ теплыхъ фуфайки и все остальное. Въ Майнцѣ ты получишь еще двѣ рубашки; больше тебѣ ничего и не надо; я заказалъ тебѣ башмаки,—нѣтъ ничего хуже казенныхъ башмаковъ; они почти всегда изъ копской кожи и страшно горячатъ ноги. Ты и безъ того не твердъ на ногахъ, бѣдняга мой, такъ по крайней мѣрѣ, чтобы хоть не было больно. Ну, вотъ и все.

Онъ положилъ мѣшокъ на столъ, и самъ опять сѣлъ.

Не стану описывать ужаснаго прощанья съ тетушкой, съ Катериной и со старикомъ Гульденомъ. Простившись съ ними, я покидалъ все дорогое въ этой жизни.

Въ тотъ же день мы дошли до Битча, а на слѣдующій до Горнбаха, до Кайзерлаутерна и т. д. Погода испортилась, и шелъ снѣгъ.

Сколько разъ въ продолженіе этого перехода мечталъ я о

теплой шинели господина Гульдена и о рантовыхъ башмакахъ его!

Мы проходили многое множество деревень, то въ горахъ, то въ долинахъ. При входѣ въ каждую деревушку барабанщики били маршъ, причемъ мы выпрямлялись и шагали въ тактъ, чтобы походить на старыхъ солдатъ. Жители деревень говорили при видѣ насъ: «вотъ идутъ рекруты!»

Вечеромъ на ночлегахъ мы съ наслажденіемъ вытягивали усталыя ноги, въ особенности я. Не могу сказать, чтобы у меня особенно болѣла короткая нога, но болѣли вообще обѣ ноги... Вѣдь я никогда не ходилъ до такого утомленія! Нашъ квартирный билетъ давалъ намъ право на мѣсто у очага; но добрые люди давали намъ мѣсто и за своимъ столомъ. Намъ почти всегда давали простокваши и картофеля, а иногда и свинаго сала съ жареной кислой капустой. Дѣти прибѣгали посмотрѣть на насъ, а старухи разспрашивали, откуда мы родомъ и чѣмъ прежде занимались; дѣвушки смотрѣли на насъ съ грустью, вспоминая о своихъ возлюбленныхъ, съ которыми они также должны были разстаться. Послѣ этого намъ показывали наши постели. Съ какимъ блаженствомъ я вытягивался! Какъ хотѣлось проспать часовъ двѣнадцать! Но рано, почти со свѣтомъ будили насъ барабаномъ, и рекруты соскакивали, торопливо одѣвались и уже на ходу благодарили пробудившихся хозяевъ.

Никогда я не забуду, какъ въ Кайзерлаутернѣ, на второй день послѣ нашего выступленія, развязавъ свой мѣшокъ, чтобы достать чистую рубашку, я нашелъ между бѣльемъ довольно тяжелый свертокъ и, развернувъ его, увидѣлъ пятьдесятъ четыре франка и записочку, написанную Гульденомъ: «Будь всегда добрымъ и честнымъ на войнѣ. Вспоминай о своихъ родственникахъ и о всѣхъ тѣхъ, для которыхъ ты готовъ жертвовать жизнью; обращайся человѣколюбиво съ иностранцами для того, чтобы и они такъ же обращались съ нашими. Да благословитъ тебя небо!.. И спасетъ тебя отъ опасностей! Вотъ, Жозефъ, немного денегъ. Пиши намъ какъ можно чаще. Цѣлую тебя, дитя мое».

Читая эти строки, я заливался слезами и думалъ: «Ты не брошенъ... Есть добрые люди, которые думаютъ о тебѣ! Совѣтовъ ихъ не слѣдуетъ забывать».

Наконецъ, на пятый день вечеромъ мы вошли въ Майнцъ.

Пока буду живъ, воспоминаніе о Майнцѣ не изгладится изъ моей памяти. Холодъ былъ страшный; цѣлый день съ утра, проходя по деревнямъ, мы встрѣчали все солдатъ; всѣ деревни были наполнены ими. Ноги у меня такъ болѣли, что я едва поднялся съ послѣдняго привала. Когда мы подошли къ укрѣпленіямъ города, у подъемнаго моста караульный закричалъ:

— Кто идетъ?

Капитанъ, ѣхавшій впередъ, отвѣчалъ:

— Франція.

— Какой полкъ?

— Рекруты 6-го линейнаго.

Все смолкло. Подъемный мостъ спустился. Капитанъ Видаль проѣхалъ впередъ и, поговоривъ съ дежурнымъ офицеромъ, крикнулъ намъ идти. Такимъ образомъ мы вошли въ городъ, гдѣ, несмотря на поздній часъ, всѣ кофейныя и магазины были освѣщены, и народъ разгуливалъ, какъ днемъ. Пройдя нѣсколько улицъ, насъ остановили у высокихъ казармъ.

Подъ воротами казармъ сидѣла маркитантка подъ большимъ трехцвѣтнымъ зонтикомъ, гдѣ висѣли два фонаря.

Лишь только мы остановились, къ намъ вышелъ командиръ и нѣсколько офицеровъ и объявили намъ, что завтра въ восемь часовъ будетъ сборъ и раздача оружія. Намъ дали по хлѣбу и по квартирному билету и велѣли расходиться.

Но куда же идти въ такомъ большомъ городѣ? Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову обратиться къ маркитанткѣ, толстой старухѣ, родомъ изъ Эльзаса. Когда я спросилъ у нея, гдѣ улица Капуньеръ, она отвѣчала мнѣ:

— Что купишь?

И мнѣ пришлось выпить съ ней по рюмкѣ водки, послѣ чего она сказала:

— Прямо противъ насъ, повернуть направо, тамъ и увидишь Капуньеръ Страссе. Прощай, рекрутъ!

Она смѣялась.

У длиннаго Фюрста изъ Пфальцбурга и у Зебеде квартирные билеты были тоже въ Капуньеръ Страссе. Мы были довольны ужъ и тѣмъ, что могли дѣлить невзгоды вмѣстѣ въ этомъ чужомъ городѣ.

Фюрстъ прежде насъ отыскалъ свою квартиру; пока онъ стучался, я нашелъ и свою; въ окнахъ означеннаго въ моемъ

билетѣ дома былъ свѣтъ, и я вошелъ въ отворенную дверь. Въ коридорѣ меня обдало запахомъ свѣжаго хлѣба. Зебедеи пошелъ далѣе. А я крикнулъ изъ коридора: «Кто тутъ есть?»

Наверху деревянной лѣстницы показалась старуха, заслонявшая рукою свѣчу.

— Что вамъ угодно?— сказала она.

Я объяснилъ, что назначенъ къ нимъ на постой. Она сошла, посмотрѣла на мой билетъ и сказала по-нѣмецки:

— Идемте!

Войдя на лѣстницу и проходя мимо отворенной двери, я увидѣлъ двухъ человѣкъ въ штанахъ, но безъ рубашекъ, мѣсившихъ тѣсто. Я попалъ къ булочнику, и вотъ почему эта старуха еще не спала. На ней былъ чепецъ съ черными лентами, засученные по локоть рукава и толстая, синяя шерстяная юбка, державшаяся на помочахъ. Она казалась грустною.

— Вы поздно пришли,—сказала она, приведя меня въ довольно большую комнату съ хорошей изразцовой печкой и постелью въ глубинѣ.

— Да, мы шли весь день,—отвѣчалъ я, едва ворочая языкъ:—я умираю отъ голода и усталости.

Она посмотрѣла на меня, и я слышалъ, какъ она сказала:

— Бѣдный мальчикъ, бѣдный!

Она посадила меня у печки и спросила:

— У васъ болятъ ноги?

— Ужъ три дня, какъ болятъ.

— Снимите ваши башмаки и надѣньте эти. Я сейчасъ приду.

Она поставила свѣчку на столъ и спустилась съ лѣстницы. Я снялъ мѣшокъ и башмаки; ноги у меня были въ пузыряхъ, и я думалъ: «Господи, какое мученіе! Не лучше ли умереть?»

Эта мысль часто являлась мнѣ дорогой, но тутъ, въ теплой комнатѣ, я чувствовалъ себя такимъ усталымъ и такимъ несчастнымъ, что съ удовольствіемъ заснулъ бы навѣки, несмотря на Катерину, несмотря на тетушку Гредель, на Гульдена и всѣхъ, желавшихъ мнѣ добра. Да, я былъ такъ несчастливъ!

Въ то время, какъ я думалъ объ этомъ, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ высокій, крѣпкій, но уже сѣдой муж-

чйна. Это былъ одинъ изъ работавшихъ тамъ внизу. Онъ надѣлъ рубашку и несъ кружку и два стакана.

— Доброй ночи!—сказалъ онъ, задумчиво глядя на меня.

Я наклонилъ голову. За нимъ вошла старуха съ лоханью въ рукахъ, которую она поставила подлѣ моего стула.

— Возьмите ножную ванну,—сказала она мнѣ:—это облегчитъ васъ.

Я былъ тронутъ, услыхавъ это, и подумалъ, что есть же на свѣтѣ добрые люди! Когда я снялъ чулки, и старуха увидѣла, что изъ лопнувшихъ пузырей шла кровь, она воскликнула!

— Бѣдняжка, бѣдняжка!

Старикъ же спросилъ меня:

— Откуда вы родомъ?

— Изъ Ифальцбурга, въ Лотарингіи.

— А!—проговорилъ онъ.

Потомъ, помолчавъ, онъ сказалъ женѣ:

— Принеси-ка одну изъ нашихъ лепешекъ; а молодой человѣкъ выпьетъ стаканъ вина, и потомъ мы уложимъ его спать, ему надо отдохнуть.

Онъ придвинулъ ко мнѣ столъ такъ, что ноги мои были въ ваннѣ, а я, между тѣмъ, могъ пить. Онъ налилъ оба стакана бѣлымъ виномъ, говоря мнѣ:

— За ваше здоровье!

Старуха вышла. Она воротилась съ горячей лепешкой, намазанной свѣжимъ, еще не вполнѣ растопившимся масломъ. Только тутъ я почувствовалъ, до чего я голоденъ; мнѣ чуть не сдѣлалось дурно. Кажется, эти добрѣйшіе люди замѣтили это, потому что старуха сказала мнѣ:

— Дитя мое, сначала надо вынуть изъ воды ноги, а потомъ ужъ начать ѣсть.

Она наклонилась и стала вытирать ноги мои своимъ передникомъ, прежде чѣмъ я успѣлъ понять, что она дѣлаетъ. Но потомъ я воскликнулъ:

— Господи, вы обращаетесь со мной, какъ съ своимъ сыномъ!

Она отвѣчала мнѣ, немного помолчавъ:

— У насъ есть сынъ въ арміи.

Я слышалъ, что, произнося эти слова, голосъ ея дрожалъ.

и это сжало мнѣ сердце: я вспомнилъ о Катеринѣ, о тетушкѣ Гредель и не могъ ничего отвѣтить.

— Кушайте и пейте,—сказалъ старикъ, разрѣзая мнѣ лепешку.

Это я сдѣлалъ съ блаженствомъ, какого до сихъ поръ не испытывалъ. Оба старика задумчиво глядѣли на меня. Когда я кончилъ, старикъ всталъ.

— Да,—сказалъ онъ,—у насъ сынъ въ арміи; онъ отправился въ прошломъ году въ Россію, и съ тѣхъ поръ мы не имѣемъ о немъ извѣстій... Эти войны ужасны!

Онъ говорилъ точно самъ съ собою, расхаживая съ задумчивымъ видомъ и заложивъ руки за спину. Я же чувствовалъ, что у меня слипаются глаза.

— Ну, прощайте,—проговорилъ старикъ.

Онъ вышелъ; старуха ушла за нимъ, взявъ съ собою лоханку.

— Спасибо,—закричалъ я имъ:—дай Богъ вашему сыну возвратиться!

Потомъ я раздѣлся и заснулъ.

Только въ Франкфуртѣ началъ я понимать военную жизнь. Кромѣ военнаго ученья, я узналъ еще, что капралъ всегда правъ, когда говоритъ съ солдатомъ, сержантъ—когда говоритъ съ капраломъ, сержантъ-маіоръ—когда говоритъ съ сержантомъ, подпоручикъ—когда говоритъ съ сержантомъ-маіоромъ, и такъ далѣе до маршала Франціи, если бы даже они говорили, что дважды два пять и что луна свѣтитъ среди бѣлаго дня.

Изъ Франкфурта я написалъ къ своимъ въ Пфальцбургъ и написалъ въ Майнцъ, въ Капуцинеръ Страссе, извиняясь передъ добрыми людьми, приголубившими меня, что я долженъ былъ уйти, не простившись съ ними.

Около этого времени случилось нѣчто необыкновенное.

Зебеде, съ которымъ я спалъ на одной постели, былъ сынъ пфальцбургскаго могильщика, и мы иногда въ шутку звали его «могильщикомъ». Онъ не обижался этимъ прозвищемъ, но разъ вечеромъ, послѣ ученья, онъ проходилъ черезъ дворъ, какъ какой-то гусаръ вдругъ крикнулъ ему:

— Эй, ты, могильщикъ, иди-ка, помоги мнѣ поднять соломы!

Зебеде обернулся и отвѣчалъ ему:

— Я не могильщикъ, и вы можете сами внести солому! Я вамъ не скотина.

Тогда гусаръ еще громче закричалъ ему

— Рекрутъ, иди сюда или берегись, я тебя!

Зебеде не отличался кротостью. Онъ подошелъ къ гусару и спросилъ его:

— Что вы говорите?

— Я говорю тебѣ: снеси эту солому и живѣй, слышишь, рекрутъ?

Гусаръ былъ человѣкъ старый, съ большими, рыжими усами и щетинистыми бакенбардами. Зебеде схватилъ его за одну изъ бакенбардъ, а гусаръ далъ ему двѣ пощечины. Несмотря на это, въ рукѣ Зебеде остался клокъ волосъ; на эту ссору сбѣжалось много народа, и потому гусаръ, поднявъ палецъ, сказалъ ему:

— Рекрутъ, завтра услышишь обо мнѣ.

— Хорошо,—сказалъ Зебеде,—посмотримъ. Я тоже кое-что приподнесу вамъ, старина.

Онъ пришелъ тотчасъ же разсказать мнѣ все, но я, зная, что у него, кромѣ заступа, и въ рукахъ ничего не бывало, пришелъ за него въ ужасъ.

— Послушай, Зебеде,—сказалъ я ему;—такъ какъ дезертировать ты не хочешь, теперь тебѣ больше нечего дѣлать, какъ пойти и попросить прощенія у этого старика... вѣдь эти старики дерутся на славу; они вѣдь бывали и въ Египтѣ, и въ Испаніи, и Богъ знаетъ гдѣ. Повѣрь мнѣ! Если хочешь, я дамъ тебѣ пару франковъ, угостить его; это тронетъ его.

Но онъ нахмурилъ брови и ничего не хотѣлъ слушать.

— Я скорѣе повѣшусь, чѣмъ пойду просить прощенія,—сказалъ онъ.—Я плюю на всѣхъ гусаровъ вмѣстѣ. Онъ умѣетъ драться, да вѣдь я не безъ рукъ и сумѣю его толкнуть саблей.

Онъ не могъ забыть его пощечинъ.

Почти вслѣдъ за этимъ вошли фехтмейстеръ Шази, капралъ Флери, Клипфель, Фюрстъ; всѣ они оправдывали Зебеде, и фехтмейстеръ говорилъ, что только кровью можно смыть такую обиду и что ради чести рекрутовъ надо драться.

Зебеде отвѣчалъ, что пфальцбурги никогда не боялись крови, и что онъ готовъ драться. Тогда фехтмейстеръ пошелъ къ ротному капитану Флорантену, человѣку самому представитель-

ному, получившему орденъ отъ императора за битву при Эйлау. Капитанъ нашелъ совершенно естественнымъ драться за пощечину; онъ сказалъ даже, что это послужитъ хорошимъ примѣромъ рекрутамъ, и что если бы Зебеде не сталъ драться, онъ недостоинъ быть въ 3 батальонѣ 6 линейнаго полка.

Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ; слыша, какъ товарищъ мой храпитъ, я думалъ: «Бѣдный Зебеде, завтра ты храпѣть больше не будешь!» Меня дрожь пробирала при мысли, что я лежу подлѣ такого человѣка. Наконецъ, къ свѣту я заснулъ, но вдругъ почувствовалъ ужасный холодъ; я открылъ глаза и что же увидѣлъ! Старый, рыжій гусаръ сдернулъ съ насъ одѣяло, говоря:

— Ну, вставай, лѣнтяй, я покажу тебѣ, какъ со мной шутить.

Зебеде покойно всталъ и отвѣчалъ:

— Я спалъ, ветеранъ, я спалъ.

Гусаръ услыхавъ, что его назвали ветераномъ, хотѣлъ броситься на моего товарища; но два солдата, служившіе ему свидѣтелями, удержали его; къ тому же, въ комнатѣ всѣ нфальцбургцы были на лицо.

— Ну, ну... пошевеливайся!..—кричалъ старикъ.

Но Зебеде одѣвался, не торопясь. Черезъ минуту онъ сказалъ:

— Позволятъ ли намъ отлучиться изъ города, старина?

— И на дворѣ будетъ мѣсто помѣряться,—сказалъ одинъ изъ гусаровъ.

Мѣсто, куда они вышли, было полно крапивой; изъ нашихъ оконъ оно было совершенно видно.

Зебеде взялъ фуражку и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ:

— Жозефа и тебя, Клипфель, я выбираю себѣ въ свидѣтели.

Я отрицательно покачалъ головой.

— Ну, такъ пойдемъ же, Фюрстъ!—сказалъ онъ.

Я считалъ Зебеде уже погибшимъ и съ отчаяніемъ думалъ: вотъ не только русскіе и пруссаки давятъ насъ, но и свои-то тоже.

Всѣ, бывшіе въ комнатѣ, бросились къ окошкамъ, только я не тронулся съ постели. Черезъ минуту бряцаніе сабель заставило меня поблѣднѣть, и я точно замеръ.

Но это продолжалось недолго, Клинфель вдругъ крикнулъ: «Тронуть!»

Тутъ ужъ я не помню, какъ я добрался до окна и, заглядывая черезъ другихъ, увидѣлъ гусара, прислонившагося къ стѣнѣ, а Зебеде поднимался съ земли съ окровавленною саблею въ рукѣ: во время битвы онъ упалъ на колѣни, сабля старика проскочила выше плеча, а онъ, не теряя ни минуты, проткнулъ ему животъ. Не упади онъ нечаянно, старикъ прокололъ бы его въ самое сердце.

Вотъ, что я сразу увидѣлъ:

Гусаръ падалъ на стѣну, товарищи поддерживали его подъ руки, а Зебеде блѣдный, какъ мертвецъ, смотрѣлъ на свою саблю въ то время, какъ Клинфель подавалъ ему фуражку.

Вслѣдъ за этимъ мы сошли къ утренней перекличкѣ.

Въ тотъ же день мы выступили изъ Франкфурта. Зебеде утѣшался тѣмъ, что увидитъ маршала, храбраго изъ храбрыхъ. Я же думалъ: «пріятнѣе было бы увидѣть его, сидя дома».

Маршалъ Ней долженъ былъ дѣлать намъ смотръ.

Наконецъ, онъ пріѣхалъ. Это былъ красивый мужчина и, кажется, не гордый, потому что, проѣзжая мимо нашей роты и посмотрѣвъ на капитана, дѣлавшаго ему на караулъ, онъ вдругъ обернулся на своей высокой лошади и громко сказалъ:

— Да это ты, Флорентинъ!

При этомъ капитанъ выпрямился, не зная, что отвѣчать. Кажется, что Флорентинъ и маршалъ были вмѣстѣ простыми солдатами во времена республики. Капитанъ отвѣчалъ, наконецъ:

— Да, маршалъ, я Севастьянъ Флорентинъ.

— Я радъ, что вижу тебя,—сказалъ маршалъ, указывая рукою въ ту сторону, гдѣ Россія:—я думалъ, что ты погибъ тамъ.

Вся наша рота была довольна, а Зебеде сказалъ мнѣ:

— Вотъ это такъ человѣкъ! Я готовъ положить за него свою голову.

Я не понималъ, почему Зебеде хочетъ положить свою голову ради того, что маршалъ поздоровался съ своимъ старымъ товарищемъ.

Все это происходило въ Ашафенбургѣ. Въ тотъ же вечеръ

мы пришли въ Швейнгеймъ, гдѣ я попалъ на квартиру къ деревенскому почтмейстеру, у котораго взяли нѣсколько лошадей подъ нашу кавалерію, что, конечно, не могло доставить ему особеннаго удовольствія. Къ нему ходилъ пасторъ, не разъ говорившій мнѣ, что французы—нація тщеславная, и что нѣмцы устроили союзъ добродѣтели, чтобы покорить насъ.

Въ началѣ,—говорилъ онъ мнѣ,—вы толковали о свободѣ; мы любили слушать это и сочувствовали вашимъ арміямъ больше, чѣмъ арміямъ короля прусскаго и императора австрійскаго; вы воевали тогда съ нашими солдатами, а не съ нами; вы боролись за идеи, которыя мы находили справедливыми и великими; и вотъ почему вы имѣли дѣло не съ народами, а съ ихъ правительствами. Теперь все перемѣнилось, теперь пойдетъ вся Германія, возстанетъ вся молодежь, и мы заговоримъ Франціи о свободѣ, о добродѣтели и о справедливости. Сила всегда будетъ на сторонѣ тѣхъ, кто говоритъ объ этихъ вещахъ, потому что противъ нихъ могутъ быть только негодяи, а за нихъ будутъ молодость и храбрость, и великія идеи, все, что возвышаетъ душу и заставляетъ безъ сожалѣнія жертвовать жизнью. Генералы наши бились прежде за свободу, они спали на соломѣ, въ сараяхъ, какъ простые солдаты: это были желѣзные люди! Теперь имъ нужны диваны, теперь они больше дворяне, чѣмъ наши бароны, и богаче нашихъ банкировъ. Теперь выходитъ, что война, бывшая нѣкогда жертвою, преданностью отечеству, сдѣлалась ремесломъ и ремесломъ очень выгоднымъ. Конечно, воевать—дѣло благородное, но все-таки большая разница—воевать за всемірныя идеи или воевать, чтобы нажиться грабежомъ. Теперь наша очередь говорить о свободѣ, и вы напрасно думаете, что одержите верхъ; всѣ нѣмцы понимаютъ, что грѣшно воевать съ своими братьми.

Такъ говорилъ пасторъ, а я думалъ: все это слова, а не удары штыками, и еслибъ противъ насъ шли только студенты и теологи, дѣло было бы недурно. Видно, что пасторъ никогда не служилъ, а то онъ зналъ бы, что мысли его ничего не значатъ, а что главное—служба.

Вскорѣ мы получили приказъ выступить 27 марта. Всѣ въ полку говорили, что мы подходимъ къ мѣсту битвы; Клипфель и Зебеде только и говорили о томъ, какъ напасть на пруссаковъ,

а я, не желая показаться трусомъ, и чтобы не отстать отъ другихъ, говорилъ тоже, что это радуетъ меня.

Въ Эрфуртѣ я получилъ письмо и тотчасъ же узналъ руку Катерины; это такъ меня обрадовало, что я едва могъ держаться на ногахъ.

Себеде тоже былъ очень радъ услыхать, что-нибудь новенькое изъ Пфальцбурга. Всѣ пфальцбургцы подошли ко мнѣ. Я плакалъ, читая, что Катерина молится за меня, а земляки мои, слушая, говорили:

— Да, и за насъ тоже, вѣрно, кто-нибудь молится!

Одинъ говорилъ о матери, другой о сестрѣ, третій о невѣстѣ. Въ концѣ письма господинъ Гульденъ писалъ, что всѣ въ городѣ здоровы, чтобы я терпѣливо переносилъ все, потому что бѣдствія такія не вѣчны. Онъ поручилъ мнѣ передать товарищамъ, что о нихъ думаютъ и что родные жалуются, не получая отъ нихъ писемъ.

Это письмо сильно утѣшило всѣхъ насъ. И когда теперь я припоминаю, что мы получили его незадолго до начала битвы, оно мнѣ кажется какимъ-то прощаніемъ нашей родины съ большею частью нашихъ товарищей: многіе никогда больше не слыхали о своихъ родныхъ, о своихъ друзьяхъ и о всѣхъ, кого любили въ этомъ мірѣ.

18-го марта мы еще стояли въ Эрфуртѣ. Придя разъ съ караула, я встрѣтилъ сержанта Пинто, очень полюбившаго меня, и онъ сказалъ мнѣ:

— Рядовой Берта, императоръ пріѣхалъ.

Никто еще не слыхалъ объ этомъ, и я отвѣчалъ ему:

— Съ вашего позволенія, сержантъ, мы только что сейчасъ выпили рюмку-другую съ сапером Мерленомъ, стоявшимъ ночью на караулѣ у генерала, и онъ ничего не говорилъ мнѣ.

Сержантъ же, мигнувъ глазомъ, сказалъ мнѣ:

— Да это чувствуется въ воздухѣ, все ожило. Подожди первой битвы, тогда и кайзерлики, и казаки безъ очковъ увидятъ, что онъ съ нами, чутьемъ услышатъ.

Говоря это, сержантъ смѣялся себѣ подъ носъ.

Я предчувствовалъ большое несчастіе, а между тѣмъ, принужденъ былъ показывать довольный видъ.

Сержантъ не ошибся, потому что въ тотъ же день, къ тремъ часамъ пополудни, всѣ войска, стоявшія лагеремъ вокругъ го-

рода, тронулись съ мѣста, а къ пяти часамъ мы взяли ружья: маршалъ, принцъ московскій, входилъ въ городъ, среди множества офицеровъ и генераловъ, составлявшихъ его штабъ; почти въ то же время въ городъ прибылъ генералъ Сугамъ, старый, сѣдой старикъ, и сдѣлалъ намъ на площади смотръ. Онъ сказалъ намъ громкимъ голосомъ:

— Солдаты, вы будете авангардомъ 3-го корпуса; постарайтесь помнить, что вы—французы. «Да здравствуетъ императоръ!»

Послѣ этого всѣ крикнули: «да здравствуетъ императоръ!»

Генералъ уѣхалъ. Въ эту же ночь насъ смѣнили гессенцы, и мы вышли изъ Эрфурта съ 10-мъ гусарскимъ и полкомъ баденскихъ стрѣлковъ. Къ девяти часамъ мы остановились варить супъ и услыхали вдали трескъ ружейныхъ выстрѣловъ; гусары наши встрѣтили на улицахъ прусскихъ гусаровъ и стали перестрѣливаться. Но это было такъ далеко, что мы почти не видали этой битвы.

Черезъ часъ гусары воротились, у нихъ было двое убитыхъ. Такимъ образомъ началась кампанія.

Мы оставались тамъ пять дней, пока не подошелъ весь третій корпусъ. Такъ какъ мы были въ авангардѣ, то намъ пришлось выступить раньше къ Сульзѣ и Вартау. Тутъ-то мы увидали непріятеля: казаковъ, отступавшихъ все болѣе, чѣмъ на разстояніи выстрѣла, что придавало намъ все болѣе и болѣе храбрости.

Меня ужасно злило, что Зебеде говорилъ съ неудовольствіемъ:

— Когда же они остановятся? Когда же они остановятся?

А я думалъ: «Хорошо, кабы они ушли, лучшаго и желать нельзя! Мы выиграемъ, ничего не потерявъ.

Но они остановились по другую сторону довольно широкой и глубокой рѣки; тамъ тянулась долина, а по дорогѣ роились все конные отряды. Сержантъ Пинто узналъ въ нихъ русскихъ.

Мы подошли къ самому берегу, чтобы стрѣлять въ удалявшуюся конницу. Ночью мы варили супъ, когда подошли другіе полки и тоже расположились бивуакомъ на берегу. Никому не хотѣлось спать; Зебеде, Клинфель, Фюрстъ и я ѣли изъ одной чашки и говорили, глядя другъ на друга:

— Завтра, если перейдемъ рѣку, зададимъ мы пару! У насъ

въ Пфальцбургѣ и не подозрѣваютъ, что мы сидимъ теперь на берегу рѣки, бѣдствуемъ и спимъ на землѣ, добывая себѣ на старость ревматизмы, не говоря уже объ ожидающихъ насъ ранахъ.

— Ну, что же,—говорилъ Клипфель,—такъ жить веселѣе. А что касается ранъ, такъ вѣдь и мы сумѣемъ нанести столько же, сколько получимъ.

— Да,—говорилъ Зебеде, закуривая трубку,—я знаю, что я не положу охулки на руку.

Такъ мы разговаривали часа три: Лежеръ завернулся въ плащъ, легъ и заснулъ, протянувъ ноги къ огню, когда шаговъ за двѣсти отъ насъ караулъ крикнулъ:

— Кто идетъ?

— Франція!

— Какой полкъ.

— Шестой линейный.

Это ѣхалъ маршалъ Ней и генералъ Бренье, съ понтонными офицерами и пушками. Маршалъ отвѣчалъ 6-й линейный, потому что заранѣе зналъ, гдѣ мы стоимъ: это намъ доставило удовольствіе и даже польстило намъ. Несмотря на ночь, мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что мы узнали маршала, ѣдущаго верхомъ вмѣстѣ съ генераломъ Сугамомъ и пятью или шестью старшими офицерами.

Они остановились у поворота рѣки, гдѣ поставили шесть пушекъ и вслѣдъ за этимъ стали строить мосты.

Къ разсвѣту я заснулъ, и меня насилу растолкалъ Клипфель. Вездѣ били сборъ. Мы перешли на другой берегъ, и когда утренній туманъ разсѣялся, мы увидали справа какой-то старый городъ съ замкомъ: это былъ Вейсенфельсъ.

Между городомъ и нами тянулась лощина. Подъѣхавшій маршалъ Ней хотѣлъ сначала узнать, что такое въ этой лощинѣ. Двѣ роты 27-го полка разсыпались застрѣльщиками, а каре пошли ровнымъ шагомъ.

Никто не довѣрялъ этой лощинѣ. А я думалъ: «можетъ быть они отступятъ при видѣ насъ, это все-таки было бы лучше и для нихъ, и для насъ».

Я шелъ во второмъ ряду, сзади Зебеде, и глазъ не спускалъ съ лощины.

Застрѣльщики подошли къ лощинѣ, окаймленной кустарникомъ и живыми изгородями. Еще за нѣсколько минутъ до

этого, я замѣтилъ издали точно что-то блеститъ и подумалъ:— ужъ не русскіе ли это съ своими пиками.—Когда же застрѣльщики подошли къ самымъ кустамъ, и когда началась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перестрѣлка, я убѣдился, что то были пики. Въ ту же минуту прямо противъ насъ что-то блеснуло, и раздался ударъ пушечнаго выстрѣла. Это были русскіе съ пушками; они-то и выстрѣлили въ насъ. Не знаю, какой-то странный шумъ заставилъ меня обернуть голову, и я увидѣлъ налѣво въ рядахъ пустое мѣсто.

Въ то же время полковникъ Цапфель спокойно сказалъ:

— Сомкнись!

Капитанъ Флорентинъ тоже проговорилъ:

— Сомкнись!

Это сдѣлалось все такъ быстро, что я не успѣлъ опомниться. По шагахъ въ пятидесяти еще разъ сверкнула молнія, произошелъ въ рядахъ такой же шумъ, какъ прежде, какъ будто пробѣжалъ вихрь, и я опять увидѣлъ пустое мѣсто, въ этотъ разъ съ правой стороны.

И такъ какъ послѣ каждаго удара русскихъ пушекъ, полковникъ говорилъ: «сомкнись!», то я понялъ, что всякій разъ многихъ недостаетъ! Эта мысль совсѣмъ смутила меня; но, тѣмъ не менѣе, надо было идти впередъ.

Я не смѣлъ осматриваться и старался не думать, когда генералъ Шемино, въѣхавъ въ наше каре, вдругъ крикнулъ страшнымъ голосомъ: «стой!»

Тогда я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что куча русскихъ летитъ на насъ.

— Первый рядъ... на колѣни... штыки впередъ!—крикнулъ генералъ.—Готовься!

Такъ какъ Зебеде сталъ на колѣни, я очутился точно будто въ первомъ ряду. Я будто теперь вижу, какъ летѣла въ рядъ вся эта толпа лошадей и наклонившихся русскихъ съ саблями въ рукахъ, и какъ генералъ спокойно говорилъ за нами, точно на ученьи:

— Слушай команду. Цѣлься... Пли!

Мы выстрѣлили, всѣ четыре каре вмѣстѣ; можно было подумать, что рушится весь міръ. Когда дымъ нѣсколько разсѣялся, мы увидѣли, что русскіе во весь опоръ несутся назадъ;

но пушки наши грохотали, и ядра летѣли быстрѣе ихъ лошадей.

— Заряжай!—крикнулъ генералъ.

Мнѣ кажется, я никогда въ жизни не испытывалъ такого удовольствія, какъ тогда.—«Это что—они бѣгутъ!»—говорилъ я самъ себѣ.

А крики: «да здравствуетъ императоръ!» неслись со всѣхъ сторонъ.

Я съ радости сталъ кричать вмѣстѣ съ другими. Это продолжалось съ минуту. Каро опять двинулось дальше, и мы думали, что все уже кончено; но за двѣсти или триста шаговъ отъ лощины послышался шумъ, и генералъ крикнулъ:

— Стой... На колѣни... Штыки впередъ!

Изъ лощины, какъ вихрь, неслись на насъ русскіе. Ихъ было еще больше, чѣмъ прежде, такъ что земля дрожала. Хотя команды не было уже слышно, но чутье французскихъ солдатъ подсказывало имъ, что надо стрѣлять въ непріятеля, и выстрѣлы раздались, какъ бой барабана. Тотъ, кто не видѣлъ этого самъ, не можетъ имѣть объ этомъ понятія. Иные русскіе подскакивали къ намъ; сквозь дымъ видно было, какъ они поднимались и потомъ опять исчезали.

Черезъ нѣсколько минутъ постоянной стрѣльбы и заряжанія ружей раздалась команда генерала Шемино: «прекратить огонь!»

Мы едва рѣшились послушаться; всѣ точно торопились еще разъ выстрѣлить; но когда дымъ разошелся, мы увидѣли эту страшную кавалерію, поднимавшуюся на противоположный берегъ лощины. Мы же крикнули: «впередъ!» и двинулись къ городу. Русскіе уходили: битва была выиграна!

Въ городъ мы вошли съ трехъ концовъ, перескакивая заборы, изгороди и пробѣгая черезъ огороды и сады; выйдя на площадь, мы остановились, а маршалъ, не теряя ни минуты, послалъ отрядъ занять мостъ и отрѣзать непріятелю возможность отступленія. Бургомистръ и совѣтники Вейсенфельса вышли къ намъ съ привѣтствіемъ.

Когда мы всѣ стали въ порядкѣ, маршалъ, принцъ московскій, проѣхалъ передъ фронтомъ и привѣтливо сказалъ намъ:

— Слава Богу!.. Я доволенъ вами!.. Императору будетъ извѣстно ваше отличное поведеніе... хорошо!

Онъ не могъ удержаться отъ смѣху, потому что мы бѣжали черезъ пушки. И когда генералъ Сугамъ сказалъ ему:—«Дѣло идетъ на ладъ!»—онъ отвѣчалъ:

— Да, да, заговорила французская кровь!

А я радовался, что дешево отдѣлался отъ этого дѣла.

На слѣдующее утро, часовъ въ пять, мы выступили изъ Вейсенфельса, и пошли не по мосту, а въ бродъ. Вода была выше колѣнъ, и мнѣ невольно пришло въ голову, какъ, живя у Гульдена, я боялся промочить ноги и получить насморкъ.

По другую сторону рѣки на возвышеніяхъ разъѣзжали казаки, но не нападали на насъ. Мы шли по берегу съ полчаса, когда вдругъ услышали стрѣльбу, а сержантъ Пинто говорилъ:

— Приближается дивизія: ее атаковали.

— Впередъ! —крикнулъ командиръ.

Мы побѣжали, и русскіе отступили передъ нашей дивизіей, мы расположились въ деревнѣ Гершенъ. Слухъ ходилъ, что предполагается большое сраженіе, и что все, что было до сихъ поръ, было только началомъ,—для того, чтобы испробовать, какъ стоятъ рекруты противъ огня. Послѣ этого можно себѣ представить, что было въ головѣ у человѣка благоразумнаго, поневолѣ попавшаго въ среду такихъ безпечныхъ людей, какъ Фюрстъ, Зебеде, Клипфель, которые даже радовались, какъ будто большое сраженіе могло принести имъ что нибудь, кромѣ ударовъ штыковъ, сабель и пуль.

На пригоркѣ передъ деревней развели два костра; въ деревню спустился отрядъ и привелъ намъ пять или шесть коровъ для супа. Но мы такъ устали, что большинству хотѣлось больше спать, чѣмъ ѣсть

Я тоже заснулъ отъ утомленія, но просыпался каждый часъ, слыша за нами по дорогѣ, ведущей въ Лютценъ и въ Лейпцигъ, шумъ, звукъ обозныхъ колесъ, пушекъ и зарядныхъ ящиковъ.

Сержантъ Пинто не спалъ; онъ курилъ трубку, высушивая у огня ноги. Каждый разъ, когда кто-нибудь шевелился, онъ заговаривалъ:

— Ну что, рекрутъ?—говорилъ онъ.

Но рекрутъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, зѣвая, поворачивался и засыпалъ.

На часахъ Гершена пробило шесть часовъ, когда я проснулся. Поясница и ноги у меня были точно сломаны, но умер-

шись руками, я всталъ, подсѣлъ къ огню, такъ какъ мнѣ было холодно. Огонь уже почти погасъ, и въ кострѣ тлѣлось только нѣсколько углей. Сержантъ, стоя, смотрѣлъ на бѣлую долину, чуть-чуть освѣщенную солнцемъ.

Вокругъ насъ всѣ спали,—кто на спинѣ, кто на боку, протянувъ ноги къ огню; многіе храпѣли и бредили велухъ.

— Ну, рядовой Берта, такъ мы теперь въ арьергардѣ?—сказалъ мнѣ сержантъ, видя, что я проснулся.

Онъ подошелъ къ косту и взялъ уголекъ—закурить трубку. Я не понималъ, что онъ хочетъ сказать.

— Это удивляетъ тебя, рекрутъ?—замѣтилъ онъ,—а между тѣмъ это ясно: мы не тронулись съ мѣста, а армія обошла вокругъ. Теперь она у Лютцена, и вмѣсто того, чтобы быть во главѣ, мы очутились въ хвостѣ.

И онъ лукаво подмигнулъ глазами, выпустивъ два три клуба дыму.

— Какой же намъ прокъ отъ этого?—сказалъ я ему.

— Прокъ тотъ, что мы первые придемъ въ Лейпцигъ и нападемъ на пруссаковъ,—отвѣчалъ онъ.—Ты поймешь это потомъ, рекрутъ.

Тутъ я всталъ, чтобы осмотрѣть мѣстность, и увидѣлъ передъ нами большую болотистую долину, по которой текли двѣ рѣчки, а вдали текла широкая рѣка, которую сержантъ назвалъ Эльстеромъ.

Къ семи часамъ намъ роздали хлѣбъ и заряды.

Въ деревню пріѣхали тоже двѣ маркитантки, и такъ какъ у меня было довольно денегъ, я предложилъ по рюмкѣ Клипфелю и Зебеде. Я осмѣлился предложить и сержанту Пинто, который, принимая, сказалъ: «водка съ хлѣбомъ согрѣваютъ душу».

Мы были совершенно довольны, и никто не предчувствовалъ страшныхъ вещей, которыя должны были совершиться въ этотъ день. Предполагалось, что русскіе и пруссаки далеко отъ насъ и ищутъ насъ гдѣ-нибудь за Грунебахомъ; но они знали, гдѣ мы, и вдругъ, около десяти часовъ, генералъ Сугамъ съ своими офицерами проскакалъ на гору во весь опоръ: онъ узналъ что-то. Я стоялъ на караулѣ подлѣ козелъ, и какъ теперь вижу его сѣдую голову въ большой шляпѣ, окаймленной бѣлымъ,—какъ онъ пріѣхалъ на вершину горы, посмотрѣлъ въ подзорную трубу и быстро съѣхалъ въ деревню, приказывая бить сборъ.

Всѣ пикеты отступали къ намъ, а Зебеде, имѣвшій необыкновенное зрѣніе, сказалъ:

— Вотъ тамъ, подлѣ Эльстера, кишатъ толпы... нѣкоторые идутъ въ порядкѣ; что если они всѣ нападутъ на насъ?

— Э,—сказалъ сержантъ Пинто, подпявъ носъ и заслоняясь рукой отъ свѣта,—да это начинается сраженіе, или я ничего не понимаю. Въ то время, какъ наша армія двигается къ Лейпцигу, эти негодяи, пруссаки и русскіе, хотятъ захватить насъ врасплохъ и всѣхъ перекрошить. Это ловко съ ихъ стороны; они съ каждымъ днемъ все выучиваются болѣе и болѣе военнымъ хитростямъ!

— А мы-то что же будемъ дѣлать?—спросилъ Клипфель.

— Мы будемъ стоять, пока на помощь не подоспѣетъ императоръ.

И тотчасъ пять или шесть офицеровъ понеслись въ Лютценъ; я молилъ Бога, чтобы они во время успѣли предупредить армію о нашемъ положеніи.

— Вамъ посчастливилось, рекруты, — говорилъ Пинто, — теперь увидите жаркое дѣло; черезъ часъ мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ сотней тысячъ самыхъ отчаянныхъ русскихъ и пруссаковъ. Это будетъ сраженіе, въ которомъ можно получить крестъ, а не получишь, такъ ужъ больше и надѣяться нечего.

— Вы полагаете, что это такъ, сержантъ?—сказалъ Зебеде, у котораго въ головѣ никогда не бывало ясно, и которому казалось ужъ, что крестъ онъ получитъ. Глаза его заблестѣли, какъ у дикаго звѣря при видѣ добычи.

— Да,—отвѣчалъ сержантъ,—дѣло будетъ жаркое, и если случится, что въ сумятицѣ увидишь полковника, пушку, знамя или что-нибудь, что бросится въ глаза,—бросаешься на это, несмотря на удары, хватаешь, и если удастся вернуться—дѣло въ шляпѣ.

Въ то время, какъ онъ это разсказывалъ, мнѣ пришло въ голову, что мэръ Фельзенбурга получилъ крестъ за то, что пріѣхалъ съ своими деревенскими сожителями въ телѣгахъ, обвитыхъ гирляндами, на встрѣчу Маріи Лунзы, и всѣ они пѣли старинныя пѣсни. Такой способъ полученія креста казался мнѣ гораздо удобнѣе способа сержанта Пинто.

Забили сборъ, и мы всѣ бросились къ ружьямъ. Непріятель

остановился за два пушечныхъ выстрѣла, и видя это ужасное скопище русскихъ и пруссаковъ, я думалъ, что все погибло и остается только защищаться до послѣдней капли крови.

Генералъ Шемино проѣхалъ на лошади передъ нашимъ фронтомъ и крикнулъ намъ: «Становись въ каре!»

Образовалось четыре каре, которыя пруссаки обсыпали градомъ пуль. Кромѣ того, съ лѣвой стороны они стрѣляли въ насъ изъ пушекъ.

Наши пушки тоже грохотали такъ, что заглушали свистъ и грохотъ ихъ пальбы, но это мало помогало, и что было всего непріятнѣе—это то, что офицеры кричали безпрестанно: «Сомкнись! сомкнись!»

Мы стояли всѣ въ дыму, не успѣвъ еще ни разу выстрѣлить. А я думалъ: «черезъ четверть часа мы всѣ погибнемъ, безъ возможности защититься!» Всего страшнѣе мнѣ показалось, когда между холмовъ появились передовыя колонны пруссаковъ; онѣ шли съ такимъ шумомъ, точно приближавшееся наводненіе. Тутъ сейчасъ же передовая сторона нашего каре и боковыя стороны, развернувшись вправо и влѣво дали залпъ. Богъ знаетъ, много ли пруссаковъ легло на мѣстѣ! Но вмѣсто того, чтобы остановиться, пруссаки продолжали подниматься, крича, какъ дикіе звѣри: Vaterland Vaterland!» выстрѣливъ въ насъ шаговъ на сто.

Послѣ этого началась драка на штыкахъ; они хотѣли оттѣснить насъ и нападали, точно бѣшеные. Одинъ батальонъ этихъ пруссаковъ подошелъ сбоку, бросаясь на насъ со штыками, и былъ совершенно уничтоженъ двумя орудіями, находившимися въ пятидесяти шагахъ отъ каре.

Затѣмъ никто уже не хотѣлъ больше атаковать наше каре.

Они отступили, а мы стали снова заряжать ружья, чтобы уничтожить ихъ до послѣдняго человѣка, когда загремѣли ихъ пушки, и съ правой стороны показалась летѣвшая на насъ кавалерія, желавшая воспользоваться пустыми мѣстами, образовавшимися отъ ихъ ядеръ! Я не видѣлъ этой атаки, потому что она была съ другой стороны, а на насъ, между тѣмъ, пули валили дюжинами. Генералу Шемино пробило ногу; дальше держаться не было никакой возможности, и намъ дали приказъ отступать, что мы сдѣлали съ удовольствіемъ, весьма понятнымъ всякому.

Когда мы поднимались въ гору, прусская кавалерія явилась,

чтобы отрѣзать намъ отступленіе и принудить стоять подъ выстрѣлами ихъ орудій. Я былъ возмущенъ до глубины души, а Зебеде кричалъ: «Нападать лучше, чѣмъ стоять такъ!»

Положеніе было въ высшей степени опасное, потому что эти гусарскіе и стрѣлковые полки двигались въ порядкѣ передъ тѣмъ, чтобы броситься на насъ.

Мы все отступали, когда наверху горы намъ крикнули: «Стой!» И въ ту же минуту залпъ картечи обдалъ гусаровъ, скакавшихъ на насъ, и опрокинулъ ихъ сотнями.

Я только и думалъ о мести и пришелъ въ совершенное бѣшенство и негодованіе противъ людей, желавшихъ лишить меня жизни, лучшаго блага человѣка, которое онъ долженъ беречь, какъ умѣетъ. Крики этихъ пруссаковъ и ихъ наглый видъ возбуждали ненависть и возмущали меня. Несмотря на это, я очень былъ доволенъ, что подлѣ меня Зебеде, и, въ ожиданіи новой атаки, пожалъ ему руку.

— Хорошо избавились!—сказалъ онъ мнѣ.—Хорошо, кабы кодъѣхалъ императоръ, ихъ въ двадцать разъ больше чѣмъ насъ... да кабы привезъ съ собой пушекъ!

Онъ не говорилъ больше о полученіи креста!

Я посмотрѣлъ немного въ сторону—тутъ ли сержантъ, и увидѣлъ, что онъ спокойно обтиралъ свой штыкъ; выраженіе лица его не измѣнилось; это обрадовало меня. Мнѣ хотѣлось тоже узнать, тутъ ли еще Клипфель и Фюрстъ, но крикъ: «смирно!» заставилъ меня думать о другомъ.

Должно быть, было часовъ двѣнадцать, когда двинулись шесть колоннъ. Барабаны начали бить въ каре, предупреждая, что непріятель близко; въ глубинѣ долины пруссаки кричали: «Vaterland! Vaterland!»

Ихъ батальный огонь закрывалъ насъ дымомъ и мѣшалъ ихъ видѣть, но, несмотря и на это, мы открыли бѣглый огонь. Съ четверть часа, ничего не было видно и слышно, какъ вдругъ прусскіе гусары очутились въ серединѣ нашего каре. Я не знаю, какъ это случилось, но они были уже въ серединѣ, махая саблями направо и налѣво, и безъ пощады побивая насъ. Мы принимали ихъ въ штыки, а они стрѣляли въ насъ изъ пистолетовъ. Однимъ словомъ, это было ужасно. Зебеде, сержантъ, я и еще человѣкъ двадцать изъ нашей роты держались вмѣстѣ. Они бросались на насъ

бѣдные и кричали: «Schweinpelz!», а сержантъ Пинто не переставалъ кричать: «Смѣлѣй, ребята, смѣлѣй!»

Я до сихъ поръ не знаю, какъ мы вышли оттуда; мы шли, ничего не видя въ дыму, отбиваясь отъ штыковъ и сабель. Я помню только, что Зебеде безпрестанно кричалъ мнѣ: «Идемъ! Идемъ!», и что, наконецъ, мы очутились на покатомъ полѣ, за каре, которое еще держалось, съ сержантомъ Пинто и съ семью или восемью человѣками изъ нашей роты.

Мы походили на мясниковъ.

— Заряжайте!—сказалъ намъ сержантъ.

Заряжая, я увидѣлъ у себя на штыкѣ кровь и волосы, что доказывало, что и я наносилъ страшные удары.

Черезъ минуту старикъ Пинто продолжалъ:

— Полкъ разбитъ... эти канальи, пруссаки, искрошили половину его... Мы найдемъ его потомъ... А теперь надо не допускать непріятеля войти въ деревню... Идемъ налѣво: впередъ, маршъ!

Мы спустились по маленькой лѣстницѣ въ какой-то огородъ въ деревнѣ и вошли въ домъ, дверь котораго со стороны полей сержантъ загородилъ большимъ кухоннымъ столомъ; потомъ, указывая на дверь со стороны улицы, онъ сказалъ:

— Вотъ куда мы отступимъ!

Послѣ этого мы поднялись въ первый этажъ, въ довольно большую комнату, выходившую угломъ у подножія горы; два окна выходили на улицу, а два другія на покатость, всю покрытую дымомъ, гдѣ продолжалась стрѣльба изъ ружей и изъ пушекъ. Въ углубленіи, въ альковѣ стояла кровать, а подлѣ кровати люлька; по подъ занавѣской сидѣла собака съ пушистымъ бѣлымъ хвостомъ, торчащими ушами и острой мордой, и смотрѣла на насъ блестящими глазами: все это я припоминаю, точно какой-нибудь сонъ.

Сержантъ отворилъ окно и уже стрѣлялъ на улицу, по которой ѣхали по два-три прусскихъ гусара; Зебеде и другіе смотрѣли на нихъ съ ружьями наготовѣ. Я взглянулъ на гору—держится ли еще каре, и увидѣлъ его шаговъ за пятьсотъ или шестьсотъ, отступающимъ въ порядкѣ и стрѣляющимъ со всѣхъ четырехъ сторонъ въ толпы кавалеріи, обступившей его. Посреди каре я ясно видѣлъ полковника, и подлѣ него знамя, такое изорванное, что отъ него висѣла только какая-то тряпка.

Непріятель пришелъ въ деревню, чтобы отрѣзать намъ отсту-

пленіе, но по немъ начали стрѣлять изъ всѣхъ оконъ наши солдаты, прибѣжавшіе въ деревню точно такъ же, какъ и мы. Это его остановило, тѣмъ болѣе, что съ правой стороны съ горы спускались дивизіи Бренье и Маршана.

Пруссаки и мы прекратили огонь. И только около деревни Кайи намъ сдѣлали перекличку, и оказалось, что изъ роты осталось всего сорокъ два человѣка; длиннаго Фюрста и Лежера не было, а Зебеде, Клипфель и я счастливо выпутались изъ бѣды.

Пруссаки этимъ не удовольствовались и стали атаковать насъ и въ Кайѣ; съ другой стороны присоединились къ нимъ русскіе. Вся долина сплошь покрылась войсками.

Мы, со своей стороны, все отступали, когда вдругъ передъ нами пронесся маршалъ Ней; онъ летѣлъ во весь опоръ, окруженный своимъ штабомъ. Глаза его горѣли, а губы дрожали отъ негодованія. Въ одну минуту онъ очутился во главѣ нашей колонны. Всѣ бросились за нимъ, точно будто бы ихъ влекла сверхъестественная сила, вмѣсто того, чтобы отступать, тѣмъ болѣе, что къ нимъ постоянно прибывали подкрѣпленія, а мы уже были утомлены пятичасовой битвой.

Нашъ батальонъ шелъ на этотъ разъ вторымъ, и пули до него не долетали, но зато летѣла картечь и съ визгомъ ударялась о штыки.

Посреди криковъ, команды и стрѣльбы мы начали спускаться въ Гершенъ, гдѣ дрались врукопашную: на большой улицѣ только и видны были приклады, поднимавшіеся вверхъ, и генералы верхомъ съ саблями въ рукахъ, какъ простые солдаты.

Такъ это длилось нѣсколько минутъ; мы говорили въ строю: «Идетъ хорошо!.. Идетъ хорошо!.. Двигаемся!..» Но вдругъ къ пруссакамъ подоспѣло новое подкрѣпленіе, и мы бросились бѣжать въ Кайю.

Я думалъ, что все пропало, потому что посреди каре отступалъ и маршалъ Ней, а солдаты, сложивъ ружья въ видѣ носилокъ, тащили своихъ раненыхъ офицеровъ. Однимъ словомъ, дѣло принимало самый дурной оборотъ.

Я вошелъ въ Кайю, перескакивая палисадники и перелѣзая черезъ заборы. Обогнувъ уголъ навѣса, я поднялъ голову и увидѣлъ человѣкъ пятьдесятъ офицеровъ верхами наверху холма, а сзади за ними во всю прыть неслась артиллерія по дорогѣ изъ Лейпцига. Посмотрѣвъ попристальнѣе, я узналъ

впереди всѣхъ императора; онъ, какъ въ креслѣ, сидѣлъ на своей бѣлой лошади; и я его отлично видѣлъ: онъ не двигался и смотрѣлъ на битву въ подзорную трубу.

Это меня такъ обрадовало, что я началъ кричать изо всей мочи: «Да здравствуетъ императоръ!» и потомъ вышелъ на большую улицу Кайи, черезъ переулокъ. Я пришелъ одинъ изъ первыхъ и засталъ еще, какъ жители—мужчины, женщины и дѣти—прятались въ погреба.

Многіе, услыхавъ это, упрекали меня, что я бѣжалъ такъ скоро; но я отвѣчалъ имъ, что если Мишель Ней отступалъ, то, конечно, Жозефъ Берта могъ тоже отступить.

Клифель, Зебеде, сержантъ Пинто и другіе изъ роты еще не приходили, а на полѣ битвы шла ужасная сумятица. Дымъ валилъ черезъ крыши, черепица катилась и падала на улицу, а бомбы пробивали стѣны и съ страшнымъ трескомъ ломали балки.

Въ то же время со всѣхъ сторонъ въ деревню входили наши солдаты, оборачиваясь, чтобы выстрѣлить въ послѣдній разъ. Они перелѣзли черезъ заборы, прыгали черезъ палисадники, оборванные, съ озлобленными лицами, хотя все это были еще дѣти,—почти ни у кого не пробивалось усовъ: но храбрость—въ крови у француза!

Пруссаки — подъ предводительствомъ старыхъ офицеровъ, кричавшихъ: «впередъ! впередъ!» бѣжали, какъ стая волковъ, прыгая другъ на друга: а мы, человѣкъ по двадцати, по тридцати, стоя у угла амбара противъ сада, стрѣляли въ этихъ негодяевъ, желавшихъ взлѣзть на маленькую стѣну и занять деревню.

Сколько изъ нихъ, добравшись уже до верху стѣны, падало,—я не зналъ, но къ осаждающимъ все прибывали и прибывали новыя подкрѣпленія. Сотни пуль свистали мимо насъ и ударялись о стѣну, а мы все продолжали отстрѣливаться, убѣгая за амбаръ,—заряжать ружья, и возвращаясь—стрѣлять въ взлѣзавшихъ; пятеро или шестеро изъ насъ лежали уже убитыми, но мы были такъ озлоблены, что не обращали на это вниманія.

Когда я вернулся туда въ десятый разъ, ружье выпало у меня изъ рукъ въ то время, какъ я поднималъ его на плечо; я наклонился, чтобы поднять его, и упалъ самъ: въ лѣвую

плечѣ у меня была пуля, и кровь, какъ горячая вода, разлилась по моей груди. Я попробовалъ встать, но могъ только прислониться къ стѣнѣ, тогда кровь побѣжала мнѣ даже на ноги. Мысль, что я умираю, обдала меня холодомъ.

Товарищи стрѣляли черезъ мою голову, а пруссаки все отвѣчали.

Подумавъ, что какая-нибудь еще пуля можетъ добить меня, я такъ сильно уцѣпился правой рукой за уголъ стѣны, что упалъ въ маленькую канавку, по которой текла вода съ улицы въ садъ. Лѣвая рука казалась мнѣ тяжелою, какъ свинецъ, а голова кружилась; пальба слышалась, какъ во снѣ.

Когда я открылъ глаза, уже смеркалось, и пруссаки бѣжали по улицѣ. Они уже наполняли деревню, а напротивъ меня, въ саду, сидѣлъ на большой воронoй лошади старый генералъ, сѣдой и безъ шляпы. Онъ кричалъ, какъ труба, чтобы привезли пушки, и офицеры во весь опоръ неслись его приказанія. Подлѣ него, на маленькой стѣнѣ, заваленной мертвыми, стоялъ хирургъ и перевязывалъ ему руку. Сзади, съ другой стороны, стоялъ верхомъ русскій офицеръ, ужасно худой, въ шляпѣ съ зелеными перьями, а въ глубинѣ долины, шаговъ за пятьсотъ, между двумя домами, строились наши солдаты.

Стрѣльбы уже не было, но только раздавались ужасные крики, и черезъ нѣсколько минутъ изъ-за угла показались орудія; колеса ѣхали по убитымъ и раненымъ, такъ что трещали кости, а раненые страшно кричали.

— Сюда!—крикнулъ старикъ по-нѣмецки.—Поставьте туда, между домами у фонтана.

Два орудія тотчасъ же были обернуты, и вслѣдъ за ними пріѣхали зарядные ящики. Старикъ, съ подвязанной лѣвой рукой, отправился посмотрѣть, и я слышалъ, какъ онъ, проѣзжая по улицѣ, говорилъ русскому офицеру:

— Скажите императору Александру, что я въ Кайѣ... Сраженіе выиграно, если мнѣ пришлютъ подкрѣпленіе. Надо дѣйствовать, не мѣшкая! Теперь можно ожидать страшной атаки. Наполеонъ подходитъ... я это чувствую! Черезъ полчаса онъ будетъ у насъ на шеѣ со своей гвардіей... чего бы то ни стоило, я буду держаться... Но, ради Бога, просите не терять ни минуты... и тогда побѣда за нами!

Молодой офицеръ поскакалъ въ Гершенъ, а подлѣ меня кто-то проговорилъ:

— Это старикъ Блюхеръ... О, каналья, кабы въ рукахъ у меня было ружье!

Обернувшись, я увидѣлъ стараго худого сержанта, совершенно сморщеннаго и сидѣвшаго у дверей амбара, опиравшагося на обѣ руки, какъ на костыли, потому что поясница его была пробита пулей. Помутившіеся глаза его провожали прусскаго генерала, поблѣднѣвшій носъ точно спустился къ длиннымъ усамъ: видъ его былъ страшенъ и гордъ.

— Будь у меня ружье,—еще разъ сказалъ онъ,—посмотрѣлъ бы ты, будетъ ли побѣда за вами!

Кажется, въ этомъ углу, заваленномъ тѣлами, мы только двое были еще живы.

При мысли, что, можетъ быть, завтра похоронятъ и меня со всѣми этими трупами, и что я не увижу болѣе Катерины, слезы покатились у меня изъ глазъ, и я не могъ не проговорить:

— Теперь всему конецъ!

Сержантъ искоса взглянулъ на меня, и, увидавъ, что я еще такъ молодъ, онъ спросилъ меня:

— Что у тебя такое, рекрутъ?

— Пуля въ плечѣ, сержантъ.

— Въ плечѣ, ну, это лучше, чѣмъ въ поясницѣ—можно еще поправиться!

Потомъ, посмотрѣвъ на меня еще разъ, онъ сказалъ уже нѣсколько мягче:

— Не бойся, право... еще увидишь родину!

Мнѣ казалось, что онъ жалѣлъ меня ради моихъ лѣтъ и хотѣлъ утѣшить меня; но грудь моя точно ломилась, и это лишало меня всякой надежды.

Сержантъ не говорилъ ни слова, только отъ времени до времени съ трудомъ приподнималъ голову, чтобы посмотрѣть—идутъ ли наши колонны. Онъ бранился сквозь зубы и, наконецъ, скатился въ уголъ двери, говоря:

— Дѣло мое кончено!.. Но все-таки долговязый негодяй поплатился.

Онъ взглянулъ черезъ изгородь направо, гдѣ лежалъ прусскій гренадеръ, съ животомъ, проткнутымъ штыкомъ.

Тогда было около шести часовъ; непріятель былъ во всѣхъ домахъ, въ садахъ, въ огородахъ, на улицахъ и переулкахъ. Холодъ пробѣгалъ у меня по всему тѣлу, и я забылся, какъ вдругъ меня разбудилъ пушечный выстрѣлъ. Оба орудія, стоявшія въ саду, и нѣсколько орудій позади нихъ—гремѣли, освѣщая, точно молнія; а по большой улицѣ толпились пруссаки и русскіе. Изъ всѣхъ оконъ раздавались тоже выстрѣлы. Но эту пальбу нельзя было и сравнить съ залпами французовъ съ противоположнаго холма; въ глубинѣ, внизу, поднималась тѣсными колоннами молодая гвардія; полковники, командиры и генералы ѣхали верхомъ посреди штыковъ, съ поднятыми саблями: все это было какого-то сѣраго цвѣта и освѣщалось только свѣтомъ отъ выстрѣловъ изъ восьмидесяти орудій, поставленныхъ императоромъ въ одну батарею. Эти восемьдесятъ пушекъ гремѣли, такъ, что, несмотря на разстояніе, старый домишка, къ которому я подползъ, чтобы упереться, дрожалъ до основанія. На улицѣ бомбы валили цѣлыя вереницы пруссаковъ и русскихъ, точно коса, косившая траву: теперь пришла ихъ очередь смыкаться.

За нами, я слышалъ, какъ отвѣчала прусская артилерія, и думалъ: «Господи! Господи! Хоть бы побѣдили французы, тогда ихъ раненые будутъ подобраны! А иначе эти пруссаки и казаки спачала позаботятся о своихъ, а насъ бросятъ.

Я не обращалъ вниманія на сержанта, и только смотрѣлъ на русскихъ артиллеристовъ, какъ они заряжали, наводили и палили, проклиная ихъ въ душѣ, и съ наслажденіемъ слушалъ крики: «Да здравствуетъ императоръ!» летѣвшіе со стороны долины и раздававшіеся въ промежуткахъ между пальбой.

Наконецъ, минутъ черезъ двадцать, пруссаки и русскіе начали отступать; они толпами бросались съ улицы въ сторону, а крики: «Да здравствуетъ императоръ!» все приближались. Артиллеристы, бывшіе позади насъ, торопились, какъ обезумѣвшіе; но вдругъ нѣсколько бомбъ сломали колесо и обсыпали ихъ землею. Одно орудіе опрокинулось; два артиллериста были убиты и два ранены. Тутъ я почувствовалъ, что меня схватили за руку; я обернулся и увидѣлъ полумертваго сержанта, смотрѣвшаго на меня съ какимъ-то дикимъ хохотомъ. Крыша на нашемъ домѣ погнулась, и стѣна наклонилась, но

мы не обращали на это вниманія; мы слышали только крики приближавшихся нашихъ солдатъ.

Вдругъ совершенно помертвѣвшій сержантъ сказалъ:

— Вотъ они!

И, пригнувшись впередъ, стоя на колѣняхъ и упираясь на одну руку, онъ поднялъ другую и звонкимъ голосомъ закричалъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Потомъ онъ упалъ ницъ лицомъ, и болѣе уже не двигался.

Я наклонился, посмотрѣть и увидѣлъ Наполеона, поднимавшагося среди пальбы, со шляпою, надвинутою на его большую голову, въ разстегнутомъ сѣромъ сюртукѣ, съ широкой красной лентой черезъ плечо на бѣломъ жилетѣ; онъ былъ спокоенъ и холоденъ, точно озаренный блескомъ штыковъ. Все подавалось передъ нимъ, и прусскіе артиллеристы бросали орудія и бѣжали, прыгая черезъ изгороди, несмотря на крики своихъ офицеровъ, желавшихъ удержать ихъ.

Все это я видѣлъ, и все это запечатлѣлось у меня въ памяти; но съ этой минуты я ничего не помню больше о сраженіи, потому что, въ надеждѣ на побѣду, я лишился чувствъ и лежалъ, какъ мертвый среди мертвецовъ.

Я проснулся ночью среди мертвой тишины. По небу пробѣгали облака, и мѣсяцъ смотрѣлъ на брошенную деревню, на опрокинутыя пушки и груды мертвецовъ, такъ же какъ смотрятъ на бѣгущій ручеекъ, растущую траву и листья, падающіе осенью. Люди ничтожны передъ вѣчностью, и умирающіе понимаютъ это лучше другихъ.

Я не могъ шевелиться и ужасно страдалъ; только правая рука моя могла еще дѣйствовать. Однако, мнѣ удалось привстать на локоть, и я увидѣлъ вокругъ только мертвецовъ, освѣщенныхъ луною; я хотѣлъ крикнуть, но, вмѣсто крика, испустилъ что-то въ родѣ дѣтскаго рыданія. Но этотъ слабый крикъ пробудилъ и другихъ раненыхъ, думавшихъ, что идутъ на помощь, и всякій, кто могъ кричать,—кричалъ. Эти крики длились нѣсколько минутъ; потомъ все смолкло, и подлѣ меня раздавалось только дыханіе лошади за заборомъ. Она хотѣла встать, но подняла только голову и опять упала.

Отъ усилія рана моя опять раскрылась, и я опять впалъ въ забытье. Въ головѣ у меня проходили картины изъ моего дѣтства; потомъ я сталъ думать, что будутъ дѣлать дома, когда

получатъ вѣсть о моей смерти. Потомъ мнѣ представилось, что тридцать или сорокъ тысячъ семействъ во Франціи, Россіи и Германіи получатъ такое же извѣстіе, или даже еще худшее, потому что у большинства несчастныхъ, погибшихъ на полѣ битвы, были живы еще и отцы, и матери; и все это казалось мнѣ чѣмъ-то отвратительнымъ, казалось воплемъ человѣчества, несущимся къ небесамъ.

Я вспомнилъ, какъ несчастныя матери молились въ Пфальцбургѣ о душахъ погибшихъ дѣтей, и слезы полились у меня изъ глазъ.

Къ утру пошелъ дождикъ и наполнилъ канавку. Отъ времени до времени слышно было, какъ падала какая-нибудь стѣна, скатывалась крыша, животныя, испуганныя битвой и успокоившіяся къ утру, начинали помаленьку выходить; въ сосѣднемъ хлѣву закричала коза, прошла большая пастушья собака, повѣсивъ хвостъ и оглядывая мертвецовъ; лошадь, увидѣвъ ее, начала страшно дышать, вѣроятно, принимая ее за волка,—и собака убѣжала.

Всѣ эти мелкія подробности остались у меня въ памяти, потому что, умирая,—видишь и слышишь все; тогда точно говоришь себѣ: «Смотри!.. Слушай... скоро ничего не будешь ни слышать, ни видѣть въ этомъ мірѣ!»

Но что осталось у меня въ памяти еще лучше и чего не забуду я, если проживу хоть сто лѣтъ,—это, когда я услышалъ вдали звукъ голосовъ. Какъ я очнулся... какъ началъ прислушиваться... и какъ приподнялся, чтобы закричать: «помогите!» Было еще темно, и чуть начало свѣтать; вдали, сквозь дождикъ, посреди поля двигался огонекъ, онъ двигался то тутъ, то тамъ, останавливаясь... а вокругъ него наклонялись темныя тѣни; тѣни эти едва были видны, но ихъ все-таки разсмотрѣлъ не я одинъ, потому что со всѣхъ сторонъ раздались стоны, жалобные крики, голоса такіе слабые, что они походили на голоса маленькихъ дѣтей, зовущихъ мать.

Огонекъ ходилъ взадъ и впередъ, потомъ тихо вошелъ въ лощину и скрылся; а я опять упалъ безъ чувствъ.

Я пришелъ въ себя въ глубинѣ большого сарая,—кто-то подавалъ мнѣ пить воды съ виномъ, что казалось мнѣ очень вкуснымъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ стараго солдата съ сѣдыми усами, который поддерживалъ мнѣ голову, держа у рта кружку.

— Ну,—ласково сказалъ онъ мнѣ,—тебѣ лучше?

Я улыбнулся ему при мысли, что еще живъ. Грудь и плечи мои были плотно забинтованы; я чувствовалъ на нихъ точно сбжогъ, но до этого мнѣ было все равно: я былъ живъ!

Вокругъ меня на матрацахъ и на соломѣ лежали раненые; посреди̇нѣ сарая стоялъ большой столъ, на которомъ хирурги дѣлали перевязки, а пять или шесть нѣхотинцевъ подавали раненымъ пить.

Передъ сараемъ ждала большая телѣга, полная соломы. Къ намъ вошелъ еще хирургъ—поболтать съ тѣмъ, который перевязывалъ въ нашемъ сараѣ, и изъ разговора ихъ я узналъ, что раненыхъ восемнадцать тысячъ.

Немного поодаль отъ меня сидѣлъ старый капралъ съ перевязанной ногой; онъ, подмигивая глазомъ, говорилъ своему сосѣду, которому отняли руку.

— Рекрутъ, взгляни на эту кучу; бьюсь о закладъ, что ты не узнаешь своей руки.

Рекрутъ, блѣдный, какъ мертвецъ, но тѣмъ не менѣе выказавшій большую храбрость, взглянулъ и почти сейчасъ же упалъ въ обморокъ.

Послѣ этого капралъ началъ смѣяться и сказалъ:

— Онъ узналъ ее. Вотъ она внизу съ голубымъ пятныш-комъ, это всегда такъ дѣйствуетъ.

Онъ восхищался самъ своимъ открытіемъ; но никто не смѣялся съ нимъ.

Вскорѣ пріѣхалъ отрядъ гусаровъ и фуры для раненыхъ. Всѣхъ насъ или усадили, или уложили и отправили. Проѣзжая мимо поля битвы, я увидѣлъ, какъ крестьяне поспѣшно зарывали убитыхъ для предотвращенія заразы. Пріѣхавъ въ Люцценъ, мы узнали, что всѣ госпитали набиты ранеными, и что насъ повезутъ въ Лейпцигъ.

Подъѣзжая къ Лейпцигу, всѣ раненые были въ бреду или безъ чувствъ. Меня вынули двое мужчинъ и понесли вверхъ по лѣстницѣ въ большую залу, гдѣ уложили на постель; но только утромъ на слѣдующій день я хорошенько увидѣлъ, что дѣлается вокругъ меня.

Когда я проснулся, вокругъ меня стояло человѣкъ десять хирурговъ; одинъ изъ нихъ, толстый брюнетъ, котораго звали господиномъ барономъ, развязывалъ мнѣ руку; помощникъ дер-

жалъ чашку съ теплой водой. Баронъ осмотрѣлъ мою рану, а всѣ другіе наклонились, чтобы послушать, что онъ скажетъ. Онъ вымылъ и перевязалъ рану. Я чувствовалъ себя гораздо лучше; хирургъ остановился у другой койки и сказалъ:

— Да ты опять тутъ, старина!

— Да, господинъ баронъ, опять тутъ,—отвѣчалъ канониръ, довольный тѣмъ, что онъ его узналъ.—Первый разъ это случилось въ Аустерлицѣ отъ картечи, потомъ въ Іенѣ и потомъ въ Смоленскѣ,—оба раза отъ пикъ.

— Такъ-такъ,—сказалъ тронутый хирургъ;—ну, а теперь что это съ вами?

— Три удара сабель въ лѣвую руку, когда я защищалъ свое орудіе противъ прусскихъ гусаровъ.

Хирургъ подошелъ и, развязывая руку, спросилъ у канонира:

— У тебя есть крестъ?

— Нѣтъ, господинъ баронъ.

— Какъ твое имя?

— Христіанъ Циммеръ, квартирмейстеръ 2-й бригады конной артиллеріи.

— Хорошо! Хорошо!

Онъ перевязалъ раны и, отходя, сказалъ:

— Ничего, не тревожься! Все благополучно.

Старый канониръ совсѣмъ повеселѣлъ. Догадавшись по его имени, что онъ долженъ быть изъ Эльзаса, я заговорилъ съ нимъ на нашемъ нарѣчіи, что еще болѣе развеселило его. Это былъ высокій дѣтина, глаза котораго прищуривались, когда съ нимъ говорили по-альзасски; на этомъ нарѣчіи можно было спросить у него все, и онъ все отдалъ бы, если бы у него было что-нибудь, кромѣ такихъ пожатій рукъ, отъ которыхъ трещали кости. Онъ звалъ меня по нашему, Жозефелемъ, и говорилъ мнѣ:

— Жозефель, смотри, не принимай тѣхъ лекарствъ, что тебѣ даютъ... Можно глотать только что-нибудь знакомое... Все, что нехорошо пахнетъ, никуда не годится. Если бы намъ подавали каждый день бутылку нашего вина, мы выздоровѣли бы скорѣе; но имъ удобнѣе разстроивать намъ желудокъ щепоткой какой-нибудь гадкой травы, сваренной въ водѣ, чѣмъ принесить бутылку бѣлаго вина изъ Альзаса

Когда я боялся чего-нибудь во время лихорадки, онъ дѣлалъ сердитый видъ и, глядя на меня своими сѣрыми глазами, говорилъ:

— Жозефель, ты съ ума сошелъ, что боишься чего-то! Развѣ такіе молодцы, какъ мы, могутъ умереть въ госпиталѣ? Нѣтъ, нѣтъ!.. Выкинь это у себя изъ головы!

Что онъ ни говорилъ, но каждое утро, послѣ обхода докторовъ, изъ нашей залы выносили семь или восемь покойниковъ. Одни умирали отъ горячки, другіе отъ простуды, но то и другое кончалось носилками, которыя уносились сторожами!—такъ что никто не зналъ, что лучше для здоровья: чтобы было холодно или жарко.

Циммеръ говорилъ мнѣ:

— Все это, Жозефель, отъ этихъ лѣкарствъ, выдуманныхъ докторами. Видишь этого длиннаго, худощаваго доктора? Онъ можетъ похвастать, что убилъ больше народу, чѣмъ всякое орудіе; онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, начиненъ картечью и носитъ зажженный фитиль. А этотъ маленькій, черномазый? На мѣстѣ императора, я отослалъ бы его къ прусакамъ и русскимъ, онъ убьетъ у нихъ народу больше цѣлой арміи.

Не пропиши мимо насъ носилокъ, я, вѣрно, смѣялся бы надъ его шутками.

Недѣли черезъ три, кость у меня въ плечѣ начала срастаться, обѣ раны почти закрылись, и я сталъ поправляться. Сабельные удары Циммера тоже заживали. Кормили насъ хорошо.

Около этого времени намъ позволили ходить въ госпитальный садъ. Тамъ стояли скамейки подъ густыми деревьями, и мы гуляли по дорожкамъ, какъ богатые баре, въ своихъ сѣрыхъ халатахъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ начались жары, предвѣщавшія урожайный годъ. Часто, любуясь превосходными окрестностями, я вспоминалъ Шфальцбургъ и начиналъ плакать. Циммеръ говорилъ мнѣ:

— Чортъ возьми, хотѣлось бы мнѣ знать, о чемъ ты плачешь, Жозефель? Вмѣсто того, чтобы схватить госпитальную заразу, лишиться ноги или руки, какъ сотни другихъ, мы сидимъ себѣ преспокойно на лавочкѣ подъ тѣнью деревъ, получаемъ супъ, говядину и вино; намъ позволяютъ даже курить,

когда у насъ есть табакъ, и ты недоволенъ! Чего же тебѣ еще надо.

Тогда я разсказывалъ ему о любви своей къ Катринѣ, о своихъ надеждахъ, о будущемъ бракѣ и о всемъ хорошемъ, пролетѣвшемъ, какъ сонъ. Онъ слушалъ меня, покуривая трубку.

— Да-да,—говорилъ онъ,—это все-таки печально. Передъ наборомъ 1798 года, я тоже долженъ былъ жениться на одной дѣвушкѣ изъ нашей деревни, по имени Маргредель, которую я любилъ, какъ душу. Мы надавали другъ другу обѣщаній, и въ продолженіе всей шорихской кампаніи, не проходило дня, чтобы я не думалъ о Маргредели. Но вотъ въ первый же отпускъ отправляюсь я къ себѣ въ деревню, и что же узнаю?— Три мѣсяца тому назадъ, она вышла замужъ за одного сапожника. Пассофа. Можешь представить себѣ мою злобу, Жозефель! Я свѣту не взвидѣлъ, все хотѣлъ переломать, и когда мнѣ сказали, что Пассофъ въ пивной «Большого оленя», я пошелъ туда, не оглядываясь. Войдя въ пивную, я увидѣлъ его на концѣ стола, около окна. Онъ смѣялся, распивая пиво еще съ тремя или четырьмя такими же негодяями, какъ и онъ. Я подошелъ, и онъ сталъ кричать мнѣ: «Ба! Да это ты, Христіанъ Циммеръ! Какъ поживаешь, Христіанъ? Тебѣ кланяется Маргредель». Онъ подмигивалъ глазомъ, а я хватилъ кружку— и бацъ его въ лѣвое ухо, проговоривъ при этомъ: «Снеси ей это отъ меня, Пассофъ,—это свадебный подарокъ». Конечно, всѣ бывшіе тутъ бросились на меня; двухъ-трехъ я хватилъ еще, чѣмъ попало, и выскочилъ въ окно. Не успѣлъ я притти къ матери, какъ явились жандармы и арестовали меня. Меня привязали къ телѣжкѣ и препроводили въ полкъ, находившійся тогда въ Страсбургѣ. Шесть недѣль пробылъ я въ Финкматѣ, а потомъ мы пошли въ Гогеншпинденгъ. Самъ командиръ круто сказалъ мнѣ: «Ну, счастье твое, что ты хорошій артиллеристъ; но если тебѣ случится еще когда-нибудь бить людей кружками,—тебѣ будетъ плохо, предупреждаю тебя. Развѣ такъ дерутся, скотина? Зачѣмъ же у насъ сабля, какъ не для того, чтобы драться, дѣлая честь странѣ?» Отвѣчать мнѣ было нечего. Съ этихъ поръ, Жозефель, охота къ женитьбѣ у меня прошла. Солдату нечего думать о бабахъ. Посмотри-ка, развѣ женившіеся генералы дерутся такъ, какъ они дрались прежде? Дѣдушка мой говаривалъ, что охотничью собаку надо держать

впроголодь,—то же самое я думаю и о хорошихъ генералахъ и о солдатахъ.

Изъ госпиталя я написалъ господину Гульдену о всемъ, что со мною случилось, и ждалъ отвѣта съ нетерпѣніемъ. Когда мнѣ приходило въ голову, что Катерина забыла меня, я жалѣлъ, что не остался убитымъ на полѣ. Наконецъ, раздавая разъ утромъ письма, крикнули и мое имя.

— Ну вотъ,—сказалъ мнѣ Циммеръ,—и ты, наконецъ, дождался.

Письмо было отъ Катерины, а г. Гульденъ посылалъ мнѣ сто франковъ. Прочитавъ письмо, я залился слезами и сказалъ пришедшему Циммеру:

— Садись, я прочту тебѣ, что пишетъ мнѣ моя милая; посмотришь, похожа ли она на твою Маргредель.

Закуривъ трубку, она сказалъ:

— Можешь начинать, Жозефель, но предупреждаю тебя, что я старый воробей, и не всему вѣрю, что пишутъ; женщины вѣдь хитрѣе насъ.

Несмотря на это, я ему прочелъ письмо Катерины. Онъ ни слова не говорилъ во время чтенія, а по окончаніи взялъ письмо, долго держалъ его, о чемъ-то думая, и, возвращая, сказалъ:

— Да, Жозефель, она хорошая, честная дѣвушка и не измѣнитъ тебѣ.

— Ты думаешь, она очень любитъ меня?

— Да, она никогда не выйдетъ за какого-нибудь Пассофа, въ этомъ можешь быть увѣренъ. Я скорѣе не повѣрилъ бы императору, нежели такой дѣвушкѣ.

Мнѣ хотѣлось расцѣловать Циммера за эти слова, и я сказалъ ему:

— Я получилъ изъ дому повѣстку на сто франковъ, которые мы получимъ на почтѣ. Вотъ и возможность пить бѣлое вино. Постараемся выйти отсюда.

— Это хорошо,—сказалъ онъ, покручивая усы и положивъ трубку въ карманъ.—Я не люблю кисnуть въ саду, когда въ городѣ есть трактиры. Надо постараться получить позволеніе выйти.

Мы весело встали и пошли вверхъ по госпитальной лѣст-

пицѣ, когда спускавшійся вахмистръ остановилъ Циммера и спросилъ его:

— Не вы ли Христіанъ Циммеръ, канониръ 2-й конной артиллерійской бригады?

— Прошу извиненія, вахмистръ, имѣю эту честь.

— Ну, такъ вотъ кое-что для васъ.—сказалъ онъ, передавая ему небольшую посылку и большой пакетъ

Циммеръ былъ совершенно удивленъ; онъ никогда ни откуда ничего не получалъ. Онъ открылъ посылку и нашелъ коробочку, а въ коробочкѣ орденъ Почетнаго легіона. Увидавъ орденъ, онъ поблѣднѣлъ, въ глазахъ у него помутилось, и онъ схватился за перила, чтобы не упасть; но потомъ крикнулъ: «Да здравствуетъ императоръ!», такъ что всѣ залы задрожали.

Вахмистръ весело смотрѣлъ на него

— Вы довольны?—сказалъ онъ.

— Еще бы, вахмистръ! Теперь недостаетъ только одного.

— Чего?

— Позволенія прогуляться по городу.

— Надо обратиться къ г. Тардье, главному хирургу.

Онъ ушелъ, смѣясь, и мы пошли подъ руку наверхъ—спрашивать у доктора позволенія. Сѣдой докторъ, слышавшій громогласное: «Да здравствуетъ императоръ! серьезно спросилъ насъ:

— Что это такое?

Циммеръ показалъ ему крестъ и сказалъ:

— Извините, господинъ докторъ, я совершенно здоровъ.

— Вѣрю,—сказалъ г. Тардье.—Вы хотите выйти?

— Если будете такъ добры, позвольте мнѣ и товарищу моему Жозефу Берта.

Наканунѣ хирургъ осмотрѣлъ мою рану. Онъ вынулъ бумажникъ и далъ намъ два выходныхъ билета.

Мы сошли внизъ съ царской гордостью. Циммеръ гордился крестомъ, а я—письмомъ.

Внизу привратникъ крикнулъ намъ.

— Куда вы?

Циммеръ показалъ наши билеты, и мы вышли, довольные, что можемъ побыть на свободѣ. Часовой показалъ намъ почту, куда мы отправились за ста франками.

По дорогѣ намъ встрѣчались бѣдные раненые съ подвязанными руками или на костыляхъ. Циммеръ водилъ меня по го-

роду, который онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ, и говорилъ мнѣ:

— Вотъ церковь св. Николая, вотъ зданіе университета, вотъ ратуша.

Онъ помнилъ все, видя Лейпцигъ еще въ 1807 году, передъ Фридландскимъ сраженіемъ, и постоянно повторялъ мнѣ:

— Здѣсь мы все равно, какъ въ Метцѣ, въ Страсбургѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ во Франціи. Жители любятъ насъ. Послѣ кампаніи 1806 года, намъ дѣлали любезности, какія только можно было ожидать. Граждане приглашали насъ къ себѣ обѣдать. Они давали даже балы, и насъ называли іенскими героями. Ты увидишь, какъ насъ любятъ! Войдемъ, куда хочешь, вездѣ насъ встрѣтятъ, какъ благодѣтелей страны: вѣдь мы же назвали ихъ курфирста саксонскимъ королемъ и дали ему порядочный кусокъ Польши.

Вдругъ Циммеръ остановился передъ маленькою дверью и вскричалъ:

— Постой! Это вѣдь пивная «Золотого барана»! Главный входъ съ той улицы, но мы можемъ пройти и отсюда:—Идемъ!

Мы вошли въ пивную. Сквозь табачный дымъ я насилу разсмотрѣлъ длинный рядъ столовъ, окруженныхъ посѣтителями, большей частью въ коротенькихъ пальто и маленькихъ шапочкахъ, и саксонскими солдатами. Циммеръ сказалъ мнѣ, что посѣтители въ шапочкахъ—нѣмецкіе студенты.

Когда мы вошли, они говорили что-то о родинѣ (Vaterland) и чокались съ саксонскими солдатами. Но при нашемъ появленіи все замолчало. Двое или трое встали точасъ же и вышли, остальные стали расходиться, посидѣвъ еще немного. Изъ газеты мы узнали, что назначено перемиріе, и что въ Прагѣ ведутся конференціи. Циммеръ, не стѣсняясь, кричалъ и дѣлалъ вслухъ замѣчанія, что не надо было перемирія, что императоръ слишкомъ добръ. Онъ обращался съ вопросами къ оставшимся посѣтителямъ, но тѣ сердито смотрѣли на насъ и не отвѣчали ничего.

Наконецъ, Циммеръ всталъ, и мы вышли. Дорогой онъ жаловался на нынѣшнихъ студентовъ и хвалилъ прежнихъ, говоря, между прочимъ, что у пяти или у шести изъ нихъ, которыхъ называли сеньорами, были уже сѣдыя бороды и почтенный видъ.

Озлобленіе видѣлось во всемъ, и Циммеръ, убѣдясь въ этомъ, говорилъ:

— Хорошо же! Если будетъ здѣсь война, ужъ не сдобровать же имъ! Мы осыпали ихъ благодѣяніями, а они вотъ какъ принимаютъ насъ!

Однажды мы пошли купаться, и какой то прохожій указалъ намъ такое мѣсто, что Циммеръ, раздѣвшійся прежде меня, ушелъ подъ воду футовъ на пятнадцать и едва спасся, доплывъ до извѣстнаго намъ брода.

Возвращаясь въ городъ, Циммеръ только и бредилъ мщеніемъ.

— Вся страна противъ насъ,—говорилъ онъ. — Мужчины встрѣчаютъ насъ съ злобными рожами, женщины отвертываются, мужики хотятъ утопить, трактирщики не даютъ ничего въ долгъ, точно будто мы не побѣждали ихъ ужъ раза три или четыре; и все это оттого, что мы ужъ слишкомъ добры: намъ слѣдовало объявить себя побѣдителями!—Мы даровали нѣмцамъ королей и герцоговъ, мы создали даже графовъ и бароновъ по названіямъ ихъ деревень, мы осыпали ихъ почестями, а вотъ ихъ благодарность! Вмѣсто того, чтобы велѣть намъ обращаться съ ними съ почтеніемъ, слѣдовало бы позволить намъ распоряжаться съ ними, какъ мы хотимъ. Все заключается въ силѣ. Сначала берутъ силой рекрутовъ, потому что, если не брать ихъ силой, всѣ остались бы дома. Изъ рекрутовъ дѣлаютъ силой солдатъ, объясняя имъ, что такое дисциплина; съ солдатами силою выигрываютъ сраженія, и тогда силою заставляютъ побѣжденныхъ давать все: они устроиваютъ вамъ тріумфальныя арки и называютъ васъ героями, потому что трусятъ. Вотъ! А императоръ слишкомъ добръ... Не будь онъ такъ добръ, я не рисковалъ бы сегодня утонуть; при видѣ одного мундира, мужикъ не осмѣлился бы обмануть меня.

Придя въ Лейпцигъ, мы замѣтили радость, сіявшую на лицахъ жителей; она не проявлялась шумно, но граждане, встрѣчаясь, пожимали другъ другу руки; женщины бѣгали въ гости; какое-то внутреннее удовольствіе проглядывало въ глазахъ прислуги и самыхъ жалкихъ работниковъ.

Циммеръ сказалъ мнѣ:

— Нѣмцы точно радуются чему-то; у всѣхъ у нихъ такой веселый видъ.

— Да.— отвѣчалъ я ему.—это вѣстники хорошей погоды и хорошаго урожая.

Потомъ мы узнали, что нѣмцы радовались потому, что австрійцы объявили намъ войну.—Положеніе наше въ Лейпцигѣ еще ухудшилось. Жители на насъ косились, и если не душили насъ, то только потому, что наша армія была недалеко. Къ концу августа начались дожди, и мнѣ невольно приходили въ голову мои товарищи, которые мокли, можетъ быть, гдѣ-нибудь на большой дорогѣ. Наконецъ, Тардье, попробовавъ мою руку, нашелъ что я могу опять служить, и на слѣдующій же день мнѣ дали амуницію и билетъ на дорогу въ Гаурницъ, гдѣ стоялъ нашъ полкъ.

Насъ вышло пятнадцать человѣкъ подъ командою фурьера 27-го полка, Пуатевена. По дорогѣ мы оставляли то одного, то другого, и шли къ Гаурницу только Пуатевенъ, я и еще четыре мѣхстныхъ солдата. Мы шли по большой дорогѣ, съ ружьями на перевязи, съ завернутыми шинелями и съ мѣшками за спиною. Дождь скатывался намъ за спину: вѣтеръ разносилъ сухія листья и постоянно напоминалъ намъ о приближеніи зимы. Изрѣдка попадалась намъ какая-нибудь деревня, а тамъ опять тянулась безконечная дорога. Ничего не могло быть печальнѣе такой картины, въ особенности, когда думаешь, что приближается зима, и что придется спать на снѣгу. Всѣ шли молча, за исключеніемъ фурьера Пуатевена. Это былъ желтый, морщинистый солдатъ, съ впалыми щеками, краснымъ носомъ и съ усами длиною въ аршинъ, какъ у всѣхъ пьяницъ. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ образованный, перемѣшивая рѣчи свои казарменными выраженіями; когда дождь начиналъ лить сильнѣе, онъ восклицалъ съ страннымъ хохотомъ: «Да... Пуатевенъ... да... это научитъ тебя свистать!»—Этотъ старый пьяница, замѣтивъ, что карманъ у меня не совсѣмъ пусъ, шелъ подлѣ меня, говоря иногда: «Молодой человѣкъ, если вашъ мѣшокъ вамъ мѣшаетъ, передайте его мнѣ». Но я благодарилъ его за любезность.

Хотя мнѣ надоѣдало итти постоянно съ человѣкомъ, который все только заглядывался на вывѣски кабаковъ, проходя черезъ деревни, и который говорилъ: «Хорошо бы выпить въ такую погоду...» я все-таки не могъ удержаться, чтобы иногда не угостить его, такъ что онъ не отставалъ больше отъ меня.

При нашемъ приближеніи къ Вурцену, дождь пошелъ ливмя, и фурьеръ въ двадцатый разъ вскричалъ:

— Да, Пуатевенъ, каково житье!.. Это выучитъ тебя свистать!

— Что это у васъ за поговорка, фурьеръ? — сказалъ я ему.—Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ дождь можетъ выучить васъ свистать?

— Это не поговорка, молодой человѣкъ, это мысль, непокидающая меня въ пріятныя минуты.

Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Въ 1806 г., я учился въ Руанѣ, и мнѣ случилось освистать пьесу вмѣстѣ съ другими такими же молодыми людьми, какъ я. Кто свисталъ, кто аплодировалъ, и изъ этого произошла драка, а за драку полиція посадила насъ десятками подъ арестъ. Императоръ, узнавъ о происшествіи, сказалъ: «такъ какъ они любятъ драться,—взять ихъ въ мою армію! Они удовлетворятъ своему желанію». Разумѣется, дѣло было сдѣлано, никто не посмѣлъ и пикнуть, ни отцы, ни матери.

— Такъ вы подлежали рекрутскому набору? — сказалъ я ему.

— Нѣтъ, отецъ купилъ за меня охотника. Императоръ просто выкинулъ шутку, такую шутку, о которой долго будешь помнить. Двадцать или тридцать изъ насъ умерли отъ истощенія... Нѣсколько другихъ, вмѣсто того, чтобы приносить пользу странѣ, занимая мѣста докторовъ, судей, адвокатовъ,—спились. Такую шутку можно, дѣйствительно, назвать хорошей шуткой.

Онъ захохоталъ, искоса посматривая на меня. Я задумался и еще раза два или три передъ приходомъ въ Гаурницъ угостилъ рюмочкой этого бѣдняка.

Около пяти часовъ, приближаясь къ деревнѣ Риза, мы увидѣли старую мельницу съ деревяннымъ мостомъ. Мельница стояла на проселочной дорогѣ. Мы пошли по этой дорогѣ, такъ какъ она вела прямѣе, и, шаговъ за двѣсти отъ мельницы, услышали страшные крики. Въ то же самое время черезъ садъ бѣжали двѣ женщины; одна совершенно старая, а другая молодая, и тащили за собою дѣтей. Онѣ торопились добраться до маленькаго лѣсочка, идущаго вдоль дороги, по другую сторону рѣки. Вслѣдъ же за этимъ, изъ мельницы вышло нѣсколько нашихъ солдатъ съ мѣшками, а еще нѣсколько солдатъ поднима-

лись изъ погреба, неся маленькіе боченки, и нагружали ими телѣжку; изъ хлѣва вывели наши же солдаты коровъ и лошадей, а въ дверяхъ стоялъ блѣдный старикъ, мельникъ, поднявъ руки кверху; его окружало человѣкъ пять-шесть этихъ негодяевъ.

— Все это—и мельница, и плотина, и выбитыя окна, и бѣгущія женщины, и солдаты наши въ полицейскихъ шапкахъ, походившіе на бандитовъ, и старикъ, проклинающій ихъ, и коровы, упиравшіяся и подгоняемыя сзади штыками,—все это такъ ясно передо мною, что точно я все это еще вижу!

— А!—сказалъ фурьеръ Пуатевенъ.—Это мародеры... Мы недалеко отъ арміи.

— Вѣдь это отвратительно! — вскричалъ я. — Вѣдь это разбой!

— Да,—сказалъ фурьеръ, — это противно дисциплинѣ; если бы императору это было извѣстно, ихъ разстрѣляли бы какъ собакъ.

Мы переходили тогда черезъ мостъ, а у мельницы открыли одинъ боченокъ, и всѣ солдаты по очереди подходили съ кружками. Это возмутило фурьера, и онъ закричалъ повелительнымъ тономъ:

— По чьему позволенію производите вы такой разбой?

Нѣсколько мародеровъ обернулись и, видя, что насъ всего трое, такъ какъ остальные ушли, не оглядываясь, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ:

— Ахъ ты, балагуръ... и тебѣ хочется поживиться... Это очень просто... Для этого не зачѣмъ было задирать носъ. На, выпей и ты!

Онъ подалъ кружку; фурьеръ взялъ ее и выпилъ, посмотрѣвъ на меня искоса.

— Молодой человѣкъ,—сказалъ онъ потомъ, — выпейте, если угодно, вино это отличное.

— Благодарю.—отвѣчалъ я.

Многіе кричали вокругъ насъ:

— Въ дорогу, въ дорогу! Ужъ пора.

А другіе отвѣчали:

— Нѣтъ-нѣтъ, подождите, надо еще посмотрѣть!

— Послушайте, — сказалъ фурьеръ добродушнымъ тономъ,—знаете, братцы, не нужно ужъ очень-то распоряжаться.

— Да-да, старина,—отвѣчалъ какой-то тамбуръ-мажоръ, тасмѣшливо улыбаясь и полузакрывъ глаза:—да, будь покоенъ, мы ощиплемъ курицу, какъ слѣдуетъ, и побережемъ... побережемъ.

Послѣ этого фурьеръ замолчалъ, онъ точно стыдился меня.

— Что дѣлать, молодой человѣкъ?—сказалъ онъ мнѣ, прибавляя шагу, чтобы догнать товарищей.—На войнѣ дѣйствуютъ по военному... Нельзя же умирать съ голоду!

Мнѣ кажется, онъ остался бы, если бы не боялся наказанія. Мнѣ же стало грустно, и я думалъ:

— Вотъ каковы пьяницы! У нихъ могутъ быть хорошія побужденія, но одинъ взглядъ на кружку вина заставляетъ ихъ забывать все.

Наконецъ, около десяти часовъ вечера, мы увидѣли бивуачный огонь на темной горѣ, справа отъ деревни Гаурницъ и стараго замка, гдѣ горѣло тоже нѣсколько костровъ. Далѣе въ долинѣ тоже вездѣ виднѣлись огни.

Когда мы подошли, насъ окликнули, и потомъ къ намъ вышелъ сѣдой офицеръ. Онъ взялъ наши билеты и велѣлъ намъ идти за собой подъ навѣсъ, гдѣ былъ разведенъ огонь. Это былъ старый кирпичный сарай, весь наполненный спящими солдатами. Старый солдатъ, черный, сухой, не спалъ одинъ и сидѣлъ, скрестивъ ноги: между колѣнами онъ держалъ башмакъ, который зачинивалъ шиломъ и дратвой.

Офицеръ отдалъ мнѣ первому билетъ, сказавъ:

— Вы пойдете завтра въ свой батальонъ за двѣ мили отсюда, подлѣ Торгау.

Старый солдатъ, смотрѣвшій на меня, положилъ руку на землю, показывая мнѣ, что есть мѣсто, и я сѣлъ подлѣ него. Я открылъ свой мѣшокъ и надѣлъ чистые носки и новые башмаки, полученные мною въ Лейпцигѣ; это облегчило меня.

Старикъ спросилъ меня:

— Въ какой идешь?

— Въ 6-й, въ Торгау.

— А откуда?

— Изъ лейпцигскаго госпиталя.

— Это и видно,—сказалъ онъ:—ты жиренъ, какъ монахъ. Тебя откармливали тамъ курами, а мы тутъ бѣдствуемъ.

Я посмотрѣлъ на спящихъ вокругъ и согласился съ нимъ:

несчастные рекруты были совершенными скелетами—желтые, сморщенные, какъ старики; можно было подумать, что они не могутъ держаться на ногахъ.

Черезъ минуту старикъ продолжалъ:

— Ты былъ раненъ?

— Да, старина, въ Лютценѣ.

— Четыре мѣсяца въ госпиталѣ!—сказалъ онъ.—Счастливецъ! Я вотъ изъ Испаніи. Надѣялся встрѣтить нѣмцевъ 1807 года... барановъ... настоящихъ барановъ... Но нѣтъ, они хуже гверильясовъ. Портятся, портятся!

Онъ говорилъ шепотомъ, не обращая на меня вниманія, и выдергивалъ дратву, какъ сапожникъ, стиснувъ зубы. Отъ времени до времени онъ примѣрялъ башмакъ, чтобы посмотрѣть, не будетъ ли мѣшать заплата. Наконецъ, онъ положилъ шило въ мѣшокъ, надѣлъ башмакъ и легъ головой на солому.

На слѣдующее утро мы опять пустились въ путь съ Пуатевеномъ. Было вѣтрено и дождливо. Мы шли уже съ часъ, какъ вдругъ фурьеръ сказалъ:

— Слушай!

Онъ остановился, вытянувъ голову, какъ охотничья собака. Мы остановились, но вѣтеръ и шумѣвшая подлѣ рѣка мѣшали слышать. Но ухо Пуатевена было болѣе чутко, чѣмъ мое

— Тамъ стрѣляютъ,—сказалъ онъ, указывая направо;—войдемте въ лѣсокъ. Это застрѣльщики стрѣляютъ въ кавалерію, потому что они имъ не отвѣчаютъ.

Онъ не ошибся. Минутъ черезъ десять, мы увидѣли между деревьями батальонъ французской пѣхоты, приготовлявшей супъ, а вдали по сѣдой долинѣ отрядъ казаковъ, ѣдущій изъ одной деревни въ другую. Вдоль лѣса стрѣляло нѣсколько застрѣльщиковъ.

— Ну вотъ, молодой человѣкъ, вы и дома, —улыбаясь, сказалъ мнѣ Пуатевенъ.

Онъ издали прочелъ номеръ; я же, какъ ни смотрѣлъ, только и могъ различить страшно худыя лица съ острыми носами и съ торчащими ушами. Шинели ихъ были такъ широки, что висѣли на нихъ складками, точно на вѣшалкахъ. О грязи ужъ и говорить нечего.

Мы сошли къ палаткамъ, гдѣ былъ полковникъ. Я подалъ ему билетъ: онъ сурово взглянулъ и сказалъ:

— Идите въ свою роту.

Полки такъ были перемѣшаны, что я никого не узналъ. Солдаты, видя новаго пришельца, косо посматривали на меня, какъ будто говоря:

— Этотъ, вѣрно, тоже хочетъ супу! Посмотримъ, что-то онъ дастъ за свою долю.

Мнѣ было стыдно попросить себѣ мѣста у своей роты, когда вдругъ какой-то костлявый солдатъ, съ орлинымъ, острымъ носомъ, широкими плечами, на которыхъ висѣла старая, изношенная шинель, поднялъ голову и, посмотрѣвъ на меня, сказалъ совершенно спокойнымъ тономъ:

— Да это ты, Жозефъ! А я уже четыре мѣсяца считаю тебя убитымъ.

Тутъ только я узналъ бѣднаго Зебеде. Кажется, лицо мое тронуло его, потому что онъ протянулъ мнѣ руку не вставая, и крикнулъ:

— Клипфель, вотъ и Жозефъ!

Солдатъ, сидѣвшій у сосѣдняго котла, обернулся и сказалъ:

— Это ты, Жозефъ? Такъ ты не умеръ?

Вотъ всѣ привѣтствія, полученныя мною. Нужда сдѣлала этихъ людей такими эгоистами, что они только и думали, что о своемъ тѣлѣ. Несмотря на это, Зебеде остался въ душѣ такимъ же добрымъ; онъ пригласилъ меня сѣсть къ своему котелку, бросивъ на товарищей взглядъ, внушавшій къ нему почтеніе, и предложилъ мнѣ свою ложку. Но я поблагодарилъ его, потому что наканунѣ догадался зайти въ Ризѣ къ колбаснику и купить тамъ дюжину колбасъ, хлѣбъ и бутылку водки. Я развязалъ мѣшокъ, вынулъ свертокъ съ колбасами и далъ двѣ Зебеде, что тронуло его до слезъ. Я хотѣлъ дать и другимъ товарищамъ, но, угадывая мою мысль, онъ задумчиво взялъ меня за руку и сказалъ:

— Что хорошо поѣсть, то хорошо и спрятать.

Послѣ этого, онъ отошелъ отъ товарищей, и мы стали ѣсть, запивая водкой; другіе, молча, искоса поглядывали на насъ. Клипфель, услыхавъ запахъ чесноку, обернулся и сказалъ:

— Жозефъ, иди же ѣсть съ нами, товарищи всегда останутся товарищами.

— Хорошо-хорошо,—отвѣчалъ Зебеде,—по моему, самые лучшіе товарищи—колбасы.

Потомъ онъ самъ завязалъ мой мѣшокъ и сказалъ мнѣ:

— Побереги это, Жозефъ, вотъ ужъ цѣлый мѣсяцъ я не ѣлъ такъ, какъ сегодня. Будь покоенъ, ты не проиграешь отъ того, что угостилъ меня.

Черезъ полчаса забили сборъ; застрѣльщики приблизились, а сержантъ Пинто, набольшій въ ихъ числѣ, узналъ меня и сказалъ:

— А, такъ вы спаслись? Это пріятно... Но вы пришли въ плохое время!—Нехорошая война... нехорошая война,—прибавилъ онъ, качая головой.

Мы выступили; Зебеде, какъ и прежде, шелъ подлѣ меня. Къ концу перемирія всѣ были противъ насъ; кромѣ того, и погода не благопріятствовала намъ. Дожди лили безъ устали и мѣшали намъ передвигаться. Молодые солдаты умирали отъ утомленія и недостатка пищи, и только тѣ, которые побывали и въ Испаніи, и прежде въ Германіи,—не гибли, какъ мухи.

— Все противъ насъ,—говорилъ мнѣ Зебеде:—страна, дожди и даже сами генералы, утомленные всѣмъ этимъ. Одни—герцоги и принцы утомлены этой вѣчной грязью, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ удобныхъ креслахъ; а другіе, какъ Вандамъ, хотятъ поскорѣе сдѣлаться маршалами,—и потому рискуютъ; а мы, несчастные, останемся калѣками, потому что мы—дѣти мужиковъ и работниковъ, которые дрались, чтобы уничтожить дворянство, и намъ же приходится драться, чтобы образовать новое.

Тутъ я увидѣлъ, что бѣдняги и несчастные не всегда глупѣе счастливыхъ, и что страданія раскрываютъ глаза на печальную истину.

Солдаты только и стремились, что къ дракѣ. Постоянная ходьба, ночлеги въ грязи, голодъ, насѣкомыя отравили имъ жизнь. Всякій думалъ: «Надо какъ-нибудь съ собой покончить... Это слишкомъ... такъ жить нельзя!»

Черезъ нѣсколько дней я такъ отощалъ, что едва волочилъ ноги; я замѣтно худѣлъ. Всякій вечеръ приходилось быть въ караулѣ, потому что намъ приходилось оберегаться и отъ крестьянъ.

*

14 октября батальонъ нашъ отправился къ городу Ахену; всюду передвигались войска, и всѣ мы почему-то говорили:

— Битва близка!.. Близка битва!

Сержантъ Пинто утверждалъ, что императоръ чувствуется въ воздухѣ. Я только чувствовалъ, что мы идемъ къ Лейпцигу и что около Лейпцига дѣйствительно началось сраженіе, и такое, что сержантъ Пинто говорилъ: «Это пожарче, чѣмъ въ Эйлау!»

Батальонъ нашъ началъ спускаться съ пригорка противъ Лейпцига, когда вдругъ полковникъ закричалъ:

— Справа рядами!—и мы повернули назадъ въ лѣсъ. Батальонъ нашъ разсыпали цѣпью застрѣльщиковъ. Мы шли шагахъ въ двадцати другъ отъ друга, озираясь во всѣ стороны. Сержантъ Пинто безпрестанно говорилъ:

— Берегитесь! Не выставляйтесь на видъ!

Но онъ напрасно предупреждалъ насъ, всѣ мы глядѣли во всѣ глаза, и только, постоявъ за толстымъ деревомъ и высмотрѣвъ хорошенько, рѣшались итти далѣе.

Такъ шли мы минутъ десять и, ничего не видя, начинали становиться немного храбрѣе, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, потомъ другой, потомъ еще, еще и еще вдоль всей нашей линіи, и упалъ товарищъ мой съ лѣвой стороны; я встрепенулся, посмотрѣлъ въ другую сторону, и что же увидѣлъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ шаговъ?—стараго прусскаго солдата, съ большими рыжими усами, приложивъ ружье къ щекѣ, который цѣлился въ меня. Я въ одинъ мигъ наклонился, и въ ту же секунду раздался выстрѣлъ, и что-то треснуло у меня на головѣ: въ шапкѣ у меня лежала гребенка, щетка и платокъ, и пуля прусака все переломала. Я совсѣмъ обмеръ.

— Ну, спасся же ты чудомъ,—крикнулъ мнѣ сержантъ, пустившись бѣжать. Я пустился за нимъ, не желая оставаться въ такомъ мѣстѣ.

Поручикъ нашъ кричалъ:

— Впередъ, впередъ!

Далѣе направо шла пальба.

Вдругъ мы вышли на лужайку, посреди которой стояло пять-шесть пней и ни одного дерева, за которымъ можно было бы укрыться. Несмотря на это, многіе храбро шли впередъ, но сержантъ сказалъ намъ:

— Стойте!.. Пруссаки, вѣрно, вокругъ гдѣ-нибудь въ засадѣ, смотрите хорошенько!

Только что онъ сказалъ это, какъ между вѣтвями просвистало пуль двѣнадцать, и въ то же время стала удаляться вглубь кучка пруссаковъ.

— Ну, вотъ они и ушли,—сказалъ Пинто.

Но выстрѣлъ въ шапку такъ проучилъ меня, что я видѣлъ все точно сквозь деревья, и когда сержантъ хотѣлъ итти черезъ лужайку, я удержалъ его за руку, показывая ему дуло ружья, торчавшее изъ кустарника, шаговъ за сто отъ насъ.

Подошедшіе товарищи тоже увидѣли его, а сержантъ шопотомъ сказалъ:

— Ты, Берта, оставайся здѣсь, не теряй его изъ виду, а мы обойдемъ его.

Они ушли, а я, приложивъ ружье къ щекѣ, ждалъ за деревомъ. Минуты черезъ двѣ, пруссакъ, не слыша ничего, тихо всталъ. Это былъ молодой, стройный, высокій солдатъ съ маленькими бѣлокурыми усиками; я могъ стрѣлять въ него навѣрняка, но пришелъ въ ужасъ убить человѣка такъ прямо. Вдругъ онъ увидѣлъ меня и бросился въ сторону. Тутъ я выстрѣлилъ и вздохнулъ свободно, увидѣвъ, что онъ бѣжитъ по лѣсу, какъ олень.

Но въ то же время раздалось пять выстрѣловъ, и за сто шаговъ мы прошли мимо этого пруссака, лежавшаго въ крови; онъ со страхомъ смотрѣлъ на насъ, поднявъ руку, какъ будто желая, отстранить удары штыковъ. Сержантъ весело сказалъ ему:

— Не бойся! Съ тебя и такъ довольно!

Никто не хотѣлъ добивать его, только Клипфель взялъ прехорошенькую трубку, торчавшую у него изъ кармана, говоря:

— Давно хотѣлось мнѣ имѣть такую трубку... вотъ и добылъ.

— Рядовой Клипфель!—съ неподдѣльнымъ негодованіемъ вскричалъ Пинто.—Извольте оставить эту трубку! Пусть нѣмцы обираютъ раненыхъ! Французскій солдатъ долженъ руководиться честью.

Клипфель бросилъ трубку, и, наконецъ, мы вышли оттуда, не оборачиваясь. Мы получили приказъ выгнать изъ кустовъ

застрѣльщиковъ и бросились; но прибѣжавъ на пригорокъ, Пинто вдругъ крикнулъ: «гусары!»

Я поднялъ голову и увидѣлъ изъ-за пригорка поднимавшихся гусаръ: они летѣли на насъ. Увидѣвъ ихъ, я, не разсуждая, повернулъ назадъ и бросился бѣжать подъ гору, прыгая, какъ серна, несмотря на усталость и на все остальное. Передъ собою я увидѣлъ и сержанта Пинто, и Зебеде, и другихъ бѣжавшихъ со всей мочи. Сзади мчались гусары съ такимъ гамомъ, что морозъ пробѣгалъ по кожѣ.

Я побѣжалъ прямикомъ къ лѣсу, и уже почти добѣжалъ до него, но у самой опушки увидѣлъ передъ собою яму, въ которой мужики мнутъ глину, шириною футовъ въ двадцать и длиною въ пятьдесятъ. Дождь размылъ края, и они были совершенно скользки; но я уже слышалъ надъ собою дыханіе лошадей, и потому, не разсуждая ни о чемъ, бросился въ эту яму, гдѣ уже лежалъ кто-то изъ нашей роты и собирался встать. Въ ту же минуту туда скатились два прусскихъ гусара. Первый гусаръ съ страшною бранью ударилъ моего товарища саблей по головѣ, и въ ту минуту, какъ онъ замахивался на него во второй разъ, я проткнулъ его штыкомъ. Въ это время другой хватилъ меня по плечу, но попалъ по эполету; онъ замахнулся опять, но сверху пуля попала ему въ голову. Я взглянулъ и увидѣлъ наверху одного изъ солдатъ увязнувшаго по колѣна въ глинѣ. Онъ слышалъ ржанье лошадей и крики, и подошелъ къ ямѣ посмотрѣть, что тамъ дѣлается.

— Ну, пріятель,—смѣясь, сказалъ онъ мнѣ,—едва подоспѣлъ.

Я не могъ отвѣтить ему и дрожалъ, какъ листъ. Онъ снялъ штыкъ и протянулъ мнѣ ружье, чтобы помочь вылѣзти, тогда я взялъ его за руку и сказалъ:

— Вы спасли меня!.. Какъ васъ зовутъ?

Онъ сказалъ мнѣ свое имя. Съ тѣхъ поръ мнѣ часто приходило въ голову, что приведись мнѣ встрѣтить этого человѣка, я счастливъ былъ бы оказать ему какую-нибудь услугу; но на слѣдующій день была вторая Лейпцигская битва, потомъ Ганауское отступленіе, и я никогда его не видѣлъ болѣе.

Сержантъ Пинто и Зебеде пришли вскорѣ, и Зебеде сказалъ мнѣ:

— Намъ посчастливилось и въ этотъ разъ, Жозефъ; теперь въ батальонѣ мы съ тобой послѣдніе пфальцбургцы... Клипфеля гусары искрошили.

— Ты видѣлъ его?—сказалъ я, поблѣднѣвъ.

— Да, онъ получилъ больше двадцати ударовъ саблями и кричалъ: «Зебеде! Зебеде!»

Минуту спустя, онъ прибавилъ:

— Ужасно слышать, какъ зоветъ тебя на помощь товарищъ дѣтства, и не быть въ состояніи помочь ему... Но ихъ было такъ много... они окружили его.

Это опечалило насъ, и мы стали думать о родинѣ. Я вообразилъ себѣ, какъ будетъ горевать бабушка Клипфеля и невольно вспомнилъ о Катеринѣ.

Къ шести часамъ забили отступленіе. Въ батальонѣ недоставало шестидесяти человѣкъ; мы шли весь вечеръ и къ ночи остановились у кладбища и сложили ружья въ козлы.

Тутъ только я поднялъ голову и увидѣлъ, что мы у Шенфельда. Сколько разъ приходили мы съ Циммеромъ изъ Лейпцига,—выпить вина въ бесѣдкѣ дяди Винтера, когда солнце ярко блестѣло и согрѣвало насъ!.. Тѣ времена миновались!

Пикеты были разставлены; нѣсколько человѣкъ пошло въ деревню за дровами и припасами. Я сѣлъ къ стѣнѣ кладбища и заснулъ. Часамъ къ тремъ утра меня разбудилъ Зебеде и сказалъ:

— Жозефъ, иди погрѣться; если останешься тутъ, такъ схватишь лихорадку.

Я всталъ точно опьянѣвъ отъ утомленія и страданія. Шелъ мелкій дождикъ. Зебеде привелъ меня къ огню, тлѣвшему подъ дождемъ. Этотъ огонь былъ, казалось, только для виду и нисколько не грѣлъ. Зебеде далъ мнѣ выпить водки, что немного согрѣло меня, и я сталъ смотрѣть на огни, пылавшіе по ту сторону деревни.

— Пруссаки грѣются,—сказалъ мнѣ Зебеде,—теперь они въ нашемъ лѣсу.

— Да,—отвѣчалъ я,—и бѣдный Клипфель тамъ же, ему ужъ теперь не холодно.

У меня стучали зубы. Эти слова опечалили насъ; спустя нѣсколько минутъ, Зебеде сказалъ:

— Помнишь, Жозефъ, черную ленту, которую онъ надѣлъ

на свою шляпу въ день пріема? Онъ кричалъ: «мы всѣ приговорены къ смерти, какъ тѣ, что въ Россіи. Я хочу черную ленту... Надо носить по себѣ трауръ!» Онъ плакалъ, но Клипфель все-таки надѣлъ ленту: онъ предчувствовалъ гусаровъ!

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Зебеде, я припоминалъ все это, а вмѣстѣ съ тѣмъ, припоминалъ и этого негодяя Пинакля, на площади передъ ратушей, какъ онъ, помахивая черной лентой, кричалъ мнѣ: «Эй ты, хромой! Тебѣ нужно хорошую ленту, вотъ эту черную ленту.

Эта мысль и холодъ, пробѣгавшій по моему тѣлу, заставляли меня дрожать: я думалъ: «Ты не поправишься. Пинакль былъ правъ... Всему конецъ! Я думалъ о Катеринѣ, о тетушкѣ Гредель и о господинѣ Гульденѣ, и проклиналъ тѣхъ, кто заставилъ меня попасть въ настоящее положеніе. .

Три четверти батальона было въ такомъ же положеніи, какъ я. Изъ Шепфельда батальонъ отправился въ Кольгартенъ. Всю дорогу только и встрѣчались или телѣги, набитыя ранеными, или полумертвые солдаты съ подвязанными руками. Вдругъ навстрѣчу намъ пронеслись человѣкъ двадцать гусаръ, съ поднятыми вверхъ пистолетами; они разгоняли толпу съ дороги, крича во все горло: «Императоръ! Императоръ!»

Нашъ батальонъ, немедля, выстроился. сдѣлавъ на караулъ, стоя неподалеку отъ дороги; черезъ нѣсколько минутъ проскакали гвардейскіе конные гренадеры—настоящіе гиганты, въ высокихъ сапогахъ, въ громадныхъ мѣховыхъ шапкахъ, изъ подъ которыхъ видѣлись только носъ. глаза и усы. Всѣ были довольны, глядя на нихъ и говоря себѣ: «Эти съ нами... это крѣпкіе молодцы!»

Послѣ нихъ показался штабъ. Представьте себѣ полтораста или двѣсти генераловъ, маршаловъ, офицеровъ, все верхами и въ мундирахъ, залитыхъ золотомъ и орденами.

Болѣе всѣхъ поразилъ меня самъ Наполеонъ. Среди всѣхъ этихъ воиновъ, двадцать лѣтъ заставлявшихъ трепетать Европу, онъ былъ въ старой шляпѣ и сѣромъ сюртукѣ. Онъ ѣхалъ, прижавъ къ шеѣ свой широкій подбородокъ и поднявъ плечи. Всѣ кричали: «Да, здравствуетъ императоръ!» Но онъ не обращалъ вниманія ни на насъ, ни на накрапывавшій дождь. Онъ смотрѣлъ, нахмуривъ брови, на прусскую армію, тянувшуюся вдоль деревни, чтобы соединиться съ австрійцами.

Батальонъ снова пустился въ путь. Черезъ четверть часа Зебеде сказалъ мнѣ:

— Ты видѣлъ его, Жозефъ?

— Да,—отвѣчалъ я,—хорошо видѣлъ, теперь буду помнить всю жизнь.

— Странно,—продолжалъ Зебеде,—кажется, будто онъ недоволенъ чѣмъ-то... Въ Вуртшенѣ, на другой день послѣ битвы, онъ былъ такъ доволенъ, когда мы кричали ему, и у всѣхъ генераловъ были такія веселыя лица. А сегодня они точно черти... А капитанъ еще говорилъ сегодня утромъ, что мы одержали побѣду по ту сторону Лейпцига.

Другіе думали то же самое, но не высказывали этого. Безпокойство овладѣло всѣми.

Мы нашли нашъ полкъ около Кольгартена и соединились съ нимъ. Вскорѣ послѣ этого произошло извѣстное сраженіе подъ Лейпцигомъ, гдѣ намъ пришлось биться одному противъ троихъ. Мы должны были отступать. Пройдя нѣсколько времени вдоль Плейсы, мы подошли къ мосту. Господи, съ какой радостью мы подходили къ нему! Но это было нелегко. И конные, и пѣшіе точно сплотились въ одну массу и двигались съ глухими воплями, слышными, несмотря на стрѣльбу. Кто попадалъ на края моста, тотъ падалъ въ воду, и на него никто ни обращалъ вниманія... Но какъ добраться до моста? Непріятель наступалъ все ближе и ближе. Хотя у насъ и было по нѣскольку орудій съ обѣихъ сторонъ, чтобы прочищать дорогу, но за то у пруссаковъ, австрійцевъ и русскихъ тоже были пушки, чтобы прочищать мостъ, и тѣ, которые оставались послѣдними, понимали, что на нихъ полетятъ ядра, бомбы и картечь; вотъ поэтому-то всѣмъ и хотѣлось идти впередъ.

Шаговъ за двѣсти или за триста отъ моста, мнѣ пришло на мысль бѣжать и вмѣшаться въ толпу, и такимъ образомъ перебѣжать на ту сторону; но нашъ капитанъ и нашъ поручикъ говорили:

— Кто первый выйдетъ изъ строя,—будетъ застрѣленъ!

Что за наказаніе быть такъ близко и думать, что надо остаться!

Это происходило часовъ въ одиннадцать или въ двѣнадцать; пальба приближалась къ намъ съ обѣихъ сторонъ, и изъ города, вмѣстѣ съ нашими солдатами, валили и пруссаки.—Около моста

происходило что-то ужасное: кавалеристы, желая прочистить себѣ дорогу, рубили саблями пѣхотинцевъ, а тѣ отвѣчали имъ ударами штыковъ! При каждомъ шагѣ толпы кто-нибудь сваливался съ моста и, желая удержаться, стаскивалъ съ собой человѣкъ пять, шесть.

Эта сумятица, ревъ, пальба, крики падавшихъ, увеличивались все болѣе и болѣе, и все это было такъ ужасно, что казалось ничего ужаснѣе и быть не могло; но вдругъ раздался точно ударъ грома, и первая арка моста обрушилась со всѣми бывшими на ней: сотни несчастныхъ скрылись въ водѣ; другіе лежали или изуродованные, или разорванные въ куски. Какой-то саперъ взорвалъ мостъ.

При видѣ этого, крикъ объ измѣнѣ разлетѣлся, какъ молнія: «Мы пропали... намъ измѣнили!.. Иные отъ ярости и отчаянья бросались назадъ на непріятеля, какъ дикіе звѣри, ничего не видя и преслѣдуемые мыслью о мщеніи; другіе разбивали свое оружіе, обвиняя судьбу въ своемъ несчастьи. Офицеры и генералы прыгали на лошадяхъ въ рѣку, чтобы переплыть ее; солдаты бросались за ними, забывая снять мѣшки. Мысль, что была возможность уйти, и что теперь приходится гибнуть въ послѣднюю минуту, сводила съ ума... Всѣ несчастные, бросившіеся въ рѣку, бились, страшно крича и цѣпляясь другъ за друга; вся рѣка была набита ими:—руки и головы точно кишѣли на поверхности.

Въ эту минуту капитанъ Видаль, человѣкъ спокойный характеромъ и видомъ своимъ удерживавшій насъ въ порядкѣ,—въ эту минуту и самъ капитанъ казался смущеннымъ; онъ вложилъ свою саблю въ ножны и, какъ-то странно засмѣясь, сказалъ:

— Ну... все кончено!

И когда я взялъ его за руку, онъ взглянулъ на меня чрезвычайно кротко и спросилъ:

— Что тебѣ, дитя мое?

— Капитанъ,—отвѣчалъ я ему,—я провелъ четыре мѣсяца въ лейпцигскомъ госпиталѣ и купался часто въ рѣкѣ, и знаю мѣсто гдѣ можно пройти въ бродъ.

— Гдѣ это?

— Минутъ десять ходьбы отъ моста.

Онъ тотчасъ же выдернулъ саблю и громовымъ голосомъ крикнулъ:

— Ребята, за мной, а ты,—иди впередъ!

Весь батальонъ, состоящій всего изъ двухъ сотъ человѣкъ, двинулся; сотня другихъ солдатъ, видя, что мы пошли твердымъ шагомъ, пошла за нами, не зная, куда мы идемъ. Я пошелъ по дорогѣ, по которой мы такъ часто ходили съ Циммеромъ, когда все было въ цвѣту. Австрійцы были уже близко, и до насъ долетали пули. Я первый вошелъ въ рѣку, за мной вошелъ капитанъ Видаль и весь батальонъ попарно. Вода, поднявшаяся отъ осеннихъ дождей, доходила намъ до плечъ; несмотря на это, мы перебрались счастливо, и никто не утонулъ. Всѣ мы почти сохранили свои ружья, перейдя на другой берегъ, и прямо пошли черезъ поле. Шли мы молча, оглядываясь иногда на ужасы, совершавшіеся по улицамъ Лейпцига. Въ Лютценѣ полки кое-какъ опять сформировались, къ намъ въ батальонъ прибыли рекруты, и мы двинулись къ дому.

Многіе изъ товарищей нашихъ приняли дурную привычку мародерствовать по вечерамъ, пока мы стояли на бивуакахъ; они часто добывали кое-что, но за то не являлись на перекличку и караулу былъ отданъ приказъ стрѣлять въ тѣхъ, которые уходили.

Меня била лихорадка со дня нашего отступленія въ Лейпцигѣ, и все постоянно усиливалась, такъ что я дрожалъ и день, и ночь. Я такъ ослабъ, что едва могъ вставать по утрамъ и идти дальше. Зебеде съ грустью смотрѣлъ на меня и говорилъ иногда:

— Потерпи, Жозефъ, потерпи! Мы навѣрно вернемся къ себѣ.

Эти слова поддерживали меня; я чувствовалъ, что краска выступала у меня на лицѣ.

— Да, да, мы вернемся домой,—говорилъ я;—надо еще разъ увидать родину!..

Я плакалъ. Зебеде несъ мой мѣшокъ: когда же я черезчуръ уставалъ, онъ говорилъ мнѣ:

— Обопрись на меня... Мы съ каждымъ днемъ подходимъ ближе, Жозефъ... Что значитъ пятнадцать ночлеговъ?

Онъ подкрѣплялъ меня нравственно; но я уже не могъ нести своего ружья — оно казалось мнѣ слишкомъ тяжелымъ. Я не могъ болѣе ѣсть и колѣна мои дрожали; но, несмотря на это, я

не терялъ еще надежды и говорилъ самъ себѣ: «Это все ничего... Когда увидишь пфальцбургскія колокольни, лихорадка пройдетъ, тамъ хорошій воздухъ, а Катерина будетъ за тобой ухаживать... Все пойдетъ отлично... вы обвѣнчаетесь».

Я видѣлъ, какъ другіе остаются на дорогѣ, но не чувствовалъ еще себя такъ плохо, какъ они.

Я все еще надѣялся, когда вдругъ, за три мили отъ Фульда, на дорогѣ въ Сальмюнстеръ, во время привала мы узнали, что пятьдесятъ тысячъ баварцевъ перерѣзали намъ путь къ отступленію, и что они стоятъ въ большихъ лѣсахъ, черезъ которые намъ надо перейти. Это извѣстіе окончательно поразило меня, такъ какъ я не могъ ни двигаться, ни цѣлить, ни защищаться штыкомъ и, значитъ, прошелъ такую даль напрасно. Когда намъ приказали продолжать путь далѣе, я еще попытался встать.

— Ободрись, Жозефъ,—говорилъ мнѣ Зебеде,—попытайся подняться.

Но у меня недоставало силы, и я началъ рыдать, говоря:

— Я не могу!

— Встань!—продолжалъ онъ.

— Я не могу, Господи, я не могу!

Я уцѣпился ему за руку... слезы текли по его впалымъ щекамъ... Онъ попробовалъ нести меня, но самъ былъ слишкомъ слабъ. Тогда я схватилъ его и сталъ кричать:

— Зебеде, не оставляй меня!

Капитанъ Видаль подошелъ и, съ грустью взглянувъ на меня, сказалъ:

— Все равно, дитя мое, черезъ полчаса проѣдутъ наши фуры... онѣ возьмутъ тебя.

Но я понималъ, что это значитъ, и притянулъ къ себѣ Зебеде, чтобы обнять его. Я сказалъ ему на ухо:

— Поцѣлуй за меня Катерину... Обѣщай это мнѣ!.. Скажи ей, что я умеръ, цѣлуя ее, и что ты несешь ей этотъ прощальный поцѣлуй!

— Да!..—шепотомъ и рыдая, сказалъ онъ,—да... я скажу ей!.. Бѣдный Жозефъ!

Я не могъ оторваться отъ него; онъ положилъ меня на землю и быстро, не оглядываясь, ушелъ. Колонна удалялась... я долго смотрѣлъ вслѣдъ за нею, какъ смотрятъ за удаляющейся надеждой. Отсталые въ батальонѣ тоже скрылись за холмами...

Послѣ этого, я закрылъ глаза и проснулся только черезъ часъ и болѣе, отъ шума пушки, и увидѣлъ, что по дорогѣ ѣдетъ усиленнымъ маршемъ гвардейская дивизія, съ фургонами и артиллеріей. На фургонахъ было нѣсколько больныхъ, вслѣдствіе чего я и сталъ кричать:

— Возьмите меня!.. Возьмите меня!..

Но никто не обращалъ вниманія на мои крики... всѣ ѣхали мимо... а пальба усиливалась. Такимъ образомъ, проѣхало болѣе десяти тысячъ человѣкъ,—кавалеріи и артиллеріи, и у меня не было болѣе силъ кричать.

Наконецъ показались и задніе ряды; я смотрѣлъ на удалявшіяся спины и легъ, чтобы заснуть на вѣки, но опять услышалъ шумъ по дорогѣ. Ѣхало пять или шесть орудій, запряженныхъ хорошими лошадьми—канониры ѣхали справа и слѣва съ саблями въ рукахъ—сзади были зарядные ящики. Я не надѣялся уже болѣе, но все-таки смотрѣлъ. Подлѣ одного орудія скакалъ высокій, худой, рыжій квартирмейстеръ, съ крестомъ на груди, и я узналъ Циммера, моего стараго лейпцигскаго товарища. Онъ ѣхалъ, не замѣчая меня: но тутъ я крикнулъ изъ всѣхъ силъ

— Христіанъ!.. Христіанъ!..

Онъ остановился, несмотря на грохотъ пушекъ, обернулся и, увидавъ меня у дерева, выпучилъ глаза.

— Христіанъ!—закричалъ я.—Сжалься надо мной!

Онъ подъѣхалъ, взглянулъ на меня и поблѣднѣлъ:

— Какъ это ты, мой милый Жозефъ!—вскричалъ онъ, соскочивъ съ лошади.

Онъ взялъ меня на руки, какъ ребенка, крича солдатамъ, ѣхавшимъ съ послѣднимъ фургономъ:

— Стойте!.. Держите!..

И поцѣловавъ меня, онъ положилъ въ фургонъ, головою на мѣшокъ. Я видѣлъ еще, что онъ положилъ мнѣ на ноги большой кавалерійскій плащъ, говоря:

— Теперь въ дорогу... Тамъ дерутся!

Вотъ все, что я помню, и потомъ я лишился чувствъ. Я видѣлъ, точно во снѣ,—крики, пальбу, команду, высокія сосны, мерцавшія по небу. За Сальмюнстеромъ въ Ганаусскомъ лѣсу, была въ тотъ день битва съ баварцами, которыхъ разбили.

15 января 1814 г. черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ

битвы при Ганау, я проснулся въ хорошей постели, въ теплой комнатѣ и, взглянувъ на балки потолка и потомъ на маленькія окошечки, покрытыя инеемъ, я сказалъ себѣ: «зима!» — Въ то же время я услышалъ пушечный выстрѣлъ и трескъ огонька въ очагѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, обернувшись, я увидѣлъ сидѣвшую у очага молодую, блѣдную женщину, и узналъ Катерину. Я узналъ и комнату, куда приходилъ проводить счастливыя воскресенья, передъ уходомъ на войну. Только звукъ пушки наводилъ на меня сомнѣніе—не сонъ ли все это.

Долго я смотрѣлъ а Катерину, казавшуюся мнѣ такой хорошенькой, и думалъ: гдѣ же тетушка Гредель? Какъ же я воротился домой? Развѣ мы съ Катериной ужъ обвѣнчались? Господи! Чтобы только это не былъ сонъ!

Наконецъ, собравшись съ духомъ, я тихонько сказалъ: «Катерина!» Послѣ чего она обернулась, вскричавъ:

— Жозефъ... ты узнаешь меня?

— Да,—сказалъ я ей, протянувъ руку.

Она подошла, дрожа, какъ листъ, и я долго цѣловалъ ее. Мы оба рыдали.

Въ это время опять раздались выстрѣлы, и у меня вдругъ сжалось сердце.

— Что это за пальба, Катерина?—спросилъ я.

— Это пфальцбургская пушка,—сказала она, цѣлуя меня еще крѣпче.

— Пушка?

— Да, городъ осажденъ.

— Пфальцбургъ?.. Такъ непріятель во Франціи?

Я не могъ болѣе говорить... Какъ! Столько страданій, столько слезъ, два милліона человѣкъ, погибшихъ на полѣ битвы, привели только къ тому, что теперь наша бѣдная родина захвачена непріятелемъ?.. Болѣе часу мысль эта не покидала меня, несмотря на счастье свиданья съ той, которую я любилъ болѣе всего на свѣтѣ; и даже теперь, уже состарившись и посѣдѣвъ, я не могу безъ горечи вспомнить объ этомъ. Мы, старики, видѣли, какъ нѣмцы, русскіе, испанцы, англичане распоряжались во Франціи, стояли гарнизонами въ нашихъ городахъ, брали все, что хотѣли, въ нашихъ крѣпостяхъ, оскорбляли нашихъ солдатъ, мѣняли наши знамена и дѣлили между собою не только все, за-

воеванное нами съ 1804, но и завоеванія республики:—это была дорогая плата за десять лѣтъ славы!

Все это будетъ судиться будущими поколѣніями, которыя скажутъ, что послѣ Лютцена и Бауцена непріятели предлагали намъ Бельгію, часть Голландіи, весь лѣвый берегъ Рейна до самаго Базеля, Савойю и Италію, и что императоръ отказался отъ этихъ условій—очень хорошихъ однако же,—потому что удовлетвореніе своей гордости ставилъ выше счастія Франціи!

Черезъ двѣ недѣли послѣ Ганаусскаго сраженія, по дорогѣ изъ Страсбурга въ Нанси тянулись тысячи телѣгъ, заваленныхъ ранеными и больными. Онѣ, не прерываясь, тянулись изъ Альзаса въ Лотарингію.

Тетушка Гредель и Катерина, стоя въ дверяхъ, смотрѣли на эти печальные поѣзда. Проѣхали уже болѣе тысячи телѣгъ, а меня не было ни въ одной изъ нихъ.

На третій день Катерина узнала меня среди множества такихъ же несчастныхъ, какъ я, съ впалыми щеками и умиравшихъ съ голоду.

— Это онъ... Это Жозефъ!—кричала она издали.

Но никто не хотѣлъ ей вѣрить; тетушкѣ Гредель надо было долго смотрѣть, чтобы сказать наконецъ.. — «Да, это онъ!. Выньте его оттуда... Это нашъ Жозефъ!»

Она велѣла перенести меня къ себѣ въ домъ и ходила за мною день и ночь. Я только все кричалъ: «воды! воды!» никто въ деревнѣ вѣрить не хотѣлъ, что я очнусь, но счастье быть дома и видѣть тѣхъ, кого любишь,—спасло меня.

Черезъ полгода послѣ этого, мы съ Катериной обвѣнчались. Г. Гульденъ, любившій насъ, какъ своихъ дѣтей, удѣлилъ мнѣ часть въ своей торговлѣ, и мы всѣ жили вмѣстѣ.

Тогда всѣ войны кончились, союзныя войска возвращались, императоръ уѣхалъ на островъ Эльбу, а король Людовикъ XVIII даровалъ намъ умѣренно-свободныя учрежденія. Это было хорошее время юности, время любви, труда и мира. Можно было надѣяться на будущее, можно было думать, что всякій, при хорошемъ поведеніи и бережливости, устроитъ свои дѣла и заслужитъ уваженіе честныхъ людей, не боясь быть взятымъ въ рекруты лѣтъ черезъ семь или восемь послѣ своей очереди.

Господинъ Гульденъ не очень-то былъ доволенъ, что вороти-

лись наши старые короли и старые дворяне, но думалъ, что эти люди сами столько выстрадали въ чужихъ странахъ, и поймутъ, что они не одни въ этомъ мірѣ, и будутъ уважать наши права; онъ также думалъ, что и императоръ Наполеонъ будетъ настолько благоразуменъ, что присмирѣетъ... Но онъ ошибался: Бурбоны возвратились съ своими старыми идеями, а императоръ только и ждалъ возможности приняться за прежнее.

Все это повело за собою не мало несчастій, о которыхъ я разскажу вамъ съ удовольствіемъ, если этотъ разсказъ не надоѣлъ вамъ. Если люди благоразумные найдутъ, что я хорошо сдѣлалъ, описавъ свою кампанію 1813 года, и что это можетъ показать юношамъ всю пустоту военной славы и, кромѣ того, можетъ показать, что счастье возможно только при мирѣ, свободѣ и трудѣ, то я буду продолжать свои воспоминанія и разскажу вамъ о великомъ Ватерлоо.

BINDING LIST JUN 15 1949

PQ 2238 I617

Erckmann, Emile
Nashestvie

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY